КСЕНОФОНТ

КИРОПЕДИЯ

КСЕНОФОНТ КИРОПЕДИЯ

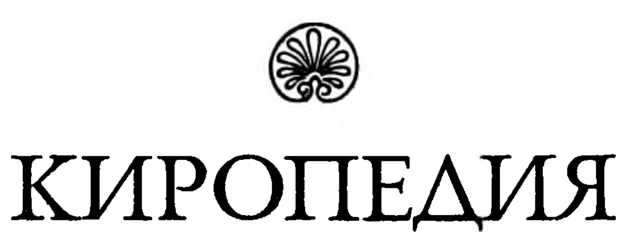
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

ΞΕΝΟΦΩΝΤΟΣ

ΚΥΡΟΥ ΠΑΙΔΕΙΑ

КСЕНОФОНТ



КИРОПЕДИЯ

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛИ

В. Г. БОРУХОВИЧ И Э. Д. ФРОЛОВ

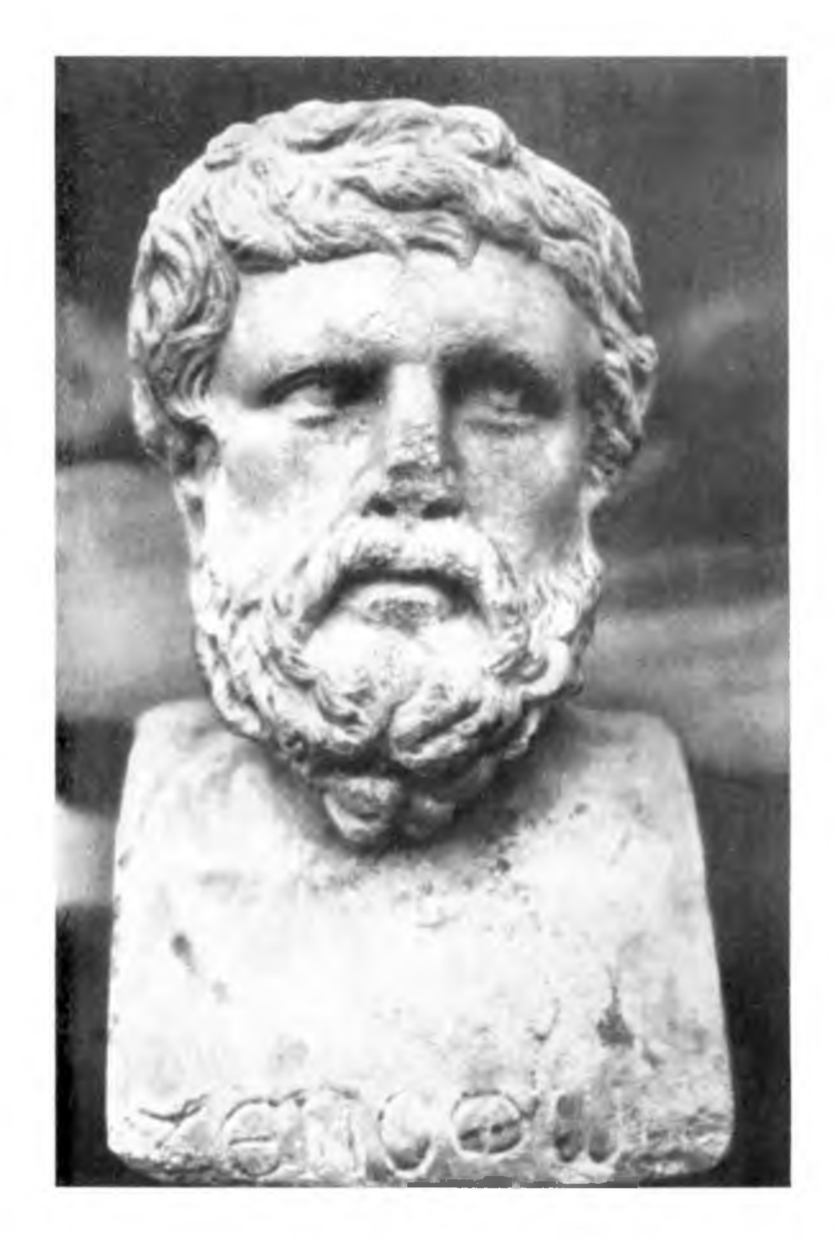
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1976

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

С. Л. УТЧЕНКО

К $\frac{70304\text{-}284}{042\ (02)\text{-}76}$ 309-76



КСЕНОФОНТ

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава 1

Некогда пришлось нам задуматься о том, какое множество демократий было низвергнуто сторонниками иного, не демократического строя, какое множество монархий и олигархий пали, свергнутые восставшим народом, как много лиц, домогавшихся тиранической власти, очень быстро ее утратили [1], а тем, кому удалось хотя бы на короткий срок встать у кормила правления, удивляются и сейчас как мудрецам и счастливцам. Нам часто встречались люди, из которых одни владели многими, другие — немногочисленными рабами, но даже этими немногими в собственном доме они не смогли управлять так, чтобы те с достаточной готовностью повиновались своим господам. Далее, подумали мы, что и пастухи выступают 2 в роли правителей рогатого скота, как табунщики — своих табунов; и вообще все, называющиеся пастырями каких бы то ни было животных, находящихся под их властью, могли бы равным образом считаться их повелителями. Легко можно увидеть, что все эти стада охотнее повинуются своим пастухам, чем люди — своим правителям, ибо стадо отправляется в путь туда, куда его ведут, пасется там, куда его пригонят, не идет туда, куда его не пускают. Стада позволяют своим пастырям распоряжаться получаемым от них доходом, как тем заблагорассудится. Нам никогда не приходилось слышать, чтобы какое-либо стадо восстало против своего пастуха, или же отказалось ему повиноваться, или не позволило пользоваться доходами от него. Напротив, стадо гораздо враждебнее относится к чужакам, чем к своему правителю, хотя последний и использует его для собственной выгоды. Люди же с величайшей охотой восстают против тех, кого заподозрят в желании установить над ними власть.

На основании всего этого мы решили, что человеку намного легче уста- 3 новить свое господство над всеми прочими живыми существами, чем над людьми. Но, познакомившись с жизнью перса Кира, ставшего властителем множества подчинившихся ему людей, государств и народов, мы были вынуждены изменить свое мнение и признать, что установление власти над людьми не должно считаться трудным или невозможным предприятием, если браться за него со знанием дела. Нам известно, что Киру охотно подчинялись народы, жившие от него в отдалении, измеряемом многими днями пути, другие — даже месяцами, третьи вообще его не видели в глаза, а четвертые прекрасно понимали, что никогда не получат

4 возможности его увидеть. И все же они охотно повиновались ему. Между ним и всеми остальными царями — как теми, кто унаследовал власть от своих отцов, так и теми, кто сам добился этой власти, — существовало коренное отличие. Ведь скифский царь, даже повелевающий множеством скифов, не осмелится распространить свою власть на какой-либо другой народ и охотнее удовольствуется тем, чтобы оставаться на продолжительное время господином своего собственного племени. То же можно сказать о царе фракийцев, царе иллирийцев; да и все остальные народы Европы, как нам известно, до сей поры независимы и ничем не связаны друг с другом.

Кир также застал азиатские народы в подобном состоянии, жившими независимо друг от друга. Выступив с небольшим персидским войском и встав во главе добровольно подчинившихся ему мидян[2] и так же добровольно подчинившихся ему гирканцев, он покорил сирийцев, ассирийцев, арабов, каппадокийцев, жителей обеих Фригий, лидян, карийцев, финикийцев, вавилонян. Он стал царем над бактрийцами, индийцами и киликийцами, над саками, пафлагонцами и магадийцами, над многими другими народами, имена которых никто не смог бы даже перечислить. Он стал царем и над эллинами, живущими в Азии, а затем, спустившись к морю,
5 покорил жителей Кипра и египтян[3]. Кир правил всеми этими народами, языки которых были ему совершенно неизвестны, да и сами они не понимали друг друга. Он смог завладеть огромными пространствами земли благодаря страху, который испытывали перед ним, — так, что все трепетали перед ним, и никто не пытался оказать ему сопротивление. Покоренным народам Кир сумел внушить такое сильное желание угождать ему, что они постоянно стремились только к одному — навсегда остаться под его властью. Сами эти народы были столь многочисленны, что одно путешествие через все эти страны могло бы считаться подвигом, будь то на восток от царской резиденции, или на запад, или на север, или на юг.
6 Считая Кира человеком, заслуживающим восхищения более, чем кто-либо другой, мы тщательно исследовали, какого он был происхождения, каковы были его природные дарования, что за воспитание получил этот муж, достигший таких вершин власти над людьми. Все, что нам удалось выяснить и что представляется нам установленной истиной, мы попытаемся изложить здесь.

Глава II

1 Как говорят, отцом Кира был Камбис, царь персов[4]. Камбис этот был из рода Персеидов, а Персеиды получили свое имя от Персея[5]. Матерью же его, как всем известно, была Мандана. Мандана эта была дочерью Астиага, воцарившегося над мидянами. Как говорится в сказаниях и поется в песнях варваров, Кир был юношей редкой красоты; отличался он и не-

обыкновенным честолюбием и любознательностью, мог на любой подвиг отважиться и любой опасности подвергнуться ради славы.

Такими были, как рассказывают, его тело и душа. Воспитан он был согласно законам персов, которые весьма не похожи на законы всех прочих государств. Ведь большинство государств, предоставляя полную свободу родителям в воспитании своих детей, да и взрослым гражданам давая возможность вести совершенно независимый образ жизни, в то же время запрещают им воровать и грабить, силой врываться в чужие дома, избивать невинных, прелюбодействовать, противиться исполнению приказов властей и совершать другие подобные преступления. Если же граждане нарушают эти законы, за это их наказывают. Напротив, персидские законы содержат предупредительные меры и с самого начала воспитывают граждан так, что они никогда не позволят себе дурного или позорного поступка. Происходит это следующим образом. Есть у персов так называемая Свободная площадь, на которой высятся царский дворец и другие официальные здания. Купцам с их товарами туда нет доступа: для них отведено другое место[6]. Это сделано с той целью, чтобы их грубые голоса сюда не доносились, а сборище этих людей не смешивалось с благородными и воспитанными людьми. Площадь эта, на которой расположены официальные здания, разделена на четыре части. Первая из них предназначена для детей, вторая — для эфебов[7], третья — для зрелых мужей, четвертая же — для тех, кто по возрасту уже не может быть воином[8]. По закону все они посещают отведенные им места, дети и взрослые — с раннего утра, пожилые люди — тогда, когда это им удобно, за исключением обязательных дней, когда они непременно должны присутствовать. Эфебы несут здесь стражу по ночам возле официальных зданий, имея легкое вооружение, за исключением только женатых; этих не разыскивают, кроме того случая, когда объявляется сбор, но частое отсутствие считается неприличным. Над каждой из этих возрастных групп стоят предводители в количестве двенадцати человек; да и все персы разделены на двенадцать племен[9]. Предводителями детей выбираются пожилые люди, способные, как полагают персы, воспитывать детей наилучшим образом. Предводители эфебов выбираются из числа зрелых мужей, которые опять-таки, по мнению персов, способны воспитывать в них прекрасные качества. Над зрелыми же мужами ставят предводителями таких людей, которые, по мнению персов, научат их быстро исполнять приказы и распоряжения, исходящие от самых высоких должностных лиц. Есть предводители и у пожилых людей, следящие за тем, чтобы они также выполняли свой долг в соответствии с принятыми установлениями[10].

Теперь мы расскажем об обязанностях, возложенных на каждую возрастную группу, чтобы стало яснее, как же персы воспитывают высокие моральные качества у своих сограждан. Дети, посещающие школу, постоянно учатся справедливости. Как они говорят, посещают школу они именно для этой цели, наподобие того, как наши дети ходят в школу, как они говорят, чтобы учиться там грамоте. Предводители их проводят бóльшую часть дня, творя над ними суд. Ведь у детей, как и у взрослых, постоянно

возникают взаимные обвинения и в воровстве, и в грабеже, и в насилии, и в обмане, и в оскорблении словом и тому подобном. В случае, если суд признает кого-либо виновным в подобном проступке, назначается наказа-
7 ние. Наказывают и тех, кто, по их мнению, несправедливо обвинил другого. Они также привлекают к суду провинившегося в том, за что люди более всего ненавидят друг друга, но менее всего наказывают, а именно в неблагодарности. И кто, как они считают, имел возможность отблагодарить другого, но этого не сделал, подвергается суровому наказанию. Ведь они полагают, что неблагодарные являются людьми, совершенно пренебрегающими религией, предками, родиной и друзьями. Пороку неблагодарности ближе всего, как они думают, бесстыдство; оно является величай-
8 шим пороком, причиной всех прочих[11]. Они обучают детей и нравственности. Дети видят, как нравственно и благопристойно ведут себя ежедневно старшие, и это весьма способствует воспитанию у них нравственных устоев. Детей учат еще повиноваться предводителям, и здесь особое значение имеет пример старших, усердно выполняющих распоряжения предводителей; их приучают легко переносить голод и жажду, и этому также весьма способствует наблюдение за поведением старших, которые не уходят обедать, пока их не отпустят предводители. Для правильного воспитания важно еще, что детей кормит не мать, а учителя, когда предводители дают сигнал к обеду. Из дому дети приносят хлеб, лепешки, все то, что едят с хлебом, и кардамон. Они приносят и кувшин для питья, чтобы зачерпывать им воду из реки, когда захотят утолить жажду. Помимо этого, они учатся стрелять из лука и метать дротик. Всем этим занимаются мальчики до шестнадцати или семнадцати лет, после чего они переходят в возрастную группу эфебов.

9 Служба эфебов проходит следующим образом. Выйдя из детского возраста, они в течение десяти лет несут стражу близ правительственных зданий, о чем мы уже говорили выше. Это делается ради безопасности государства и для воспитания нравственности. Персы полагают, что юноши именно этого возраста требуют к себе наибольшего внимания. И в течение всего дня эфебы предоставляют себя в распоряжение предводителей, на случай, если они понадобятся для каких-нибудь государственных дел. При необходимости их всех можно отыскать близ правительственных зданий. Когда царь выезжает на охоту — а делается это несколько раз в месяц — он берет с собой половину стражи. Выезжающие в поле вместе с царем должны иметь при себе лук и около колчана меч в ножнах или секиру, кроме того еще плетеный щит и два копья, из которых одно — метательное,
10 а второе, если надо, употребляется для рукопашного боя. Если персы считают охоту государственным делом, во главе которого, так же как на войне, стоит сам царь, — а царь и сам охотится, и за другими следит, чтобы они принимали участие в охоте, — то это происходит потому, что охота представляется им занятием, более всего похожим на войну. Охота приучает вставать рано, переносить холод и жару, закаляет тело в беге и марше. На охоте приходится и стрелять в зверя из лука, и поражать дротиком, где бы его ни встретили. Охота во многом воспитывает и мужество, так

как в схватке с могучим зверем приходится бить его на близком расстоянии и увертываться, когда он нападает. Поэтому нелегко определить, что есть в военном деле такого, чего бы не было на охоте.

Они отправляются на охоту, беря с собой завтрак, естественно, больший, чем тот, который берут с собой дети в школу, но в остальном такой же. На охоте они не завтракают до тех пор, пока отсутствие зверя или какое-либо иное дело не заставит их задержаться дольше. Тогда они съедают взятый с собой завтрак вместо ужина, а затем продолжают охотиться до ужина следующего дня и оба эти дня считают за один, так как расходуют припасы на один день. Все это они делают для того, чтобы приучить воинов к лишениям, которые могут выпасть на их долю во время войны, при недостатке продовольствия. А к хлебу они получают только то, что добудут на охоте, а если ничего не добудут, едят кардамон. Тот, кто предположит, что им не доставляет удовольствия обед, состоящий из одного хлеба с кардамоном, или питье в виде чистой воды, пусть вспомнит, какой вкусной кажется ячменная лепешка или кусок хлеба голодному и какой сладкой оказывается простая вода для жаждущего. 11

Оставшиеся на месте отряды упражняются в том, чему они научились детьми, а также в стрельбе из лука и метании дротика; во всем этом они состязаются друг с другом[12]. У них существуют и общегосударственные состязания, на которых назначаются награды. Если в каком-либо отряде большинство эфебов окажутся самыми умелыми, мужественными и послушными, граждане чествуют и прославляют не только их предводителя, но и того, кто их воспитывал детьми. Предводители поручают оставшимся эфебам несение охранной службы, поимку преступников, отражение пиратов и другие дела, требующие быстроты и силы. 12

Вот чем занимаются эфебы. После десятилетней службы они переходят
в разряд зрелых мужей. Последние, в свою очередь, в течение двадцати 13
пяти лет, начиная с того возраста, как стали зрелыми мужами, выполняют следующие обязанности. Прежде всего они — так же, как и эфебы, — должны являться по распоряжению предводителей, когда для решения государственных дел требуются мудрость и сила. Когда надо отправиться в поход, они, пройдя подобную школу, вооружаются не луком со стрелами или метательными копьями, но так называемым оружием ближнего боя. На грудь они надевают панцирь, в левой руке держат плетеный щит, как это мы видим на картинах, изображающих персов[13], а в правой руке меч или кинжал. Из их числа назначаются все предводители, кроме учителей. Через двадцать пять лет, когда им исполняется пятьдесят или даже
больше, они переходят в разряд так называемых старейших. Старейшие 14
эти никогда не отправляются на войну за пределы своей страны[14] и, оставаясь дома, принимают решения по общественным и частным делам. Они же выносят смертные приговоры и выбирают всех предводителей. Если эфеб или зрелый муж нарушит какое-либо установление, об этом докладывают старейшим предводители возрастных групп или вообще любой, кто пожелает. Те же, выслушав их, вершат суд. Осужденные лишаются гражданской чести на всю жизнь.

15 Чтобы яснее представить здесь государственное устройство Персии, вернемся назад, к сказанному ранее; теперь этому предмету можно отвести меньше места, так как о нем уже говорилось выше.

Как говорят, персов всего насчитывается около ста двадцати тысяч. Законы никому из них не преграждают доступа к почестям и высоким должностям; напротив, всем персам разрешено посылать своих детей в общественные школы, где учат справедливости. Но посылают своих детей те персы, кто в состоянии их содержать, не заставляя работать; другие же оставляют их дома. Получившие образование у государственных учителей имеют право, достигнув юношеского возраста, стать эфебами. Те, кто такого образования не получил, эфебами стать не могут. В свою очередь, эфебы, выполнившие свои обязанности в соответствии с установленными предписаниями, получают право перейти в разряд взрослых мужей. Тот, кто эфебом не был, в разряд зрелых мужей не зачисляется. Зрелые мужи, безукоризненно исполнявшие свои обязанности, переходят в разряд старейших. Таким образом, в группу старейших попадают те люди, которые на протяжении всей своей жизни зарекомендовали себя с самой лучшей стороны [15].

Таков их государственный строй, при котором, как они полагают, вы-
16 растают самые лучшие граждане. И поныне существуют обычаи, свидетельствующие об умеренности их питания и заботах, затрачиваемых на переваривание и усвоение его. Так, у персов считается неприличным плевать [16] и сморкаться, ходить со вспученным от газов животом. Постыдным считается на виду у всех отойти с целью помочиться или для другой естественной надобности [17]. Персы могут поступать так потому, что ведут умеренный образ жизни и расходуют содержащуюся в теле влагу в напряженных физических усилиях, так что она находит себе выход иным путем.

Вот что мы хотели рассказать о персах вообще. Теперь же мы поведем речь о том, ради чего и приступили к этому повествованию, а именно о деяниях Кира, начав с его детских лет.

Глава III

1 До двенадцати лет или несколько старшего возраста Кир воспитывался подобным образом и выделялся среди остальных своих сверстников как способностью необыкновенно быстро все постигать, так и благородством и мужеством своих поступков. Но когда Киру исполнилось двенадцать лет, Астиаг пригласил к себе дочь и ее сына. Он захотел увидеть Кира, так как до него дошли слухи о красоте и прекрасных душевных качествах мальчика. И вот, отправляется Мандана к своему отцу в сопровождении
2 сына. Когда Кир прибыл к Астиагу и узнал, что тот является отцом его матери, он, будучи по природе ласковым юношей, приветствовал его так, как это сделал бы сверстник или старый друг. Увидев Астиага в роскош-

ном наряде, с подведенными глазами, нарумяненным, с накладными волосами, как это в обычае у мидян, — а все эти украшения и наряды действительно приняты у мидян — и пурпурные хитоны [18], и кандии [19], и гривны на шее, и браслеты на руках, тогда как на родине персов и поныне еще одежда намного скромнее [20] и образ жизни более прост, — итак, увидев роскошную одежду деда, Кир воскликнул:

— О мать, как прекрасен мой дед!

Когда же Мандана спросила Кира, кто кажется ему более красивым, отец или Астиаг, Кир сказал:

— Матушка, самый красивый из персов — это мой отец, а из мидян, сколько я их ни видел по пути сюда и здесь при дворе, красивее всех мой дед.

Ответив на его приветствие, Астиаг приказал надеть на Кира прекрас- 3
ный наряд и воздал ему почести, украсив его гривнами и браслетами. Если ему приходилось отправляться в путь, он брал с собой Кира, сидевшего в таких случаях на коне с золотой уздечкой, как обычно выезжал и сам Астиаг. Кир был честолюбивым мальчиком, любящим все прекрасное, и поэтому необыкновенно радовался такому наряду и особенно тому, что учился верховой езде. Ведь у персов очень редко можно увидеть коня — из-за гористого рельефа страны крайне затруднительно и разводить коней и ездить на них.

Как-то Астиаг обедал вместе с дочерью и Киром. Желая угостить маль- 4
чика самыми вкусными блюдами, чтобы Кир меньше тосковал по дому, Астиаг придвигал к нему всяческие закуски, соусы и кушанья. Как говорят, Кир сказал при этом:

— Дедушка, как много неприятностей доставляет тебе этот обед, если тебе приходится тянуть руки ко всем этим сосудам и отведывать от каждого из этих разнообразных блюд!

— А что, разве этот обед не кажется тебе гораздо более роскошным, чем тот, который бывает у персов? — возразил Астиаг.

— Нет, дедушка, не кажется. Мы достигаем насыщения гораздо более простым и кратким путем, чем вы. У нас принято утолять голод хлебом и мясом, вы же стремитесь к той же цели, что и мы, но совершаете много отклонений в пути и, блуждая в разных направлениях, с трудом приходите туда, куда мы уже давно пришли.

— Мой мальчик, — сказал Астиаг, — блуждая таким образом, мы от- 5
нюдь не испытываем огорчения. Если ты отведаешь эти блюда, — добавил он, — ты убедишься, что все это очень вкусно.

— Но, дедушка, я вижу, что и ты испытываешь отвращение ко всем этим яствам!

— Почему ты утверждаешь это?

— А потому, — отвечал Кир, — что замечаю, как ты, когда берешь рукою хлеб, ничем ее не вытираешь, когда же касаешься какого-либо из этих блюд, сейчас же вытираешь руки полотенцем, как будто тебе очень неприятно брать их полной горстью.

На это Астиаг сказал: 6

— Если ты так полагаешь, мой мальчик, то угощайся тогда мясом, чтобы возвратиться домой сильным юношей.

Говоря так, он приказал подать Киру побольше мяса, дичи и домашних животных. Когда Кир увидел, как много мяса ему принесли, он попросил:

— Могу ли я, дедушка, распорядиться этим мясом, которое ты мне даешь, так, как захочу?

— Конечно, клянусь Зевсом!

7 Кир стал раздавать куски мяса придворным, прислуживавшим его деду, говоря при этом каждому:

— Тебе я даю за то, что ты так усердно обучаешь меня верховой езде, а тебе за то, что подарил мне копье и теперь у меня есть такое оружие[21]. Тебе же за то, что ты так хорошо ухаживаешь за моим дедом, а тебе за то, что ты так почтителен к моей матери.

Подобным образом поступал Кир, пока не раздал все мясо, которое у него было.

8 — А почему Саку, моему виночерпию, которого я более всех отличаю, ты ничего не даешь? — сказал Астиаг.

Сак был красавцем и имел почетное право допускать просителей к Астиагу, а также отказывать в приеме тем, кого он считал пришедшими не ко времени.

Тогда Кир быстро, не раздумывая, спросил Астиага, поступив смело и непосредственно, как все дети:

— А за что же ты, дедушка, так его отличаешь?

Астиаг, усмехнувшись, шутливо ответил:

— Разве ты не видишь, каким прекрасным и достойным образом он исполняет свою должность виночерпия?

Виночерпии мидийских царей умело, не проливая ни капли, разливают вино, держат фиалу[22] тремя пальцами и подают ее самым изящным образом пирующему.

Отвечая Астиагу, Кир попросил его:

— Прикажи Саку, дедушка, передать чашу мне, чтобы и я, ловко наливая тебе вино, если это мне удастся, мог завоевать твое расположение.

Астиаг приказал передать ему чашу. Тогда Кир, взяв ее, так же искусно выполоскал ее, как это делал Сак, и с таким серьезным и полным достоинства видом поднес и передал фиалу деду, что мать и Астиаг расхохотались. И сам Кир, рассмеявшись, прыгнул на колени деду и, поцеловав
9 его, сказал:

— О, Сак, ты погиб. Я займу твою должность. Ведь, не говоря уже о том, что я исполняю должность виночерпия искуснее, чем ты, я сам не отпиваю вина из чаши.

Как известно, виночерпии царей, когда подают фиалу, зачерпнув из нее киафом[23], наливают себе в левую руку вина и выпивают. Делается это для того, чтобы они сами испытали на себе действие яда, если подмешают его в вино.

10 Улыбнувшись, Астиаг спросил:

— Почему же, Кир, ты, во всем прочем подражая Саку, не отпил вина из чаши?

— А потому, — отвечал Кир, — что я, клянусь Зевсом, побоялся, как бы в кратере[24] с вином не оказался яд. Ведь когда ты угощал своих друзей, празднуя день рождения, я точно заметил, что он подлил яду всем вам.

— Как же ты, мой мальчик, заметил это?

— Я заметил это, клянусь Зевсом, по тому весьма расстроенному состоянию, в каком оказались и тела ваши и души. Прежде всего, вы делали все то, что запрещаете делать нам, детям. Вы хором кричали, не понимая друг друга, очень смешно пели; не слыша поющего, уверяли, что он поет необыкновенно хорошо. Каждый из вас хвастал своей силой, но когда вы хотели подняться, чтобы пуститься в пляс, вы не только танцевать под музыку, но даже встать не могли. И ты совершенно забыл о том, что ты царь, а другие — что ты над ними господин. Тут-то я впервые понял, что это и есть свобода слова — то, чем вы тогда занимались. Ведь вы говорили, не умолкая.

Тогда Астиаг спросил: 11

— А твой отец разве не бывает пьян?

— Нет, клянусь Зевсом!

— Но что же с ним в подобном случае происходит?

— Он лишь утоляет жажду и ничего дурного с ним не случается. Как я полагаю, дедушка, это происходит оттого, что не Сак служит у него виночерпием.

Услышав это, Мандана сказала Киру:

— Почему ты, мой мальчик, так нападаешь на Сака?

Кир ответил:

— Потому, что я его ненавижу. Много раз этот гнусный человек не пропускал меня к деду, когда я пытался проскользнуть к нему. Умоляю тебя, дедушка, дай мне побыть над ним начальником хотя бы три дня!

— Как же ты будешь начальствовать над ним? — спросил Астиаг.

— Я стану, как он, у входа, и когда он захочет прийти к завтраку, скажу ему, что присутствовать при завтраке нельзя, так как царь занят важными делами и переговорами. А когда он придет к обеду, скажу, что царь моется. Если же он очень будет настаивать, чтобы попасть на обед, я отвечу, что царь находится на женской половине дворца. И я буду мучить его, как он мучил меня, не допуская к тебе[25].

Так забавлял он за обедом деда и мать. В течение всего дня, как только 12 становилось известно, что его деду или дяде что-нибудь нужно, трудно было успеть сделать это раньше Кира. Он старался услужить им во всем, в чем только мог.

Когда Мандана стала собираться домой к своему супругу, Астиаг по- 13 просил ее оставить Кира в Мидии. Та ответила, что хотела бы во всем угодить своему отцу; но все же ей кажется, что мальчика трудно будет оставить против его воли. Тогда Астиаг обратился к Киру со следующими словами:

14 — Мой мальчик, если ты останешься у меня, то я, прежде всего, обещаю, что Сак уже не будет больше властвовать над тобой, преграждая доступ ко мне. И ты будешь приходить ко мне, когда захочешь; это будет в твоей власти. А я буду тебе только благодарен, если ты будешь часто меня навещать. В твоем распоряжении будут все мои кони, да и другие, каких только пожелаешь. Когда же ты будешь собираться домой, то сможешь взять с собой коней, каких выберешь сам. И обедать ты будешь с присущей тебе умеренностью, так, как захочешь. Всех зверей, которые водятся в моем парке[26], я дарю тебе и еще соберу для тебя других, самых разнообразных. На них ты будешь охотиться, когда выучишься ездить верхом. Бросая дротик и стреляя из лука, ты будешь убивать их, как это делают взрослые мужчины. Я прикажу собрать мальчиков, которые станут твоими товарищами в играх. Да и во всем другом, что бы ты ни попросил, ты не встретишь отказа.

15 После того, как Астиаг сказал все это, мать спросила Кира, хочет ли он остаться у деда или уехать вместе с ней. Тот не стал медлить и быстро сказал, что хочет остаться. На вопрос матери, чем вызвано его решение, Кир ответил:

— Я хочу остаться, мать, потому, что у себя дома я искуснее всех сверстников бросаю дротик и стреляю из лука; это все видят. Но зато я уверен, что здесь я слабее своих сверстников в верховой езде. Знай, матушка, это меня очень огорчает. Если ты оставишь меня в Мидии, я стану искусным наездником. Тогда в Персии, у себя дома, я сумею легко, как мне кажется, побеждать тамошних воинов в пешем строю. Когда же я приеду к мидянам, то и здесь, став лучшим среди искусных наездников, смогу быть в конном строю соратником деда.

Тогда мать сказала:

16 — Но как же ты будешь познавать науку справедливости, мой мальчик, когда твои учителя находятся в Персии?

— Эту науку, матушка, я отлично изучил.

— А почему ты так думаешь?

— Мой учитель за то, что я хорошо изучил науку справедливости, назначил меня судьей над другими, — ответил Кир. — Только за одно дело,
17 которое я неправильно рассудил, мне достались удары палкой. Оно состояло в следующем. Мальчик высокого роста, одетый в короткий хитон, снял с маленького, носившего длинный хитон, его одежду, надел на него свою, а его хитон надел на себя. Творя суд по этому делу, я вынес приговор, согласно которому каждый должен был носить тот хитон, который ему больше подходит, признав это справедливым. За это мой учитель побил меня, сказав, что если бы я должен был вынести приговор о том, что кому лучше подходит, я был бы вправе рассудить дело подобным образом. Но поскольку мне предстояло решить, кому какой хитон принадлежит, я должен был принять во внимание справедливость приобретения — явилось ли оно следствием насильственных действий, или же было куплено или изготовлено дома. Так как справедливо то, что соответствует законам, а насилие является беззаконием, учитель потребовал, чтобы судья вы-

носил свой приговор, всегда сообразуясь с законом. Так, матушка, я постиг науку справедливости во всех ее тонкостях; а если я в чем-либо буду испытывать затруднение, меня научит мой дед.

18 — Мой мальчик, — сказала мать, — то, что понимают под справедливостью персы, и то, как ее понимает твой дед, не одно и то же. Дед твой царствует в Мидии и решает все дела, сообразуясь с собственной волей, у персов же считается справедливым, когда все имеют равные права[27]. Твой отец первым выполняет свои обязанности перед государством, обладая установленными государством правами, мерой которых служит закон, а не его собственная воля. Так что как бы тебя не наказали бичом, когда ты вернешься домой, научившись у деда руководствоваться не законом царей, а законом тиранов, согласно которому иметь больше власти, чем все остальные, считается необходимым условием государственного правопорядка.

— Но ведь твой отец, — возразил Кир, — весьма искусно приучает людей к тому, чтобы они имели меньше прав, а не больше. Разве ты не видишь, что и всех мидян он приучил иметь меньше прав, чем у него. Ни я, ни кто-либо другой не возвратятся от твоего отца на родину с желанием приобрести бóльшие права по сравнению с другими, поэтому у тебя нет оснований для беспокойства.

Глава IV

1 Многие подобные вещи говорил Кир. Наконец, мать его уехала, а Кир остался, и его стали воспитывать здесь, в Мидии. Он быстро сошелся со сверстниками, завоевав их расположение, и так же быстро привлек симпатии отцов, бывая у них и проявляя дружеские чувства к сыновьям[28]. Если отцам надо было обратиться к царю, они через своих сыновей просили Кира оказать содействие. Кир же, со свойственным ему человеколюбием и честолюбием, охотно вступался и выполнял то, о чем просили его эти юноши.

2 И Астиаг, с чем бы Кир к нему ни обращался, не мог устоять перед его просьбáми и никогда ему не отказывал. А когда Астиаг болел, Кир ни на миг не оставлял его и не переставал сокрушаться, так что все видели, как он опасался за жизнь своего деда. Ночью, если Астиагу кто-то был нужен, первым узнавал об этом Кир. Он прибегал быстрее всех, чтобы помочь и сделать то, что более всего могло понравиться Астиагу. Поступая так, Кир полностью завоевал его расположение.

3 Он вырос, пожалуй, несколько более словоохотливым, чем нужно; это было результатом воспитания, так как учителя заставляли его давать отчет в том, что он делал сам, и учили требовать отчета от других, когда он вершил суд. Другой причиной была его любознательность: он часто расспрашивал собеседников о различных предметах, а когда расспрашивали его самого, отвечал необыкновенно быстро, отличаясь живым умом и со-

образительностью. Все это и было причиной его словоохотливости. Но как тела молодых людей, отличающихся могучим телосложением, всегда имеют ясно выраженные признаки юности, свидетельствующие об их истинном возрасте, так и сквозь словоохотливость Кира проглядывала не дерзость, а простота и доверчивость. Так что иной, пожалуй, предпочел бы еще больше слушать его речи, чем сидеть рядом с молчаливым юношей[29].

4 Когда же прошло некоторое время и наступила пора его юности, он стал сдержаннее и говорил уже тише, проявляя стыдливость и скромность. Случалось ему иногда и краснеть в присутствии старших. Он уже не ласкался ко всем по-щенячьи резво, и все поведение его стало более спокойным. Особенно приятным он бывал в обществе друзей. В различных соревнованиях, затеваемых между сверстниками, он всегда предлагал устраивать состязания не в том виде спорта, где он был уверен в своем превосходстве над другими, но в таких упражнениях, где он явно чувствовал себя более слабым, заявляя при этом, что постарается одержать верх над ними. Тут же он вскакивал на коня, чтобы верхом метать дротик или стрелять из лука, хотя еще чувствовал себя не очень уверенно в искусстве верховой
5 езды; терпя поражение, он сам смеялся над собой более всех. Так как он не старался избегать поражений, уклоняясь выполнять те упражнения, в которых терпел неудачи, но вновь и вновь повторял свои попытки добиться большего успеха, он вскоре сравнялся со сверстниками в искусстве верховой езды и быстро их превзошел, благодаря своему усердию. Зверей в парке Кир скоро истребил, преследуя их, стреляя и убивая наповал, так что Астиаг уже не мог обеспечить его достаточным количеством новых. Узнав, что дед не смог доставить ему большого количества зверей, хотя и пытался это сделать, Кир сказал:

— Дедушка, к чему тебе затруднять себя, добывая для меня зверей? Если ты отпустишь меня на охоту с дядей, я полагаю, что все звери, которых я увижу, станут моими!

6 Страстно желая принять участие в охоте, Кир все же не стал умолять об этом деда, как это он делал, когда был еще ребенком. Он стал сдержаннее в своих посещениях, и если он раньше бранил Сака за то, что тот не пускал его к деду, то теперь он сам для себя стал Саком. Он обращался с просьбами к деду только тогда, когда представлялся подходящий случай, и просил Сака подавать ему знаки, когда ему можно войти к деду и наступило ли подходящее для этого время[30]. К этому времени уже и Сак его полюбил, да и другие тоже.

7 Когда Астиаг узнал о том, насколько велико желание Кира принять участие в охоте, он отпустил его с дядей и дал для охраны всадников из числа взрослых воинов, чтобы они оберегали Кира в опасных местах и защищали от диких зверей. Юноша подробно расспрашивал сопровождавших его воинов о том, к каким зверям опасно приближаться и каких можно смело преследовать. Те отвечали, что медведи, кабаны, львы и пантеры чаще всего убивают приблизившихся к ним охотников. Напротив, олени, газели, дикие козы и ослы совершенно безопасны. Они также советовали остерегаться опасных мест не меньше, чем хищных зверей, так как многие

охотники погибли вместе со своими конями в пропастях. Кир слушал их 8
с необыкновенным вниманием, но когда увидел выпрыгнувшего оленя, кинулся его преследовать, забыв обо всем, что ему говорили, и устремив взор лишь в ту сторону, куда помчался олень. Конь его, споткнувшись обо что-то, упал на колени, и Кир едва не перелетел через него. Все же Кир удержался, и конь его встал. Спустившись в долину, Кир поразил оленя дротиком; это было великолепное и сильное животное. Кир был необычайно счастлив. Но тут подъехавшие воины стали его укорять, говоря, что он подвергался большой опасности; воины грозили, что станут жаловаться на него царю. Сойдя с коня, Кир стоял и слушал все, что ему говорили, огорчаясь всем сердцем. Но тут донесся до его слуха крик охотников, и он быстро вскочил на коня, охваченный азартом охоты. Увидев мчавшегося кабана, он поскакал ему навстречу. Напрягшись до предела, Кир
точно поразил его в голову между глаз и убил. Тут уже дядя, увидевший, 9
какому риску он себя подвергает, стал бранить его. Тогда Кир попросил дядю все же отдать ему животных, убитых им на охоте, чтобы он мог подарить свою добычу деду. Как говорят, дядя ответил:

— Но если царь узнает, что ты принял участие в преследовании зверя, он станет бранить не только тебя, но и меня за то, что я разрешил.

— Пусть он отстегает меня бичом, когда я стану дарить ему свою добычу, — отвечал Кир. — А ты, дядя, наказывай меня как хочешь, но только окажи мне эту милость.

В конце концов Киаксар [31] сказал:

— Поступай, как желаешь. Похоже, что ныне и ты — наш царь.

Кир, забрав убитых им животных, подарил их деду, сказав при этом, 10
что сам добыл их для него на охоте. Но окровавленные дротики он не стал ему показывать, положив их на такое место, где, как он полагал, дед мог увидеть их сам. Астиаг же сказал ему:

— Я с удовольствием принимаю то, что ты мне даришь, мой мальчик, но мне не нужны подобные подарки, если ты из-за них подвергаешь себя опасности.

— Если эта добыча, дедушка, тебе не нужна, то прошу тебя отдать ее мне, чтобы я мог разделить ее среди сверстников.

— Бери ее, а также и все остальное, сколько захочешь, и раздавай всем, кому тебе заблагорассудится, мой мальчик, — ответил Астиаг.

Кир раздавал мясо убитых им животных сверстникам и говорил при 11
этом:

— Друзья, какими же пустяками мы занимались, когда охотились на зверей в парке! Ведь такая охота, мне кажется, подобна охоте на связанных животных. Место здесь ограниченное, а сами животные тощие и шелудивые; иные из них даже хромые, со сломанными рогами. Напротив, какими могучими, красивыми и жирными показались мне те звери, которые пасутся в горах и на лугах! Олени, будто окрыленные, прыгали до самого неба, кабаны неустрашимо мчались вперед, подобно мужественным воинам. Они были такой величины, что невозможно было промахнуться.

Даже убитые, они казались прекраснее, чем плененные живые. А вам разрешат отцы отправиться на охоту? — спросил Кир.

— Они легко отпустят нас, если разрешит Астиаг.

12 — Кто же замолвит за вас слово перед Астиагом?

— Ты лучше всех других сможешь уговорить Астиага, — сказали они.

— Но, клянусь Зевсом, — отвечал Кир, — я сам не знаю, что со мной произошло, потому что я совершенно не в состоянии сказать что-либо деду или поднять на него глаза, как равный с равным. Если так пойдет далее, — добавил он, — то боюсь, как бы мне совсем не превратиться в ничтожество или глупца. А вот когда я был ребенком, то говорил, мне кажется, очень смело и свободно.

— Но ведь это будет совсем постыдным, если ты не найдешь в себе силы вступиться даже за нас в случае какой-либо нужды, и мы будем вынуждены просить кого-нибудь другого.

13 Услышав это, Кир почувствовал себя уязвленным и молча ушел, дав себе слово быть смелее. Он направился к Астиагу, обдумывая по дороге, как придать своей просьбе самый безобидный характер и добиться для себя и для своих друзей того, о чем они просили. Придя к Астиагу, он начал свою речь такими словами:

— Скажи мне, дедушка, если кто-нибудь из твоих рабов убежит от тебя и ты его поймаешь, как ты с ним поступишь?

— Закую в кандалы и заставлю работать, только и всего, — ответил дед.

— А если он вернется назад по своей воле, что ты с ним сделаешь?

— Что же с ним сделать, как не отстегать бичом, чтобы он впредь не бегал? А потом я заставлю его служить по-прежнему.

— Тогда, дедушка, тебе надо приготовить бич, чтобы отстегать меня. Ведь я замыслил сбежать от тебя вместе с друзьями на охоту, — сказал Кир.

— Ты прекрасно сделал, что предупредил меня, — ответил Астиаг. — Отныне я запрещаю тебе выезжать из дому. Хорош бы я был, — добавил Астиаг, — если ради какой-то дичи потерял бы сына своей дочери, как дурной пастух.

14 Услышав эти слова, Кир подчинился решению деда и остался дома. От огорчения он стал молчаливым и грустным и в таком состоянии проводил все дни. Астиаг, однако, заметил, насколько сильно удручен его внук, и, желая доставить ему удовольствие, взял его с собой на охоту. Царь собрал множество людей, пеших и конных, на эту охоту, и не только взрослых, но и детей. Загнав зверей в такие места, куда могли проникнуть всадники, Астиаг отдал свое царское распоряжение, чтобы никто, кроме Кира, не смел убивать зверей, пока Киру не наскучит это занятие. Но тот воспротивился такому приказу деда и сказал:

— Если ты хочешь, дедушка, чтобы охота доставила мне удовольствие, разреши и всем моим сверстникам преследовать зверя и состязаться в искусстве охоты, чтобы каждый смог показать, на что он способен.

15 Астиаг согласился и, стоя на месте, стал смотреть, как мчатся охотники за добычей, обгоняя друг друга и поражая зверей дротиками. Он

радовался, наблюдая за внуком, уже не сдерживавшим своих чувств от наслаждения, которое доставляла ему охота: Кир кричал, подобно благородной гончей, преследующей зверя. Астиаг слушал, как Кир окликает по имени каждого участника охоты, и был доволен, наблюдая, как он насмехался над одними и хвалил других, не проявляя при этом ни малейшего чувства зависти. С охоты Астиаг вернулся, добыв много зверей. Она доставила его душе столько радостных переживаний, что впоследствии он всегда, как только представлялась возможность, ездил на охоту с Киром, беря с собой большую свиту, в том числе и мальчиков, чтобы доставить Киру удовольствие. Так Кир проводил время, принося всем окружающим радость, совершая добрые поступки и ни одного дурного.

Около того времени, когда Киру исполнилось пятнадцать или шест- 16
надцать лет, сын ассирийского царя пожелал накануне своей свадьбы сам отправиться на охоту. Он прослышал, что в пограничной области, разделявшей ассирийское и мидийское царства, водится множество непуганой дичи (со времени недавней войны там никто не охотился). Отправившись туда, он взял с собой множество всадников и пельтастов[32], чтобы охотиться без опаски. Они должны были также выгонять дичь из зарослей на равнины, удобные для охоты. Прибыв на место, где у ассирийцев находились пограничные посты, охранявшиеся стражей, он расположился лагерем, чтобы приготовить ужин; с зарей следующего дня он намеревался
начать охоту. Когда наступил вечер и выступивший из города отряд пе- 17
ших и конных воинов прибыл на смену находившейся там стражи, сыну ассирийского царя показалось, что у него собралось большое войско. Получилось так, что в одном месте соединились два отряда стражи, да и сам он прибыл с большим отрядом всадников и пехотинцев. Тут ему пришла в голову мысль, не лучше ли будет вторгнуться в Мидию с целью грабежа: дело это принесет, пожалуй, гораздо больше славы, нежели охота, да и скота можно будет добыть большое количество. Встав рано поутру, он повел войско в Мидию, оставив пехотинцев на месте для охраны пограничных постов. Сам он вместе со своими всадниками поскакал к пограничным постам мидян и остался там, имея при себе бóльшую и лучшую часть отряда, чтобы помешать пограничным постам мидян оказать сопротивление. Оставшуюся часть своих всадников он разбил на отряды по филам[33] и разослал эти отряды в разные места, приказав забирать в плен всех, кого они встретят, и гнать к нему. Те так и сделали.

Когда Астиагу сообщили, что в страну вторгся неприятель, он высту- 18
пил к границе с имевшимся у него войском. С ним отправился и его сын, возглавлявший конницу, находившуюся в строю. Всем остальным мидийским воинам был отдан приказ собираться в поход.

Когда мидяне увидели множество ассирийцев, выстроившихся в боевом порядке, и спокойно стоявших всадников, они тоже встали.

Кир, со вниманием следивший за тем, как одни воины отправляются в поход, а другие спешно готовятся к выступлению, отправился в поход и сам, впервые надев свое вооружение. Он не верил своему счастью — так страстно мечтал он надеть его когда-нибудь. Оно было прекрасно и очень

ловко сидело на нем, так как дед приказал изготовить его по мерке. Надев свой доспех, Кир прискакал к деду. Астиаг удивленно спросил, кто разрешил ему приехать, но тем не менее позволил остаться в его свите.
19 Когда Кир увидел большое количество всадников противника, он спросил:

— Дедушка, те всадники, что так спокойно сидят на своих конях, это и есть войска противника?

— Да, это враги, — отвечал Астиаг.

— А те, кто разъезжают там на своих конях, тоже враги?

— И те, конечно.

— Но, клянусь Зевсом, — сказал тогда Кир, — ведь эти негодяи на своих клячах увозят наше добро! Разве не следует нашим воинам сейчас же ринуться против них?

— Разве ты не видишь, мой мальчик, — отвечал Астиаг, — какое множество всадников там выстроилось? Если мы их сейчас атакуем, они нас окружат; ведь наши главные силы еще не подошли.

— Но если ты станешь, стоя на месте, ожидать пополнения, — возразил Кир, — стоящий против нас противник, опасаясь удара, не тронется с места. А занимающиеся грабежом воины врага тотчас же бросят свою добычу, как только увидят, что на них нападают.

20 Когда Кир это сказал, Астиаг подумал, что тот дает дельный совет. Удивляясь про себя уму и здравомыслию Кира, царь приказал своему сыну взять отряд всадников и атаковать противника, занятого грабежом. «Сам я, — добавил Астиаг, — двинусь в атаку против остальной части неприятельского войска, если они сделают попытку напасть на тебя, чтобы ее отвлечь».

Выполняя полученный приказ, Киаксар с отрядом отборных всадников, сидевших на лучших конях, напал на противника. Кир, увидев, как они устремились на врага, тоже поскакал вперед. Скоро он оказался впереди всех, за ним следовал Киаксар, другие тоже старались не отставать.

Занятые грабежом враги, как только заметили их приближение, тотчас
21 обратились в бегство, бросив добычу. Но группа всадников во главе с Киром отрезала им путь к отступлению. Захваченных в плен они убивали на месте. Во всех этих делах первым был Кир. Сумевших прорваться ассирийцев мидяне преследовали по пятам, не давая им убежать. Как благородная, но неопытная гончая бросается на кабана, так и Кир рвался вперед, стремясь уничтожить окруженных врагов и не думая ни о чем ином.

Враги заметили, в каком тяжелом положении оказалась часть их войска, и двинулись всей массой, чтобы привлечь к себе внимание мидян и
22 помешать им преследовать отступающих. Но Кир и не подумал остановиться, а напротив, в упоении продолжал преследовать врага и, призывая к тому же своего дядю, обратил противника в беспорядочное бегство. Киаксар, стыдясь, может быть, своего отца, тоже следовал за Киром, стараясь от него не отставать. Все остальные мидийские воины были тоже увлечены преследованием, в том числе те, которые отнюдь не отличались особой храбростью перед лицом врага,

Когда Астиаг увидел, как безрассудно кинулись его воины преследовать врага, в то время как другое войско противника сомкнутым строем двинулось им навстречу, он испугался за сына и за Кира, как бы они, расстроив свои боевые порядки, не оказались лицом к лицу с готовым к бою врагом и не понесли урона. Поэтому он сразу повел войска на врага.
Увидев наступающих мидян, воины противника остановились, выставив 23
вперед копья и натянули луки, полагая, что и мидяне, подойдя на расстояние выстрела из лука, тоже встанут, как они обычно это и делали. Раньше, когда их войска сближались, всадники на полном скаку подъезжали к противнику и метали стрелы во врага до позднего вечера. Но теперь, когда враги увидели своих воинов бегущими в поисках спасения к месту, где стояли их основные силы, и как воины Кира их преследуют, а сам Астиаг со своими всадниками находится от них уже на расстоянии выстрела из лука, они подались назад и обратились в бегство. Мидяне стали их преследовать и многих захватили в плен. Всех, попадавших им в руки, они убивали, и людей, и лошадей, а падающих добивали. Они не прекращали преследования, пока не оказались вблизи от ассирийских пехотинцев. Там они остановились, опасаясь засады. После этого Астиаг по- 24
вернул свое войско назад, всем сердцем радуясь победе, одержанной его конницей, и не зная даже, что и думать о Кире. Астиаг понимал, что победой обязан ему, но в то же время сознавал, что храбрость Кира граничила с безрассудством. И даже тогда, когда войско направилось домой, Кир, отделившись от всех, стал объезжать поле сражения, рассматривая убитых. Посланные Астиагом придворные с трудом оторвали его от этого зрелища и привели к царю. Кир изо всех сил старался держаться за сопровождавшей его свитой, так как видел суровое лицо деда, строго смотревшего на него.

Вот что происходило у мидян, и у всех на устах было имя Кира: его 25
воспевали в песнях и прославляли в речах. Астиаг, и прежде отличавший его, теперь и вовсе был им пленен. Отец Кира Камбис радовался, узнавая обо всем этом. Но, услышав, что Кир совершил подвиги, достойные зрелого мужа, он стал отзывать его для выполнения обязанностей, возлагавшихся на всех персов. Как говорят, и сам Кир заявил тогда, что хочет уехать, чтобы не навлечь на себя недовольство отца и не заслужить порицания со стороны властей.

Астиаг признал необходимым отпустить Кира. Дав ему коней, каких только Кир захотел взять, и еще много другого, — он ведь возлагал на Кира большие надежды и любил его, уверенный, что Кир станет мужем, полезным для друзей и грозным для врагов, — Астиаг отослал его домой.

Отбывающего на родину Кира провожали все — дети, сверстники, взрослые мужи, старики и сам Астиаг верхом на коне. Говорят, что все
они, возвращаясь домой, не могли удержаться от слез. Говорят также, 26
будто и Кир сильно плакал при отъезде, и что многие из тех подарков, которые дал ему Астиаг, он раздал своим сверстникам. Даже мидийский наряд, который на нем был, он снял с себя и отдал тому, кого более всего любил. При этом добавляют, что все, кто получил от Кира подарки, от-

несли их к Астиагу, а тот вновь отправил их к Киру. Но Кир отослал их мидянам и велел передать деду следующее:

— Если ты хочешь, дедушка, чтобы я вновь приехал к тебе и никого не стыдился в Мидии, пусть подарки останутся у тех, кого я одарил.

Услышав эти слова, Астиаг поступил так, как просил его Кир.

27 Рассказывают также (если позволено будет здесь вспомнить об одной любовной истории), что, когда Кир уезжал и расставался со своими родственниками, они, прощаясь, целовали его в уста по персидскому обычаю[34]. И поныне еще персы поступают таким же образом. Какой-то мидянин[35], благородный и красивый, до безумия влюбленный в Кира за его красоту, долго стоял поодаль. Увидев, как родственники целуют Кира, он отошел в сторону. Когда все остальные ушли, он подошел к Киру и спросил его:

— А меня, Кир, ты не признаешь своим родственником?

— А что, — отвечал Кир, — ты тоже мой родич?

— Разумеется, — отвечал тот.

— Потому-то ты так пристально вглядывался в меня, — сказал Кир. — Мне кажется, я не раз замечал, как ты смотрел на меня подобным образом.

— Я все время хотел подойти к тебе, но, клянусь богами, все стеснялся.

— Тебе не надо было стесняться, раз ты мне родственник.

Произнеся эти слова, Кир подошел к нему и поцеловал его.

28 Получив этот поцелуй, мидянин спросил:

— Разве у персов тоже существует обычай целовать родственников?

— Разумеется, — отвечал Кир, — особенно при встречах после разлуки, или же при расставании, когда они куда-нибудь уезжают.

— Тогда, пожалуй, тебе придется еще раз поцеловать меня. Я ведь тоже уезжаю, как ты сам видишь.

Кир поцеловал его еще раз, попрощался и уехал. Но не успел он отъехать на сколько-нибудь значительное расстояние, как этот мидянин догнал его на взмыленном коне. Увидев его, Кир спросил:

— Ты, наверно, забыл мне что-то сообщить?

— Нет, клянусь Зевсом, — отвечал тот, — но я встретился с тобой после разлуки!

— Но, родич, после весьма недолгой разлуки!

— Почему же недолгой? — возразил мидянин. — Разве ты не знаешь, что и мгновение кажется мне необыкновенно долгим, если я не вижу тебя, такого красавца!

Кир, плакавший до этого, рассмеялся и сказал мидянину, чтобы тот возвращался и сохранял бодрость духа. Он, Кир, вскоре вернется и тогда мидянин сможет вновь увидеть его, и не раз, если только захочет.

Глава V

1 Так Кир возвратился в Персию и провел, как говорят, еще один год среди сверстников. Вначале они насмехались над Киром, упрекая его за то, что он будто бы приучился в Мидии к роскоши. Но когда все увидели, что Кир ест и пьет с таким же аппетитом, как они, и во время праздничного пиршества готов скорее отдать кому-либо часть своей доли, чем попросить прибавки, да к тому же заметили его превосходство над ними во всем, они вновь стали подчиняться Киру. А когда Кир вышел из детского возраста и перешел в разряд эфебов, он и среди них оказался самым доблестным во всех делах, самым выносливым и дисциплинированным, послушным у предводителей и исполненным уважения к старейшим.

2 Через некоторое время в Мидии скончался Астиаг и на царский престол вступил Киаксар, сын Астиага и брат матери Кира. Царь Ассирии, покоривший всех сирийцев (народ необыкновенно многочисленный) и сделавший своим подданным царя арабов, подчинивший гирканцев и осадивший бактрийцев, к этому времени решил, что если он ослабит мидийское государство[36], то ему удастся установить свое господство над всеми окружающими народами. Ведь он полагал, что мидяне являются самым могущественным из всех соседних народов. Поэтому он разослал послов к сво- 3
им подданным, а также к лидийскому царю Крезу, к царю каппадокийцев, в обе Фригии, в Пафлагонию, Индию, Карию и Киликию, с клеветническими обвинениями против мидян и персов. Царь Ассирии сообщал через своих послов, что оба эти народа, мидяне и персы, велики и могущественны, что они объединились и заключают брачные союзы между собой и что они представляют опасность для соседних государств. Если не принять своевременно мер, ведущих к ослаблению персов и мидян, то, нападая по очереди на своих соседей, они подчинят себе все народы.

Многие правители поверили речам этих послов, другие же были привлечены подарками и деньгами, в которых у ассирийского царя не было недостатка, и заключили с ним оборонительный и наступательный союз. Киаксар, сын Астиага, узнав о кознях, которые были против него затеяны, 4
и о приготовлениях врагов, тотчас же сам начал принимать ответные меры, используя все возможности. Он отправил послов к персидским властям и к Камбису, царю Персии, женатому на его сестре. Обратился он и к Киру, прося принять на себя командование войсками, если персидские власти их пришлют. К этому времени Кир провел десять лет среди эфебов и уже перешел в разряд зрелых мужей.

5 Кир принял это предложение, и совет персидских старейшин назначил его командиром войска, отправляемого в Мидию. Киру было дано право выбрать себе двести гомотимов[37], каждому из которых, в свою очередь, предоставляли возможность выбрать еще по четыре человека из тех же гомотимов. В итоге получается тысяча человек. Каждому из этой тысячи назначили по десять пельтастов, по десять пращников, по десять стрелков из лука, набранных среди простого народа в Персии. Так образуется

войско из десяти тысяч лучников, десяти тысяч пельтастов и десяти тысяч
пращников. Кроме того, в это войско вошла и уже упоминавшаяся тысяча
человек. Право набрать такое войско и было предоставлено Киру.
6 Назначенный командующим, Кир прежде всего принес жертвы богам.
Получив благоприятные предзнаменования, он избрал затем двести гомо-
тимов. Затем, когда каждый из них в свою очередь выбрал себе по че-
тыре гомотима, он собрал их всех и обратился к ним со следующей речью:
7 — Друзья! Я избрал вас совсем не потому, что только сейчас оценил
ваши достоинства. С детских лет я наблюдаю, с каким усердием и как рев-
ностно вы исполняете все, что наше государство признает прекрасным,
и как решительно отвергаете то, что оно признает дурным. Теперь я хочу
сообщить вам, почему я и сам с большой охотой взял на себя это командо-
8 вание, и вас призвал на помощь. Мне хорошо известно, что наши предки
ни в чем не уступали нам и всегда совершали такие деяния, которые счи-
таются образцом добродетели и доблести. Однако я все еще не могу ус-
мотреть, чем они, обладавшие столь высокими достоинствами, обогатили
9 персидское государство или самих себя. Как я полагаю, люди вступают
на путь добродетели не с той целью, чтобы благородные и честные полу-
чали столько жизненных благ, сколько и дурные. Напротив, тот, кто в на-
стоящий момент отказывается от наслаждений, делает это отнюдь не
с целью навсегда отрешиться от радостей жизни, а ради того, чтобы ценой
воздержания приуготовить себе многочисленные и разнообразные радости
в будущем. Стремящиеся стать искусными ораторами добиваются своей
цели не ради того, чтобы постоянно выступать с красивыми речами, но
надеются своим красноречием убедить народ и воодушевить его на свер-
шение многочисленных великих деяний. Точно так же люди, посвятившие
себя военному делу, занимаются им отнюдь не для того, чтобы провести
жизнь в ратных трудах, но рассчитывают, став искусными воинами, при-
обрести и для себя, и для своего государства благополучие, богатство и
10 великую славу. Если же после всех этих усилий они допустят, чтобы из-за
наступившей старости им нельзя уже было воспользоваться плодами своих
трудов, то в этом случае я сравнил бы их с земледельцами, которые, стре-
мясь стать образцовыми хозяевами, тщательно засевают свое поле и вы-
ращивают урожай, но, когда наступает время уборки, оставляют поле не-
убранным и дают зерну стечь обратно на землю. Точно так же я не могу
признать благоразумным атлета, который после долгих упражнений до-
бился возможности одержать победу, но на протяжении всей своей жизни
11 ни разу не выступил на состязаниях. Пусть же это не случится с вами,
воины! И поскольку с детских лет, как всем известно, мы учимся совер-
шать благородные и прекрасные деяния, я призываю вас двинуться против
врагов, совершенно не способных нам противостоять. Ведь те, кто умеет
стрелять из лука, метать дротик и ловко сидеть на коне, но падают духом,
когда надо переносить трудности и лишения, не могут считаться настоя-
щими воинами, — а враги наши не умеют переносить трудности. Не явля-
ются настоящими воинами и те, кого побеждает сон, когда надо бодрст-
вовать, — а враги наши не способны бодрствовать. И даже те, кто все это

умеет, но не научился тому, как следует обходиться с союзниками и врагами, остаются, без сомнения, невежественными в науке величайшей важности. Вы же, напротив, способны совершать в ночное время все то, что 12
совершают днем, и считаете труд основой счастливой жизни. На голод вы смотрите как на обстоятельство, способствующее аппетиту, а жажду переносите легче, чем львы. Самое же прекрасное достояние, более всего побуждающее к воинским подвигам, вы храните в своей душе: похвала вас радует более, чем что-либо иное. Но тот, кто желает заслужить похвалу, должен быть готов к любой опасности и перенести любую трудность. Если 13
я, отзываясь о вас так, в душе придерживаюсь иного мнения, то я обманываю сам себя. За всякий ваш поступок, противоречащий тому, о чем я уже сказал, мне придется нести ответственность. Но, доверяя опыту и добрым чувствам, которые вы питаете ко мне, а также зная тупость наших врагов, я уверен, что не обманусь в возлагаемых на вас прекрасных надеждах. Так отправимся же смело в поход! Мы не должны опасаться, что нас могут заподозрить в стремлении завладеть чужим добром. Враг, вторгшийся ныне, первым нанес удар, и друзья призывают нас на помощь. Разве есть на свете что-либо более справедливое, чем защита от врагов, и более прекрасное, чем помощь друзьям? А то, что я начинаю поход, 14
воздав должное богам, вселит в вас, как я полагаю, душевную бодрость. Вы ведь знаете, по давнему со мной знакомству, что не только великие, но и самые малые дела я начинаю, предварительно испросив благословение божества.

В конце Кир сказал:

— Есть ли еще необходимость продолжать эту речь? Выбирайте людей и, собрав их, а также захватив с собой все необходимые припасы, направляйтесь в Мидию. Я же должен сначала отправиться к отцу, чтобы как можно скорее разузнать все о врагах и подготовить все необходимое для обеспечения, с помощью богов, полного успеха в сражении с врагом.

И воины стали делать все, что повелел им Кир.

Глава VI

Кир прибыл домой, вознес молитву Гестии Отчей и Зевсу Отчему, 1
а также всем остальным богам, и уже после этого отправился в поход. Его сопровождал отец. Когда они отъехали от дома, им, как говорят, были даны благоприятные знамения — гром и молния [38]. После этих знамений они продолжили свой путь, не прибегая к гаданиям по полету птиц. Они были уверены, что никакое другое знамение не сможет лишить [39] их благосклонности, проявленной великим божеством. Так проехали они некоторое 2
время, и отец обратился к Киру со следующими словами:

— Сын мой, и жертвы, и небесные знамения говорят о том, что боги милостивы и благосклонны к тебе. Ты и сам это видишь. Я ведь долго

учил тебя этому искусству, чтобы ты не прибегал к помощи толкователей, но умел сам наблюдать то, что можно увидеть, и внимать тому, что можно услышать, познавая волю богов. Делал это я с той целью, чтобы ты не зависел от жрецов, если они захотят обмануть тебя, намеренно искажая смысл знамений, являемых богами, чтобы ты не испытывал затруднений, если рядом не окажется жрецов, разгадывая смысл знамений, и легко понимал их при помощи искусства мантики[40], следуя этим предзнаменованиям.

3 — Я и сам, отец, постоянно стараюсь следовать твоим советам, насколько это в моих силах, — отвечал Кир, — чтобы боги оставались милостивыми ко мне, являя свои знамения. Я ведь помню, — добавил он, — как однажды слышал от тебя, что и от богов, и от друзей скорее добьется желаемого не тот, кто в затруднительных обстоятельствах смиренно умоляет их о помощи, а тот, кто при самом благоприятном ходе своих дел помнит и чтит божество. Ты тогда говорил, что и с друзьями следует обходиться подобным образом.

4 — Но, мой мальчик, — сказал отец, — разве сейчас ты не обращаешься к божеству с более легким сердцем, благодаря своим стараниям? И разве ты не надеешься быстро получить от богов то, что просишь, сознавая, что никогда не забывал о них?

— Ты совершенно прав, отец, я знаю, боги ко мне благосклонны.

5 — А помнишь ли, мой мальчик, как однажды пришла мне в голову такая мысль. Ведь боги дали в удел людям, искусным в делах, лучшую жизнь, чем неумелым; трудолюбивым помогают достигать цели скорее, чем бездеятельным, заботливым — быть увереннее в своей безопасности, чем беззаботным. А раз надо стать именно таким, каким нужно, чтобы добиться успеха, то лишь при этом условии можно обращаться к богам с просьбой о каком-либо благе.

6 — Конечно же, я прекрасно помню, — отвечал Кир, — как слышал это от тебя, клянусь Зевсом. Теперь мне надлежит лишь следовать твоему совету. Я знаю, ты всегда говорил, что нельзя просить у богов победы в кавалерийском сражении тем, кто не умеет ездить верхом, подобно тому, как людям, не умеющим стрелять из лука, не подобает молить богов о победе над владеющими этим искусством. Точно так же кормчие, не изучившие искусства судовождения, не должны молить бога о спасении корабля, подобно тому, как земледельцы, не засеявшие поля, не имеют права молить богов о богатом урожае, или воины, безрассудно ведущие себя в бою, просить богов сохранить им жизнь. Ведь все такие просьбы противоречат божеским установлениям. Те же, кто молит богов о недозволенном, говорил ты мне, естественно ничего от них не получают, как не добиваются ничего и у людей те, кто просит о противозаконном.

7 — А не забыл ли ты, мой мальчик, как мы некогда рассуждали с тобой еще об одном предмете? Если кто-либо сумеет добиться положения, которое позволит ему стяжать славу человека прекрасного и благородного, и к тому же у него будет всего в достатке и для себя и для своих домочадцев, то разве это не будет прекрасным и весьма достойным деянием? А если еще, помимо вышесказанного, что само по себе является великим

делом, он будет уметь повелевать другими людьми, да так, чтобы они получили все необходимое в изобилии и при этом сами стали такими, какими они должны быть, то разве это не казалось нам вообще величайшим подвигом, заслуживающим восхищения и удивления?

— О да, отец, клянусь Зевсом, я помню, как ты все это говорил. Мне 8
так же, как и тебе, умение руководить людьми всегда казалось величайшим искусством. И ныне я продолжаю думать то же самое, поскольку мои помыслы направлены на то, как я сам буду командовать. Когда, наблюдая за другими, я на опыте познаю, какие военачальники из них выходят и что представляют собой наши будущие противники, то мне кажется просто позорным опасаться подобных людей и не пылать желанием выступить против них. Ведь все эти люди, — добавил Кир, — начиная с наших друзей [41], полагают, что полководец должен отличаться от подчиненных более роскошным образом жизни, большим количеством золота в доме, большим досугом и вообще жизнью, совершенно свободной от всяких трудов. Я же, напротив, полагаю, что предводитель должен отличаться от подчиненных не роскошным образом жизни, а трудолюбием и умением предвидеть события.

— Но, мой мальчик, — заметил отец, — иногда возникает такое поло- 9
жение, когда приходится бороться не против людей, а против обстоятельств, с которыми не легко справиться. Ты и сам сейчас понимаешь, что если войско не получит необходимых припасов, то ты утратишь над ним свою власть.

— Но ведь Киаксар обещал позаботиться обо всех воинах, выступающих в поход, сколько бы их ни было?

— Так ты, мой мальчик, отправляешься, полагаясь на денежные средства Киаксара?

— Разумеется! — отвечал Кир.

— А знаешь ли ты, насколько они велики?

— Нет, клянусь Зевсом.

— И все же, не зная их величины, ты продолжаешь на них полагаться. Понимаешь ли ты, что тебе многого будет недоставать и что Киаксару предстоят ныне большие расходы?

— Да, понимаю, — отвечал Кир.

— Но если у него не хватит средств или он не сдержит слова, что тогда будет с твоим войском?

— Ясно, что ему придется плохо, — ответил Кир. — Если ты, отец, знаешь какой-нибудь выход из этого трудного положения, и я буду в силах поступить по твоему совету, пока мы еще на своей земле, — скажи мне это.

— Тебя волнует, мой мальчик, чтó бы ты мог предпринять? Но от 10
кого же можно ожидать решения, как не от того, кто обладает силой? Ты выступаешь из этой страны с пехотой, вместо которой ты не согласился бы взять даже более многочисленную, а к ней собираешься еще присоединить мидийскую конницу, лучше которой нет в мире. Какой, по-твоему, из соседних народов не пожелает оказаться полезным вам и стать вашим союз-

ником? Или не побоится претерпеть от вас какого-либо ущерба? Тебе надо вместе с Киаксаром позаботиться обо всем необходимом и приобрести опыт в обеспечении войска провиантом. Запомни прежде всего, что при заготовке необходимых припасов нельзя допускать положения, когда добывать их принудит тебя крайность. Напротив, именно тогда, когда у тебя их в избытке, проявляй заботу, чтобы в них не возникло недостатка. Те, к кому ты обратишься с просьбой, гораздо скорее предоставят эти припасы, увидев, что ты не испытываешь в них нужды. Поступая так, ты и упреков со стороны своих воинов избежишь и скорее добьешься уважения у людей. Когда же ты выступишь со своим войском на помощь союзникам или предпримешь нападение на врага, воины, обеспеченные всем необходимым, станут поддерживать тебя с большей охотой. Знай и то, что речи твои будут звучать гораздо более убедительно, когда ты сможешь на деле доказать свои возможности и вознаграждать и наказывать.

11 — Да, отец, все, что ты сказал теперь, прекрасно, на мой взгляд. Ведь ни один из моих воинов не станет сейчас питать чувства благодарности ко мне за то жалованье, которое предстоит им получить в ближайшее время, ибо они знают, на каких условиях Киаксар призвал их на помощь. Но то, что они получат дополнительно к условленной плате, будет для них почетной наградой, и за это они будут признательны тому, кто их наградил.

— Твои слова справедливы. Иметь войско, с помощью которого можно и друзей поддержать, и врагам отомстить, и не заботиться о снабжении его необходимыми припасами, — это, согласись, не менее позорно, чем если бы хозяин, обладающий и полями и работниками, которые могут эти поля возделывать, оставил бы земли необработанными и не приносящими никакого дохода [42].

— Знай же, — заверил Кир отца, — что я всегда буду заботиться о том, чтобы обеспечить своих воинов всем необходимым, где бы я ни находился — в дружественной ли стране, или среди врагов.

12 — А что, мой мальчик, — продолжал Камбис, — помнишь ли ты о тех других предметах, которые мы некогда тоже признали заслуживающими пристального внимания?

— Да, отец, я отлично помню, как я пришел к тебе за деньгами, которые должен был отдать человеку, научившему меня, по его словам, полководческому искусству, а ты, дав мне эти деньги, спросил: «Упоминал ли этот человек, которому ты собираешься отдать деньги, о хозяйственных делах когда обучал тебя полководческому искусству? Ведь воины нуждаются в обеспечении ничуть не меньше, чем дворовая челядь». Когда я признался, что он ни словом об этом не упомянул, ты спросил меня вновь: «Говорил ли он о значении здоровья и физической силы для воспитания воинов? Ибо полководец должен и об этом заботиться, и в такой же мере, как о делах,
13 связанных со стратегией». Когда я и на этот вопрос ответил отрицательно ты меня вновь спросил: «Учил ли он тебя тем искусствам, которые оказывают незаменимую помощь в военном деле?» После того, как я и на это дал отрицательный ответ, ты задал тогда мне и такой вопрос: «Научил ли он тебя, как вселять решимость в души воинов?» При этом ты добавил,

что решимость во всяком деле приводит к совершенно противоположным результатам, чем малодушие. После того, как я и на этот вопрос ответил отрицательно, ты стал выяснять, обучал ли он меня методам, которыми добиваются повиновения воинов. А когда выяснилось, что и об этом не 14
было речи, ты спросил, наконец, чему же он, обучавший полководческому искусству, учил меня. Я ответил, что он учил меня тактике. Тогда, рассмеявшись, ты стал по порядку предлагать мне вопросы: что пользы войску от тактики, если нет провианта и люди нездоровы? Что толку от нее, если воины не сведущи в тех искусствах, которые специально предназначены для ведения войны?[43] Что пользы от нее, наконец, если воины не повинуются? Ты ясно показал мне, что тактика составляет лишь незначительную часть стратегии. После этого я спросил, сможешь ли ты научить меня всему остальному. Тогда ты посоветовал отправиться к людям, считающимся опытными в вопросах стратегии, и расспросить их, каким образом можно всему научиться. С этого времени я стал бывать в обществе 15
людей, которые слывут весьма сведущими в этих вопросах. И вот, что касается продовольствия, то я убежден, что предоставленного Киаксаром будет вполне достаточно. Относительно же заботы о физическом состоянии воинов я могу сказать следующее. Мне приходилось слышать и наблюдать самому, как государства, заботящиеся о здоровье граждан, приглашают врачей и как полководцы берут их с собой в поход, беспокоясь о своих воинах[44]. Точно так же и я, став командующим, тотчас проявил об этом заботу. Я полагаю, отец, что теперь у меня в войске будут люди, которых можно назвать большими знатоками в деле врачевания.

В ответ отец сказал Киру: 16

— Но, мой мальчик, люди, о которых ты только что говорил, подобны мастерам, которые чинят рваные гиматии; ведь врачи лечат людей только тогда, когда те заболеют. Мудрый полководец предпочтет постоянно закаливать своих воинов, заботясь о их здоровье, чем приглашать врачей. Тебе надо с самого начала принять меры к тому, чтобы в твоем войске не было больных.

— Но как я смогу этого добиться, отец?

— Прежде всего, если тебе придется разбить лагерь в определенной местности, ты должен позаботиться о здоровых лагерных условиях. Если ты будешь поступать так, ты не совершишь ошибки. Люди постоянно говорят о местах со здоровым и вредным климатом; о влиянии того или иного климата тебе ясно скажут как сложение людей, так и цвет их кожи. Наконец, ты должен помнить, что следует обращать внимание не только на характер местности, но и на то, как ты сам сохраняешь свое здоровье.

На это Кир ответил: 17

— Сам я прежде всего стараюсь не слишком перегружать себя пищей, ведь это вредно для здоровья. Затем я забочусь о том, чтобы она хорошо переварилась. Так, кажется мне, лучше всего сохраняется здоровье и человек накапливает силы.

— Точно такую же заботу, мой мальчик, ты должен проявлять о других, — сказал отец.

— Но будет ли воинам предоставлена возможность заниматься физическими упражнениями?

— Разумеется, клянусь Зевсом, — сказал отец. — Речь должна идти здесь не о возможности, а о совершенной необходимости это делать. Чтобы войско было готово к выполнению задач, которые перед ним будут поставлены, оно никогда не должно прерывать действий, направленных во вред врагам и на пользу ему самому. Трудно, мой мальчик, прокормить одного бездеятельного человека, еще труднее прокормить целое семейство, но труднее всего содержать войско, проводящее время в праздности. Ведь оно состоит из множества едоков, которые отправляются в путь, беря с собой ничтожное количество припасов, а то, что они добывают, они расходуют самым расточительным образом. Поэтому никогда не следует оставлять войско в бездействии.

18 — Мне кажется, ты утверждаешь, отец, что как от бездеятельного земледельца не приходится ожидать пользы, точно так же нельзя ждать полезного и от бездеятельного полководца.

— Я полагаю, — отвечал отец, — что энергичный полководец, если ему не будет противодействовать какое-либо божество, сумеет обеспечить войску изобилие припасов и добиться того, чтобы физическая закалка воинов была наилучшей.

— Как мне представляется, — сказал Кир, — в обучении воинов наибольшего успеха добьется тот, кто устроит состязания по каждому виду воинских упражнений и назначит награды победителям. Так он получит хорошо подготовленных воинов, на которых сможет положиться в бою.

— Ты совершенно прав, мой мальчик. Знай, что, действуя так, ты получишь возможность увидеть, как слаженно действуют твои воины, выполняя свой долг, наподобие хора в музыкальных состязаниях.

19 — Затем, — сказал далее Кир, — когда необходимо воодушевить воинов, ничто более не отвечает этой цели, чем возможность вселять надежду в души людей.

— Но, мой мальчик, поступая так, ты будешь походить на охотника, созывающего собак на охоте тем же кличем, каким натравливают их на зверя. Совершенно ясно, что вначале они будут охотно слушаться, но, если он будет часто обманывать их, они перестанут в конце концов повиноваться, даже если, увидев дичь, он подаст сигнал к настоящей травле. Точно в таком же положении оказывается полководец, обещая что-либо воинам. Если вселивший надежду в души людей на будущие блага обманет их, он не сможет убедить их даже тогда, когда его обещания будут вполне осуществимыми. Полководец должен воздерживаться от заверений, в реальности которых он сам точно не уверен; пусть это делают по его поручению другие. Свое выступление он должен приберегать на случай крайней опасности, в особенности дорожа доверием к себе.

20 — Клянусь Зевсом, отец, — отвечал Кир, — все, что ты говоришь, кажется мне прекрасным, и для меня будет самым большим удовольствием поступать таким образом. Мне кажется также, отец, что я приобрел некоторый опыт, который поможет мне добиваться повиновения у своих

воинов. Ведь ты воспитал во мне это чувство с детских лет, заставляя тебя слушаться. Затем ты передал меня учителям, и те продолжали воспитывать во мне это же качество. Когда же я стал эфебом, мой предводитель так же настойчиво добивался от меня послушания. Да и большинство законов, как мне кажется, воспитывают в человеке именно эти два качества, умение повелевать и умение повиноваться. И вот, размышляя обо всех этих вещах, я пришел к выводу, что скорее всего добьется повиновения от своих воинов тот полководец, который будет хвалить и поощрять дисциплинированных и, напротив, наказывать и лишать чести непослушных.

— Да, мой мальчик, это именно тот способ, которым принуждают 21 людей повиноваться по необходимости. Но, чтобы добиться дисциплины более осмысленной, чем эта, а именно добровольной, есть другой и более краткий путь. Люди с особой готовностью повинуются тому, кого считают разумнее себя в тех делах, где речь идет о их собственной выгоде. В справедливости этого ты убедишься на примере многих людей, особенно больных: они умоляют о помощи тех, кто может указать им путь к излечению. Обрати также внимание, с какой охотой подчиняются кормчим те, кто плывет вместе с ними на корабле. Да и путешествующие по суше изо всех сил стараются не отстать от людей, знающих, по мнению путешественников, дорогу лучше, чем они сами. Напротив, если человек сознает, что повиновение принесет ему вред, его никакими наказаниями не заставишь подчиняться приказам и не прельстишь никакими дарами. Ведь никто добровольно не станет принимать подарки, которые принесут ему вред.

— Итак, отец, ты утверждаешь, что самый надежный способ удержать 22 в повиновении своих воинов состоит в том, чтобы казаться более разумным, чем твои подчиненные?

— Да, именно так.

— Каким же путем можно скорее всего добиться, чтобы тебя считали таким человеком?

— Но, мой мальчик, путь к тому, чтобы казаться более разумным, не короче ведущего к тому, чтобы стать разумным в действительности. Рассматривая отдельно каждый пример, ты убедишься в том, что я говорю истину. Если, не являясь хорошим земледельцем, ты захочешь казаться им — или всадником, или врачом, или флейтистом, или еще кем-нибудь, — то подумай, как много различных ухищрений придется тебе употребить, чтобы создать о себе такое мнение. И даже если ты сумеешь сделать так, что множество людей станут восхвалять тебя, и ты тем самым добудешь себе славу мастера и при этом приобретешь наилучшие инструменты для каждого из этих занятий, то и тогда ты лишь на короткое время обманешь людей и вскоре, когда придется доказать свое мастерство на деле, окажешься изобличенным, да к тому же еще и хвастуном.

— Но как можно стать в действительности мудрым и быть всегда уве- 23 ренным, что принятые тобою решения полезны и необходимы?

— Совершенно ясно, мой мальчик, что этого можно достичь, познавая все, чему можно научиться у других людей, так, как ты научился тактике. А то, чего люди не могут постигнуть или предвидеть своим человеческим

умом, ты сможешь познать быстрее других при помощи искусства мантики, обращаясь к богам. Ты станешь по-настоящему мудрым, если постараешься выполнять уже принятые решения, признанные тобой наилучшими. Разумному человеку свойственно проявлять заботу о том, что необходимо выполнить, а отнюдь не беззаботность и небрежность.

24 — Но чтобы добиться любви своих подчиненных, — а это, как мне кажется, имеет величайшее значение, — необходимо, по-видимому, поступать подобно тем, кто старается приобрести друзей? Мне кажется, при этом люди должны ясно сознавать, что получают благодеяния от тебя.

— Очень трудно, мой мальчик, всегда иметь возможность оказать благодеяние тому, кому хочешь. Но радоваться вместе с людьми, когда им выпадает какая-нибудь удача, проявлять сочувствие, когда с ними случается беда, оказывать помощь, когда они в трудном положении, проявлять опасения, как бы они не совершили ошибки, одновременно пытаясь предо-
25 стеречь их, — всему этому надо уделять особое внимание. Да и при всяких работах, когда воинам приходится действовать в жару, полководец должен на глазах у всех трудиться вместе со своими воинами под палящими лучами солнца, а зимой — пренебрегая холодом. Он должен быть первым и тогда, когда от воинов требуются большие физические усилия. Такой полководец привлечет к себе любовь своих подчиненных.

— Ты утверждаешь, отец, что полководец должен быть и сильнее всех своих воинов?

— Да, разумеется; но не тревожься, мой мальчик! Ты должен знать, что полководец и рядовой воин, обладая одинаковой силой, по-разному сделают одно и то же дело. Сознание уважения, оказываемого ему, а также то, что на него обращены взоры всех воинов, значительно облегчают полководцу даже самый тяжелый труд.

26 — А когда воины уже имеют все необходимое, здоровы, выносливы, изучили воинское искусство, исполнены честолюбивых устремлений, когда им больше удовлетворения приносит собственная дисциплинированность, чем неповиновение, — разве тогда, отец, не покажется тебе здравомыслящим полководцем тот, кто пожелает как можно скорее вести их на врага?

— Разумеется, клянусь Зевсом, — отвечал отец, — если только он надеется одержать победу. Если же нет, то я предпочел бы соблюдать осторожность, и притом именно в той мере, в какой я чувствовал бы моральное превосходство свое и своих воинов, подобно тому, как и в других случаях мы стараемся сохранять в безопасности все, что нам наиболее дорого.

27 — А как можно, отец, скорее всего одержать победу над врагом?

— Клянусь Зевсом, мой мальчик, отнюдь не о простом или незначительном деле ты спрашиваешь. Однако знай, что тот, кто намерен добиться победы, должен стать коварным, скрытным, хитрым, лукавым, вором и грабителем, а также превосходить противника в военных хитростях.

Тогда Кир, рассмеявшись, сказал:

— Клянусь Гераклом, хорошее же будущее ты мне предрекаешь, отец!

— Ты будешь, мой мальчик, самым справедливым и наиболее точно соблюдающим законы человеком.

— Но почему же вы учили нас совершенно другому, когда мы были детьми, а затем эфебами? 28

— Совершенно верно, — сказал отец, — и ныне мы продолжаем учить вас поступать так по отношению к друзьям и согражданам. Но разве тебе неизвестно, что вы научились также и таким делам, которые дают возможность нанести ущерб неприятелю?

— Да нет же, по крайней мере о себе могу так сказать, — отвечал Кир.

— Тогда ради чего вы учились стрелять из лука и метать дротик? С какой целью постигли вы искусство заманивать в западни диких свиней, копая ямы и расставляя сети? Или охотиться на оленей с помощью капканов и петель? Почему вы вступали в схватку со львами, медведями, леопардами не как равные с равными, но всегда применяя различного рода хитрости и охотничьи уловки? Разве ты не знаешь, что все это — коварные приемы, обеспечивающие превосходство над противником?

— Да, разумеется, клянусь Зевсом, — отвечал Кир, — но ведь все это 29
было направлено против зверей! А если бы я попытался обмануть человека, мне досталось бы немало ударов бичом.

— Мы учили вас поражать мишени и не разрешали стрелять из лука или метать дротик в людей с той целью, чтобы вы в настоящее время не причиняли вреда друзьям, но в случае войны могли бы отразить врагов. И мы учили вас различного рода уловкам и хитростям на охоте, чтобы вы не применяли их против сограждан, но если случится война, чтобы вы были готовы использовать их в борьбе с врагом.

— Однако, отец, если в равной мере необходимо уметь и наносить 30
ущерб и приносить пользу, почему бы нам не развивать в себе эти навыки, применяя полученные знания к людям?

— Рассказывают, мой мальчик, что некогда, во времена наших пред- 31
ков, жил один учитель, который учил детей справедливости так, как ты советуешь. Он учил и лгать, и говорить правду, обманывать и поступать справедливо, быть искренними и клеветать, хитрить и поступать открыто и прямо. При этом он указывал, что из всего этого следует использовать против врагов, и что должно найти себе применение в отношениях с друзьями. И еще он учил, что можно обманывать и друзей, если это принесет им пользу, и воровать их имущество, если это пойдет им на
благо. Обучая так детей, он заставлял их применять все это в жизни, 32
подобно тому как эллины, судя по рассказам, обучают и детей обманным приемам в борьбе. И вот, некоторые молодые люди, имевшие склонность к обману и коварству, которые, возможно, были не прочь и поживиться за счет других, не удержались, чтобы не испробовать полученные навыки
на своих согражданах, пытаясь их обмануть. Поэтому и был установлен 33
закон [45], которому мы следуем и поныне. Согласно этому закону, детей следует учить только одному, как мы требуем и от рабов по отношению к нам, а именно говорить всегда правду, не обманывать и не хитрить. Если же они поступают иначе, мы их наказываем для того, чтобы, воспи-
тываясь в таких правилах, они выросли добрыми гражданами. А когда 34

они достигнут твоего возраста, то, согласно принятому решению, их можно уже совершенно безопасно обучать уловкам и приемам, применяемым против врагов. В этом случае не может возникнуть опасения, что вы, уже воспитанные во взаимном уважении, превратитесь в жестоких и грубых сограждан. Точно так же мы не беседуем со слишком юными о том, что касается любви, с целью не развивать в них сильного полового влечения. В противном случае, научившись легко его удовлетворять, они станут злоупотреблять этим.

35 — Итак, отец, поскольку я, клянусь Зевсом, отстал в изучении всех этих военных хитростей, то, прошу тебя, не скрывай от меня их, чтобы я мог побеждать врагов.

— Прежде всего старайся выстроить своих воинов в боевой порядок и атаковать врага всеми силами тогда, когда его ряды расстроены; или же, полностью вооружив своих воинов, так напасть на неприятеля, чтобы захватить его врасплох; или же, приказав своим войскам бодрствовать, обрушиться затем на спящего врага; или незаметно подкрасться к нему; или, когда враг займет невыгодные для него позиции, самому занять хорошо укрепленные.

36 — Но каким образом, отец, можно улучить момент, когда враг совершает подобные ошибки?

— Многие из них, мой мальчик, вынуждены совершать и вы, и они. Ведь отправляться за продовольствием приходится и вам, и вашим врагам; укладываться на отдых должны и вы, и они; с утра почти все одновременно покидают лагерь для отправления естественных надобностей. И пользоваться одними и теми же дорогами приходится и вам, и противнику, какие бы они ни были. Учитывая все это, ты должен будешь принимать особые меры предосторожности в отношении того, что будет казаться тебе самым уязвимым в твоем войске. Врагу же ты должен нанести удар именно там, где оборона окажется наиболее слабой.

37 — Итак, отец, именно при перечисленных обстоятельствах следует пытаться одержать верх над врагом или же существуют и другие?

— Их много больше, мой мальчик. Но в упомянутых мною случаях полководцы, знающие свое дело, выставят сильное охранение. Затем, тот, кто хочет обмануть врага, может оставить его в покое, а после захватить врасплох; может дать себя преследовать, чтобы враг расстроил свои боевые порядки, и, заманив неприятеля в неудобную местность, напасть на
38 него там. Тебе необходимо изучить все эти приемы и применять не только уже известные, но и самому быть изобретательным в различных военных хитростях, применяемых против врага, подобно тому, как музыканты исполняют не только такие произведения, которые они уже знают, но стремятся создать и что-то новое. Как в музыке наибольшей славой пользуется все то, что ново и свежо, так и в военном искусстве тем большее внимание привлекают всякие новшества. С их помощью можно скорее
39 всего ввести в заблуждение противника. И если ты, мой мальчик, станешь применять против людей даже те уловки, с помощью которых ты охотился на самых маленьких животных, то разве тебе не придет в голову мысль,

что тем самым ты совершаешь действия, очень близкие к военным хитро-
стям? Ведь, отправляясь охотиться на птиц, ты в самую суровую стужу
встаешь ночью, и не успеют птицы подняться в воздух, как у тебя уже
приготовлены силки для них, а траву и кусты, примятые тобой, ты тща-
тельно маскируешь, как будто там никто не побывал. Ты используешь
дрессированных птиц, которые оказывают тебе существенную помощь,
приманивая своих диких сородичей. Сам же ты стараешься притаиться
так, чтобы ты мог их видеть, а они тебя не могли. Ты умеешь захлопнуть
западню прежде, чем из нее вылетит птица. Охотясь на зайцев, которые 40
кормятся в сумерках, а днем убегают, ты пускаешь в дело собак, которые
чутьем отыскивают их; если выслеженный заяц убежит, ты выпускаешь
других собак, которые натасканы преследовать его по пятам. А если и эти
собаки не догонят его, ты, отыскав лазейки, где скрываются зайцы, не-
заметно раскидываешь там сети, чтобы стремглав несущийся заяц, попав
туда, запутался. А чтобы он не вырвался, ты расставляешь вблизи егерей,
и они тотчас же прибегают. А чтобы легче было его схватить, ты сам,
стоя позади и громко крича, доводишь зайца до полного смятения, одно-
временно приказав сидящим в засаде притаиться[46]. Так что если ты за- 41
хочешь применять все эти приемы и против людей, как уже говорил об
этом выше, то, по-моему, ты не уступишь врагу в применении военных
хитростей.

Если же возникнет необходимость открыто, в полном боевом снаря-
жении, сразиться с врагом на равнине, тогда, мой мальчик, большое зна-
чение имеют те качества войска, которые были приобретены до этого
на протяжении продолжительного времени. Среди них я назову следую-
щие: это — отличная закалка, высокий моральный дух войска, прекрасная
воинская выучка. Надо учитывать, что все воины, от которых ты ждешь 42
выполнения своих приказов, сами ожидают от тебя заботы о них самих.
Никогда об этом не забывай и ночью думай о том, что будут делать твои
воины днем, а когда настанет день, заботься, чтобы к ночи все было в по-
рядке. Относительно же того, как надо строить войска в боевой порядок, 43
готовясь к битве, как вести войска днем или ночью — по узким или широ-
ким дорогам, по горным или равнинным, — как разбивать лагерь, как
выставлять боевое охранение, дневное или ночное, как вести наступление
или отступать, как штурмовать укрепленный вражеский лагерь, как брать
крепости или отступать от них, как переходить лесные ущелья и реки, как
защищаться от нападения конницы, метателей дротиков и лучников, как
противостоять неприятелю, когда ведешь свое войско длинной колонной
и столкнешься с ним, как следует поступать, если враг покажется не
с фронта, а с противоположной стороны, когда ты наступаешь; как можно
разведать планы врага, а свои сохранить в тайне — надо ли мне расска-
зывать обо всем этом? То, что известно мне, ты слышал неоднократно.
А если тебе казалось, что и другие знают об этом что-либо полезное, ты,
будучи любознательным юношей, и их не оставлял без внимания. И вообще
всякий раз, я полагаю, следует действовать так, как представляется наи-
более целесообразным в данный момент.

44 Теперь, мой мальчик, я хочу сообщить тебе самое главное. Если жертвы и гадания по птицам оказались неблагоприятными, не подвергай опасности ни себя, ни свое войско. Ты должен сознавать, что люди руководствуются в своих поступках лишь догадками, не зная точно, что именно
45 принесет им благо. Ты можешь убедиться в этом на опыте. Многие люди, и притом считавшиеся весьма мудрыми, убеждали свои государства начать войну против тех, от руки которых поддавшиеся уговорам сограждане потом погибали. Иные, содействовавшие процветанию и отдельных лиц, и целых государств, претерпевали позже от них величайшие бедствия. Некоторые имели возможность приобрести друзей, способных принести им великую пользу, оказывая услуги взамен; но они пожелали превратить их скорее в рабов, чем в друзей, и за это поплатились. Других не удовлетворяли доставшиеся им на долю блага, и они пожелали стать господами над всеми; но позже они лишились и того, чем обладали прежде. Были и такие, которые, добившись вожделенного богатства, из-за него погибали.
46 Так мудрость человека не в большей степени способна определить, что принесет ему благо, как если бы он решал, что ему следует делать, кидая жребий. Но вечно сущие боги, мой мальчик, знают все, и то, что было, и то, что есть, и то, что должно произойти с каждым. Тем из пришедших к ним за советом, к которым они благосклонны, они указывают, что они должны делать и чего не должны. И если они не всем хотят помогать своими указаниями, то в этом нет ничего удивительного: у них нет никакой необходимости заботиться о тех, о ком они заботиться не хотят.

КНИГА ВТОРАЯ

Глава 1

Беседуя подобным образом, они достигли границ Персии. После того, 1
как орел, показавшись с правой стороны, указал им путь[1], они вознесли
молитву богам и героям, владеющим землей персов[2], прося милостиво и
благосклонно проводить их, и так пересекли границу. Как только Кир
с отцом перешли ее, они сразу же обратились с молитвой к богам, владе-
ющим мидийской землей, чтобы эти боги благосклонно и милостиво при-
няли их под свое покровительство. После этого они попрощались подо-
бающим образом друг с другом. Отец вернулся в Персию, а Кир отпра-
вился в Мидию к Киаксару. Прибыв туда[3], Кир прежде всего обменялся 2
с Киаксаром подобающими приветствиями, и затем Киаксар спросил Кира,
велико ли войско, с которым он прибыл. Кир ответил:

— Тридцать тысяч воинов, которые и прежде нанимались к вам на
службу. Прибывают и другие из числа гомотимов, и среди них такие, ко-
торые ранее никогда не выступали за пределы своего государства.

— И сколько же их?

— Число их, пожалуй, тебя не обрадует. Но ты должен учесть, что 3
эти так называемые гомотимы, хотя их и немного, легко справляются
с управлением большими массами остальных персов. Но есть ли нужда
в них, или страх твой был напрасен и враги не выступили?

— Выступили, клянусь Зевсом, и в великом множестве!

— Откуда это известно? 4

— Многие приходят оттуда, и хотя каждый по-своему, но в общем го-
ворят одно и то же.

— Итак, нам предстоит сразиться с мужами!

— Да, это неизбежно.

— Что же ты ничего не говоришь о их численности, если она тебе из-
вестна? Сколь велико приближающееся войско врагов и каковы наши
силы? Зная соотношение тех и других, мы могли бы решить, как нам
выгоднее всего с ними сразиться.

— Слушай же, — ответил Киаксар. — Крез Лидийский, как говорят, 5
ведет с собой 10 000 всадников и более 40 000 лучников и пельтастов.
Артакам, правитель Великой Фригии, ведет с собой, говорят, 8000 всад-
ников, а копейщиков и пельтастов не менее 40 000. Арибей, царь Каппадо-
кии, ведет с собой 6000 всадников и не менее 30 000 пельтастов и лучни-

ков. Арагд Аравийский — до 10 000 всадников, 100 колесниц и множество пращников. Что касается живущих в Азии эллинов, то неизвестно, выступили ли они. Габед, правитель фригийцев, живущих близ Геллеспонта, собрал, как говорят, в долину Каистра 6000 всадников и до 10 000 пельтастов. Карийцы, киликийцы и пафлагонцы были призваны, но, как говорят, не выступили. Ассирийский же царь, владыка Вавилона и всей Ассирии, приведет, как я полагаю, не менее 20 000 всадников, а колесниц, как мне достоверно известно, не менее 200. Пехотинцев же, я полагаю, у него будет великое множество: так было всегда, когда он на нас нападал.

6 — Итого ты насчитал во вражеском войске 60 000 всадников и более 200 000 пельтастов и стрелков из лука, — сказал Кир. — Но скажи теперь, сколь велико твое войско.

— Мидийской конницы у нас более 10 000, число же пельтастов и стрелков составит, пожалуй, около 60 000. От наших соседей армян прибудет 4000 всадников и около 20 000 пехотинцев.

— Судя по твоим словам, число наших всадников составит менее четверти от числа вражеской конницы, а количество пехотинцев будет примерно вдвое меньшим, чем у врага.

7 — Что же, ты не считаешь малочисленными тех персов, которых ты, по твоим словам, ведешь сюда?

— Мы сейчас посоветуемся, нужны ли нам подкрепления или нет. Но скажи мне, какую тактику в бою применяют обе стороны?

— Почти одинаковую. И у них, и у нас есть стрелки из лука и метатели дротиков.

— При таком вооружении, по-видимому, между сражающимися непременно возникнет перестрелка?

8 — Без сомнения, — сказал Киаксар.

— Тогда можно утверждать, что при перестрелке победа будет за тем, кто обладает численным перевесом. Ведь чем больше стрелков и метателей дротиков, тем скорее они выведут из строя и истребят малочисленных воинов, тогда как небольшое количество их не сможет достичь этого результата над превосходящими силами противника!

— Если, Кир, дело обстоит именно так, то самое лучшее, что мы можем сделать, — это послать вестника к персам. Он сообщит им, что если с мидянами случится беда, то она не минует и персов, и попросит у них подкрепления.

— Но ты должен понять, — возразил Кир, — что, если даже все персы явятся сюда, мы не превзойдем численностью неприятеля.

9 — Что же ты можешь предложить в таком случае?

— Если бы я был на твоем месте, Киаксар, то постарался бы поскорее изготовить оружие для прибывающих сюда персов — такое, каким вооружены наши воины, называемые гомотимами. Оно состоит из панциря, одеваемого на грудь, плетеного щита, который носят в левой руке, кривой сабли или секиры, которую носят в правой. Подготовив это снаряжение, ты тем самым доставишь нам возможность совершенно безопасно атаковать врага, который предпочтет сопротивлению бегство. А против тех, кто оста-

нется в строю, мы станем наступать своими боевыми порядками. Бегущего противника мы оставим вам и вашим всадникам, чтобы враги не имели возможности остановиться или повернуть назад.

Так говорил Кир. Киаксар, решив, что тот дал хороший совет, уже бо- 10
лее не вспоминал о подкреплениях, а стал готовить снаряжение, о котором говорилось выше. Оно было уже почти совершенно готово, когда прибыли
из Персии гомотимы вместе с персидским войском. Тогда, говорят, Кир 11
собрал их и сказал следующее:

— Друзья! Я увидел, как вы, явившись сюда и вооруженные таким оружием, горите желанием сразиться с врагом врукопашную. Между тем я узнал, что оружие прибывших с вами персов наиболее пригодно для ведения дальнего боя. Поэтому я стал опасаться, как бы вы не понесли урона при столкновении с превосходящими силами противника, прибыв сюда в малом числе и без союзников. Пришедшие с вами люди безупречно сложены и прекрасно подготовлены физически; а оружие им будет предоставлено такое, как у нас. Нам предстоит теперь лишь воспламенить их души. Ведь полководец должен стремиться не только к тому, чтобы самому быть доблестным и храбрым; он обязан заботиться и о том, чтобы его подчиненные также стали доблестными воинами.

Так он сказал, и все гомотимы обрадовались, что в бою к ним присо- 12
единятся многочисленные соратники. Один же из них произнес при этом следующую речь:

— Может быть, то, что я сейчас скажу, покажется вам странным, но 13
именно Киру я бы посоветовал выступить от нашего имени перед персами, когда они получат оружие, чтобы сражаться вместе с нами. Мне хорошо известно, что человеческую душу скорее трогают речи тех, кто обладает бóльшими возможностями и награждать, и наказывать. А когда такие люди дарят что-либо, их подарки, будь они самыми незначительными, ценятся выше, чем дары обычных людей. Поэтому и теперь, я полагаю, наши персидские соратники выслушают речь Кира с большей радостью, чем нашу. А когда их зачислят в ряды гомотимов, они станут считать свое положение более прочным, будучи обязаны этим царскому сыну и полководцу, а не нам. Впрочем, нам тоже не следует устраняться, но, напротив, [любым способом] [4] надо всячески возбуждать в них благородную решимость. Ведь чем более достойными воинами они себя покажут, тем это будет полезнее и для нас.

После этого Кир собрал всех персидских воинов и, приказав сложить 14
все оружие на середину, произнес следующую речь:

— Персидские воины! Вы родились и были воспитаны в той же 15
стране, что и мы, и тела ваши закалены ничуть не хуже, чем наши; вам подобает и духом быть нисколько не слабее нас. Обладая такими качествами, вы на нашей общей родине не имели равных с нами прав, но не потому, что кто-то несправедливо вас обделил, а потому, что вам необходимо было самим добывать себе средства к существованию. Теперь мне вместе с богами предстоит позаботиться о предоставлении вам равных с нами прав. Перед вами, если вы захотите, откроется возможность полу

чить такое же вооружение, как у нас, и сражаться рядом с нами, разделяя те же опасности, которым подвергаемся мы. И если вы проявите себя благородными и доблестными воинами, вы удостоитесь равных с нами поче-
16 стей. Раньше вы, как и все мы, занимались стрельбой из лука и метанием дротика. Если вы хуже нас владеете этим искусством, то это не удивительно; ведь у вас не было такого досуга, как у нас, чтобы уделять этим занятиям должное внимание. Но, когда вы наденете на себя это вооружение, вы ни в чем не будете нам уступать. У каждого из вас будет хорошо прилаженный к груди панцирь, плетеный щит в левой руке, который мы все привыкли носить, меч или секира в правой, которыми можно разить
17 врага без опасения промахнуться. И тогда чем же другим каждый из нас сможет отличиться, если не храбростью? А вам подобает воспитывать в себе это качество ничуть не меньше, чем нам. И почему бы нам следовало больше, чем вам, стремиться к победе — этому источнику и залогу всех благ и почестей? А что касается власти, которая делает все имущество побежденных достоянием победителей, то разве мы более нуждаемся
18 в ней, чем вы?

В заключение Кир сказал:

— Вы слышали мою речь, оружие перед вами. Желающие пусть возьмут его и запишутся у таксиарха в таксис, подобный нашему. А тот, кто хочет удовольствоваться положением наемника, пусть останется с оружием вспомогательных войск.

19 Так говорил Кир. Слушавшие его персы подумали, что если они сейчас в ответ на призыв Кира не согласятся взять на себя обязанности гомотимов и за это получить равные с ними права, тогда они по справедливости должны будут прожить весь свой век в безысходной нужде. Поэтому они все записались и взяли оружие.

20 Пока ходили слухи о приближении врага, но его еще не было видно, Кир занимался разнообразными упражнениями со своими воинами, чтобы закалить их тела, и обучал их тактике, всеми силами поднимая в них воин-
21 ский дух. Но прежде всего, получив от Киаксара известное число гиперетов[5], он приказал им доставлять его воинам все необходимые припасы в нужном количестве. После этого солдатам ничего другого не оставалось делать, кроме как заниматься воинскими упражнениями. Кир был уверен, что только тот в совершенстве овладеет каким-либо искусством, кто оставит без внимания все остальное и устремит все свои силы на изучение избранного предмета. Поэтому он исключил из воинских упражнений стрельбу из лука и метание дротика, оставив лишь боевые упражнения в панцире, с мечом и щитом. Кир настойчиво приучал воинов к мысли, что им предстоит атаковать врага сомкнутым строем — иначе им придется признать свою негодность как союзников. А людям, прекрасно знающим, что им выплачивают содержание не ради чего-либо иного, а только ради того, чтобы они отважно сражались за своих покровителей, признать это
22 очень тяжело. Зная, что воины охотнее занимаются на учениях, когда между ними возникает соревнование, Кир учредил состязания по всем видам боевой выучки, в которой совершенствуются воины. Условия сорев-

нований были следующие. Рядовой воин должен был проявить свою дисциплинированность, трудолюбие, смелость при встрече с врагом, выдержку и знание воинского искусства, умение ухаживать за оружием, а также честолюбие и стремление к славе, воспитывая в себе эти качества. Пемпадарх должен был и сам стать образцовым воином, и свою пятерку по возможности сделать такой же. Декадарх должен был подобным же образом подготовить свою десятку, лохаг — свой лох, а таксиарх не только был обязан сам стать безупречным воином, но и должен был следить за подчиненными ему командирами, чтобы те проявляли необходимую требовательность по отношению к своим подчиненным[6] в исполнении воинского долга. Таксиархам, признанным лучшими начальниками своих так- 23
сисов, он назначил наградой должность хилиарха, лохагам, лучше всех подготовившим свои лохи, — повышение в должности до таксиарха, лучшим декадархам — должность лохага, и точно такое же повышение пемпадархов до декадарха, а лучших рядовых воинов — до пемпадарха. Привилегией всех этих начальников было прежде всего уважение со стороны подчиненных, а кроме того, им оказывались другие почести в соответствии с положением каждого. Те, кто заслужил похвалу, могли надеяться и на бóльшую награду, если с течением времени они совершали что-либо особенно выдающееся. Кир установил победные награды и целым подразделениям — 24
таксисам, лохам, десяткам и пятеркам, которые проявили особое усердие во всех тех делах, о которых говорилось выше, и служили примером дисциплинированности. Награды эти были такими, какими подобает награждать большие группы людей. Так распорядился Кир, и так упражнялось его войско.

Он приготовил для воинов и палатки в количестве, соответствующем 25
числу таксиархов. Палатки были такой величины, что могли вместить целый таксис. Таксис же состоял из ста человек. Таким образом, воины располагались в палатках по таксисам. Кир полагал, что совместная жизнь в палатках скажется самым благоприятным образом на исходе будущих сражений[7]. Воины видели, что они получают одинаковое довольствие, и потому у них не возникало жалоб, что кого-то содержат хуже; а ведь это могло дать повод некоторым менее достойно вести себя в битве с врагом. Кир считал совместную жизнь в палатках полезной и по другой причине: так воины лучше узнавали друг друга, а это способствовало развитию чувства стыда; ведь незнакомые люди скорее позволят себе пренебречь выполнением своего долга, как будто они блуждают в темноте. Он также 26
был уверен, что совместная жизнь воинов будет способствовать лучшему знанию своего места в строю. Таксиархи располагали на ночь воинов своих отрядов в строгом порядке, так, как будто они выступали строем по одному. То же можно сказать и о лохагах с их лохами, декадархах с их десятками, пемпадархах с их пятерками. А знание своего места в строю, 27
полагал Кир, весьма важно для сохранения боевых порядков: если эти порядки расстроятся, то их легко будет восстановить, как, например, легко восстановить сооружение, сложенное из камней и деревянных балок. Если оно обрушилось, его можно собрать вновь при условии, что каждый ка-

мень или балка будут иметь знаки, указывающие, какое место они зани-
28 мали в сооружении ранее. Кир также считал, что совместная жизнь воинов воспитывает в них стремление не отставать друг от друга, ибо он видел, что даже животные, которых содержат вместе, очень тоскуют в разлуке.
29 Наконец, Кир всегда заботился о том, чтобы воины приходили на завтрак или обед после того, как основательно пропотеют. Этого он достигал, постоянно выводя их на охоту или изобретая игры, при которых у человека выделяется большое количество пота; или же, когда предстояло выполнить какую-то работу, воины выполняли ее так, что при этом приходилось им сильно потеть. По мнению Кира, работы эти были полезны для возбуждения аппетита, для здоровья вообще, для воспитания выносливых и дружных воинов. Ведь даже лошади, которые трудятся в общей упряжке, спокойнее стоят рядом. Да и против неприятеля с большей уверенностью выступает тот, кто знает, что он хорошо подготовился к бою.

30 Для себя Кир приготовил шатер, который мог вместить всех приглашенных им на обед[8]. В большинстве случаев он приглашал к себе тех таксиархов, чье присутствие на этот раз полагал необходимым. Но он приглашал и некоторых лохагов, декадархов, пемпадархов и даже рядовых воинов. Иногда у него бывала целая пятерка, или десятка, или лох, или таксис. Он приглашал к себе и оказывал особые почести воинам, которые, как он замечал, действовали именно так, как он сам бы действовал на их месте. Всем приглашенным на обед подавались одинаковые яства, такие же,
31 как ему самому. Гипереты, служившие при войске, получали у него одинаковое со всеми содержание. По его мнению, они заслуживали уважения ничуть не меньше, чем вестники или послы. Кир хотел иметь в их лице верных, разумных, знающих военное дело помощников, энергичных, быстрых, бесстрашных и невозмутимых. Помимо тех качеств, которыми обладали лучшие воины, гипереты должны были приучаться безотказно выполнять любое дело, считать своей основной обязанностью выполнение всех поручений полководца.

Глава II

1 Кир постоянно заботился, чтобы гости, собиравшиеся в его палатке, вели приятные для общества и побуждающие к добру беседы. Однажды он завел такой разговор:

— Воины, среди наших товарищей по оружию есть такие, которые не получили воспитания, подобного нашему. Окажутся ли они поэтому хуже нас, или же они ни в чем не будут отличаться от нас и в обществе, и в сражении с врагом?

2 Отвечая на этот вопрос, Гистасп сказал:

— Я не знаю наверное, как поведут себя иные, столкнувшись с неприятелем. Но в обществе, клянусь богами, некоторые из них показали себя

весьма невоспитанными. Не так давно Киаксар прислал в каждый таксис скотину для убоя, и каждому из нас подносили три или даже более блюда мяса. Неся первую перемену, повар оделял присутствующих, начиная с меня. Когда он появился вторично, я приказал ему начинать с последнего и оделять всех в обратном порядке. Тогда один воин, из числа воз- 3
лежавших[9] посредине, воскликнул:

— Клянусь Зевсом, нам не достанется справедливая доля; ведь от тех, кто находится посредине, никогда не начнут раздавать!

Услышав эти слова, я был весьма огорчен тем, что он считает себя обделенным, и тотчас подозвал его к себе. Он охотно повиновался. Когда очередь дошла до нас, на блюде оставались лишь самые маленькие куски мяса, так как мы были последними, кто должен был с него брать. Лицо воина выразило явное огорчение, и он воскликнул про себя:

— Что за несчастная судьба, нужно же было, чтобы меня пригласили сюда, на это место!

Тогда я сказал: 4

— Успокойся! Сейчас он начнет разносить от нас, и ты первым выберешь себе самый большой кусок.

Вслед за этим повар стал разносить в третий раз: это была последняя перемена. Сидевший рядом со мной воин взял кусок, но он показался ему меньше, чем другие, и он тотчас же бросил его обратно на блюдо, собираясь взять другой. Однако повар, полагая, что он отказывается от мяса, отошел прежде, чем воин успел взять другой кусок, чтобы обнести других. Такой поворот дела доставил этому воину столь сильное огорчение, 5
что в смятении и гневе на судьбу, придя в самое дурное расположение духа, он опрокинул и оставшийся у него соус. Сидевший рядом со мной лохаг всплеснул руками и расхохотался. Я же притворился, что кашляю, но и сам не смог удержаться от смеха. Вот, Кир, о каком нашем соратнике я тебе рассказал.

Все, конечно, рассмеялись, услышав этот рассказ. Но другой таксиарх 6
промолвил:

— Кир, ему, по-видимому, действительно пришлось столкнуться с невоспитанным человеком. Но вот недавно ты обучал нас и затем распустил отряды, приказав каждому таксиарху подобным образом обучать свой таксис. Поступая, как и все другие, я взял один лох и стал его обучать. Впереди я поставил лохага, за ним остальных воинов в том порядке, как мне показалось необходимым. После этого я встал перед ними и, когда наступило время, глядя на выстроившийся отряд, дал команду идти. Тогда молодой воин вышел из-за лохага и устремился вперед. Увидя это, 7
я сказал:

— Человек, что ты делаешь?

Тот ответил:

— Иду вперед, как ты приказал.

— Но ведь я не тебе одному приказал, а всем!

Услышав эти слова, воин повернулся к остальным лохитам[10] и сказал:

— Не слышите вы, как он ругается? Он приказывает всем идти вперед!

Тогда все лохиты, обойдя лохага, двинулись ко мне.

8 Лохаг приказал им вернуться на прежнее место, и они стали выражать неудовольствие, говоря:

— Кому же подчиняться? Один приказывает идти вперед, другой не разрешает!

Я спокойно отнесся ко всему происшедшему и, построив весь отряд вновь, приказал, чтобы никто из стоящих позади не трогался с места ранее впереди стоящего. Все должны следить за тем, чтобы двигаться друг за

9 другом. Тут ко мне подошел один воин, направлявшийся в Персию, и напомнил мне о письме, которое я написал домой и собирался с ним передать. Лохаг знал, где лежит письмо, и я приказал ему бегом его принести. Тот побежал, юноша же этот последовал за ним, в панцире и с мечом, и все остальные воины, видя это, устремились вслед. Все они вернулись назад, неся письмо. Так мой лох в точности исполняет все твои приказы.

10 Все, разумеется, расхохотались, услышав историю письма с конвоем. Кир же сказал:

— О, Зевс и все боги! Каких соратников мы получили! Они настолько сговорчивы, что за небольшое количество мяса можно приобрести множество друзей! А некоторые настолько дисциплинированны, что бросаются исполнять приказ прежде, чем поймут, что же им было приказано! Я, право, и не знаю, каких нам еще желать солдат!

11 Так Кир шутливо расхваливал своих воинов. В палатке случайно присутствовал один таксиарх, Аглаитад, отличавшийся особо угрюмым характером. Этот самый Аглаитад сказал:

— Неужели ты думаешь, Кир, что они говорят правду?

— Но для чего они стали бы лгать? — возразил Кир.

— А только для того, чтобы заставить всех посмеяться, вот с какой целью они лгут!

12 — Выражайся поосторожнее, — сказал Кир, — и не называй лгунами этих людей. Этого названия, по-моему, заслуживает лишь тот, кто притворяется или более богатым или более храбрым, чем на самом деле, или же обещает совершить то, чего не в состоянии сделать, а на поверку обнаруживается, что он заявлял такое только с целью наживы и собственной выгоды. Те же, кто стремится рассмешить людей, не преследуя никакой выгоды, не оскорбляя слушателей и никому не принося вреда, могут быть названы скорее людьми благовоспитанными и остроумными, а не лгунами.

13 Так Кир оправдывал людей, развлекавших общество. А таксиарх, рассказавший забавную историю с лохом, заметил:

— Аглаитад, если бы мы попытались заставить тебя плакать, наподобие тех людей, которые песнями или речами, излагая что-либо печальное, стараются довести людей до слез, ты бы, вероятно, стал нас очень сильно бранить. А ныне, когда ты и сам знаешь, что мы хотели тебя немного повеселить, отнюдь не причиняя тебе вреда, ты так тяжко нас оскорбляешь!

— И поступаю правильно, клянусь Зевсом, — отвечал Аглаитад, — ибо тот, кто заставляет людей смеяться, совершает более недостойный поступок, чем тот, кто вынуждает их плакать. Ты и сам, поразмыслив, согласишься, что я говорю правду. Заставляя детей плакать, родители воспитывают в них скромность, а учителя обучают полезным наукам. И законы, заставляя людей плакать, обращают их на путь справедливости. А мог бы ты назвать тех, кто вызывает смех у окружающих, людьми, содействующими нашему здоровью или вселяющими в души других склонность к хозяйственным заботам или к государственным делам? 14

На это Гистасп возразил: 15

— Аглаитад, если хочешь последовать моему совету, смело оделяй врагов тем, что представляет собой столь великую ценность в твоих глазах, и заставляй их плакать. Нам же и присутствующим здесь друзьям нашим щедро удели от того, что так низко тобою ценится, а именно от смеха. Я знаю, в тебе скрыты большие запасы его. Ты ведь не израсходовал сам эти запасы и не давал возможности добровольно посмеяться ни друзьям, ни гостям. Так что у тебя нет оснований отказывать нам в некотором количестве смеха.

Аглаитад на это ответил:

— Ты, Гистасп, хочешь посмеяться надо мной?

— Нет, клянусь Зевсом! Это нелепая мысль. Из тебя скорее можно высечь огонь, чем извлечь смех!

При этих словах все расхохотались, зная его нрав, и сам Аглаитад улыбнулся. А Кир, увидев его просветлевшее лицо, воскликнул: 16

— Таксиарх, ты поступаешь нехорошо, развращая серьезнейшего мужа и заставляя его смеяться, особенно если вспомнить его ненависть к смеху!

На этом и закончилась та история. После этого Хрисант сказал, обращаясь к Киру и всем присутствующим: 17

— Мне известно, что с нами выступают в поход как доблестные, так и менее достойные воины. Если нам случится одержать победу, все они захотят получить равное вознаграждение. А я вот полагаю, что нет ничего более несправедливого, чем требовать равенства при оценке заслуг и храбрецов и трусов. 18

Кир на это ответил:

— Пожалуй, друзья, если божество увенчает наши ратные труды успехом, нам следовало бы, клянусь богами, посоветоваться со всем войском, как оно рассудит: вознаграждать ли всех поровну, или же оценивать поведение каждого в отдельности и в соответствии с этим назначать награды?

— Но к чему затевать об этом разговор, — сказал тут Хрисант, — а не сказать сразу, что ты поступишь именно так? Разве ты не устроил состязания и не назначил награды подобным же образом? 19

— Но, клянусь Зевсом, это не одно и то же, — отвечал Кир. — То, что я командую войском, все воины, очевидно, считают правом, принадлежащим мне от рождения, и произведенное мною распределение командных

должностей не станут рассматривать как нарушение справедливости. А вот добычу, которая им достанется на войне, они будут считать своим общим достоянием.

20 — Но постановит ли собравшееся войско распределять вознаграждение не поровну между всеми, а так, чтобы самым отважным достались и самые высокие награды и бóльшая часть добычи? Что ты думаешь по этому поводу?

— Я полагаю, — ответил Кир, — будет именно так, поскольку и мы все согласны с этим, да и вообще было бы стыдно возражать против поощрения самыми высокими наградами воинов, вынесших на себе самые тяжкие испытания и более всех других способствовавших успеху общего дела. Я думаю, даже самые робкие сочтут полезным, если храбрецы получат подобное преимущество.

21 Кир желал добиться такого решения прежде всего ради гомотимов: он полагал, что они станут сражаться лучше, зная, что совершенные ими подвиги будут увенчаны достойными наградами. Наступивший момент казался ему наиболее подходящим для такого решения, потому что и гомотимы стали опасаться, как бы их не приравняли к черни.

Собравшиеся в палатке выразили свое согласие с таким решением и добавили, что его должен поддержать всякий, кем бы он ни был.

22 Тут один из таксиархов, рассмеявшись, сказал:

— Я знаю человека из народа, который охотно поддержит предложение, направленное против равенства!

Один из присутствующих тогда спросил говорившего, кого он имеет в виду. Тот ответил:

— Есть у нас в палатке один человек, который во всем старается получить бóльшую долю, клянусь Зевсом!

— В трудах и опасностях также? — спросили его.

— Должен поклясться, что нет; тут я сказал бы неправду. Что касается трудов и тому подобного, то, как я заметил, здесь он старается выбрать себе самую меньшую долю.

23 — А я полагаю, друзья, — сказал тут Кир, — что подобных людей
надо вообще изгонять, если мы хотим иметь боеспособное и дисциплини-
рованное войско. Большинство солдат, насколько я знаю, с готовностью
последуют туда, куда их поведут. А доблестные и благородные поведут их
на свершение благих и достойных дел, тогда как порочные люди будут
24 соблазнять их на дурные дела. И очень часто порочные привлекают
к себе гораздо больше людей, чем честные. Заманивая наслаждением,
предоставляемым немедленно, порок таким путем вербует себе множество
единомышленников, тогда как добродетель, указывающая крутой путь
к вершинам, не слишком привлекательна в настоящем, чтобы за ней сле-
довали без долгих размышлений, особенно тогда, когда другие увлекают
25 тебя по наклонному и соблазнительному пути порока. Между прочим, те,
которые дурны по своей лености и нерадивости, приносят вред только тем,
что, подобно трутням, живут за счет других. Те же, которые и от работ
уклоняются, и проявляют необыкновенную энергию, бесстыдно стремясь

завладеть большею долей благ, более других увлекают людей на путь порока; ведь своим примером они доказывают, что подлость нередко доставляет выгоду. От таких людей мы решительно должны очистить свое войско. И не старайтесь пополнить отряды исключительно согражданами[11]. Так же, как вы отбираете лошадей, стараясь отыскать для себя самых лучших, а не тех, которые выросли у вас на родине, подобным же образом подбирайте себе и людей из разных стран, лишь бы они укрепили ваши ряды и принесли вам славу и честь. Следующие примеры убедят вас в том, что именно таким путем вы скорее всего достигнете успеха. Ведь и колесница не станет двигаться быстро, если в нее запрячь медлительных коней или в одну упряжку поставить резвого коня и клячу; и в доме не будет должного порядка, если в хозяйстве завелись негодные рабы — дом будет стоять прочнее, совершенно лишенный рабов, чем разрушаемый дурными. Вы хорошо знаете, друзья, что, изгоняя из общества порочных людей, вы не только приобретаете благо, заключающееся в их отсутствии, но добиваетесь еще того, что те из оставшихся, кто перенял от них дурные нравы, после изгнания подобных людей избавляются от порока, а достойные воины, видя, как наказаны дурные, стремятся стать еще более достойными и доблестными.

26 и 27 — (see margin)

Так говорил Кир. Все друзья согласились с ним и стали поступать в соответствии с его словами. 28

Вслед за этим Кир вновь завел шутливые разговоры. Заметив, как один из лохагов ужинал рядом с косматым и весьма безобразным воином, он обратился к этому лохагу по имени и сказал:

— Самбавл, ты, вероятно, следуешь эллинскому обычаю, если всюду бываешь вместе с этим юношей, возлежащим рядом с тобой. Ты делаешь это, по-видимому, ради его красоты?

— Клянусь Зевсом, — отвечал Самбавл, — мне доставляет удовольствие видеть его и быть рядом с ним.

При этих словах все присутствующие обратили свои взоры в его 29 сторону и, увидев лицо этого воина, разразились хохотом. Один из них заметил при этом:

— Во имя богов, Самбавл, скажи нам, чем привлек тебя к себе этот человек?

Тот ответил: 30

— Друзья, клянусь Зевсом, я охотно открою причину. Сколько раз мне ни приходилось звать его, днем или ночью, он никогда, отговариваясь недосугом, не отказывался прийти на помощь, и не просто приходил, а прибегал. Что бы я ни приказал ему сделать, он всегда трудился до седьмого пота, выполняя мое приказание. И свою десятку он обучил так же добросовестно выполнять свой воинский долг, не на словах, а на деле показывая, каким должен быть воин.

Тут кто-то заметил: 31

— И все же, несмотря на его выдающиеся качества, ты не целуешь его, как своих родных.

Безобразный воин ответил за него:

— Это так, клянусь Зевсом. Ведь он не переносит тяжелой работы. Если бы он захотел поцеловать меня, для него это равнялось бы самому тяжкому труду!

Глава III

1 Так в шатре Кира затевались попеременно то шутливые, то серьезные
речи и дела. Совершив третье возлияние[12] и обратившись к богам с моль-
бой даровать благо, все покинули шатер Кира и отправились на отдых.
На следующий день Кир собрал всех воинов и произнес перед ними сле-
дующую речь:
2 — Друзья, близится схватка, враги уже недалеко. Наградой нам, если
мы победим, — а именно о победе нам следует говорить и ее непременно
добиваться, — будут наши враги и все, что им принадлежит. А если, на-
против, побежденными окажемся мы, то все имущество побежденных будет
3 наградой победителю. Вам всем надо твердо усвоить следующую истину.
Когда каждый воин перед сражением проникнется сознанием того, что
его долг — бороться за победу, не жалея сил, понимая, что если он сам
не будет храбро сражаться, то и успех не будет достигнут, тогда все войско
в короткий срок одержит много блестящих побед. Напротив, когда каж-
дый воин затаит в душе надежду, будто кто-то другой станет сражаться
за победу и нести все тяготы войны в то время, как ему самому можно
будет предаваться лени и безделию, — этому войску, запомните, выпадут
4 на долю все беды и несчастья побежденных. И божество устроило все со-
ответствующим образом: над теми, кто не желает самостоятельно доби-
ваться благополучного исхода, оно поставило других в качестве начальни-
ков, повелевающих ими. Пусть же теперь кто-нибудь встанет и выскажет
свое мнение по следующему поводу: если воины, более других потрудив-
шиеся во имя победы и смелее подвергавшие себя опасности, получат и
бо́льшую долю добычи — увеличит ли это нашу доблесть и отвагу в схватке
с врагом? Или же, напротив, трусливое поведение в бою никак не будет
принято во внимание, поскольку добыча, попавшая в руки победителей,
будет поделена поровну?
5 Тут Хрисант, один из гомотимов, не выделявшийся среди прочих ни
ростом, ни силой, но обладавший острым умом, встал и сказал следующее:
— Кир, я полагаю, что ты произнес эту речь не с целью объявить
всем, будто трусы получат равную с храбрецами долю добычи, а для того,
чтобы выяснить только одно, а именно — найдется ли человек, который
пожелает открыто признать, что он, не совершая никаких доблестных и
благородных подвигов, которые станут совершать другие, надеется полу-
6 чить равную с ними долю добычи. Лично я, не обладая ни особой быст-
ротой ног, ни силой рук, знаю, что при таком телосложении смогу совер-
шить в бою лишь то, что не доставит мне ни первого, ни второго, ни ты-

сячного, а, может быть, и десятитысячного места в ряду отважных и храб-
рых воинов. Но при этом я совершенно ясно сознаю, что если могучие
воины возьмутся за дело, то мне достанется от общей добычи часть, ко-
торая справедливо будет соответствовать моим личным заслугам. Напро-
тив, когда трусы станут бездействовать, а храбрые и могучие воины не
проявят должной воли к победе, я опасаюсь, как бы мне не досталось
кое-что иное вместо добычи, и притом в большей мере, чем я этого бы
хотел.

Так сказал Хрисант. Тут встал Феравл, перс из народа, еще на ро- 7
дине хорошо известный Киру и ценимый им, отличавшийся сложением и
силою и наделенный благородной душою. Обратившись к Киру и всем при-
сутствующим, он сказал:

— Я полагаю, что ныне все мы на равных основаниях стремимся к со- 8
стязанию в доблести; ведь и питание, как я вижу, мы получаем равное
со всеми, и обращения все мы удостоены одинакового, и дело нам пред-
стоит совершить одно и то же. В наших общих интересах мы повинуемся
начальникам, и кто оказывается наиболее дисциплинированным, тот, я
вижу, получает от Кира награду. Воинская доблесть в бою с врагом не
должна считаться качеством, которым один может обладать, а другой —
нет; напротив, она в первую очередь учитывается как высочайший долг
всех воинов. Теперь нам предстоит сражение, к которому, как я замечаю, 9
способны все люди от рождения, подобно тому, как только от природы,
а не от кого-либо другого, каждое животное усвоило свой способ нападе-
ния: бык — рогами, конь — копытами, собака — зубами, кабан — клыками.
И все они знают, чего им надо остерегаться более всего, научившись
этому без помощи какого бы то ни было наставника. Я сам с детских лет 10
умел защищаться от ударов, которыми мне угрожали, и, если у меня в ру-
ках ничего не было, я выставлял вперед кулаки, не давая нападающему
нанести удар. И делал я так не потому, что меня этому обучили, — я полу-
чал удары именно за то, что защищался. Еще ребенком я хватался за
меч, где только его видел; никто не учил меня, как его надо держать, и
я умел делать это, по моему глубокому убеждению, от природы. Так я по-
ступал, действуя против воли старших, а вовсе не по их указанию, как
совершал многие другие поступки против воли отца и матери, побуждае-
мый к ним самой природой. Клянусь Зевсом, я старался тайком изрубить
мечом все, что попадалось мне под руку, и поступал я так не только по
велению самой природы, как, например, ходил или бегал; это все ведь
казалось мне к тому же и приятным развлечением. И поскольку нам пред-
стоит сражение, в котором храбрость понадобится нам гораздо больше, 11
чем искусство, то почему бы нам не вступить в соревнование с этими са-
мыми гомотимами? В этом соревновании всем предоставлена равная воз-
можность получить награду; между тем, подвергая себя опасности, мы рис-
куем не одним и тем же. Гомотимы рискуют жизнью, в которой они на-
слаждались разнообразными почестями, а ведь только такая жизнь и имеет
цену; мы же рискуем жизнью, полной трудов и лишенной почестей, и она,
как я полагаю, является самой тяжкой. Но более всего меня побуждает 12

соревноваться с ними то, что судьей здесь будет выступать сам Кир,
а судья он беспристрастный. Я готов поклясться богами, что Кир, как
мне кажется, полюбит любого храбреца не меньше, чем самого себя; таким
13 он с охотой отдаст все самое лучшее из того, чем он обладает. И хотя
гомотимы, как мне известно, весьма кичатся той легкостью, с какой они
переносят жажду, голод и холод, они плохо представляют себе, насколько
мы приучены к тому же, и притом гораздо лучшим учителем, чем тот, ко-
торый обучал их. Ведь нет лучшего учителя, чем нужда, а именно она
14 обучила нас всему этому. Они упражнялись в выносливости, маршируя
в полном вооружении, которое у всех людей прилажено так, чтобы его
легко можно было носить. Мы же всю жизнь вынуждены и ходить, и бе-
гать, неся на себе тяжелую поклажу. Поэтому оружие, которое мы сей-
15 час носим, кажется мне скорее пухом, чем грузом. Так что, Кир, знай:
я буду состязаться в доблести со всеми остальными, и пусть меня оценят
по заслугам, каковы бы они ни были! А вам, кто происходит, как и я, из
простого народа, я советую вступить в состязание с этими гомотимами,
обучавшимися с детских лет. Теперь им придется бороться за первенство
с людьми из народа.

16 Вот что сказал Феравл. За ним в поддержку высказанного мнения вы-
ступили и многие другие персы, как гомотимы, так и простолюдины. На-
конец, было решено вознаграждать каждого соответственно его заслугам,
а право определять эти заслуги оставить за Киром. Таким было решение
этого вопроса.

17 Однажды Кир пригласил к себе в шатер на ужин целый таксис вместе
с таксиархом. Кир до этого имел возможность наблюдать, как этот такси-
арх, разделив свой отряд на две части, выстроил воинов друг против
друга и заставил вступить между собой в сражение. На них были надеты
панцири, и в левой руке они держали щиты. Одна часть воинов должна
была сражаться, вооружившись стволами толстого тростника, которые они
держали в руках, другой части таксиарх приказал метать поднятые с земли
комья.

18 После того, как они встали, изготовившись к бою, он подал знак начать
сражение. Одна половина стала метать комья земли, попадая кто в пан-
цири и щиты, кто в бедра и поножи. Когда же обе половины сблизились,
те, у кого в руках были тростниковые палки, стали бить противников по
бедрам, рукам и ногам, а тех, кто нагибался за комьями, били по спине
и по шее. В конце сражения вооруженные тростниками обратили своих про-
тивников в бегство, избивая их с громким хохотом и насмешками. В свою
очередь, бежавшие, получив тростниковые палки, проделали то же со сво-
ими противниками, которые теперь стали бросать комья земли.

19 Восхищенный выдумкой таксиарха и дисциплинированностью солдат,
которые в этой игре одновременно и закаляли свое тело, и дружно весе-
лились, одерживая победы, — а это доставалось на долю тех, кто был во-
оружен по персидскому образцу, — Кир пригласил их всех к себе на ужин.
В шатре Кир заметил, что у некоторых воинов перевязаны голени и руки,
20 и спросил, что с ними случилось. Те ответили, что в них попали комьями

земли. Тогда Кир вновь спросил их, произошло ли это во время рукопашной или же в них попали с известного расстояния. Воины ответили, что находились в это время вдали друг от друга. Вооруженные тростниками находили эту игру прекрасной, когда бились врукопашную. Однако побитые тростниковыми палками дружно закричали в ответ, что им вовсе не показалось игрой это жестокое избиение, и стали показывать следы от ударов палкой на руках, на шее, а некоторые и на лице. Тут, естественно, все стали смеяться друг над другом. На следующий день вся площадь была заполнена воинами, подражавшими этому отряду, и если не находилось более серьезного дела, все занимались этой игрой.

Другого таксиарха Кир встретил, когда тот вел свой отряд от реки, 21
выстроив его слева от себя[13] цепочкой по одному. В определенный момент таксиарх скомандовал второму лоху выдвинуться вперед, затем третьему и четвертому. Когда во фронте оказались лохаги, он отдал приказ каждому лоху сдвоить ряды, и во фронте оказались декадархи. Затем, выбрав подходящий момент, он скомандовал каждому лоху выстроиться в колонну по четыре, и впереди лохов стали по четыре пемпадарха. Когда же отряд подходил к дверям палатки, он приказал построиться по одному и так ввел в палатку первый лох; второму лоху он приказал примкнуть к хвосту первого и, точно таким же образом построив третий и четвертый лохи, ввел их в палатку на обед. Там он расположил их точно в том же порядке, как они шли в строю. Восхищенный таксиархом, его заботливостью и спокойствием, с каким он обучал свой отряд, Кир пригласил и этот таксис к себе на ужин вместе с таксиархом.

Присутствовавший на обеде другой таксиарх сказал Киру: 22

— А мой таксис, Кир, ты не пригласишь в свой шатер? Ведь и он, каждый раз, следует точно в таком же порядке, направляясь на обед. А в конце обеда замыкающий последнего лоха выводит свой лох, и при этом последними оказываются те, которые стоят первыми в боевом строю. Затем второй замыкающий второго лоха выводит точно таким же способом и второй лох, и точно так же поступают остальные замыкающие. Это делается для того, чтобы в случае отступления они знали порядок отхода. Как только отряд достигает плаца, где упражняются в маршировке, то при марше в восточном направлении впереди иду я, возглавляя первый лох, затем идет второй лох, как и положено, потом третий и четвертый, и в лохах десятки и пятерки, пока я не отдам иного приказания. Когда же мы маршируем в западном направлении, то замыкающий колонны и последние ряды шагают первыми. Я иду позади, и воины послушно исполняют мои команды. Это я делаю с той целью, чтобы они привыкли с одинаковой готовностью исполнять мои приказы и тогда, когда я иду впереди, и тогда, когда я иду позади строя.

Кир спросил:

— И вы всегда так поступаете?

— Каждый раз, после того как отобедаем, клянусь Зевсом! 23

— Тогда я приглашаю вас на обед за то, что вы так заботитесь о соблюдении строя при наступлении и отступлении, за то, что вы делаете

это днем и ночью, за то, что вы в марше закаляете свои тела и укрепляете в учениях воинский дух. И так как вы совершаете это в удвоенной пропорции, то вам по справедливости должен быть предоставлен и двойной обед.

24 — Но, клянусь Зевсом, — сказал таксиарх, — не в один день, если только ты не предоставишь нам и двойных желудков!

Так закончился этот вечер в шатре Кира. На следующий день Кир пригласил к обеду этот таксис и, как он обещал, повторил свое приглашение и на третий день. Узнав об этом, все остальные воины стали подражать этому отряду.

Глава IV

1 Однажды, когда Кир производил смотр своим войскам, проходившим строем и в полном вооружении, прибыл гонец от Киаксара, сообщивший о прибытии посольства из Индии. При этом гонец сказал следующее:

— Киаксар требует, чтобы ты явился как можно скорее. Я везу тебе от него и красивую одежду; царь хочет, чтобы ты появился перед индийскими послами в самом блистательном и роскошном наряде, так как они непременно обратят внимание на то, каким ты предстанешь перед ними.

2 Выслушав эти слова, Кир приказал первому таксиарху стать во фронт справа от него и выстроить за собой весь таксис в один ряд. Такой же приказ был отдан и второму, и всем остальным таксиархам. В короткий срок во фронт выстроившихся войск встали триста таксиархов (таково
3 было их число), в глубину же строй состоял из ста рядов. Когда воины выстроились таким образом, Кир отдал приказ следовать за ним и двинулся быстрым шагом. Заметив, что дорога, ведущая к резиденции царя, слишком узка для прохождения войск фронтом в триста человек, он приказал первой тысяче следовать прежним порядком, второй тысяче примкнуть к хвосту колонны первой тысячи и такой же порядок следования принять всем остальным. Сам Кир шел впереди без остановок, все тысячи
4 следовали за ним, вплотную примыкая одна к другой. У начала дороги он поставил двоих гиперетов, указывавших всем, что надо делать. Когда же они подошли к воротам дворца Киаксара, Кир приказал первому таксиарху построить свой отряд на двенадцать рядов в глубину, а додекархам встать во фронт строя перед дворцом. Этот же приказ был передан и второму и всем остальным таксиархам. Все они выстроили свои отряды, как им было приказано.

5 Кир вошел во дворец Киаксара в своем обычном персидском наряде, ничуть его не изменив. Увидев его, Киаксар был обрадован быстрым прибытием Кира, но огорчился, заметив на нем простой наряд, и сказал:

— Что случилось, Кир? В каком виде ты покажешься индийцам? Я надеялся, что ты будешь иметь самый блистательный вид. Появление сына моей сестры в роскошном наряде прибавило бы блеска и моему престолу.

На это Кир возразил: 6

— В каком случае, Киаксар, я оказываю тебе бо́льшую честь: надев пурпурную одежду, браслеты и дорогую цепь, но медленно исполняя твои приказы, или же ныне, когда я с такой быстротой, ведя многочисленное войско, исполнил твой приказ из уважения к тебе, покрытый потом от быстрого перехода и демонстрируя тебе дисциплинированность воинов?

Так ответил Кир. Киаксар, признав его правоту, пригласил затем войти индийских послов. Послы заявили, что их прислал царь индийцев, прика- 7
зав спросить, по какой причине началась война между мидянами и ассирийцами. Выслушав ответ мидийского царя, они, согласно полученному приказанию, должны отправиться к ассирийскому царю и задать ему тот же вопрос. После чего должны заявить тем и другим, что царь индийцев, решив, на чьей стороне справедливость, примет сторону обиженного.

На это Киаксар сказал: 8

— Знайте, что мы ничем не обижали ассирийского царя. Теперь, если вы считаете нужным, отправьтесь к нему и выслушайте его ответ.

Присутствовавший здесь Кир обратился к Киаксару:

— Царь, позволишь ли ты и мне высказать свое мнение?

Киаксар разрешил, и Кир сказал послам:

— Сообщите индийскому царю, если Киаксар не имеет ничего против этого предложения, следующее: мы заявляем, что согласны избрать в качестве третейского судьи царя индийцев, если ассирийский царь считает себя обиженной стороной.

Выслушав это, послы покинули дворец. Когда индийские послы вышли, 9
Кир сказал Киаксару:

— Киаксар, я ведь прибыл сюда, захватив с собой из дому весьма небольшую сумму личных денег. Из того, что я имел, у меня ныне осталось совсем немного; я потратился на содержание войска. Ты, может быть, удивишься, как я мог израсходовать свои деньги на солдат в то время, как ты сам взял на себя их содержание. Знай же, что я истратил эти деньги не на что-нибудь иное, а только на награды и поощрение воинов, которые отличились более всех. Я полагаю, что людей, которых предстоит 10
сделать верными помощниками в любом деле, можно скорее привлечь к себе добрыми словами и благодеяниями, чем доставляя им неприятности и применяя насилие. Что же касается тех, кого нам предстоит сделать своими храбрыми соратниками на войне, то их тем более, как мне думается, надо привлечь к себе добрым словом и делом. Люди, на беспрекословное повиновение которых мы рассчитываем, должны стать не врагами, а друзьями, — такими, которые не станут испытывать зависти к нам в случае успеха и не предадут в беде. Оценивая так положение дел, я прихожу к вы- 11
воду, что нам необходимы деньги. Ожидать помощи от тебя, и без того не-

сущего, как я знаю, большие расходы, представляется мне совершенно неуместным. Поэтому я полагаю, что нам вместе, мне и тебе, следует подумать о том, чтобы у тебя хватило денег. Когда ты будешь иметь их в изобилии, то и у меня, я уверен, будет возможность брать у тебя деньги в случае нужды, особенно если учесть, что я буду расходовать их на цели, признаваемые и тобой прекрасными.

12 Недавно, помнится, ты говорил, будто царь Армении, прослышав, что на нас напали враги, повел себя высокомерно, отказался прислать войско и платить причитающуюся с него дань?

— Да, Кир, именно так он поступил. Поэтому я сейчас и затрудняюсь: не отправиться ли мне в Армению и силой принудить его к повиновению или же на время оставить его в покое, чтобы не приобрести еще одного врага в дополнение к прочим?

13 Кир спросил:

— А где находится резиденция армянского царя: в укрепленной местности или легкодоступной?

— Местность не очень укрепленная, — отвечал Киаксар, — я это имел в виду. Но там есть горы, куда он может тотчас же укрыться, спрятать все, что туда доставит, и чувствовать себя в безопасности, если только не осадить его там, как это некогда сделал мой отец.

14 — Но если ты захочешь отправить меня с отрядом всадников, — сказал Кир, — и притом соответствующей численности, то с помощью богов, полагаю, я сумею добиться, что он и войско тебе пришлет, и дань тебе выплатит. Я также надеюсь, что после этого он станет более дружественно относиться к нам, чем сейчас.

15 — Я тоже думаю, что с тобой они охотнее пойдут на переговоры, чем со мной, — ответил Киаксар. — Как я слышал, какие-то из сыновей армянского царя были даже твоими товарищами по охоте. Возможно, они вновь захотят встретиться с тобой. Если бы удалось заполучить их в свои руки, то мы смогли бы добиться всего, чего хотим.

— Не кажется ли тебе тогда полезным держать в тайне все, что мы с тобой задумали?

— Непременно! В этом случае, если кто-нибудь из врагов попадет к нам в руки или же мы отправимся походом против них, они будут захвачены врасплох.

16 — Прими во внимание тогда еще одно обстоятельство, — сказал Кир, — которое, может быть, покажется тебе небесполезным. Мне ведь часто уже приходилось охотиться вместе со всеми моими сверстниками на границе твоих владений и земли армянского царя, и я уже приходил туда с отрядом всадников из здешних своих друзей.

— Поступив и сейчас так, ты, конечно, не вызовешь подозрений. Однако если ты явишься с войском, которое окажется гораздо бо́льшим, чем то, с которым ты обычно отправлялся на охоту, им, пожалуй, это может показаться подозрительным.

17 — Но можно найти предлог, не вызывающий тревоги! Например, пусть кто-нибудь здесь распустит слух, будто я собираюсь устроить

большую охоту. Тогда я открыто смогу попросить у тебя отряд всадников.

— Твое предложение превосходно, — отвечал Киаксар. — Я же отвечу, что смогу предоставить тебе лишь небольшое число всадников, так как я сам, мол, хочу осмотреть посты на границе с Ассирией. Да я и в действительности собираюсь отправиться туда и укрепить границу. Когда ты прибудешь туда со своим отрядом ранее меня и проведешь пару дней на охоте, я пришлю тебе достаточное количество всадников, а также всю пехоту, которую смогу собрать. Получив их, ты тотчас же выступишь. Сам я с оставшимся войском постараюсь держаться неподалеку от вас, чтобы иметь возможность быстро прийти на помощь в случае надобности.

После этого разговора Киаксар начал собирать всадников и пехотинцев, 18
а по дороге к пограничным постам отправил повозки с хлебом. Кир же стал приносить жертвы богам на благополучное отправление в поход, послав при этом нарочных к Киаксару с просьбой дать ему отряд молодых всадников. Хотя многие добровольцы изъявили желание отправиться с Киром, царь дал ему лишь небольшой отряд.

Киаксар выступил с пешим и конным войском к пограничным постам. Между тем жертвы предсказали Киру, что поход против армянского царя будет иметь благополучный исход. После этого Кир отправился в путь, будто бы собравшись на охоту. Уже в пути на первом же поле Кир спугнул зайца. 19
Налетевший вещий орел, увидев бегущего зайца, кинулся вниз, ударил его когтями и, схватив, поднялся с ним в воздух. Сев на ближайший холм, он расправился с добычей так, как хотел. Обрадованный этим знамением, Кир преклонился перед Зевсом Царем и сказал своим спутникам:

— Воины, с помощью богов охота будет удачной!

Приблизившись к границе, Кир сразу же, как это бывало и прежде, 20
дал знак начать охоту. Вспугнув дичь, всадники и пехотинцы загоняли добычу, а самые благородные рассыпались в пешем и конном строю на большом расстоянии, преследуя и перехватывая бегущих животных. Они добыли множество кабанов, оленей, диких ослов и газелей; ведь и поныне еще в этих местах встречается множество диких ослов. Закончив охоту, 21
Кир прибыл в пограничный район Армении и расположился там на ужин. На следующий день Кир вновь отправился на охоту, приближаясь к горам, которые были целью его похода. Окончив охоту, он вновь расположился на ужин. Затем, узнав, что войско, посланное Киаксаром, приближается, Кир послал к нему гонцов, приказав передать, чтобы они располагались на ужин в двух парасангах[14] от его лагеря; это была мера предосторожности, предпринятая ради сохранения тайны. После того, как они отужинают, их командир должен был явиться к Киру.

После ужина Кир созвал таксиархов. Когда они прибыли, он сказал им следующее:

— Друзья! Царь Армении был прежде нашим союзником и поддан- 22
ным Киаксара. Ныне же, узнав, что на нас напали враги, он проникся высокомерием, не посылает нам на помощь войска и не платит причита-

ющейся дани. Мы прибыли сюда с целью взять его в плен, если это нам
удастся. Чтобы добиться этого, надо поступить следующим образом. Ты,
Хрисант, отдохни некоторое время, а затем возьми половину прибывших
сюда персов и отправляйся по горной дороге. Твоя задача — занять эти
горы, где, как говорят, укрывается армянский царь каждый раз, когда ему
23 угрожает опасность. Проводников я тебе дам. Эти горы, говорят, покрыты
лесами, так что у тебя есть возможность пробраться туда незамеченным.
На всякий случай вышли вперед проворных людей, которых можно было
бы по одежде и по численности принять за разбойников. Пусть хватают
всех армян, которые попадутся им на пути, чтобы лишить их возможности
поднять тревогу. А кого схватить не удастся, пусть тех отгоняют по-
дальше, чтобы эти люди не смогли увидеть твоего отряда и думали, будто
24 на них напали разбойники. Постарайся выполнить все это, я же на рас-
свете, взяв с собой половину пехотинцев и всех всадников, направлюсь
через равнину прямо к резиденции армянского царя. Если нам будет ока-
зано сопротивление, то придется, конечно, пустить в ход оружие. Если
же царь Армении попытается отступить с равнины, тогда, разумеется, мы
станем его преследовать. А если он укроется в горах, твоя задача будет
заключаться в том, чтобы не выпустить никого, кто попадет тебе в руки.
25 Представь себе, будто мы на охоте преследуем зверя, а ты стоишь у тенет.
Помни, что надо закрыть все выходы до того, как начнется охота, а те,
кто находится у проходов в сетях, должны замаскироваться, чтобы их не
26 было видно, если они не хотят отпугнуть бегущую дичь. Не повторяй,
Хрисант, ошибки, которую ты некогда допускал в своем увлечении охо-
той: ты не раз проводил целую ночь без сна. Теперь же надо дать людям
отдохнуть некоторое время, чтобы им было легче потом бороться со сном.
27 Поскольку на охоте при отсутствии проводников ты все же не блуждаешь
по горам, а преследуешь животное по тропе, проложенной зверем, то и
сейчас не устремляйся через труднопроходимые места, но требуй от про-
водников, чтобы они вели вас если не по самой широкой дороге, то, по
крайней мере, по самой удобной. А для войска самая удобная дорога —
28 та, которая быстрее всего ведет к цели. Хотя ты и привык бегом догонять
зверя в горах, не веди войска быстрым маршем, но следуй не торопясь,
29 чтобы воины могли поспевать за тобой. Полезно будет, чтобы некоторые
наиболее сильные и надежные воины по твоему приказу иногда приоста-
навливались; когда же колонна пройдет мимо них, вид бегом догоняющих
колонну заставит остальных также поторопиться.

30 Хрисант, выслушав все это, был обрадован поручением Кира и, взяв
проводников, направился к своим солдатам. Отдав приказания всем, кто
должен был отправиться вместе с ним, он расположился на кратковремен-
ный отдых. После того, как солдаты достаточно отдохнули, он двинулся
в горы.

31 Кир же с рассветом послал гонца к царю Армении, приказав ему пе-
редать следующее: «Царь армянский! Кир повелевает тебе приложить все
старания, чтобы прислать в кратчайший срок и дань, и войско». При этом
Кир добавил:

— Если он спросит, где я нахожусь, скажи правду, что я стою на границе. А если спросит, прибуду ли я лично, то и здесь отвечай правду, что не знаешь. А если же он спросит, сколько нас прибыло, то посоветуй ему отправить вместе с тобой гонца, чтобы тот увидел сам.

С такими поручениями Кир отослал гонца, полагая, что это будет 32 более дружественным шагом, чем если бы он сразу, без предупреждения, отправился с войском против армянского царя. Сам же он, построив свое войско так, чтобы удобно было и совершать марш и, если понадобится, вступить в сражение, тронулся в путь. Перед этим он отдал своим воинам приказ никого не обижать, а если кто из армян встретится на пути, ободрять их и приглашать везти на базар к месту расположения войск Кира съестное и напитки, кто что пожелает.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Глава 1

1 Такими делами был занят Кир. Армянский же царь, выслушав прибывшего от Кира гонца, испугался и признался в душе, что поступил несправедливо, задерживая выплату дани и не присылая войска. Более же всего он опасался, что станет известно о начатых им работах в царской резиденции, предпринятых с целью сделать ее укрепления достаточно мощ-
2 ными для отражения вражеского нападения. Испытывая страх по причинам, уже указанным, он разослал гонцов, чтобы собрать войско. Одновременно он отослал в горы своего младшего сына Сабариса, вместе с женщинами — своей женой, женой сына[1] и дочерьми, дав им проводников. С ними он отправил также самые ценные украшения и утварь. Сам царь выслал вперед лазутчиков, чтобы выведать намерения Кира, и в ожидании их собирал свое войско из прибывших армян. Скоро прибыли к нему другие армяне, сообщившие, что Кир следует за ними по пятам.
3 Тут царь решил избежать плена и начал отступление. Когда армяне увидели, что он отступает, они все разбежались по домам, чтобы укрыть свое имущество. Кир, увидев множество бегущих и несущихся вскачь всадников, заполнивших долину, направил к ним гонцов, которые передали армянам, что Кир не предпримет никаких враждебных действий против тех, кто останется на месте. Но если он захватит кого-либо бегущим, он поступит с ним, как с врагом. Многие армяне решили остаться,
4 но были и такие, которые отступили вместе с царем. Между тем отправившиеся вместе с женщинами армяне, продвигаясь вперед, натолкнулись на ту часть войска Кира, которая заняла горы. Они сразу подняли крик и стали разбегаться, многие были тут же захвачены в плен. Напоследок были взяты в плен и сын царя, жены и дочери. Были также захвачены все драгоценности, которые они везли с собой. Армянский царь, узнав о случившемся несчастье, совершенно растерялся и, не зная, куда напра-
5 виться, кинулся бежать в направлении ближайшей горы. Услышав об этом, Кир с имевшимися у него воинами окружил эту гору, а к Хрисанту отправил гонца с приказом сниматься с позиций и, оставив гарнизон, прибыть к нему. Так у Кира собралось все его войско, и он отправил вестника к армянскому царю, повелев ему спросить царя о следующем:

— Царь армянский! Желаешь ли ты, оставаясь здесь, бороться с голодом и жаждой или же ты согласишься спуститься в долину и сразиться с нами?

Армянский царь отвечал, что одинаково желал бы избежать как голода, так и сражения. Тогда Кир вновь через вестника спросил: 6

— Что же ты продолжаешь оставаться на горе и не спускаешься сюда вниз?

— Затрудняюсь решить, что мне надлежит сделать, — отвечал царь.

— Тебе вовсе не следует раздумывать: ты можешь спуститься вниз и дать ответ перед судом.

— А кто выступит судьей?

— Ясно, что тот, кому божество и без того предоставило возможность сделать с тобой все, что он захочет.

Тут армянский царь смирился с необходимостью и спустился вниз, в долину. Кир поместил его вместе со свитой и имуществом в середине, разбив вокруг лагерь (а все войско Кира было уже при нем).

В то время, как происходили эти события, старший сын армянского 7
царя, Тигран, вернулся из тех мест, куда он уезжал. Некогда он бывал вместе с Киром на охоте. Узнав о том, что произошло, он тотчас же, в чем был, отправился прямо к Киру. Когда Тигран увидел отца, мать, братьев и собственную жену в плену, он, естественно, заплакал. Встре- 8
тившись с ним, Кир не проявил никакого дружеского расположения к нему, заметив только:

— Ты явился вовремя, чтобы присутствовать на суде, где будет держать ответ твой отец.

Тотчас же Кир созвал представителей персидского и мидийского войска. Пригласил он и тех знатных армян, которые оказались поблизости. Армянских женщин, сидевших в своих крытых дорожных повозках, он не прогнал и тоже разрешил им присутствовать на суде. Устроив 9
все наилучшим образом Кир так начал свою речь:

— Царь армянский! Прежде всего хочу посоветовать тебе говорить на суде правду, чтобы предостеречь тебя от поступка, вызывающего, среди прочих, особенно сильную ненависть. Ты должен хорошо знать, что человек, изобличенный во лжи, менее всего может рассчитывать хотя бы на самое малое сочувствие. Кроме того, о всех твоих делах знают и твои дети, и вот эти женщины, и те из армян, которые здесь присутствуют. Если они услышат, что ты говоришь неправду и не рассказываешь о том что действительно происходило, а я дознаюсь до истины, они будут считать, что ты сам приговорил себя к самому тяжкому наказанию.

— Спрашивай, Кир, меня обо всем, о чем только захочешь, — отвечал царь Армении, — я же буду говорить только правду, чего бы мне это ни стоило.

— Тогда скажи, не вел ли ты некогда войны против Астиага, отца 10
моей матери, и против всех остальных мидян?

— Да, вел.

— А будучи побежден им, не согласился ли ты выплачивать дань,

выступать вместе с ним в поход со своими войсками по первому его требованию, а также не иметь в своей стране крепостей?

— Да, так было.

— Тогда почему ты ныне и дани не платишь, и войска не присылаешь, и сооружаешь укрепления?

— Я хотел стать свободным. Мне казалось прекрасным и самому добиться освобождения, и оставить свободу в наследство своим детям.

11 — Действительно, — отвечал Кир, — это прекрасно — сражаться за свободу. Но если человек, побежденный на войне или порабощенный каким-либо другим способом, будет изобличен в том, что пытался бежать от хозяина, — разве ты станешь считать его доблестным человеком, совершившим прекрасный поступок? И разве ты первым не накажешь его как преступника, если поймаешь?

— Накажу, конечно; ведь ты не позволяешь мне говорить неправду.

12 — Отвечай тогда ясно на каждый из следующих вопросов. Если у тебя какое-либо должностное лицо совершит преступление, ты оставишь его на занимаемой им должности или же поставишь вместо него другого?

— Поставлю другого.

— А если у него окажется много денег, ты оставишь ему его богатство, или же отнимешь его?

— Разумеется, отниму все, что у него окажется.

— А если ты узнаешь, что он перешел на сторону врага, как ты поступишь в этом случае?

— Казню его, — ответил армянский царь. — Чем умирать, будучи изобличенным во лжи, я лучше умру, говоря правду.

13 Услышав эти слова, сын армянского царя сорвал с головы тиару и разодрал свои одежды[2], а женщины в голос завопили, царапая себе лица, оплакивая отца, его предстоящую смерть и свою собственную гибель.

Тогда Кир приказал им замолчать и сказал:

— Пусть будет так. Таков, значит, тот взгляд на вещи, который ты полагаешь справедливым. Но, основываясь на этом, как ты посоветуешь нам поступить?

Царь Армении замолчал, не находя в себе сил посоветовать Киру казнить его, но и затрудняясь в то же время предложить Киру поступить иначе, чем он сам, по его же словам, поступил бы в подобном случае.

14 Тут сын его Тигран обратился к Киру со следующим вопросом:

— Скажи мне, Кир, — поскольку мой отец, по-видимому, затрудняется с ответом, — разрешишь ли ты мне дать совет, как с ним поступить? Он, как я полагаю, будет для тебя наиболее выгодным.

Кир еще в те времена, когда они вместе охотились, знал, что Тигран проводил много времени в обществе какого-то мудреца[3], которым он особенно восхищался. Поэтому Кир загорелся желанием услышать, что он может сказать, и с готовностью разрешил Тиграну говорить все, что он сочтет нужным.

15 — Я советую тебе, Кир, если ты с одобрением относишься к тому, что мой отец намеревался совершить или уже совершил, подражать его

образу действий; напротив, если тебе кажется, что он во всем действовал ошибочно, я рекомендую тебе не следовать ему.

— Итак, поступая справедливо, я ничуть не буду походить на человека ошибающегося?

— Да, это так.

— Тогда, если следовать твоему совету, надо покарать твоего отца, поскольку справедливо карать человека, совершившего преступление.

— Но скажи, Кир, назначая то или иное наказание, желаешь ли ты, чтобы оно было сопряжено с твоей выгодой, или же, напротив, чтобы оно нанесло тебе ущерб?

— Я сам себя наказал бы в таком случае, — отвечал Кир.

— Но ты, Кир, много потеряешь, если казнишь находящихся в твоей 16
власти людей, тогда как сохранив им жизнь, ты извлечешь огромную выгоду.

— Но, Тигран, какую ценность могут представлять собой люди, содержащиеся под стражей за совершенное ими преступление?

— Они приобретают ценность тогда, когда становятся благоразумными. Мне представляется, Кир, что дело обстоит именно так; ведь без благоразумия все прочие добродетели становятся бесполезными. Что пользы в сильном и мужественном человеке, если он лишен благоразумия, [что в искусном наезднике]? [4] Чем полезен богатый или могущественный в подобном случае? Между тем всякий друг, отличающийся благоразумием, всегда полезен, и всякий слуга, обладающий благоразумием, — хороший слуга.

— Ты утверждаешь, таким образом, что твой отец в течение одного 17
дня из неразумного стал благоразумным?

— Да, именно так.

— Следовательно, ты считаешь благоразумие определенным душевным состоянием, подобно огорчению, а не предметом познания. Но ведь нельзя в короткий срок из неразумного превратиться в благоразумного, поскольку сначала надо обрести разум и лишь после этого можно приобрести благоразумие [5].

— А почему бы и нет, Кир? Разве ты не встречал таких людей, ко- 18
торые необдуманно нападали на более сильного противника, но затем, оказавшись побежденными, тут же избавлялись от своих безрассудных устремлений? И опять-таки, разве тебе не известны такие случаи, когда некоторые государства первыми начинали войну против других, а затем, оказавшись побежденными, изъявляли готовность повиноваться победителю?

— О каком поражении своего отца ты говоришь, Тигран, которое, как 19
ты настаиваешь, так его образумило?

— Да о том, которое, клянусь Зевсом, он глубоко переживает в своей душе. Стремясь к свободе, он вместо этого стал рабом более, чем когда-либо; то, что он надеялся сохранить в тайне, стало явным; а попытка оказать сопротивление обернулась для него собственным поражением. Теперь он сознает, что ты сумел перехитрить его, как хотел, — так, как об-

манывают слепых, глухих или совсем уже неразумных. Тебе же, как ему сейчас совершенно ясно, удалось полностью скрыть свои военные планы. Подобные просчеты привели к тому, что горы, на которые он надеялся как на свое укрепленное убежище, ты сумел незаметно превратить в место его заключения. А в быстроте маневра ты настолько превзошел его, что успел приблизиться к его резиденции раньше, чем он смог собрать свое войско.

20 — Следовательно, ты полагаешь, что подобная неудача и признание превосходства другого над собой могут сделать человека благоразумным? — спросил Кир.

— В гораздо большей степени, чем военное поражение, — отвечал Тигран. — Ведь в борьбе побежденный может надеяться, укрепив свое тело различными упражнениями, возобновить состязания. И государства, побежденные более сильным противником, рассчитывают, приобретя союзников, добиться возможности возобновить борьбу. Напротив, люди очень часто и без всякого принуждения повинуются тем, превосходство которых над собой они с готовностью признают.

21 — Ты, Тигран, по-видимому, считаешь, что люди дерзкие в жизни своей ни разу не видели людей благоразумных, воры — честных, лжецы — правдивых, а несправедливые — справедливых. Неужели ты не понимаешь, что и отец твой нынче обманул нас и нарушил договор, заключенный с нами, хотя хорошо знал, что мы-то ни в чем не нарушили условий договора, заключенного некогда Астиагом.

22 — Я ведь и не утверждаю, Кир, будто одно знакомство с людьми, превосходящими нас, делает нас более благоразумными; для этого необходимо нести ответственность перед ними, подобно тому, как держит ныне ответ перед тобой мой отец.

— Но твой отец пока не понес никакого наказания, хотя мне и хорошо известно, что он опасается самого тяжкого.

23 — Но что может больше подавить человека, чем сильный страх? Разве, Кир, ты не знаешь, что люди, получившие ранения мечом, — а он считается самым сильным орудием наказания, — горят желанием, несмотря на это, вновь сразиться со своими врагами, тогда как испытывающие сильный страх перед своим противником не решаются поднять на него глаза, даже тогда, когда их ободряют.

— Ты утверждаешь, Тигран, что страх перед наказанием сильнее действует на людей, чем само наказание?

24 — Ты, Кир, сам знаешь, что я говорю правду. Тебе ведь известно, что люди, опасающиеся изгнания или поражения, когда им предстоит сражаться, всегда ведут себя малодушно. Равным образом [и те, кто плывет на корабле и опасается кораблекрушения] [6], и те, кто боится попасть в рабство или в тюрьму, не могут ни есть, ни пить от страха. Напротив, став изгнанниками, или уже потерпев поражение, или даже попав в рабство, они могут спокойно есть и спать, и притом еще больше, чем живущие
25 благополучно. Как сильно подавляет людей страх, особенно ясно можно увидеть из следующего. Бывает, что люди, боясь, как бы их не захватили в плен и не убили, от страха сами умерщвляют себя заранее: одни бро-

саются в пропасть, другие вешаются, иные закалываются. Так страх поражает души сильнее, чем все прочие беды. Теперь ты можешь представить себе состояние моего отца, который страшится не только за свою жизнь, но и за меня, за жену, за всех своих детей.

На это Кир ответил: 26

— Теперь и мне представляется весьма вероятным, что он чувствует себя именно так. Но кажется мне, что одному и тому же человеку свойственно при благоприятных обстоятельствах вести себя дерзко, а в несчастье — падать духом, и освобожденный из-под стражи может вновь повести себя высокомерно и вновь доставлять неприятности окружающим.

— Наши ошибки действительно могут служить причиной твоего недо- 27
верия к нам, Кир, клянусь Зевсом. Но ведь у тебя есть возможность выстроить крепости, занять укрепленные пункты и вообще получить любые залоги верности, какие захочешь. И можешь быть уверенным, что мы не станем сильно огорчаться по этому поводу; ведь мы будем помнить, что сами во всем виноваты. Но если ты передашь управление в этой стране лицам, ничем перед тобой не провинившимся, и станешь проявлять к ним недоверие, то смотри, как бы они в ответ на твое благодеяние не стали твоими врагами. А если ты, опасаясь проявлений их ненависти, не наложишь на них крепкой узды, чтобы упредить их дерзкие поступки, то как бы тебе не пришлось применять к ним еще более сильные меры, возвращающие благоразумие, чем даже к нам.

— Но клянусь богами, Тигран, мне было бы неприятно иметь таких со- 28
юзников, которые, как я знаю, служили бы мне только по принуждению. Кажется, мне будет легче переносить ошибки людей, с преданностью и искренней привязанностью выполняющих свой долг, чем ненависть тех, кто точно, но по принуждению исполняет мои повеления.

На это Тигран ответил:

— Но где еще найдешь ты более искреннюю любовь, чем та, которую ты ныне можешь приобрести у нас?

— Я полагаю, Тигран, что смогу найти ее у людей, никогда не проявлявших ко мне враждебных намерений, если захочу оказать им такое благодеяние, какого ты ныне у меня просишь.

— А можешь ли ты отыскать сейчас человека, которого ты смог бы 29
облагодетельствовать больше, чем моего отца? Ведь если ты оставишь жизнь человеку, ничем перед тобой не провинившемуся, на какую благодарность ты сможешь рассчитывать? Поскольку ты не отнимал у него ни жены, ни детей, будет ли он питать к тебе такие искренние чувства признательности, какие станет питать к тебе человек, сознающий, что ты имел полное право отнять их у него? И знаешь ли ты людей, которые бы огорчились более, чем мы, если наш отец не получит армянского царства? Отсюда ясно и следующее: кто испытает столь сильное огорчение, потеряв царскую власть, тот, получив ее, почувствует к тебе самую глубокую благодарность. А если тебя беспокоит мысль о том, кому бы ты смог оста- 30
вить наше царство наименее потрясенным, когда будешь покидать его, то подумай сам, в каком случае здесь лучше сохранится спокойствие: при

новом управлении или же при сохранении прежнего? И если ты хочешь получить как можно большее число воинов из нашей страны, то кто же, по-твоему, сумеет скорее собрать их, если не тот, кто неоднократно собирал это войско? И если тебе недостает денег, то кто доставит их тебе быстрее, чем хорошо знающий возможности страны и располагающий соответствующими средствами? Доблестный Кир, ты должен остерегаться, как бы, расправившись с нами, ты не навредил себе сам больше, чем мог навредить тебе мой отец.

Так говорил Тигран.

31 Слыша эти слова, Кир был чрезвычайно обрадован, понимая, что исполняется все то, о чем он говорил Киаксару. Он ведь помнил, что обещал сделать армянского царя другом более преданным, чем он был прежде. Кир тотчас же обратился со следующим вопросом к армянскому царю:

— Царь армянский! Если я поступлю согласно вашей просьбе, то скажи мне, сколько воинов ты отправишь вместе со мной и сколько денег на ведение войны ты нам выплатишь?

32 На это армянский царь ответил:

— Кир, самый простой и правдивый мой ответ будет заключаться в следующем. Я покажу тебе все имеющееся у меня в наличии войско, а ты сам посмотришь, какую часть его ты поведешь с собой, а какую оставишь в Армении для несения гарнизонной службы. Так же правдиво я отвечу на твой вопрос о деньгах: я покажу тебе всю наличную сумму, а ты сам решишь, сколько ты возьмешь и сколько оставишь.

33 — А как велика численность твоего войска, — спросил Кир, — и сколько денег имеется у тебя в наличии?

— Всадников армян всего 8000, пехотинцев же до 40000. Что же касается денег, то вместе с сокровищами, оставленными моим отцом, общая сумма составит, если перевести на серебро, более 3000 талантов[7].

34 Не раздумывая, Кир сказал тогда:

Поскольку твои соседи халдеи[8] продолжают вести против тебя военные действия, ты отправишь со мной половину имеющегося у тебя войска. Что же касается денег, то вместо пятидесяти талантов, которые ты ранее выплачивал, ты уплатишь Киаксару двойную сумму за то, что самовольно прекратил выплату дани. Мне же ты дашь в долг сто талантов. Со своей стороны, я обещаю, если божество ниспошлет нам удачу, оказать тебе благодеяния, стоящие гораздо больше, или же отдать эти деньги, если я буду в состоянии это сделать. Если же я не смогу их отдать, то только по причине отсутствия денег, и никто не упрекнет меня в нарушении закона справедливости.

35 Тогда армянский царь сказал:

— Во имя богов, Кир, не говори так. Если ты не перестанешь говорить об этом, я не обрету спокойствия. Все деньги, которые ты оставишь в моей казне, ты можешь считать своими в такой же мере, как те, которые ты унесешь с собой.

— Пусть будет так, — сказал Кир. — Но скажи, сколько ты мне уплатишь за то, чтобы получить обратно свою жену?

— Все деньги, сколько я смогу собрать!

— А сколько за то, чтобы получить своих детей?

— И за этих столько же.

— Таким образом, ровно вдвое против того, что есть у тебя в наличии. А ты, Тигран, какой выкуп ты готов заплатить, чтобы вызволить свою 36 жену из плена?

Тигран недавно женился и до безумия любил свою жену.

— Я, Кир, — сказал он, — готов и жизнь свою отдать за то, чтобы она не изведала долю рабыни.

— Тогда получай свою жену и веди к себе. Я не считаю ее своей 37 пленницей, поскольку ты никогда не убегал от нас. И ты, царь армянский, бери свою жену и детей безвозмездно; пусть они сознают, что возвращаются к тебе свободными. Теперь вы все поужинайте вместе с нами, а после каждый может отправиться туда, куда пожелает.

И все они остались ужинать у Кира.

После ужина, когда все стали расходиться, Кир спросил Тиграна: 38

— Скажи, куда делся человек, бывший вместе с нами на охоте, которым, как мне казалось тогда, ты особенно восхищался?

— Его казнил присутствующий здесь мой родитель, — ответил Тигран, показывая на отца.

— За какое преступление?

— Отец заявил, что этот человек меня развращает. В действительности же он оказался настолько благородным и доблестным мужем, что накануне казни призвал меня и сказал: «Тигран, не гневайся на своего отца за то, что он приказал меня казнить. Он делает это не по злому умыслу против тебя, а по неведению. Проступки, которые люди совершают по неведению, я считаю непредумышленными преступлениями».

— Жаль этого мужа, — сказал Кир. 39

Услышав эти слова, царь Армении обратился к Киру:

— Скажи, Кир, разве мужчина, застав у своей жены любовника, убивает его только за то, что тот толкнул его жену на безрассудный поступок? Разве в действительности причиной убийства не является чувство, что он, законный муж, обворован и чужой человек воспользовался любовью принадлежащей ему жены? Ведь именно за это мужчины расправляются с любовниками своих жен, как с врагами! Так и я проникся ненавистью к этому человеку, сумевшему, как мне казалось, внушить моему сыну любовь к себе более сильную, чем та, которую Тигран испытывал ко мне.

— Ты, царь армянский, совершил свойственную людям ошибку, — 40 сказал Кир. — Но ты, Тигран, все же прости своего отца.

После этих бесед, в которых проявились дружественные отношения между армянами и Киром, восстановленные, как это и естественно, вследствие состоявшегося примирения, они сели на колесницы и с радостным сердцем уехали.

Прибыв домой, они только и говорили, что о Кире: один превозносил 41 его мудрость, другой — силу, третий — кротость его нрава. Были и такие, кто прославлял его красоту и статность. Тигран спросил свою жену:

— Армянская царевна, тебе Кир тоже показался таким красивым?

— Клянусь Зевсом, — отвечала она, — я вовсе не смотрела на него.

— На кого же ты тогда смотрела?

— На того, кто сказал, что отдал бы свою жизнь, лишь бы не видеть меня рабыней.

На этом их разговор закончился, и они, как следовало ожидать после таких переживаний, отправились на отдых.

42 На следующий день армянский царь отправил Киру и всему его войску подарки. Одновременно он предупредил своих воинов, которые должны были отправиться вместе с персами на войну, чтобы они прибыли на третий день. Он отсчитал также двойную сумму денег против той, которую обещал Киру. Но Кир взял ровно столько, сколько было условлено, остальные же отослал назад. При этом Кир спросил, кто поведет войско, сам царь или его сын. На это армянский царь ответил:

— Поведет войско тот, кому ты прикажешь.

Сын же сообщил Киру:

— Я не оставлю тебя, Кир, даже в том случае, если мне придется сопровождать тебя в качестве носильщика.

43 Тогда Кир, улыбнувшись, сказал:

— А сколько ты заплатишь за то, чтобы твоя жена услышала, как ты занимаешься ремеслом носильщика?

— А ей не надо об этом слышать. Я приведу ее сюда, чтобы она сама увидела, чем я занимаюсь.

— В таком случае вам пора уже укладывать снаряжение, — сказал Кир.

— Ты можешь твердо положиться на нас, и мы прибудем со всем тем, что даст нам отец.

После этого воины Кира, получив подарки, расположились на отдых.

Глава II

1 На следующий день Кир, взяв с собой Тиграна и лучших мидийских всадников, а также столько своих друзей, сколько ему представлялось необходимым, отправился в поездку по стране, чтобы выбрать место, пригодное для строительства крепости. Поднявшись на одну из горных вершин, он спросил Тиграна, где расположены горы, откуда халдеи совершают свои грабительские набеги на их страну. Тигран показал их, и тогда Кир сказал:

— Сейчас, наверно, никого нет на этих горах?

— Есть, клянусь Зевсом! Там всегда находятся их разведчики, которые сообщают остальным обо всем, что они наблюдают.

— А что делают те, которые получают от них сообщения?

— Они посылают подкрепления для защиты позиций на горах, кто сколько сможет.

Кир внимательно выслушал этот ответ. Осматривая страну, он заметил, что большая часть Армении опустошена, и земли остались невозделанными из-за военных действий. После этого Кир со свитой вернулся в лагерь и, поужинав, расположился на отдых. На следующий день явился полностью экипированным сам Тигран и с ним около 4000 всадников, до 10 000 стрелков из лука и столько же пельтастов. Пока они собирались, Кир принес жертву богам. Так как жертвы дали благоприятные знамения, он приказал созвать предводителей персов и мидян. Когда те собрались, Кир обратился к ним со следующей речью: 2 3

— Друзья! Горы, которые высятся перед вами, заняты халдеями. Если мы завладеем ими и построим там нашу крепость, то и армяне, и халдеи будут вынуждены повиноваться нам. Жертвы, которые мы принесли богам, дали благоприятные знамения. Теперь, чтобы все это совершить, необходимо к мужеству и воинскому рвению присоединить прежде всего быстроту. Если мы поднимемся на эти горы раньше, чем соберутся с силами наши враги, то мы или совершенно без боя захватим их, или встретим там немногочисленные и слабые отряды противника. Так что нет дела проще и безопаснее, чем то, которое нам предстоит теперь совершить, при условии быстроты действий. Теперь идите и вооружайтесь. Вы, мидяне, пойдете на левом фланге. Половина армянского войска будет двигаться на правом фланге, а другая половина выступит впереди всего войска. Вы, всадники, будете следовать позади нас, подгоняя и ободряя поднимающихся в гору воинов, и, если кто будет отставать и проявлять слабость, не допускайте этого. 4 5

Произнеся эту речь, Кир выстроил лохи в колонны и повел их вперед. Как только халдеи увидели войско Кира, устремившееся к вершинам, они тотчас же передали это известие своим, а затем стали криками созывать свои отряды и собирать их вместе. Кир же ободрял своих воинов следующими словами: 6

— Персидские воины, сигналы врагов означают, что нам надо спешить! Если мы поднимемся на горы раньше их, дело наших врагов будет проиграно!

Каждый халдей имел на вооружении плетеный щит и пару метательных копий. Повсюду шла о них слава как о самом воинственном народе. Они нанимались на службу ко всем, кому нужны были наемные солдаты, так как отличались храбростью и были бедны, ибо земля их гориста и малоплодородна. Когда воины Кира вплотную приблизились к вершинам, сопровождавший Кира Тигран сказал: 7 8

— Знаешь ли ты, Кир, что очень скоро нам самим придется вступить в сражение? Армяне ведь не выдержат натиска врагов!

Кир ответил, что знает это, и сразу же обратился к персам с призывом готовиться к преследованию врага, сказав им:

— Бегущие армяне приведут вслед за собой своего противника, и мы столкнемся с ним лицом к лицу.

Армяне продолжали наступать. Между тем, стоявшие на горах халдеи, как только те приблизились, по своему обыкновению, с криком бросились 9

10 в атаку против них. Армяне, как всегда, не выдержали натиска. Преследуя
армян, халдеи столкнулись лицом к лицу с персами, когда те, вооружен-
ные одними мечами, устремились вверх. Столкнувшиеся с персами халдеи
были тотчас же перебиты, другие бежали, а некоторые попали в плен.
Так Кир завладел вершинами гор. После того как воины Кира захватили
эти горы, они заметили внизу селения халдеев и увидели, как те спа-
саются бегством из расположенных поблизости жилищ.

11 Как только все воины Кира собрались в одно место, Кир подал сигнал
к обеду. После обеда, разведав на местности сторожевые посты халдеев,
укрепленные и обеспеченные источниками воды, он сразу же начал строить
там крепость. Тиграну он приказал послать нарочного к отцу и пере-
дать, чтобы тот прибыл, захватив с собой всех имеющихся у него плотни-
ков и каменотесов. Вестник отправился к армянскому царю, а Кир
занялся строительством крепости, используя людей, бывших у него в на-
личии.

12 В это время к Киру привели пленников, израненных и в оковах. Заме-
тив раненых, Кир приказал тотчас же освободить их от оков, вызвал к ним
врачей и приказал их лечить. Халдеям Кир заявил, что явился сюда не
с целью их уничтожить и не потому, что жаждет вести войну, а желая
установить мир между халдеями и армянами:

— До того, как мною были заняты вот эти горы, вы, я знаю, не же-
лали мира и, чувствуя себя в полной безопасности, грабили и расхищали
13 имущество армян. Теперь вы сами видите, в каком положении вы оказа-
лись. Я отпускаю вас, пленники, по домам и поручаю вам посоветоваться
с остальными халдеями, станете ли вы нашими друзьями или же будете
продолжать вести с нами войну. Если вы выберете войну, то, будучи ра-
зумными, не приходите сюда без оружия; но если вы решите, что вам не-
обходим мир, то можете прийти сюда безоружными. Я сам позабочусь
о том, чтобы вы жили в благополучии, коль скоро вы станете нашими
друзьями.

14 Выслушав эти слова, халдеи стали превозносить Кира до небес и
после долгих рукопожатий отправились к себе домой.

Когда армянский царь узнал, для какой цели призывает его Кир, он,
захватив с собой строителей и все остальное, что он полагал необходимым,
15 отправился как можно скорее к Киру. Прибыв к Киру, он сказал:

— Как мало мы, люди, способны предвидеть будущее, принимаясь за
большие дела! Так и ныне, пытаясь добыть себе свободу, я попал в самое
тяжкое рабство; а оказавшись в плену и потеряв всякую надежду на спа-
сение, мы теперь находимся в такой безопасности, как никогда ранее.
А вот халдеев, постоянно причинявших нам неисчислимые бедствия, я
вижу ныне в таком тяжелом положении, в каком давно мечтал увидеть.
16 Знай, Кир, что я дал бы во много раз больше денег, чем те, которые ты
получил ныне, только бы прогнать халдеев с этих гор. Ты уже исполнил
свое обещание облагодетельствовать нас за те деньги, которые ты взял,
так что теперь мы сами в долгу перед тобой. И если мы честные люди, то
пусть нам будет стыдно, если мы не отблагодарим тебя за все это.

Так говорил армянский царь. Халдеи же явились к Киру с просьбой 17
заключить с ними мир, и Кир спросил их:

— Не потому ли вы, халдеи, хотите заключить мир, что, овладев этими горами и установив мир, мы сделали вашу жизнь, как вам теперь стало ясно, более безопасной, чем когда шла война?

Халдеи отвечали утвердительно, и Кир продолжал:

— А если вы получите еще и иные блага благодаря заключению мира? 18

— Тогда мы будем рады еще больше, — ответили халдеи.

— Вы считаетесь бедняками только потому, что земли ваши неплодородны, не правда ли?

На этот вопрос халдеи также ответили утвердительно.

— Так не согласны ли вы, — сказал тогда Кир, — платить такие же налоги, что и армяне, если вам разрешат обрабатывать столько земли в Армении, сколько вы пожелаете?

Халдеи отвечали на это предложение согласием, но лишь при условии,
что им не будут чинить обид. Тогда Кир обратился с вопросом к армян- 19
скому царю:

— А ты, армянский царь, согласен ли на то, чтобы твои ныне пустующие земли обрабатывались ими при условии, что они будут платить установленные тобой налоги?

— Я дорого дал бы за то, чтобы это осуществилось, — отвечал царь, — ведь доходы государства тогда намного увеличатся.

— А вы, халдеи, обладающие прекрасными горами, позволите ли вы 20
армянам пасти здесь свои стада, если они станут платить вам по справедливости?

Халдеи согласились, ибо, по их словам, они получили бы от такого соглашения большую выгоду и притом без всякого дополнительного труда.

— А ты, армянский царь, захочешь ли пользоваться пастбищами халдеев при условии уплаты небольшой суммы халдеям, но получая при этом большую выгоду?

— Весьма охотно, ибо, как я полагаю, буду пасти свои стада в полной безопасности.

— Вы, разумеется, будете чувствовать себя в безопасности тогда, когда горы станут вашими союзниками? — спросил Кир.

Армянский царь согласился с этим.

— Но мы готовы поклясться Зевсом, — сказали халдеи, — что нам не 21
будет покоя, и не только на земле армян, но даже на нашей, если эти горы будут принадлежать им.

— А если горы будут вашими?

— Тогда мы будем уверены в своей безопасности.

— Но, клянусь Зевсом, — сказал армянский царь, — мы не будем спокойны, если халдеи вновь займут эти вершины, да к тому же укрепленные.

Тогда Кир сказал: 22

— Итак, я поступлю следующим образом. Никому из вас я не передам власти над этими горными вершинами, и охранять их мы будем сами.

А если кто из вас совершит несправедливый поступок, мы примем сторону обиженного.

23 Армяне и халдеи, услышав такое решение, похвалили Кира и заявили, что только при этом условии мир, заключенный между ними, будет прочным. При этом они обменялись залогами верности и заключили соглашение о том, что оба их народа будут свободны и независимы. Были узаконены браки между мужчинами и женщинами из обоих народов[9], установлено право обоюдной обработки земли и право обоюдной пастьбы, а также заключен оборонительный союз на случай, если одна из сторон подвергнется нападению извне.

24 Все это было совершено тогда, и соглашения, заключенные в те времена между халдеями и владыкой Армении, еще и поныне сохраняют свою силу.

Заключив такой договор, оба народа соединенными усилиями принялись строить крепость, которая должна была служить им общим сторожевым постом, и начали свозить в назначенное место все необходимое для строительства.

25 Когда же наступил вечер, Кир пригласил к себе на ужин представителей обоих народов, ставших уже друзьями. Во время ужина один из халдеев назвал этот мирный договор желанным для большинства своего народа. «Но есть и такие среди нас, — добавил он, — для кого единственным источником существования служит военная добыча; они не умеют, да и не захотят заниматься мирным трудом, привыкнув жить войной. Эти люди всегда или занимались грабежом, или становились наемными солдатами, нанимаясь на службу то к индийскому царю, владеющему, по их словам, несметными богатствами, то к Астиагу».

26 Услышав это, Кир сказал:

— Почему бы им теперь не поступить на службу ко мне? Я буду платить им самое большое жалованье, какое когда-либо получали наемные солдаты.

Халдеи охотно согласились и заявили, что найдется много желающих поступить к нему на службу.

27 Вот что происходило у Кира в то время. Прослышав о том, что халдеи часто бывали у индийского царя, и вспомнив, что от него приходили послы с целью узнать о положении в Мидии (они затем отправились в стан врагов, чтобы узнать об их делах), Кир захотел, чтобы индийский царь узнал о совершенных им подвигах. Поэтому он начал такую речь:

28 — Царь армянский и вы, халдеи! Скажите мне, если я захочу теперь кого-нибудь из своих людей отправить послом к индийскому царю, смогут ли этого моего посла сопровождать ваши соплеменники, указывая ему дорогу и оказывая всяческое содействие, чтобы мы могли получить от индийского царя то, что нам необходимо? Мне хотелось бы получить от него побольше денег, чтобы иметь возможность платить жалованье воинам, а также одаривать и награждать достойных соратников. Ради этого я и добиваюсь, чтобы в моей казне было изобилие денег, полагая, что имеющиеся у меня суммы недостаточны. Я с удовольствием воздержусь брать

деньги у вас, ведь вы уже стали моими друзьями. Но от индийского
царя я охотно взял бы их, если он согласится дать. Мой посол, для кото-
рого я прошу у вас провожатых и помощников, придя в Индию, передаст 29
следующее: «Царь индийский! Меня прислал к тебе Кир. Он говорит, что
нуждается в деньгах, так как ожидает прибытия новых войск со своей
родины, из Персии». (Я действительно их ожидаю, — заметил Кир).
«Если ты пошлешь ему, сколько сможешь, то Кир, по его словам, в случае,
если боги даруют благоприятный исход его предприятию, приложит все
усилия, чтобы ты считал оказанную ему поддержку удачно принятым ре-
шением». Эти мои слова посол и передаст царю. Вы же со своей стороны
поручите вашим людям передать индийскому царю все, что считаете нуж- 30
ным. Получив от царя деньги, мы сможем свободно располагать большими
суммами, а если мы их не получим, то будем знать, что ничем ему не обя-
заны, и в наших взаимоотношениях с ним станем руководствоваться
только собственной выгодой.

Такую речь произнес Кир, надеясь, что послы армян и халдеев, от-
правляющиеся к индийскому царю, станут говорить о нем и восхвалять 31
его, и пройдет о нем в мире слава, которой он желал. После этого, когда
наступило время, они закончили обед и разошлись на отдых.

Глава III

На следующий день Кир отправил своего посла с поручением передать 1
индийскому царю все то, о чем он говорил в своей речи. Вместе с послом
Кира армянский царь и халдеи послали своих людей, которых сочли наи-
более годными для этого дела. Они должны были поддержать Кира и по-
добающим образом прославлять его в своих речах, с которыми собирались
обратиться к индийскому царю. После этого Кир занялся крепостью, снаб-
див ее достаточно сильным гарнизоном и всеми необходимыми припасами.
Начальником гарнизона он поставил одного мидянина, который, как он
полагал, был наиболее угоден Киаксару. Затем он покинул горы, взяв
с собой войско, с которым прибыл в Армению, и присоединив к нему еще
отряды армян и до четырех тысяч халдеев, считавшихся самыми лучшими
воинами. Когда Кир спустился в равнину Армении, все население, муж- 2
чины и женщины, покинуло свои дома и вышло ему навстречу, радуясь
заключению мира; они несли и везли ему в подарок самые ценные вещи,
которые имели[10]. Армянский царь не сердился на это, полагая, что ува-
жение, оказываемое его подданными Киру, будет тому особенно приятно.
Наконец, навстречу Киру вышла и супруга армянского царя вместе с до-
черьми и младшим сыном. Она несла различные дары, а также золото,
которое Кир ранее отказался взять.

Увидев это, Кир сказал: 3

— Вы не заставите меня брать плату за мои добрые дела, совершенные в этих походах. А ты, женщина, возьми это золото и уходи. Не давай армянскому царю зарывать его в землю, но купи на это золото самое красивое вооружение для своего сына и отправь его в поход. А на оставшиеся деньги купи себе, своему супругу, дочерям и сыновьям то, что украсит вас и вашу жизнь и сделает ее более приятной. В земле же следует скрывать только тела людей после их смерти.

4 Сказав это, Кир уехал. Его сопровождали армянский царь и все остальные армяне, называя его благодетелем и благородным человеком. Так они провожали его до границы. Вместе с Киром армянский царь отправил большое войско; он смог это сделать потому, что в его стране
5 установился мир. Кир отбыл, обеспечив себя не только деньгами, которые он получил; благодаря избранному образу действий, он подготовил возможность получить их в еще большем количестве в случае нужды.

Свой лагерь Кир разбил в пограничной области. На следующий день он отправил войска и деньги Киаксару, который, как и обещал, находился поблизости. Сам же Кир вместе с Тиграном и самыми знатными персами с увлечением охотился на диких животных всюду, где они водились.

6 Прибыв в Мидию, он раздал деньги своим таксиархам, сколько каждому требовалось. Сделал он это с той целью, чтобы они тоже могли поощрять своих подчиненных, достойных награды. Кир был уверен, что если каждый, выполняя свой долг, заслужит похвалу, то и все его предприятие в целом будет иметь благополучный исход. И сам он, замечая что-либо, могущее украсить его войско, немедля приобретал и раздавал наиболее отличившимся воинам, полагая, что все прекрасное и достойное
7 в войске служит украшением ему самому, как полководцу. Распределяя награды из накопившихся у него сумм, Кир обратился к таксиархам, лохагам и всем воинам, которых награждал, со следующей речью:

— Друзья! Мы полагаем, что ныне у нас есть все основания радоваться от души, ибо в нашем распоряжении в изобилии имеются деньги, и поэтому перед нами открывается возможность награждать других, кого мы пожелаем, и самим получать награды, каких каждый будет достоин.
8 Но не забудем, каковы были подвиги, послужившие первопричиной всех этих благ. Внимательно рассмотрев эти причины, вы откроете, что это было и умение обходиться без сна там, где это необходимо, и способность легко переносить тяготы и лишения, и быстрые марши, и стойкость перед лицом врага. Такими же доблестными вы, воины, должны оставаться и в будущем, твердо помня, что послушание, стойкость, способность переносить опасности и лишения в минуты тяжелых испытаний приносят великие блага и великие радости.

9 Когда Кир уверился, что его воины достаточно закалены и подготовлены к перенесению тягот и лишений, связанных с ратными делами, что их воинский дух настолько силен, чтобы с презрением относиться к врагу, что они научились умело обращаться со своим оружием, что они с готовностью повинуются командирам, он проникся желанием немедленно начать военные действия против врага, хорошо сознавая, что промедле-

ние дорого обходится полководцу, ибо при этом значительная часть уси-
лий, затраченных на подготовку войска, теряется напрасно. Помимо этого, 10
Киру бросилась в глаза враждебность, с которой многие его солдаты стали
относиться друг к другу; причиной же тому было возросшее честолюбие
воинов, соревновавшихся между собой. Это также побуждало его как
можно быстрее повести войска в бой. Кир ясно понимал, что общие опас-
ности сближают участников похода между собой. В это время они пе-
рестают завидовать красивому вооружению у одних, стремлению к славе,
проявляемому другими; напротив, они прославляют и восхищаются та-
кими соратниками, понимая, что честолюбие их способствует достижению
победы, являющейся общим благом для всех. Поэтому он постарался как 11
можно лучше вооружить свои войска и привести в образцовый порядок
каждое подразделение, а затем созвал мириархов[11], хилиархов, таксиархов
и лохагов. Эти командиры не включались в состав тактических единиц, и
когда у них возникала необходимость что-либо сообщить полководцу или
выслушать его приказ, подразделения не оставались без командира, и
всем на месте распоряжались додекадархи и гексадархи. Когда коман- 12
диры собрались, Кир повел их вдоль рядов выстроившихся воинов и стал
показывать, в каком отличном состоянии находились войска, а также пояс-
нять, в чем заключалась сила каждого союзного отряда. После того как
созванные командиры также воспылали желанием поскорее начать воен-
ные действия, Кир приказал им отправиться к своим отрядам и воодуше-
вить своих подчиненных точно таким же образом, как он, Кир, воодушев-
лял их самих. Кир поставил перед ними задачу возбудить в каждом воине
жажду ратных подвигов, чтобы все отправились в поход в радостном и
бодром настроении. Утром все должны были собраться у ворот дворца
Киаксара.

Командиры разошлись и стали выполнять все, что приказал Кир. 13
На следующий день рано утром они явились к воротам дворца. Кир
вместе с ними вошел к Киаксару и сказал царю следующее:

— Я знаю, Киаксар, что ты уже давно и ничуть не менее меня заду-
мываешься над тем, что я собираюсь тебе сейчас сказать. Но ты, навер-
ное, стыдишься высказать во всеуслышание свою мысль, чтобы не пока-
залось, будто тебя тяготят расходы на наше содержание, если ты напом-
нишь нам о необходимости выступить в поход. Но, поскольку ты сам 14
молчишь, я скажу и за тебя и за нас. Мы все, находясь в состоянии пол-
ной боевой готовности, решили выступить — не ждать, пока враги вторг-
нутся в твои владения, и не сидеть, сложа руки, в дружественной стране,
но как можно скорее вторгнуться в земли врагов. Ведь ныне, пребы- 15
вая на твоей земле, мы поневоле причиняем тебе ущерб. Но если мы
вторгнемся на земли врага, мы без оглядки станем разорять его владения.
Ныне ведь ты вынужден содержать нас, расходуя на это большие сред- 16
ства. Напротив, выступив в поход, мы сможем содержать себя за счет вра-
гов. Если бы нас ожидали там бóльшие опасности, чем грозящие нам здесь, 17
мы, возможно, могли бы выбрать более безопасное для нас решение.
Но ведь нам предстоит сразиться с одним и тем же врагом, останемся ли

мы здесь, или же, ворвавшись в страну врага, встретимся с ним там. И мы сами остаемся все теми же, ожидая врага здесь или столкнувшись
18 с ним на его земле. Да и воинский дух в наших войсках усилится и укрепится, если мы сами выступим против врагов, а не станем поступать подобно людям, поневоле ожидающим прихода неприятеля. В свою очередь, враги будут больше бояться нас, узнав, что мы вовсе не трепещем от страха, сидя у себя дома, но, услышав о их приближении, сами двинулись им навстречу, чтобы как можно скорее вступить с ними в сражение; что мы не ожидаем, когда враг станет опустошать нашу землю, но, опере-
19 див его, сами разоряем его страну. Действительно, если мы напугаем врагов, а сами станем вести себя смелее, это, я полагаю, будет немалым приобретением, и создавшееся положение станет, как я думаю, безопаснее для нас и более опасным для врага. Наконец, и отец мой всегда утверждает, и ты говоришь это же, да и все остальные согласятся с тем, что судьба войны определяется силой духа воинов, а не их физической мощью.

20 Так говорил Кир. А Киаксар ответил ему:

— Пусть ни тебе, Кир, ни вам, остальные персы, не приходит в голову, будто меня тяготит необходимость тратиться на ваше содержание. Однако мысль о том, что нам следует вторгнуться в страну врагов, и мне самому представляется во всех отношениях превосходной.

— Поскольку мы единодушно принимаем это решение, — сказал тогда Кир, — давайте начнем подготовку. И если знамения богов окажутся благоприятными, выступим как можно скорее.

21 После этого они отдали воинам приказ готовиться к походу. Кир же стал приносить жертвы богам[12], первому Зевсу Царю, а затем и всем остальным, чтобы они были и верными соратниками, и союзниками, и
22 подателями благих советов. Он обратился с молитвой и к героям — покровителям и защитникам мидийской земли. После того, как жертвы дали благоприятные знамения, все его войско собралось к границе, и Кир, вопросив вещих птиц, вторгся во вражеские земли. Быстро перейдя границу, он сразу же почтил возлияниями Гею, принес жертвы другим богам и умилостивил героев — покровителей Ассирии[13]. Совершив все это, он вновь принес жертвы Зевсу Отчему, не забыв при этом ни одного из других богов, явивших ему какие-либо вещие знаки.

23 Все эти жертвы дали благоприятные знамения, и, продвинувшись с пехотой на небольшое расстояние, они разбили лагерь. Конница стала совершать набеги, захватывая богатую и разнообразную добычу. В дальнейшем они продолжали менять расположение лагеря, в изобилии добывая все необходимые припасы и опустошая вражескую страну в ожидании появления неприятеля.

24 Когда разнеслась весть о том, что враги находятся на расстоянии меньшем, чем десять дней пути, Кир обратился к Киаксару со следующими словами:

— Киаксар, настало время двинуться вперед, чтобы ни враги, ни наши собственные воины не подумали, будто мы от страха не выступили им

навстречу. Напротив, всем должно стать ясно, что мы горим желанием вступить в сражение.

Киаксар согласился с этим. Выстроив войска в боевой порядок, они 25
продвинулись в течение дня на достаточно большое расстояние. Ужин воины готовили днем, а ночью огней в лагере не разводили; их зажигали перед лагерем, чтобы следить за теми, кто случайно приблизится, в то время как сами воины, находясь в лагере, оставались незамеченными. Часто огни зажигались и позади лагеря, чтобы ввести в заблуждение врага. Поэтому бывали случаи, когда лазутчики врага, полагая вследствие такого расположения огней, что они находятся впереди лагеря, попадали в руки сторожевых постов.

Когда оба войска уже сблизились, ассирийцы и их союзники окружили 26
свой лагерь рвом, подобно тому как это и ныне делают цари варваров[14]: где бы они ни разбивали лагерь, они тотчас же окружают его рвом, располагая большим количеством рабочих рук. Ведь они знают, что ночью кон-
ница пуглива и ее трудно пустить в дело, особенно варварскую. Коней 27
они держат у яслей стреноженными, и, если кто-нибудь ночью нападет на них, они должны снять с лошадей путы, взнуздать и оседлать их, надеть панцирь и, вскочив на коня, выехать из лагеря. Проделать все это ночью совершенно невозможно. По этой причине и ассирийцы и остальные варвары окружают свой лагерь укреплениями. В то же время они считают, что укрепленные позиции позволяют им вступить в сражение тогда, когда они сочтут нужным.

Итак, действуя подобным образом, оба войска сблизились. Когда 28
расстояние между ними уже равнялось одному парасангу[15], ассирийцы разбили лагерь по способу, уже описанному выше, и, хотя он был окружен рвом, он легко просматривался. Кир же, напротив, разбил свой лагерь таким образом, чтобы он, располагаясь позади селений и холмов, оказался менее всего доступен для обзора. Кир знал, что на войне все, предпринятое внезапно, действует на врага устрашающе.

В эту ночь, выставив, как полагалось, сторожевые посты, оба войска расположились на отдых.

На следующий день ассирийский царь, Крез и остальные вожди дали 29
возможность своим воинам отдохнуть в укрепленном лагере. Напротив, Кир и Киаксар, выстроив войска в боевой порядок, выжидали, чтобы вступить в бой, когда враг приблизится. Когда стало ясно, что в этот день враги не покинут своих укреплений и не рискнут начать сражение, Киаксар, пригласив Кира и других начальников, сказал:

— Друзья, наши войска уже выстроились в боевой порядок, и нам 30
надлежит, я полагаю, сейчас же двинуться на вражеские укрепления, чтобы тем самым доказать свою готовность сражаться. Даже если враги не выйдут нам навстречу, наши воины отойдут, уверившись в своем превосходстве над противником. А противник, убедившись в доблести наших воинов, устрашится еще более.

Таково было мнение Киаксара. Однако Кир возразил на это: 31

— Киаксар, во имя богов, воздержимся от этого выступления! Если мы выйдем из лагеря, обнаружив тем самым численность наших сил, как ты предлагаешь, враги получат возможность в полной безопасности следить за нами, когда мы двинемся на их укрепления, сознавая, что им ничто не угрожает; а когда мы, ничего не добившись, отойдем, они вновь смогут подсчитать численность наших войск, намного уступающую их численности. Проникнувшись к нам пренебрежением, они на другой день выступят против нас с гораздо большей уверенностью в своих силах.
32 Ныне же, зная, что мы уже подошли, но еще не видя нас, они — будь уверен в этом — не относятся к нам с пренебрежением, но ломают голову над тем, что бы это могло означать, и не перестают, я знаю, говорить о нас. А когда они выступят из лагеря, тогда-то нам и следует обнаружить себя, устремиться против них и сразиться врукопашную, захватив
33 врага там, где мы давно желали с ним сразиться.

После того как Кир произнес эту речь, Киаксар и все остальные с ним
34 согласились. Поужинав и выставив сторожевые посты, перед которыми были зажжены многочисленные костры, они удалились на отдых. На утро следующего дня Кир с венком на голове стал приносить жертвы богам, приказав остальным гомотимам, чтобы они надели венки, присутствуя при жертвоприношениях. По свершении обряда Кир собрал их и сказал:

— Воины! Как объявили прорицатели и как полагаю я сам в согласии с ними, боги предвещают нам сражение и обещают, согласно знамениям,
35 спасение и победу. Я устыдился бы напоминать вам, как надлежит вести себя в предстоящем сражении; это вам прекрасно известно и составляет предмет особенных ваших забот, да и слышали вы это неоднократно, так что, пожалуй, могли бы и других научить. Но выслушайте следующее,
36 если только это не приходило на ум вам самим. Необходимо напомнить тем, кто совсем недавно стали нашими союзниками и кого мы стараемся во всем сделать подобными себе, за что Киаксар выплачивает нам жалованье, о доблести, в которой мы постоянно упражняемся, а также для чего мы призывали их самих, в каком деле они добровольно — по их сло-
37 вам — собираются стать нашими соперниками. Напомните им и о том, что день этот покажет, чего каждый заслуживает. Если люди вынуждены учиться чему-то в позднем возрасте, совсем не удивительно, что иные из них нуждаются в напоминаниях. Но все же приятно, если они смогут
38 стать доблестными мужами, хотя бы и с помощью внушений. Поступая так, вы одновременно проверите и самих себя. Воин, сумевший во время подобного испытания и других сделать более храбрыми, естественно, получит право считать самого себя безупречно доблестным. Тот же, кто постарается вести себя так, как говорилось выше, забыв о других и восторгаясь при этом собой, может, естественно, считаться доблестным только
39 наполовину. По этой причине я не обращаюсь к ним сам, а призываю вас говорить с ними, чтобы именно с вас они старались брать пример; ведь вы постоянно общаетесь с ними в своих отрядах. Знайте, что если вы сами проявите смелость и отвагу, то, видя это, и они, и все остальные под вашим влиянием станут отважными не на словах, а на деле.

В конце своей речи Кир приказал им идти на обед, не снимая венков, 40
и, совершив возлияния в честь богов, с этими же венками явиться в свои отряды. Когда они ушли, Кир созвал командиров арьергардных частей и разъяснил им их задачи в следующих словах:

— Персидские воины, вы стали гомотимами и принадлежите к избран- 41
ным. Вас считают равными лучшим, а рассудительностью и умом вы даже превосходите других, умудренные годами. И место в строю вы занимаете ничуть не менее почетное, чем те, кто стоит впереди. Находясь позади и видя впереди себя храбро сражающихся воинов, вы имеете возможность их подбодрить и вселить в них еще большую отвагу. А если кто проявит слабость, вы, заметив это, не допускайте, чтобы они запятнали себя тру-
достью. В вашем возрасте и с вашим тяжелым вооружением вам, как ни- 42
кому другому, необходима победа. Когда стоящие впереди станут призывать вас атаковать противника, следуйте за ними и, чтобы не оказаться хуже их, в свою очередь призывайте их быстрее вести на врага. Идите, а после обеда вернитесь в свои отряды с венками на голове[16].

Такими делами были заняты Кир и его воины. Ассирийцы же успели 43
пообедать и, смело выступив из-за своих укреплений, стали энергично выстраиваться в боевой порядок. Их строил сам ассирийский царь, проезжая перед строем на колеснице. К своим воинам он обратился со следующей речью:

— Ассирийские воины, теперь вы должны доказать свое мужество. 44
Вы будете сражаться за свою жизнь, за землю, на которой вы выросли, за родные дома, за своих жен и детей — за все, что вам более всего дорого. Одержав победу, вы останетесь, как и прежде, обладателями всего этого, но если вы потерпите поражение, то знайте, что все это достанется врагам.
Поэтому жажда победы должна пылать в ваших сердцах. Будет безумием, 45
если тот, кто сражается за победу, обратится в бегство, открывая врагу спину — часть тела, лишенную рук и оружия. Безумным будет и тот, кто, желая сохранить себе жизнь, побежит с поля боя; знайте, что в живых останутся только победители, что беглецы гибнут гораздо чаще тех, кто стойко сражается. Окажется безумцем и тот, кто, стремясь владеть богатством, допустит, чтобы над ним одержали победу. Кому не известно, что победители сохраняют и свое имущество и захватывают достояние побежденных, побежденные же теряют и свое имущество и собственную свободу.

Так говорил ассирийский царь. Киаксар же известил Кира через 46
гонцов о том, что наступил самый подходящий момент для нападения на противника. При этом он сказал:

— За пределы укреплений вышло еще небольшое количество врагов, но число их будет увеличиваться, пока мы станем к ним приближаться. Не будем ждать, когда наши враги получат численное превосходство, но атакуем их, пока у нас есть еще надежда без особых усилий одержать победу.

Кир на это ответил: 47

— Киаксар, если число побежденных врагов составит менее половины общей их численности, они смогут заявить, будто мы испугались всего их войска и поэтому напали только на часть его. Они не признáют себя побежденными, и тогда тебе придется дать еще одно сражение, в котором враги, возможно, изберут более выгодный для себя образ действий. А теперь они дают нам возможность самим установить их численность и вступить в сражение с таким количеством, какое мы сочтем для себя желательным.

48 Выслушав это, гонцы Киаксара отправились обратно. В это время к Киру прибыл перс Хрисант и некоторые другие гомотимы, ведя с собой перебежчиков. Кир, естественно, стал расспрашивать их обо всем, что касается вражеского войска. Перебежчики отвечали, что ассирийцы уже выступили за свои укрепления с оружием в руках и что выстраивает их в боевой порядок сам царь, также покинувший укрепления. По словам тех, кто его слышал, он обращается в этот момент с многочисленными и энергичными призывами к своим воинам, выступающим в поле.

49 Тут Хрисант сказал:

— Не следует ли и тебе, Кир, созвать войско и, пока еще есть время, обратиться к нему с ободряющими словами, чтобы поднять его дух?

50 — Хрисант, — отвечал Кир, — пусть не огорчает тебя весть о том, что ассирийский царь ободрял свое войско. Нет таких прекрáсных слов, которые могли бы сделать храбрецами трусов, как только они эти слова услышат. Слова не сделают стрелков меткими, если они до этого долго не упражнялись, и то же можно сказать о метателях дротиков и всадниках. Даже свои тела они не приучат к тяжелому труду, если раньше не занимались делами, требующими физических усилий.

51 — Но ведь хватит и того, Кир, что ты укрепишь в них воинский дух!

— А разве может одна речь сразу же возбудить в душе человека чувство стыда или удержать его от постыдных поступков, или вызвать в нем воинское рвение ради одной только славы, или стремление преодолеть любые опасности? Может ли она заставить его предпочесть смерть в бою — спасению, добытому в бегстве?

52 Если вы хотите, чтобы люди прониклись подобными чувствами и остались верны им, то необходимо, прежде всего, установить законы, согласно которым доблестным будут предоставлены почет и свобода, а трусы будут наказаны таким позором, что жизнь их, исполненная го-
53 рестей, станет для них невыносимой[17]. Далее, я полагаю, над людьми должны быть поставлены наставники и руководители, которые будут справедливо управлять ими, наставлять их и приучать к доблестным поступкам, пока они полностью не осознают, что по-настоящему доблестные и славные оказываются и самыми счастливыми, а трусы и опозоренные — самыми несчастными из людей. Именно такие чувства должны воодушевлять воинов, от которых ждут, что полученное ими воспитание окажется
54 сильнее страха, внушаемого врагом. Если бы в момент, когда люди с оружием в руках выступают в бой, — а многие в это время забывают и то, что давно усвоили, — кто-нибудь, выступив с декламацией наподобие рапсода,

смог бы в один миг сделать их доблестными, то было бы самым легким делом и усваивать, и обучать людей величайшей добродетели, которая только и может быть им свойственна. Что касается меня, то я не стал бы 55
полагаться на стойкость людей, которых мы нынче сами обучаем, если бы не ваше присутствие: вы будете показывать им пример того, каким должен быть воин, и напоминать об этом, если они что-либо забудут. Что же касается людей, вовсе не усвоивших воинских добродетелей, то, Хрисант, я был бы весьма удивлен, если бы произнесенная перед ними прекрасная речь пробудила в них мужество в бо́льшей степени, чем прекрасно пропетая песнь научила бы мусическому искусству людей, никогда до этого не обучавшихся музыке.

В таком духе шла между ними беседа. Между тем Киаксар вновь прислал гонцов, передав Киру, что если он будет медлить и не выступит тотчас же против врагов, то совершит ошибку. 56

— Доложите Киаксару, — отвечал Кир гонцам, — что враги еще не вышли в надлежащем количестве за пределы своего лагеря. Сообщите это открыто, в присутствии всех. Однако, если он безусловно так хочет, то я выступлю.

Дав такой ответ гонцам и помолившись богам, он стал выводить 57
войско для боя. Начав движение, он сразу же ускоренным шагом повел воинов вперед, а те в полном военном порядке следовали за ним, обученные и привыкшие быстро идти в походном строю, так как были охвачены духом соревнования друг перед другом, а также потому, что все их командиры шли впереди. Они с радостью устремлялись в бой, сознавая свой долг; ведь они знали, усвоив эту истину в результате длительного предшествующего опыта, что самым безопасным и легким путем к победе является ближний бой с неприятелем, особенно с его стрелками из лука, метателями дротиков и всадниками. Когда они находились еще вне преде- 58
лов досягаемости вражеских стрел и дротиков, Кир передал пароль: «Зевс Союзник и Вождь» [18]. После того, как пароль обошел всех и вернулся назад к нему, Кир, по обычаю, запел пэан [19], и все воины громко его подхватили, чтя божество. В эти мгновения люди богобоязненные менее всего подвержены действию страха. Пропев пэан, гомотимы выступали вперед 59
с радостными лицами, со взорами, обращенными друг на друга. Они называли по имени стоявших рядом и позади, обращаясь к ним часто со словами: «Вперед, друзья! Вперед, храбрецы!» — призывая друг друга атаковать противника. Те же, которые двигались позади них, слыша эти слова, в свою очередь ободряли двигавшихся впереди, призывая их храбро вести воинов вперед на врага. Войско Кира было исполнено доблести, честолюбия, силы, отваги, бодрости духа, благоразумия и дисциплины, что, как я полагаю, более всего устрашает противника [20].

Что же касается ассирийцев, то с приближением персидского войска те 60
из них, кто выступал впереди, сражаясь на колесницах, вскочили на свои колесницы и вернулись к своему войску, а их стрелки, метатели дротиков и пращники метнули свои орудия много раньше, чем они могли попасть в противника. Когда все эти стрелы оказались под ногами наступающих 61

персов, Кир бросил клич: «Храбрецы, пусть каждый ускорит шаг и, на
деле доказывая, каков он есть, воодушевит других!» Воины передали этот
клич другим. Полные воинского рвения и гнева, стремясь поскорее всту-
пить в бой, отдельные солдаты начали наступать быстрыми перебежками и
62 вся фаланга бегом последовала за ними. И сам Кир незаметно перешел
с шага на бег. Ведя войско вперед, он кричал: «Кто за мной? Кто настоя-
щий храбрец? Кто первым поразит врага?» Воины, слышавшие эти при-
зывы, повторяли их, и через все ряды пронесся этот же самый клич:
«Кто за мной? Кто настоящий храбрец?».
63 В таком воинственном порыве персы устремились в бой. Враги не
устояли и, обратившись в бегство, помчались к своим укреплениям.
64 Персы преследовали их до самых крепостных ворот и перебили множество
толпившихся там вражеских воинов. Многие из них падали во рвы, и
персы, спрыгнув туда, убивали людей и лошадей без разбора; некоторые
65 колесницы в беспорядочном бегстве тоже свалились в ров. Мидийская
конница, видя все это, помчалась в атаку против вражеской конницы, и
тогда началось преследование и избиение вражеских всадников, людей
66 и коней. Ассирийцы, стоявшие на вершине насыпи внутри своих укрепле-
ний, уже не думали о том, чтобы стрелять из лука или метать дротики
в персов, устроивших настоящую резню; они не могли этого делать под
влиянием представшего перед ними страшного зрелища. Заметив, что не-
которые персы уже пробились к воротам их крепости, они вскоре повер-
67 нули вспять и побежали уже с самой насыпи. Видя их бегство, жены
ассирийцев и их союзников подняли крик в самом лагере и в страхе на-
чали метаться туда и сюда, и те, что были с детьми на руках, и те, что по-
моложе. Они стали раздирать на себе одежды и царапать в кровь лица,
умоляя каждого, кто попадался им на пути, не оставлять их и не бежать,
68 но защищать детей, жен и самих себя. Тут уж и сами цари с надежней-
шими воинами, встав у входов в укрепления и поднявшись на вершину
насыпи, стали сражаться и сами, и других призывать к отражению врага.
69 Узнав о том, что произошло, Кир из опасения, как бы персы, даже
если они ворвутся во вражеские укрепления, из-за своей малочисленности
не понесли урона от превосходящих сил противника, приказал отступать,
держа фронт обращенным к неприятелю[21], чтобы защищаться от его ме-
70 тательных орудий. Здесь каждый смог бы легко убедиться в дисциплини-
рованности гомотимов: они быстро выполнили приказ Кира и так же
быстро передали его другим. Как только они оказались за пределами до-
сягаемости метательных орудий противника, они выстроились в полном
порядке, точно зная каждый свое место — намного лучше, чем это знают
хоревты в хоре.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Глава 1

Некоторое время Кир оставался здесь со своим войском, давая тем 1 самым понять неприятелю, что воины его готовы вступить в бой. Но после того, как никто не вышел из-за укреплений, он отвел войска на необходимое, как он полагал, расстояние и разбил там лагерь. Вслед за этим он выставил сторожевые посты, отправил вперед разведчиков и затем созвал своих воинов. Встав посреди войскового круга, он сказал следующее:

— Персидские воины! Я должен, прежде всего, воздать величайшую, 2 насколько это в моих силах, хвалу богам; полагаю, что вы все готовы сделать то же самое. Ведь нам выпало счастье и победу одержать, и остаться в живых. За все это нам следует отблагодарить богов чем мы только сможем. Вам всем я также воздаю хвалу, ведь вы совершили великолепный подвиг. Что же касается заслуг каждого воина, то я выясню это у их командиров и постараюсь вознаградить всех по справедливости и похвалой, и деньгами. А вот ближайший мой помощник таксиарх Хрисант не 3 нуждается в том, чтобы о его действиях надо было расспрашивать других; я сам знаю, как он вел себя в бою. Во всем прочем он действовал так же, как, полагаю, действовали вы все. Но когда я приказал ему отступить, назвав при этом его по имени, он, уже было занесший меч над головой врага, тотчас же подчинился и, оставив свое намерение, бросился выполнять приказ[1]. Он и сам стал отходить, и от других энергично потребовал, чтобы они сделали то же самое. Так он поступал, пока не вывел свой отряд за пределы досягаемости вражеских стрел. Враги не смогли даже заметить, как мы отступили, не успели даже луки свои натянуть и копья метнуть. Так что благодаря своей дисциплинированности он и сам остался невредим и своих людей сумел сохранить. Вижу, что среди вас есть ра- 4 неные, — заметил далее Кир. — Я выясню, когда они получили свои ранения, и тогда выскажу свое суждение[2]. Хрисанта же за его ратные подвиги и рассудительность, за умение и начальствовать, и подчиняться приказам командиров, я уже сейчас награждаю званием хилиарха, а если божество пошлет нам еще новые блага, я и тогда его не забуду. И я 5 хочу, — добавил при этом Кир, — чтобы вы всегда хранили в своей памяти все, что видели во время этого сражения. Это поможет вам раз и навсегда усвоить, что является решающим условием спасения вашей жизни — воинская ли доблесть или же бегство с поля битвы, и знать,

кто скорее избавляется от опасности — тот, кто с радостью устремляется в бой, или тот, кто уклоняется от участия в сражении. Навсегда запомните, какую радость приносит победа. Обо всем этом вы сможете получить верное представление, учитывая, вместе со всем прочим, также и опыт не-
6 давних событий. Помня обо всем этом, вы станете доблестными воинами. Теперь же вы, как отважные и опытные воители, отмеченные милостью богов, ступайте ужинать, совершите возлияние богам и пропойте пэан. Но вместе с тем не забывайте распоряжений, которые вам отданы.

7 Сказав это, Кир вскочил на коня и поехал к Киаксару. Там он, естественно, вместе с ним порадовался победе, познакомился с состоянием тамошних дел, спросил Киаксара, не нуждается ли он в чем-либо, и затем вернулся к своему войску. Все воины Кира поужинали и, выставив, по обыкновению, сторожевые посты, расположились на отдых.

8 Ассирийцы же, вследствие того, что предводитель их был убит и вместе с ним многие лучшие воины, все пали духом. Многие из них даже дезертировали этой ночью, покинув лагерь. Видя это, Крез и другие союзники ассирийцев были весьма удручены. Все складывалось для них плохо, но более всего подавляло их то обстоятельство, что руководство их войска оказалось неспособным принимать решения. Поэтому союзники
9 ассирийцев ночью покинули лагерь и ушли. Когда же наступил день и лагерь врагов предстал взору наблюдателей совершенно обезлюдевшим, Кир тотчас же направил туда персов. В лагере врагами были оставлены стада овец и быков, многочисленные повозки, полные всякого добра. Вслед за персами вошли туда и мидяне во главе с Киаксаром. Все они
10 устроили себе в лагере обед. После обеда Кир созвал своих таксиархов и сказал:

— Воины! Какую добычу и какие трофеи мы с вами упустили, в то время, как боги сами давали их нам в руки! Ныне вы ясно видите, что враги сбежали от нас. Если они, находясь в крепости, решили покинуть ее, спасаясь бегством, то кто рискнет утверждать, что они устоят перед нами в открытом поле? Если, еще не зная нас, они не осмелились выстроиться против нас на равнине, смогут ли они сопротивляться теперь, понеся поражение и претерпев от нас великие беды? Ведь если лучшие их воины погибли, рискнут ли уцелевшие трусы вступить с нами в бой?

Тут кто-то спросил:

11 — Почему бы нам, в таком случае, не начать преследование врага, и как можно скорее, если выгоды столь очевидны?

Кир ответил:

— Потому, что нам недостает конницы. Ведь самые сильные вражеские воины, которых нам прежде всего необходимо захватить в плен или перебить, ускакали на конях. У нас хватило бы сил с помощью богов обратить их в бегство, настигнуть же их и захватить в плен мы не сможем.

12 — Почему же, — сказали они тогда, — ты не отправишься к Киаксару и не расскажешь ему об этом?

— Отправимся все вместе, — отвечал Кир, — чтобы царь убедился, как единодушно мы все стремимся к единой цели.

После этих слов командиры, окружавшие Кира, последовали за ним к Киаксару. Там они высказали свои соображения, казавшиеся им полезными в связи с делом, ради которого они явились к царю.

Киаксару отчасти было неприятно, что именно они завели об этом речь. К тому же, возможно, ему не хотелось вновь подвергаться опасностям; ведь он в это время наслаждался радостями мирного отдыха и видел, что так же настроены и остальные мидяне. Поэтому он сказал: 13

— Кир, мне известно от других, да и сам я убеждаюсь в этом, что вы, персы, более всех иных людей остерегаетесь злоупотреблять всякими удовольствиями. Мне самому представляется, что даже при величайшем наслаждении больше всего приносит пользы умеренность. А что может доставить человеку больше удовольствия, чем счастье, которое ныне выпало нам на долю? 14

И если мы, наслаждаясь выпавшим нам счастьем, станем ныне разумно его беречь, мы, вероятно, сможем прожить счастливо да самой старости, не подвергаясь опасностям. Но если в ненасытной погоне за счастьем мы будем добиваться все нового и нового, то смотри, как бы с нами не случилось того, что случается со многими моряками: радуясь счастливому плаванию, они не хотят вовремя пристать к берегу и погибают[3]. Точно так же многие люди, одержав победу, вновь устремляются в бой, в погоне за новой победой, и теряют ту, которой уже добились. 15

Если бы бежавшие враги уступали нам в численности, тогда, может быть, мы без опасений могли их преследовать. Но вспомни, над какой малой частью вражеского войска мы одержали победу. Ведь все остальное войско врагов вовсе не принимало участия в сражении. Если мы сами не станем принуждать их сражаться, то, оставаясь в неведении относительно наших и своих собственных сил, они будут и далее трусливо убегать от нас. Но если они поймут, что даже во время бегства они подвергаются не меньшей опасности, чем если бы они оставались на месте, то как бы мы не заставили их поневоле стать храбрецами. 16

Тебе следует учесть, что твое стремление захватить в плен жен и детей наших врагов ничуть не превосходит по силе их желание спасти своих близких. Вспомни при этом, что даже дикие свиньи[4], попав на глаза охотнику, убегают вместе со своими поросятами, несмотря на то что их целое стадо. Но, когда кто-нибудь из охотников погонится за поросенком, свинья никогда не побежит, даже если будет одна, и бросится на того, кто попытался отнять у нее детеныша. Ныне враги, запершись в своих укреплениях, позволили нам самим установить величину той части войска, с которой мы захотели сразиться. Но когда мы столкнемся с ними на открытой местности и они, разделившись на отряды, смогут атаковать нас — одни по фронту, как только что они сделали, другие с фланга, а третьи даже с тыла, — то смотри, как бы каждому из нас не понадобилось множество рук и глаз. Помимо этого, мне, когда я вижу, как радуются мидяне мирному отдыху, не хотелось бы вновь поднимать их и бросать навстречу опасностям. 17 18

19 Отвечая Киаксару, Кир сказал:

— Но тебе нет никакой необходимости насильно поднимать мидян. Дай мне только тех, кто захочет добровольно выступить со мной, и, может быть, мы вернемся, добыв тебе и каждому из присутствующих здесь твоих друзей то, что доставит радость всем вам. Мы не станем преследовать главные силы врагов — да и как могли бы мы их захватить? Но если мы настигнем какую-нибудь отколовшуюся часть вражеского войска или отставшую от основных сил, мы захватим их в плен и пригоним к тебе.

20 — Вспомни также, — сказал Кир, — что и мы, как только ты попросил нас, проделали большой путь и явились к тебе на помощь. Ты поступишь по справедливости, если отблагодаришь нас в ответ, чтобы мы не вернулись домой с пустыми руками и не обращали свои взоры только на твою сокровищницу.

21 Тут Киаксар сказал:

— Если кто-нибудь по доброй воле последует за тобой, я буду тебе даже благодарен.

— Тогда, — попросил Кир, — отправь со мной одного из твоих приближенных, более всего достойного доверия, который передаст мидянам твое решение.

— Бери любого из присутствующих, — ответил Киаксар.

22 Случилось же так, что среди присутствующих оказался тот самый мидянин, который некогда заявил Киру, будто является его родственником и получил от него поцелуй[5]. Увидев его, Кир сказал:

— Мне достаточно будет этого.

— Пусть он последует за тобой. А ты, — заметил Киаксар, обращаясь к мидянину, — скажи всем, что каждый добровольно может отправиться с Киром.

23 Кир вышел, захватив с собой мидянина. Когда они отошли, Кир сказал ему:

— Теперь можно будет проверить, правду ли ты говорил, утверждая, будто радуешься всем сердцем, когда меня видишь.

— Я никогда тебя не покину, — отвечал тот, — если ты именно это имеешь в виду.

— Ты и других готов повести? — спросил Кир.

Мидянин клятвенно его заверил:

— Клянусь Зевсом, я сделаю все, чтобы и тебе доставляло удовольствие смотреть на меня.

24 Посланный Киаксаром к мидянам, он с великим рвением передал им то, что ему было поручено, добавив от себя, что сам он никогда не оставит мужа прекрасного и доблестного и, что важнее всего, происходящего от самих богов[6].

Глава II

В то время как Кир был занят такими делами, к нему прибыли послы от гирканцев, будто по внушению богов. Гирканцы имели общую с ассирийцами границу. Народ их был невелик по численности, поэтому они и находились в зависимости от ассирийцев. Еще в те времена они слыли превосходными наездниками, такими считают их и поныне. По этой причине ассирийцы использовали их так, как спартанцы используют скиритов[7], не щадя их ни в трудах, ни в ратных опасностях. И на этот раз ассирийцы приказали гирканцам — а их было около тысячи всадников — следовать в арьергарде; в случае, если арьергард подвергнется нападению, их долг состоял в том, чтобы его отразить. Гирканцы, поскольку им пришлось следовать в самом хвосте, двигались вместе со своими повозками и семьями. Ведь большинство народов, живущих в Азии, отправляется в поход, беря с собой всех домочадцев. И на этот раз гирканцы выступили в поход так, как выступают варвары. Припомнив все беды, которые причинили им ассирийцы, а также то, что предводитель ассирийцев погиб, а сами они потерпели поражение, что все войско ассирийцев охвачено страхом, что их союзники, потеряв присутствие духа, сбежали, — приняв все это во внимание, гирканцы решили, что сейчас для них наступило подходящее время покинуть своих господ, если воины Кира захотят вместе с гирканцами напасть на ассирийцев. С этой целью они посылают послов к Киру. Ведь после сражения имя Кира было уже окружено громкой славой.

1 2 3 (margin section numbers: 1 at line 1, 2 at "нию, их долг состоял…", 3 at "выступили в поход…")

Прибыв к Киру, послы гирканцев заявили, что у них есть все основания ненавидеть ассирийцев и что ныне, если Кир захочет напасть на ассирийское войско, гирканцы готовы примкнуть к нему и служить проводниками. Послы рассказали также обо всем, что творилось в стане врага, желая во что бы то ни стало добиться от Кира согласия выступить. 4

Кир спросил их: 5

— Полагаете ли вы, что мы сможем настигнуть ассирийцев до того, как они укроются за стенами своих укреплений? Ведь то, что они сумели ускользнуть от нас, мы считаем для себя самой большой неудачей.

Кир говорил это для того, чтобы послы прониклись уважением к силе его войска.

Гирканцы ответили, что если Кир выступит даже завтра, рано утром и налегке, то и тогда он непременно настигнет ассирийцев. Ведь те из-за большой численности их войска и множества повозок движутся очень медленно. Более того, проведя всю прошлую ночь без сна, они, сделав небольшой переход, сразу же расположились лагерем. 6

Кир спросил гирканцев: 7

— Чем сможете вы доказать искренность ваших слов?

— Мы готовы сейчас же, выехав ночью, привести вам заложников. Но и ты предоставь нам залог верности перед лицом богов и дай нам руку[8], чтобы мы передали всем нашим соплеменникам те же заверения дружбы, которые получили от тебя.

8 Кир дал им клятвенные обещания и добавил, что если они делом подтвердят все, что говорят, то, он, Кир, будет считать их своими верными друзьями, и они получат от него такие же права, какие имеют персы и мидяне. И поныне можно видеть, как гирканцы пользуются таким же доверием и занимают такие же должности, которые предоставляются наиболее заслуженным персам и мидянам.

9 После ужина, когда еще было светло, Кир вывел свое войско из лагеря и приказал гирканцам подождать, чтобы вместе отправиться в поход. Как и следовало ожидать, вместе с Киром выступили в поход все персы и Тигран со своим войском.

10 Из мидян с Киром отправились в поход те, кто с детских лет был дружен с ним, когда сам Кир был еще мальчиком. Приняли участие в походе и те, кто некогда охотился вместе с ним и искренно полюбил его за дружеское обращение; кто был ему благодарен за избавление от грозившей им опасности; кто, видя доблесть Кира, надеялся, что со временем он станет великим, счастливым и сильным государем; кто стремился отблагодарить его за благодеяния, оказанные им тогда, когда Кир воспитывался в Мидии. Многим он делал добро, вступаясь за них перед своим дедом. Наконец, многие, увидев гирканцев и прослышав, что они поведут воинов Кира в поход, сулящий большие трофеи, решили принять в нем участие, чтобы получить часть добычи.

11 Таким образом, в поход выступили почти все мидяне, за исключением тех, которые жили в одной палатке с Киаксаром; они остались с царем, а вместе с ними и все их подчиненные. Остальные бодро и с радостными лицами двинулись в поход, потому что шли они не по принуждению, а по
12 доброй воле и из чувства благодарности к своему полководцу. Когда они уже покинули пределы лагеря, Кир сперва посетил мидян. Воздав им хвалу, он вознес моления богам, прося их обратить свою благосклонность на мидян, персов и на него самого, чтобы он был в состоянии вознаградить войско за его усердие.

В конце своей речи Кир заявил, что впереди войска будут идти пехотинцы, а мидийским всадникам он приказал следовать за ним. Кир приказал также присылать к нему нарочных всякий раз, как только войско расположится на привал или сделает остановку, чтобы он мог передать необходимые распоряжения.

13 После этого Кир приказал гирканцам повести войско. Тут они обратились к Киру с вопросом:

— Что же, Кир, разве ты не собираешься ждать, пока мы не доставим тебе заложников, чтобы, отправляясь в поход, ты имел от нас залог верности?

Говорят, Кир ответил:

— Я убежден в том, что для нас залогом верности служит храбрость наших сердец и сила наших рук. Мы готовы вознаградить вас, если вы искренни. Но если вы обманываете нас, то, как мы полагаем, не наша судьба будет зависеть от вас, но скорее, если того захотят боги, ваша судьба окажется в наших руках. Как бы там ни было, гирканцы, раз вы

утверждаете, что ваши соплеменники замыкают ряды вражеского войска, то дайте нам знать, как только вы их увидите, и мы их пощадим.

Приняв это к сведению, гирканцы, как им было приказано, стали впереди войска и двинулись в путь, удивляясь про себя душевному величию Кира. Теперь гирканцы боялись не ассирийцев или лидян или их союзников, но опасались лишь одного: как бы Кир не подумал, что их, гирканцев, участие в походе не окажет влияния на исход предпринятого дела. 14

В пути, когда их застала ночь, говорят, с неба воссиял свет Киру и его войску, заставивший всех проникнуться благоговейным трепетом перед божественным знамением и еще большим воинским пылом. Так как воины не имели тяжелой поклажи и шли быстро, они, естественно, совершили большой переход и с наступлением темноты приблизились к войску гирканцев. 15

Увидев войско, послы гирканцев сообщили Киру, что это и есть их соплеменники: они узнали своих потому, что те шли в арьергарде, а также по обилию огней. Получив такое сообщение, Кир направил одного из послов к гирканскому войску, приказав передать следующее: «Если гирканцы — друзья Кира, пусть они двинутся как можно быстрее ему навстречу, подняв правую руку»[9]. Вместе с вестником Кир послал также одного из своих приближенных, который должен был передать гирканцам, что от их поведения будет зависеть, как с ними поступят воины Кира. Таким образом один из гирканских послов остался при Кире, другой поскакал к своим соплеменникам. Ожидая, как поведут себя гирканцы, Кир остановил войско. Тут к нему подъехали предводители мидян и Тигран и стали спрашивать, что они должны делать. 16 17 18

— Войско, которое вы видите впереди, — отвечал Кир, — это отряд гирканцев. К нему направился их посол и наш воин, чтобы передать следующее: если они действительно наши друзья, то пусть все двинутся нам навстречу, подняв кверху правую руку. И если они это сделают, тогда точно так же и вы приветствуйте их, каждый ближайшего гирканца, и ободряйте их словами. Но если они возьмутся за оружие, то сделайте так, чтобы ни один из них не ушел живым.

Вот что приказал им Кир. Между тем гирканцы, выслушав слова вестников, обрадовались и, вскочив на коней, помчались к войску Кира, вытянув вверх, как было условлено, правую руку. Мидяне и персы отвечали им тем же, протягивая правые руки и ободряя их словами. После обмена приветствиями Кир сказал им: 19 20

— Гирканцы, мы уже полностью вам доверяем, и вам следует с таким же доверием относиться к нам. Но прежде всего скажите, какое расстояние отделяет нас от места, где расположились предводители наших врагов и главные силы их войска.

Гирканцы ответили, что они находятся на расстоянии немногим более парасанга.

Тогда Кир сказал: 21

— Воины персидские, мидийские и вы, гирканцы, — ибо к вам я тоже теперь обращаюсь как к союзникам и соратникам, — всем нам необходимо

понять, что при нынешнем нашем положении всякое проявление слабости навлечет на нас самые тяжкие беды. Ведь врагам хорошо известно, ради чего мы сюда пришли. Но если мы, исполнившись решимости, смело ударим по врагу, то вы сами увидите, что они поведут себя подобно сбежавшим и настигнутым рабам. Вы увидите, как одни из них станут умолять вас о пощаде, другие побегут, третьи совершенно растеряются и не будут знать, что им делать. Они увидят, кем они побеждены, лишь после того, как будут полностью разгромлены; не успев подумать о том, чтобы выстроиться в боевой порядок или подготовиться к сражению, они будут захвачены нами в плен.

22 Итак, если мы хотим сладко есть, спокойно спать и наслаждаться жизнью, надо не давать им передышки, возможности принять решение и подготовиться к битве. Пусть они даже не поймут, что на них напали люди, пусть им покажется, будто мечи, секиры и удары сами обрушились
23 на них. А вы, гирканцы, двигайтесь впереди нас широким строем, чтобы враги, видя ваше вооружение, возможно дольше не открывали нашего присутствия. Когда же я подойду близко к вражескому войску, пусть каждый из вас оставит мне отряд всадников, который в случае нужды я смогу
24 пустить в дело, оставаясь близ лагеря. А вы, начальники и старшие по возрасту воины, если хотите действовать разумно, наступайте сомкнутым строем, чтобы, натолкнувшись на тесные ряды врагов, преодолеть их сопротивление. Молодым воинам поручите преследовать врага, пусть они их изрубят. Чем меньше врагов останется в живых, тем в большей безопас-
25 ности мы будем себя чувствовать. Если мы победим, нам следует воздержаться от грабежа, ведь именно по этой причине многим уже одержавшим было победу изменило военное счастье. Воин, занявшийся грабежом, перестает быть воином и превращается в носильщика; каждый желающий
26 может обращаться с ним, как с рабом. Вам надо твердо помнить лишь одно: ничто не приносит больше выгоды, чем победа. Победитель забирает все — мужчин, женщин, ценности, всю землю. Поэтому все ваши силы должны быть направлены на достижение одной цели — победы. Если войско терпит поражение, тогда воины, предавшиеся грабежу, сами становятся добычей. Преследуя врага, не забывайте и о том, что вам надо возвратиться ко мне еще засветло; когда настанет ночь, мы никого в свой лагерь не пустим.

27 Отдав эти распоряжения, Кир отпустил всех к своим отрядам, приказав каждому передать полученные приказания своим декадархам, которые стояли впереди строя, чтобы выслушивать приказы, а каждый декадарх должен был передать слова Кира своей десятке. После этого войско выступило в поход. Впереди двигались гирканцы, в центре — Кир со своими персами, отряды всадников, по обыкновению, находились на флангах.
28 Когда рассвело, зрелище, представшее глазам врагов, привело их в оцепенение; другие, впрочем, начинали понимать, что происходит, третьи помчались докладывать. Некоторые кинулись отвязывать лошадей или навьючивать их; там торопливо снимали вооружение с вьючных животных, тут надевали это вооружение на себя, вскакивали на коней, взнуздывали

их; некоторые спешно усаживали женщин в повозки; иные хватали самые ценные вещи, чтобы укрыть их; были и такие, кого застали, когда они закапывали ценности. Но большинство искало спасения в бегстве. Надо воображением дополнить все то, что пытались делать враги. Одного лишь они и не пробовали сделать, а именно отразить нападение, и все погибали без боя.

Так как дело происходило летом, Крез, лидийский царь, отправил 29
женщин из лагеря, усадив их на повозки, еще ночью, чтобы прохлада ночи облегчила им путешествие. Сам он следовал за ними со своими всадниками. То же, говорят, сделал и фригийский царь, властвующий над той 30
Фригией, что у Геллеспонта. Спасавшиеся бегством догнали их и рассказали, что произошло; тогда и те что есть силы бросились бежать.

Царя каппадокийцев и царя арабов, не успевших уйти далеко и всту- 31
пивших в бой без панцирей, убили гирканцы. Наибольшие потери убитыми понесли ассирийцы и арабы, потому что они, находясь на своей территории, двигались крайне медленно.

Пока мидяне и гирканцы, завершая разгром врага, преследовали его и 32
расправлялись с ним, Кир приказал всадникам, которых оставил в своем распоряжении, окружить лагерь врага и уничтожить всех, кто будет выбегать с оружием в руках. Тем же воинам врага, которые оставались на месте, было объявлено, чтобы все они — всадники, пельтасты, стрелки из лука — связали свое оружие в связки и снесли в одно место. Лошадей они должны были оставить у своих палаток. Кто не исполнит этого приказа, тому отрубят голову. Персы, держа сабли наголо, окружили цепью всех. Враги, имевшие при себе оружие, отнесли его к тому месту, куда им 33
было приказано, и там бросили. Это оружие сожгли воины Кира, которым был отдан такой приказ.

Кир помнил, что они выступили в поход, не взяв с собой ни еды, ни 34
питья, без чего невозможно продолжать военные действия и вообще что-либо предпринимать. Раздумывая, как лучше выйти из положения, он припомнил, что во всех сражающихся армиях непременно есть люди, заботящиеся о продовольствии и палатках для воинов, возвращающихся с боя. Среди захваченных пленных их должно было быть особенно много, 35
так как враги были заняты погрузкой вьюков. Поэтому Кир приказал глашатаям объявить, чтобы к нему прибыли все, кто заведовал у врага хозяйственными делами. Если же де таких не окажется, пусть тогда явятся старшие от палаток. Кто не выполнит этого приказа, будет строго наказан.

Видя, как послушно выполняют приказы Кира их хозяева, служители эти так же быстро повиновались. Когда они прибыли, Кир прежде всего приказал сесть тем, у кого в палатках было припасов более чем на два месяца. Отметив их количество, Кир затем приказал сесть тем, у кого 36
припасов было на месяц. Тут сели почти все. Выяснив все это, Кир ска- 37
зал следующее:

— Слушайте, люди, если кто из вас опасается дурного обращения и надеется заслужить какое-либо снисхождение с нашей стороны, поза-

ботьтесь попроворнее о том, чтобы в каждой палатке было подготовлено двойное количество еды и вина против того, что вы приготовляли на день своим господам и их слугам. Приготовьте также все остальное, что украшает пиршество, потому что очень скоро прибудут победители и потребуют, чтобы им в изобилии были доставлены еда и вино. Вы сами хорошо знаете, насколько вам выгодно принять наших воинов самым лучшим образом.

38 Выслушав эти слова Кира, те с величайшим рвением кинулись исполнять приказанное. Между тем Кир, созвав таксиархов, сказал им следующее:

— Друзья! Я знаю, что мы можем сейчас сами, без отсутствующих союзников, начать пиршество и насладиться столь заботливо приготовленными для нас едой и вином. Но все же мне представляется, что мы мало выиграем, если позаботимся только о себе и оставим без внимания наших союзников. Ведь их верность и усердие более ценны для нас, чем
39 пиршество, которое должно подкрепить наши силы. Если обнаружится, что мы, пренебрегая нашими союзниками, приступили к пиру, не узнав даже, что с ними происходит, в то время когда они преследуют врагов, сражаются с ними и уничтожают тех, кто оказывает сопротивление, то смотрите, как бы мы в их глазах не оказались низкими людьми, а сами не ослабили своих сил, лишившись союзников. Забота о воинах союзников, подвергающихся ныне опасностям и совершающих ратные подвиги, старания, чтобы они, вернувшись в лагерь, получили возможность подкрепить свои силы, сделают пиршество для нас более радостным и доставит нам больше удовольствия, я полагаю, чем радости сытого желудка.
40 И если бы мы даже могли и не стыдиться союзников, то, тем не менее, в настоящий момент нам совершенно невозможно устроить пиршество и опьянять себя вином; ведь мы еще не завершили всего, что хотели сделать. Наши дела и поныне еще требуют самой тщательной заботы. Лагерь полон пленных врагов, превосходящих нас по численности и не скованных цепями. Их надо одновременно остерегаться и стеречь, чтобы у нас были люди, которые в будущем станут нашими слугами. Конницы нашей сейчас с нами нет, и мы беспокоимся о том, где она находится. И даже если она вернется, мы не уверены в том, останется ли она в составе на-
41 шего войска. Итак, друзья, мне кажется, что каждый из нас должен выпить вина и подкрепиться ровно настолько, насколько это необходимо,
42 чтобы сохранить бодрость и не потерять рассудка. В лагере скопилось множество ценностей, и я отлично знаю, что из этой добычи, принадлежавшей нам всем, каждый может взять себе столько, сколько захочет. Но мне представляется, что нам более выгодно оказаться в глазах союзников людьми, высоко ценящими справедливость, и тем самым еще силь-
43 нее привязать их к себе, чем взять бо́льшую долю добычи. Я полагаю даже, — продолжал Кир, — что раздел добычи следует поручить мидянам, гирканцам и Тиграну, когда они вернутся. И если нам достанется несколько меньше, мы и это должны считать выгодным для себя; ведь
44 ради корысти они еще охотнее останутся нашими союзниками. В этот

миг приобретение богатства может обогатить нас лишь ненадолго. Но если мы не станем гнаться за богатством, а постараемся добиться того, что принесет богатство, тогда, я полагаю, мы доставим себе
и всем нашим союзникам благополучие более длительное. Ведь мы и дома 45
у себя старались быть господами нашего желудка и учились не гнаться за несвоевременной выгодой именно для того, чтобы в случае нужды употребить все это с пользой для себя. И я не вижу иной возможности, где бы мы могли лучше показать превосходство нашего воспитания, чем в нынешних обстоятельствах.

Так говорил Кир. Его поддержал перс Гистасп из числа гомотимов, 46
сказавший следующее:

— Было бы странно, Кир, если бы мы, привыкнув во время охоты подолгу обходиться без пищи, лишь бы поймать зверя, хотя бы и мало стоящего, теперь, когда речь идет о приобретении великих благ, допустили ошибку под влиянием чувств, управляющих низкими людьми и подавляемых благородными, и не сделали все для того, чтобы выполнить свой долг.

Так сказал Гистасп, и все остальные одобрили его речь. Кир же ска- 47
зал при этом:

— Итак, раз мы все единого мнения об этом, пусть каждый направит по пять человек от лоха из числа самых толковых воинов. Пусть эти воины обойдут лагерь и похвалят служителей в палатках, которые заготовляют нам припасы. Тех же, кто не проявляет надлежащей заботы, пусть они накажут более сурово, чем хозяин своих рабов.

Это приказание было ими исполнено.

Глава III

Между тем группа мидийских воинов захватила по дороге повозки 1
врага и, повернув их, пригнала в лагерь Кира. Они были полны всего, что необходимо для войска. Другие пригнали коляски с прекрасными женщинами — законными женами и наложницами, которых враги возили с собой
ради их красоты. Ведь еще и поныне все живущие в Азии народы, отправ- 2
ляясь в поход, берут с собой все, что более всего ценят. Они говорят, что в присутствии дорогих им людей сражаются храбрее, так как, по их словам, им приходится тогда по необходимости изо всех сил защищать своих близких. Может быть, это и действительно так, но, возможно, они поступают таким образом в угоду своим страстям.

Кир, глядя на подвиги мидян и гирканцев, едва сдерживал досаду и 3
на себя, и на своих воинов, поскольку все в этот момент опережали их, совершая ратные подвиги и добывая богатые трофеи, они же были вынуждены бездействовать. А те, пригоняя добычу, показывали ее Киру и вновь бросались в погоню за оставшимися беглецами, говоря при этом, что действуют так по приказу своих начальников. Хотя все это и было

неприятно Киру, он, тем не менее, размещал добычу в лагере. Однако он
вновь созвал своих таксиархов и, став так, чтобы все могли его слышать,
произнес следующую речь:
4 — Друзья! Всем, как я полагаю, ясно, что если мы сохраним захва-
ченную нашими союзниками добычу, то на долю персов достанутся боль-
шие богатства — нам, естественно, больше всех, ибо благодаря нашим уси-
лиям достигнут такой успех. Но, чтобы мы могли самостоятельно распоря-
жаться добычей, а в настоящий момент мы не можем без посторонней по-
мощи добывать ее, — я вижу только одно средство: создать свою соб-
5 ственную персидскую конницу. Обратите внимание при этом на следую-
щее. Мы, персы, обладаем оружием, пригодным, по нашему мнению, для
ближнего боя; с помощью этого оружия мы можем обратить врага в бег-
ство. Но сможем ли мы после этого захватить в плен или уничтожить бе-
гущего противника — всадников, лучников, пельтастов, метателей дроти-
ков, — не обладая конницей? Да и какой противник побоится напасть на
нас и нанести нам урон, кто бы он ни был — стрелки ли, метатели дроти-
ков или всадники — если хорошо известно, что с нашей стороны ему
6 грозит опасность не большая, чем от вросших в землю деревьев? И по-
скольку дело обстоит таким образом, то разве не ясно, что всадники, вхо-
дящие в наше войско, считают всю добычу, попадающую к ним в руки,
7 своей настолько же, насколько и мы, и даже больше, клянусь Зевсом! Все
это неизбежно именно по указанной причине. Если же мы создадим кон-
ницу, не уступающую коннице мидян, тогда мы, разумеется, сможем рас-
правляться с врагами и без союзников, — подобно тому как теперь мы по-
беждаем врагов лишь с их помощью. И тогда они будут вести себя по
отношению к нам гораздо скромнее. Захотят они присоединиться к на-
шему войску или не захотят — об этом мы будем весьма мало беспо-
8 коиться и вполне сможем обойтись и без них. Поэтому, я полагаю, никто
не станет возражать, что для нас, персов, весьма важно иметь свою соб-
ственную конницу. Но, возможно, вы задумываетесь над тем, как это сде-
лать. Давайте посмотрим — если уж мы собираемся создавать конницу —
9 чем мы располагаем для ее создания и чего у нас недостает. В лагере вра-
гов мы захватили множество коней, уздечек, которыми они взнуздыва-
ются, и много другого снаряжения для кавалерии. Есть у нас и оружие,
в котором нуждаются всадники: панцири для защиты тела, копья, кото-
10 рые мы можем метать или использовать для ближнего боя. Чего же нам
недостает? Ясно, что необходимы сами люди. Но именно ими мы обладаем
в избытке, ибо ни на кого мы не можем положиться больше, чем на самих
себя. Возможно, кто-нибудь скажет, что мы не умеем ездить верхом. Но,
клянусь Зевсом, даже искусные наездники не сразу научились этому ис-
11 кусству! Пожалуй, другой возразит, что прочие люди учились ездить вер-
хом с детства. Но разве дети более способны воспринимать то, что им по-
казывают и рассказывают, чем взрослые? И кто более вынослив, приме-
няя на деле все, чему научился, — ребенок или взрослый мужчина?
12 Что же касается досуга, необходимого для учения, то у нас его больше,
чем у детей и у зрелых мужей. Ведь нам не надо учиться стрелять из

лука, как детям; этому мы давно уже научились. Точно так же нам не надо учиться метать дротик; ведь и это мы умеем. В то время как другие вынуждены все свое время посвящать занятию земледелием или ремеслам или другим домашним делам, нам нет нужды заниматься всем этим. Военное дело не только заполняет весь наш досуг, но и является нашим призванием. При этом дело здесь обстоит вовсе не так, как при выполнении 13 других воинских упражнений, которые хоть и полезны, но тягостны. Разве не приятнее отправиться в дорогу верхом на коне, чем идти пешком? И разве не приятно быстро прибыть к другу, когда необходимо срочно его увидеть? Или, во время преследования, быстро настигнуть человека или зверя? И разве это не удобно, что конь не только несет всадника, но и его оружие, в то время как пеший воин вынужден сам тащить его на себе? Ведь это не одно и то же — держать оружие и нести его. А если кто-ни- 14 будь боится, что нам придется вступить в бой верхом на коне прежде, чем мы в совершенстве овладеем искусством верховой езды, и что, перестав быть пехотинцами, мы не окажемся тогда и всадниками хорошими, то и из этого положения можно найти выход: стоит нам только захотеть, и мы сразу же спешимся и так станем продолжать бой: ведь, обучаясь искусству сражаться в конном строю, мы не забудем службы в пехоте.

Так говорил Кир. Хрисант поддержал его в следующих словах. 15

— Мое желание научиться искусству верховой езды так сильно, что мне кажется, будто я обрету крылья, если стану всадником. Ныне я уже 16 рад, если, взявшись с кем-либо бежать взапуски, опережу его хотя бы на голову и если, увидев пробегающего мимо зверя, успею, напрягаясь изо всех сил, поразить его дротиком или застрелить из лука прежде, чем он убежит. А вот сев на коня, я смогу уничтожить врага, как только он окажется в поле моего зрения. Я смогу, преследуя диких зверей, одних убивать собственноручно, других поражать дротиком, так, как если бы они стояли на месте, [ибо, хотя лошадь и зверь бегут быстро, они, оказавшись рядом, кажутся неподвижными] [10]. Среди живых существ, — добавил он, — 17 я более всего завидую гиппокентаврам [11], если действительно они рождались такими, что могли мыслить, подобно людям, руками делать все необходимое, и притом обладали силой и быстротой коня, чтобы настигать всех, кто бежит от них, и оттеснять тех, кто встает им на пути. Но, сев на коня, я тоже приобрету способность все это делать! Благодаря своему 18 человеческому разуму я смогу все предусмотреть, в руках я буду держать оружие, а верхом смогу преследовать и стремительным натиском коня буду теснить любого врага. При этом, однако, я не срастусь со своим конем, как гиппокентавры, [а это гораздо удобнее, чем быть слитым с конем воедино] [12]. Как я полагаю, гиппокентавры не могли пользоваться многими 19 благами, созданными для человека, и вместе с тем не могли наслаждаться и многими из тех удовольствий, которые природа предназначила для лошадей. Я же, научившись ездить верхом, буду действовать, сидя верхом на 20 коне, как гиппокентавр; а спешившись, смогу есть, спать и одеваться, как все люди. Чем же я буду, как не разборным и вновь собирающимся из составных частей гиппокентавром?

21 Более того, у меня будут еще и многие другие преимущества по сравнению с гиппокентавром. Ведь он смотрел всего двумя глазами и слушал одной парой ушей; я же смогу видеть четырьмя глазами и ловить звуки двумя парами ушей. Говорят ведь, что конь глазами видит многое прежде, чем это увидит человек, да и слышит конь многое раньше человека, давая ему знать об этом. Итак, Кир, запиши меня в число тех, кто страстно желает научиться ездить верхом.

— Клянемся Зевсом, — в один голос сказали все, — и нас также.

22 После этого Кир сказал:

— Почему бы тогда — коль скоро, мы все так горячо пожелали стать наездниками — не принять нам закона, навлекающего позор на любого, кто, получив от меня коня, будет отправляться в путь пешком, независимо от того, большая ли, малая ли дорога ему будет предстоять? Тогда люди и вовсе станут считать нас гиппокентаврами!

23 Таково было предложение Кира, и все его одобрили. С той поры и поныне у персов существует обычай ездить верхом, и нигде не увидишь перса благородного происхождения, путешествующего пешком.

Вот в каких беседах проводили они тогда время.

Глава IV

1 Когда день уже склонялся к вечеру, прибыли мидийские всадники и гирканцы, гоня перед собой добычу — табуны коней и пленных (врагов,
2 добровольно сдавших оружие, они не убивали). Они въехали в лагерь, и Кир прежде всего спросил их, все ли остались живы. Те отвечали утвердительно. Тогда он стал расспрашивать о том, что они совершили. Хвалясь своей храбростью, мидяне рассказали о совершенных ими подви-
3 гах. Кир с удовольствием выслушал все, что они хотели ему рассказать, а затем воздал им хвалу в следующих словах:

— По всему видно, что вы вели себя, как храбрецы; вы даже кажетесь выше ростом, более красивыми и грозными, чем прежде.

4 После этого он стал расспрашивать их о том, велик ли был проделанный путь, заселена ли эта земля. Те отвечали, что пересекли значительную часть страны, что вся она заселена. На ней пасется множество овец, коз, крупного рогатого скота и лошадей. Она в изобилии рождает хлеб и вообще богата всяким добром.

5 — Мы теперь должны позаботиться о двух вещах, — сказал Кир, — во-первых, о том, чтобы стать сильнее хозяев этой страны; во-вторых, чтобы население страны осталось на своих местах. Земля, населенная людьми, является самым ценным приобретением, а став безлюдной, она
6 лишается и всех своих богатств. Я знаю, — добавил Кир, — что вы перебили врагов, оказавших сопротивление, и поступили правильно; именно это и делает победу прочной. Тех, кто сдал оружие, вы привели с собой

как пленных. Но если мы их сейчас отпустим, это, как я полагаю, тоже будет полезно для нас. Во-первых, нам не надо будет их остерегаться и их 7
стеречь; во-вторых, нам не надо будет их кормить, ибо, в противном случае, не станем же мы морить их голодом! Затем, если мы их отпустим,
у нас окажется пленных гораздо больше. Ведь когда мы овладеем этой 8
землей, то все живущие в ней станут нашими пленными. А увидев своих соплеменников невредимыми и свободными, они скорее захотят остаться дома и проявить покорность, чем сражаться с нами. Так я полагаю, и если кто-нибудь может предложить более разумное решение, пусть выскажется.

Выслушав Кира, все согласились поступить так, как он сказал. Тогда 9
Кир созвал всех пленных и выступил перед ними со следующей речью:

— Люди! Ныне, проявив покорность, вы спасли себе жизнь. Если вы 10
и в дальнейшем станете поступать подобным образом, ваша жизнь не изменится, за исключением разве того, что вами будут править не те, что прежде. Вы будете жить в тех же жилищах, возделывать ту же землю, жить с теми же женами и будете так же воспитывать своих детей, как и теперь. Вы только не должны вести войны ни с нами, ни с кем-либо другим.
А если кто-либо нанесет вам обиду, мы будем защищать вас. Вы должны 11
передать нам все оружие, чтобы никто не мог потребовать от вас участия в войне. Всем, сдавшим оружие, будет обеспечено мирное существование, и все, что мы обещаем, без обмана. Против тех, кто не сложит оружия, мы
отправимся походом. А если кто-нибудь из вас, бывая в нашем стане[13], 12
проявит верность на словах и на деле, с тем мы будем обходиться как с другом и приятелем, а не как с рабом. Все это и сами запомните и другим передайте. Но если найдутся такие, которые не захотят подчиниться, 13
в то время как вы выразите полное согласие, ведите нас против этих людей, чтобы вы властвовали над ними, а не они над вами.

Такую речь произнес Кир. Все пленные пали ниц перед ним[14] и дали обещание исполнить его приказ.

Глава V

Когда они удалились, Кир сказал: 1

— Мидяне и армяне, пришло время ужинать. Все необходимое для этого уже приготовлено для вас и как можно лучше, насколько это было в наших силах. Отправляйтесь туда и пришлите нам половину испеченного хлеба — его приготовлено в изобилии и для вас, и для нас. Приправ
и напитков нам не присылайте, их у нас заготовлено достаточно. А вы, 2
гирканцы, отведите их к палаткам, — командиров к самым большим (вы сами знаете, где эти палатки), и всех остальных устройте наилучшим образом. Сами вы ужинайте там, где вам будет более всего приятно. Ваши палатки целы и невредимы, и там приготовлен такой же ужин, как и для
этих людей. Помните, что ночную стражу вне лагеря будем нести мы сами; 3

что же касается охраны палаток, то это уж ваша забота. Оружие сложите в удобное место; ведь те, кто находится сейчас в палатках, еще не принадлежат к числу наших друзей.

4 После этого мидяне и те, кто пришел с Тиграном, совершили омовение[15]. Разобрав плащи, уже приготовленные для них, они расположились на ужин. Лошадям их тоже был задан корм. Персам они оставили половину приготовленного хлеба, вина же и приправ они не послали, полагая, что воины Кира имеют их в изобилии. Кир же, когда говорил об этом, имел в виду, что персам приправой к хлебу послужит голод, а питье доставит протекающая поблизости река.

5 Накормив своих воинов ужином, Кир, когда уже стемнело, отправил многих персов в засаду вокруг лагеря, разбив их на пятерки и десятки. Перед ними были поставлены следующие задачи: они должны были нести сторожевую службу на случай приближения неприятеля, а если кто-либо из пленных, прихватив с собой ценности, попытается убежать, они должны были этих беглецов перехватывать. Так и случилось. Многие пленные пы-
6 тались убежать из лагеря, но все они были схвачены. Ценности Кир отдал тем воинам, которые поймали беглецов, самих же беглецов он приказал казнить. После этого даже при желании нелегко было отыскать человека, который рискнул бы ночью покинуть территорию лагеря.

7 Так поступали персы. Мидяне же наслаждались пиршеством, пили вино, развлекались игрой на флейтах и предавались иным удовольствиям. Ведь в лагере было захвачено много такого, что могло привлечь людей, желающих бодрствовать.

8 В ту же самую ночь, когда Кир отправился в поход, Киаксар, царь мидян, бражничал, празднуя победу, с теми, кто находился с ним в одной палатке. Слыша громкий шум, он полагал, что все остальные мидяне находятся в лагере, за исключением разве немногих. В действительности же рабы мидян, воспользовавшись тем, что господа ушли в поход, предались безудержному пьянству и подняли громкий шум. Этому способствовало и то, что в лагере ассирийцев было захвачено много вина и других припа-
9 сов. Когда же с наступлением дня никто не явился к дверям царского шатра[16] (если не считать тех, кто пировал вместе с царем) и Киаксар услышал о том, что в лагере совсем нет мидийских всадников, а, выйдя наружу, сам убедился в этом, он страшно разгневался и на Кира и на мидян, оставивших его в одиночестве. Как говорят, Киаксар был человеком жестоким и безрассудным; он тут же приказал одному из своих приближенных взять отряд всадников, как можно быстрее отправиться к войску Кира
10 и передать Киру следующее: «Я никогда не предполагал, Кир, что ты так необдуманно поступишь в отношении меня. И если даже Кир и принял такое решение, я никогда не думал, что вы, мидяне, захотите оставить меня в одиночестве. Теперь, если Кир пожелает, пусть возвращается; а если он не пожелает, то вы, мидяне, должны прибыть немедленно». Та-
11 ким было послание Киаксара. Но мидянин, который получил приказ отправиться к войску Кира, сказал царю:

— Как же я смогу отыскать их, господин?

Персидский царь Дарий на троне, позади престолонаследник Ксеркс (барельеф сокровищницы персидских царей). Персеполь. V в. до н. э.

←

Голова знатного перса (часть капители колонны). Персеполь. V в. до н. э.

Мидийский вельможа, позади два телохранителя (барельеф сокровищницы персидских царей). Персеполь, V в. до н. э.

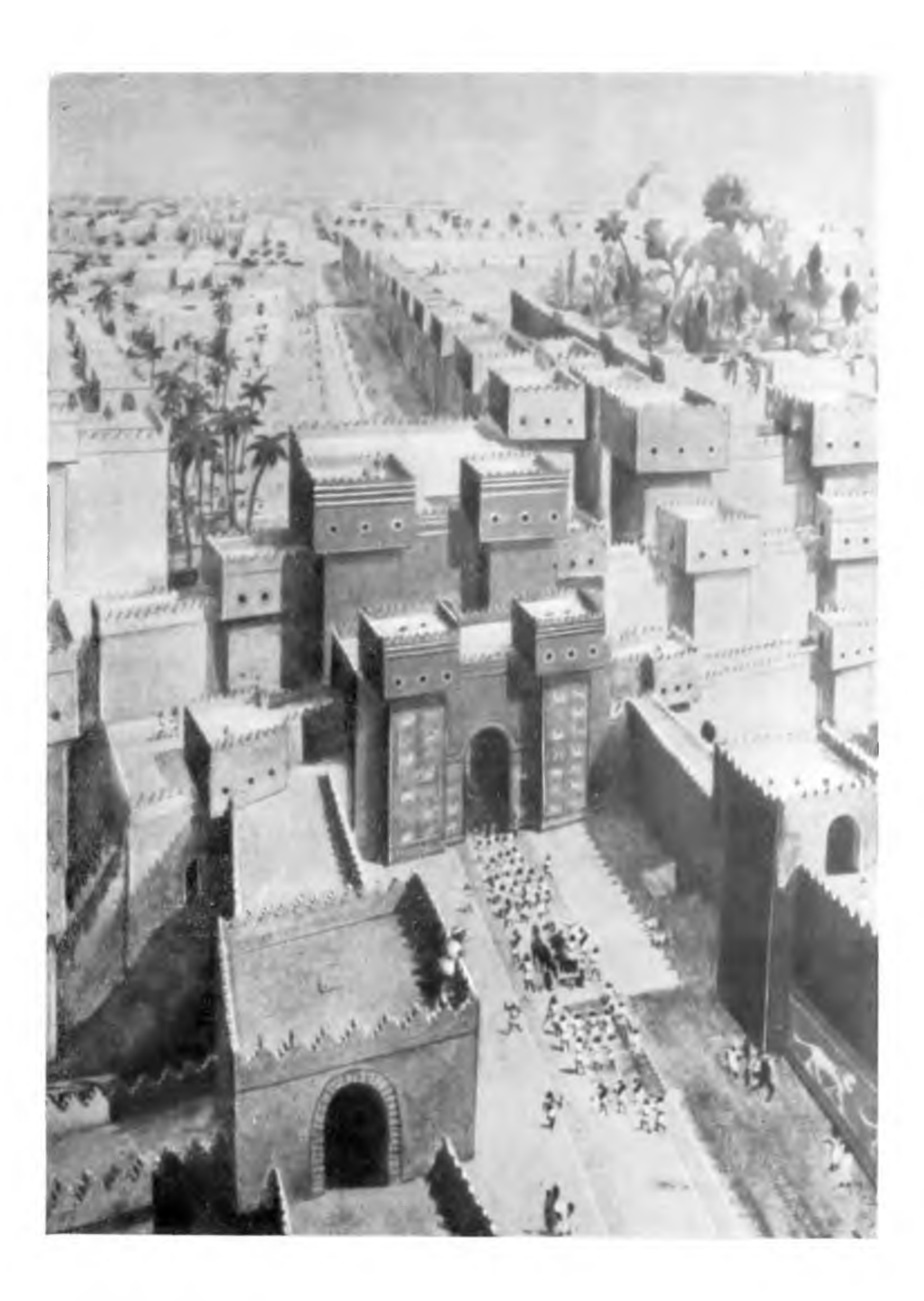
Персидский гвардеец (часть барельефа).
Персеполь, V в. до н. э.

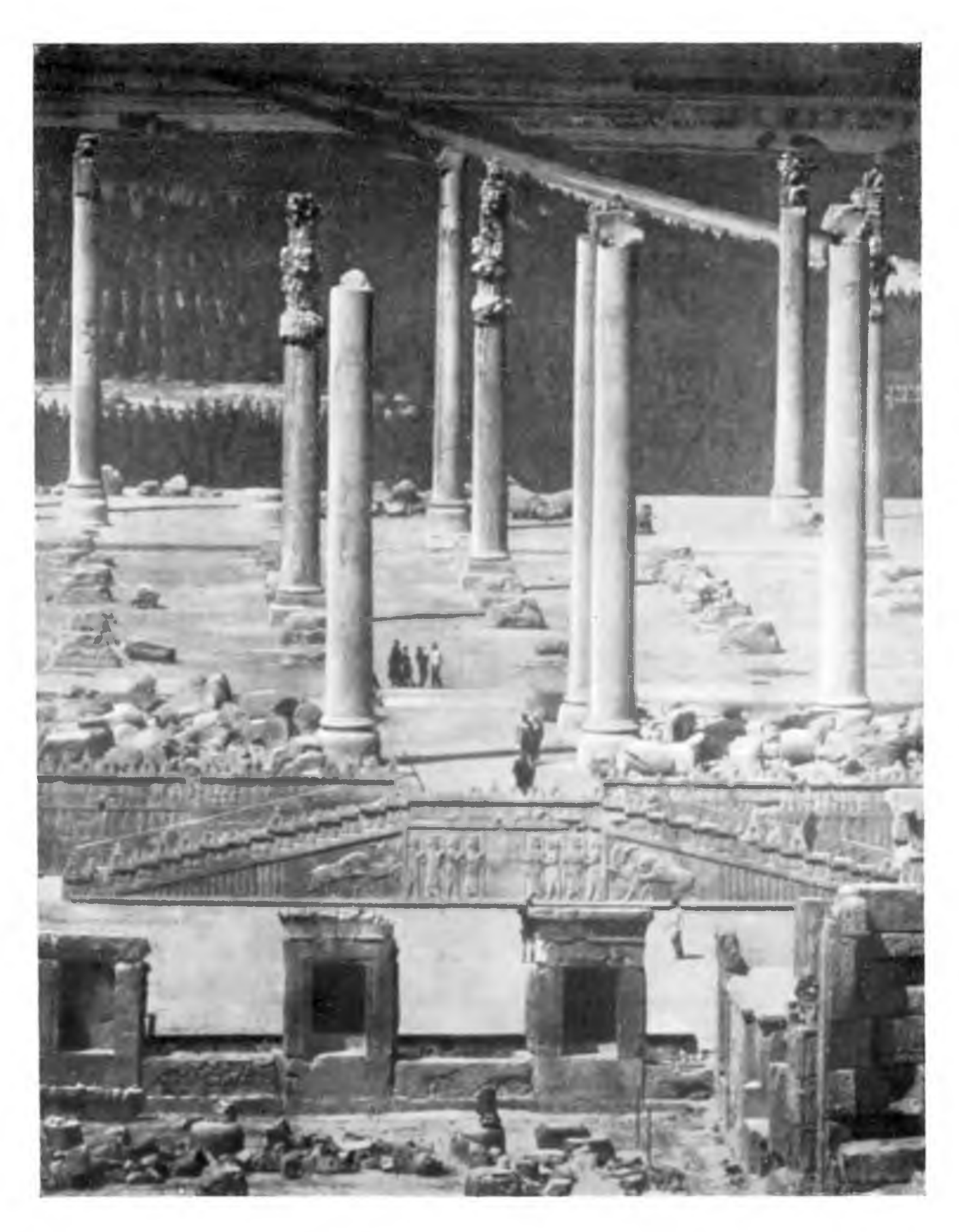
Персидский и мидийский воины (барельеф с восточной лестницы Ападаны).
Персеполь, V в. до н. э.

Барельеф с восточной лестницы Ападаны.
Вверху — жители Гандхары, внизу — бактрийцы с дарами.
Персеполь, V в. до н. э.

→

Древний Вавилон (реконструкция).
Около 570 г. до н. э.





Развалины Персеполя.

— А как сумели Кир и его войско, выступив в поход, отыскать противника?

— Но, клянусь Зевсом, Кир нашел противника потому, что путь ему указали некие гирканцы, отложившиеся от наших врагов и перешедшие на его сторону!

Услышав эти слова, Киаксар еще более разгневался на Кира за то, что 12
тот не сообщил ему обо всех этих делах. Царь стал еще более настойчиво
торопить посыльного, чтобы он скорее отправлялся к мидянам и отнял
у Кира войско; еще более угрожающим тоном, чем прежде, он стал упре-
кать мидян, отзывая их. Посыльному Киаксар пригрозил наказанием, если
он не передаст его слов со всей точностью и строгостью.

Посыльный отправился в путь в сопровождении отряда всадников чис- 13
ленностью около ста человек, огорчаясь в душе, что вовремя не ушел в по-
ход с Киром. По дороге посланные Киаксаром сбились с пути и до тех
пор не могли выйти к своим, пока не наткнулись на беглых ассирийцев,
которых заставили служить проводниками. Так к середине ночи они вы-
шли к месту, где увидели пылающие костры. Когда они подошли к лагерю, 14
караульные, исполняя полученный от Кира приказ, не впустили их, пока
не занялась заря. С наступлением же дня Кир прежде всего созвал ма-
гов[17] и приказал им выбрать из богатой добычи дары, которые полага-
лось принести богам. Маги стали выполнять полученный приказ. Между 15
тем, Кир созвал гомотимов и сказал им:

— Воины! Божество предвещает нам великие блага. Но нас, персов,
в настоящий момент слишком мало, чтобы овладеть ими. Если мы не со-
храним всего, что добыли, эти богатства вновь окажутся в чужих руках.
Но если мы оставим часть нашего войска для охраны этой добычи, мы
окажемся бессильными перед лицом врага. Поэтому необходимо, как я счи- 16
таю, послать кого-нибудь в Персию и передать там все, о чем я сейчас
вам говорил. Пусть посланные потребуют, чтобы к нам на помощь как
можно скорее прислали войска, если в Персии действительно хотят уста-
новить власть персов над Азией и получать с нее доход.

— Итак, — сказал Кир, обращаясь к одному из персов, — отправишься 17
туда ты, как самый старший, и по прибытии передашь мои слова, а также
то, что содержание присланных воинов, когда они ко мне прибудут,
я возьму на себя. Ты видишь сам, чем мы обладаем, и ничего не скрывай.
Спроси у моего отца, что следует мне отправить из этой добычи в Пер-
сию в дар богам, а у старейшин наших узнай, что должен я отправить
в государственную казну, чтобы я вполне мог выполнить свой долг перед
законом. Пусть пришлют должностных лиц, которых мы ознакомим с на-
шими деяниями, и советников[18], у которых мы станем спрашивать со-
вета. Итак, собирайся и возьми с собой один лох для конвоя.

После этого Кир созвал мидян. Явился и посыльный от Киаксара. 18
В присутствии всех он объявил, что царь разгневался на Кира, а также
передал угрозы царя в адрес мидян. В конце своей речи посыльный зая-
вил, что царь приказывает мидянам возвратиться, даже если Кир и за-
хочет остаться. Мидяне молча выслушали речь, ничего не говоря в ответ. 19

Они не решались нарушить приказ царя, отзывавшего их, но в то же
время опасались выполнять его из-за царских угроз, особенно потому, что
20 хорошо знали жестокость Киаксара. Тогда Кир сказал:
— Царский посланец и вы, мидяне! Я ничуть не удивляюсь тому, что
Киаксар, убедившийся ранее в численном превосходстве вражеских войск
и не зная нынешнего состояния дел, испытывает тревогу и за себя, и за
нас. Но когда он узнает о гибели такого множества врагов, а также о том,
что оставшиеся в живых неприятели обратились в бегство, его опасения
исчезнут. Помимо этого, Киаксар должен узнать, что ему отнюдь не сле-
дует считать себя оставленным в одиночестве, поскольку его друзья заняты
21 уничтожением его же врагов. Действительно, разве мы заслужили пори-
цание, действуя на благо царю, и притом с его же согласия? Ведь Киак-
сар сам разрешил мне взять его войско и отправиться в поход. Да и вы
ведь тоже не испрашивали сами его разрешения на поход и не явились
сюда, так и не получив его позволения; нет, вам было передано его распо-
ряжение отправляться в поход при условии, если это вам не в тягость. Для
меня ясно, что и сам гнев царя утихнет, когда он получит эти добрые вести,
22 и даже вовсе исчезнет, когда его опасения прекратятся. Теперь, вест-
ник, иди отдыхать после утомительного пути. А мы, персы, в ожидании
неприятеля, прибудет ли он с воинственными целями или же изъявит по-
корность, выстроимся в наилучшем боевом порядке. Когда нас увидят вы-
строившимися в полной боевой готовности, мы, естественно, скорее достиг-
нем нашей цели. Ты, предводитель гирканцев, останься и прикажи подчи-
ненным тебе командирам вооружить своих воинов.
23 Когда гирканец исполнил приказ Кира и явился к нему вновь, Кир ска-
зал ему:
— Гирканец, мне доставляет большое удовольствие сознание того, что
ты не только проявляешь дружественные чувства, но, по-видимому, и смет-
лив. Теперь совершенно ясно, что цель у нас одна. Ассирийцы — наши
24 враги, тебе же они еще более ненавистны, чем мне. Таким образом, нам
обоим следует подумать о том, чтобы никто из наших союзников нас не
покинул, и, если это возможно, привлечь на свою сторону еще новых. Ты
слышал, что мидийский царь отзывает своих всадников; когда они нас
25 покинут, останемся только мы, пехотинцы. Поэтому нам обоим надо по-
стараться, чтобы вестник, явившийся с поручением отозвать мидян, по-
желал бы сам остаться у нас. Подыщи ему такую палатку, где ему будут
предоставлены наибольшие удобства, а также все необходимое. А я, в свою
очередь, попытаюсь отыскать ему такое дело, исполнение которого, достав-
ляя ему особое удовольствие, заставит его остаться в нашем войске. Рас-
скажи ему о том, какая огромная добыча ожидает наших друзей, если все
пойдет хорошо. Выполнив все это, ты явишься ко мне вновь.
26 Исполняя приказ, предводитель гирканцев повел мидянина к его па-
латке. Между тем вестник, который должен был по приказу Кира отпра-
виться в Персию, явился уже готовый к походу. Кир поручил ему передать
персам то, о чем уже говорилось выше. Киаксару он должен был вручить
письмо.

— Я хочу, сказал Кир, — чтобы ты сам прочел это письмо. Тогда ты сможешь со знанием дела подтвердить все, что в нем содержится, если царь тебя о чем-либо спросит.

Письмо же было следующего содержания:

«Кир Киаксару желает здравствовать. Мы не оставляли тебя в одино- 27
честве, — ведь когда люди одолевают своих врагов с помощью друзей, они
не остаются одни, — и не желали подвергать тебя опасности, отправляясь
в поход. Чем больше становится расстояние, разделяющее нас, тем надеж-
нее, по нашему мнению, мы обеспечиваем твою безопасность. В самом деле, 28
проявляют заботу о безопасности своих друзей не те, кто, не покидая их,
постоянно находится рядом, а те, кто, отогнав врагов возможно дальше,
тем самым избавляет своих друзей от опасности. Подумай теперь сам, что 29
делаю для тебя я и как поступаешь со мной ты, да еще при этом меня и
порицаешь. Я привел тебе союзников — правда, не столько, сколько ты
просил, но сколько я смог набрать. Ты же предоставил мне право, когда
я находился в дружественной стране, взять с собой столько всадников,
сколько я смогу увлечь за собой. Теперь же, когда я нахожусь во враже-
ской стране, ты отзываешь их, и не только тех, кто сам хочет оставить
меня, но всех вообще. Тогда я считал себя в долгу перед тобой и перед 30
мидянами; ныне ты заставляешь меня забыть о чувстве благодарности.
Мне остается позаботиться лишь о том, чтобы сполна вознаградить сопро-
вождающих меня мидийских всадников. Все же я не стал уподобляться 31
тебе, но и ныне, посылая за войском в Персию, отдал распоряжение, чтобы
подкрепления, которые должны будут ко мне прибыть, были сначала на-
правлены к тебе, если у тебя возникнет нужда в них. Ими ты сможешь
распорядиться по своему усмотрению, а не так, как они пожелают. Хотя я 32
и моложе тебя, я все же не советую тебе отнимать то, что ты ранее дал
нам, чтобы не возбуждать ненависти к себе вместо привязанности. Я также
советую тебе не отзывать с помощью угроз тех, кто, согласно твоему при-
казу, должен прибыть к тебе возможно скорее, а также не грозить одно-
временно большому числу людей, заявляя, будто ты остался в полном оди-
ночестве, чтобы не внушить им равнодушия к особе своего царя. Мы же 33
постараемся прибыть, и возможно скорее, как только закончим начатое
дело, которое, как мы полагаем, принесет благо и тебе, и нам. Будь
здоров».

— Передай ему это послание, — сказал Кир, — и если он станет тебя 34
расспрашивать обо всем, что связано с содержанием этого письма, отве-
чай сообразно тому, что в нем написано. Ведь в Персию я тебя посылаю
именно с тем поручением, о котором сказано в письме.

Вот что Кир сказал вестнику. Затем, вручив гонцу письмо, Кир отослал его, приказав поторопиться с выполнением поручения: для успеха предпринятого дела его быстрое возвращение, как он сам знает, очень важно.

После этого Кир сам убедился в том, что все находятся в полной бое- 35
вой готовности — мидяне, и гирканцы, и те, кто прибыл с Тиграном.
Персы также были уже в полном вооружении. Прибыли и некоторые из 36

местных жителей, приведя с собой коней и принеся оружие. Кир приказал отнести копья в то место, где складывали свое вооружение пленные враги, и те, кому это было поручено, сожгли их, за исключением того оружия, которое могло понадобиться им самим. Тем, кто привел лошадей, Кир приказал остаться и сторожить их до особого распоряжения.

После этого Кир собрал командиров конных отрядов и начальников гирканцев и сказал им следующее:

37 — Друзья и союзники! Не удивляйтесь тому, что я столь часто вас созываю. Многое в нашем положении изменилось, и многое еще не устроено. А то, что не устроено, всегда доставляет заботы, пока все не уля-
38 жется на свои места. Ныне нами захвачена большая добыча, ценности и пленные. Мы еще не знаем, что из этой добычи принадлежит каждому в отдельности. Не знают и пленные, кто является их господином. Трудно поэтому найти таких пленных, которые понимали бы свой долг; большин-
39 ство их не знает, что надлежит делать. Чтобы исправить положение, произведите раздел добычи. Тем, кто получил палатки с достаточным количеством хлеба, вина, слуг, постелей, одежды и всего остального, что должно содержаться в благоустроенном военном шатре, нет необходимости заботиться о чем-либо. Они должны понять только одно: об этом имуществе им надлежит заботиться, как о своем собственном. Тем же, кому чего-либо будет недоставать, мы по рассмотрению состояния дел возместим недоста-
40 ющее. Я знаю, в палатках найдется много лишнего. Ведь у врагов было имущества, много больше, чем требуется для нашего войска. Далее, хранители сокровищ ассирийского царя и других властителей прибыли ко мне с сообщением, что у них хранятся золотые монеты, поступившие еще от
41 подданных этих властителей в счет налогов. Пусть вестники объявят, чтобы все это было принесено на место раздела добычи, пригрозив наказанием тем, кто не выполнит приказа. Вы же разделите деньги так, чтобы всадник получил вдвое больше пехотинца [19]. Так вы получите деньги, на
42 которые сможете покупать все необходимое. Что же касается рынка, находящегося в лагере, то пусть вестник объявит, чтобы там никого не обижали. Пусть торговцы продают там товары, которые привезли на продажу, а после того, как все продадут, пусть везут еще, чтобы лагерь наш был многолюдным.

43 Это распоряжение Кира тотчас же было оглашено вестниками. Но тут гирканцы и мидяне заявили:

— Как же мы, Кир, разделим добычу без тебя и твоих приближенных?

44 Кир так ответил на этот вопрос:

— Неужели вы полагаете, что каждый раз, когда надо что-то решить, необходимо присутствовать всем? Разве вас не удовлетворяют решения, которые я принимаю в некоторых случаях и в делах, касающихся вас? И наоборот, разве мы недовольны, когда вы поступаете точно таким же образом по отношению к нам? И разве мы не встретим более всего затруднений — и достигнем при этом очень немногого, — если станем посту-
45 пать так, как вы предлагаете? Вспомните, что мы сберегли вам добычу, и

вы все уверены, что мы выполнили свой долг добросовестно. Так что и
вы, в свою очередь, делите добычу, а мы охотно признаем этот раздел
справедливым. Мы попытаемся сделать еще что-нибудь для общей пользы. 46
Посмотрите, прежде всего, сколько коней у нас в наличии и сколько нам
привели. Оставив их без всадников, мы сделаем их совершенно бесполез-
ными и доставим себе лишь хлопоты по уходу за ними. Напротив, поса-
див на этих коней всадников, мы и от забот избавимся, и наше войско уси-
лим. Если у вас есть на примете другие, кому вы хотели бы передать этих 47
коней и на кого вы с большей уверенностью могли бы положиться в бою
и в трудную минуту, то отдайте этих коней им; но если вы хотите иметь
нас своими соратниками, то отдайте их нам. Ведь мы испытали сильней- 48
шее беспокойство и даже опасались, как бы не случилось какой-либо беды,
когда вы без нас поскакали в бой. Вы заставили нас стыдиться нашего
вынужденного бездействия. Но когда мы получим коней, мы станем всюду
вас сопровождать. Наше воинское рвение не уступит вашему, если нам 49
будут предоставлены кони; а если в определенный момент окажется целе-
сообразнее, чтобы мы сражались в пешем строю, мы тотчас же спешимся
и станем пехотинцами. И тогда мы отыщем людей, которые будут сторо-
жить наших лошадей.

Так говорил Кир. Те, с кем он беседовал, ответили ему следующим об- 50
разом:

— Кир, у нас нет таких людей, кого мы хотели бы посадить на этих коней; и если бы даже они нашлись, мы бы никого другого не выбрали из-за наших дружеских чувств к тебе. Итак, бери этих коней и поступай с ними так, как тебе заблагорассудится.

— Я принимаю их, — сказал Кир, — и пусть судьба благоприятст- 51
вует нам в том, чтобы мы стали умелыми наездниками, а вам — в разделе
добычи. Но прежде всего выделите богам ту часть, которую укажут маги;
затем отберите для Киаксара то, что ему более всего будет приятно.

Те, рассмеявшись, сказали, что в таком случае придется подыскать 52
Киаксару женщин.

— Пусть женщин, и еще что-нибудь, по вашему усмотрению. А после
того как вы выделите ту часть добычи, которая предназначена для Киак-
сара, тогда уже вы, гирканцы, постарайтесь сполна удовлетворить добро-
вольно согласившихся следовать за мной в поход. А вы, мидяне, в свою 53
очередь достойно отблагодарите наших союзников, которые первыми при-
мкнули к нам, чтобы укрепить в них уверенность в правильности сделанного
ими выбора, когда они стали нашими друзьями. Выделите также из всей
добычи определенную часть вестнику, явившемуся сюда от Киаксара,
а также его свите. Призывайте их остаться с нами, давая им понять, что
и я такого же мнения, чтобы они с бо́льшим знанием дела и достаточно
правдиво сообщили Киаксару о положении наших дел. А персам, которые 54
явились вместе со мной, будет достаточно того, что останется, когда вы
обеспечите себя в полной мере. Ведь мы воспитаны отнюдь не в роскоши,
но, скорее, в деревенской простоте, так что вы, пожалуй, рассмеялись бы,
увидя на нас какие-нибудь дорогие вещи. Точно так же, полагаю я, вы ста-

нете громко хохотать, увидя нас верхом на конях, да еще падающих при этом с коней на землю.

55 После этого мидяне и гирканцы отправились делить добычу, громко смеясь тому, что сказал Кир относительно опытности персов в верховой езде. Кир же созвал таксиархов и приказал собрать коней со сбруей, а также конюхов, и, подсчитав количество, метнув жребий, равномерно поделить
56 их по таксисам. Кир приказал также объявить, чтобы все рабы из ассирийского, сирийского или арабского войска, происходящие из Мидии, Персии, Бактрии, Карии, Киликии, Эллады или каких-либо других мест, от-
57 куда они были насильно угнаны, явились к нему. Услышав слова глашатая, многие рабы охотно и с радостью явились к Киру. Кир выбрал тех, кто казался сильнее и красивее других, и сказал им, что отныне они свободны и будут носить за всадниками оружие, которое они им дадут[20]. А что касается снабжения их продовольствием, то эту заботу он берет на
58 себя. Сразу после этого Кир отвел их и передал таксиархам, приказав отдать им плетеные щиты и мечи без ножен; с этим оружием они должны были следовать за всадниками. Довольствие им было назначено точно такое же, как персам. Сами же персы отныне должны были всегда выступать в поход верхом на конях, в панцире и с копьем в руке [и сам Кир первый подал пример этого][21]. А над пехотинцами-гомотимами каждый, ставший всадником, должен был поставить взамен себя другого начальника, тоже из гомотимов[22].

Глава VI

1 Такими делами они были заняты, когда прибыл верхом Гобрий[23], ассирийский вельможа, в сопровождении конной свиты. Спутники Гобрия были вооружены обычным оружием ассирийских всадников. Те воины, которым было приказано собирать оружие врагов, велели приехавшим сдать свои копья, чтобы затем сжечь их так же, как они делали это в других случаях. Однако Гобрий ответил, что прежде хотел бы повидать Кира. Тогда гипереты оставили прочих всадников на месте, а Гобрия привели
2 к Киру. Обратившись к Киру, Гобрий сказал:

— Господин, по происхождению я ассириец. Я владею обширной страной с мощной крепостью, являющейся моей резиденцией. Под моим командованием всегда было до тысячи всадников, которых я приводил на службу к ассирийскому царю; ведь я был ему самым близким другом. Но так как царь этот, доблестный муж, погиб в сражении с вами, и власть перешла к его сыну, моему злейшему врагу, я прибыл к тебе и как проситель припадаю к твоим стопам. Я предаюсь тебе как раб и как союзник, и прошу тебя выступить мстителем за меня. Если это возможно, я готов усыновить тебя; ведь у меня теперь нет детей мужского пола.

3 Был у меня, господин, единственный сын, прекрасный и доблестный

юноша, любивший и почитавший меня так, как только и может почитать счастливого отца родное дитя. Однажды покойный царь, отец нынешнего правителя, пригласил его к себе, чтобы отдать за него свою дочь. Я отослал его, гордый тем, что теперь увижу своего сына женатым на царской дочери. Тот, кто стал ныне царем, пригласил моего сына на охоту и, считая себя лучшим наездником, чем мой сын, разрешил ему преследовать зверя на всем скаку, не ограничивая его свободы. Мой сын охотился вместе с ним, как с другом. Встретив медведицу, оба они кинулись ее преследовать, и тот, кто ныне властвует, метнул в нее дротик, но промахнулся (лучше бы этого не случилось!). Тут метнул дротик мой сын и убил медведицу (не надо было ему этого делать!). Почувствовав обиду, царский 4
сын сумел тогда скрыть свою зависть. Но затем встретился им лев, и царский сын опять промахнулся (в этом, я полагаю, не было ничего особенного); и вновь мой сын, вторично сделав меткий бросок, убил льва наповал, воскликнув при этом: «Дважды метнув дротик, я оба раза поразил зверя!» Тогда этот преступный человек не сдержал своей ненависти и, схватив копье у одного из своих спутников, ударил моего единственного и дорогого сына в грудь, лишив его жизни. Несчастный, я отвез домой труп, 5
а не жениха, и похоронил, будучи уже в таких летах, моего возлюбленного и прекрасного сына, погибшего в расцвете юности. А убийца, как будто погубив врага, никогда после не высказывал и признака раскаяния, и за свое злое дело ничем не почтил того, кого скрыла земля. Отец убийцы сочувствовал мне и явно был огорчен несчастьем, постигшим меня. Если бы 6
он был жив сейчас, я никогда не пришел бы к тебе с целью причинить ему зло: он не раз проявлял свою дружбу ко мне, и сам я помогал ему во всем. Но теперь, когда власть перешла к убийце моего сына, я никогда не смогу быть ему верным подданным. И сам он, как я хорошо знаю, никогда не станет питать ко мне дружеских чувств. Ведь он знает, что я о нем думаю и в каком положении оказался я, некогда живший счастливой жизнью, а теперь одиноко и тоскливо доживающий свой век. Если 7
ты примешь меня и у меня появится надежда с твоей помощью как-то отомстить за гибель моего сына, которого я так любил, мне будет казаться, что ко мне вернулись мои молодые годы. Я уже не буду стыдиться, пока живу, и, умирая, скончаюсь без душевных мук.

Таков был рассказ Гобрия. Кир же сказал ему: 8

— Гобрий, если все, что ты сказал, правда, я принимаю тебя как просителя под свою защиту и обещаю тебе отомстить, с помощью богов, за твоего сына. Но скажи, если мы поступим таким образом и оставим в твоем владении крепость, землю, оружие и войско, которое было у тебя прежде, — станешь ли ты помогать нам за все это?

Гобрий ответил:

— Моя крепость, когда ты туда прибудешь, будет твоим домом. И по- 9
дати с моей земли, которые прежде доставлялись мной ассирийскому царю, я стану доставлять тебе. Куда бы ты ни отправился воевать, я отправлюсь вместе с тобой в качестве твоего союзника. Есть у меня и дочь, милая девушка, уже достигшая брачного возраста, которую я некогда предназначал

в жены нынешнему царю. Теперь же она с громким плачем умолила меня не отдавать ее замуж за убийцу ее брата, и я с ней согласился. Я предоставляю тебе право решить и ее судьбу — отнесись к ней с тем же чувством, какое я питаю к тебе.

10 Тут Кир сказал:

— Если все это правда, я готов обменяться с тобой рукопожатиями — и да будут нам свидетелями боги!

После этого Кир разрешил Гобрию уехать, сохранив вооружение. При этом он спросил его, велик ли путь, ведущий в его землю, ибо он сам собирается туда прибыть. Гобрий ответил:

— Если ты отправишься завтра рано поутру, то на следующий день ты уже будешь ночевать у нас.

11 Так Гобрий удалился, оставив проводника. Между тем к Киру при-
были мидяне, уже выделившие магам то, что те выбрали из захваченной
добычи в пользу богов. Киру они отобрали самый лучший шатер, пленницу
сузианку[24], по слухам считавшуюся самой красивой женщиной в Азии, и
двух самых лучших арфисток. То, что они нашли после этого особо дра-
гоценного, они предназначили Киаксару. И себе они взяли много ценных
вещей, в которых они нуждались, чтобы во время похода ни в чем не чув-
12 ствовать недостатка; ведь всего было в изобилии. Получили и гирканцы
все то, в чем они нуждались. Достойная часть была назначена и вестнику,
явившемуся от Киаксара. Оставшиеся палатки они отдали Киру, чтобы
он раздал их персам. Что же касается денег, то они сказали, что разделят
их между воинами, как только они эти деньги соберут. Так они и сделали.

КНИГА ПЯТАЯ

Глава I

Вот так сказали и сделали мидяне. А Кир велел дары, предназначенные для Киаксара, принять и охранять тем, которых он знал как самых близких Киаксару людей. 1

— А что вы предназначаете мне, — заявил он, — то я с радостью принимаю, однако пользоваться этим будете вы сами, — те, кому каждый раз это более всего понадобится.

Тут один из мидян, большой любитель музыки, сказал:

— Как раз вчера вечером, Кир, я слышал игру этих арфисток, которые теперь достались тебе; я слушал их с наслаждением и, если бы ты отдал мне одну из них, мне кажется, я нашел бы больше радости в походной жизни, чем дома.

— Ну так, — сказал Кир, — я и дарю тебе ее, и думаю, что я больше должен благодарить тебя за то, что ты попросил ее у меня, чем ты меня — за то, что ты ее получаешь: так сильно мое желание делать вам приятное.

Эту девушку получил, таким образом, тот, кто ее добивался.

А Кир послал за Араспом — мидянином, который с детства был его 2
другом и кому он подарил, сняв с себя, свой мидийский наряд[1], когда возвращался от Астиага в Персию. Этому Араспу он поручил теперь охранять подаренную ему женщину и шатер[2]. Эта пленница была женою 3
Абрадата из Суз[3]. Когда брали штурмом лагерь ассирийцев, мужа ее там не было, ибо он отправился послом к царю бактрийцев. Ассирийский царь послал его для переговоров о союзе, так как он был связан узами гостеприимства с царем бактрийцев[4]. Вот эту женщину Кир и велел Араспу охранять, пока он, Кир, не потребует ее к себе. Выслушав приказание, 4
Арасп спросил:

— А ты уже видел, Кир, эту женщину, которую мне поручаешь сторожить?

— Нет еще, клянусь Зевсом, — отвечал Кир.

— А я видел, когда мы выбирали ее для тебя. Надо сказать, когда мы вошли в ее шатер, то сначала не разглядели ее хорошо. Она сидела на земле в окружении своих служанок; к тому же на ней была такая же одежда, как и на ее рабынях. Но когда мы, желая узнать, кто из них госпожа, стали всех оглядывать, то очень скоро мы заметили, как сильно она отличается от остальных, хотя сузианка и сидела на земле, закрыв

5 лицо и потупя взор[5]. Мы велели ей встать; несмотря на то, что вместе с ней встали и все другие женщины, ее окружавшие, она резко выделялась среди них своим ростом[6], своей благородной осанкой и изяществом, несмотря на простую одежду. Было видно так же, как струились у нее
6 слезы, стекая вниз по платью и падая даже на ноги. Тут самый старший из нас сказал:

— Успокойся, женщина. Конечно, твой муж — мы об этом слышали — прекрасный и благородный человек. Знай, однако, что тот, кому мы предназначаем тебя теперь, ни красотой, ни умом не хуже его, и могуществом располагает не меньшим. По крайней мере, на наш взгляд, если кто вообще и достоин восхищения, так это — Кир, которому отныне ты будешь принадлежать.

Когда женщина услышала это, она разодрала свое платье и разразилась
7 жалобными воплями[7]. Вместе с ней подняли крик и ее невольницы. Теперь взору явилась большая часть ее лица, стали видны шея и руки. Знай, Кир, что и по моему мнению и по мнению всех других, кто видел ее, не было еще и не рождалось от смертных подобной женщины в Азии. Поэтому непременно приди сам полюбоваться на нее.

8 — Нет, клянусь Зевсом, — сказал Кир, — и не подумаю, если только она такова, какой ты ее описываешь.

— Но почему? — спросил юноша.

— Потому, — отвечал Кир, — что если теперь, услышав от тебя о ее красоте, я послушаюсь и пойду любоваться ею, когда у меня и времени-то свободного нет, то боюсь, как бы она еще скорее, чем ты, не убедила меня еще раз прийти полюбоваться ею. А тогда, забросив все, чем мне надо заниматься, я, пожалуй, только и буду, что сидеть и любоваться ею.

9 Тут юноша рассмеялся и сказал:

— Ты думаешь, Кир, что людская красота способна заставить любого, даже против его воли, поступать вопреки понятию о долге? Но если бы таков был естественный порядок вещей, то красота оказывала бы свое воз-
10 действие одинаково на всех. Ты видишь, как жжет всех огонь; это его природное свойство. Что же касается красивых, то некоторые их любят, а другие нет; во всяком случае, один любит одного, а другой другого. Ведь это дело доброй воли, и каждый любит того, кто ему по душе. Да вот, кстати: брат не испытывает любовного влечения к сестре — ее будет любить другой[8]; и отец не пылает страстью к дочери — ее тоже полюбит другой. Ведь
11 страх и закон в равной мере способны помешать любви. Между тем, если бы кто-нибудь установил закон, запрещающий людям воздерживающимся от пищи, испытывать голод и лишенным питья — страдать от жажды, не разрешающий мерзнуть зимой и изнывать от жары летом, то ведь никакой подобный закон не смог бы достигнуть цели, ибо люди от природы подвластны этим ощущениям. А любовь — дело добровольное; каждый любит людей по своему вкусу, так же как и одежду и обувь.

12 — Но если быть влюбленным — дело доброй воли, — сказал Кир, — то почему же тогда невозможно освободиться от этой страсти, как только пожелаешь? Я видел, — продолжал он, — как люди плачут от огорчения из-за

любви и оказываются в рабстве у своих возлюбленных, хотя раньше, до того как влюбиться, они считали рабство безусловным злом; как они отдают многое такое, чего им лучше было бы не лишаться, и молятся об избавлении от этой страсти, как от какой-нибудь болезни, однако не могут от нее освободиться, но, напротив того, оказываются в узах более прочных, чем если бы их заковали в железные цепи. Они отдают себя в распоряжение своих возлюбленных, прислуживая им во всем. При этом они даже не пытаются убежать, несмотря на такие злоключения, а, наоборот, сами следят за своими возлюбленными, чтобы те как-нибудь не ускользнули от них.

На это молодой человек ответил: 13

— Конечно, так поступают иногда; однако те, кто делает так, — малодушные люди. Потому-то, я думаю, они и заявляют всегда о желании умереть, как если бы были совершенно раздавлены несчастьем, но, хотя есть множество способов уйти из жизни, они не спешат ими воспользоваться. Такие малодушные люди и красть пытаются и не воздерживаются от чужого; более того, если они что-либо похитят или украдут, согласись, ты первый будешь обвинять такого вора и похитителя, оспаривая необходимость совершенной кражи, и не оправдывать такого будешь, а карать. Но 14
точно так же и красивые люди не принуждают любить себя и не заставляют стремиться к тому, к чему не следует. Просто малодушные людишки подпадают под власть каких-угодно страстей, а затем винят любовь. Истинно благородные люди, если они и желают золота или хороших коней или прекрасных женщин, все же могут воздерживаться от всего этого и не посягают на них вопреки справедливости. Вот и я, — заключил он, — 15
хотя и видел эту женщину и она показалась мне удивительно красивой, все же по-прежнему остаюсь при тебе, служу всадником и исполняю другие свои обязанности.

— Это правда, клянусь Зевсом, — подтвердил Кир. — Но, может быть, 16
ты просто рано ушел от нее — раньше того срока, в который любовь обычно овладевает человеком. Ведь и огня можно коснуться и не сразу обжечься, и дерево не вспыхивает мгновенно. Все же я по доброй воле ни огня не касаюсь, ни на красивых не заглядываюсь. Равным образом и тебе, Арасп, не советую подолгу останавливать свой взор на красивых: огонь жжет тех, кто его касается, а красивые люди воспламеняют страстью любви даже таких, которые смотрят издали.

— Не беспокойся, Кир, — ответил Арасп. — Даже если я буду любо- 17
ваться красавицей непрерывно, я не дам ей одолеть меня настолько, чтобы делать то, что мне не следует.

— Великолепно сказано, — заметил Кир. — Тогда стереги ее, как я тебе приказываю, и заботься о ней, ибо может статься, что эта женщина окажется для нас весьма полезной.

После этого разговора они расстались. 18

Между тем, непрерывно созерцая красоту пленницы и убеждаясь в благородстве ее души, юноша стал оказывать ей знаки внимания и старался во всем угодить. При этом он заметил, что она не осталась глуха к его

стараниям, а напротив, велит своим слугам заботиться, чтобы, когда он приходит, у него было все необходимое, а когда ему нездоровится, чтобы он ни в чем не нуждался. В конце концов он влюбился, и, конечно, в этом не было ничего удивительного.

19 И с этим делом обстояло таким образом. Между тем Кир, желая, чтобы мидяне и союзники остались с ним по доброй воле, пригласил к себе всех начальников и, когда они собрались, сказал им так:

20 — Мидийские воины и вы, все, здесь присутствующие, я хорошо знаю, что вы пошли со мной в этот поход не из стремления к наживе и не из убеждения, что этим вы исполните угодное Киаксару. Лишь из желания сделать мне приятное и из уважения ко мне вы согласились выступить
21 ночью и подвергнуться опасности вместе со мной. За это я вам глубоко признателен, иначе и быть не может; однако отблагодарить вас равной ценою, я, мне кажется, еще не в состоянии. Я не стыжусь об этом говорить. Однако, поверьте, мне было бы стыдно сказать: «Если вы останетесь со мной, то я вас отблагодарю». Ибо, как мне представляется, тогда бы показалось, будто я говорю так только ради того, чтобы вы исполнились большего желания остаться со мной. Вместо этого я скажу так: если даже вы и уйдете сейчас, послушавшись Киаксара, то я все равно, в слу-
22 чае удачи, постараюсь заслужить вашу признательность. Ибо сам я, конечно, не собираюсь уходить, а останусь верен тем клятвам и тем рукопожатиям, которыми я обменялся с гирканцами, чтобы меня никогда не упрекали в измене им, равно как и для Гобрия, отдающего нам теперь и крепости, и страну, и войско, я постараюсь сделать все, чтобы он не жа-
23 лел о своем приходе ко мне. Но самое главное: когда боги так недвусмысленно даруют нам счастье, я побоялся бы вызвать их гнев и постыдился бы необдуманно оставить все это и уйти. Я, — заключил он, — поступлю так, как сказал; вы же, как решите, так и делайте, только скажите мне о своем решении.

24 Такую речь произнес Кир. Первым после этого выступил тот самый мидянин, который некогда выдавал себя за родственника Кира[9]:

— Царь, — сказал он, — ибо, на мой взгляд, ты от природы являешься царем ничуть не меньше, чем в рое пчел царицей является пчелиная матка[10]. Ведь и ей пчелы повинуются по доброй воле, и где она сядет, оттуда ни одна не уходит, а если она полетит куда-либо, то ни одна от нее не отстает: столь сильное стремление находиться под ее властью за-
25 ложено в них от природы. И к тебе, мне кажется, люди питают такую же любовь. Ведь когда ты уезжал от нас в Персию, кто из мидян — старый или молодой — не захотел сопровождать тебя до тех пор, пока Астиаг не повернул нас назад? А когда ты из Персии устремился к нам на помощь, мы собственными глазами могли убедиться, что чуть ли не все твои друзья добровольно последовали за тобой. Позже, когда ты пожелал двинуться походом в эти края, все мидяне по собственному почину вызвались сопро-
26 вождать тебя. Нынче мы прониклись такой верой в тебя, что с тобой, даже находясь во вражеской стране, мы ничего не боимся, а без тебя нам страшно двинуться и в обратный путь. Другие сами скажут, как они наме-

рены поступить; я же, Кир, вместе с людьми, которые состоят под моим началом, останусь с тобой и по-прежнему буду готов неотрывно глядеть на тебя и принимать твои милости.

Вслед за ним выступил Тигран: 27

— Кир, — сказал он, — ты можешь не удивляться, если впредь я буду хранить молчание, ибо моя душа давно уже настроена на такой лад, чтобы не обсуждать, а выполнять все, что ты прикажешь.

А предводитель гирканцев сказал: 28

— Мидяне, если вы теперь уйдете, то я скажу, что божество по злому умыслу не позволило вам достичь великого счастья, ибо кто из людей по собственной воле повернул бы назад, когда враги бегут, и не взял бы у них оружие, коль скоро они его сдают, и не взял бы в плен их самих и все их имущество, в особенности когда у нас такой вождь, который, на мой взгляд, клянусь всеми богами, с бо́льшим удовольствием осыпает благодеяниями нас, чем обогащается сам.

Лишь только он кончил, как все мидяне заговорили в один голос: 29

— Кир, ты повел нас в этот поход, ты нас и приведи обратно, когда настанет надлежащее время.

Услышав это, Кир вознес молитву:

— О Зевс Величайший! Прошу тебя, дай мне превзойти благодеяниями этих людей, которые так чтут меня.

После этого он разрешил прочим воинам, выставив сторожевые посты, 30 заниматься своими делами, а персам велел разобрать палатки и выделить лучшие для всадников и достаточно вместительные для пехотинцев. Затем он велел позаботиться о том, чтобы служители в палатках приготавливали и доставляли персам в их отряды все необходимое и ухаживали за их лошадьми, а на долю персов оставалось бы только одно — заниматься ратными трудами.

В таких занятиях они провели весь этот день.

Глава II

Встав на следующий день рано утром, они отправились к Гобрию. Кир 1 ехал на коне, и с ним было до двух тысяч новых персидских всадников. За ними следовало столько же их слуг, которые несли их щиты и сабли. Шло строем также и остальное войско. Кир велел всем всадникам передать их новым слугам, что любого из них постигнет строгое наказание, если он окажется позади воинов, замыкающих колонну, или очутится перед фронтом, или будет обнаружен сбоку, вне походной колонны. К вечеру 2
второго дня они дошли до владений Гобрия и убедились, что крепость сильно укреплена и на стенах все подготовлено для того, чтобы отбить любое нападение. Они также заметили, что множество быков и мелкого скота согнано под защиту укреплений. Между тем Гобрий послал к Киру 3

вестника с предложением объехать вокруг и посмотреть, где самый легкий подступ, а в крепость к нему отправить кого-либо из верных людей
4 с тем, чтобы они все высмотрели и рассказали ему об увиденном. Желая и в самом деле посмотреть, возможно ли взять крепость приступом, на случай, если Гобрий окажется обманщиком, Кир объехал укрепления кругом и убедился, что они повсюду слишком сильны, чтобы идти на штурм. С другой стороны, те, кого он послал к Гобрию, доложили, что внутри собрано столько запасов, что их, как кажется, гарнизону крепости хватило бы
5 на целый век. Кир стал беспокоиться, что бы это все могло значить, но тут Гобрий сам вышел к нему из крепости и вывел всех своих людей, причем одни несли вино, ячменный хлеб и пшеничную муку, а другие гнали коров, коз, овец и свиней, и вообще везли все, что было съестного. Они захватили этих припасов в изобилии, чтобы войско, прибывшее с Киром,
6 могло поужинать. Немедленно люди, назначенные для этого дела, стали разбирать припасы и готовить ужин. А Гобрий, когда все его люди вышли из крепости, предложил Киру войти в нее так, как он счел бы сам, выбирая для себя наиболее безопасный путь. Послав вперед разведчиков и часть остального войска, Кир вслед за ними направился в крепость. Войдя в распахнутые настежь ворота, он позвал за собой всех друзей и команди-
7 ров отрядов, которые пришли вместе с ним. Когда они все собрались в крепости, Гобрий вынес золотые фиалы, кружки, кувшины, разнообразные украшения, несметное число дариков[11] и множество других драгоценностей, а под конец вывел свою дочь, девушку на диво красивую и рослую, но тогда бывшую в трауре по погибшему брату. Представляя ее, он сказал так:

— Кир, я не только дарю тебе эти богатства, но и вручаю в твои руки судьбу моей дочери, чтобы ты распорядился ею, как пожелаешь; молю тебя только, как и прежде, — отомстить за смерть сына, а дочь моя теперь — за смерть брата.

8 На это Кир сказал:

— Я ведь и прежде обещал тебе, что, если с твоей стороны не будет обмана, я отомщу за тебя, насколько это будет в моих силах. Теперь же, убедившись в правдивости твоих слов, я чувствую себя обязанным выполнить данное тебе обещание и готов подтвердить и дочери твоей, что с помощью богов сдержу свое слово. Я принимаю эти драгоценности, — продолжал он, — но отдаю их твоей дочери и тому, кто женится на ней. Однако один дар у меня останется — дар, взамен которого я не согласился бы принять ни богатства Вавилона [сколько бы их там ни было], ни даже сокровища всего мира [взамен того, что ты мне подарил][12].

9 Гобрий, не понимая, что бы это могло быть, и думая, уж не дочь ли его он имеет в виду, спросил:

— А что же это такое, Кир?

В ответ тот сказал:

— Я думаю, Гобрий, что на свете есть много людей, которые ни за что не согласились бы, поскольку это зависит от них, совершать нечестия, творить обиды или обманывать. Однако из-за того, что никто по собст-

венному желанию не хотел уступить им ни сокровищ великих, ни власти, ни укрепленных крепостей, ни милых детей, они так и умирают раньше, чем смогут обнаружить свои достоинства. А ты мне теперь подарил и могу- 10
чую крепость, и богатства всевозможные, и отдал свое войско, и драгоценную дочь, и благодаря этому позволил мне показать всему свету, что по доброй воле я не стану ни совершать нечестия против гостеприимцев, ни творить обиды ради денег, ни нарушать соглашений. Будь уверен, по- 11
куда я останусь человеком справедливым и люди, держась такого мнения обо мне, будут удостаивать меня похвалы, я никогда не забуду о твоей услуге, но постараюсь отблагодарить тебя всеми возможными способами. Можешь не беспокоиться, — продолжал он, — о том, что не найдешь своей 12
дочери достойного мужа. У меня есть много хороших друзей; кто-нибудь из них женится на ней. Правда, будет ли у него столько богатств, сколько ты теперь отдаешь, или во много раз больше, я не могу сказать. В любом случае ты можешь быть уверен, что среди них найдутся такие, которые не станут относиться к тебе с большим почтением только из-за тех богатств, которые ты отдаешь. А вот мне они теперь завидуют и молят всех богов дать им какой-либо способ показать, что и они не меньше меня преданы друзьям; что они тоже, пока живы, никогда не отступят перед врагами, если только не помешает кто-либо из богов; что доблесть и добрую славу они не променяют ни за какие сокровища в придачу со всеми богатствами Сирии и Ассирии. Вот какие мужи — запомни это хорошенько — сидят перед тобой.

На это Гобрий, улыбнувшись, сказал: 13

— Ради богов, Кир, покажи мне не медля, где они, и я попрошу [у тебя][13], чтобы кто-нибудь из них стал мне сыном[14].

— Тебе не понадобится расспрашивать меня о них, — ответил Кир. — Если ты последуешь за нами, то скоро сам сможешь указать на них любому другому.

Ограничившись таким ответом и взяв Гобрия за руку, Кир встал и на- 14
правился к выходу, приказав всем своим людям следовать за ним. Несмотря на горячие просьбы Гобрия отужинать у него дома, он не пожелал остаться, а отправился ужинать в свой лагерь и пригласил Гобрия разделить с ним трапезу[15]. Расположившись на простой подстилке из травы, он 15
задал своему гостю такой вопрос:

— Скажи мне, Гобрий, у кого, по-твоему, больше ковров: у тебя или у любого из нас?

— Клянусь Зевсом, — ответил тот, — я знаю наверняка, что у вас больше и ковров, и лож, да и дом ваш гораздо больше моего, ибо жилищем для вас служат земля и небо, ложами вашими становятся все вообще места, где можно прилечь на земле, а коврами вы считаете не то, что дают овцы, [шерсть][16], а все, что порождают горы и долины.

Ужиная вместе с персами и видя, какую простую еду им подают, Гоб- 16
рий поначалу склонен был думать, что его соплеменники живут гораздо вольготнее. Однако потом он обратил внимание на умеренность самих со- 17
трапезников. Ни в одном персе из числа получивших правильное воспита-

ние нельзя было бы заметить ни по взглядам его, ни по жестам, ни по настроению, что он увлечен каким-либо кушаньем или питьем настолько, чтобы не видеть того, что он безусловно заметил бы, не занятый едою. Как опытные наездники не теряются, сидя на лошади, и могут при езде и видеть, и слышать, и говорить что надо, так и персы считают, что за едой надо оставаться разумными и соблюдать меру. А наслаждаться кушаньями
18 и питьем в их глазах — качество животное и даже свинское. Гобрий подметил также, что они задавали друг другу такие вопросы, на которые отвечать было приятнее, чем не отвечать, что они острили по поводу друг друга скорее к взаимному удовольствию, нежели наоборот, что, когда они шутили, они были далеки от грубости, от желания сказать какую-либо гнус-
19 ность, от стремления оскорбить друг друга[17]. Самым же примечательным ему показалось то, что, находясь на войне, они не собирались требовать, чтобы во время трапез им прислуживали лучше, чем каким-либо другим воинам, рисковавшим наравне с ними, но считали лучшим для себя наслаждением настроить на самый высокий лад души своих будущих боевых
20 товарищей[18]. Когда Гобрий встал и начал собираться домой, он, как рассказывают, заметил:

— Я теперь не удивляюсь, Кир, тому что у нас больше, чем у вас, всевозможных кубков, одежды и золота, а сами мы по своим достоинствам хуже вас. Ведь мы заботимся о том, чтобы у нас было как можно больше драгоценностей, а вы, как мне кажется, стремитесь к тому, чтобы самим стать как можно лучше.

21 Так сказал Гобрий. А Кир на прощанье повелел:

— Ты, Гобрий, должен завтра утром явиться сюда со своими всадниками, полностью вооруженными, чтобы мы могли убедиться в силе твоего войска. Ты поведешь нас через свою страну, чтобы мы увидели, кого нам нужно считать друзьями, а кого — врагами.

22 Обменявшись такими словами, они расстались и занялись каждый своим делом.

Когда наступил день, Гобрий прибыл со своими всадниками и взял на себя роль проводника. А Кир, как и подобает настоящему полководцу, не только старался держаться определенного маршрута, но, по мере продвижения вперед, обдумывал, нет ли способа сделать врагов еще слабее,
23 а своих еще сильнее. Итак, подозвав предводителя гирканцев и Гобрия, которых он считал наиболее осведомленными в том, что ему хотелось узнать, Кир повел с ними такой разговор:

— Друзья, я думаю, что не ошибусь, если буду совещаться с вами, как с самыми надежными людьми, о ведении этой войны. Ведь я понимаю, что вам еще больше, чем мне, надо заботиться о том, чтобы ассириец нас не одолел. Мне, в случае неудачи в этом предприятии, наверняка найдется убежище где-нибудь в другом месте, тогда как для вас, я уверен, его победа будет означать немедленную и полную утрату всего, вам
24 принадлежащего. Ибо мне он — просто неприятель, ставший таким не из ненависти, а из убеждения, что для него опасно наше усиление; по этой

причине он и воюет с нами. Вас же он в довершение ко всему и ненавидит, поскольку считает, что терпит от вас оскорбление.

В ответ они оба в один голос попросили его продолжать начатую речь, заверяя его в том, что они отлично все понимают и что их тоже сильно заботит, как окончится начатый поход.

Кир начал свою речь с вопроса: 25

— Скажите мне, вас одних ассирийский царь считает своими недругами или вы знаете и других его врагов?

— Конечно, знаем, клянусь Зевсом, — отвечал предводитель гирканцев. — Самые заклятые враги ему — кадусии, племя многочисленное и храброе [19]; ну и, конечно, наши соседи саки, которые претерпели много зла от ассирийского царя, ибо он пытался их поработить так же, как и нас [20].

— Так как вы думаете, — спросил Кир, — разве не пойдут теперь 26 охотно и те и другие вместе с нами против ассирийского царя?

— Да, пожалуй, — ответили оба, — если только они смогут соединиться с нами.

— А что же мешает такому соединению?

— Мешают ассирийцы — тот самый народ, через страну которого ты теперь идешь.

Услышав такой ответ, Кир сказал: 27

— Ну и что же? Не порицал ли ты, Гобрий, этого юнца, который только что вступил на царство, за его необычайно высокомерный нрав?

— Но ведь я действительно пострадал от его высокомерия, — ответил Гобрий.

— Так что же, — спросил Кир, — он только по отношению к тебе был таким или и по отношению к кому-либо другому?

— Клянусь Зевсом, — ответил Гобрий, — и ко многим другим. При 28 этом, — продолжал он, — я не стану говорить о тех бесчинствах, которые он учинял над людьми слабыми. Но вот у одного человека, гораздо более могущественного, чем я, он схватил сына, который то же, как и мой сын, был его товарищем и пировал вместе с ним, и велел оскопить его. И это, как утверждали люди, он учинил только потому, что его наложница восхитилась красотой юноши и позавидовала его будущей жене; насильник же теперь выдумывает, будто юноша пытался соблазнить эту наложницу. Несчастный нынче — евнух, однако евнух, наделенный властью, поскольку отец его умер.

— Так как ты думаешь, — воскликнул Кир, — разве не обрадовался бы он встрече с нами, если бы узнал, что мы пришли заступиться за него? 29

— Вне всякого сомнения, — подтвердил Гобрий. — Однако встретиться с ним, Кир, довольно трудно.

— Почему это? — спросил Кир.

— Потому что тому, кто захочет соединиться с ним, придется дойти до самого Вавилона.

30 — А чего же тут трудного? — удивился Кир.
— Да ведь, клянусь Зевсом, — воскликнул Гобрий, — я знаю навер-
няка, что из Вавилона выйдет войско, намного превосходящее то, которое
теперь идет с тобой. Имей в виду, что если ассирийцы нынче приносят
тебе оружие и приводят коней гораздо реже, чем раньше, то как раз из-за
того, что они воочию убедились в малочисленности твоего войска. Слух
об этом уже далеко распространился. Поэтому, мне кажется, — заключил
Гобрий, — будет лучше, если мы в походе станем соблюдать меры пред-
осторожности.
31 Выслушав такие рассуждения Гобрия, Кир так ему ответил:
— Ты несомненно прав, Гобрий, когда призываешь продолжать поход
способом наиболее безопасным. Однако, как я ни смотрю, я не могу найти
для нас более безопасного маршрута, чем путь прямо на Вавилон, раз уж
там сосредоточены главные силы врагов. Ведь ты утверждаешь, что их
32 много, а я добавлю, что они будут и опасны, если осмелеют. Не видя нас
и думая, что мы скрылись из страха перед ними, они, будь уверен, скоро
избавятся от того ужаса, который охватил их первоначально; вместо него
в них зародится дерзость тем большая, чем дольше они не будут видеть
нас. А если мы теперь прямо пойдем на них, то многих застанем еще
в слезах, оплакивающими тех, кого мы убили, многих — в повязках от ран,
которые мы им нанесли, и всех — полными воспоминаний об отваге нашего
33 войска, об их собственном бегстве и поражении. Знай, Гобрий, — продол-
жал Кир, — что людская масса, когда она исполнена уверенности, выказы-
вает неукротимое мужество, но если люди трусят, то чем больше их, тем
34 более ужасному и паническому страху они поддаются. Ибо страх, охваты-
вающий их, возрастает от множества трусливых речей, умножается оби-
лием постыдных действий, усиливается при виде множества унылых и
исступленных лиц. Из-за этого нелегко унять страх словами, нелегко вдох-
нуть в воинов мужество, поведя их в атаку, или вернуть им присутствие
духа своевременным отступлением. Наоборот, чем больше ты будешь при-
казывать им быть смелее, тем более безнадежным они будут считать свое
35 положение. Вообще, клянусь Зевсом, — продолжал Кир, — нам надо уяс-
нить себе суть дела: если отныне победы в ратных делах будут принад-
лежать тем, кто насчитает на своей стороне больше людей, тогда и ты
вправе бояться за нас и мы действительно находимся в безвыходном по-
ложении. Но если теперь, как и прежде, битвы решаются мужеством сра-
жающихся, то ты смело можешь верить в успех нашего дела, ибо ты най-
дешь, что у нас, с помощью богов, будет гораздо больше охотников сра-
36 жаться, чем у них. А чтобы быть в этом еще более уверенным, прими во
внимание следующее: враги теперь гораздо трусливее, чем до того, как по-
терпели от нас поражение, и много слабее, чем тогда, когда они ускольз-
нули от нас, а мы, наоборот, и крепче духом теперь, раз мы победили, и,
сильнее, раз вы к нам присоединились. Вообще же ты не должен прези-
рать твоих людей теперь, когда они выступают вместе с нами. Будь уве-
37 рен, Гобрий, что за победителями смело идут даже слуги обозные. Не за-
бывай, наконец, и того, — заключил Кир, — что враги отлично могут обна-

ружить нас и сейчас, однако, поверь, страшнее всего мы покажемся им тогда, когда двинемся прямо на них. Я держусь именно такого мнения, и потому веди нас прямо на Вавилон.

Глава III

Таким образом, продолжая поход, они на четвертый день дошли до крайних пределов страны Гобрия. Когда они оказались на вражеской земле, Кир оставил с собой и построил в боевой порядок пешее войско и столько всадников, сколько ему казалось необходимым, а оставшуюся конницу выслал вперед и велел им убивать всех, кого они встретят с оружием, а прочих и весь скот, какой захватят, гнать к нему. Он распорядился, чтобы персидские всадники также приняли участие в набеге. Многие из них вернулись, сброшенные своими лошадьми, но многие другие пригнали богатую добычу. Когда добыча была собрана, Кир созвал предводителей мидян и гирканцев и всех гомотимов и сказал так: 1

2

— Друзья мои, Гобрий всем нам великодушно предоставил свое гостеприимство. Поэтому если мы отделим часть, причитающуюся по обычаю богам, и то, что необходимо для войска, а остальную добычу отдадим Гобрию, то разве мы не поступим прекрасно и не покажем всему свету, что мы даже тех, кто творит нам добро, стремимся превзойти своими благодеяниями?

Услышав такое предложение, все стали одобрять его и восхищаться Киром. А один из присутствующих даже сказал: 3

— Конечно, Кир, именно так нам и надо поступить. Ведь Гобрий, как мне кажется, считает нас чуть ли не нищими оттого, что кошельки наши не набиты дариками и мы не пьем из золотых фиал. Если мы так сделаем, то он, пожалуй, поймет, что можно быть благородными людьми и без золота.

— В таком случае, — распорядился Кир, — отдайте магам часть, причитающуюся богам[21], отделите то, что необходимо для войска, а затем позовите Гобрия и отдайте ему все остальное. 4

Таким образом, взяв сколько нужно, они все остальное отдали Гобрию.

После этого Кир двинулся к Вавилону, построив свое войско в такой порядок, в каком оно было в день прошлой битвы. Поскольку ассирийцы так и не выступили ему навстречу, Кир велел Гобрию выехать вперед и объявить, что если царь желает выйти и сразиться за свою страну, то он, Гобрий, тоже будет сражаться вместе с ним; а если царь откажется защищать страну, тогда ему поневоле придется подчиниться победителям. 5

Гобрий выехал вперед, насколько было безопасно, и все это объявил, а царь выслал ему навстречу гонца с таким ответом: 6

— Твой господин говорит тебе, Гобрий: «Я сожалею не о том, что убил твоего сына, а о том, что не убил вместе с ним и тебя. Если вы же-

лаете сразиться, приходите через тридцать дней[22]. Теперь же нам недосуг, ибо мы заняты приготовлениями».

7 В ответ Гобрий воскликнул:

— Ну так пусть никогда не кончатся эти твои сожаления! Ведь ясно, как день, что я причиняю тебе немало досады с тех пор, как овладели тобою эти сожаления.

8 Гобрий вернулся и передал ответ ассирийского царя. Выслушав его, Кир отвел свое войско от Вавилона. Потом он подозвал к себе Гобрия и спросил:

— Скажи мне, Гобрий, не говорил ли ты, что тот оскопленный ассирийцем юноша мог бы стать нашим союзником?

— Мне кажется, — отвечал Гобрий, — я могу быть в этом уверен; ведь мы не раз откровенно беседовали друг с другом.

9 — Тогда, раз ты убежден, что это так, отправляйся к нему. Постарайся прежде всего, чтобы все, о чем вы будете говорить, осталось между вами. Сойдись с ним поближе и, если убедишься, что он действительно хочет стать нашим другом, устрой обязательно так, чтобы его дружба с нами осталась втайне. Ибо на войне нет лучше способа принести пользу друзьям, чем прикидываясь их врагом, а врагам — причинить больше вреда, чем выдавая себя за их друга.

10 — Это так, — подтвердил Гобрий. — Я знаю, что Гадат дорого бы дал за то, чтобы отплатить великим злом нынешнему царю ассирийцев. Однако, что именно он мог бы сделать, над этим нам всем надо подумать.

11 — Скажи мне тогда, — продолжал Кир, — если бы этот евнух явился с отрядом воинов к той пограничной крепости, которая, как вы говорите[23], сооружена ассирийцами как оплот против гирканцев и саков, для защиты страны от их вторжений, то, как ты думаешь, впустил бы его начальник гарнизона в эту крепость?

— Разумеется, — отвечал Гобрий, — если только Гадат явится к нему, оставаясь по-прежнему вне подозрений.

12 — Ну, а разве он не был бы вне подозрений, — заметил Кир, — если бы я подступил к его владениям, как бы желая захватить их, а он бы защищался изо всех сил; если бы я даже захватил что-нибудь у него, а он бы, в ответ, тоже схватил каких-нибудь наших воинов, например моих гонцов к тем самым племенам, которые, по вашим словам, враждебны ассирийскому царю[24]; если бы, наконец, схваченные им гонцы рассказали, что они посланы за войском [и чтобы привезти лестницы для штурма крепости][25], а наш евнух, выслушав их, явился бы к командующему гарнизоном этой крепости будто бы из желания предупредить его об опасности.

13 Гобрий согласился, что если действовать таким образом, то комендант несомненно впустит Гадата.

— Он даже попросит его остаться до тех пор, пока ты не уйдешь из этих мест.

— Тогда, — продолжал Кир, — если только ему удастся войти, разве он не сможет помочь нам захватить эту крепость?

— Конечно, — отвечал Гобрий, — если только он подготовит все внутри, 14
а ты подведешь к крепости сильное войско.

— В таком случае, — закончил разговор Кир, — иди и постарайся растолковать ему все это, а договорившись, немедленно возвращайся. В подтверждение же наших честных намерений лучше всего сошлись на то, какого ты сам удостоился обращения с нашей стороны.

После этого Гобрий немедленно отправился в путь. Евнух встретил его 15
с радостью и тут же согласился на все предложения и договорился с Гобрием о том, что надо будет делать. Как только Гобрий известил Кира, что евнух в восторге от предложенного плана, Кир на следующий же день подступил к владениям Гадата, а тот для вида стал защищаться. Кир
даже захватил одну крепостцу, на которую ему указал Гадат. Что же ка- 16
сается гонцов, которых Кир отправил к соседним племенам, указав, по какой дороге им следовать, то одних из них Гадат пропустил, [чтобы они привели войско и доставили лестницы][26], а других схватил и допросил в присутствии многих свидетелей и когда услышал, с какой целью, по их словам, они были посланы, то немедленно стал собираться и той же ночью отправился как бы для того, чтобы предупредить коменданта крепости.
Встреченный с доверием как желанный союзник, он был впущен в кре- 17
пость. Некоторое время он, как мог, помогал начальнику гарнизона в приготовлениях, но, как только появился Кир, он тут же овладел крепостью, использовав в качестве помощников, между прочим, захваченных ранее
воинов Кира[27]. Когда это свершилось, евнух, устроив в крепости все, как 18
надо, немедленно вышел навстречу Киру и, по местному обычаю пав перед ним ниц[28], воскликнул:

— Радуйся, Кир!

— Я так и делаю, — отвечал тот. — Ибо с божьей помощью ты не 19
только побуждаешь, но прямо-таки принуждаешь меня исполниться радости[29]. Будь уверен, я высоко ценю возможность оставить эту крепость верным оплотом для моих здешних союзников. Что до тебя самого, Гадат, то хотя ассириец и лишил тебя, по-видимому, способности иметь детей, тем не менее он не отнял у тебя возможность приобретать друзей. Знай, что нынешним своим поступком ты приобрел в нас таких друзей, которые постараются, насколько это будет от них зависеть, быть тебе заступниками не хуже, чем родные дети.

Меж тем как Кир это говорил, к нему подбегает предводитель гиркан- 20
цев, который только что узнал о случившемся. Крепко пожав ему руку, он воскликнул:

— Ты великое счастье для всех друзей, Кир! Какую глубокую благодарность заставляешь ты меня возносить богам за то, что они свели меня с тобою!

— В таком случае, — распорядился Кир, — пойди, прими эту крепость, 21
за которую ты обнимаешь меня, и распорядись ею так, чтобы впредь она была бесценным даром для вашего племени и для прочих союзников, а в особенности, — добавил он, — для этого Гадата, который захватил ее и передал нам.

22 — Что ж, — спросил тогда гирканец, — коль скоро пожалуют сюда кадусии, саки и мои сограждане, не пригласить ли нам и их также, чтобы всем вместе, кого это касается, обсудить, как нам использовать эту крепость с наибольшей для себя выгодой?

23 Кир одобрил такое предложение. Затем, когда собрались те, кто был заинтересован в судьбе этой крепости, они решили, что нужно охранять ее совместно всем, кому было выгодно сохранить ее за собой, чтобы она
24 была для них защитою от нападений и угрозою для ассирийцев. С тех пор все — и кадусии, и саки, и гирканцы в большем числе и с большим усердием принимали участие в этом походе Кира. Отряд кадусиев составлял до двадцати тысяч пельтастов и четырех тысяч всадников, саков — до десяти тысяч лучников и двух тысяч конных стрелков. Гирканцы также прислали дополнительный отряд пеших воинов, сколько могли, а число всадников довели до двух тысяч. Ведь прежде большая часть их конницы должна была оставаться дома, потому что кадусии и
25 саки были тогда враждебны гирканцам. Все время, пока Кир оставался около этой крепости, устанавливая там порядок, многие из ассирийцев, населявших тамошние места, приводили к нему коней и приносили оружие, движимые уже страхом перед этими своими соседями[30].

26 Вскоре после этого явился к Киру Гадат и сообщил, что по дошедшим до него сведениям ассирийский царь, когда узнал о захвате крепости, сильно разгневался и теперь снаряжает войско, чтобы вторгнуться в страну Гадата.

— Поэтому, — заключил Гадат, — если ты отпустишь меня, Кир, то я постараюсь сохранить свои крепости; об остальном я меньше забочусь.

27 — А если ты сейчас отправишься, — спросил Кир, — как скоро ты будешь у себя?

— На третий день я смогу уже остановиться на ужин в своей стране, — ответил Гадат.

— А, как ты думаешь, ты уже застанешь там ассирийца?

— Наверняка; ведь он будет спешить покончить с походом, пока, по расчетам, ты будешь еще далеко.

28 — Ну а я, — спросил тогда Кир, — на какой день я смог бы добраться дотуда со своим войском?

На это Гадат сказал:

— У тебя, господин, уже большое войско, и ты не сможешь дойти до моего дома меньше чем за шесть или семь дней.

— Тогда, — сказал Кир, — отправляйся как можно скорее, а я двинусь за тобой со всей возможной поспешностью.

29 Итак, Гадат отправился в путь, а Кир созвал к себе всех предводителей союзных отрядов — их было уже много и они казались людьми вполне достойными — и сказал, обращаясь к ним, так:

30 — Союзные воины, Гадат оказал нам, по общему мнению, великую услугу, и сделал он это раньше, чем мы ему сделали хоть что-то хорошее. Теперь же, как сообщают, ассирийский царь намерен вторгнуться в его страну, во-первых, из-за вполне понятного желания покарать его за тот

великий ущерб, который, как он считает, ему причинил Гадат, а, во-вторых, вероятно, также из убеждения, что если подданные его за свое отпадение к нам не будут им наказаны, а за свою верность ему будут гибнуть под нашими ударами, то очень скоро никто, по всей видимости, не захочет оставаться в союзе с ним. Поэтому, воины, я полагаю, мы совершим теперь прекрасный поступок, если окажем действенную поддержку нашему благодетелю Гадату. Мы поступим только справедливо, воздавая благодарностью за услугу, однако, вместе с тем, как мне кажется, мы совершим и крайне полезное дело для нас самих. Ведь если всем будет видно, как мы стремимся превзойти причиняющих нам зло — злом, а оказывающих нам благодеяния — благодеяниями [31], то благодаря этому, естественно, многие захотят стать нашими друзьями и никто не пожелает быть нашим врагом. А если окажется, что мы бросили Гадата на произвол судьбы, то скажите тогда, ради всех богов, какими речами мы сможем впредь убедить кого-либо оказать нам услугу? Как осмелимся мы отзываться с похвалою о самих себе? Как сможет кто-либо из нас смотреть в глаза Гадату, если мы уступим ему в благородстве — мы, столь великие числом, — одному человеку, и притом так искалеченному? [32]

(margin numbers in order: 31, 32, 33)

Вот что сказал Кир. А все присутствующие горячо одобрили его речь и согласились с его предложением. 34

— В таком случае, — распорядился Кир, — коль скоро и вам по душе такой план действий, давайте оставим при вьючных животных и повозках тех из наших людей, которые более всего пригодны, чтобы сопровождать обоз. Поставим над ними начальником и дадим им в вожатые Гобрия, ибо 35 он знает дорогу, да и в других отношениях вполне надежен. Сами же мы на лучших конях и с лучшими людьми пойдем вперед, взяв с собой провизии на три дня: чем легче и чем неприхотливее будет наш багаж, тем с большим удовольствием в последующие дни мы будем завтракать, ужинать и ложиться спать. Теперь, — продолжал он, — о порядке, каким мы 36 будем следовать. В авангарде ты, Хрисант, поведешь воинов, облаченных в панцири. Дорога здесь ровная и широкая; ты поставишь всех таксиархов впереди, а каждый таксис пусть идет следом, цепочкой по одному человеку. В таком сомкнутом строю мы сможем идти самым скорым и безопасным образом. Я именно потому велю идти во главе колонны воинам, 37 одетым в панцири, что эта часть войска самая тяжеловесная. Если во главе колонны будет идти отряд воинов, двигающийся медленнее остальных, то, естественно, все другие, более подвижные, будут легко поспевать за ним, а когда ночью возглавляет движение самая быстрая часть, то ничуть не удивительно, что походная колонна разрывается, так как авангард убегает вперед [33]. Вслед за ними, — продолжал Кир, — ты, Артабаз, поведешь пер- 38 сидских пельтастов и лучников [34]; затем ты, мидянин Андамий, — мидийскую пехоту; затем ты, Эмбас, — армянскую пехоту; после ты, Артух, — гирканцев; за ними ты, Фамбрад, — пехоту саков; и, наконец, ты, Датам, — кадусиев. Пусть и эти тоже все поставят в первой линии таксиар- 39 хов, справа от своих колонн пусть поместят пельтастов, а слева — лучников; при таком порядке движения воины эти будут в большей боевой го-

40 товности. За пехотинцами пусть следуют обозные слуги всех отрядов.
Их начальники должны следить за тем, чтобы они укладывали весь ба-
гаж до того, как лечь спать, а рано утром со своими тюками занимали
41 в строю отведенное им место и следовали за воинами в должном порядке.
За обозными слугами перс Мадат поведет персидских всадников, и тоже
поставит сотников впереди, а каждый сотник пусть ведет свой таксис,
42 построенный в цепочку по одному, как и у начальников пехоты. За ними
мидянин Рамбак поведет в таком же порядке своих всадников, а за
ними ты, Тигран, — свою конницу. А дальше все остальные начальники
конницы, каждый с теми воинами, которых он привел к нам. Затем пой-
дете вы, саки. А в самом конце пусть идут кадусии, которые последними
и пришли к нам. Ты, Алкевн, их предводитель, следи отныне за всеми
43 идущими сзади и не позволяй никому отстать от твоих всадников. Все
следите за тем, чтобы совершать движение в полной тишине — и, вы,
командиры, и все вообще рассудительные воины. Ведь ночью все прихо-
дится воспринимать и замечать скорее ушами, чем глазами, и беспорядок
ночью может возникнуть гораздо бо́льший и труднее исправимый, чем
днем. Вот почему надо строго хранить молчание и держаться своего
44 места в строю. Когда вам придется выступать ночью, ночные стражи сле-
дует назначать насколько можно краткими и частыми, чтобы длительная
бессонница от несения караула никому не вредила на походе[35]. Когда
45 надо будет выступать в поход, надлежит подавать сигнал рожком. Тогда
все вы, захватив необходимое, направляйтесь по пути, ведущему к Ва-
вилону, причем каждый воин в походной колонне должен побуждать по-
зади стоящего поспешать за ним.

46 После этого все отправились по своим палаткам, и, расходясь, дели-
лись друг с другом впечатлениями о том, как безошибочно при распреде-
лении поручений Кир называл по имени всех, кому отдавал приказания.
47 А Кир поступал так совершенно намеренно, ибо ему казалось весьма стран-
ным, если ремесленники будут знать — каждый в своей отрасли — названия
орудий труда, и врач — названия всех инструментов и лекарств, которыми
он пользуется, а полководец окажется столь глупым, что не будет знать
имена своих командиров[36], которыми ему приходится пользоваться как
своего рода инструментами, хочет ли он что-либо захватить, или охранить,
или ободрить людей, или напугать их. Равным образом, когда ему хоте-
лось кого-либо отличить, ему казалось наиболее правильным обращаться
48 к такому человеку по имени. По его мнению, уверенность воинов в том, что
они известны своему полководцу, заставляет их чаще искать случая отли-
читься у него на глазах и побуждает с бо́льшим рвением избегать позор-
49 ных поступков. Он считал также совершенно нелепым, если полководец,
желая дать какое-либо распоряжение, будет приказывать так, как это де-
лают у себя дома некоторые из господ: «Пусть кто-нибудь сходит за во-
50 дой» или «Пусть кто-нибудь нарубит дров»[37]. По его убеждению, при та-
ких приказаниях все только смотрят друг на друга, но никто не берется
выполнять распоряжение, все виновны, но никто не стыдится и не боится
из-за того, что каждый одинаково виновен вместе со многими. Вот по

этим-то причинам он и называл по имени всех, кому отдавал какое-либо приказание.

Такого мнения придерживался Кир о форме отдачи приказаний. Между 51
тем воины поужинали, выставили караулы и, уложив необходимый багаж,
легли спать. Когда наступила полночь, был дан сигнал рожком. Сказав 52
Хрисанту, что он будет поджидать остальных на дороге впереди войска,
Кир двинулся вперед вместе со своими гиперетами. Немногим позже по-
явился Хрисант во главе воинов, одетых в панцири. Кир дал ему провожа- 53
тых в дорогу и приказал идти поначалу не спеша, поскольку еще не все
отряды двинулись в путь. Сам он встал у обочины дороги и подходившим
командирам приказывал следовать вперед в должном порядке, а к опаз-
дывавшим посылал своих людей с требованием поторопиться. Когда все 54
уже двинулись в путь, Кир послал к Хрисанту всадников с известием,
что уже все выступили и что он может идти быстрее. А сам медленно по- 55
ехал вперед, наблюдая движение отдельных колонн. Если он видел, что
воины идут в строгом порядке и в полной тишине, то он подъезжал к ним
и спрашивал, кто они, а узнав, хвалил; если же замечал какой-либо отряд
в смятении, то старался выяснить причину этого и прекратить беспорядок.

Нам осталось упомянуть еще об одном распоряжении Кира во время 56
ночного марша: он выслал впереди всего войска небольшое число легково-
оруженных пеших воинов, которые должны были идти, не теряя из виду Хрисанта и поддерживая с ним связь; вслушиваясь во все и все замечая, они должны были докладывать Хрисанту о том, что представлялось важным. У них был свой командующий, в обязанности которого входило поддерживать порядок среди своих воинов и докладывать обо всем, заслуживающем внимания, не докучая, однако, пустяковыми сообщениями.

В таком порядке он шел всю ночь. Когда же наступил день, он оставил 57
конницу кадусиев позади, при их пехоте, которая шла последней, дабы и
пехота тоже не была лишена прикрытия конницы. А всем остальным всад-
никам он велел скакать вперед, откуда именно и ожидали врагов, чтобы
в случае их появления идти навстречу и сражаться, имея наготове необ-
ходимую боевую силу, а если у врагов будет замечена попытка к бег-
ству, — чтобы тут же со всей решимостью их преследовать. У Кира раз и 58
навсегда было установлено, кому из всадников бросаться в погоню,
а кому — оставаться возле него; но чтобы весь строй рассыпался — этого
он никогда не допускал.

В таком порядке вел свое войско Кир. Сам он, однако, не оставался на 59
одном месте, но, разъезжая и появляясь то там, то здесь, наблюдал и заботился обо всем необходимом для своих людей. Так шло вперед войско Кира.

Глава IV

1 В коннице Гадата был один сильный и влиятельный человек; как
только он заметил, что господин его изменил ассирийскому царю, он тут же
решил, что если с Гадатом случится какая-либо беда, то ему достанутся
от ассирийцев все владения Гадата. Так вот, он посылает одного из пре-
данных ему людей к ассирийскому царю и велит своему посланцу, если
тот застанет ассирийское войско уже в области Гадата, передать царю ас-
сирийцев, что стоит тому только устроить засаду, как он легко захватит
2 Гадата со всем его отрядом. Он поручил также объяснить, что у Гадата
войско ничтожное и что Кир его не сопровождает; он указал также путь,
которым Гадат будет следовать. Одновременно, чтобы царь ему больше
поверил, он передал приказ своим слугам сдать ассирийскому царю кре-
пость, которой он владел в стране Гадата, со всеми собранными там запа-
сами. Он заверил царя, что прибудет к нему сам, убив Гадата, если
удастся, а если нет, то, по крайней мере, чтобы впредь сражаться на сто-
3 роне ассирийца. Когда отряженный для этой цели гонец, скача во весь
дух, прибыл к ассирийскому царю и объяснил, с каким поручением он
явился, тот, выслушав, немедленно овладел крепостью и с большим числом
всадников и колесниц устроил засаду в деревнях, тесно примыкающих
4 друг к другу. Гадат, приблизившись к этим деревням, послал несколько
всадников вперед на разведку. Когда ассирийский царь заметил приближе-
ние разведчиков, он приказал двум или трем колесницам и нескольким
всадникам выйти из укрытия и удариться в бегство, как будто их было
мало и они были напуганы. Разведчики, как только увидели это, стали их
преследовать и ободряюще махали руками Гадату, так что и тот, введен-
ный в заблуждение, тоже бросился преследовать врага изо всех сил. Когда
5 ассирийцы решили, что Гадат попался, они выскочили из засады. Увидев
их, воины Гадата обратились в бегство, а те, как и нужно было ожидать,
стали их преследовать. В этот момент всадник, замысливший зло против
Гадата, нанес ему удар; свалить Гадата ему не удалось, но он все же ра-
нил его в плечо. Нанеся этот предательский удар, он стал отставать до
тех пор, пока его не нагнали преследующие. Его узнали, и вот он уже с ве-
ликим усердием нахлестывает коня и вместе с царем преследует Гадата.
6 Тут, конечно, многие из воинов Гадата, у которых лошади еле шли, были
застигнуты ассирийцами, мчавшимися на свежих конях. Вообще всем уже
приходилось плохо из-за того, что кони были изнурены походом, как вдруг
всадники Гадата увидели Кира, подходившего со своим войском. Можно
представить себе, с какой радостью, как будто после бури в надежную га-
7 вань[38], устремились они к нему. Кир поначалу удивился, а когда понял,
в чем дело, то, покуда враги продолжали нестись вперед, он тоже повел
свое войско навстречу, сохраняя полный порядок; когда же враги осознали
происходящее и ударились в бегство, тут уже Кир велел начать преследо-
вание тем всадникам, кому было приказано это делать, а сам с остальными
воинами следовал за ними таким образом, чтобы можно было оказать под-

держку. Тут воины Кира захватывают колесницы ассирийцев, одни — пустые, так как возничие с них попадали при резком повороте или от иных причин, а другие — на ходу, когда всадники отрезали им путь к отступлению. Они убивают также множество вражеских воинов и среди них того, кто нанес удар Гадату. Что же касается пеших ассирийских воинов, которые в тот момент осаждали дворец Гадата, то одни из них нашли убежище в другой крепости, отложившейся от Гадата, а другие успели укрыться в одном из больших городов, принадлежавших ассирийскому царю; туда же бежал и сам царь с оставшимися у него всадниками и колесницами.

8

9

10 Добившись такого успеха, Кир вернулся в область Гадата. Отдав распоряжения тем, кому надлежало сторожить пленников, он тотчас отправился посмотреть, как чувствует себя Гадат после ранения. На пути его встречает сам Гадат, уже с перевязанной раной. Увидев его, Кир обрадовался и сказал:

— Я шел к тебе, чтобы узнать, как ты себя чувствуешь.

11 — А я, — воскликнул Гадат, — клянусь богами, шел, чтобы еще раз взглянуть на тебя и убедиться своими глазами, каков должен быть человек со столь прекрасной душой. Ведь ты, как я хорошо знаю, нисколько во мне не нуждаешься, и никогда не обещал мне такой поддержки, и я никогда не оказывал тебе никакой услуги. И все же из одного убеждения, что я принес какую-то пользу твоим друзьям [39], ты с великим усердием поспешил мне на помощь: предоставленный самому себе, я наверняка бы погиб, но благодаря тебе я спасся. Клянусь богами, Кир, если бы я оставался таким, каким я был рожден от природы, и мог иметь детей, не знаю, удалось бы мне заполучить для себя такого сына. Ведь я знаю, какими бывают иные сыновья; взять, к примеру, нынешнего царя ассирийцев, который своему отцу доставил гораздо больше огорчений, чем может причинить теперь тебе.

12

13 Кир возразил на это:

— Поистине, Гадат, ты не замечаешь гораздо большего чуда, если восхищаешься только мною.

— А что же это такое? — спросил Гадат.

— А то, — отвечал Кир, — что столько персов проявило заботу о тебе, столько мидян, столько гирканцев, кроме того все находящиеся здесь армяне, саки и кадусии.

14 — О Зевс, — обратился Гадат с мольбою к небу, — пусть боги дадут много счастья этим воинам, но во сто крат больше тому, кто сделал их такими, какие они есть. А чтобы мы смогли радушно угостить этих людей, которых ты, Кир, удостаиваешь похвалы, прими эти подношения, — все, что я могу предложить тебе.

Тут по его приказу пригнали множество скота, так что, кто хотел, мог принести жертвы богам, а все войско получило угощение, достойное его подвига и успеха.

15 Между тем предводитель кадусиев, который охранял тыл и не участвовал в преследовании врага, тоже захотел совершить какое-нибудь славное дело, и потому, не посоветовавшись и не сказав ничего Киру, устре-

мился в набег на земли, расположенные вблизи Вавилона. В то время как
его всадники рассыпались в разные стороны, ассирийский царь вышел из
города, где он укрылся, и, ведя войско, построенное в строгий боевой по-
16 рядок, повстречался с кадусиями. Заметив, что они одни, он тут же устре-
мился в атаку, убивает предводителя кадусиев и многих других воинов,
захватывает часть их лошадей и отбирает добычу, которую они угоняли.
Преследование кадусиев царь продолжал до тех пор, пока это ему каза-
лось безопасным, а затем повернул обратно. Лишь к вечеру первые из ка-
17 дусиев, ускользнувших от погони, достигли своего лагеря. Как только Кир
услышал о случившемся, он тут же вышел навстречу кадусиям и всех,
кого видел ранеными, подбадривал и отправлял к Гадату, чтобы там им
была оказана помощь, а остальных размещал по палаткам и заботился,
чтобы у них было все необходимое. При этом он призвал к себе на по-
мощь некоторых из персов-гомотимов, тем более, что в подобных случаях
благородные люди охотно вызываются помочь.

18 По всему было видно, что Кир сильно огорчен происшедшим; когда
другие в положенный час отправились ужинать, Кир со своими гиперетами
и врачами все еще занимался пострадавшими, не оставляя никого без попе-
чения, насколько это от него зависело. Он лично хотел позаботиться
о каждом раненом, а если ему это не удавалось, он тут же посылал людей
для оказания необходимой помощи.

19 Лишь покончив с этими хлопотами, они отправились спать. С наступ-
лением дня Кир через глашатая велел собраться предводителям всех от-
рядов, а кадусиям прийти всем, и выступил перед ними с такой речью:

— Союзные воины! То, что случилось, вполне в характере человече-
ской природы, ибо, на мой взгляд, нет ничего удивительного в том, что
люди, оставаясь людьми, совершают ошибки. Однако из случившегося
только что несчастья надлежит извлечь добрый урок: никогда не надо
отделять от целого войска часть, которая окажется слабее войска врагов.
20 Этим я вовсе не хочу сказать, что при случае нельзя отправиться на дело
даже с меньшим отрядом, чем тот, с которым ушел предводитель кадусиев.
Если ты двинешься, уведомив того, кто может оказать поддержку, то
в этом случае вполне допустимо отделение: тому, кто останется, можно об-
манным маневром отвлечь неприятеля в сторону от ушедшего отряда или
вообще причинить неприятности врагам и этим обеспечить безопасность
друзьям. В таком случае отделившийся отряд вовсе не будет лишен под-
держки, сохранив связь с главными силами. Тот же, кто уйдет, не сооб-
щив, где он будет, ставит себя в положение такое же, как если бы он со-
21 вершал поход в полном одиночестве. Впрочем, — продолжал Кир, — если
бог пожелает, то мы скоро отплатим врагам за эту неудачу. Как только
вы покончите с завтраком, я поведу вас туда, где случилось несчастье.
Мы похороним погибших, а затем покажем врагам, что там, где они, по
их мнению, одержали верх, стоят новые воины, готовые одолеть их, если
бог того пожелает, чтобы впредь они не радовались, глядя на место, где
они погубили наших союзников. А если они не выйдут навстречу, мы сож-
жем их селения и разорим страну, чтобы они не ликовали, глядя на при-

чиненные нам несчастья, но тяжко мучились при виде собственных бед. Итак, — заключил Кир, — все остальные пусть идут завтракать, а вы, кадусии, сначала пойдите и изберите себе предводителя, так, как у вас положено по закону, чтобы он впредь заботился о вас с помощью богов и с нашей помощью, если что-либо вам понадобится от нас. А когда изберете, пришлите ко мне того, кто будет выбран. 22

Кадусии так и сделали. Когда же настал час выступать в поход, Кир указал командиру, избранному кадусиями, его место в строю и велел ему вести свой отряд рядом с ним, Киром, чтобы, как он сказал, «мы по возможности ободрили твоих людей». В таком порядке они двинулись вперед и, придя на место, занялись погребением павших кадусиев и стали опустошать страну. Совершив все это, они вернулись обратно во владения Гадата, принеся с собой необходимые припасы из вражеской страны. 23

Кир понимал, что жителям близлежащих от Вавилона селений, которые отложились к нему, придется плохо, если он сам не будет постоянно находиться поблизости. Поэтому всем вражеским воинам, которых он отпускал на волю, он велел говорить ассирийскому царю — и подтвердил это через специально посланного глашатая, — что он готов позволить всем земледельцам обрабатывать землю и не будет их обижать, если и царь, со своей стороны, позволит возделывать землю работникам тех хозяев, которые перешли на сторону персов. «Ведь если ты и станешь чинить помехи, — заявлял Кир, — то сможешь помешать лишь немногим, ибо земля, которая принадлежит людям, перешедшим на мою сторону, невелика по размерам, между тем как я могу оставить в твоем распоряжении большие пространства возделываемой земли. Затем при сборе урожая, если будет идти война, то выгоду, конечно, получит тот, на чьей стороне окажется победа; если же будет мир, то в выигрыше, несомненно, останешься ты. А если кто-либо из моих сторонников поднимет оружие против тебя или кто-либо из твоих подданных — против меня, то каждый из нас сумеет отразить нападение, насколько это будет в его силах». 24 25

Дав глашатаю такое поручение, Кир отослал его к царю. Как только ассирийцы услышали об этом, они всеми способами стали убеждать царя согласиться с предложением Кира и, насколько только возможно, уменьшить тяготы войны. То ли он был убежден своими соплеменниками, то ли и сам того желал, но так или иначе ассирийский царь одобрил эти предложения, и было заключено соглашение, чтобы для работающих на полях был мир, а война шла между вооруженными воинами. Такое соглашение заключил Кир в интересах земледельцев. А стада домашнего скота он предложил своим новым друзьям перегнать, если они хотят, во владения персов; скот же, принадлежащий неприятелю, Кир разрешил угонять откуда угодно, для того чтобы поход доставлял больше радости союзникам. Ведь воинам грозили те же опасности, даже если бы они стали воздерживаться от грабежа, между тем как добывание провианта у неприятеля могло сделать походную жизнь, безусловно, более легкой. 26 27 28

Кир стал уже готовиться к отъезду, когда к нему явился Гадат со множеством самых разнообразных даров, как подобало владельцу большого 29

состояния. Между прочим, он пригнал много коней, отобрав их у части
своих всадников, которым он более не доверял из-за прошлого покушения.
30 Приблизившись к Киру, он сказал:
— Кир, я отдаю тебе нынче эти дары, и ты можешь распоряжаться
ими, как тебе угодно. Однако знай, что и все прочее мое достояние при-
надлежит тебе. Ведь у меня нет и уже никогда не будет родного сына, ко-
торому я смогу оставить свое богатство. С моей смертью неизбежно угас-
31 нут и весь наш род и наше имя. А между тем, Кир, клянусь богами, ко-
торые все видят и все слышат, я пострадал таким страшным образом, не
сказав и не сделав ничего обидного и ничего постыдного.

При этих словах он залился слезами, оплакивая свою судьбу, и больше
уже не мог говорить.

32 Выслушав его, Кир посочувствовал ему в горе, а затем сказал так:
— Конечно, я приму твоих коней; ведь и тебе я принесу больше пользы,
отдав их людям более преданным, чем нынешние твои всадники, если
только верно твое суждение о них, да и сам я смогу быстрее достичь того,
чего так давно желаю, — довести персидскую конницу до десяти тысяч
человек. Однако все прочие подарки ты возьми обратно и сохрани до тех
пор, пока не увидишь, что я достаточно богат, чтобы отблагодарить тебя
не хуже твоего. Ведь если ты напоследок одаришь меня более щедро, чем
сам получишь от меня, то, клянусь богами, не знаю, смогу ли я не испы-
тывать чувства стыда.

33 На это Гадат сказал:
— Этим заверениям твоим я верю, ибо вижу, каков твой характер.
34 Однако ты подумай, могу ли я сохранить все эти сокровища. Ведь пока
мы были друзьями с царем ассирийцев, владения моего отца по праву
могли считаться прекрасными. Расположенные поблизости от величайшего
города Вавилона, они давали нам возможность пользоваться выгодами,
какие доставляет большой город, а от всех его тягот мы легко могли из-
бавиться, укрывшись здесь у себя. Но сейчас, когда мы стали врагами,
каждому должно быть ясно, что, стоит тебе уйти, и мы подвергнемся страш-
ной опасности — и мы сами, и все наше достояние. Я думаю, нам придется
вести ужасную жизнь, имея под боком врагов и видя, что они сильнее
35 нас. Конечно, мне могут возразить: «Так почему же ты не подумал обо всем
этом прежде, чем отпадать от царя?» Да потому, скажу я, Кир, что я из-за
обиды и гнева стремился не к безопасности, а постоянно вынашивал только
один замысел: как отплатить сполна этому недругу богов и людей, кото-
рый всегда пылает ненавистью, но даже не к тому, кто причинил ему
36 обиду, а ко всякому, в ком он почувствует человека лучше себя. Поэтому
я убежден, что, будучи сам негодяем, он всегда будет обзаводиться союз-
никами из числа людей, еще более скверных. А если среди них и окажется
человек сравнительно порядочный, то ты можешь не беспокоиться, Кир;
тебе отнюдь не придется вести борьбу с достойным противником, ибо царь
сам поведет эту борьбу всеми возможными способами, пока не избавится
от того, кто превосходит его доблестью. Однако причинить горе мне — это,
я думаю, он вполне сможет сделать и с помощью негодяев.

Слушая Гадата, Кир решил, что тот говорит о вещах, несомненно заслуживающих внимания. Поэтому он сразу предложил: 37

— А почему бы тогда, Гадат, нам не укрепить твои крепости надежною стражей, чтобы ты мог распоряжаться ими и чувствовать себя в полной безопасности, когда бы ты ни пришел сюда? Сам же ты мог бы остаться в нашем войске, чтобы, если только боги по-прежнему будут за нас, царь испытывал страх перед тобой, а не ты перед ним. Все, что доставляет тебе радость из твоего имущества, или с кем тебе приятно проводить время, — все это ты можешь взять с собой в поход. Как мне кажется, ты мог бы быть для меня очень полезен, а я, со своей стороны, постараюсь помочь тебе чем могу.

Услышав о такой возможности, Гадат с облегчением вздохнул и сказал: 38

— Только успею ли я со сборами до твоего ухода? Ведь я хочу взять с собой и свою мать.

— Конечно, клянусь Зевсом, — успокоил его Кир, — ты вполне успеешь. Во всяком случае я задержу выступление до тех пор, пока ты не скажешь, что у тебя все готово.

После этого Гадат отправился, чтобы с помощью Кира укрепить свои крепости гарнизонами. В дорогу он взял с собой все, что могло украсить жизнь такого богатого человека. Он решил также увести с собой часть своих людей, как из числа оставшихся ему верными, чье общество ему было приятно, так и многих из тех, кому он не доверял, принудив этих последних взять с собой либо жен, либо братьев, <либо детей> [40], чтобы держать их таким образом связанными по рукам и ногам. Выступив в поход, Кир сразу велел Гадату занять место среди людей его свиты, чтобы можно было пользоваться его советами по поводу дорог, источников воды и запасов фуража и хлеба и благодаря этому разбивать лагерь в местах, где в изобилии есть все необходимое. 39 40

Когда, продвигаясь вперед, Кир завидел город вавилонян и решил, что дорога, по которой они шли, ведет под самые стены города, он подозвал к себе Гобрия и Гадата и спросил, нет ли другого пути, чтобы можно было пройти не так близко от городских стен. 41

— Есть другие дороги, господин, и даже не одна, — отвечал Гобрий. — Но я думал, что ты сам захочешь теперь пройти как можно ближе от города, чтобы показать царю, каким большим и превосходным войском ты уже располагаешь. Ведь даже тогда, когда у тебя было гораздо меньше сил, ты подходил вплотную к стенам города и он мог видеть, что нас немного [41]. Теперь же, если даже он как-то и подготовился, — ведь он заявил тебе, что ему надо еще подготовиться к сражению с тобой [42], — все равно я уверен, что при взгляде на твои силы его собственные покажутся ему снова совершенно недостаточными. 42

В ответ на это Кир сказал: 43

— Сдается мне, Гобрий, что ты недоумеваешь, почему тогда, когда со мной было гораздо меньшее войско, я подступил к самым стенам города, а теперь, когда я располагаю большими силами, мне не хочется подходить

44 под самые стены. Ты не должен, однако, удивляться, ибо не одно и то же —
подступать к городу и проходить мимо. Идя на приступ, все выстраива-
ются таким образом, чтобы как можно лучше было сражаться; да и при
отходе благоразумные воины сохраняют такой порядок, при котором они
могут отойти с наибольшей безопасностью, а не с наибольшей быстротой.
45 Наоборот, двигаясь в походе мимо крепости, приходится идти так, что
войско включает вереницу повозок и длинный хвост остального далеко рас-
тянувшегося обоза. Для всего этого необходимо прикрытие из вооружен-
ных воинов и никоим образом нельзя выставлять обоз на глаза неприя-
46 телю без вооруженной защиты. Разумеется, при таком порядке движения
боеспособная часть войска неизбежно вытягивается в тонкую и слабую
линию. Если враги из крепости пожелают сомкнутым строем атаковать
в каком-либо месте, то, где бы они тут ни напали, везде они вступят
47 в борьбу более сильными, чем проходящие мимо. К тому же для двигаю-
щихся длинной колонной длинными оказываются и маршруты движений
на помощь отдельным отрядам, между тем как воины из крепости могут
48 быстро сделать короткую вылазку и вернуться обратно. Если же мы бу-
дем идти мимо крепости, сохраняя дистанцию, которая и нынче позволяет
нам двигаться вытянутой колонной, то враги и так смогут увидеть вели-
чину нашего войска; при этом из-за вооруженной охраны вся проходящая
49 масса будет являть собой грозное зрелище. Тогда, если враги и вправду
решатся на какую-нибудь вылазку, мы сможем издалека заметить их, и
они не застанут нас врасплох. Впрочем, друзья, — продолжал Кир, — они
едва ли отважатся на нападение — для этого им придется далеко отойти
от своих стен, разве что они решат, что они вообще сильнее всего нашего
войска. Ведь отступление для них будет весьма опасным.

50 Когда Кир кончил, присутствующие согласились, что он говорит правильно, и Гобрий повел войско так, как того желал Кир. По мере того, как войско проходило мимо города, Кир все время усиливал остававшуюся в арьергарде часть.

51 Двигаясь таким образом, Кир в положенный срок достигает границ Сирии[43] и Мидии, откуда он в свое время выступил в поход. Из находившихся здесь трех сирийских крепостей одну, самую слабую, он сразу же взял штурмом. Что же касается двух других, то Кир и Гадат, действуя один страхом, а другой убеждением, заставили их гарнизоны сдаться.

Глава V

1 Когда со всем этим было покончено, Кир посылает к Киаксару гонца с предложением прибыть в его лагерь, чтобы они могли решить, как поступить с только что захваченными крепостями, и чтобы Киаксар, сделав смотр войску, дал свой совет относительно общего положения и того, что, по его мнению, теперь надлежит предпринять. «Ты добавишь, — сказал

Кир гонцу, — что если он того хочет, то я сам могу отправиться к нему и стану лагерем рядом с ним». Гонец отправился, чтобы передать эти 2
предложения. А Кир тем временем велел как можно роскошнее украсить шатер ассирийского царя, который мидяне выделили для Киаксара, доставить туда различную утварь, какая у них имелась, и поместить в женской половине шатра наложницу вместе с арфистками, которые тоже были выделены для Киаксара. Мидяне занялись исполнением этого приказа. 3
Между тем посланный к Киаксару гонец изложил все, что было ему поручено. Выслушав его, Киаксар решил, что войску Кира лучше оставаться на границе. Ведь к тому времени уже явились те персидские воины, за которыми посылал Кир, а их было сорок тысяч лучников и пельтастов. Видя, 4
как сильно опустошают новые пришельцы мидийскую землю, Киаксар полагал, что, пожалуй, лучше избавиться и от этих, чем принимать еще одно войско. Впрочем, командир, приведший новых воинов, в соответствии с распоряжением Кира[44] спросил Киаксара, нужны ли они ему, а когда тот ответил, что не нужны, в тот же день, как только услышал о прибытии Кира, отправился к нему со всем своим отрядом.

На следующий день выступил и Киаксар с той частью мидийских всадников, которая у него еще оставалась. Когда Кир услышал о его подходе, 5
он взял с собой конницу персов, уже достаточно многочисленную, всех мидян, армян и гирканцев, а также тех из остальных союзников, у кого были лучшие кони и лучшее вооружение, и выступил навстречу, желая показать Киаксару свое войско. Когда тот увидел, что за Киром следует множество 6
великолепных воинов, а за ним самим лишь небольшая и жалкая свита, он почувствовал в этом что-то унизительное и сильно огорчился. Когда Кир сошел с коня и приблизился к Киаксару, намереваясь по обычаю поцеловать его, Киаксар тоже сошел с коня, но отвернулся; он уклонился от поцелуя, и было видно, что он плачет[45]. Тогда Кир велел всем остальным 7
отойти в сторону и отдыхать, а сам взял Киаксара за руку и отвел его в сторону от дороги под тень пальм. Он велел постелить для Киаксара несколько мидийских ковров[46] и, усадив его там и сам сев рядом, начал такой разговор:

— Скажи мне, ради богов, дядя, почему ты на меня сердишься и какая 8
неприятность заставила тебя так огорчаться?

На это Киаксар ответил:

— Кир, по общему мнению, я происхожу из царского рода, столь древнего, насколько простирается человеческая память; мой отец был царем и я сам таковым считаюсь. Между тем я вижу, с какой жалкой и недостойной меня свитой я подъезжаю к тебе, тогда как ты в окружении моих собственных слуг и других войск являешься сильным и величественным. Та- 9
кое унижение, я думаю, неприятно претерпеть и от врагов, но много неприятнее, о Зевс, испытать его от тех, от кого я менее всего мог бы это ожидать. Мне кажется, я предпочел бы десять раз провалиться сквозь землю[47], чем предстать пред взором людей столь жалким образом и видеть, как мои подданные пренебрегают мною и насмехаются надо мной. Ибо я прекрасно знаю, — продолжал Киаксар, — что не только ты теперь

могущественнее меня, но и мои рабы[48] встречают меня, став сильнее, чем я сам. Они теперь так великолепно снаряжены, что могут скорее сами причинить мне зло, чем испытать его от меня.

10 Говоря это, он уже совершенно не мог сдерживать слез, так что от жалости и у Кира тоже глаза наполнились слезами. Однако, переждав немного, Кир возобновил разговор:

— Нет, Киаксар, ты и говоришь неверно и думаешь неправильно, если считаешь, что благодаря моему присутствию мидяне теперь настроены так, что способны причинить тебе зло.

11 Конечно, я не удивляюсь тому, что ты гневаешься и страшишься их. Однако по справедливости ли ты сердишься на них или напрасно, — этого я не стану касаться, ибо знаю, что тебе было бы неприятно слушать, как я веду речь в их защиту. Как бы то ни было, я считаю большой ошибкой, когда начальник сердится сразу на всех подчиненных. Ведь устрашая многих, он многих же неизбежно делает себе врагами, а сердясь сразу на всех, он всех их толкает к опасному согласию.

12 Будь уверен, что именно поэтому я и не стал их отсылать обратно до своего возвращения, боясь, чтобы из-за твоего гнева не случилось чего-нибудь такого, что огорчило бы нас всех[49]. Теперь, с помощью богов, когда я здесь, все это не сулит тебе никакой опасности. Однако мне крайне неприятно, что ты считаешь меня своим обидчиком: между тем как я стараюсь изо всех сил оказывать друзьям как можно больше услуг, меня подозревают в стремлениях совсем противоположных.

13 — Впрочем, — продолжал Кир, — не будем вот так, наобум, обвинять друг друга. Лучше выясним, если это возможно, в чем состоит обида, которую я причинил тебе. Я могу предложить условие, самое справедливое при такого рода спорах между друзьями: если окажется, что я причинил тебе какое-нибудь зло, то я признáюсь, что нанес тебе обиду. Но если окажется, что я не делал и не желал тебе никакого зла, то разве не придется и тебе также признаться, что ты не претерпел от меня никакой обиды?

— Ну, разумеется, — согласился Киаксар.

14 — А если вдобавок станет ясно, что я даже оказал тебе услугу и вообще радел как можно больше о твоих интересах, то разве не буду я тогда скорее заслуживать похвалы с твоей стороны, чем порицания?

— Это будет только справедливо, — сказал Киаксар.

15 — Тогда, — продолжал Кир, — давай посмотрим все мои действия по порядку; так более всего будет ясно, какое из них хорошее, а какое пло-
16 хое. Давай начнем с моего назначения в командующие[50], если только тебя устраивает начать с этого момента. В самом деле, когда ты услышал о сборе многочисленных вражеских армий и об их выступлении против тебя и твоей страны, ты сразу же послал гонцов к персидским властям, требуя помощи, а ко мне лично обратился с просьбой, чтобы я сам постарался возглавить поход, если какое-либо войско персов пойдет тебе на помощь. Разве я не внял этим твоим просьбам и не явился к тебе во главе многочисленного, насколько это было возможно, отряда, составленного из самых лучших воинов?

— Да, явился, — подтвердил Киаксар.

— Ну так, скажи мне прежде всего, усмотрел ли ты тогда в моем поступке какое-либо обидное для себя действие или, может быть, наоборот, благодеяние? 17

— Несомненно, — признал Киаксар, — что в этих, по крайней мере, действиях заключалось благодеяние.

— Что же, — продолжал Кир, — когда враги пришли и надо было сражаться с ними, заметил ли ты хоть раз, что я отказывался от труда или избегал какой-либо опасности? 18

— Нет, клянусь Зевсом, — отвечал Киаксар, — конечно, нет. 19

— Что же, когда победа с помощью богов осталась за нами и враги отступили, а я стал призывать тебя, чтобы мы вместе их преследовали, вместе покарали, вместе пожали плоды удачного дела[51], — разве во всем этом ты можешь обнаружить у меня какое-либо стремление к своекорыстной выгоде?

Так как Киаксар безмолвствовал, то Кир продолжал: 20

— Но раз ты предпочитаешь хранить молчание, нежели отвечать на вопрос, то скажи мне тогда, считаешь ли ты, что я нанес тебе обиду тем, что избавил от участия в рискованном деле, коль скоро тебе казалось небезопасным пускаться в преследование, и вместо этого попросил отправить со мною часть твоих всадников? Ведь если и этой просьбой я обидел тебя, — я, который до этого сам предоставил себя в твое распоряжение, — то изволь это обосновать.

Поскольку Киаксар и на это не мог ничего ответить, то Кир сказал: 21

— Но если ты и на это не хочешь отвечать, то скажи мне, в чем дальше я мог тебя обидеть? Когда ты ответил мне, что тебе не хотелось бы, видя, как мидяне веселятся, лишать их удовольствия и принуждать вновь к опасному делу, неужели, по-твоему, я снова оскорбил тебя, когда вместо того, чтобы рассердиться на тебя за отказ, я лишь попросил тебя об одолжении, которое, как я знал, и тебе не стоило никакого труда предоставить и от мидян легче всего было потребовать: я попросил тебя разрешить, чтобы со мной отправились лишь те, кто пожелает. Очевидно, что, получив твое 22
согласие, я еще ничего не выиграл, так как мне предстояло добиться согласия воинов. Итак, я отправился уговаривать их, и кого убедил, с теми и выступил в поход по твоему разрешению. Если ты считаешь это основанием к обвинению, то, выходит, принятие от тебя любого дара таит в себе угрозу обвинения. Но вот мы отправились в поход: что из содеян- 23
ного нами со времени нашего выступления не стало ясным свидетельством нашей правоты? Разве не был взят лагерь врагов? Разве не погибло множество из тех, кто пошел на тебя войною? Да и из оставшихся в живых неприятелей многие лишились оружия, многие — своих коней. Кто раньше грабил и разорял твои владения, у тех, как ты видишь, твои друзья взяли богатую добычу и теперь гонят ее и для тебя самого, и для твоих подданных. Наконец, самое важное и самое прекрасное деяние: смотри, как увели- 24
чилась твоя страна и как сократились владения врагов. Их крепости теперь в наших руках[52], а твои, которые ранее перешли во владение сирий-

цев, теперь снова вернулись под твою власть. Что из этого для тебя могло
быть вредно или что не выгодно для тебя, — выяснять подобную нелепость
у меня, по правде сказать, нет ни малейшего желания. Тем не менее ничто
не мешает выслушать твои разъяснения. Ответь же, что ты думаешь по
поводу этих действий.
25 Сказав это, Кир умолк, и тогда Киаксар начал свою ответную речь:
— Конечно, Кир, я не решусь сказать, что дела, которые ты совер-
шил, дурны. Тем не менее знай, что эти благие поступки такого свойства,
26 что чем их оказывается больше, тем более они меня тяготят. Ведь я без-
условно предпочел бы силою своих войск расширять пределы твоей
страны, чем видеть, как мои владения приумножаются тобою, ибо для
тебя такой поступок прекрасен, а мне это же самое несет бесчестье. Ду-
27 маю также, что мне доставило бы больше радости одарять тебя ценными
подарками, чем принимать их от тебя вот так, как ты мне нынче их пре-
подносишь. Ибо, обогащаемый тобою в этом отношении, я чувствую, од-
нако, как становлюсь беднее во многих других. Я думаю также, что мне
доставило бы меньше печали видеть, как мои подданные в чем-то — впро-
чем, не слишком значительном — терпят от тебя обиду, чем созерцать те-
28 перь те великие выгоды, которые они получили от тебя. А если тебе ка-
жется, — продолжал Киаксар, — что я рассуждаю неразумно, то приложи
все это не ко мне, а к себе самому и посмотри, как тебе это понравится.
Что ты скажешь, если кто-нибудь вздумает задабривать собак, которых
ты содержишь ради охраны своей жизни и своего достояния, и сделает их
более преданными себе, чем тебе? Обрадует ли он тебя этой любезностью?
29 Если же тебе этот случай кажется ничтожным, то возьми и рассмотри
другой. Что если кто-нибудь так расположит к себе твоих слуг, которых
ты завел для сторожевой и военной службы, что они больше захотят со-
стоять при нем, чем при тебе? Будешь ли ты признателен ему за такую
30 услугу? Наконец, возьми то, что людям всего милее и чем они дорожат
более всего на свете: что если кто-нибудь так начнет ухаживать за твоей
женой, что заставит полюбить его больше, чем тебя? Обрадует ли он тебя
таким добрым делом? Я думаю, едва ли; более того, я уверен, что таким
31 поступком он сильнее всего обидит тебя. А чтобы ты мог представить себе
случай, совершенно сходный с моим, допустим, что кто-нибудь так задоб-
рит персов, которых ты привел с собой, что они с большей радостью пой-
дут за ним, чем за тобой. Сочтешь ли ты такого человека своим другом?
Думаю, что нет; наоборот, ты увидишь в нем злейшего врага, даже боль-
32 шего, чем если бы он погубил многих твоих воинов. Ну а если кто-нибудь
из твоих друзей, в ответ на твое любезное предложение взять, сколько
угодно из твоего добра, прихватит с собой все, сколько сможет, и таким
образом сам обогатится за твой счет, а тебе не оставит даже малого, —
33 сможешь ли ты считать такого безупречным другом? Между тем, Кир,
нынче, мне кажется, я оказался по твоей милости если и не точно в таком,
то в весьма сходном положении. Ты говоришь как будто бы правду; од-
нако, когда я разрешил тебе взять добровольцев, ты ушел, прихватив с со-
бой все мое войско, а меня оставил в полном одиночестве. И вот теперь

ты приносишь мне добычу, которую захватил с помощью моего войска, и умножаешь мои владения моею же силой. А я вроде бы и не причастен к этим успехам и, словно какая-нибудь женщина, предоставляю другим оказывать мне услуги. В глазах всех людей и в первую очередь в глазах этих моих подданных ты выступаешь настоящим мужчиной, а я — бездельником, не достойным власти. И это ты считаешь доброй услугой, Кир? 34
Знай, что, если бы ты хоть сколько-нибудь радел обо мне, ты более всего остерегался бы лишить меня почета и уважения. Что пользы от того, что владения мои расширяются, если на меня падает пятно бесчестья? Ведь до сих пор я властвовал над мидянами не потому, что я действительно был лучше их всех, а скорее потому, что они сами были убеждены в нашем полном превосходстве над ними.

Он еще не кончил своей речи, как Кир перебил его: 35

— Во имя богов, дядя, если я в чем-нибудь угодил тебе раньше, то и ты теперь уступи моей просьбе: перестань покамест упрекать меня. Прежде убедись, как мы относимся к тебе, и если станет тебе ясно, что все содеянное мною было совершено для твоего блага, то на любовь мою ответь любовью и признай во мне своего благодетеля, а если окажется наоборот, тогда уже попрекай.

— Что ж, — заметил Киаксар, — быть может, ты и прав; я так и 36
сделаю.

— Но тогда, — спросил Кир, — можно мне поцеловать тебя?

— Да, если ты хочешь.

— А ты не отвернешься от меня, как недавно?

— Нет, — сказал Киаксар, — не отвернусь.

И тогда Кир поцеловал его.

Как только мидяне, персы и остальные воины увидели это, — а их всех 37
беспокоило, к чему приведет эта встреча, — они тотчас же обрадовались и развеселились. Затем Кир и Киаксар сели на коней и двинулись вперед. Мидяне по знаку Кира последовали за Киаксаром, за самим Киром шли персы, а за ними все остальные. Когда все прибыли в лагерь и Киаксара 38
препроводили в убранный для него шатер, специальные слуги занялись приготовлением всего необходимого для мидийского царя. Все время до 39
ужина, пока Киаксар был ничем не занят, к нему приходили мидяне, одни по собственному побуждению, но большинство по указанию Кира, и подносили ему дары: тот — красивого виночерпия, другой — хорошего повара, третий — пекаря, четвертый — арфистку, пятый — чашу, шестой — красивое одеяние. Каждый, как правило, дарил ему хоть что-нибудь из своей добычи, так что Киаксар не думал уже теперь, как прежде, что Кир 40
собирался склонить мидян к отпадению от него или что мидяне оказывают ему меньше уважения, чем раньше.

Когда наступило время ужина, Киаксар позвал Кира и просил его 41
по случаю встречи впервые после долгой разлуки отужинать вместе с ним. Однако Кир отказался:

— Не приглашай меня, Киаксар, — сказал он. — Разве ты не понимаешь, что все эти воины, окружающие нас, находятся здесь по нашему

приглашению? Я поступил бы некрасиво, если бы, забыв о них, стал заботиться о собственных удовольствиях. Убеждение, что ими пренебрегают,
42 делает хороших воинов малодушными, а дурных — более наглыми[53]. Ты проделал долгий путь, и потому ужинай теперь спокойно. И если кто оказал тебе внимание, отнесись к таким, в свою очередь, приветливо и угости их, чтобы они больше не боялись тебя. А я пойду и займусь тем, о чем
43 я тебе говорил. Завтра рано утром, — сказал он в заключение, — сюда к твоим дверям явятся начальники отрядов, чтобы всем вместе посоветоваться с тобой о том, что нам делать дальше. Ты выйди и предложи нам тогда обсудить вопрос, надо ли дальше вести войну или уже настало время распустить войско.

44 После этого Киаксар отправился ужинать, а Кир собрал у себя тех из друзей, кто более всего был способен и обдумать и помочь совершить необходимое дело, и сказал им так:

— Друзья мои, с помощью богов мы теперь добились того, о чем давно мечтали: куда бы мы ни двинулись, везде теперь становимся хозяевами страны; мы видим, как силы врагов уменьшаются, а наши собственные воз-
45 растают и крепнут. Если союзники, ныне присоединившиеся к нам, пожелают и дальше оставаться вместе с нами, то мы, разумеется, сможем добиться еще большего успеха, будем ли мы действовать силою или убеждением. Но чтобы как можно большее число союзников согласились остаться, для этого вам надо потрудиться ничуть не меньше, чем мне. И как в сра-
46 жении самым отважным считается тот, кто одолеет наибольшее число врагов, так и в деле убеждения тот будет признан по справедливости самым красноречивым и деятельным, кто сумеет склонить наибольшее число людей к одному мнению с нами.

47 Не старайтесь, однако, о том, чтобы блеснуть перед нами красноречием, с каким вы будете обращаться к каждому из собеседников. Лучше позаботьтесь о том, чтобы люди, которых каждый из вас уговорит, делами
48 доказали свою добрую волю. Итак, — заключил он, — займитесь этим, а я постараюсь, насколько это в моих силах, устроить так, чтобы у воинов было все необходимое, прежде чем им придется решать вопрос о продолжении войны.

КНИГА ШЕСТАЯ

Глава 1

1 Так провели они этот день и, поужинав, легли спать. На следующий день рано утром все союзники[1] собрались к шатру Киаксара. Царь, услышав, какая большая толпа собралась у его дверей, стал одеваться для выхода, а в это время друзья подводили к Киру просителей: одни — кадусиев, которые умоляли его остаться, другие — гирканцев, третий — саков, четвертый — Гобрия, а Гистасп привел евнуха Гадата, который тоже умолял Кира остаться. Кир, конечно, знал, что Гадат давно терзается стра- 2
хом, как бы войско Кира не было распущено, и потому он с улыбкой обратился к нему:

— Ясно, Гадат, что это Гистасп убедил тебя думать так, как ты говоришь сейчас.

3 В ответ Гадат воздел руки к небу и поклялся, что вовсе не Гистасп убедил его в этом.

— Ведь я знаю, — сказал он, — что если вы уйдете, мое дело погибнет окончательно. Вот почему я сам заговорил с Гистаспом и спросил его, не знает ли он, как ты намерен поступить [относительно роспуска войска][2].

4 — Стало быть, — заметил Кир, — я несправедливо упрекаю нашего Гистаспа.

— Конечно, несправедливо, Кир, клянусь Зевсом, — воскликнул Гистасп. — Ведь я сказал Гадату только одно: что тебе нельзя продолжать поход, поскольку отец отзывает тебя обратно.

5 — Что ты сказал? — переспросил Кир. — Неужели ты посмел болтать об этом, даже не зная, хочу я того или нет?

— Конечно, клянусь Зевсом, — подтвердил Гистасп. — Ведь я вижу, как ты сгораешь от желания явиться в Персию в ореоле славы и рассказать отцу по порядку, как ты добился таких успехов.

— А ты разве не хочешь вернуться домой? — спросил его Кир.

— Нет, клянусь Зевсом, — отвечал Гистасп, — я не двинусь отсюда, но останусь и буду вести войну, пока не сделаю нашего Гадата владыкой над ассирийским царем.

6 Так они беседовали друг с другом, полушутя-полусерьезно. Но вот, наконец, из своего шатра вышел Киаксар, облаченный в торжественный

наряд, и уселся на мидийском троне. Когда собрались все, кто должен был присутствовать, и воцарилось молчание, Киаксар сказал:

— Доблестные союзники, так как я нахожусь среди вас и так как я старше Кира, то будет, пожалуй, справедливо, чтобы я и начал разговор. Я думаю, что сейчас как раз настал момент обменяться мнениями насчет того, стоит ли продолжать военные действия, или же пора распустить войско. Пусть каждый выскажется по этому поводу, как он думает.

7 После этого первым взял слово предводитель гирканцев.

— Доблестные союзники, — сказал он, — я не знаю, для чего нужны слова там, где сами дела подсказывают лучшее решение. Ведь мы все понимаем, что общими силами можем причинить неприятелям больше вреда, чем они нам. А когда мы все были порознь, они обращались с нами так, чтобы себе доставить как можно больше выгод, а нам — неприятностей.

8 За ним выступил предводитель кадусиев:

— Что касается нас, то нам едва ли пристало говорить о том, чтобы вернуться домой и расторгнуть союз, раз уже даже во время похода отделение от основных сил, как и следовало ожидать, не пошло нам на пользу [3]. Действуя в течение недолгого времени отдельно от остальной массы вашего войска, мы дорого заплатили за это, как, впрочем, вы и сами знаете.

9 После него слово взял Артабаз, тот самый, который некогда выдавал себя за родственника Кира:

— Я не согласен, Киаксар, с теми, кто говорил до меня, только в одном: они заявляют, что надо остаться для ведения войны, а я утверждаю,
10 что воевал именно тогда, когда был дома. Там мне часто приходилось спешить на помощь соплеменникам, когда враги грабили наше достояние, и столь же часто беспокоиться о наших крепостях, охраняя их от вражеских нападений, причем за все это я должен был расплачиваться собственными средствами. А теперь я сам владею чужими крепостями, не боюсь врагов, ем и пью за счет неприятелей. Таким образом, жизнь дома была военной службой, а нынешняя жизнь — сплошной праздник, и потому, — заключил он, — я вовсе не желаю роспуска этого торжественного собрания [4].

11 За ним выступил Гобрий:

— Что касается меня, доблестные союзники, то до сих пор я мог лишь восхищаться добросовестностью Кира, ибо он ни в чем не нарушал своих обещаний. Но если он теперь уйдет из нашей страны, то, ясно, ассирийский царь воспрянет духом, не понеся наказания за обиды, которые он пытался причинить вам и которые причинил мне. Зато меня он снова покарает, потому что я посмел стать вашим другом.

12 После них всех выступил Кир, который сказал:

— И мне, воины, также совершенно ясно, что если мы распустим войска, то наша мощь уменьшится, а силы врагов снова возрастут. Ведь те из них, у которых мы отобрали оружие, быстро обзаведутся новым, а те, кто лишился коней, тоже скоро приобретут себе других. На место погибших воинов заступят новые, молодые, так что не придется удивляться,
13 если очень скоро они снова смогут докучать нам. Отчего же тогда я по-

просил Киаксара обсудить вопрос о роспуске войска? Знайте, что я сде-
лал это из страха за будущее. Ибо я вижу, как к нам приближаются
враги, с которыми мы не сможем бороться, если будем продолжать войну
прежними методами. В самом деле, наступает зима, а кров, в лучшем 14
случае, есть у нас самих, но его, клянусь Зевсом, нет ни для лошадей,
ни для слуг, ни для массы простых воинов, без которых, однако, мы ни-
как не сможем продолжать войну. Что же касается продовольствия, то
там, где мы побывали, все запасы истощены, а куда мы не дошли, там
местные жители из страха перед нами уже свезли их в укрепленные места
с тем, чтобы самим пользоваться всем необходимым, а нам не оставить ни
крошки. Итак, я спрашиваю вас: кто настолько мужествен, настолько 15
силен, что сможет воевать, изнемогая в борьбе с голодом и холодом?[5]
Если мы будем воевать, как прежде, то, говорю я вам, лучше нам по доб-
рой воле окончить поход, чем быть принужденными к отступлению по-
неволе. Если же мы всерьез хотим продолжать войну, то я советую
сделать следующее: нам надо как можно скорее лишить неприятеля боль-
шей части его укреплений и одновременно создать для себя как можно
больше таких укрепленных пунктов. В этом случае продовольствия больше
будет иметь та сторона, которая успеет захватить и отложить на хранение
больше припасов, при этом блокаде подвергнутся именно те, которые ока-
жутся слабее. В настоящий момент мы ничем не отличаемся от плывущих 16
в море; эти последние тоже плывут и плывут, но пройденное ими про-
странство ничуть не становится для них роднее того, по которому они еще
не плыли. Однако, если в нашем распоряжении окажутся крепости, то
это лишит врагов власти над их же собственной страной, мы же обеспе-
чим себе большую безопасность. Быть может, кое-кого из вас пугает, что 17
придется нести сторожевую службу вдали от родины; но пусть это вас
не страшит. Мы сами, поскольку мы и так находимся вдали от своей
земли, обещаем вам сторожить пункты, ближе всего расположенные
к врагу, а вы захватывайте и осваивайте районы Ассирии, сопредельные
с вашими землями. Ведь если мы сумеем охранить пункты, находящиеся 18
вблизи от неприятелей, то вы, владея их дальними пределами, будете
в полной безопасности, ибо я уверен, что они не посмеют пренебречь бли-
жайшей опасностью ради более дальнего похода против вас.

Лишь только Кир закончил свою речь, как все присутствующие, не 19
исключая и самого Киаксара, стали подниматься и заявлять о своей го-
товности следовать этому плану; а Гадат и Гобрий вызвались даже, если
союзники изъявят на то свое согласие, построить [каждый][6] новую кре-
пость так, чтобы это тоже служило опорой союзникам. Под конец Кир, 20
видя, что все готовы выполнять его предложения, сказал:

— Если мы действительно хотим довести до конца то, что считаем
необходимым сделать, то нам надо поскорее раздобыть осадные орудия
для разрушения вражеских стен[7] и строителей для возведения своих
укреплений.

После этого Киаксар пообещал, что он сам позаботится об изготовле- 21
нии одной осадной машины, другую пообещали соорудить Гадат и Гобрий,

третью — Тигран. Сам же Кир заявил, что он постарается изготовить це-
22 лых две. Когда это было решено, каждый стал разыскивать мастеров и
заготовлять все необходимое для строительства машин. Для руководства
работами назначили специальных людей, которые казались наиболее под-
ходящими для такого дела.

23 Когда Кир убедился, что для всего этого понадобится довольно много
времени, он расположил войско в месте, которое, на его взгляд, было са-
мым здоровым для людей и самым доступным для подвоза необходимых
материалов. Он позаботился о том, чтобы укрепить все подступы, нуждав-
шиеся в защите, так чтобы часть войска, которой придется здесь оста-
ваться, была в безопасности, даже если бы он продвинулся с главными
24 силами далеко вперед. Кроме того, расспросив людей, наиболее, по его
мнению, знакомых с местностью, и узнав от них, где более всего можно
достать припасов для войска, он непрерывно выводил воинов для сбора
провианта, стремясь одновременно к тому, чтобы запасти для войска все
необходимое, чтобы его люди оставались здоровыми и крепкими благо-
даря непрерывным переходам и чтобы в походах при доставке провианта
они помнили о воинском порядке.

25 Итак, Кир был занят этими делами. Между тем из Вавилона от пере-
бежчиков и от пленных поступили одинаковые известия, что ассирийский
царь отправился в Лидию, взяв с собой на много талантов золотых и се-
ребряных денег, а также другие сокровища и разнообразные драгоцен-
26 ности. Простые воины сразу же стали говорить, что неприятель в страхе
уже вывозит свои богатства в безопасное место. Но Кир понимал, что
ассирийский царь отправился собирать против него новое войско, и по-
тому он энергично стал готовиться к встрече, убежденный, что сражения
не избежать. Он старался пополнить ряды персидской конницы[8], забирая
коней у пленных, а иногда получая их от друзей. Вообще он принимал
все необходимое от любого и не отвергал ничего, предлагал ли кто-нибудь
27 отличное оружие или коня. Кир также занялся оборудованием новых
колесниц, используя для этого колесницы, захваченные у врага или раздо-
бытые как-либо иначе. При этом он отказался от того способа использова-
ния колесниц, который был распространен прежде, во времена Троянской
войны[9], и которым еще и теперь пользуются киренцы[10]; ведь в старину
жители Мидии, Сирии, Аравии и вообще все азиатские народы пользо-
28 вались колесницами так, как теперь это делают киренцы. По его мнению,
при таком способе бесспорно лучшая часть войска — ибо на колесницах
сражались самые отборные воины — оказывалась на положении простых
зачинщиков сражения, не влияющих решающим образом на исход боя.
Ведь для трехсот колесниц требуется триста специальных бойцов, а вместе
с ними и тысяча двести лошадей; возничими у них служат, естественно,
самые надежные, самые храбрые люди; число этих последних, которые
ничем сами не чинят вреда неприятелю, тоже доходит до трехсот. Так
29 вот, Кир отказался от прежнего способа использования колесниц. Вместо
этого он соорудил новые боевые колесницы, с крепкими колесами, чтобы
они меньше ломались, и на длинных осях, потому что широкая повозка

меньше рискует перевернуться. Кузов для возничих он велел сделать, как
башню, из крепких досок. Высота его доходила до уровня локтей, так
чтобы можно было править лошадьми над кузовом. Возничих он одел
в панцири, закрывавшие все, кроме глаз. Затем он велел приделать желез- 30
ные серпы, примерно в два локтя длиною, к осям по обе стороны колес
и другие серпы — под осью, направленные вниз в землю, чтобы возничие
могли гнать колесницы прямо на врагов. Этим типом колесниц, который
тогда ввел Кир, пользуются еще и сейчас все народы, живущие во владе-
ниях персидского царя[11]. Было у Кира также и большое количество верб-
людов, собранных у дружески настроенных племен или захваченных
у врагов.

Вот какие меры были приняты Киром. Вместе с тем он хотел послать 31
какого-нибудь соглядатая в Лидию и узнать, что делает ассирийский
царь. Он решил, что для этой цели более всего подойдет Арасп, тот са-
мый, который сторожил прекрасную пленницу. С этим Араспом приклю-
чилась такая беда: он полюбил свою пленницу и, охваченный страстью,
стал уговаривать ее ответить взаимностью. Однако женщина ответила 32
отказом и оставалась верна своему мужу, которого она, невзирая на раз-
луку, любила всей душой. Все же она не пожаловалась на Араспа Киру,
не решаясь вносить раздор между друзьями.

Но когда Арасп, думая, что этим он поможет достижению желаемой 33
цели, стал угрожать женщине и заявил, что если она не уступит по доб-
рой воле, то сделает это по принуждению, тут уже пленница, боясь на-
силия, не стала больше скрывать, а послала своего евнуха к Киру с на-
казом все ему рассказать. Услышав обо всем, Кир посмеялся над бедою 34
того, кто хвалился, что он сильнее любви, и послав с евнухом Артабаза,
велел передать Араспу, что запрещает ему чинить насилие над столь знат-
ной женщиной, но не возражает, если тот попробует ее убедить. Артабаз, 35
придя к Араспу, выбранил его; напомнив, что женщина была доверена
ему лишь на временное попечение, он порицал его нечестие, неверность и
невоздержанность, так что под конец Арасп совершенно залился слезами
от горя; он готов был провалиться сквозь землю от стыда и умирал от
страха, как бы Кир не наказал его.

Узнав об этом, Кир пригласил его к себе и в разговоре с глазу на 36
глаз сказал:

— Я вижу, Арасп, что ты боишься меня и умираешь от стыда. Пере-
стань же мучиться. Я слышал, что даже боги покоряются любви[12], и знаю,
что́ терпят от любви люди, даже те, которых считают самыми разумными.
Я ведь и за собой замечал эту слабость, и я не уверен, что у меня хва-
тило бы сил при общении с красивыми людьми остаться к ним равнодуш-
ным. Вообще я сам виноват в твоей беде: ведь это я оставил тебя наедине
с такой неотразимой красавицей.

Однако Арасп, прервав его, возразил: 37

— Кир, ты и в этом случае остаешься таким же, как и всегда, — крот-
ким и снисходительным к человеческим слабостям, тогда как все остальные
повергают меня в совершенное уныние. Ведь с тех пор, как распростра-

нился слух о моем несчастье, враги злорадствуют по моему поводу, а друзья подходят и советуют мне удалиться куда-нибудь, чтобы не испытать тяжести твоего гнева, поскольку я совершил ужасное преступление.

38 — Послушай, Арасп, — сказал тут Кир, — но ведь благодаря такому общему мнению ты мог бы оказать мне большую услугу и сильно помочь нашим союзникам.

— Ах, если бы только было какое-нибудь дело, в котором я мог бы пригодиться тебе, — вздохнул Арасп.

39 — Вот, — продолжал Кир, — если бы ты согласился прикинуться перебежчиком и в таком виде явиться к нашим врагам, они, я думаю, совершенно поверили бы тебе.

— Еще бы, клянусь Зевсом, — заметил Арасп, — я уверен, что и друзья тогда стали бы говорить, что я бежал от тебя.

40 — Между тем, — заключил Кир, — ты мог бы вернуться к нам, разузнав все о врагах. Я думаю, что, поверив тебе, они сделали бы тебя участником всех своих бесед и замыслов, так что от тебя ничего бы не укрылось из того, что нам важно знать.

— Считай, что я уже отправляюсь, — воскликнул Арасп. — Ведь, очевидно, это послужит одним из средств внушить им доверие ко мне, если покажется, что я ускользнул от тебя как раз тогда, когда должен был подвергнуться наказанию.

41 — А сможешь ли ты покинуть прекрасную Панфею? — спросил Кир.

— Да, ведь у меня, Кир, целых две души[13], — отвечал Арасп. — Я дошел до этой премудрости с помощью хитрого софиста Эрота[14]. Ведь, несомненно, если бы душа была одна, она не могла бы быть одновременно хорошей и дурной, стремиться в одно и то же время к делам прекрасным и постыдным, одновременно хотеть и не хотеть что-либо сделать. Ясно, что есть две души, и когда сильнее хорошая, то человек совершает прекрасные поступки, а когда сильнее дурная — постыдные. У меня теперь сильнее хорошая душа, и намного сильнее, ибо она получила в союзники тебя.

42 — В таком случае, — сказал Кир, — если ты согласен отправиться, надо сделать так, чтобы ты внушил врагам как можно больше доверия. Поведай им также о наших секретах, но поведай так, чтобы твои сообщения стали им наибольшей помехой в затеянных предприятиях. Такой помехой было бы, например, сообщение о том, что мы готовим вторжение в один из районов их страны. Услышав об этом, они едва ли смогут собрать все свои силы в одно место, ибо каждый в особенности будет бояться
43 за свой дом и своих близких. Оставайся у них как можно дольше. Ведь нам будет особенно полезно узнать, что станут они делать, когда окажутся вблизи нашего войска. Ты можешь даже посоветовать им, какой боевой порядок является наилучшим. Ведь когда ты решишь, что достаточно знаком с их боевым построением, и покинешь их лагерь, им все равно придется выстраиваться как прежде. Переменить строй они не решатся, а если все-таки и начнут перестраиваться, то немедленно будут приведены в смятение.

Получив такие наставления, Арасп простился с Киром и, взяв с собой самых преданных слуг и поведав кое-кому то, что считал полезным для дела, покинул лагерь. 44

Когда Панфея услышала об исчезновении Араспа, она послала к Киру сказать: 45

— Не огорчайся, Кир, что Арасп ушел к врагам. Если ты позволишь мне послать гонца к моему мужу, ручаюсь тебе, ты приобретешь друга, гораздо более верного, чем Арасп. Я уверена, что он явится к тебе со всем своим войском, какое только сможет взять с собой. Отец нынешнего ассирийского царя был в дружбе с моим мужем, но нынешний правитель, напротив, пытался даже разлучить меня с супругом. Я убеждена, что муж мой видит в нем обидчика и потому с радостью захочет присоединиться к такому вождю, как ты.

Выслушав это, Кир велел ей послать гонца к ее супругу, и она послала. Как только Абрадат узнал условный знак, посланный ему от жены, и выслушал все, что она просила передать ему, он с радостью отправился к Киру, захватив с собой около тысячи всадников. Подъехав к сторожевым постам персов, он объявляет, кто он такой, и просит передать Киру. 46
А Кир сразу же велит отвести его в шатер жены. Лишь только муж и жена завидели друг друга, как бросились в объятия, охваченные вполне понятной радостью встречи, на которую трудно было надеяться. Затем Панфея рассказала мужу о благочестивом поведении Кира, о его скромности, о сочувствии, проявленном по отношению к ней. Выслушав ее, Абрадат сказал: 47

— Что должен я сделать, Панфея, чтобы отблагодарить Кира и за тебя и за себя?

— Только одно, — отвечала Панфея, — постарайся быть по отношению к нему таким, каким он был по отношению к тебе.

После этого Абрадат направился к Киру. Подойдя к нему, Абрадат схватил его за руку и воскликнул: 48

— За все то доброе, что ты сделал для нас, Кир, я могу предложить тебе только одно: располагай мною полностью как другом, слугой и союзником. Отныне я буду стараться быть для тебя, насколько только смогу, лучшим помощником во всех предпринимаемых тобой делах.

— Я принимаю твое предложение, — отвечал ему Кир. — Впрочем, сейчас я отпускаю тебя, чтобы ты мог поужинать с женой, но впредь ты должен будешь обедать у меня вместе с нашими общими друзьями. 49

Вскоре Абрадат заметил, что усердно занимается Кир устройством серпоносных колесниц и снаряжением одетых в панцири всадников и коней. Тогда он тоже решил снарядить для Кира за счет своей конницы около сотни подобных же колесниц, причем он лично собирался взойти на колесницу, чтобы возглавить этот отряд. Абрадат распорядился снарядить для себя колесницу о четырех дышлах, которую запрягли восьмеркой лошадей [15]. [А его жена Панфея из своих денег сделала для него золотой панцирь, золотой шлем и такие же налокотники] [16]. Коней, запряженных в колесницу, он одел в сплошную медную броню. 50 51

52 Меж тем как Абрадат был занят этими приготовлениями, Кир увидел его колесницу о четырех дышлах, ему пришло в голову, что мо́жно соорудить повозку даже и с восьмью дышлами, чтобы восьмью парными упряжками быков можно было вести платформу с боевой машиной. Это сооружение было примерно в три оргии высотой, считая от самого низа вместе
53 с колесами[17]. Кир полагал, что подобного рода башни, следуя за строем воинов, могли оказать большую поддержку его фаланге и причинить великий вред построению врагов. Он соорудил на верху платформ круговые
54 галереи с зубцами и посадил на каждую башню по двадцать воинов. Когда с башнями все было готово, он испробовал их вес и оказалось, что восемь парных упряжек везут такую башню с посаженными на нее людьми гораздо легче, чем каждая упряжка в отдельности везет свой обычный груз. Ведь вес клади для одной упряжки достигал двадцати пяти талантов[18], между тем как совокупный вес башни, сооруженной из брусьев такой же толщины, как театральные подмостки, вместе с весом двадцати вооруженных воинов оказывался таким, что на каждую упряжку приходилось ме-
55 нее пятнадцати талантов[19]. Как только Кир убедился в легкости передвижения этих башен, он немедленно стал готовить их к выступлению вместе со всем войском, полагая, что на войне любое преимущество — одновременно и спасение, и справедливость, и счастье[20].

Глава II

1 В это время явились и послы от индийского царя[21], которые привезли с собой деньги, и сообщили Киру, что царь их велит передать ему следующее: «Я рад, Кир, что ты поставил меня в известность о своих нуждах; я хочу быть твоим гостеприимцем[22] и посылаю тебе деньги, а если ты еще в чем-нибудь нуждаешься, сообщи мне об этом. Моим послам поручено исполнить любое твое приказание».

2 Выслушав это послание, Кир сказал:

— В таком случае я прошу вас всех оставаться там, где вы разбили свои шатры, стеречь деньги и жить в свое удовольствие. Но трое из вас пусть отправятся к нашим врагам под видом послов, явившихся от индийского царя для переговоров о союзе. Разузнав там все, что враги говорят и делают, сообщите об этом как можно скорее мне и вашему царю. Если вы справитесь отлично с этим поручением, то я буду благодарен вам за это еще больше, чем за то, что вы привезли с собой деньги. Ведь наши лазутчики, переодетые рабами[23], не могут разузнать и сообщить больше того, что известно каждому. А люди, подобные вам, зачастую могут разведать даже самые сокровенные замыслы врагов.

3 Индийцы с удовольствием согласились и, после дружеского приема у Кира, уже на следующий день собрались и отправились в путь, пообе-

щав непременно разузнать как можно больше вражеских секретов и в кратчайший срок вернуться обратно.

Тем временем Кир вел широкую подготовку к войне, действуя во всех 4
отношениях как человек, замысливший отнюдь не малое дело. При этом он не только заботился о выполнении решений союзников, но и старался внушить им всем дух взаимного соревнования, чтобы все они стремились выглядеть лучше других вооруженными, старались показать себя лучшими наездниками, искуснейшими метателями копья и стрелками из лука, прилежными и трудолюбивыми воинами. Чтобы добиться этого, он часто во- 5
дил их на охоту и отличал лучших в том или ином отношении. Равным образом если он видел, что командиры отрядов также стараются, чтобы их воины были лучшими, то он и этих командиров поощрял, одаряя похвалой и угождая им, чем только мог. А когда он устраивал какое-либо жерт- 6
воприношение и справлял праздник, то и в этом случае он проводил состязания во всех видах военных упражнений, какие известны людям, и победителям раздавал великолепные призы, так что все войско было охвачено радостным возбуждением.

Наконец, у Кира было уже почти все подготовлено из того, что он 7
хотел взять с собой в поход, кроме осадных машин. Персидские всадники были доведены числом до десяти тысяч; количество серпоносных колесниц, которые оборудовал сам Кир, было доведено до ста, и равным образом было доведено до ста количество тех колесниц, которые решил оборудовать по типу Кировых сузиец Абрадат. Кир уговорил также Киаксара 8
переделать мидийские колесницы и изменить их тип с троянского и ливийского[24] на нынешний, персидский; их число также было доведено до ста. Затем были определены лучники к верблюдам — по два на каждый. В результате всего этого подавляющая масса воинов прониклась уверенностью, что войну они уже выиграли и что силы врагов не заслуживают того, чтобы принимать их в расчет.

Таково было настроение в войске, когда явились из вражеского стана 9
те индийцы, которых Кир послал на разведку. Они рассказали, что вождем и командующим всех вражеских сил избран Крез, и что всеми союзными царями принято решение, чтобы каждый явился на войну со всем своим войском и внес огромную сумму денег, которые должны быть использованы для найма воинов где только возможно и для раздачи подарков кому понадобится. Уже навербовано множество фракийцев, вооружен- 10
ных длинными мечами[25], и плывут на помощь египтяне[26], числом, как рассказывали, до ста двадцати тысяч, все вооруженные продолговатыми, прикрывающими ноги щитами, длинными копьями, какими они пользуются и поныне, и мечами[27]. Кроме того, ожидается войско киприотов и уже явились все киликийцы, фригийцы из обеих Фригий, ликаонцы, пафлагонцы, каппадокийцы, арабы, финикийцы и вместе с правителем Вавилона ассирийцы[28]. Равным образом принуждены следовать за Крезом ионийцы, эолийцы и почти все другие эллины, живущие в Азии[29]. Крез даже отправил послов в Лакедемон для переговоров о союзе[30]. Вражеское войско со- 11
бирается у реки Пактола[31], а затем оно намерено выступить в Фимбрары[32],

которые и поныне служат сборным пунктом для подвластных персидскому царю варваров, которые населяют приморские области [Сирии][33]; туда же велено всем доставлять продовольствие для продажи воинам. Примерно то же самое рассказывали и пленные. Ведь Кир позаботился и о захвате языков, от которых он рассчитывал получить нужные сведения. Посылал он также и лазутчиков, переодетых рабами, [под видом перебежчиков][34].
12 Когда воины Кира услышали об этих новостях, их охватила вполне понятная тревога. Они расхаживали теперь тихие и молчаливые, на лицах их не было заметно радости, они собирались кружками и повсюду было полно людей, ведущих расспросы и переговаривающихся друг с другом.

13 Как только Кир услышал о страхах, распространившихся в войске, он тут же созвал командиров отрядов и вообще всех, чье уныние могло, повидимому, принести войску вред, а бодрость, наоборот, — пользу. Он велел гиперетам не препятствовать, если и другой кто-либо из вооруженных воинов захочет подойти и послушать предстоящий разговор. Когда все собрались, он сказал так:

14 — Доблестные союзники, я созвал вас лишь потому, что заметил, как некоторые из вас, когда пришли вести из стана врагов, стали проявлять все признаки чрезвычайного испуга. По-моему, это просто странно: оттого, что враги собираются для похода, иные из вас впадают в панику, а что нас собралось гораздо больше, чем тогда, когда мы побили их в первый раз, и что с помощью богов мы подготовились сейчас гораздо лучше, чем
15 прежде, — это все не придает вам никакой уверенности. Скажите же мне, ради богов, как бы вы тогда поступили, — вы, которых нынче обуял страх, — если бы вам кто-либо донес, что те самые силы, которые теперь находятся в нашем распоряжении, идут походом против нас? И при этом, — продолжал Кир, — вы услышали бы сначала, что те самые, которые прежде победили вас, снова выступают в поход, воодушевленные победой, которую они тогда одержали. Если бы вы узнали далее, что воины, которые тогда свели на нет все усилия лучников и метателей дротиков, снова идут на вас и с ними другие, подобные им, но гораздо более много-
16 численные? Мало того, вы узнали бы, что подобно своим пехотинцам, которые тогда, выступив в тяжелом вооружении, побили нашу пехоту, всадники их идут против нашей конницы, тоже переменив оружие: они оставили луки и дротики, а вместо этого каждый взял одно крепкое копье и
17 намерен скакать вперед и драться врукопашную. Кроме того, вы услышали бы, что с ними идут колесницы, которые не будут стоять, как прежде, повернувшись и изготовившись для бегства. Кони, запряженные в эти колесницы, одеты в броню, возничие стоят на них, словно в деревянных башнях, и тела их, возвышающиеся над кузовом, сплошь закрыты панцирями и шлемами, а по окружности у осей приделаны железные серпы, чтобы
18 можно было гнать эти колесницы прямо на вражеские ряды. Вдобавок вам стало бы известно, что у них есть еще и верблюды с посаженными на них воинами. При виде одного такого верблюда не устоит и сотня коней. Помимо этого, они везут с собой башни, с которых они смогут прикрывать своих воинов, а вас расстреливать и мешать вам вести бой с их пехотою.

Так вот, если бы кто-нибудь вам донес, что все эти силы находятся в распоряжении врагов, то как бы вы тогда поступили, — вы, которых теперь обуял страх? А между тем вы всего-навсего узнали, что командующим вражеских войск выбран Крез, который оказался трусливее даже сирийцев: эти последние бежали, побежденные в битве, а Крез вместо того, чтобы помочь союзникам, умчался прочь, лишь только заметил, что они терпят поражение. Кроме того, стало известно, что даже сами враги не считают себя достаточно сильными для борьбы с вами; они нанимают теперь других, поскольку те, очевидно, будут сражаться за них лучше, чем они сами. Но если кого-нибудь, несмотря на все это, силы врагов все же устрашают, а наши собственные — кажутся ничтожными, то таких людей, заявляю я вам, воины, лучше просто отослать к неприятелю: будучи там, они принесут нам гораздо больше пользы, чем находясь здесь. 19 20

Когда Кир кончил свою речь, встал перс Хрисант и сказал так: 21

— Не удивляйся, Кир, что некоторые из нас помрачнели, услышав подобные известия. Не от страха они пришли в такое состояние, а от огорчения. Ведь это все равно, — продолжал он, — как если бы ты хотел и уже собирался позавтракать, а тут вдруг сообщают о деле, которое надо выполнить до завтрака, — никто, я думаю, не был бы обрадован таким известием. Точно так же и мы рассчитывали теперь понежиться в роскоши, а когда услышали, что осталось еще одно дело, которое надо выполнить, все сразу помрачнели, но не от страха, а потому что хотели, чтобы и это дело давно уже было сделано. Тем не менее, поскольку теперь нам предстоит борьба не только за Сирию, где много хлеба, где есть овцы и плодоносные пальмы [35], но и за Лидию, где много вина, много смокв, много масла [36], где плещется море, по которому доставляется больше добра, чем ты можешь себе вообразить, — сознавая это, мы более не сокрушаемся, но, наоборот, загораемся новой отвагой, стремясь поскорее отведать и этих лидийских благ. 22

Так сказал Хрисант, а все союзники восприняли его слова с удовольствием и одобрением.

— В таком случае, воины, — снова заговорил Кир, — я думаю, надо как можно скорее двинуться на врагов, чтобы по возможности первыми достичь того места, где для их войск заготовляется провиант. Кроме того, чем быстрее мы совершим наш поход, тем меньше готовых войск мы застанем у врагов, тем больше всего им еще будет недоставать. Я, по крайней мере, держусь такого мнения, а если кто-нибудь думает, что есть какой-либо иной образ действия для нас, более надежный или более легкий, то пусть выскажется. 23 24

После этого многие высказались в поддержку мнения Кира, что надо как можно скорее двинуться в поход на врагов. Никто не возражал и тогда Кир вновь выступил с такой речью:

Доблестные союзники, наши души, тела и оружие, которым нам предстоит сражаться, давно уже с помощью богов приведены в надлежащую готовность. Теперь нужно заготовить припасы на дорогу для нас самих и для наших четвероногих помощников не менее чем на двадцать дней. 25

По моим подсчетам, нам предстоит идти более пятнадцати дней по местам,
где мы не найдем никаких припасов, ибо они здесь частью собраны и
26 увезены нами, а частью — врагами, насколько это было в их силах. По-
этому прежде всего надо заготовить достаточное количество хлеба, потому
что без него мы не сможем ни сражаться, ни вообще жить. Что же каса-
ется вина, то каждому следует взять с собой столько, сколько необходимо,
чтобы постепенно привыкнуть обходиться одною водою. Ведь на значи-
тельной части пути нам неоткуда будет раздобыть вино, и потому, даже
если бы мы запаслись большим его количеством, нам все равно его не хва-
27 тит. Поэтому для того, чтобы мы, оказавшись без вина, не стали бы не-
ожиданно жертвами какой-либо хвори[37], надо сделать так: начнем нынче же
запивать наш хлеб водой; поступая уже теперь таким образом, мы не
28 подвергнем себя слишком большой перемене. Ведь всякий, кто питается
ячменным хлебом, всегда ест эти лепешки, размягчив водою; тот, кто
питается пшеничным хлебом, также ест этот хлеб, смочив водою; ну,
а все, что варится, всегда приготовляется с большим количеством воды.
Словом, если мы будем пить вино только после еды, то душа наша по
29 этой причине будет испытывать наслаждения ничуть не меньше. Затем
надо будет постепенно уменьшать и эту послеобеденную порцию вина до
тех пор, пока мы незаметно для себя не привыкнем пить одну воду. Ведь
постепенное изменение условий позволяет любой натуре выдерживать ко-
ренные перемены. Этому учит нас и божество, которое, чтобы мы могли
перенести перемену, дает нам возможность постепенно перейти: от зимы —
к жаркому лету и от лета — к суровой зиме[38]. Нам следует взять с него
пример и, постепенно приучая себя, дойти до того состояния, которое нам
30 все равно надо достигнуть. Затем, вместо подстилок возьмите на такой же
вес необходимых припасов; ведь их излишек никогда не помешает.
Не бойтесь, что, лишившись своих ковров, вы будете спать с меньшим
удовольствием; если так случится, я готов буду принять ваши упреки.
Напротив, если у кого есть лишняя одежда, то она будет весьма кстати
31 и здоровому и больному. В качестве закуски надо взять с собой все, что
есть острого, пряного и соленого; эти вещи вызывают аппетит[39] и их на-
долго хватает. Когда же мы вступим в неразоренные земли, где наверняка
можно будет раздобыть зерно, тут уже сразу надо будет обзавестить руч-
ными мельницами, с помощью которых можно будет намолоть для себя
муки. Эти мельницы — самые легкие из орудий, служащих для приготов-
32 ления хлеба[40]. Следует запастись также и теми средствами, в которых
люди нуждаются при болезни. Вес их ничтожен, а между тем, если слу-
чится такая беда, без них не обойдешься. Надо взять с собой также ремни.
Ведь все и на людях и на лошадях привешивается по большей части рем-
нями. Когда они перетираются и рвутся, приходится стоять без дела, если
только нет запасных гужей[41]. Затем, тому, кто умеет выстрогать копье,
33 хорошо бы не забыть взять с собою скобель. Хорошо также захватить
с собой напильник. Ведь тот, кто натачивает острие копья, одновременно
оттачивает и душу свою, ибо у кого копье наточено, тому как-то стыдно
оказаться трусом. Следует также прихватить с собой побольше досок для

починки колесниц и повозок, потому что при частом использовании многие из них непременно выходят из строя. Для всего этого надо взять с собой 34
также необходимые инструменты. Ведь нужные мастера не будут нам попадаться повсюду, между тем очень немного таких, кто не смог бы сам починить что-либо, чтобы хватило по крайней мере на день. Следует взять также на каждую повозку по заступу и кирке, а на каждое вьючное животное — по топору и серпу. Эти орудия и каждому в отдельности полезны, и часто они приносят большую пользу всему войску[42]. Вам, командиры во- 35
оруженных воинов, следует проверить у своих подчиненных запасы необходимого провианта. Нельзя допустить, чтобы у кого-нибудь не хватало чего-либо, ибо нехватка эта обернется против нас самих. А что по моему приказу надлежит разместить на вьючных животных, это проверьте вы, начальники обозной прислуги, и тех, кто отлынивает от погрузки, заставьте полностью уложить багаж. Далее, вы, начальники дорожных рабочих, возь- 36
мите у меня списки тех, кто за непригодностью исключен из числа метателей дротиков, стрелков из лука и пращников. Исключенных из числа метателей дротиков надо будет на время похода снабдить рабочими топорами, бывших лучников — кирками, а бывших пращников — заступами. С этими инструментами пусть они идут, разделенные по илам[43], перед повозками, с тем чтобы, если понадобится где-либо исправить дорогу, вы сразу могли ввести их в дело, и чтобы я сам в случае необходимости знал, откуда мне взять людей для такой работы. Я возьму с собой также куз- 37
нецов, плотников и кожевников, всех в возрасте, пригодном для военной службы, и всех с необходимыми инструментами, чтобы, если возникнет у войска нужда в мастерах такого рода, все они были под рукой. Эти мастера будут освобождены от участия в боевом построении, однако, исполняя за плату для любого желающего искусную работу, они будут делать как раз то, что надо[44].

Возможно, и кое-кто из купцов последует за войском с намерением 38
что-либо продать[45]. Так вот, если он попадется на продаже чего-либо в те первые дни, на которые воинам велено взять провиант, то он лишится всего, но когда пройдет этот срок, пусть продает что угодно. Более того, кто из купцов предоставит для продажи больше товаров, тот удостоится даров и почести и от союзников и от меня лично. А если у кого- 39
либо из купцов, как он считает, не хватает денег на закупку товаров, то пусть представит мне людей, которые его знают и поручатся, что он отправится с войском, и тогда он получит от нас все необходимое. Таковы мои распоряжения. А если кто знает еще что-нибудь полезное, пусть мне укажет на это. Вы все теперь идите и собирайтесь в дорогу, а я совершу 40
жертвоприношение по случаю нашего выступления. Как только знамения окажутся благоприятными, мы подадим сигнал. Всем воинам надлежит тогда в установленный час явиться к своим командирам вместе с положенным запасом необходимых вещей. Что же касается вас, командиры, то пусть 41
каждый наведет порядок в своем отряде и потом сходитесь к моему шатру, чтобы каждому узнать о своем месте в строю.

Глава III

1 Выслушав все это, они занялись сборами в дорогу, а Кир начал совершать жертвоприношение. Поскольку жертвы дали благоприятные знамения, он тут же выступил со всем войском. В первый день он разбил лагерь как можно ближе от исходных позиций для того, чтобы любой мог вернуться туда, если он что-либо забыл, и запастись там, если он обнаружил
2 у себя нехватку чего-нибудь. Киаксар с третью мидийского войска остался в тылу, с тем чтобы не оголять совершенно собственные владения, а Кир как можно скорее двинулся вперед. Во главе колонны он поставил всадников, а перед ними каждый раз выдвигал на удобные для обозрения пункты разведчиков и наблюдателей. Вслед за конницей он поставил обозы, причем там, где место было ровным, одновременно двигалось несколько рядов повозок и вьючных животных. Позади шла фаланга пехоты, и если какая-либо часть обоза отставала, оказывавшиеся на месте командиры принимали
3 меры к тому, чтобы движение не задерживалось. Если же дорога сужалась, то обозы помещались в середину колонны, а по бокам шли вооруженные воины, и если возникала какая-либо помеха, то находившиеся рядом воины немедленно принимали меры к ее устранению. Все таксисы шли по большей части рядом со своими обозами, ибо всем погонщикам было приказано на походе держаться возле своих таксисов, если только не помешает какая-
4 либо случайность. Погонщик, везший багаж таксиарха, ехал во главе обоза, держа значок, известный людям его таксиса. Таким образом они двигались сомкнутой колонной и все старались, чтобы их обозные не отстали. При таком порядке движения людям не надо было искать друг друга, все находилось налицо и в полной сохранности и воины скорее могли получить все необходимое.

5 Между тем шедшие впереди разведчики заметили на равнине людей, которые, как им показалось, собирали сено и дрова. Они приметили также вьючных животных, одни из которых, очевидно, увозили собранное, а другие просто паслись на траве. Вглядываясь вдаль, они могли также заметить подымавшийся вверх столб дыма или пыли. Из всего этого они почти с уверенностью заключили, что где-то поблизости находится вражеское
6 войско. Поэтому скопарх[46] тотчас отправил одного из своих людей сообщить обо всем Киру. Тот, выслушав, велел им всем оставаться на своих постах и немедленно докладывать, если заметят что-либо новое. Одновременно он выслал вперед таксис всадников и приказал им захватить кого-нибудь из рассыпавшихся по равнине людей, чтобы можно было
7 точнее разобраться в обстановке. Отряженные для этой цели всадники двинулись вперед, а остальное войско по приказу Кира тут же расположилось на стоянку, чтобы воины успели приготовить себе все, что он считал необходимым, до того как войти в соприкосновение с врагом. Он велел передать, чтобы они прежде всего позавтракали, а затем оставались в строю
8 и дожидались новых приказаний. Когда все позавтракали, Кир пригласил к себе командиров конных и пеших отрядов, предводителей отрядов колесниц, начальников боевых машин, а также людей, заведовавших вьючными

животными и повозками. Все эти приглашенные стали сходиться к его шатру. Между тем всадники, спустившись в долину, схватили и привели 9
нескольких пленников. На вопросы Кира захваченные отвечали, что они вышли из своего лагеря и, миновав передовые посты, ушли вперед, кто за фуражом, а кто за дровами, потому что из-за огромности их войска во всем ощущается нехватка. Выслушав их, Кир спросил: 10

— А как далеко отсюда находится ваше войско?

— Примерно в двух парасангах [47].

Тогда Кир снова спросил:

— А о нас что-нибудь говорили в вашем войске?

— Свидетель Зевс, — отвечали те, — и даже много, а главное, что вы уже совсем близко.

— И что же, — спросил Кир, — ваши воины обрадовались, услышав об этом?

Кир задал такой вопрос специально ради присутствующих командиров. А пленники отвечали:

— Нет, свидетель Зевс, наши люди отнюдь не радовались, а скорее даже опечалились.

— Ну, а теперь, — спросил снова Кир, — чем они заняты? 11

— Выстраиваются в боевой порядок, — отвечали те. — Они и вчера и третьего дня делали то же самое.

— А кто же их выстраивает? — поинтересовался Кир.

Пленники отвечали:

— Сам Крез и вместе с ним какой-то эллин и еще один мидянин, о котором, правда, говорят, что он бежал от вас [48].

— О Зевс Величайший, — воскликнул при этом известии Кир, — если бы мне удалось заполучить его так, как я хочу [49].

12 После этого Кир велел увести пленных, а сам повернулся к присутствующим, чтобы начать разговор, как вдруг появился другой посланец от скопарха с вестью, что на равнине показался большой отряд конницы. «Мы полагаем, — сказал посыльный, — что они скачут с намерением рассмотреть наше войско. К тому же перед этим отрядом несутся, вырвавшись вперед, еще примерно тридцать всадников, — эти уже прямо на нас; наверное, хотят, если удастся, захватить наш пост, а нас на этом посту всего лишь один десяток». Немедленно Кир приказал части всадников, 13
составлявших всегда его свиту [50], скакать к подножию холма, где находился пост, и незаметно от врагов стать там в засаду.

— Как только десяток наших разведчиков покинет пост, — продолжал Кир, — вы выйдете из засады и нападете на врагов, взбирающихся на холм. Я позабочусь о том, чтобы вас не тревожили всадники из большого отряда. Для этого ты, Гистасп, возьми свою тысячу всадников и скачи прямо навстречу вражескому отряду. Однако ни в коем случае не гонись за ними в глубь неизвестной местности; продвинься ровно настолько, чтобы обеспечить за собой сохранение наблюдательных постов. И еще: если кто-нибудь устремится вам навстречу, подняв вверх правую руку, примите таких людей, как своих друзей [51].

14 Гистасп пошел готовиться к выступлению, а гипереты Кира тотчас
устремились вперед, как он приказал. На пути им встретился — уже по
сю сторону наблюдательных постов — посланный Киром соглядатай со
своими слугами, тот самый, который ранее был стражем сузианской плен-
15 ницы. Как только Кир услышал об этом, он вскочил со своего места и,
устремившись навстречу пришельцу, крепко пожал ему руку. Прочие, есте-
ственно, как люди непосвященные, были поражены таким зрелищем и не
могли оправиться от изумления до тех пор, пока Кир не сказал:

— Друзья мои, к нам вернулся замечательный человек. Теперь уже
всему миру надлежит знать о его подвиге. Ведь он ушел от нас не потому,
16 что поддался дурному соблазну, и не из страха передо мной; он был
послан мною, чтобы разведать силы врагов и доставить нам о них точные
сведения. Что касается меня, Арасп, то я помню о данных тебе обещаниях
и достойно отблагодарю тебя при содействии всех этих людей. Вам всем,
воины, надлежит почитать его как достойного мужа. Ведь ради нашего
блага он подвергался опасности и взял на себя вину, которой страшно
тяготился.

17 Тут все стали обнимать Араспа и пожимать ему руку, пока Кир не сказал, что приветствий, пожалуй, довольно.

— А теперь, Арасп, — попросил он, — расскажи нам о том, что нам важно знать. При этом не умаляй и не приуменьшай силы врагов вопреки правде. Лучше ожидать встречи с сильным противником и натолкнуться на более слабого, чем, наслышав о слабости неприятеля, обнаружить его более сильным.

18 — Конечно, — отвечал Арасп, — я сделал все, чтобы как можно точнее определить силы врагов; для этого я даже сам принимал участие в построении их войска.

— Стало быть, — заметил Кир, — ты знаешь не только их количество, но и боевой порядок.

— Ну, что касается меня, — сказал Арасп, — то, клянусь Зевсом, я знаю даже то, как они намерены вести битву.

— Тем не менее, — попросил Кир, — ты сначала назови нам их общее число.

19 — Так вот, — отвечал Арасп, — они все, и пешие и конные, кроме египтян, выстраиваются по тридцать рядов в глубину и занимают около сорока стадиев[52]. Уж я приложил все силы, чтобы выяснить, какое пространство занимает их армия.

20 — А как построены египтяне? — спросил Кир. — Ведь ты сказал: кроме египтян.

— Этих мириархи выстраивали так: каждый десятитысячный отряд по сто человек в ширину и глубину. Такой порядок построений, заявили они, принят у них на родине, и Крез, хотя и очень неохотно, согласился, чтобы они строились таким образом. Крезу-то хотелось, чтобы их войско своим протяжением по фронту как можно больше превосходило твою армию.

— А для чего ему надо это? — поинтересовался Кир.

— Для того, клянусь Зевсом, — отвечал Араеп, — чтобы окружить тебя превосходящими силами.

— Однако, — заметил Кир, — он, должно быть, не знает, что совершающие обходной маневр сами могут быть окружены.

Но мы уже услышали от тебя то, что нам важно было узнать. Вам 21
всем теперь, воины, надлежит поступить так: сейчас, как только разойдетесь отсюда, тщательно осмотрите снаряжение ваших коней и оружие. Ведь зачастую какой-нибудь ничтожный недостаток может вывести из строя и воина, и коня, и колесницу. А завтра рано утром, пока я буду приносить жертвы, первым делом надо будет накормить наших людей и задать корма лошадям, чтобы, какую бы задачу ни пришлось выполнять, нам не надо было думать о еде. Затем ты, Арсам, ‹займи со своими воинами левое крыло, а ты, Хрисант,› — правое, которое ты и сейчас занимаешь[53], и прочие мириархи пусть займут те места, которые они занимают сейчас. Ведь когда начинается состязание, некогда перепрягать коней в колеснице. Передайте затем приказ таксиархам и лохагам занять свои места в фаланге, построив каждый лох по два бойца в ряд[54] (А каждый лох состоял из двадцати четырех воинов).

Но тут один из мириархов сказал: 22

— Неужели, Кир, по-твоему, построенные таким образом, мы сможем противостоять столь глубокой фаланге неприятеля?

— А как по-твоему, — отвечал ему Кир, — на что способна фаланга со столь глубоким построением, при котором воины, стоящие позади, уже не могут достать своим оружием врага? Может ли она причинить вред
неприятелю или помочь своим? Я предпочел бы, — продолжал Кир, — 23
чтобы эти их гоплиты, построенные сейчас по сто рядов в глубину, были выстроены в десять тысяч рядов; тогда нам пришлось бы сражаться с горсткой людей. Между тем при той глубине, которую я придаю нашей фаланге, она, я убежден, вся целиком будет в деле и сможет постоять
за себя. За воинами, одетыми в панцири, я поставлю метателей дротиков, 24
а за метателями дротиков — лучников. В самом деле, как их ставить первыми, когда они сами признают, что не выдержат никакого рукопашного боя? А если впереди будет заслон из воинов, одетых в панцири, то они выстоят и, кидая дротики и стреляя из лука через головы впереди стоящих, непременно причинят урон неприятелям. И насколько каждый из них навредит врагу, настолько он, без сомнения, тем самым облегчит положе-
ние своих. Последними я поставлю тех, кого называют арьергардом. Ведь 25
как от жилища нет проку, если нет у него надежной каменной кладки и кровли, так и от фаланги не будет никакой пользы, если в первых и по-
следних рядах ее не будут стоять хорошие воины[55]. Итак, вы[56] первыми 26
построите своих людей согласно моему приказу. За ними вы, командиры пельтастов[57], выстраивайте в таком же порядке свои лохи, а за пельтастами
вы, командиры лучников, таким же образом — свои. Ты же, начальник 27
арьергарда, займи место позади их всех и передай наказ своим людям зорко следить за впереди стоящими, ободрять тех, кто выполняет свой долг, сдерживать угрозами малодушных и карать смертью всякого, кто

вознамерится, повернув тыл, совершить предательство. Ведь долгом впереди стоящих является ободрять и словом и делом тех, кто следует за ними, между тем как вам, стоящим позади всех, надлежит вселять в трусов
28 больше страха, чем его внушают враги. Таковы наши задачи. Ты же, Евфрат, командующий воинами на передвижных башнях, позаботься о том, чтобы упряжки, везущие эти башни, следовали вплотную за фалан-
29 гой. А ты, Даух, начальствующий над обозами, веди свое воинство сразу за этими башнями; и пусть твои гипереты сурово наказывают тех погон-
30 щиков, которые слишком забегут вперед или отстанут. Ты же, Кардух, начальствующий над обозом, везущим женщин, поставь свои повозки позади обоза с поклажей. Вся эта следующая за войском масса будет создавать впечатление огромности [и при случае позволит нам устроить засаду] [58], а врагов, если они попытаются окружить нас, заставит совершить более далекий обход. Ведь чем большее пространство им придется
31 огибать, тем, безусловно, более ослабленными они окажутся. Таковы мои распоряжения для вас. Вы же, Артаоз и Артагерс, станьте каждый с ты-
32 сячью своих пехотинцев позади обозов. Вы, Фарнух и Асиадат, свои тысячные отряды всадников не ставьте в общую колонну, но выстройте их в боевой готовности отдельно позади повозок с женщинами, а затем возвращайтесь ко мне вместе с другими командирами. Вам надлежит быть в такой готовности, как если бы вам предстояло вступить в бой первыми.
33 Ты также, командир воинов, посаженных на верблюдов, поставь свой отряд позади повозок с женщинами; выполняй все, что тебе прикажет Арта-
34 герс. Вам, начальники боевых колесниц, надо бросить жребий, и кому он выпадет, тот со своею сотнею колесниц пусть займет место перед фалангой. Две другие сотни колесниц пойдут сбоку фаланги, вытянувшись в глубокие колонны, одна — справа, а другая — слева.

35 Таковы были распоряжения Кира. Но Абрадат, царь Суз, сказал:

— Кир, я по доброй воле готов занять место против вражеской фаланги, если только не возражаешь.

36 Восхищенный его готовностью, Кир крепко пожал ему руку, а затем спросил персов, которые должны были сражаться на других колесницах:

— Ну, а вы, воины, согласны ли вы с этим?

Поскольку, однако, те отвечали, что им не хотелось бы уступать этой чести, Кир велел им бросить жребий, и Абрадату выпало стать там, где
37 он хотел, а это было как раз напротив египтян. Затем все разошлись и занялись выполнением приказаний Кира, а потом, поужинав и выставив сторожевые посты, легли спать.

Глава IV

На следующий день утром Кир стал приносить жертвы, а остальные воины, позавтракав и совершив возлияния богам, стали облачаться в красивые хитоны, в великолепные панцири и шлемы. Они украшали и коней, надевая на них налобники и нагрудники; на верховых коней надевали еще набедренники, а на лошадей, запряженных в колесницы, — брони, защищавшие им бока[59]. Все войско засверкало медью и заполыхало пурпуром[60]. *1*

У Абрадата его колесница о четырех дышлах, запряженная восьмеркою лошадей, блистала особенно великолепным убором. Когда же он сам собирался надеть на себя льняной панцирь, какие приняты у людей его страны[61], Панфея поднесла ему ‹новый, золотой панцирь›[62] и золотой шлем, а также налокотники и широкие браслеты для запястий рук, и пурпурный хитон, ниспадавший складками до пят, и султан для шлема гиацинтового цвета. Все это она велела изготовить тайком от мужа, сняв мерку с его доспехов. Абрадат был поражен при виде этого убранства и спросил Панфею: *2* *3*

— Жена моя, неужели ты лишила себя своего драгоценного убора, чтобы изготовить для меня эти доспехи?

— Нет, клянусь Зевсом, — отвечала Панфея, — во всяком случае не самой его драгоценной части, ибо ты для меня и будешь лучшим украшением, если явишься перед другими таким, каким я вижу тебя.

Так говоря, она помогала ему облачаться в новые доспехи, а сама старалась скрыть свои слезы, которые против воли струились у нее по щекам.

Когда Абрадат, на которого и до этого можно было заглядеться, облачился во все эти доспехи, он явился взору всех прекраснейшим и благороднейшим воином, тем более, что природа щедро наделила его своими дарами. Приняв у возничего поводья, он готовился уже взойти на колесницу, когда Панфея, велев всем присутствующим отступить в сторону, обратилась к нему с такими словами: *4* *5*

— Если когда-нибудь были жены, которые дорожили жизнью своих мужей больше собственной, то знай, Абрадат, я одна из таких. Надо ли мне доказывать это? Ведь мое поведение должно говорить об этом более убедительно, чем любые слова, сказанные нынче.

Однако, сколь ни глубоко мое чувство к тебе, как ты это знаешь, я готова поклясться тебе нашей общей любовью, что мне легче оказаться в одной могиле с тобой, доказавшим свою доблесть, чем жить в бесчестье с мужем, покрывшим себя позором. Так сильно я желаю для нас обоих — и для тебя, и для себя — прекрасной участи! Но главное, я считаю, что у нас большой долг перед Киром. Ведь когда я попала в плен и была выделена ему как часть добычи, он не пожелал взять меня ни как рабыню, ни как свободную, но позорную прислужницу[63], а сохранил для тебя, приняв под свою защиту, словно жену брата. К тому же, когда его покинул Арасп, бывший мой страж, я дала ему обещание, что если он позволит *6* *7* *8*

мне послать за тобой, то в твоем лице явится к нему воин, намного превосходящий Араспа и верностью и отвагой.

9 Так говорила Панфея. Абрадат же, восхищенный ее словами, коснулся рукой ее головы и, обратив взор к небу, возгласил:

— О Зевс Величайший! Дай мне оказаться мужем, достойным Панфеи, и другом, достойным Кира, который так нас почтил!

Сказав так, он открыл дверцу колесничного кузова и взошел на колес-
10 ницу. Когда возничий закрыл за ним дверцы кузова, Панфея, не зная, как еще выразить ему свою любовь, поцеловала край колесницы[64]. Его упряжка тронулась вперед, а она незаметно от мужа все еще шла за ней, пока Абрадат не обернулся и не увидел ее.

— Успокойся, Панфея, — сказал он ей. — Прощай, тебе пора уже возвращаться.

11 Тут евнухи и служанки подхватили ее и увели обратно к ее коляске и, усадив ее там, задернули полог. И хотя Абрадат и его колесница представляли великолепное зрелище, окружающие не решались оглянуться на него до тех пор, пока Панфея не ушла.

12 Когда Кир получил при жертвоприношении счастливые предзнаменования, а войско выстроилось согласно его приказаниям, он выдвинул вперед на некоторое расстояние друг от друга ряд наблюдательных постов, затем созвал всех командиров и обратился к ним с такой речью:

13 — Друзья, доблестные союзники! Боги являют нам в жертвах такие же благоприятные знамения, как и тогда, когда мы в первый раз одержали победу. Со своей стороны я хочу напомнить вам о таких обстоятельствах, которые, как мне кажется, побудят вас идти в бой с гораздо боль-
14 шим воодушевлением. В самом деле, вы закалены в военных делах гораздо больше, чем враги; вы жили вместе и составляли одну боевую колонну гораздо дольше, чем они; вы были участниками общей победы, между тем как они в своем большинстве — участники общего поражения. Что же касается воинов, которые с той и с другой стороны еще не участвовали в боях, то у врагов эти новобранцы в своих соседях по строю видят предателей, тогда как вы, наши новые соратники, знаете, что будете сражаться бок о бок с людьми, всегда готовыми прийти на помощь своим то-
15 варищам. Естественно ожидать, что воины, доверяющие друг другу, будут сражаться, охваченные единым общим порывом, не отступая ни на шаг, тогда как те, кто исполнен недоверия, будут помышлять лишь об од-
16 ном — как бы поскорее бежать с поля боя. Итак, смело устремимся на врагов, с нашими прекрасно оснащенными колесницами против их незащищенных, с нашей конницей, где люди и кони одинаково хорошо вооружены, — против их безоружных всадников; навяжем им сразу же руко-
17 пашный бой. Что касается их пехоты, то основная ее масса — та же, с которой вы сражались и прежде; новые только египтяне, которые, однако, также плохо вооружены, также плохо построены. Ведь щиты у них столь велики, что воинам из-за них трудно вести бой и даже видеть что-нибудь впереди, а их построение в сто рядов, несомненно, помешает им же самим участвовать в сражении, за вычетом разве что немногих передовых бойцов.

С другой стороны, если они рассчитывают простым натиском сбить нас 18
с позиции[65], то, во-первых, им придется противостоять нашим колесницам, то есть силе железа[66], помноженной на силу коней. А затем, если даже какая-то часть их и устоит, как смогут они одновременно вести бой и с нашей конницей, и с фалангой, и с боевыми башнями? Ведь воины с этих башен будут сильно нам помогать; напротив, неприятелей они поставят в трудное положение, поражая их сверху, и лишат возможности сражаться.
Впрочем, если вы считаете, что нуждаетесь еще в чем-либо, скажите мне 19
об этом; с помощью богов у нас ни в чем не будет недостатка. И вообще, если кто-нибудь желает что-либо сказать, пусть скажет. Но если желающих нет, то ступайте к месту, где были закланы жертвы, и, помолившись богам, которым мы эти жертвы принесли, расходитесь по своим отрядам.
Пусть каждый из вас даст своим воинам такие же наставления, какие я 20
сделал вам. И пусть каждый предстанет перед своими подчиненными достойным своего высокого звания, являя свое бесстрашие и внешним видом, и лицом, и речами.

КНИГА СЕДЬМАЯ

Глава I

1 Итак, командиры отрядов, помолившись богам, отправились по своим
местам. Киру и его помощникам слуги принесли еду и питье, когда они
еще совершали жертвоприношения. Кир тут же, стоя, принес в жертву
богам начатки еды[1] и стал завтракать, все время уделяя от своей части
тем, кто особенно был голоден. Затем, совершив возлияние и вознеся мо-
ления богам, он отведал принесенного питья, и все другие окружавшие
его люди сделали точно так же. Наконец, обратившись с мольбой к Зевсу
Отчему, чтобы он был им предводителем и союзником, Кир вскочил на
2 коня, велев своей свите делать то же самое. Воины, окружавшие Кира,
все были снаряжены так же, как он сам, то есть одеты в пурпурные хи-
тоны, в медные панцири и медные же шлемы с белыми султанами,
а вооружены — мечами и копьями с древком из кизилового дерева[2], каж-
дый всадник — одним таким копьем. Кони их были защищены медными
налобниками, нагрудниками и набедренниками; последние служили одно-
временно защитой и всаднику. Доспехи Кира отличались только одним:
в то время как у остальных всадников они были покрыты золотистой кра-
3 ской, у Кира они сверкали, как зеркало[3]. Когда он сел на коня и замер
так, вглядываясь вдаль и выбирая, куда двинуться, справа неожиданно
раздался гром[4].
— Мы следуем за тобой, Зевс Величайший! — воскликнул Кир и тро-
нул коня. Справа от себя он велел идти командовавшему конницей Хри-
4 санту с его всадниками, а слева — Арсаму с пехотою. Кир велел передать,
чтобы все следили за его значком и двигались ровной линией. А значком
у него был золотой орел с распростертыми крыльями на длинном копье.
Такой значок и доныне остается у персидского царя[5].
Прежде чем показался неприятель, Кир трижды останавливал свое
5 войско для передышки. Наконец, когда прошли уже около двадцати ста-
диев[6], все заметили двигающееся навстречу войско неприятеля. Как
только обе армии оказались в виду друг друга, враги убедились, что их
построение по фронту гораздо шире в обе стороны, чем у Кира. Оста-
новив свою фалангу, поскольку иначе было невозможно выполнить об-
ходной маневр, они стали поворачивать для этого оба крыла, выстраивая
свои войска с каждой стороны наподобие гаммы[7] с тем, чтобы можно было
6 вести бой сразу со всех сторон. Кир, хотя и видел все это, тем не менее

не останавливался, но продолжал двигаться в прежнем направлении. Прикинув, какой большой угол поворота наметили для себя оба вражеских крыла и как сильно при этом они должны были вытянуться в стороны, Кир промолвил:

— Ты замечаешь, Хрисант, где наши враги собираются делать поворот?

— Да, конечно, — отвечал Хрисант, — и недоумеваю поэтому. Помоему, они чересчур оторвали оба свои крыла от основной фаланги.

— Да, клянусь Зевсом, — согласился Кир, — да и от нашей фаланги тоже.

— Но почему они так делают? 7

— Очевидно, из страха, как бы их крылья не оказались вблизи нас, когда фаланга будет еще далеко, и мы не напали на них.

— Но тогда, — продолжал Хрисант, — как же смогут эти их отряды организовать взаимодействие, будучи столь оторваны друг от друга?

— По-видимому, — отвечал Кир, — когда их крылья достаточно продвинутся и окажутся с флангов нашего войска, они сделают поворот и, перестроившись в фалангу, двинутся на нас с намерением завязать бой сразу со всех сторон.

— Стало быть, ты находишь их действия разумными? — изумился Хрисант. 8

— Да, против того, что они видят; но против того, что осталось ими не замеченным[8], их построение еще хуже, чем если бы они просто атаковали нас с флангов. Так или иначе, — продолжал Кир, — ты, Арсам, попрежнему не спеша, как это делал я, веди вперед свою пехоту. А ты, Хрисант, со своей конницей следуй рядом, в одной линии с ним. Я же двинусь туда, откуда, по-моему, удобнее всего будет начать битву. По пути я посмотрю, как у нас обстоят дела в каждом отряде. Когда я буду на месте 9
и мы уже должны будем войти в соприкосновение с неприятелем, я запою пэан, а вы не отставайте. Когда же мы устремимся на врагов, — а вы легко это заметите, потому что шум тогда, я думаю, будет немалый, — тут уже ринется вперед Абрадат со своими колесницами — так ему будет приказано, — а вам надо следовать за ним, держась как можно ближе к колесницам. Действуя так, мы обрушимся на врагов в самый разгар их замешательства. Я также постараюсь как можно скорее присоединиться к вам, чтобы вместе преследовать неприятеля, если боги того пожелают.

Распорядившись таким образом и передав пароль «Зевс Спаситель и 10
Вождь», Кир уехал. Проезжая между колесницами и строем воинов, одетых в панцири, он время от времени вглядывался в лица тех, кто шел в боевых колоннах, и восклицал:

— Храбрые воины, как приятно мне видеть ваши лица!

Затем, оказавшись перед другим отрядом, он снова восклицал:

— Понимаете ли вы, воины, что нынче нам предстоит бой не только ради новой победы, но и ради сохранения плодов прежней, ради всего нашего благополучия!

Минуя третьих, он говорил: 11

— Воины, отныне нам никогда более не придется в чем-либо упрекать богов. Ведь они даровали нам возможность приобрести великие блага. Надо только быть храбрыми людьми!

12 Затем, перед следующей группой, он восклицал:

— Воины, могли бы мы пригласить друг друга когда-нибудь на более славную пирушку, чем эта? Ведь нынче, если только мы окажемся храбрецами, каждый сможет внести богатую долю для общего стола [9]!

13 Обращаясь к следующему отряду, он говорил:

— Я думаю, воины, вы сами понимаете, какие нынче всем уготованы награды: победителям — возможность преследовать, поражать, убивать, приобрести добычу и славу, быть свободными и властителями, а трусам — очевидно, все прямо противоположное. Поэтому каждый, кто любит себя, пусть сражается вместе со мною, ибо со своей стороны, насколько от меня зависит, я не допущу никакого трусливого или позорного поступка.

14 Когда же он проезжал мимо тех, с кем участвовал в первом сражении, то всякий раз повторял:

— Есть ли нужда в речах перед вами, воины? Ведь вы сами знаете, какой день празднуют в битвах храбрые люди, а какой — трусы.

15 Подъехав, наконец, к Абрадату, Кир остановился. Абрадат тоже, передав своему возничему поводья, подошел к нему; подбежали и некоторые другие из рядом стоящих пехотинцев и колесничих. В присутствии их всех Кир сказал Абрадату:

— Божество, Абрадат, как ты и хотел, пожелало, чтобы ты и твои воины стали в первом ряду союзного войска. Помни, однако, что, когда придет твой черед идти в атаку, персидские воины не упустят вас из виду, не покинут вас и не оставят без поддержки во время боя.

16 На это Абрадат ответил:

— Что касается нас, Кир, то здесь, по-моему, все обстоит прекрасно. Однако меня тревожат наши фланги, потому что я вижу, как вытягиваются в стороны крылья вражеского войска, сильные не только колесницами, но и другими видами оружия. А с нашей стороны им противостоят одни лишь колесницы. Поэтому, — заключил Абрадат, — если бы я не получил это место по жребию, мне, пожалуй, было бы стыдно стоять здесь: до такой степени, мне кажется, я нахожусь здесь в полной безопасности.

17 — Ну, — возразил Кир, — если у тебя действительно все обстоит прекрасно, то можешь не беспокоиться и за тех, других: с помощью богов я позабочусь о том, чтобы избавить наши фланги от вражеской угрозы. Тебя же я заклинаю об одном: устремляйся в атаку на врагов не раньше, чем заметишь, как бегут те, которых ты теперь опасаешься.

Так хвастал Кир накануне предстоящей битвы, хотя вообще-то он не слишком был склонен к хвастовству [10].

— Когда же ты увидишь, — продолжал Кир, — как они побегут, считай тогда, что я уже рядом с тобой, и смело бросайся на врагов. Ты застанешь их объятыми паникой, между тем как твои воины будут полны реши-
18 мости. Однако, пока у тебя есть еще время, Абрадат, соверши объезд
своих колесниц и всех своих воинов призови смело идти в бой; ободри их

выражением своего лица, воодушеви их сладкими надеждами! А чтобы вы действительно оказались лучшими из колесничих бойцов, возбуди в своих воинах дух соревнования. Ведь если эта битва окажется удачной, то, будь уверен, впредь все будут говорить, что нет ничего выгоднее доблести.

Абрадат взошел на колесницу и отправился выполнять это приказание. А Кир двинулся дальше, пока не оказался на левом фланге, где находился 19 Гистасп с половиной персидской конницы. Обратившись к нему по имени, Кир сказал:

— Теперь, Гистасп, как ты видишь, дело зависит от твоей быстроты. Ведь если мы сами первыми перебьем врагов, то уж, конечно, ни один из нас не погибнет.

Усмехнувшись, Гистасп ответил: 20

— Ну, о тех, кто стоит против нас, мы сами и позаботимся, а вот других, которые наступают с флангов, ты бы поручил заботам остальных наших воинов, чтобы и они тоже не стояли без дела.

На это Кир сказал:

— Не беспокойся, я ведь к ним и направляюсь. Ты же, Гистасп, запомни следующее: кому из нас бог дарует победу, тот, если где-нибудь останется ещё очаг сопротивления, пусть и устремляется туда для нового боя.

С этими словами Кир двинулся дальше. Доехав до фланговой колонны 21 и разыскав командира поставленных здесь колесниц, Кир сказал ему:

— Я направляюсь вам на помощь. Как только заметите, что мы атакуем край вражеского крыла, сразу же бросайтесь тоже на прорыв неприятельской линии, ибо, оказавшись на той стороне, вы будете в гораздо бóльшей безопасности, чем застигнутые здесь.

Когда он, наконец, оказался позади повозок с женщинами, он велел 22 Артагерсу и Фарнуху оставаться здесь с тысячью пеших и тысячью конных воинов.

— Когда вы заметите, — сказал Кир, — что я иду в атаку на вражеское правое крыло, тогда, не мешкая, устремляйтесь тоже на тех, кто стоит против вас. Вы поведете бой с фланга, там, где любое войско оказывается наиболее уязвимым для удара, тем более, что вы будете действовать фалангой, что придаст вам особенную силу[11]. У врагов, как вы можете заметить, крайними стоят всадники. Непременно бросьте на них отряд верблюдов, и можете быть уверены, что, прежде чем дело дойдет до боя, вы увидите врагов в смехотворном положении.

Отдав такие распоряжения, Кир поехал на правый фланг. Между тем 23 Крез решил, что фаланга, при которой он сам находился, оказалась уже ближе к неприятелю, чем вытягивавшиеся в сторону крылья. Поэтому он поднял сигнал[12], приказывая фланговым колоннам далее не двигаться, но немедленно, каждой на своем месте, сделать поворот. Когда они встали, повернувшись лицом прямо к войску Кира, Крез дал им знак двигаться на неприятеля. И вот три фаланги двинулись на войско Кира: одна — 24 с фронта, а две другие — с флангов, одна — с правого, а другая — с левого, так что великий страх обуял все войско Кира. Действительно, словно ма-

ленький квадратик посреди большого, армия Кира со всех сторон окружа-
лась вражескими воинами — всадниками, гоплитами, пельтофорами [13], луч-
25 никами, колесницами; лишь с тыла не было врагов. Тем не менее по при-
казу Кира все воины разом повернулись лицом к врагу [14]. В тревожном
ожидании предстоящей схватки обе стороны хранили глубокое молчание.
Но вот Кир решил, что время пришло, и тогда он запел пэан, и все войско
26 подхватило его. После этого все разом издали боевой клич в честь Эниа-
лия [15], и тотчас же Кир ринулся вперед. Ударив со своими всадниками на
неприятелей с фланга, он старался как можно быстрее сблизиться с ними
для боя. Пехотинцы в боевом порядке быстро следовали за ним и с раз-
ных сторон охватывали неприятельскую колонну. Кир имел явный пере-
вес, потому что, действуя фалангой, атаковал противника во фланг. В ре-
зультате очень скоро враги обратились в паническое бегство.
27 Как только Артагерс увидел, что Кир начал сражение, он тотчас дви-
нулся против левого крыла неприятеля, бросив вперед верблюдов, как
ему и приказывал Кир. Кони врагов уже издали испугались вида верблю-
дов: одни, обезумев, мчались прочь, другие вставали на дыбы и натыка-
лись друг на друга. Такой страх кони испытывают обычно при виде вер-
28 блюдов [16]. В результате Артагерс со своими воинами в полном боевом
порядке обрушился на врагов, уже приведенных в замешательство. В то
же время колесницы устремились против правого и левого крыла непри-
ятеля. Спасаясь от них, многие вражеские воины попали под удар отрядов,
наступавших с флангов вслед за колесницами, а другие, наоборот, спасаясь
от атакующих воинов, были раздавлены колесницами.
29 Абрадат тоже не стал более ждать. С громким возгласом: «Друзья
мои, следуйте за мной!» — он устремился вперед, не щадя своих лошадей,
бодцом коля их до крови [17]. Вместе с ним ринулись вперед и другие ко-
лесничие. При виде их вражеские колесницы тотчас обратились в бегство,
причем только некоторые успели подобрать своих парабатов [18], а другие
30 так и бросили их на произвол судьбы. Устремившись прямо вперед, Аб-
радат врезался в строй египетской фаланги; вместе с ним ринулись сюда
же и другие ближайшие к нему колесничие. И прежде в иных случаях не-
редко обнаруживалось, что нет фаланги сильнее той, которая составлена
из соратников-друзей; так оказалось и тогда. Ибо за Абрадатом последо-
вали только его товарищи и сотрапезники [19]; прочие возничие, видя, как не-
движно, густой колонной стоит египетская пехота, уклонились в сторону
за уносившимися прочь вражескими колесницами и стали их преследовать.
31 Так как в месте удара египтяне не смогли расступиться перед Абрада-
том и его товарищами, ибо слева и справа ряды стояли недвижно, то на-
падавшие напором коней сбивали и опрокидывали вражеских воинов, упав-
ших же растаптывали вместе с оружием копытами коней и колесами. А кто
32 попадал под серпы, того они рассекали надвое вместе с доспехами. Однако
в этой неописуемой свалке, когда колеса натыкались на груды поверžен-
ных тел и слетали с осей, Абрадат и некоторые другие колесничие не
удержались и попа́дали на землю. Здесь и погибли эти храбрые воины, бу-
дучи изрублены на куски. Однако следовавшие за ними персы ворвались

в ряды египтян через брешь, проделанную Абрадатом и его друзьями, и стали разить приведенных в замешательство врагов. Все же там, где ряды египтян остались нетронутыми, — а это было на большом протяжении, — враги начали наступать на персов.

Тут закипела жестокая сеча; бились копьями, древками, мечами. Однако египтяне благодаря своей массе и оружию имели перевес. Ведь у них и сейчас на вооружении мощные и длинные копья, а их щиты по сравнению с панцирями и легкими плетеными щитами гораздо лучше прикрывают тело и, прикрепляясь у плеча, сообщают особую силу натиску воинов. Итак, сомкнув свои щиты, египтяне шаг за шагом теснили неприятеля. Персы со своими плетеными щитами, которые они держали, зажав кистью руки, не могли им противостоять. Пятясь, персы отступали, нанося и принимая удары, пока не оказались под защитою боевых машин. Когда сражение докатилось до этого места, египтяне оказались под ударом воинов, поражавших их с башен. В то же время воины, поставленные в арьергарде, не позволяли покидать поля боя ни лучникам, ни метателям дротиков; грозно подняв мечи, они заставляли их метать свои стрелы и дротики. Люди гибли один за другим, повсюду слышались страшный скрежет оружия, свист стрел и копий, громкие крики воинов, призывавших и подбадривавших друг друга или взывавших о помощи к богам.

33 Тут закипела (§33 begins at line "Тут закипела"); 34 (line "теля. Персы"); 35 (line "дротики. Люди")

В этот момент появился Кир, преследуя ту часть вражеского войска, с которой он столкнулся в начале сражения. Увидев, что персы сбиты с позиции, он сильно огорчился. Однако, сообразив, что быстрее всего он сможет остановить продвижение врагов, ударив им в тыл, он передал своим воинам приказ следовать за ним и повел их в обход. И вот, зайдя с тыла, они обрушились на ничего не подозревавших врагов и многих из них перебили. Когда, наконец, египтяне их заметили, они стали кричать, что сзади враги, и, под градом ударов, стали поворачиваться. Теперь дрались все вперемежку, и пешие, и конные. Какой-то вражеский воин, попавший под коня Кира и сбитый копытами, успел мечом поразить его коня в живот. От удара конь взвился на дыбы и сбросил Кира. Тут каждый мог бы убедиться, как много значит для полководца быть любимым своими подчиненными. Тотчас все воины подняли крик и с удвоенной яростью бросились на врагов, тесня их и снова подаваясь назад от встречного натиска, нанося и принимая удары. А один из гиперетов Кира соскочил на землю и подсадил его на своего коня. Оказавшись снова верхом, Кир огляделся и увидел, что египтян бьют со всех сторон, ибо уже появились с персидскими всадниками и Гистасп, и Хрисант. Однако Кир не разрешил им больше атаковать египетскую фалангу, а велел издали забрасывать ее стрелами и копьями. Обогнув поле боя и доехав до боевых машин, Кир решил взобраться на одну из башен и посмотреть, нет ли где еще какого-либо вражеского отряда, который продолжает борьбу. Поднявшись на башню, он увидел, что вся равнина заполнена конями, людьми, колесницами, бегущими и преследующими, побеждающими и терпящими поражение. Нигде он не мог заметить ни одного вражеского отряда, который продолжал бы сопротивление, кроме плотной колонны египтян. Эти, попав

в трудное положение, стали кругом и, ощетинившись во все стороны копьями, застыли неподвижно за своими щитами. Они не предпринимали более никаких действий и несли страшный урон.

41 Кир был восхищен их мужественным поведением и жалел, что гибли такие храбрецы. Поэтому он приказал всем сражавшимся вокруг бойцам отойти и не позволял более никому нападать на египтян. Затем он послал к ним глашатая с вопросом, хотят ли они все погибнуть, сражаясь за тех, кто бросил их в бою, или спастись, сохранив славу храбрых воинов. В ответ те заявили:

— Как же мы сможем спастись и сохранить славу храбрых воинов?

42 На это Кир сказал им:

— Но ведь мы видим, что вы одни остаетесь в строю и намерены продолжать бой.

— В таком случае, — продолжали спрашивать египтяне, — как мы сможем обеспечить себе спасение почетным образом?

— Очевидно, — отвечал им Кир, — [если вы обеспечите себе спасение, не предав никого из союзников] [20], сдав оружие и став друзьями тех, кто предпочитает сохранить вам жизнь, хотя мог бы уничтожить вас.

43 Выслушав это, египтяне спросили:

— А если мы действительно станем твоими друзьями, как ты решишь поступить с нами?

— Так, — отвечал Кир, — чтобы, делая вам добро, в свою очередь получать от вас услуги.

— Какое же именно добро? — спросили снова египтяне. На что Кир ответил:

— Я мог бы положить вам плату больше той, которую вы получаете теперь, на все время этой войны. А когда наступит мир, то всем вам, кто пожелает остаться у меня, я предоставлю для поселения землю и города и дам женщин и рабов.

44 Выслушав это, египтяне попросили, чтобы их только освободили от участия в войне с Крезом, поскольку, как они заявили, с ним одним у них была личная дружба. С прочими условиями они полностью согласились и обменялись с Киром заверениями в верности.

45 Потомки египтян, которые остались тогда на службе у Кира, и поныне сохраняют верность персидскому царю [21]. Кир предоставил тем египтянам несколько городов внутри страны, которые еще и теперь называются городами египтян, а также Ларису и Киллену близ моря, возле Кимы, которыми еще и сейчас владеют их потомки [22]. Покончив со всем этим, Кир уже ночью отвел свое войско и расположил его лагерем в Фимбрарах [23].

46 В этом сражении у неприятелей отличились одни только египтяне, а в войске Кира лучшей оказалась персидская конница. Поэтому еще и теперь сохраняется у персидских всадников то вооружение, которое ввел
47 для них тогда Кир. Особенно отличились также серпоносные колесницы, вследствие чего и этот род оружия до сих пор остается в чести у персид-
48 ских царей. Что же касается верблюдов, то они только пугали вражеских

коней, однако сидевшие на них воины не могли поражать неприятельских всадников, хотя и сами тоже не терпели от них урона, так как лошади не осмеливались приблизиться к верблюдам. В тех условиях верблюжья 49
конница оказалась полезной, но ни один благородный воин не желал заводить и держать верблюдов для верховой езды, тем более упражняться в ведении боя с них. Таким образом, они вернулись к прежней своей роли и теперь используются только в обозе.

Глава II

Итак, воины Кира, поужинав и выставив, как полагается, караулы, 1
легли спать. Между тем Крез со своим войском сразу бежал в Сарды; прочие отряды, составлявшие вражеское войско, также устремились по домам, каждый стараясь за ночь уйти как можно дальше. С наступлением 2
дня Кир двинулся прямо на Сарды. Подойдя к крепости, защищавшей город, он стал воздвигать осадные машины и готовить лестницы, как бы намереваясь начать штурм. Занимаясь такими приготовлениями, он ве- 3
лел халдеям и персам с наступлением ночи взобраться на укрепление сардийцев там, где эта скала казалась наиболее крутой и неприступной. Проводником у них был некий перс, который ранее был рабом одного из воинов, охранявших акрополь, и потому хорошо знал спуск к реке и обратный подъем наверх[24]. Как только обнаружилось, что враги овладели цита- 4
делью, все лидяне покинули городские стены и разбежались по городу, кто куда. А Кир с наступлением дня вошел в город и велел передать всем воинам, чтобы никто не отлучался со своего поста. Крез заперся в цар- 5
ском дворце и оттуда с мольбой взывал к Киру. Тот оставил при Крезе караул, а сам направился к уже занятой его войсками цитадели. Увидев, что персы, как положено, охраняют кремль, а халдеи оставили свои посты и устремились грабить дома горожан, Кир тотчас же созвал их начальников и велел им как можно скорее оставить его лагерь.

— Мне нестерпимо видеть, — сказал он, — как наживаются маро- 6
деры. Знайте, что я был готов обогатить вас всех, кто принял участие в моем походе, на зависть остальным халдеям. Но теперь не удивляйтесь, если на обратном пути вам повстречается кто-нибудь посильнее вас[25].

Выслушав такое грозное предупреждение, халдеи испугались и стали 7
умолять Кира не гневаться, обещая вернуть все захваченное имущество. На это Кир отвечал, что он ничуть в них не нуждается.

— Но, — продолжал он, — если вы действительно хотите, чтобы я перестал сердиться, отдайте все, что вы взяли, воинам, оставшимся сторожить акрополь. Ведь если остальные узнают, что вознаграждение получают в первую очередь дисциплинированные, то порядок у меня будет образцовый[26].

8 Халдеи поспешили сделать так, как повелел им Кир, и воины, верные своему долгу, получили много всевозможных даров. А Кир, расположив свое войско в той части города, которая показалась ему наиболее удобной, передал приказ всем завтракать, не покидая своих постов.

9 Распорядившись таким образом, Кир велел привести к нему Креза[27]. Тот, как только увидел Кира, воскликнул:

— Здравствуй, господин! Судьба дарует тебе отныне такое имя и мне велит тебя так величать.

10 — Здравствуй и ты, Крез, — отвечал ему Кир, — ведь, как бы там ни было, оба мы люди. Кстати, не согласился бы ты, Крез, дать мне добрый совет?

— Разумеется, Кир, — отвечал тот, — я был бы рад придумать для тебя что-либо полезное. Ведь это и мне, я знаю, послужило бы на пользу.

11 — Послушай тогда меня, Крез, — сказал Кир. — Я знаю, как много трудов и опасностей перенесли мои воины, и как исполнены они теперь сознания того, что овладели самым богатым, после Вавилона, городом в Азии. Я нахожу поэтому справедливым, чтобы они были вознаграждены. К тому же я понимаю, что если они не получат какой-нибудь награды за свои труды, то я не смогу их долго держать в повиновении. Однако я не хочу отдать им ваш город на разграбление, ибо я считаю, что это будет означать для города верную гибель, а, кроме того, я хорошо знаю, что при грабеже выгода всегда достается негодяям.

12 Выслушав все это, Крез сказал:

— В таком случае позволь мне объявить кое-кому из лидян, по моему выбору, что я добился от тебя обещания не устраивать в городе грабежа и не допускать увода в плен наших детей и женщин. За это, скажу им, я обещал тебе, что с согласия самих лидян тебе достанется все, что есть са-
13 мого лучшего в Сардах. Ведь если они об этом услышат, то, я уверен, любая драгоценность, какая есть здесь у мужчин или женщин, поступит в твое распоряжение и, несмотря на это, через год город у тебя снова будет полон всевозможных богатств. А если ты разграбишь его, то одновременно погубишь и те промыслы, которые люди признают источником всяких благ.

14 Впрочем, когда ты увидишь наши подношения, в твоей власти будет еще раз подумать о разграблении. Для начала же пошли людей за моими сокровищами и пусть твои стражи примут их от моих хранителей.

Со всем этим Кир согласился и обещал сделать так, как предложил Крез.

15 — Ну, а теперь, Крез, — попросил Кир, — поведай мне о том, как исполнились прорицания, данные тебе Дельфийским оракулом. Ведь рассказывают, что ты чрезвычайно чтил Аполлона и во всем поступал, следуя его указаниям.

16 — Увы, Кир, я был бы рад, если бы было так. На самом же деле я с самого начала в обращении своем с оракулом Аполлона делал все наоборот.

— Как так? — удивился Кир. — Поясни, пожалуйста. Ведь то, что ты говоришь, невероятно.

— Прежде всего, — стал рассказывать Крез, — вместо того, чтобы 17
прямо спросить бога о том, что мне было нужно, я стал допытываться, может ли он сказать правду. Между тем не то чтобы бог, но и люди благородные, когда замечают, что им не верят, к этим недоверчивым относятся без всякой любви. Разумеется, он угадал, что я делал, хотя это 18
были странные вещи, да и сам я находился вдали от Дельф[28]. После этого я посылаю спросить о детях. Бог сначала мне даже не ответил. 19
Когда же я послал ему множество золотых и серебряных вещей, принес пышные жертвы и таким образом, как я думал, наконец умилостивил его[29], тогда он снизошел до того, чтобы ответить на мой вопрос, как мне поступить, чтобы у меня были дети. Он ответил, что они у меня будут. И они у меня родились — он даже в этом не солгал, — однако их рожде- 20
ние не принесло мне никакой радости. Ибо один из них был глухонемым, а другой, наделенный лучшими качествами, погиб в расцвете лет[30]. Страдая от несчастий, постигших моих детей, я снова посылаю спросить бога, что мне делать, чтобы я прожил остаток жизни наиболее счастливо. Он мне ответил:

— Крез! Познавая себя, счастливым ты век проживешь свой[31].

Услышав такое прорицание, я обрадовался. Я считал, что бог дарует 21
мне счастье, требуя от меня самого легкого. Ведь что касается других людей, то одних можно узнать, а других невозможно, но о себе, полагал я, любой человек знает, кто он есть. В последовавшее за тем время, пока я 22
жил мирно, я после смерти сына ни в чем более не мог упрекнуть судьбу. Но, когда ассирийский царь уговорил меня пойти войною на вас, я подверг себя крайней опасности. Тем не менее я вышел из этого положения, не понеся никакого ущерба. И в этом случае я тоже не виню бога; ведь когда я понял, что мне не по силам бороться с вами, и я сам и все мои воины с божьей помощью благополучно вернулись домой[32]. Но вот опять, 23
ослепленный накопленным богатством и уговорами тех, кто просил меня стать общим вождем, [дарами, которые мне подносили, и теми][33], кто льстиво говорил мне, что если я соглашусь принять власть, то все мне будут повиноваться и я стану величайшим из людей, — исполнившись гордыни от таких речей, когда все кругом цари избрали меня вождем в новой войне, я принял это командование и возомнил себя способным достичь величия. Я не сознавал того, что собирался на равных воевать с тобой — 24
с тем, кто, во-первых, происходит от богов[34], во-вторых, рожден царями, потомками царей, и, наконец, с детских лет упражняется в доблести, тогда как из моих предков, как я слышал, первый, кто стал царем, только вместе с царством обрел и свободу[35]. Не поняв тогда всего этого, я по справедливости несу наказание. Но теперь, Кир, я хорошо знаю себя. А вот 25
ты — считаешь ли ты все еще правдивым предсказание Аполлона, что я буду счастлив, узнав самого себя? Я спрашиваю тебя об этом потому, что при сложившихся обстоятельствах ты, по-моему, лучше всех мог бы вынести окончательное решение; ведь от тебя зависит и исполнение его.

— Дай мне время поразмыслить об этом, Крез, — отвечал Кир. — 26
Ведь при мысли о твоем прежнем счастье мне становится жаль тебя и я

готов уже сейчас вернуть тебе жену, с которой ты жил до сих пор, дочерей, которые, как я слышал, у тебя есть, наконец, друзей, слуг и все, что нужно для стола, какой был у вас при прежней вашей жизни. Я только лишаю тебя права вести войны и сражения.

27 — Но в таком случае, клянусь Зевсом, — воскликнул Крез, — тебе больше не надо думать, как ответить на вопрос о моем счастье. Ведь если ты сделаешь для меня то, что обещаешь, то я уже сейчас могу сказать тебе: отныне я тоже буду жить жизнью, которую все люди считали самой счастливой и в согласии с ними и я тоже.

28 — А кто ж это был, кто вел уже такую счастливую жизнь? — поинтересовался Кир.

— Моя жена, Кир, — отвечал Крез. — Ведь она наравне со мною наслаждалась всеми благами, удовольствиями и радостями жизни, но ее совершенно не касались ни заботы о достижении всего этого, ни войны и сражения. Вот и ты, как мне кажется, готов обеспечить меня так же, как я это делал для той, кого любил больше всего на свете, так что, сдается мне, я должен буду послать Аполлону новые благодарственные подношения.

29 Слыша такие речи Креза, Кир подивился спокойствию его духа и впредь брал его с собой, куда бы сам ни отправлялся, то ли думая, что Крез может оказаться для него чем-либо полезным, то ли считая, что так будет безопаснее.

Глава III

1 На этом, покончив с делами, все отправились спать. На следующий день Кир созвал к себе друзей и предводителей отрядов. Одним из них он поручил забрать сокровища Креза, а другим велел из этих богатств, которые передаст Крез, прежде всего отделить для посвящения богам все то, на что укажут маги; затем взять остальное и, разложив по сундукам, погрузить на повозки, а эти последние распределить между собою и держать при себе, куда бы им ни пришлось отправляться, чтобы, когда случай того потребует, каждому можно было выдать достойное вознаграждение.

2 Меж тем как они занялись исполнением этих приказов, Кир подозвал к себе кое-кого из бывших при нем гиперетов и спросил:

— Скажите мне, не видел ли кто из вас Абрадата? Я удивляюсь тому, что прежде он часто бывал у нас, а нынче даже не показывается.

3 В ответ один из гиперетов сказал:

— О господин, его нет больше в живых. Он погиб в сражении, устремив свою колесницу на египтян, тогда как все остальные, кроме его ближайших товарищей, как рассказывают, уклонились в сторону, лишь только

4 увидели сомкнутый строй египтян. Говорят, что теперь его жена подобрала его тело и, положив в коляску, в которой прежде ездила сама, при-

везла его куда-то сюда к реке Пактолу. Рассказывают, что евнухи и слуги 5
покойного роют теперь для него могилу на каком-то холме[36], а жена, убрав мужа всеми драгоценностями, какие у нее были, сидит рядом с ним на земле, положив его голову к себе на колени.

Услыхав такую новость, Кир в горе ударил себя по бедрам[37] и тот- 6
час же, вскочив на коня, с тысячью всадников устремился к месту скорби.
Гадату и Гобрию он велел захватить самый лучший убор, приличествую- 7
щий для погребения доблестного друга, и сразу же следовать за ним. Он распорядился также, чтобы все, кто вел с собой стада скота, пригнали теперь побольше быков, коней и овец к тому месту, где, как им сообщат, будет находиться он сам, чтобы все это можно было заклать в честь Абрадата[38].

Когда Кир увидел жену Абрадата сидящей на земле, а рядом распро- 8
стертый труп, он заплакал от этого горестного зрелища и сказал:

— О доблестная и верная душа, неужели ты действительно покинула нас?

С этими словами он взял руку Абрадата, чтобы пожать ее, и эта мертвая рука так и осталась у него — она была начисто отрублена от тела
саблями египтян. Видом этого зрелища Кир был еще более удручен, 9
а жена Абрадата разразилась жалобными воплями и, взяв у Кира руку мужа, покрыла ее поцелуями и снова, как могла, соединила ее с телом.

— Он весь, Кир, так изувечен, — промолвила она. — К чему тебе 10
смотреть на это? И все это, я знаю, с ним случилось главным образом из-за меня, — впрочем, может быть, не в меньшей степени и из-за тебя, Кир. Ведь я, глупая, без конца увещевала его так вести себя, чтобы стать тебе достойным другом. Да и сам он, я знаю, думал вовсе не о том, что с ним может случиться, а как угодить тебе. И вот он погиб, безупречно исполнив свой долг, а я, призывавшая его к этому, сижу, живая, рядом с ним.

Некоторое время Кир молча оплакивал друга, а затем произнес: 11

— Все-таки, женщина, у него был славный конец; ведь он погиб победителем. Ты же прими от меня эти уборы и обряди его в них.

Как раз в это время появились Гобрий и Гадат со множеством великолепных украшений.

— Знай также, — продолжал Кир, — что и во всем остальном он не будет обойден почестями: множество людей насыплют могильный холм, достойный нашего друга; и в честь его будет заклано столько жертв,
сколько надлежит принести в память доблестного воина. Ты также не 12
останешься одинокой, но я всегда буду чтить тебя за твою скромность и добродетель; и я пришлю к тебе верного человека, который отвезет тебя, куда ты пожелаешь. Ты только дай мне знать, к кому ты хочешь отправиться.

На это Панфея отвечала: 13

— Не беспокойся, Кир, я конечно, не скрою от тебя, к кому я хочу уйти.

После сказанных им слов утешения Кир ушел, охваченный глубокой 14
жалостью и к этой женщине, потому что она лишилась такого мужа, и к ее мужу, потому что он оставил и больше не увидит такой жены.

А Панфея приказала евнухам отойти в сторону, «на то время, — сказала она, — пока я вволю наплачусь над мужем». Однако кормилице своей она велела остаться[39] и наказала, чтобы та, когда она умрет, укрыла ее и мужа одним плащом. Кормилица долго умоляла ее не совершать задуманного, но так ничего и не добилась и, когда увидела, что госпожа только сердится, с рыданиями опустилась на землю. А Панфея, обнажив акинак[40], давно припасенный для этого, пронзила себя и, положив голову на грудь мужа, умерла. Громкими рыданиями разразилась тогда кормилица и
15 укрыла обоих плащом, как и наказывала ей Панфея. Когда Кир узнал о поступке Панфеи, он ужаснулся и поспешил обратно в надежде помочь, если еще можно. Между тем евнухи, — а их было трое, — увидев, что случилось, тоже обнажили свои акинаки и закололи себя, оставаясь на том месте, где им велела быть Панфея. [И до сих пор еще, говорят, стоит могильный холм этих евнухов. Рассказывают, что на верхней стеле начертаны сирийскими письменами[41] имена мужа и жены, а ниже есть еще три
16 стелы и надпись: (могила) скиптродержцев][42]. А Кир, прибыв к месту горестного происшествия, воздал должное мужеству женщины и удалился, горько сожалея о случившемся. Он позаботился, чтобы мертвым были оказаны все почести, и, как рассказывают, был насыпан могильный холм невиданной величины.

Глава IV

1 Вскоре после этого карийцы, которые спорили и враждовали друг с другом, потому что все они обитали в укрепленных самою природою местностях[43], обратились — обе враждующие группы одновременно — за помощью к Киру. Последний, оставаясь в Сардах, стал сооружать осадные машины и тараны[44], давая понять, что разрушит стены непокорных, а в Карию направил с войском перса Адусия[45], человека во всех отношениях смышленого и опытного в военных делах, но, главное, очень ловкого в обращении с людьми. Вместе с ним в этом походе с превеликим
2 усердием приняли участие киликийцы и киприоты. Поэтому Кир так и не поставил персидского сатрапа ни над киликийцами, ни над киприотами, но счел возможным сохранить у них местных царей. Впрочем, он получал
3 с них дань и в случае необходимости требовал от них войск[46]. Между тем Адусий со своим войском прибыл в Карию, и сейчас же от обеих групп карийцев явились к нему послы, выражавшие готовность принять его в свои крепости, чтобы досадить противной партии. Адусий повел себя и с теми и с другими совершенно одинаково. Каждый раз он заявлял тем, с кем вел переговоры, что их требования вполне справедливы, но убеждал, что дружба их с персами должна остаться тайною для неприятелей, чтобы скорее можно было застичь их неподготовленными. Затем он потребовал обмена ручательствами и, в частности, чтобы карийцы поклялись впустить

его в свои крепости без всякого обмана и на благо Киру и персам; сам он изъявлял готовность поклясться, что тоже вступит в их крепости без злого умысла и на благо принимающим его. Покончив с этим, он условился 4
с каждой группой в тайне от другой об одной и той же ночи, и в эту ночь вошел в их крепости и таким образом овладел укреплениями и тех и других. С наступлением дня он расположился с войском посредине и пригласил к себе главарей обеих партий. Те, завидев друг друга, пришли в крайнее уныние, считая, что их всех провели.

Однако Адусий утешил их такой речью: 5

— Я поклялся вам, воины, вступить в ваши крепости без злого умысла и на благо принимающим меня. Так вот, если я теперь уничтожу какую-либо из ваших партий, то я готов признать, что явился сюда на погибель карийцам. Но если я подарю вам мир и возможность и тем и другим в безопасности возделывать свою землю, то в этом случае, я думаю, мое прибытие будет вам ко благу. Итак, с сегодняшнего дня надлежит вам общаться друг с другом по-дружески, безбоязненно возделывать свою землю, выдавать и брать замуж дочерей друг у друга. Если же кто, вопреки этому, начнет чинить обиды, такому и Кир, и мы будем врагами.

С этого времени ворота крепостей были открыты настежь, дороги на- 6
полнились людьми, едущими друг к другу в гости, а поля — работниками. Люди стали совместно справлять праздники, все дышало миром и радостью. В этот момент прибыли гонцы от Кира с вопросом, нужны ли 7
Адусию дополнительные войска или осадные машины, но тот ответил, что даже то войско, которое у него есть, можно теперь использовать в другом месте. И действительно, после такого заявления он повел свое войско обратно, оставив, правда, гарнизоны в цитаделях карийцев. Эти последние умоляли его остаться, но так как он не пожелал, то они послали гонцов к Киру с просьбой назначить им Адусия в качестве сатрапа.

А Кир в то время отправил Гистаспа с войском в Геллеспонтскую 8
Фригию. Когда явился Адусий, Кир велел ему двинуться вдогонку за ушедшим вперед Гистаспом, чтобы фригийцы скорее подчинились Гистаспу, услышав о подходе еще одного войска. Живущие у моря эллины, прислав 9
множество даров, добились того, чтобы им можно было не принимать варваров в свои крепости, а только вносить подать и участвовать в походах, куда бы Кир их ни направил [47]. А фригийский царь, наоборот, начал 10
военные приготовления с намерением защищать укрепленные места и не подчиняться персам, и даже разослал соответствующие приказы, но так как его наместники отложились и оставили его в одиночестве, то он, в конце концов, сдался Гистаспу с условием, чтобы Кир сам решил его судьбу. После этого Гистасп, оставив в крепостях сильные персидские гарнизоны, двинулся назад, взяв с собой, кроме собственных воинов, еще множество фригийских всадников и пельтастов. Со своей стороны Кир на- 11
казал Адусию, чтобы они с Гистаспом после соединения взяли с собой, не разоружая, лишь тех фригийцев, которые перейдут на сторону персов, а у тех, кто замыслит воевать, отобрали коней и оружие и велели бы им всем следовать за войском с одними пращами.

12 Адусий и Гистасп так и сделали. А Кир вскоре выступил из Сард, оставив там большой гарнизон из пехотинцев, взяв с собой Креза и множество всевозможных сокровищ, погруженных на множество повозок. Накануне выступления пришел к нему Крез с точными записями того, что имелось на каждой повозке. Передавая Киру эти записи, он сказал:

— Кир, с помощью этих списков ты будешь знать, кто вернет тебе в целости то, что он везет, а кто — нет.

13 — Твоя предусмотрительность, Крез, — отвечал ему Кир, — заслуживает всяческой похвалы. Однако сокровища у меня повезут те, кто по праву должен и владеть ими. Поэтому если они что и украдут, то украдут у себя.

С этими словами он передал списки своим друзьям и начальникам отрядов, чтобы они могли установить, кто из их управителей вернет им имущество в сохранности, а кто — нет.

14 Он взял с собой также многих лидян, причем оставил оружие тем из них, в ком видел гордое пристрастие к красивым доспехам, боевым коням и колесницам и старание во всем поступать так, чтобы сделать ему приятное. А в ком он замечал нежелание следовать за ним, у тех он коней отобрал и отдал персам, которые первыми ушли с ним в поход[48], а оружие сжег[49]; этих лидян он также принудил следовать за войском с одними
15 только пращами. Вообще всех оказавшихся под его властью и лишенных оружия людей он заставлял упражняться в метании из пращи, считая, что этот вид оружия наиболее пристал рабам. Ведь, действуя совместно с другими воинами, пращники довольно часто приносят значительную пользу, но сами по себе, даже все вместе, не смогут выстоять против небольшого отряда бойцов, идущих на них с оружием для рукопашного боя.

16 Двигаясь по дороге на Вавилон, Кир покорил фригийцев, живущих в Великой Фригии, покорил также каппадокийцев, подчинил своей власти арабов. За счет добычи, взятой у этих народов, он довел количество персидских всадников до сорока тысяч; всем союзникам он также раздал множество коней, взятых у пленников. К Вавилону он подошел с огромным числом всадников, с великим множеством лучников и метателей дротиков и неисчислимою массою пращников.

Глава V

1 Приблизившись к Вавилону, Кир расположил вокруг него все свое войско, а затем сам в сопровождении друзей и вождей союзников совершил
2 объезд вокруг города. Осмотрев стены, он готовился уже отвести войско от города, как вдруг явился какой-то перебежчик и рассказал, что враги намерены напасть на него, как только он начнет отвод войска. Когда они

смотрят со стены, пояснил перебежчик, им его фаланга кажется очень слабой. И не было ничего удивительного, что они так считали, ибо, расположившись кругом вдоль длинной стены[50], фаланга Кира по необходимости должна была сократить свою глубину до нескольких рядов. Выслу- 3
шав это сообщение, Кир встал со своею свитою в середине войска и передал приказ, чтобы с каждого конца гоплиты стали заворачивать края фаланги назад и двигались к неподвижно стоящей части войска до тех пор, пока каждое крыло не окажется напротив него, Кира, и центра войска[51].
Как только они начали это делать, воины, стоявшие неподвижно, сразу же 4
приободрились ввиду того, что глубина их построения удвоилась; а выполнявшие маневр тоже повеселели, потому что теперь <вместо>[52] них лицом к неприятелю стояли те, кто оставался на своем месте. После того как воины, двигаясь навстречу друг другу, сомкнули края фаланги, они остановились, чувствуя себя гораздо увереннее: ушедшие в тыл — благодаря впередистоящим, а эти последние — благодаря подошедшим сзади. Когда края 5
фаланги были перестроены таким образом, в первых и последних рядах по необходимости оказались самые опытные воины, тогда как за худшими осталось место в середине. Очевидно, что такое построение как нельзя лучше было приспособлено и к ведению боя, и к тому, чтобы не допустить бегства[53]. Кроме того, стоявшие на флангах всадники и гимнеты[54] перемещались все ближе к командующему в той степени, в какой фаланга при удвоении ее рядов становилась короче. Когда воины таким образом уплот- 6
нили свой строй, они начали отступать, сначала пятясь, пока до них долетали стрелы со стены, а затем, когда вышли за пределы досягаемости стрел, повернувшись к врагу спиной. При этом сначала они каждый раз, пройдя несколько шагов, делали поворот налево и так стояли лицом к городской стене. Но чем дальше они уходили, тем реже они делали повороты, а когда оказались в безопасном месте, то уже продолжали свой марш без перерыва, пока не дошли до палаток.

Когда воины разместились в лагере, Кир созвал всех начальников и 7
сказал:

— Доблестные союзники, мы осмотрели кругом вражеский город. Что касается меня, то я, признаюсь, не вижу, каким образом можно взять штурмом столь мощные и высокие стены[55]. Но раз в городе находится множество людей, то я думаю, легче будет одолеть их голодом, если только они не рискнут выйти и сразиться. Поэтому я полагаю, — если только вы не можете предложить чего-либо другого, — что надо взять город такою осадою.

Тут Хрисант спросил: 8

— А разве не течет посредине города эта река, ширина которой более чем два стадия?[56]

— Верно, клянусь Зевсом, — отвечал Гобрий, — но и глубина у нее такая, что если даже человек встанет на плечи другому, то и тогда он не покажется над водою, так что этой рекой город еще более укреплен, чем стенами.

9 — Оставим, Хрисант, то, что выше наших сил, — заметил Кир[57]. —
Давайте лучше отмерим поскорее каждому участок и будем копать ров,
как можно более широкий и глубокий, чтобы для несения караула нам
потребовалось как можно меньше людей.
10 Итак, разметив участки вдоль всей стены и оставив лишь у реки место
для возведения больших башен, он велел копать огромный ров в обе сто-
11 роны вдоль стены, причем землю они отгребали к себе[58]. Первыми Кир
стал строить башни у реки, ставя их на основание из стволов финиковых
пальм, длиной не менее чем в плетр[59]. Вообще же эти деревья бывают и
большей длины, причем от давления тяжести они выгибаются кверху,
12 словно вьючные ослы[60]. Кир клал эти деревья в основание для того,
[чтобы было похоже, что он готовится к длительной осаде][61], чтобы река,
если она ринется в ров, не снесла этих башен. Он также стал возводить
много других башен на земляном отвале, чтобы иметь побольше стороже-
вых фортов.
13 Вот какими приготовлениями было занято войско Кира. Враги же,
засевшие в крепости, смеялись над этой осадой, потому что у них было
запасов больше, чем на двадцать лет. Узнав об этом, Кир поделил свое
войско на двенадцать частей с тем, чтобы каждая часть несла сторожевую
14 службу один месяц в году. Услышав об этом, вавилоняне еще больше стали
смеяться, представляя себе, как их будут сторожить фригийцы, лидяне,
арабы и каппадокийцы, которые, как они считали, все были более располо-
жены к ним, чем к персам.
15 Наконец, рвы были выкопаны. Между тем Кир узнал, что в Вавилоне
наступает такой праздник, во время которого все горожане целую ночь
пьют и гуляют. В эту ночь, как только стемнело, Кир поднял множество
16 людей и с их помощью открыл рвы для речной воды[62]. Лишь только это
было сделано, как вода, ночью же, хлынула во рвы, и русло реки в городе
17 стало проходимо для людей. Когда этот участок реки был таким образом
подготовлен для прохода, Кир передал приказ хилиархам персидской пе-
хоты и конницы построить каждую тысячу в две цепочки и прибыть к нему,
а остальным союзникам следовать за ними, сохраняя прежний боевой по-
18 рядок. Когда воины собрались, Кир велел спуститься в обмелевшую реку
пешим и конным гиперетам и проверить, проходимо ли теперь русло реки.
19 Когда те донесли, что река проходима, Кир подозвал к себе предводите-
лей пехотных и конных отрядов и обратился к ним с такими словами:
20 — Друзья мои, река уступила нам дорогу в город. Войдем же в него
без колебаний и страха, помня, что враги, на которых мы теперь дви-
немся, — те же самые, которых мы побеждали, хотя они имели при себе
союзников и все были бодрыми и трезвыми, были вооружены и построены
21 в боевой порядок. А теперь мы нападаем на них в момент, когда многие
из них спят, другие пьяны и никто не соблюдает никакого порядка. Более
того, когда они заметят, что мы уже в городе, они от потрясения станут
22 еще более не способны к сопротивлению. Если же кого из вас тревожит
то, что, как говорят, особенно опасно для врывающихся в город, а именно,
что враги заберутся на крыши и станут со всех сторон обстреливать нас,

то этого отнюдь не надо бояться: если какая-то их часть и заберется на кровли домов, то у нас есть надежный союзник — бог Гефест. Двери их домов легко могут загореться, потому что створки дверей сделаны из финикового дерева и смазаны легко воспламеняющимся асфальтом[63].
23 А у нас — много смолистой лучины, которая быстро загорится, много смолы и пакли, которые вмиг запылают большим пламенем, так что врагам, засевшим в домах, сразу же придется либо бежать, либо сгореть заживо.
24 Однако пора, берите ваше оружие. Я сам с помощью богов поведу вас вперед. Вы же, Гадат и Гобрий, показывайте нам дорогу; ведь вам она хорошо известна. А когда мы будем в городе, ведите нас кратчайшим путем к царским дворцам[64].

25 — Конечно, — согласились люди Гобрия, — не будет ничего удивительного, если ворота царского дворца окажутся даже не запертыми. Ведь сегодняшней ночью весь город предается разгулу. Однако перед воротами мы непременно натолкнемся на охрану: она всегда там стоит.

— В таком случае, — сказал Кир, — надо, не мешкая, идти вперед, чтобы застичь врагов по возможности врасплох.

26 После таких речей они двинулись в путь. Всех, кто попадался им навстречу, они убивали на месте, но некоторые успевали бежать и укрыться в домах или принимались кричать. Люди Гобрия со своей стороны отвечали им криком, как будто они тоже принимали участие в гулянии. Продвигаясь как можно быстрее, они подошли, наконец, к царским дворцам.
27 Тут воины, шедшие с Гобрием и Гадатом, обнаружили, что ворота дворца заперты. Но те, кто должны были напасть на стражников, застали их пьющими при свете яркого огня и вмиг разделались с ними так, как полагается с врагами.
28 Поднялись крики и шум, которые услышали во дворце. Тогда царь приказал выяснить, что случилось, и некоторые из его людей, открыв ворота, выбежали наружу.
29 Как только воины Гадата увидели ворота раскрытыми, они ринулись внутрь и, преследуя и избивая врагов, устремившихся обратно во дворец, добрались таким образом до царя. Они
30 застали его уже на ногах, с обнаженным акинаком в руках. Воины Гадата и Гобрия тут же покончили с ним. Находившиеся при нем люди также погибли, кто — пытаясь прикрыться чем-либо, кто — порываясь бежать,
31 а кто — защищаясь чем только можно. Между тем Кир разослал по всем улицам отряды всадников и велел им убивать всех, кого они застигнут на дороге, а тем, кто укрылся в домах, объявить через посредство лиц, понимавших по-сирийски, чтобы они там и оставались, и что всякий, кого застигнут на улице, будет немедленно умерщвлен[65].

32 Пока воины исполняли этот приказ, к Киру пришли Гадат и Гобрий. Прежде всего они возблагодарили богов за то, что им удалось покарать нечестивого царя, а затем, проливая обильные слезы радости, покрыли поцелуями руки и ноги Кира.
33 Когда с наступлением дня вражеские воины, занимавшие укрепленные цитадели, узнали, что город взят, а царь погиб, они тут же сдали и эти укрепления[66].

34 Кир немедленно занял цитадели, послав туда своих комендантов с отрядами воинов. Затем он разрешил выдать мертвых для погребения их

родственникам и приказал глашатаям объявить, чтобы все вавилоняне
начали сдавать оружие. Он велел предупредить, что если в каком-либо
доме будет обнаружено оружие, то все живущие в нем будут казнены.
Горожане немедленно стали сносить оружие, а Кир велел сложить его
в цитаделях, чтобы оно было под рукой, если когда-либо в нем появится
35 нужда. Когда с этим было покончено, Кир призвал к себе магов и, по-
скольку город был взят силою[67], разрешил им отделить для богов лучшую
часть добычи и священные участки земли. После этого он стал раздавать
дома и дворцы тем, кого он знал как участников проделанной кампании.
При этом он распределял добычу так, как было когда-то решено[68],
а именно лучшее — лучшим. Если же кто считал себя обиженным, то та-
36 ким Кир велел прийти и изложить свои жалобы. Вавилонянам он пред-
писал возделывать землю, вносить подати и быть в услужении каждому
у того, кому он был отдан. Наоборот, персам — участникам похода и союз-
ным воинам, которые пожелали остаться у него, он предоставил право
вести себя господами в отношении тех, кого они получили в услужение[69].
37 Себя самого Кир также хотел теперь окружить такой обстановкой, ка-
кая по его мнению, подобала царю. Однако он решил сделать это с согла-
сия друзей с тем, чтобы потом возбуждать в них как можно меньше за-
висти, когда он станет появляться на людях в редких и торжественных
случаях. Для этого он прибегнул к следующей уловке: пришел с наступле-
нием дня в такое место, которое казалось ему наиболее подходящим для
его цели, и стал там принимать всех, кто хотел о чем-либо спросить, давал
38 им ответы и отпускал. Как только люди узнали, что Кир принимает всех
желающих, они устремились туда во множестве; при этом из-за толкотни
39 тех, кто пытался подойти поближе, поднялся крик и начались ссоры. Ги-
переты старались, как могли, пропускать людей по порядку. Когда же,
расталкивая толпу, появлялся тот или иной из друзей Кира, последний,
протянув руку, притягивал их к себе и говорил:

— Друзья мои, подождите, пока мы управимся с этой толпой, и тогда
поговорим спокойно.

Друзья ждали, но толпа стекалась все больше и больше, и вечер насту-
40 пил прежде, чем Кир получил возможность поговорить с друзьями. Тогда
Кир сказал:

— Теперь, друзья, нам пора расстаться. Но приходите завтра утром,
так как я тоже хочу с вами побеседовать кое о чем.

Едва выслушав Кира, друзья с радостью поспешили разойтись, так как
успели натерпеться от невозможности удовлетворить свои физические по-
требности.

41 Итак, все отправились спать. На следующий день Кир явился на преж-
нее место, где его окружила еще бóльшая толпа людей, желавших обра-
титься к нему, причем все они явились намного раньше его друзей. Тогда
Кир окружил себя длинной цепью персидских копьеносцев и велел не
пропускать никого, кроме друзей и командиров персидских и союзных
отрядов. Когда эти последние собрались, Кир обратился к ним с такой
42 речью:

— Друзья и союзники, до сих пор мы ни разу не могли упрекнуть богов в том, что какое-либо из наших заветных желаний не осуществилось. Однако, если следствием наших великих свершений будет полная невозможность располагать досугом для себя и предаваться радости с друзьями, то я готов распроститься с таким счастьем. Вы уже вчера 43 могли заметить, что, хотя мы начали выслушивать просителей с самого утра, мы так и не кончили с этим до позднего вечера, а нынче, как вы видите, этих людей, готовых доставить нам хлопоты, явилось еще больше, чем вчера. Если открыть им свободный доступ, то для вас, я уверен, оста- 44 нется ничтожная возможность для общения со мной, как и для моего — с вами, а уж для того, чтобы остаться наедине с собой, у меня — я это точно знаю — и вовсе не будет времени. Вдобавок, я вижу в этом и дру- 45 гую, нелепую сторону. Я, разумеется, отношусь к вам по-дружески, как вы того и заслуживаете, тогда как из этих обступивших меня людей, за вычетом одного-двух, я никого не знаю. Между тем все они настроены таким образом, что будут стараться оттолкнуть вас и первыми добиться от меня удовлетворения своих просьб. Я же всегда считал, что такие просители, если у них есть какое-либо дело ко мне, должны прежде обратиться к вам, моим друзьям, прося посодействовать в приеме. Конечно, 46 мне могут сказать, отчего же тогда я с самого начала не завел такой порядок, а открыл свободный доступ к себе. Но я считал, что военные дела требуют как раз того, чтобы полководец всегда вовремя и выяснял то, что нужно узнать, и выполнял то, что нужно сделать. А военачальники, которые редко появляются на людях, по-моему, часто упускают из виду какое-либо важное дело. Теперь, когда для всех наступил отдых от этой много- 47 трудной войны, мне кажется, что и моя душа тоже имеет право на некоторый отдых. Поскольку, однако, сам я затрудняюсь решить, как мне надо поступить, чтобы и нам было хорошо и всем остальным, о ком мы призваны заботиться, то вы дайте мне совет, какой сочтете наиболее подходящим.

Такую речь произнес Кир. Тогда поднялся Артабаз, который некогда 48 выдавал себя за родича Кира, и сказал:

— Безусловно, Кир, ты хорошо сделал, что начал этот разговор. Ведь я с самого начала, когда ты был еще совсем молод, желал стать твоим другом, но, видя, что тебе нет до меня никакого дела, не решался к тебе подойти. Когда же, наконец, тебе пришлось и ко мне обратиться с прось- 49 бой, чтобы я известил мидян о воле Киаксара, я стал надеяться, что если окажу тебе в этом должное содействие, то стану близким тебе человеком и мне можно будет беседовать с тобой сколько захочу. И действительно, все было сделано мною так, что ты меня похвалил. Но тут гирканцы пер- 50 выми сделались нашими друзьями как раз тогда, когда мы крайне нуждались в союзниках, так что от любви к ним мы разве что на руках их не носили. А когда после этого был захвачен вражеский лагерь, у тебя, я знаю, вновь не было времени заниматься мною, и я готов был простить тебе это. Затем нашим другом стал Гобрий, и я радовался этому; потом 51 появился Гадат, и уже трудно было заполучить хоть частицу тебя. Но

когда союзниками стали и саки, и кадусии, то пришлось, естественно, угож-
52 дать и им, ибо и они, со своей стороны, тебе угождали. Когда же мы возвратились снова в те места, откуда началось наше наступление[70], и я увидел тебя погруженным в хлопоты о конях, о колесницах, о боевых машинах, я успокоил себя тем, что, когда ты освободишься от всего этого, тогда и для меня у тебя появится досуг. Но тут пришло страшное известие, что весь свет собирается походом на нас[71], и я понял, что это — важнее всего. Однако я был уверен, что если эта кампания окончится благополучно, то уж тогда-то у нас не будет недостатка во времени для взаимного общения.
53 И вот мы победили в великой битве и подчинили своей власти и Сарды, и Креза; мы взяли Вавилон и покорили всех, кого можно. И тем не менее, клянусь Митрой[72], если бы я вчера не проложил себе дорогу кулаками, я так и не смог бы добраться до тебя. Однако, когда ты пожал мне руку и попросил остаться с тобою, я получил завидное преимущество — провести
54 с тобой целый день без еды и питья. Поэтому было бы неплохо, наконец, чтобы мы, у кого больше всего заслуг, больше всего и пользовались твоим обществом. В противном случае я готов вновь известить от твоего имени[73], чтобы убирались прочь от тебя все, кроме нас, самых старинных твоих друзей.

55 Кир и многие другие рассмеялись при этих его словах, а перс Хрисант встал и сказал так:

— Вполне естественно, Кир, что в прежнее время ты вел открытый образ жизни и был доступен для всех, как в силу тех причин, о которых ты сам сказал, так и потому, что не мы тогда в первую очередь требовали твоего внимания: нас приковывали к тебе наши собственные интересы, а всех остальных надо было склонить любым способом, чтобы они без-
56 условно были готовы делить с нами и труды и опасности. Но теперь, когда ты не одним этим способом, но и тысячами других можешь склонить на свою сторону кого понадобится[74], ты вправе уже обзавестись собственным домом. Иначе, что за польза тебе от власти, если ты один будешь лишен очага, священнее, сладостнее и роднее которого нет места на свете. Кроме того, разве не будет нам, по-твоему, стыдно, если ты на наших глазах будешь по-прежнему жить лагерной жизнью, а мы расположимся в домах и окажемся по сравнению с тобой в более выгодном положении?

57 После такой речи Хрисанта в том же духе, согласно с ним, высказались и многие другие. Тогда Кир уже без колебаний въехал в царский дворец, и здесь же передали ему сокровища те, кто перевозил их из Сард. Вступив во дворец, Кир первым делом принес жертву Гестии, а затем Зевсу Царю и некоторым другим богам по указанию магов.

58 Только исполнив этот долг, он занялся устройством прочих дел. Он сознавал особенности своего нового положения: ему предстояло управлять множеством людей и он собирался жить в самом большом из всех славных городов[75], а между тем город этот был настроен по отношению к нему самым враждебным образом — целый город против одного человека! Размышляя над этим, он решил, что ему необходимо иметь при себе охрану.
59 Зная, что люди особенно легко становятся жертвами нападения за едой

и питьем, при купании, на ложе или во сне, он стал размышлять, на кого
в особенности он мог бы положиться в каждом из таких случаев. Он по-
лагал, что никогда не сможет быть верным такой человек, который кого-
либо иного будет любить больше, чем того, кого он охраняет. Кир был 60
убежден, что люди, имеющие детей, жен, живущих с ними в согласии, или
возлюбленных, естественным образом должны любить их более всего на
свете, тогда как евнухи, лишенные всех этих близких людей, должны
были, по его представлению, более всего дорожить теми, кто в особен-
ности мог их обогатить, защитить от обид и окружить почетом. Но как
раз в благодеяниях такого рода, как он знал, его не смог бы превзойти
ни один человек. Кроме того, коль скоро евнухи презираемы всеми дру- 61
гими людьми, то уже по одному этому они нуждаются в защитнике — гос-
подине. Ведь нет человека, который не стал бы требовать себе положения
выше евнуха, если только этому не препятствует преимущество в силе.
Однако если евнух предан господину, то ничто не мешает и евнуху поль-
зоваться преимуществом. Что же касается весьма распространенного мне- 62
ния, что евнухи трусливы, то Кир не разделял и этого взгляда. По наблю-
дениям над другими животными, он заключал, например, что строптивые
кони от холощения лишь перестают кусаться и брыкаться, но отнюдь не
становятся менее пригодными для войны; что быки от холощения также
теряют свой прежний норов и упрямство, но не лишаются силы и способ-
ности к труду; что, наконец, псы после холощения перестают убегать от
своих хозяев, но ничуть не становятся менее пригодными для того, чтобы
сторожить или для охоты. Равным образом и люди, лишенные любовного 63
влечения, делаются лишь более спокойными, однако они не становятся
менее усердными в исполнении поручений, или менее искусными в верхо-
вой езде, или менее ловкими в метании копья, или менее честолюбивыми.
Напротив, и на войне, и на охоте их поведение неопровержимо свидетельст- 64
вовало о том, что они сохраняют в душах своих стремление к победе. А что
касается их верности, то они не раз ее доказывали, в особенности при ги-
бели своих господ. По крайней мере никто не выказывал на деле большей
верности своим господам, когда с теми случалось несчастье, чем евнухи[76].
Что же касается видимого ослабления их телесной силы, то на войне ору- 65
жие вполне уравнивает слабых с сильными. Придерживаясь такого взгляда,
Кир всех своих служителей, начиная с привратников, набирал из евнухов.

Считая, однако, что эта охрана недостаточна по сравнению с массою 66
враждебно настроенного населения, он стал обдумывать, каких других
надежных стражей он мог бы поставить вокруг своего дворца. Зная, что 67
персы, оставшиеся на родине, влачат самое жалкое существование из-за
бедности и живут в непрерывных трудах из-за того, что земля их скалиста
и они сами должны обрабатывать ее[77], он подумал, что эти люди были бы
необычайно рады состоять на его службе. Итак, он отобрал из них десять 68
тысяч копьеносцев, которые и днем и ночью стали нести сторожевую
службу вокруг его дворцов, когда он находился в стране; а когда он куда-
либо отправлялся, то они шли рядом с ним, выстроившись по бокам. По- 69
лагая, что и во всем Вавилоне должно быть достаточно охраны на любой

случай, будет ли он сам находиться в городе или окажется в отъезде, он
и в Вавилоне также поставил необходимый гарнизон. При этом он распо-
рядился, чтобы жалованье этим воинам также выплачивали вавилоняне,
ибо он хотел ввергнуть вавилонян в крайнюю нужду, чтобы можно было
сильнее принизить их и легче удерживать в повиновении[78].
70 Эта учрежденная тогда охрана царя, равно как и гарнизон в Вавилоне,
продолжают существовать в прежнем виде и поныне. Обдумывая далее,
каким образом можно будет удерживать в своих руках только что обра-
зованную державу и присоединять к ней новые владения, Кир пришел
к мысли, что его наемники должны настолько превосходить доблестью по-
коренное население, насколько они уступают ему в численности. Он счи-
тал, что нужно удержать при себе этих храбрых людей, которые с по-
мощью богов доставили ему победу, и что надо приложить все усилия
71 к тому, чтобы они не забросили упражнений в доблести. Однако, чтобы не
казалось, что он это им навязал, но чтобы они сами тоже признали за
наилучшее сохранять прежний порядок и упражняться в доблести, он со-
звал на совет гомотимов и вообще всех, кто занимал командные долж-
ности и в ком он видел достойнейших участников и трудов и наград.
72 Когда они собрались, он сказал им так:
— Друзья и союзники, великую благодарность мы должны питать
к богам за то, что они позволили нам добиться осуществления всех наших
стремлений. В самом деле, мы обладаем теперь и землями, обильными и
плодородными, и людьми, которые, работая на них, будут доставлять нам
все необходимое; у нас есть также дома, а в них вся нужная обстановка.
73 При этом никто из вас не должен думать, что, владея всем этим, он вла-
деет чужим. Во всем мире извечно существует закон: когда захватывается
вражеский город, то все в этом городе становится достоянием завоевате-
лей — и люди, и имущество. Стало быть, вы вовсе не вопреки закону бу-
дете обладать тем, что теперь имеете, а наоборот, лишь по доброте своей
74 не лишите побежденных того, что вы им еще оставили. Что же касается
нашей будущей жизни, то мое мнение таково: если мы впадем в беспеч-
ность и в изнеженность, характерные для порочных людей, которые счи-
тают труд несчастьем, а праздную жизнь — счастьем, то, я уверен, скоро
75 мы не сможем толком постоять за себя и лишимся всех благ. Ведь стать
однажды доблестными мужами — этого еще недостаточно, чтобы ос-
таться такими на всю жизнь, если не заботиться об этом постоянно. По-
добно тому как искусства, будучи заброшены, приходят в упадок, а тела,
даже хорошо развитые, вновь хиреют, когда люди беспечно относятся к их
развитию, точно так же и благоразумие, и воздержанность, и мужество
превращаются в свою дурную противоположность, лишь только люди пе-
76 рестают в них упражняться[79]. Поэтому не следует жить беззаботно и пре-
даваться доступным наслаждениям. Конечно, это великое дело — завла-
деть властью, но еще более трудное — однажды захватив, сохранить ее
за собой[80]. Ведь это нередко удается тому, кто проявил всего лишь дер-
зость, но удержать завоеванное уже никак не возможно без благоразумия,
77 без воздержания, без великого радения. Имея это в виду, нам надо теперь

упражняться в воинской доблести еще больше, чем до приобретения всех
этих благ, ибо нужно хорошенько усвоить, что, чем больше кто имеет, тем
больше людей ему завидуют, против него злоумышляют, становятся ему
врагами, особенно когда он, подобно нам, владеет богатствами и застав-
ляет работать на себя других против их воли. Конечно, мы можем рас-
считывать, что боги будут за нас, ибо мы владеем нашим достоянием не
вопреки праву как злоумышленники, а наоборот, претерпев от чужого
умысла и покарав за него. Однако о следующем за божьей помощью силь- 78
нейшем способе мы должны позаботиться сами. Это ощущение себя до-
стойными власти в силу собственного превосходства над подвластными.
Конечно, нам придется позволить и рабам нашим испытывать жару и хо-
лод, голод и жажду, усталость от труда и потребность во сне. Все же,
позволяя им испытывать это, мы должны стараться из всех этих испыта-
ний выходить первыми. Зато к военным знаниям и упражнениям вовсе не 79
обязательно приобщать тех, кого мы желаем сделать нашими рабами и
данниками. Надо сохранить за собой превосходство в военных делах, па-
мятуя, что боги дали их людям как орудия свободы и счастья. И с той же
целью, с какой мы лишили оружия наших подданных. Нам самим никогда
не следует расставаться с ним, ибо надо крепко усвоить: чем ближе кто
находится к оружию, тем проще тому когда угодно и воспользоваться
им[81]. Но, возможно, кому-нибудь из вас приходит такая мысль: для чего 80
нам было добиваться осуществления наших стремлений, если все еще при-
дется переносить и голод, и жажду, и труды, и заботы? Надо, однако, по-
нять, что счастье доставляет тем больше радости, чем больше потрудишься
прежде, чем достигнешь его. Ведь труд — приправа к счастью; а если ты
получишь что-либо, не ощущая потребности, то, сколь бы роскошное блюдо
тебе ни предложили, оно не доставит удовольствия. Итак, коль скоро бо- 81
жество помогло нам обрести такие богатства, о каких люди могут только
мечтать, а от нас самих зависит сделать обладание ими еще более сла-
достным, то очевидно, что по сравнению с людьми менее обеспеченными
мы будем пользоваться тем бо́льшим преимуществом, что сможем, испытав
голод, отведать вкуснейшей еды, ощутив жажду — испить приятнейших
напитков, а почувствовав нужду в отдыхе — сладко отдохнуть. Вот почему 82
я утверждаю, что теперь, как никогда, нам надлежит стремиться к благо-
родному совершенству, чтобы наилучшим и приятнейшим способом насла-
диться счастьем и не испытать самой большой неприятности. Ибо не так
страшно не достичь счастья, как горько лишиться уже достигнутого[82].

Подумайте также, на что сможем мы ссылаться в свое оправдание, если 83
позволим себе стать хуже, чем мы были раньше? Неужели на то, что мы
властвуем? Но ведь властителю никак не подобает быть хуже своих под-
данных. Или, может быть, на то, что теперь нас признают более счастли-
выми, чем прежде? Но ведь тогда можно сказать, что счастью сопут-
ствует порок. Или на то, что мы обзавелись рабами, которых можем нака-
зывать за испорченность? Но разве пристало, будучи самому порочным,
наказывать других за испорченность или леность? Заметьте также, что 84
мы приготовились содержать многочисленных стражей для охраны нашего

достояния и нашей жизни. Так разве не будет стыдно, если мы станем надеяться на безопасность, только полагаясь на телохранителей, а сами себя охранять не будем?[83] Вообще надо раз и навсегда усвоить, что нет охраны надежнее, чем собственная высокая доблесть. Это качество непременно должно быть присуще каждому; лишенный же доблести не обладает
85 и другими достоинствами. Итак, что можно сказать о ваших обязанностях? Как надо воспитывать доблесть и где упражняться в ней? На этот счет, воины, я ничего не скажу вам нового: подобно тому, как в Персии гомотимы проводят свои дни у правительственных зданий, так и нам, я думаю, коль скоро мы тоже гомотимы, надлежит оставаться здесь и во всем поступать точно так же, как и там. Тогда и вы, присутствуя здесь и наблюдая за мной, сможете убедиться, провожу ли я время в заботах о нужных делах, и я, в свою очередь, смогу лично наблюдать за вами, и кого буду видеть занятым благородными делами, тех смогу отличить.

86 Равным образом и детей наших, когда они у нас появятся, давайте воспитывать здесь же: мы сами будем от этого лучше, благодаря стремлению стать лучшим примером для своих детей, да и им тоже, даже при желании, нелегко будет испортиться, не видя и не слыша ничего постыдного, но проводя целые дни в благородных занятиях.

КНИГА ВОСЬМАЯ

Глава I

Такую речь произнес Кир[1]. Вслед за ним встал Хрисант и сказал так: 1
— В самом деле, воины, нередко я и в других случаях замечал, что мудрый властитель ничем не отличается от хорошего отца. Как отцы пекутся о своих детях, чтобы у них никогда не было недостатка в необходимом, так и Кир, мне кажется, дает нам нынче такие советы, благодаря которым мы лучше всего сможем сохранить наше счастье. Но об одном, я полагаю, он сказал меньше, чем следовало; это я и постараюсь разъяснить тем, кто не знает[2]. Припомните: какой вражеский город удавалось 2
взять недисциплинированным воинам? Какой дружеский удавалось защитить непослушным? Какое войско, состоящее из непокорных, когда-либо добивалось победы? В каких случаях люди чаще проигрывали сражения? Не тогда ли, когда каждый начинал помышлять лишь о собственном спасении? Чего вообще хорошего совершали те, кто не повиновался лучшим? Какие города управлялись согласно законам, какие состояния сохранялись? Каким образом добирались корабли до цели? Да и мы сами, как 3
добились всего, что мы имеем, как не повиновением нашему полководцу? Ведь благодаря этому и ночью и днем мы быстро оказывались там, где надо; шли, сомкнувшись вокруг нашего предводителя, и потому были неодолимы; ни одного его приказания не исполняли только наполовину. Однако, если повиновение служит лучшим средством для достижения успеха, то оно же, будьте уверены, является лучшим способом и для сохранения того, что надо сохранить. Раньше многие из нас не имели никого под своим 4
началом, а сами были под началом других. Теперь же, наоборот, положение всех, кто здесь присутствует, таково, что вы все отдаете приказания, одни — большему числу людей, другие — меньшему. Однако, подобно тому, как сами вы будете стремиться сохранить свою власть над подчиненными вам людьми, точно так же нам надлежит подчиняться тому, кто стоит над нами. При этом наше поведение должно отличаться от поведения рабов именно тем, что рабы служат своим господам поневоле, а мы, если только хотим быть свободными, должны добровольно делать то, что кажется наиболее необходимым. Вы можете легко установить, — продолжал он, — что даже там, где государства обходятся без монархии, наиболее неуязвим для врагов тот город, который более всего готов подчиняться властям. Итак, 5
будем являться, как нам велит Кир, к его дворцу; станем упражняться во

всем, что лучше всего поможет удержать наше достояние; предоставим са-
мих себя в полное распоряжение Киру. При этом следует быть уверен-
ными, что Кир не сможет отыскать для нас такой службы, которая ему
пойдет на благо, а нам нет, потому что нам всем полезно одно и то же и
враги у нас одни и те же.
6 После такой речи Хрисанта стали подниматься многие другие, и персы,
и союзники, чтобы заявить о своем согласии. В конце концов было решено,
чтобы знатные воины всегда являлись ко двору Кира и предоставляли
себя в полное его распоряжение, пока он их не отпустит. И как тогда было
решено, так и поныне еще делают находящиеся под властью царя жители
7 Азии: они до сих пор несут службу при дворах своих правителей. Все эти
правила, которые, как было показано в нашем рассказе, Кир установил
для сохранения власти за собой и за персами, еще и сейчас соблюдаются
8 персидскими царями — его преемниками. Впрочем, и здесь дело обстоит
так же, как и в остальных случаях: чем лучше бывает глава государства,
тем безупречнее исполняются законы, а чем хуже, — тем небрежнее.

Итак, знатные воины стали являться ко двору Кира на конях и с копь-
ями, поскольку так было единодушно решено всеми особенно отличив-
шимися при создании новой державы.
9 Над разными областями управления Кир поставил различных ответ-
ственных лиц. У него были приемщики доходов и блюстители расходов,
смотрители работ, хранители имущества, управители, распоряжавшиеся при-
пасами для стола. Он назначил также надзирателей за конюшнями и псар-
ней, подобрав их из таких людей, которых считал наиболее способными
10 содержать для него в готовности лошадей и собак[3]. Что же касается тех,
в ком он чаял найти помощников по охране общего благополучия, то за-
боту об их дальнейшем совершенствовании он не решился возлагать на
других: это занятие он счел нужным оставить за собой. Ведь он знал, что
если когда-либо понадобится вести войну, то из этих людей ему придется
набирать для себя бойцов, которые в битве будут стоять рядом или сзади,
чтобы делить с ним самые большие опасности. Он понимал, что из их же
11 числа придется назначать таксиархов и в пехоту и в конницу. Знал он
также, что если понадобится послать куда-либо стратегов, способных уп-
равиться и без него, то их тоже придется подбирать из числа этих близ-
ких к нему людей; что некоторые из них должны будут стать стражами
и сатрапами городов и целых народов, а другие еще и отправляться с по-
сольствами, которые он считал одним из важнейших средств, позволяю-
12 щих добиться нужной цели без войны. Если эти люди, с помощью кото-
рых предстояло вершить множество величайших дел, не будут такими, ка-
кими надо, то, думал он, его дела примут скверный оборот; но если они
будут такими, какими им надлежало быть, то, полагал он, все пойдет у него
наилучшим образом. Придерживаясь такого мнения, он с головой окунулся
в это занятие. При этом он был убежден, что оно и для него самого явится
упражнением в доблести. Ибо, рассуждал он, если не будешь сам образ-
цом во всем, то не сможешь и других побуждать к благородным делам.
13 Исполнившись такого намерения, он понял, что прежде всего нуждается

в досуге, если хочет располагать условиями для занятия самым главным. Разумеется, он считал для себя невозможным пренебречь заботою о доходах, ибо предвидел, что неизбежны будут также и большие траты на управление столь огромной державой. Вместе с тем он сознавал, что если он сам будет заниматься этими делами, то при обширности его владений эти занятия не оставят ему свободного времени для заботы о высших интересах всего государства. Обдумывая поэтому, каким образом наладить управ- 14
ление хозяйством и одновременно обеспечить себе досуг, он обратил внимание на характер организации в войске. Там по большей части декадархи присматривают за своими декадами, лохаги — за декадархами, хилиархи — за лохагами[4], мириархи — за хилиархами. В результате никто не остается без присмотра, даже если воинов набирается многие десятки тысяч, и когда стратегу нужно употребить войско для какой-либо цели, ему достаточно лишь передать приказ мириархам. Итак, подобно этому порядку в армии, 15
Кир точно так же сосредоточил воедино и управление хозяйственными делами. В результате, хотя он ограничивался беседами с немногими лицами, ни одно из хозяйственных дел не оказывалось у него в небрежении. Более того, с этих пор он располагал досугом даже бо́льшим, чем, скажем, хозяин одного дома или одного корабля. Устроив таким образом распорядок своих дел, он научил затем и людей из своего окружения следовать этому распорядку.

Обеспечив таким образом необходимый досуг и себе и своим прибли- 16
женным, Кир обратился, наконец, к заботам о том, чтобы и они были такими, как надо. Первым делом, если кто-либо из них не являлся ко двору, хотя и получал достаточно дохода от своих рабов, то Кир обязательно осведомлялся о таких. Он считал, что являвшиеся ко двору не позволят себе никакого дурного или позорного поступка, так как вся их жизнь протекает на глазах государя и из убеждения, что любой их поступок будет замечен лучшими людьми. Те же, кто не являлся ко двору, отсутствовали, по мнению Кира, или из-за распутства, или прегрешения, или нерадивости. Расскажем сначала, как он принуждал таких нерадивых яв- 17
ляться ко двору. Кому-нибудь из своих ближайших друзей он приказывал забрать имущество уклоняющегося от обязанностей, объявив при этом, что забирает свое собственное достояние. Когда такое случалось, лишившиеся имущества тотчас же прибегали к Киру, чтобы пожаловаться на обиду. Тот долгое время не мог найти возможности выслушать их, а когда, 18
наконец, выслушивал, долго еще откладывал решение дела. Кир считал, что, поступая таким образом, он приучает людей к службе, причем это — средство менее ненавистное, чем принуждать их к присутствию прямым наказанием. Это был у него один способ приучать людей бывать при дворе. 19
Другой состоял в том, что присутствующим он давал самые легкие и самые выгодные поручения. Третий — чтобы никогда не жаловать ничего отсутствующим. Но самым решительным методом принуждения, когда че- 20
ловек не внимал ни одному из предупреждений, было лишение его всех владений и передача их тому, кто, по мнению Кира, готов был являться своевременно. Вместе с тем у Кира появлялся полезный друг вместо бес-

полезного. Нынешний персидский царь также осведомляется о причине,
если кто-нибудь у него отсутствует из тех, кому надлежит быть при
дворе.
21 Так относился Кир к отсутствующим. Что же касается тех, кто с готов-
ностью являлся в его распоряжение, то он полагал, что, будучи их прави-
телем, он особенно сумеет побудить их к благородным делам, если поста-
рается показать себя перед подчиненными во всем блеске несравненной
22 доблести. Конечно, он сознавал, что благодаря письменным законам люди
тоже становятся лучше, однако хорошего правителя Кир считал живым
законом для людей[5], потому что он в состоянии и отдавать распоряже-
23 ния, и видеть и наказывать не соблюдающих порядок. Придерживаясь
такого мнения, он прежде всего старался показать свое усердие в почи-
тании богов, притом именно в то время, как дела были хороши[6]. Тогда
впервые были назначены им маги <...>[7], чтобы всегда с наступлением
дня восхвалять богов и ежедневно приносить жертвы тем из них, на кото-
24 рых укажут маги. Эти установления и поныне еще сохраняют свою силу
при каждом персидском царе. В благочестии Киру стали подражать и все
другие персы, во-первых, полагая, что сами они добьются большего сча-
стья, если будут чтить богов по примеру того, кто был их властелином и
вместе с тем самым счастливым человеком; кроме того, они считали, что
25 таким поведением угодят Киру. А тот, в свою очередь, был убежден, что
благочестие окружающих окажется благом и для него самого, ибо он рас-
суждал совершенно так же, как мореплаватели, которые предпочитают
иметь товарищами по плаванию людей благочестивых, а не таких, которых
признают святотатцами[8]. Кроме того, он думал, что если его придворные
будут людьми богобоязненными, то они менее будут склонны поступать не-
честиво по отношению друг к другу и к нему самому, ибо он считал себя
26 их благодетелем. Показывая, далее, что он превыше всего ставит стремле-
ние не причинять обиды ни другу, ни союзнику и изо всех сил старается
соблюдать справедливость, Кир надеялся, что и другие благодаря этому
скорее станут воздерживаться от постыдного стяжательства и постараются
27 жить по справедливости. Он считал также, что ему легче будет внушить
другим чувство стыда, если всем станет ясно, что сам он исполнен такой
стыдливости, что не способен ни сказать, ни сделать ничего постыдного.
28 О том, что такое предположение правильно, он судил на следующем осно-
вании: люди испытывают больше стыда не только перед правителем, но
и перед теми, кто не внушает страха, если последние стыдливы, а не бес-
стыдны; даже на женщин они обычно взирают с большей сдержанностью,
29 когда чувствуют, что и те стыдливы. Он верил, что послушание станет
непременным качеством окружавших его людей именно тогда, когда ста-
нет ясно, что он более отличает безоговорочно повинующихся, чем совер-
шающих, казалось бы, самые значительные и самые трудные подвиги. При-
30 держиваясь такого мнения, он так всегда и поступал[9]. Его скромность по-
буждала и всех остальных воспитывать в себе то же качество. Ведь когда
окружающие видят, что тот, кому все позволено, остается скромным, тогда
и другим, менее значительным людям не хочется быть замеченными

в скверных поступках. Стыдливость и скромность Кир различал следую- 31
щим образом: люди стыдливые избегают в открытую совершать позорные
поступки, скромные же не совершают их и втайне. Равным образом, чтобы 32
обратить других к постоянному соблюдению воздержанности, он считал
особенно важным показать, что сам он не отвлекается от добрых дел до-
ступными всегда наслаждениями, а наоборот, раньше веселых утех стре-
мится потрудиться ради возвышенной цели. Поступая таким образом, 33
Кир добился при своем дворе строгого порядка, когда худшие спешили
уступить лучшим и все относились друг к другу с учтивостью и уваже-
нием. Нельзя было встретить там никого, кто выражал бы свой гнев кри-
ком, а радость — наглым смехом; напротив, наблюдая этих людей, можно
было заключить, что они действительно живут в соответствии с высокими
идеалами.

Вот чем постоянно занимались и что всегда имели перед глазами нахо- 34
дившиеся при дворе Кира. Что же касается военных упражнений, то тех,
для которых он эти занятия признавал необходимыми, Кир брал с собой
на охоту, так как считал ее вообще лучшим упражнением в военных делах
и наиболее пригодной для совершенствования в искусстве верховой езды.
Ведь охота особенно развивает умение держаться в седле при скачке по 35
любой местности, когда приходится догонять убегающую дичь, и отлично
приучает действовать с коня, потому что внушает стремление во что бы то
ни стало свалить зверя. Она также позволяла Киру приучать своих сото- 36
варищей к воздержанию, к умению переносить всякие трудности, холод
и жару, голод и жажду. И поныне персидский царь и его окружение со-
храняют привязанность к этому занятию. Мнение Кира, что человеку не 37
пристало властвовать, если он не превосходит доблестью своих подвласт-
ных, достаточно подтверждается как всеми вышеприведенными примерами,
так и тем, что, упражняя таким образом своих людей, он с еще бо́льшим
тщанием закаливал самого себя, приучаясь к воздержанию и осваивая
военные приемы и упражнения. Ведь остальных он выводил на охоту лишь 38
тогда, когда не требовалось оставаться дома, но сам занимался этим и
тогда, когда приходилось оставаться, охотясь в таких случаях на зверей,
содержавшихся в его парках. При этом и сам он никогда не принимался
за обед, не потрудившись до пота, и лошадям не задавал корма, не утомив
их упражнениями. На эту охоту он также приглашал своих скиптродерж-
цев[10]. Вследствие этого, благодаря постоянным упражнениям, и сам он, 39
и люди, его окружавшие, сильно отличались во всех благородных заня-
тиях. Вот какой пример подавал он своим поведением. Но, кроме того, и
всех остальных, в ком он видел особенное стремление к благородным де-
лам, он награждал подарками, должностями, почетными местами и вся-
кими отличиями. Благодаря этому Кир во всех умел возбудить великое
честолюбие, так что каждый старался оказаться в его глазах лучше
других.

В действиях Кира мы можем усмотреть отражение и другого его убеж- 40
дения: властители должны отличаться от подвластных не только своим
личным совершенством, но и способностью очаровывать других. По край-

ней мере он и сам предпочитал носить мидийскую одежду и убедил пользоваться ею своих сотоварищей. Он считал, что эта одежда помогает скрывать телесные изъяны тем, кто их имеет, и позволяет носящим ее казаться
41 красивыми и высокими. Действительно, мидяне носят такие башмаки, в которые они могут совсем незаметно что-нибудь подкладывать, чтобы казаться более высокими, чем они есть на самом деле. Кир позволял также персам подводить глаза, чтобы они казались выразительнее, чем есть, и румяниться, чтобы кожа выглядела более красивой, чем она бы-
42 вает от природы. Он воспитал в них также привычку не плевать и не сморкаться на людях и не оборачиваться явно при виде кого-либо, но сохранять невозмутимость[11]. Он полагал, что все это помогает выступать перед подчиненными в более почтенном виде.

43 Вот так, самолично руководя упражнениями и подавая другим высокий пример, Кир занимался подготовкой тех, кому, по его мнению, надлежало властвовать. Прочих, кому он уготовил быть рабами, он отнюдь не побуждал упражняться в трудных занятиях свободных людей и не позволял им приобретать оружия. Однако он старался, чтобы они никогда не оставались без еды и питья из-за тех упражнений, которыми занимались
44 свободные. Так, когда им приходилось сгонять зверей в долины для всадников, он разрешал им брать с собой на охоту еду, тогда как никому из свободных он не позволял этого. В походе он приказывал своевременно отводить их к воде, как вьючных животных, а когда приходил час завтрака, ждал, пока они что-нибудь съедят, чтобы их не мучил зверский голод. В результате они тоже, подобно самым знатным, называли его своим отцом, хотя он заботился только об одном — чтобы они всегда безоговорочно оставались подневольными слугами.

Так Кир старался обеспечить незыблемость персидской державы. Что
45 касается себя лично, то он был совершенно уверен, что ему не грозит никакой серьезной опасности со стороны порабощенного населения: он считал этих людей лишенными воинской доблести и видел их полную разобщенность, а кроме того, никто из них не мог даже приблизиться к нему ни
46 ночью, ни днем. Однако были и другие, которых он признавал за людей могущественных, тем более, что, как он видел, они были вооружены и сплочены. Некоторых из них он знал как предводителей конных и пеших отрядов, во многих замечал высокий дух людей, уверенных в своей способности властвовать. Эти последние весьма близко соприкасались с его охраной, а многие из них частенько общались и с ним самим; это было необходимо во всех случаях, когда он собирался прибегнуть к их услугам. Конечно, эти люди во многом могли представлять для него серьезную опасность.
47 Обдумывая, каким способом обезопасить себя от угрозы с их стороны, он счел непригодным лишать их оружия и воинского достоинства; он находил это несправедливым и чреватым возможностью крушения своей власти. С другой стороны, совершенно не подпускать их к себе и явно выказывать им свое недоверие тоже могло означать, по его мнению, начало войны.
48 Вместо всего этого, понял Кир, есть только одно, но самое действенное и вместе с тем самое достойное средство обеспечить свою безопасность —

это сделать всех этих могущественных людей более друзьями себе, чем друг другу. Как, по нашему мнению, ему удалось добиться этой дружбы, мы сейчас постараемся рассказать.

Глава II

Первым делом он всегда, в любое время старался как только мог по- 1
казать свою приветливость, потому что, полагал он, как нелегко людям полюбить тех, кого они считают своими ненавистниками, и относиться доброжелательно к своим недоброжелателям, точно так же трудно представить себе, чтобы те, кого знают как друзей и доброжелателей, становились предметом ненависти со стороны тех, кто верит в их дружбу. Пока 2
у него было меньше возможностей одарять людей, он старался добиться дружбы иными средствами — своей заботой о ближних, желанием облегчить их труды, искренней радостью по поводу их успехов и сочувствием — по поводу неудач. Когда же у него появилась возможность жаловать ценные подарки, тогда, думается нам, он прежде всего принял за правило, что никакие дары не доставляют людям столько радости, при одной и той же затрате средств, как угощение. Проникшись таким убеждением, 3
он прежде всего распорядился, чтобы за его столом всегда подавали, наряду с кушаньями для него самого, еще много таких же яств для большого количества людей. Все, что подавалось, он, исключая часть, которая предназначалась ему самому и его сотрапезникам, раздавал тем из своих друзей, кому хотел показать, что помнит о них и благоволит к ним. Рассылал он угощения также и тем, кем был особенно доволен за несение охраны, за оказание услуг или какие-либо другие дела, показывая этим, что их стремление угодить ему не остается незамеченным. Также и слуг 4
он отличал кушаньями со своего стола в знак особой похвалы, причем всю еду для этих слуг приказывал ставить на свой собственный стол, будучи убежден, что как собакам, так и слугам это внушает особую преданность [12]. Затем, если он хотел привлечь к кому-либо из друзей внимание толпы, то таким он также посылал кушанья со своего стола. Ведь и поныне, лишь только люди заметят, что кому-то посылаются дары с царского стола, как все они начинают заискивать перед такими счастливцами, думая, что те находятся в особой милости и могут оказать им содействие. Впрочем, не только в силу этих названных нами причин доставляют радость дары, посылаемые царем; кушанья с царского стола действительно гораздо вкуснее. А что дело обстоит именно так, в этом нет ничего удивительного, ибо как 5
прочие искусства доведены до высокого совершенства в больших городах, так, соответственно, и царские яства готовятся особенно хорошо. Ведь в небольших городах один и тот же мастер делает ложе, дверь, плуг, стол, а нередко тот же человек сооружает и дом, причем он рад, если хоть так найдет достаточно заказчиков, чтобы прокормиться. Конечно, такому че-

ловеку, занимающемуся многими ремеслами, невозможно изготовлять все
одинаково хорошо. Напротив, в крупных городах благодаря тому, что
в каждом предмете нужду испытывают многие, каждому мастеру довольно
для своего пропитания и одного ремесла. А нередко довольно даже части
этого ремесла; так, один мастер шьет мужскую обувь, а другой — женскую.
А иногда даже человек зарабатывает себе на жизнь единственно тем, что
шьет заготовки для башмаков, другой — тем, что вырезает подошвы, тре-
тий — только тем, что выкраивает передки, а четвертый — не делая ничего
из этого, а только сшивая все вместе. Разумеется, кто проводит время за
столь ограниченной работой, тот и в состоянии выполнять ее наилучшим
6 образом. То же самое происходит и с приготовлением пищи. У кого один
и тот же слуга стелет ложе, накрывает на стол, месит тесто, <варит>[13] и
готовит то одни, а то другие кушанья, у того, я думаю, по необходимости
все получается так, как придется. Но в домах, где работы вполне хватает,
чтобы одному — варить мясо, другому — его жарить, третьему — варить
рыбу, четвертому — ее жарить, пятому печь хлеба́, причем не различного
вида, но лишь одного, наиболее предпочтительного, там при таком по-
рядке, я думаю, каждое блюдо приготовляется самым изысканным обра-
зом[14].
7 В умении приобретать дружбу пожалованием даров со своего стола
Кир не имел себе равных. Впрочем, жалованием всяких иных милостей
он также добивался многого, как я сейчас об этом расскажу. Ведь если
он намного превосходил остальных людей величиной получаемых доходов,
то еще больше он превосходил их щедростью своих даров. Начало этому
положил именно Кир, но и поныне сохраняется еще у персидских царей
8 такая щедрость в подарках[15]. В самом деле, у какого правителя друзья
выглядят более богатыми, чем у персидского царя? Кто проявляет больше
стараний, чтобы облечь своих людей в красивые одежды, чем этот царь?
Чьи подарки можно узнать с такой же легкостью, как узнаются дары
персидского царя, — браслеты, гривны, златосбруйные кони?[16] Ведь там
9 и владеть-то этими вещами нельзя, если их не подарит царь. О ком дру-
гом еще говорят, что он щедростью своих даров добивается, чтобы люди
отдавали ему предпочтение и перед братьями своими, и перед родителями,
и перед детьми?[17] Кто другой умел так карать врагов, отстоящих на много
месяцев пути, как персидский царь? Кто другой, кроме Кира, сумел до-
быть себе власть завоеванием и умереть, заслужив от подвластных имя
отца? Между тем, очевидно, что это имя более подходит благодетелю,
10 чем захватчику. Мы отлично знаем, кроме того, что и тех, кого называют
царскими очами и царскими ушами, он сумел найти и привязать к себе
не иным каким-либо способом, а именно дарами и почестями. Всех, кто
доносил о новостях, которые ему важно было знать, он одарял великими
милостями и таким образом побудил многих людей и подслушивать, и вы-
сматривать что угодно, чтобы только добыть для царя важные известия[18].
11 Вследствие этого и стали считать, что у царя много очей и много ушей.
А если кто думает, что у царя есть только одно избранное око, то он оши-
бается. Один ведь немного мог бы увидеть и немного мог бы услышать.

да и всем остальным тогда как бы был дан приказ ничего не делать, если бы это поручение было возложено только на одного. К тому же, распознав такое царево око, люди знали бы, что его-то им и надо остерегаться. Однако дело обстоит совсем не так; напротив, царь выслушивает любого, кто заявляет, что он слышал или видел что-либо достойное внимания. Вот по- 12
чему считается, что у царя много ушей и много очей. От этого люди повсюду боятся вести речи, не угодные царю, как будто он сам их услышит, и совершать поступки, не угодные царю, как будто он сам будет их свидетелем. Нечего и думать, что кто-нибудь решился бы там в разговоре дурно отозваться о Кире; напротив, каждый всегда держал себя среди присутствующих так, как если бы все они были царскими очами и ушами. Я не знаю, однако, чем еще можно было бы объяснить такое отношение людей к Киру, как не готовностью его за малые услуги оказывать большие милости.

Впрочем, нет ничего удивительного, когда человек превосходит других 13
щедростью даров, если он сам богаче всех; замечательнее другое — когда он стремится превзойти своих друзей вниманием и заботою, невзирая на свое царское достоинство. Действительно, как говорят, по поведению Кира было ясно, что он ни в чем так не стыдился отстать от других, как в заботах о друзьях. Упоминают о характерном его изречении: он говорил, 14
что дела хорошего пастыря и хорошего царя весьма схожи, потому что и пастырю надлежит извлекать из стада пользу, доставляя скотине тот вид счастья, который ей доступен, и царю точно так же подобает извлекать пользу из городов и людей, делая их счастливыми. Поэтому нет ничего удивительного, если он проникся убеждением, что ему необходимо превосходить остальных людей в благодеяниях[19]. Рассказывают и о таком 15
замечательном объяснении, которое Кир дал Крезу, когда тот стал втолковывать ему, что из-за своих частых раздач он станет бедняком, тогда как у Кира есть возможность собрать в своем доме столько золота, сколько вообще по силам одному человеку. Говорят, на это Кир ответил таким 16
вопросом:

— Сколько же, по твоему мнению, у меня было бы теперь богатств, если бы, следуя твоему совету, я стал собирать их с того момента, как стал властителем?

Крез назвал ему какую-то очень большую сумму. На это Кир сказал:

— Ну что ж, Крез, отправь тогда с нашим Гистаспом кого-нибудь, кому ты более всего доверяешь. А ты, Гистасп, обойди всех друзей и скажи им, что я нуждаюсь в золоте для одного дела, — я ведь и вправду в нем нуждаюсь, — а потом попроси их записать, сколько каждый сможет достать для меня денег, и в запечатанном виде отдать эту записку для доставки слуге Креза.

Эту просьбу он изложил и в письме и, запечатав, отдал Гистаспу, 17
чтобы тот показал друзьям; Кир сделал также приписку, чтобы все оказывали Гистаспу прием как его другу. Когда они совершили объезд и слуга Креза доставил письма друзей, Гистасп сказал:

— Царь Кир! Теперь ты и на меня должен смотреть как на богатого человека, потому что благодаря твоему письму я вернулся со множеством подарков.

18 — Видишь, Крез, — заметил Кир, — с этим Гистаспом у меня уже есть сокровище, но ты взгляни и на другие и подсчитай, сколько у меня наготове средств, если возникнет в них нужда для какого-нибудь дела.

Рассказывают, что сумма, обнаруженная Крезом при подсчете, намного превзошла ту, которую, по его словам, Кир имел бы в своей сокро-
19 вищнице, если бы стал копить деньги. Когда это стало известно, Кир сказал Крезу:

— Теперь ты видишь, Крез, что и у меня есть сокровища? Однако ты мне советуешь собирать их у себя, чтобы возбуждать зависть и ненависть и вверять охрану их наемным стражам. Я же, наоборот, обогащая своих друзей, вижу в них свои сокровища и одновременно стражу и для себя, и для наших богатств, причем стражу более надежную, чем если бы
20 я окружил себя наемниками[20]. Признаюсь тебе и в другом: я тоже, Крез, не могу подавить в себе страсти, которую боги вложили в души людей и тем самым всех одинаково обрекли на бедность; и я, как и все другие, ис-
21 полнен ненасытного стремления к богатству[21]. Однако, думается мне, в одном я сильно отличаюсь от большинства людей. Эти последние, когда обретут богатства больше, чем достаточно, часть его зарывают в землю, часть гноят, а прочее с великим беспокойством пересчитывают, измеряют, взвешивают, проветривают, сторожат. Тем не менее, держа дома такие сокровища, они не едят больше того, что могут съесть без страха лопнуть, и не надевают на себя одежды больше, чем могут надеть без страха задохнуться; напротив, избыток богатства доставляет им одни только хлопоты.
22 Со своей стороны, я тоже покорен богам и всегда стремлюсь к большему, но, когда добьюсь своего, все, что вижу у себя в избытке сверх необходимого, употребляю на помощь друзьям в их заботах и, обогащая и осыпая милостями различных людей, приобретаю с помощью своего богатства их преданность и дружбу, благодаря чему пользуюсь безопасностью и доброй славой. Ценности эти не гниют и избыток их не вредит; наоборот, добрая слава, чем ее больше, тем она величественнее и прекраснее и тем легче ее носить, а нередко она и носителям своим сообщает известную легкость[22].
23 Вообще, чтобы ты знал, Крез: я вовсе не считаю самыми счастливыми тех, кто больше всего имеет и больше всего сторожит. Ведь тогда воины, охраняющие стены, были бы самыми счастливыми, потому что они сторожат все достояние своих городов. Нет, я признаю самым счастливым того, кто способен и честно нажить величайшее богатство и прекрасно распорядиться им.

Так он говорил, и всякий видел, что так он и действовал.

24 Кроме того, он подметил, что большинство людей, когда они здоровы, прилагают достаточно стараний, чтобы иметь все необходимое, и откладывают про запас то, что полезно для стола здоровых людей. Однако, как он видел, они вовсе не обременяют себя заботами о том, чтобы иметь под рукою все нужное на случай болезни. Он решил, что сам он не допустит

такого просчета; с готовностью оплачивая все издержки, он собрал у себя
лучших врачей[23], и не было ни одного полезного инструмента, о котором
ему говорил кто-либо из врачей, ни одного лекарства, целебного кушанья
или питья, которое он не старался бы достать и отложить у себя про за-
пас. И всякий раз, как заболевал кто-нибудь из людей, здоровьем которых 25
он особенно дорожил, он сам наблюдал больного и предоставлял для его
лечения все, что было необходимо. Он даже питал признательность к тем
врачам, которые вылечивали больного, пользуясь его, Кира, сред-
ствами.

На такие и многие подобные этим уловки пускался Кир для того, чтобы 26
внушить особую любовь тем, дружбы которых он искал. Что же касается
состязаний, которые он объявлял, и наград, которые он устанавливал ради
того, чтобы возбуждать соревнование в благородных занятиях, то все это,
безусловно, делало Киру честь, потому что этим он побуждал людей
упражняться в доблести. Однако эти же состязания порождали среди
знатных людей вражду и соперничество. Кроме того, Кир как бы узаконил 27
тот порядок, чтобы в каждом случае, когда требовалось судебное разби-
рательство, при тяжбе ли, или на состязании, заинтересованные в таком
разбирательстве сходились сначала во мнении о возможных судьях. Со-
вершенно очевидно, что соперничающие стороны стремились к тому, чтобы
заполучить в судьи самых могущественных и вместе с тем дружески распо-
ложенных к ним людей. Тем не менее проигравший завидовал победив-
шему и ненавидел судей, высказавшихся не в его пользу, между тем как
победитель, со своей стороны, настаивал на том, что он выиграл по спра-
ведливости, и потому не считал себя обязанным испытывать благодарность
к кому-либо. Вообще среди тех, кто стремился быть в особенной дружбе 28
с Киром, царили взаимная зависть и недоброжелательство, как, впрочем,
это бывает и в свободных государствах, так что большинство скорее жаж-
дало избавиться друг от друга, чем действовать совместно в чем-либо
полезном. Таким образом мы показали, как добивался Кир того, чтобы
все могущественные люди более дружественно относились к нему, чем
друг к другу.

Глава III

Теперь пора нам рассказать, как Кир в первый раз совершил выезд 1
из своего дворца, ибо торжественность такого выезда, по нашему мнению,
тоже служит одним из средств, придуманных для внушения большего ува-
жения к власти. Итак, сначала до выезда он пригласил к себе всех началь-
ствующих лиц из персов и прочих союзников и раздал им мидийское
платье. Тогда впервые персы надели на себя мидийскую одежду. За раз-
дачею Кир объявил им, что желает проехать на священные участки, выде-
ленные богам, и вместе с ними принести там жертвы.

2 — Поэтому, — продолжал он, — завтра до восхода солнца явитесь в этих новых нарядах к дверям моего дворца и станьте так, как вам укажет от моего имени перс Феравл; а когда я открою шествие, следуйте за мной в указанном порядке. Если же кому из вас придет в голову, что можно совершать выезд иначе, более великолепно, чем это мы делаем нынче, то пусть по возвращении обратно он мне скажет об этом, ибо как, по-вашему мнению, будет более всего великолепно и достойно, так и до́лжно все устроить.

3 После того как он раздал самым знатным самые красивые наряды, он велел принести множество другого мидийского платья, заготовленного им в большом количестве, не жалея ни пурпурных плащей, ни темно-красных, ни багряных, ни алых. Выделив каждому из командиров соответственную долю этих одежд, он велел им нарядить в них своих друзей,
4 «точно так же, — сказал он, — как я наряжаю вас». Тут кто-то из присутствующих спросил его:

— А ты сам, Кир, когда облачишься в свой наряд?

— А разве вам не кажется, — отвечал Кир, — что нынче, наряжая вас, я и сам наряжаюсь? Не тревожьтесь, — заключил он. — Если я смогу доставить благо вам, моим друзьям, то в какой бы одежде я ни оказался, все равно я буду выглядеть великолепно.

5 Итак, все они разошлись и, призвав своих друзей, стали обряжать их в новые одежды. Между тем Кир, зная, что Феравл, тот самый простой перс[24], наделен сообразительностью, любовью к красоте и порядку, а также несомненным стремлением угодить ему, ибо и раньше еще Феравл поддержал предложение награждать каждого по заслугам, — Кир пригласил его к себе и стал советоваться, как устроить свой выезд таким образом, чтобы людям преданным он показался великолепным, а недоброжелате-
6 лям — устрашающим. После того как они все рассмотрели и пришли к одинаковому мнению, Кир велел Феравлу принять на себя заботу, чтобы завтрашний выезд прошел именно так, как они признали наилучшим.

— Я распорядился, — сказал Кир, — чтобы все повиновались твоим приказаниям о порядке выезда. А чтобы они с большей охотой слушались твоих приказаний, возьми и отнеси эти новые хитоны начальникам копьеносцев, эти касы[25] для верховой езды отдай начальникам всадников, а вот эти хитоны вручи командирам колесниц.

7 Феравл пошел относить эти подарки. Командиры, завидев его, говорили:

— Ты стал важным человеком, Феравл, раз уж ты и нам будешь указывать, что надо делать.

— Клянусь Зевсом, — отвечал Феравл, — похоже, что мне придется делать не только это, но и носить вам вещи. По крайней мере сейчас я принес два каса, один для тебя, а другой для твоего товарища. Ты можешь взять любой, какой пожелаешь.

8 Разумеется, получавший кас тут же забыл о своей зависти; мало того, он сразу стал советоваться с Феравлом, какой кас ему взять. Тот показал ему, какой лучше, и добавил:

— Если, однако, ты расскажешь, что я предоставил тебе право выбора, то в другой раз, когда я снова буду прислуживать, ты не найдешь во мне такого доброго служителя.

Распределив подарки так, как ему было указано, Феравл немедленно занялся подготовкой предстоящего выезда, стараясь, чтобы все выглядело наилучшим образом.

На следующий день, еще до рассвета, все было в полном порядке: 9
ряды воинов вытянулись по обеим сторонам дороги, как и теперь еще они выстраиваются на пути следования царя. В середину между этими рядами нельзя вступать никому, кроме лиц высокого положения; для этого рядом разместились биченосцы, готовые обрушить удары на любого, кто станет нарушать порядок. Первыми, перед самыми воротами, выстроились по четыре человека в глубину около четырех тысяч копьеносцев, по
две тысячи с каждой стороны ворот. Сюда же прибыли в полном составе 10
всадники, которые стояли, сойдя с коней и просунув руки в рукава кандиев, как и теперь они еще делают, когда предстают пред очи царя[26]. Персы выстроились справа, а прочие союзники слева от дороги и точно
так же стали колесницы, равным числом с каждой стороны. Когда, нако- 11
нец, распахнулись ворота царского дворца, первыми вывели поставленных по четыре в ряд великолепных быков, предназначенных для заклания Зевсу и другим богам, на которых указали маги. Ведь персы придерживаются того правила, что в вопросах религии к мнению знатоков надо при-
слушиваться еще больше, чем в любом другом деле. За быками вели коней, 12
предназначенных в жертву Гелиосу[27]. За ними ехала священная колесница Зевса, запряженная белыми лошадьми, с золоченым дышлом и вся в венках[28]; за нею двигалась колесница Гелиоса, тоже запряженная белыми лошадьми и украшенная венками, как и первая, а за ней третья колесница, запряженная конями, покрытыми пурпурными попонами. Позади нее шли
люди, несшие на большой жаровне огонь[29]. За ними из ворот выехал на 13
колеснице Кир в прямой тиаре[30] и пурпурном хитоне с белой полосой посередине. Никому, кроме царя, не разрешается носить хитон с белой полосой[31]. На Кире были еще анаксириды[32] красного цвета и пурпурный кандий. Вокруг тиары у него обвивалась диадема[33], и тот же отличительный знак имели его сородичи[34], причем они сохраняют его и поныне.
Руки его были обнажены, а рукава откинуты. Рядом с ним стоял возни- 14
чий, человек высокого роста, однако ниже Кира, то ли на самом деле, то ли потому, что так было устроено[35]; во всяком случае Кир казался намного выше. При виде Кира все простерлись ниц, может быть, по примеру некоторых, кому так было приказано, а может быть, и от впечатления, произведенного роскошным облачением и величественным видом Кира. До того
никто из персов не падал перед Киром ниц[36]. Как только показалась 15
колесница Кира, четыре тысячи копьеносцев двинулись вперед, следуя по две тысячи с каждой стороны от колесницы. Помимо них, Кира сопровождали около трехсот его скиптродержцев на конях, в красивых нарядах
и с дротиками. Кроме того, под уздцы вели около двухсот коней из коню- 16
шен Кира, украшенных золотой сбруей и покрытых полосатыми попонами.

За ними шли еще две тысячи копьеносцев, а дальше — построенные по
сто в ширину и в глубину десять тысяч всадников, которые положили
17 начало персидской коннице; командовал ими Хрисант. За ними в та-
ком же порядке шли другие десять тысяч персидских всадников, которыми
командовал Гистасп; за ними в том же порядке еще десять тысяч под
командованием Датама, а за этими еще <десять тысяч> [37] под командова-
18 нием Гадата. Далее шли мидийские всадники, а затем по порядку армяне,
гирканцы, кадусии и, наконец, саки. За всадниками двигались построен-
ные по четыре в ряд колесницы; ими командовал перс Артабат.

19 За колесницей Кира, по обеим сторонам воинских цепей, шли толпы
людей, желавших обратиться к Киру с различными просьбами. Послав
к этим людям нескольких своих скиптродержцев, — а у него с каждой
стороны колесницы ехало по три таких скиптродержца специально для пе-
редачи приказов, — Кир велел объявить им, что если есть какие-либо
просьбы к нему, то пусть каждый расскажет о своем деле кому-нибудь
из гиппархов [38], а те уже передадут ему. Люди сразу отступили от Кира
и поспешили к всадникам, обдумывая каждый, к кому лучше обратиться.
20 Между тем Кир через своих посланцев стал подзывать к себе по очереди
тех из друзей, на кого он хотел обратить особое внимание толпы, и всем
им давал такие наставления:

— Если кто-нибудь из этих людей, следующих за нами, обратится
к вам с просьбой, но просьба эта покажется вам необоснованной, не обра-
щайте на такого никакого внимания; если же вы сочтете его просьбу за-
конной, то доложите о ней мне, чтобы мы вместе обсудили и решили его
дело.

21 Все вообще друзья, как только он подзывал их, спешили изо всех сил
на его зов, стараясь этим придать больше блеска власти Кира и вместе
с тем показать, насколько они готовы повиноваться. Был, однако, среди
них некий Даиферн, человек по натуре грубоватый, который полагал, что
чем неспешнее он будет откликаться на зов Кира, тем больше независи-
22 мости проявит [39]. Кир заметил это и, прежде чем тот собрался подойти и
поговорить, послал к нему одного из своих скиптродержцев и велел пере-
дать, что более не нуждается в его услугах; и действительно, впредь
23 Кир уже никогда не подзывал его к себе. Наоборот, другому, получившему
приглашение позже, но явившемуся раньше Даиферна, Кир тут же пода-
рил коня — одного из тех, которых вели за колесницей, — и приказал
одному из скиптродержцев отвести его, куда прикажет новый хозяин.
Наблюдавшие со стороны сочли это особенной милостью и с той минуты
гораздо больше людей стало заискивать перед этим человеком.

24 Когда процессия достигла священных участков, принесли в жертву
Зевсу и сожгли целиком быков, затем в честь Гелиоса совершили всесож-
жение коней [40] и, согласно обряду, указанному магами, заклали жертвы
в честь Геи, а напоследок принесли жертвы героям-покровителям Сирии [41].
25 После этого, поскольку местность здесь была ровная, Кир наметил рас-
стояние примерно в пять стадиев [42] и велел всадникам каждого племени
поочередно проскакать его, пуская лошадей во весь опор. Сам он скакал

вместе с персами и одержал победу, намного опередив других, потому что издавна постоянно упражнялся в верховой езде. У мидян победил Артабаз — ведь Кир подарил ему своего коня; среди сирийцев, перешедших на сторону Кира, первым был Гадат, у армян — Тигран, у гирканцев — сын их гиппарха, у саков же — простой воин, который на своем
коне обошел остальных всадников почти на половину пути. Рассказывают, 26
что Кир спросил тогда юношу, согласится ли он поменять своего коня на царство. А тот ответил на это:

— За царство я бы не отдал, но, пожалуй, отдал бы, чтобы заслужить благодарность доблестного мужа.

— Ну что ж, — промолвил Кир, — я готов показать тебе место, куда 27
ты можешь стрелять с закрытыми глазами и все-таки без ошибки попадешь в доблестного мужа.

— В таком случае, — сказал сак, — непременно покажи мне это место, чтобы я мог швырнуть туда хотя бы этим комком земли. — И с этими словами он поднял ком земли.

Кир без колебаний указал саку на место, где собралось большинство 28
его друзей; тот же, зажмурившись, запустил туда комом земли и попал в проезжавшего мимо Феравла. Последний как раз направлялся передать какое-то приказание Кира; хотя ком попал прямо в него, он даже не обер-
нулся, но продолжал свой путь туда, куда его послали. Открыв глаза, 29
сак спросил, в кого он попал.

— Клянусь Зевсом, — отвечал Кир, — ни в кого из присутствующих.

— Но тогда тем более, — заметил юноша, — я не мог попасть и в отсутствующих.

— Да нет, клянусь Зевсом, — возразил Кир, — ты попал вон в того всадника, скачущего возле колесниц.

— Отчего же тогда он даже не обернется? 30

— Похоже, сумасшедший какой-то, — ответил Кир.

Услышав это, юноша помчался посмотреть, в кого он попал, и нагнал Феравла, у которого вся борода была в земле и крови, струившейся из
разбитого носа. Подъехав к нему, молодой человек спросил, не ранен ли он. 31

— Как видишь, — отвечал тот.

— В таком случае, я дарю тебе своего коня.

— За что это? — спросил Феравл.

Тогда сак рассказал ему, как было дело, и в конце прибавил:

— Я уверен, что попал в доблестного мужа.

— Конечно, — заметил на это Феравл, — будь у тебя больше благора- 32
зумия, ты мог бы подарить коня кому-нибудь другому, кто побогаче меня; но раз уж так случилось, я приму твой дар. Однако я молю богов, подставивших меня под твой удар, дать мне возможность сделать так, чтобы ты не раскаивался в своем даре. Теперь же, — добавил он, — садись на моего коня и уезжай, а я скоро присоединюсь к тебе.

Такой обмен совершили они между собой. А у кадусиев победу одер- 33
жал Рафин. Кир устроил также заезды колесниц, по очереди друг за другом. Всех победителей, чтобы они могли принести жертвы и попировать,

он оделил быками и чашами. Сам он тоже взял себе быка в качестве награды за победу, а доставшиеся ему чаши подарил Феравлу за то, что тот,
34 по его мнению, великолепно обставил его выезд из дворца. Торжественный порядок царского выезда, установленный тогда Киром, сохраняется в Персии и поныне, разве что иногда не бывает жертвенных животных, когда царь не собирается совершать жертвоприношения. В тот день, по окончании состязаний, все вернулись обратно в город и отправились обедать: те, кому были подарены дома, — по своим домам, а остальные — в лагерь.
35 Что касается Феравла, то он пригласил к себе сака, подарившего ему коня, и угостил его на славу. Когда же они покончили с трапезой, Феравл наполнил кубки, которые он получил от Кира, и, выпив за здоровье
36 гостя, подарил их ему. Видя множество прекрасных покрывал, роскошную обстановку и массу слуг, сак задал хозяину вопрос:

— Скажи мне, Феравл, ты и на родине у себя принадлежал к числу богатых?

37 — Каких там богатых, — отвечал Феравл. — Я был как раз из тех, кто живет трудом своих рук. Мой отец, сам работая не покладая рук, едва мог содержать меня и дать воспитание, какое полагается мальчикам. А когда я подрос, он никак уже не мог прокормить меня, не понуждая к работе, и
38 потому отвел меня в деревню и велел трудиться[43]. С тех пор, пока отец был жив, я уже сам содержал его, вскапывая и засевая ничтожный клочок земли, который, впрочем, был не так уж плох и даже отличался своеобразной справедливостью. Ведь сколько он принимал зерна, столько по-честному и отдавал, и даже с некоторым избытком, а иногда, в силу особенного своего плодородия, возвращал мне вдвое против того, что получал[44]. Вот так жил я у себя на родине, а все это, что ты теперь видишь, подарил мне Кир.

39 — Какой же ты счастливец, — воскликнул сак, — и вообще, и потому в особенности, что стал богатым из бедного! Ибо, я думаю, тебе сейчас гораздо приятнее быть богатым потому, что ты разбогател после страшной нужды.

40 — Неужели ты полагаешь, сак, — возразил на это Феравл, — что жить мне стало настолько же приятнее, насколько я стал богаче? Тебе неведомо, конечно, что я ем, пью и сплю теперь ничуть не сладостнее, чем тогда, когда я был беден. Оттого, что всего у меня вдоволь, я получаю лишь одну выгоду: больше надо сторожить, больше раздавать другим, больше
41 испытывать беспокойства от всяких забот. Ведь нынче множество слуг требуют от меня еды, питья и одежды, а некоторые еще нуждаются в помощи врача. А то приходит кто-нибудь и приносит остатки овцы, разорванной волками, или быка, свалившегося в пропасть, или сообщает, что на скот напала чума. Так что, — заключил Феравл, — кажется мне, что теперь из-за моего богатства у меня больше огорчений, чем раньше было из-за нужды.

42 — Тем не менее, клянусь Зевсом, — сказал сак, — когда богатства твои в сохранности, вид их доставляет тебе гораздо больше радостей, чем испытываю их я.

— Все-таки, сак, — заметил Феравл, — не так приятно владеть богатством, как тягостно потерять его. Ты сам поймешь, что я говорю правду. Ведь среди людей богатых ты не найдешь таких, кого избыток удовольствий заставит проводить ночи без сна, тогда как любой, кто лишится чего-нибудь, не сможет глаз сомкнуть от огорчения.

— Да, клянусь Зевсом, — подтвердил сак, — но и среди тех, кто полу- *43*
чает что-либо, ты не увидишь таких, кто от пущей радости впал бы в дремоту.

— Это верно, — согласился Феравл. — И если бы владение богатством *44*
доставляло столько удовольствия, сколько его приобретение, то богачи были бы гораздо счастливее бедняков. Но в том-то и дело, сак, что тому, кто много имеет, много приходится и тратить и на богов, и на друзей, и на гостей. Между тем, кто сильно радуется деньгам, тот, можешь быть уверен, сильно огорчается, когда должен их истратить.

— Наверное это так, клянусь Зевсом, — промолвил сак. — Но я-то *45*
к числу таких не принадлежу; напротив, я считаю, что счастье в том и состоит, чтобы, имея много, много и тратить.

— Тогда, ради всех богов, — воскликнул Феравл, — почему бы тебе *46*
сейчас же не стать счастливым человеком и не сделать меня таким же? Возьми все эти богатства и владей и пользуйся ими, как хочешь, а мне только выдели содержание, как гостю какому-нибудь, и даже более скромное, чем гостю: мне будет достаточно, если ты уделишь мне долю того, что будешь брать себе сам.

— Ты шутишь, — сказал сак. *47*

Однако Феравл поклялся, что он говорит вполне серьезно.

— Более того, сак, я добьюсь для тебя от Кира позволения не являться ко двору и не служить в войске[45]. Оставайся дома и наслаждайся богатством, а я выполню наш долг и за себя и за тебя. Мало того, если я получу еще какую-нибудь награду за службу Киру или за участие в каком-либо походе, я передам ее тебе, чтобы ты распоряжался еще бо́льшим достоянием; только избавь меня от всех этих забот. Если я буду свободен от них, то тем самым, я убежден, ты окажешь огромную услугу и мне и Киру.

После такого разговора они так и порешили и стали действовать со- *48*
ответственно. При этом один был уверен, что он обрел счастье, потому что получил в свое распоряжение большое достояние, а другой считал себя на вершине блаженства, потому что ему посчастливилось найти управляющего, который предоставлял ему досуг для занятия тем, в чем он находил удовольствие.

Натуре Феравла была свойственна любовь к друзьям; более того, он *49*
считал, что нет ничего столь приятного и полезного, чем выказывать заботу о людях. Он был убежден, что из всех живых существ человек в особенности наделен чувством долга и благодарности. Ибо он видел, что на похвалу люди охотно отвечают похвалою, а за услуги стараются отплатить услугами; что тем, кого они знают как своих доброжелателей, они отвечают преданностью и не способны на враждебное чувство к таким,

в чьей любви к себе они убеждены; что из всех живых существ они отличаются наибольшей склонностью воздавать своим родителям благодарностью за их заботы и при жизни их и после смерти; прочие же существа, как он знал, гораздо неблагодарнее и бесчувственнее людей.
50 Поэтому Феравл чрезвычайно радовался, что у него будет теперь возможность, освободившись от заботы об имуществе, целиком посвятить себя друзьям; в свою очередь, сак был доволен тем, что отныне он мог, владея многим, многим и пользоваться. Сак любил Феравла за то, что тот всегда что-нибудь приносил в дом, а тот — сака за готовность все принять и не докучать ему, несмотря на растущие заботы об увеличивавшемся состоянии. Вот так они с тех пор и жили.

Глава IV

1 Совершив жертвоприношение, Кир тоже устроил пир в честь своей победы и пригласил на него тех своих друзей, которые ревностнее остальных стремились содействовать блеску его власти и проявили больше всего почтения и преданности. Вместе с ними он пригласил также мидянина Ар-
2 табаза, армянина Тиграна, гиппарха гирканцев и Гобрия. Что касается Гадата, то он распоряжался скиптродержцами Кира и всем распорядком дворцовой жизни. Поэтому, когда у Кира обедали гости, Гадат не садился за стол, а был в хлопотах, но когда они были одни, он обедал вместе с Киром, потому что тот находил приятным его общество. За эту свою службу Гадат удостаивался многих великих почестей от Кира, а благодаря Киру
3 и от других. Когда приглашенные явились на обед, Кир стал усаживать каждого не как придется, но кого больше всех ценил, того посадил по левую руку, потому что сам был открыт для нападения больше с этой стороны, чем справа [46]; следующего за ним по степени уважения он посадил по правую руку, третьего — снова по левую, четвертого — опять по праву; и если у царя бывает больше гостей, то они рассаживаются дальше
4 в таком же порядке. Показывать степень своего уважения к каждому Кир находил полезным по той причине, что там, где убеждены, что лучший не удостоится ни восхваления, ни награды, — там люди не проявляют взаимного соперничества, а где лучший пользуется очевидным преимуществом, там все с величайшим усердием вступают в соревнование. Таким
5 образом, Кир старался показать свое предпочтительное отношение к лучшим, начиная уже с распределения мест, как сидячих, так и стоячих. Однако, отводя кому-либо определенное место, он не давал его навечно; напротив, он считал справедливым, чтобы человек за свои доблестные дела продвигался на более почетное место, а за нерадивость отодвигался назад. При этом он считал для себя позором, если занимавший первое место не оказывался наделенным у него и бо́льшими пожалованиями. Как нам известно, такой порядок, установленный при Кире, существует и поныне.

За обедом Гобрий нашел удивительным не то, что у Кира, как у великого властителя, все на столе было в великом изобилии; удивительным ему показалось другое — то, что Кир при всем его могуществе ни одно из блюд, которые ему хотелось отведать, не съедал один, но обязательно просил присутствующих также их отведать, а нередко, как видел Гобрий, он даже и некоторым отсутствующим друзьям посылал такие кушанья, которые ему самому понравились. 6 Поэтому, когда обед кончился и Кир разослал со своего стола все оставшиеся в большом количестве лишние кушанья, Гобрий сказал: 7

— Прежде, Кир, я считал, что ты превосходишь остальных людей более всего способностями полководца, но теперь, клянусь богами, я думаю, что ты еще больше, чем военной мудростью, превосходишь их человечностью.

— Это так, клянусь Зевсом, — подтвердил Кир. — К тому же мне гораздо приятнее отличаться добрыми делами, чем успехами полководческими. 8

— Почему же? — спросил Гобрий.

— Потому, — отвечал Кир, — что в одном, чтобы отличиться, надо причинять людям зло, а в другом — добро.

Немного спустя, когда все уже подвыпили, Гистасп спросил Кира: 9

— Не прогневаешься ли ты, Кир, если я спрошу тебя о том, что мне так хочется узнать от тебя?

— Конечно нет, клянусь богами, — отвечал Кир, — напротив, я был бы недоволен, если бы заметил, что ты молчишь о том, о чем хочешь спросить.

— Тогда скажи мне: разве я когда-нибудь не приходил по твоему зову?

— Оставь, что ты говоришь, — запротестовал Кир.

— Но, может быть, я откликался на твой зов слишком неспешно?

— Отнюдь нет.

— Может быть, я не исполнил какого-либо твоего приказания?

— Мне не в чем тебя упрекнуть, — сказал Кир.

— Ну а то, что я делаю, — замечал ли ты хоть раз, что я что-нибудь выполнял неохотно или без удовольствия?

— Нет, ни разу, — подтвердил Кир.

— Отчего же тогда, ради всех богов, Кир, ты распорядился, чтобы 10 Хрисанта посадили на более почетное место, чем меня?

— Сказать тебе? — спросил Кир.

— Всенепременно, — ответил Гистасп.

— А ты, в свою очередь, не обидишься на меня, услышав правду?

— Я буду только рад, если узнаю, что мне не чинят нарочитой обиды. 11

— Так вот, — начал Кир, — во-первых, этот самый Хрисант не дожидался вызова, а являлся, блюдя наши интересы, раньше, чем его позовут. Затем, он не ограничивался выполнением приказания, но делал еще и то, что сам находил полезным исполнить для нас. Когда же надо было выступить по какому-либо поводу перед союзниками, он помогал мне советами в тех делах, касаться которых он считал достойным меня; если же он за-

мечал, что я хочу довести до сведения союзников кое-какие вещи, о которых, однако, стесняюсь говорить от своего имени, то он говорил об этом сам, высказывая мое суждение о них как свое собственное. Поэтому можно ли не признать, что в таких случаях он был мне полезнее даже меня самого? К тому же, по его собственным словам, ему самому всегда достаточно того, что у него есть, тогда как мне — это знает каждый — он непрестанно старается оказать услугу каким-нибудь новым приобретением и гораздо больше меня самого гордится и радуется моим успехам.

12 — Клянусь Герой, Кир, — вскричал Гистасп, — я просто счастлив, что спросил тебя об этом.

— Почему это? — удивился Кир.

— Да потому, что и я постараюсь теперь делать так. Одного только я не возьму в толк, — добавил он. — Как смогу я показать, что радуюсь твоему благополучию: надо ли хлопать в ладоши, или смеяться, или еще что-нибудь делать?

— Лучше плясать по-персидски, — заметил Артабаз, и при этих словах все рассмеялись[47].

13 Пиршество шло своим чередом, когда Кир спросил Гобрия:

— Скажи мне, Гобрий, как по-твоему, теперь тебе было бы приятнее отдать свою дочь за кого-нибудь из этих друзей, чем тогда, когда ты впервые встретил нас?[48]

— Что ж, — отвечал Гобрий, — можно и мне сказать правду?

— Конечно, клянусь Зевсом, — поощрил его Кир, — ведь никто не задает вопросов из желания услышать ложь.

— В таком случае можешь поверить, что теперь сделать это мне было бы гораздо приятнее.

— А мог бы ты объяснить, почему собственно? — спросил Кир.

— Разумеется.

14 — Сделай милость, скажи.

— Дело в том, что тогда, как я видел, они бодро переносили трудности и опасности, а теперь я убеждаюсь в их благоразумном отношении к счастью. Между тем, по моему мнению, Кир, труднее найти человека, переносящего достойно свое счастье, чем несчастье, ибо первое большинству придает наглость, а второе всем внушает благоразумие[49].

15 — Ты слышал изречение Гобрия? — обратился Кир к Гистаспу.

— Да, клянусь Зевсом; и если он почаще станет изрекать такие истины, то заполучит меня в женихи своей дочери гораздо скорее, чем если будет показывать мне свои многочисленные кубки[50].

16 — Ну что ж, — сказал Гобрий, — у меня записано множество таких изречений[51], и я не прочь буду поделиться ими с тобой, если ты получишь мою дочь в жены. Что же касается кубков, которых ты, сдается мне, не выносишь[52], то я не знаю, не отдать ли мне их этому Хрисанту, раз уж он и место у тебя перехватил.

17 — Вообще же, — снова заговорил Кир, — и ты, Гистасп, и вы все, здесь присутствующие, должны знать: если вы будете говорить мне о том,

когда кому-либо из вас придет в голову жениться, то вы легко убедитесь, каким отличным помощником я смогу оказаться для вас.

— А если кто-нибудь пожелает выдать дочь, — спросил Гобрий, — 18
кому он должен заявить об этом?

— Тоже мне, — сказал Кир, — ибо я на редкость сведущ в этом искусстве.

— В каком это? — поинтересовался Хрисант.

— Да в том, чтобы определить, кому какой брак подходит. 19

— Тогда скажи мне, ради богов, — попросил Хрисант, — какая жена, по-твоему, лучше всего подойдет мне?

— Прежде всего, — отвечал Кир, — маленькая; ведь ты и сам невелик, 20
а если ты женишься на высокой и когда-нибудь захочешь ее поцеловать, когда она будет стоять, тебе придется подпрыгивать, как щенку.

— Да, это ты правильно заметил, — согласился Хрисант, — тем более, что я никуда не годный прыгун.

— Затем, — продолжал Кир, — тебе бы очень подошла курносая. 21

— А это еще к чему?

— Да ведь сам ты горбонос, а горбоносость, поверь мне, лучше всего сочетается с курносостью.

— Ты, пожалуй, скажешь, — усмехнулся Хрисант, — что и хорошо поевшего — вот как я теперь — надо сочетать с голодной.

— Разумеется, клянусь Зевсом, — подтвердил Кир. — Ведь у сытых людей живот по-своему горбонос, а у голодных — курнос.

— А хладнокровному царю? — спросил Хрисант. — Ты мог бы ска- 22
зать нам, ради всех богов, какая ему подошла бы жена [53]?

Тут все расхохотались, и Кир, и остальные гости. Посреди общего 23
смеха Гистасп заметил:

— В твоей царской власти, Кир, я особенно завидую одному.

— Чему? — поинтересовался Кир.

— Тому, что ты можешь, несмотря на свою холодность, вызывать смех у людей.

— А между тем, — возразил Кир, — разве ты не отдал бы кучу денег за то, чтобы самому так говорить и чтобы слухи о твоем остроумии дошли до той, в глазах которой ты хочешь отличиться?

Такими шутками обменивались они тогда на пиру.

После этого Кир распорядился принести богатый женский наряд, 24
который он попросил Тиграна передать его жене за то, что она храбро следовала за мужем в походе [54]. Артабазу он подарил золотой кубок, а предводителю гирканцев коня и много других прекрасных подарков.

— Что касается тебя, Гобрий, — сказал он затем, — то я дам мужа твоей дочери.

— В таком случае, — вмешался Гистасп, — дай им меня, чтобы мне 25
достались его записи.

— А есть ли у тебя состояние, которое может сравниться с богатством этой девушки? — осведомился Кир.

— Клянусь Зевсом, — отвечал тот, — оно у меня даже во много раз большее.

— И где же оно, это твое состояние? — поинтересовался Кир.

— Здесь, — отвечал Гистасп, — как раз на том месте, где ты сам сидишь, раз ты мне друг.

— Для меня этого достаточно, — промолвил Гобрий; и тут же, протянув правую руку, заявил:

— Отдай мне его, Кир; я принимаю такого зятя.

26 Тогда Кир взял правую руку Гистаспа и вложил ее в руку Гобрию, а тот принял ее. Вслед за тем Кир преподнес Гистаспу множество прекрасных подарков, чтобы он мог послать их своей невесте. Хрисанта же
27 Кир притянул к себе и поцеловал. Тут Артабаз заметил:

— Клянусь Зевсом, Кир, чаша, которую ты подарил мне, и подарок, который ты сделал Хрисанту, отлиты не из одинакового золота.

— Ну что ж, — отвечал Кир, — я и тебе сделаю такой же подарок.

— Когда? — поспешил спросить тот.

— Через тридцать лет.

— Я буду ждать, — заявил Артабаз, — и не умру до того, так что будь готов.

На том пиршество тогда и окончилось. Когда гости начали вставать, Кир тоже встал и проводил их до дверей.

28 На следующий день Кир отпустил домой всех присоединившихся к нему добровольно союзников, за исключением тех, которые пожелали остаться у него навсегда; этим он дал землю и дома, которыми и поныне еще владеют потомки оставшихся тогда с Киром воинов, а были это по большей части мидяне и гирканцы. Всех уходивших Кир щедро одарил и расстался с ними так, что ни командиры, ни простые воины не могли на
29 него пожаловаться. После этого он распределил уже среди своих воинов сокровища, взятые в Сардах[55]. Мириархам и состоявшим при нем гиперетам он отделил лучшие доли в соответствии с заслугами каждого, а остальное пустил в раздел; при этом, выделив каждому мириарху соответствующую часть, он поручил им произвести дальнейший раздел тем же
30 способом, как он сам это сделал для них. Таким образом каждый начальник распределял сначала награды между подчиненными ему командирами, в соответствии с их заслугами, а самые остатки гексадархи распределили между рядовыми воинами, также соответственно заслугам. В итоге
31 все по справедливости получили свою долю. Тем не менее, когда воины получили свои награды, кое-кто стал высказываться в таком духе:

— Очевидно, сам он владеет несметными богатствами, раз уж каждому из нас выдал по стольку.

Другие же возражали:

— Какими там несметными! Не таков характер у Кира, чтобы он стал копить сокровища для себя; он находит больше радости, раздавая, чем приобретая.

32 Услышав о таких речах и суждениях на свой счет, Кир созвал друзей и всех начальников и сказал им так:

— Друзья мои! Я не раз уже наблюдал людей, которые желают по-
казать, что они владеют состоянием бо́льшим, чем оно есть на самом деле,
потому что думают, что так они будут выглядеть благороднее. Однако,
по-моему, они приобретают славу, противоположную той, к которой стре-
мятся. Ведь если человека считают богачом, а он не проявляет заботы
о друзьях соответственно своему состоянию, то он непременно заслужит
репутацию низкого скареда. С другой стороны, есть и такие, которые ста- 33
раются скрыть, сколько у них накоплено богатств. На мой взгляд, эти
люди — худшие враги своим друзьям. Ведь из-за незнания действитель-
ного положения вещей их друзья нередко ничего не говорят им о своих
нуждах и потому терпят лишения. По моему мнению, высшим проявлением 34
честности будет не скрывать своих возможностей и, исходя из них, состя-
заться в благородстве. Поэтому я хочу показать вам все мои богатства,
какие возможно увидеть, а что увидеть невозможно, то опишу словами.

После такого заявления он стал показывать им многочисленные свои 35
сокровища, а что лежало так, что его трудно было осмотреть, то описал
словами. Под конец он сказал: 36

— Все эти богатства, воины, вы должны рассматривать как принадле-
жащие вам ничуть не меньше, чем мне, ибо я собираю их не для того,
чтобы самому их растратить, — я бы и не смог этого сделать, — а для того,
чтобы мне можно было одаривать всех вас за ваши прекрасные дела и
чтобы любому из вас, кому будет что-нибудь нужно, можно было прийти
ко мне и получить то, в чем он нуждается.

Вот какие слова произнес тогда Кир.

Глава V

Когда Кир счел, что дела в Вавилоне приведены уже в такой порядок, 1
что он может и уехать, он стал собираться к отъезду в Персию и отдал
приказ готовиться к нему другим. После того как он решил, что сделаны
достаточные запасы всего, что, по его мнению, могло понадобиться в по-
ходе, он отдал приказ к выступлению. Расскажем теперь о том, как армия 2
Кира, несмотря на свою многочисленность, в отличном порядке устраива-
лась на стоянку и вновь собиралась в путь, как быстро все размещались
там, где нужно; ведь надо учесть, что где бы персидский царь ни останав-
ливался на стоянку, все его люди тоже располагаются рядом с ним в па-
латках и летом и зимой.

Так вот, Кир с самого начала завел обычай, чтобы его шатер устанав- 3
ливали входом на восток. Затем он твердо установил, на каком расстоя-
нии от царского шатра должны ставить палатки его копьеносцы. Далее,
хлебопекам он отвел место с правой стороны, а поварам — с левой,
лошадям — снова справа, а прочим вьючным животным — опять слева.
Всем остальным также были даны такие точные приказания, что каждая

часть знала свое место, — и на каком протяжении ей располагаться, и где
4 именно. Когда они собираются в путь, каждый складывает те вещи, о которых ему предписано заботиться, а другие тут же нагружают их на вьючных животных. Вследствие этого все обозные одновременно устремляются к животным, выделенным под перевозку, и каждый одновременно с другими нагружает кладью свое вьючное животное. Таким образом од-
5 ного времени достаточно для сборов что одной палатки, что всех. Точно так же обстоит дело и с устройством на стоянку. Равным образом и для своевременного приготовления пищи каждому даны точные приказания, что делать. Поэтому одинаковое время затрачивается на приготовление и одного кушанья, и всех.

6 Подобно тому как служители, занятые приготовлением пищи, располагались каждый на своем месте, точно так же и вооруженные воины занимали в лагере Кира места, соответственно вооружению каждого. Все они знали, кому какое отводится место, и потому каждый безошибочно
7 размещался на своем. Строгий порядок Кир считал хорошим установлением и для домашней жизни, ибо в этом случае всегда известно, куда надо пойти и где взять то, что бы ни потребовалось. Но еще более замечательным установлением признавал он порядок в расположении воинских частей, потому что моменты действий на войне значительно острее и неудачи по вине опоздавших здесь гораздо серьезнее. Наоборот, благодаря своевременному присутствию всех и каждого во время военных действий, как он видел, достигается огромное преимущество. Вследствие этого он и
8 проявлял особую заботу о строгом воинском порядке[56]. Во-первых, сам он помещался непременно в середине лагеря, поскольку здесь самое надежное место. Далее, самых верных своих людей он обыкновенно размещал рядом
9 с собой, а за ними кольцом располагал всадников и колесничих. Он находил, что эти последние тоже нуждаются в прикрытии, потому что на стоянке в лагере они не имеют под рукой своего боевого оружия и им требуется много времени для приведения себя в такую готовность, чтобы
10 быть полезными в бою. Справа и слева от стоянки Кира и всадников было место пельтастов, а место лучников, в свою очередь, было впереди и
11 сзади той позиции, которую занимал он с всадниками. Гоплитов и воинов с большими плетеными щитами он располагал вокруг остального войска наподобие стены, чтобы, если всадникам, например, понадобилось бы время для снаряжения, эти стоящие первыми наиболее стойкие отряды предоставили им возможность завершить свое вооружение в безопасности.
12 Как гоплиты, так и пельтасты и лучники располагались у него на ночлег в строю, чтобы и ночью, в случае нужды, одинаково и гоплиты были готовы отразить нападение врага, и лучники и метатели дротиков, в случае такого нападения, могли сразу метать свои дротики и стрелы через го-
13 ловы гоплитов. Кроме того, все командиры отрядов имели на своих шатрах значки; и как в свободных городах ревностные служители знают жилища большинства горожан, в особенности же наиболее важных, так и гипереты Кира были хорошо осведомлены о местоположении всех командиров на лагерных стоянках и знали значки каждого из них. Поэтому,

когда кто-либо из них требовался Киру, гипереты не разыскивали их по
лагерю, а кратчайшим путем добирались до каждого. Каждый отряд 14
стоял, не смешиваясь с другими, и поэтому гораздо легче было заметить,
кто соблюдает должный порядок, а кто не выполняет отдаваемых приказаний. При таком расположении, считал Кир, если кто и нападет на лагерь
ночью или днем, он натолкнется здесь как бы на засаду.

Кир считал, далее, что тактическое искусство состоит не только в уме- 15
нии с легкостью растянуть фронт фаланги или углубить ее построение, или
из походной колонны перестроить войско в фалангу, или развернуть эту
фалангу надлежащим образом, если враг появится справа, слева или
сзади; к тактическому искусству он относил также умение расчленить
строй в случае необходимости, поставить каждую часть там, где она более
всего принесет пользы, поспешно выполнить маневр в случае, если надо
упредить неприятеля. Знание всех этих и многих подобных приемов Кир
считал обязательным для хорошего тактика и старался одинаково использовать их все. Таким образом, в походе он вел свое войско в порядке, 16
приноровленном каждый раз к обстоятельствам, а на стоянке размещал его
по большей части так, как было сказано выше.

Когда они дошли, наконец, до Мидии, Кир отправился к Киаксару. 17
После обмена приветствиями Кир первым делом сообщил Киаксару, что
ему выделен в Вавилоне дворец со всеми службами, чтобы он мог и там
в случае приезда останавливаться в своих покоях. После этого Кир преподнес ему множество других ценных подарков. Киаксар принял эти 18
дары, после чего велел своей дочери подойти к Киру и преподнести ему
золотой венок, браслеты, гривну и мидийское платье редкой красоты и
великолепия. Девушка увенчала Кира венком [57], а Киаксар сказал: 19

— Кир, я дарю тебе также в жены эту девушку, мою собственную
дочь. В свое время твой отец тоже женился на дочери моего отца, которая
стала твоей матерью. Эта моя дочь — та самая, которую ты частенько
нянчил, когда еще мальчиком был у нас; с тех пор, когда ее спрашивали,
за кого она выйдет замуж, она отвечала, что за Кира. В качестве приданого я отдаю за ней также всю Мидию, ибо нет у меня законного наследника мужского пола.

Так сказал Киаксар, а Кир ответил ему: 20

— Я благодарен тебе, Киаксар, за предложение породниться и счастлив буду получить и твою дочь, и эти дары, однако я хочу принять твое предложение с согласия моего отца и матери.

Несмотря на эти слова, Кир преподнес девушке все подарки, какие, по его мнению, должны были польстить и Киаксару. После этого он двинулся дальше в Персию.

Достигнув, наконец, границ Персии, он оставил здесь все свое войско, 21
а сам вместе с друзьями направился в город [58], ведя с собой массу жертвенных животных, чтобы всем персам можно было принести жертвы и попировать. Он вез также с собой дары, какие считал приличным преподнести отцу, матери и остальным друзьям и какими подобало наделить должностных лиц, старейших мужей и всех гомотимов. Он сделал также

всем персам и персиянкам подношения, какие и теперь еще царь делает каждый раз, когда приезжает в Персию[59].
22 После этого Камбис собрал старейших из персов и тех должностных лиц, которым принадлежит наивысшая власть, и, пригласив также Кира, произнес такую речь:

— Персидские мужи и ты, Кир! По самой природе вещей я благоволю к вам всем, потому что над вами, персы, я царь, а ты, Кир, — мой сын. Поэтому я вправе вынести на общий суд те свои предложения, которые нахожу полезными для вас всех.
23 В прошлом вы положили начало возвышению Кира, дав ему войско и сделав его предводителем, а Кир во главе этого воинства с помощью богов доставил вам, персы, славу в целом мире и особенный почет во всей Азии. Кроме того, лучших из своих соратников он обогатил, а массе остальных воинов предоставил плату и содержание. Наконец, учредив персидскую конницу, он обеспечил персам преобладание и на равнинах[60].
24 Поэтому, если вы и впредь будете держаться такого мнения о взаимных обязанностях, то навсегда останетесь источником величайших благ друг для друга. Напротив, если ты, Кир, увлеченный нынешними успехами, задумаешь властвовать и над персами ради своекорыстной выгоды, как над другими народами[61], или вы, граждане, позавидовав его могуществу, попробуете лишить его власти, то, знайте, вы наверняка явитесь друг другу помехой в достижении величайшего счастья.
25 Для того чтобы этого не произошло, а, наоборот, все было хорошо, я предлагаю вам всем совместно принести жертвы богам и, призвав их в свидетели, заключить договор о том, что ты, Кир, если кто-нибудь пойдет войною на персидскую землю или попробует низвергнуть законы персов, окажешь им помощь всеми силами, а вы, персы, если кто-нибудь попытается лишить Кира власти или от него попробует отложиться какой-нибудь из подвластных народов, тоже постоите и за себя самих и за Кира по первому его призыву[62].
26 Понятно, пока я жив, царская власть в Персии останется в моих руках, но, когда я умру, она, очевидно, перейдет Киру, если он переживет меня. Тогда каждый раз, как он явится в Персию, вы будете поступать благочестиво, позволяя ему приносить жертвы за вас, как это теперь делаю я[63], а когда он будет в отсутствии, для вас будет благом, если почести богам будет воздавать тот из нашего рода, кого вы сочтете наилучшим.

27 Это предложение Камбиса было принято с полным одобрением и Киром и должностными лицами персов; и как тогда они заключили этот договор и призвали богов в свидетели, так и поныне еще сохраняются такие взаимоотношения у персов с их царями.

28 Покончив с этими делами, Кир снова уехал. По прибытии в Мидию, поскольку согласие отца и матери было получено, Кир женился на дочери Киаксара, о которой еще и теперь сохраняется память как о необычайной красавице. [Впрочем, некоторые писатели утверждают, что он женился на сестре своей матери, однако, в таком случае невеста была бы совершенной старухой][64]. Сразу после свадьбы Кир вместе с женой отправился в путь.

Глава VI

По прибытии в Вавилон Кир решил, что пора уже назначить сатрапов 1
над подчиненными народами[65]. При этом, однако, он хотел, чтобы начальники гарнизонов в цитаделях и хилиархи, возглавлявшие сторожевые отряды в сельской местности, по-прежнему подчинялись только ему. Такой порядок он хотел предусмотреть на случай, если кто-нибудь из сатрапов, возгордясь от богатства и власти над множеством людей, вздумал бы своевольничать и отказывать ему в повиновении: тогда мятежник сразу на-
толкнулся бы на сопротивление в своей собственной стране. Желая осу- 2
ществить такую меру, Кир решил, однако, сначала созвать всех высокопоставленных лиц и предупредить их, чтобы они знали, на каких условиях отправятся в свои области те из них, которые получат назначения. Он считал, что в таком случае они спокойнее ко всему отнесутся; напротив, если бы они сначала получили назначения, а потом узнали об условиях, то, весьма вероятно, болезненно бы переживали это, считая, что
меры приняты из-за недоверия к ним. Итак, собрав их всех, он сказал 3
им следующее:

— Друзья мои, в покоренных нами городах стоят гарнизоны во главе с начальниками, которых мы оставили там при завоевании. Уезжая, я приказал им не заботиться ни о чем, кроме охраны крепостей. Этих людей я не намерен лишать их должности, поскольку они надлежащим образом сохранили то, что было поручено их заботам. Однако я решил в дополнение к ним послать сатрапов, которые будут осуществлять власть над местными жителями, получать с них подать, выдавать жалованье гарнизон-
ным солдатам и выполнять все прочее, что понадобится. Одновременно 4
тем из вас, которые останутся здесь и которых я намерен посылать со специальными поручениями к подвластным народам[66], я решил предоставить там земли и дома, так, чтобы сюда для вас поступали подати, а по приезде в те места вы могли останавливаться в собственных имениях.

При этих словах он действительно наделил многих своих друзей до- 5
мами и подвластными людьми во всех покоренных городах; и до сих пор еще у потомков тех, кто получил тогда наделы, остаются владения в различных областях, а сами они живут при царском дворе.

— Нам надлежит, — продолжал Кир, — подыскать на должность са- 6
трапов в эти области таких людей, которые будут способны учесть и не преминут посылать сюда все то лучшее, что есть в каждой местности, чтобы и мы, остающиеся здесь, могли иметь свою долю от тех благ, которые рождает каждая страна. Ибо, с другой стороны, если возникнет где-нибудь опасность, нам придется идти туда на помощь.

На этом он кончил тогда свою речь, после чего из тех своих друзей, 7
в чьем желании отправиться наместниками на указанных условиях он был уверен, он отобрал наиболее, на его взгляд, подходящих и назначил сатрапами: в Аравию — Мегабиза, в Каппадокию — Артабата, в Великую Фригию — Артакама, в Лидию и Ионию — Хрисанта, в Карию, согласно

просьбам местных жителей[67], — Адусия, в Геллеспонтскую Фригию и
8 Эолиду — Фарнуха. В Киликию, на Кипр, и к пафлагонцам он не стал
назначать персидских сатрапов, потому что те добровольно согласи-
лись участвовать в походе на Вавилон; однако он предписал им тоже
9 вносить подати[68]. Как Кир тогда установил, так и поныне еще гарнизоны,
стоящие в цитаделях, подчинены непосредственно царю, равно как и хи-
лиархи, возглавляющие сторожевые отряды, назначаются царем и зна-
10 чатся в царском реестре. Всем вновь назначенным сатрапам Кир дал на-
каз, чтобы они подражали всему тому, что на их глазах делал он сам:
чтобы, во-первых, они образовали отряды всадников и колесничих из
числа тех персов и союзников, которые последуют за ними; чтобы всех,
кто получит земли и дома, они принуждали являться к их дворам и за-
ставляли держаться скромного поведения и выполнять любое поручение
своего сатрапа; чтобы они воспитывали вновь рождающихся детей при
своих дворах точно так же, как это делается при дворе Кира; чтобы
каждый сатрап выводил на охоту своих придворных и упражнялся сам и
заставлял упражняться других в военных занятиях.
11 — А кто из вас, — продолжал Кир, — применительно к своим возмож-
ностям предоставит мне наибольшее количество колесниц и всадников,
превосходных по своим качествам, того я буду чтить как доброго союз-
ника и друга, верно помогающего персам и мне охранять нашу державу.
Пусть и у вас, как у меня, лучшие люди в награду получают первые места,
и пусть стол ваш, подобно моему, будет достаточен, во-первых, для про-
кормления ваших домочадцев, а затем и для потчевания друзей и ежеднев-
12 ного угощения тех, кто совершит какое-либо благородное дело. Устраи-
вайте также парки и держите там зверей для охоты, и ни сами никогда
не принимайтесь за еду, не потрудившись до усталости, ни коням своим
не задавайте корма, не утомив их упражнениями. Ведь я один, будучи
всего лишь человеком, не смогу охранить общее наше благополучие; надо,
чтобы я со своими воинами, соединив свою доблесть с доблестью моих
помощников, — был защитником вам, а вы со своими людьми — тоже все,
13 как один, храбрецы — были союзниками мне. Я хотел бы еще обратить
ваше внимание на то, что ни одно из занятий, к которым я нынче призы-
ваю вас, я не вменяю в обязанность рабам; напротив, то, что, по моему
мнению, надлежит делать вам, все это я и сам стараюсь выполнять.
И точно так же, как я призываю вас подражать мне, так и вы на-
учите следовать вашему примеру тех, кто получит должности из ваших
рук.
14 Такие установления были введены тогда Киром, и еще и сейчас со-
гласно тому же порядку несут свою службу все находящиеся в подчинении
царя сторожевые отряды; согласно тому же порядку организована служба
при дворах всех наместников и проходит жизнь во всех домах — и боль-
ших, и малых — причем везде лучшие из гостей почитаются первыми ме-
стами; наконец, в том же строгом порядке совершаются все походы и
точно так же управление всеми государственными делами сосредоточива-
ется в руках немногих.

Изложив таким образом обязанности новых сатрапов и выделив каждому необходимые силы, Кир отправил их к местам назначения; при этом он предупредил всех, чтобы они готовились к предстоящему в следующем году походу и к смотру людей, оружия, коней и колесниц. *15*

Нас заинтересовало еще одно установление, которое, как говорят, тоже ведет начало от Кира и существует еще и поныне: ежегодно специальный посланец царя во главе отряда воинов отправляется в поездку для того, чтобы оказать помощь, если кто-нибудь из сатрапов нуждается в ней, или образумить того, кто начинает своевольничать, или вообще восстановить надлежащий порядок, если кто-нибудь из сатрапов не радеет о сборе податей, не думает о защите местного населения, не заботится о том, чтобы земля была возделана, или пренебрегает какой-либо другой своей обязанностью. Если же самому посланцу это не под силу, то он докладывает царю, и тот, выслушав сообщение, решает, как поступить с нарушителем порядка. Именно о таких посланцах идет речь каждый раз, когда говорят, что ожидается приезд сына царя, или брата царя, или царева ока, которые, впрочем, могут и не появиться, потому что любой из них обязан вернуться с пути по первому зову царя[69]. *16*

Нам известно и другое нововведение Кира, под стать величине его державы, благодаря которому он быстро узнавал о состоянии дел даже в очень отдаленных районах. Заметив, какое расстояние может проскакать лошадь за один день, он устроил на таком расстоянии друг от друга почтовые станции, снабдил их лошадьми и конюхами и во главе каждой поставил человека, способного обеспечить прием и дальнейшую передачу письменных донесений, готового принять обессилевших лошадей и людей и отправить вместо них свежих. Рассказывают, что иногда эта скачка *18*
не прекращается даже ночью и дневного гонца сразу сменяет ночной. При таком порядке, как утверждают некоторые, гонцы совершают свой путь быстрее журавлей. Если даже это утверждение ошибочно, то, во всяком случае, несомненно, что из всех доступных человеку способов передвижения по суше этот — быстрейший[70]. Между тем великое это благо — узнавать о каждом событии скорейшим образом, чтобы немедленно принимать соответствующие меры. *17*

По прошествии года Кир стал собирать войска в Вавилон, и, как говорят, оказалось у него до ста двадцати тысяч всадников, до двух тысяч *19*
серпоносных колесниц и около шестисот тысяч пехоты. Подготовив такие *20*
силы, он двинулся в поход, во время которого, как передают, он покорил все народы, живущие, если выйти за пределы Сирии, вплоть до Красного моря[71]. Затем, рассказывают, состоялся поход в Египет, и эта страна тоже была покорена Киром[72]. После этого границами его державы стали: *21*
на востоке — Красное море, на севере — Понт Эвксинский, на западе — Кипр и Египет, на юге — Эфиопия. Крайние пределы этих обширных владений были не пригодны для поселения в одном случае из-за жары, в другом — из-за холода, в третьем — из-за обилия воды, в четвертом — из-за ее отсутствия. Поэтому для себя Кир избрал местом жительства централь- *22*
ные районы и зимнее время в течение семи месяцев проводил в Вавилоне,

потому что место здесь теплое, весной в течение трех месяцев жил в Сузах, а в разгар лета два месяца проводил в Экбатанах[73]. Говорят, что благодаря такому порядку он всегда наслаждался весенним теплом и про-
23 хладой. Расположение людей к Киру было таково, что любой народ, казалось, сам погрешал против собственной выгоды, если не предлагал Киру замечательных произведений своей страны — плодов земли, животных или изделий ремесла. Равным образом всякий город, всякий отдельный человек был убежден, что он станет богатым, если чем-либо угодит Киру. И действительно, получая от разных людей часть того, что у них было в изобилии, Кир, в свою очередь, предоставлял им припасы, в которых, как он знал, они испытывали недостаток[74].

Глава VII

1 В таких занятиях прошла вся жизнь Кира, а в преклонном уже возрасте[75] приехал он снова в Персию, седьмой раз за время своего правления. Понятно, что его отец и мать к тому времени давно уже умерли. Кир сам совершил обычные жертвоприношения, по заведенному у персов порядку открыл хоровод[76] и по своему обыкновению всем сделал подноше-
2 ния. Когда он лег спать в своем дворце, привиделся ему такой сон. Представилось ему, что подошел к нему некто, видом своим более величественный, чем обычные люди, и сказал:

— Собирайся, Кир, теперь отправишься ты к богам.

После такого сновидения Кир скоро пробудился и сразу понял, что
3 пришел конец его жизни. Не мешкая, отобрал он жертвенных животных и на горной вершине, как это делают персы[77], заклал их в честь Зевса Отчего, Гелиоса и других богов, присовокупив к обряду такую молитву:

— Зевс Отчий и ты, Гелиос, и вы все, остальные боги, примите эти жертвы в знак признательности моей за все мои удачи и в благодарность за то, что вы всегда указывали мне и на жертвах, и небесными знамениями, и полетом вещих птиц, и речениями, что мне надо было делать, а что — не надо. Великая вам благодарность за то, что я мог угадывать вашу волю и потому при удачах никогда не мнил о себе больше, чем положено человеку. Молю вас теперь, даруйте счастье моим детям и жене, друзьям и отечеству; мне же подарите такую кончину, какую раньше подарили жизнь.

4 Исполнив обряд и возвратившись домой, Кир почувствовал желание отдохнуть и прилег на ложе. В положенный час пришли к нему слуги-банщики и пригласили совершить омовение, но он ответил, что хочет отдохнуть. Затем другие слуги, тоже в положенное время, подали обед; но душа его пищи не принимала, он лишь испытывал жажду и с удоволь-
5 ствием пил. Когда это повторилось с ним и на второй и на третий день, он распорядился позвать сыновей; в тот раз они сопровождали его в по-

ездке и тоже были в Персии. Он пригласил также друзей и должностных лиц персов. Когда все явились, он повел перед ними такую речь:

6 — Дети мои и вы все, присутствующие здесь друзья, вот и пришел конец моей жизни; по многим признакам я с уверенностью заключаю об этом. Однако по смерти моей отнеситесь ко мне, как к человеку счастливому, и это отношение подкрепите всеми нужными словами и действиями. Ведь я, мне кажется, всегда добивался отличия при исполнении долга: мальчиком — среди детей, когда подрос — среди юношей, когда стал взрослым — среди мужей[78]. С течением времени, как я мог убедиться, все время возрастала и моя сила, так что и в старости своей я никогда не чувствовал себя более немощным, чем в молодости[79], и я не помню, чтобы я потерпел неудачу в каком-либо предприятии или намерении. Я видел, как 7 моими стараниями друзья мои стали счастливыми, а враги были ввергнуты в рабство; и нашу родину, которая прежде была лишена всякого значения в Азии, я оставляю теперь окруженной почетом, причем я не утратил ни одного из сделанных мною приобретений. В течение прожитой мною жизни я постоянно добивался успехов, о которых мечтал, и только присущий мне страх увидеть, услышать или испытать в будущем какую-либо неприятность не позволял мне возгордиться и всецело предаться радости. Теперь, при своей кончине, я оставляю живыми и здоровыми вас, 8 мои дети, которых богам было угодно подарить мне; я оставляю счастливыми свое отечество и друзей. Так разве не достоин я остаться навечно в памяти людей, как истинно счастливый человек?

Но теперь надлежит мне оставить и о царстве своем ясные распоряже- 9 ния, чтобы не сделалось оно предметом спора и не доставило вам хлопот. Я одинаково люблю вас обоих, дети мои, однако главенство в совете и предводительство в делах, какие будут признаны необходимыми, я вручаю старшему из вас, который, естественно, и более опытен. Я сам был вос- 10 питан по законам нашего общего отечества в том духе, что старшим — не одним только братьям, но всем вообще согражданам — надо уступать и дорогу, и место, и слово; и вас, дети мои, я с самого начала приучал к тому, что подобает оказывать почет старшим, а от младших, наоборот, принимать его[80]. Отнеситесь поэтому к моим словам с тем вниманием, какого заслуживает древний, утвержденный обычаем и законом порядок.

Итак, ты, Камбис, владей царством; его вручают тебе боги и я, на- 11 сколько это в моей власти; тебя же, Танаоксар[81], я назначаю сатрапом над мидянами, армянами и, кроме того, кадусиями. Я признаю, что таким своим пожалованием я оставляю больше власти и самое имя царя твоему старшему брату, зато тебе я дарю счастье более легкое. Действительно, не 12 вижу, какой человеческой радости ты будешь лишен: у тебя будет все, что, по общему мнению, доставляет людям радость. Зато страсть к труднодостижимому, забота по множеству поводов, невозможность обрести покой из-за подстегивающего стремления сравняться своими успехами со мною, козни, которые надо строить и которых следует избегать, — все это, безусловно, скорее достанется в удел тому, кто станет царем, нежели тебе;

можешь себе представить, сколько помех это доставит ему для наслаждения счастьем.
13 Со своей стороны ты, Камбис, также должен знать, что не этот золотой скипетр охраняет царскую власть: истиннейшим и надежнейшим скипетром царей являются их друзья[82]. Но не думай, что люди от природы рождаются преданными; тогда одни и те же были бы верными друзьями для всех, подобно тому как прочие вещи, созданные природою, для всех являются одними и теми же; нет, каждый должен сам приобретать себе преданных друзей, и этого никогда нельзя достигнуть с помощью силы,
14 а скорее благодеяниями. Но если уж ты примешься подбирать себе помощников для охраны своей власти, то начни это в первую очередь с того, кто одного с тобою происхождения. Ведь бесспорно же, что сограждане ближе нам, чем иноземцы, а сотрапезники роднее столующихся отдельно. Но те, кто рожден от одного семени, что и мы, вскормлен той же матерью, вырос в том же доме, взлелеян теми же родителями и тех же самых людей, что и мы, называет своими матерью и отцом, — разве эти не роднее нам
15 всех других?[83] Поэтому никоим образом не оставляйте втуне те добрые возможности, которые сами боги заложили в основу братской близости, но на этом основании, не откладывая, возводите здание дружбы, и тогда ваш союз перед всеми другими всегда будет отличаться несравненной прочностью. Право же, кто заботится о брате, тот печется о самом себе. Ибо кому еще великий человек доставит столько славы своим величием, как брату? Кто еще приобретет от его могущества столько почета, как брат? Кого так будут бояться обидеть, как брата этого сильного чело-
16 века? Поэтому ты, как никто другой, должен[84] быстро откликаться и с готовностью являться на его зов. Ведь и удачи его и беды никого так близко не касаются, как тебя. Прими во внимание и другое: от кого за услугу ты можешь ожидать большей благодарности, чем от брата? В ком за свою поддержку найдешь ты более надежного союзника? Кого так стыдно не любить, как брата? Кого так похвально окружать особенным почетом, как брата? Поистине, Камбис, только предпочтение, оказываемое братом брату, не вызывает зависти у других.
17 Вообще, дети мои, ради всех отчих богов, дорожите дружбою друг друга, если вы желаете и мне хоть сколько-нибудь угодить. Ибо вы не можете сказать наверное, что я превращусь в ничто, когда закончится мое человеческое существование; ведь вот, вы и до сих пор не видели моей души, однако по различным ее действиям могли убедиться в ее существо-
18 вании. Разве вы не замечали никогда, какие страхи насылают на убийц души невинно загубленных людей, каких духов-мстителей насылают они на нечестивцев? С другой стороны, как, по-вашему, сохранился бы обычай оказывать почести мертвым, если бы души их не получали от этого ника-
19 кой радости?[85] Вообще, дети мои, я никогда не мог поверить, что душа жива, пока она находится в смертном теле, а как только расстается с ним, то умирает. Напротив, я вижу, что душа сама сообщает жизнь смертному телу, пока обретается в нем. Равным образом я не верю, что душа оста-
20 нется бессознательной, когда она отделится от лишенного сознания тела.

Напротив, когда разум обособится в чистое и несмешанное состояние, тогда, естественно, он и исполнится высшего сознания. Затем, когда человек умирает, видно, как каждый элемент его, кроме души, возвращается к однородному началу; душа же одна не доступна нашему наблюдению, ни когда она присутствует в теле, ни когда уходит. Примите во внимание, 21
что из всех состояний человека нет ничего ближе смерти, чем сон[86]; между тем человеческая душа именно тогда оказывается более всего сродни богу и способна предвидеть будущее, поскольку в тот момент она, по-видимому, более всего освобождается от телесных уз[87].

Итак, если все обстоит таким образом, как я думаю, и душа действи- 22
тельно покидает тело, то вам надлежит и к моей душе относиться с благоговением и выполнять мои просьбы. Если же дело обстоит не так и душа, оставаясь в теле, умирает вместе с ним, тогда бойтесь, по крайней мере, вечно сущих, всевидящих и всемогущих богов, которые весь этот миропорядок сохраняют нерушимым, непреходящим, безупречным, исполненным невыразимой красоты и величия[88], — бойтесь их и не совершайте и даже в помыслах не допускайте ничего кощунственного и бесчестного[89]. А затем, 23
после богов, уважайте также весь род человеческий во всех его будущих поколениях, раз боги не скрыли вас во мраке и ваши дела непременно у всех и всегда будут в памяти. Если ваши поступки окажутся чистыми и безупречными, то это явит всему миру вашу силу, но если вы замыслите друг против друга что-либо злое, то наверняка у всех людей лишитесь доверия. Никто тогда не сможет более верить вам, даже при самом сильном желании, если видно будет, как зло наносится тому, кто больше всех имеет прав на любовь.

Если я достаточно объяснил вам, как надо относиться друг к другу, 24
тогда хорошо; если же этого мало, то поучитесь хотя бы у прежних поколений, ибо их опыт — лучшая школа. В самом деле, многие люди оставались друзьями своим близким: родители — детям, братья — братьям; однако некоторые из них поступали по отношению друг к другу совсем наоборот. Кому из них, по вашим наблюдениям, шел на пользу принятый образ действий, тех возьмите себе за образец и вы не ошибетесь.

Но, наверное, об этом уже довольно. Тело же мое, когда я скончаюсь, 25
не укладывайте, дети мои, ни в золото, ни в серебро, ни во что другое, но прямо предайте земле[90]. Ибо что может быть блаженнее слияния с землей, которая рождает и вскармливает все, что есть в мире прекрасного и полезного? Мне и раньше всегда было свойственно человеколюбие и теперь, надеюсь, будет приятно приобщиться к благодетельному началу всего рода человеческого. Однако, — продолжал он, — мне кажется, что 26
душа моя уже начала оставлять те части тела, которые она, по-видимому, и у всех других покидает в первую очередь. Поэтому, если кто-нибудь из вас хочет коснуться моей руки или взглянуть мне в глаза, пока я еще жив, пусть подойдет. Когда же я закроюсь с головой[91], тогда, прошу вас, не надо более никому, даже вам, дети мои, смотреть на меня. Вы только при- 27
гласите всех персов и союзников на мою могилу, чтобы они могли порадоваться за меня, потому что отныне я буду в безопасности и уже ничего

дурного со мной не случится, буду ли я среди богов или превращусь
в ничто [92]. А всех, кто придет, на прощанье вы щедро одарите, как поло-
28 жено в память о счастливом человеке. И запомните мой последний совет:
если будете делать добро друзьям, то и врагов всегда сможете покарать.
А теперь прощайте, милые дети, и передайте вашей матери мое
последнее прости; прощайте и все вы, мои друзья, присутствующие и от-
сутствующие.

После такой речи он попрощался со всеми за руку, а потом закрылся
с головой и так умер.

Глава VIII [93]

1 Что царство Кира было самым великолепным и самым могуществен-
ным из государств Азии — это подтверждается уже его размерами. На
востоке оно было ограничено Красным морем, на севере — Понтом Эвксин-
ским, на западе — Кипром и Египтом, на юге — Эфиопией. Будучи столь
огромным, оно управлялось единственно волею самого Кира; он дорожил
своими подданными и пекся о них, как о собственных детях, но зато и
2 подвластные Киру народы чтили его, как родного отца. Однако, когда Кир
умер, его сыновья тотчас затеяли распрю, и немедленно началось отпаде-
ние городов и народов, и все пошло хуже [94]. Я постараюсь показать, что я
говорю правду, и начну с божеских установлений. Я знаю, что в прежние
времена царь и его подданные, давая обещания, скрепленные ли клятвами
или простым пожатием руки, непременно соблюдали их, даже в отношении
3 тех, кто совершил тягчайшие преступления. Если бы они не были такими
и не обладали соответствующей репутацией, то им не верил бы никто, как
не верит им никто теперь, когда всем стало известно их нечестие. Тогда
не стали бы им верить и те стратеги, которые возглавляли воинов, ушедших
в поход с Киром; однако, полагаясь на прежнюю репутацию персов, они
доверились им, и тогда их отвели к царю и обезглавили [95]. Из участвовав-
ших в том походе варваров многие также были обмануты различными за-
4 верениями и погибли. Намного хуже стали персы теперь и в другом отно-
шении: прежде лишь те, кто рисковал жизнью ради царя, или подчинял
его власти какой-нибудь город или народ, или совершал для него какое-
либо другое превосходное дело, удостоивались отличия, а теперь любой,
кто, по мнению царя, доставит ему хоть какую-нибудь выгоду, — или как
Митридат, который предал своего отца Ариобарзана [96], или как Реомитр,
который оставил заложниками в Египте свою жену, своих детей и детей
своих друзей и попрал великие клятвы верности, — тот и награждается
5 величайшими почестями. При виде таких порядков все населяющие Азию
народы впали в нечестие и несправедливость, ибо каковы правители, та-
ковы по большей части оказываются и подданные их. Итак, в этом отно-
шении персы теперь несомненно стали бесчестнее, чем прежде.

Их отношение к деньгам тоже утратило прежнюю безупречность. Теперь они не только явных преступников, но и ни в чем не повинных людей хватают и принуждают без всяких оснований выплачивать штраф, так что лица, слывущие богачами, дрожат от страха не меньше тех, кто многократно нарушал закон. Поэтому состоятельные люди также не желают показываться на глаза сильным мира сего и не решаются даже являться на службу в царское войско. И кто бы ни начал с персами войну, любому предоставляется полная возможность безнаказанно находиться в их стране ввиду такого нечестия их правителей перед богами и такой неправоты их перед людьми. Бесспорно, образ мыслей персов стал гораздо низменнее, чем когда-то. 6 7

Впрочем, я покажу сейчас, что и о телах своих они не заботятся так, как прежде. Издавна положено было у них не плевать и не сморкаться. Очевидно, что они придерживались такого правила не из боязни растратить лишнюю влагу в теле, а из желания укрепить свое тело трудом до пота. Сейчас обычай не плевать и не сморкаться сохраняется, а вот упорный труд у них не в чести. Далее, прежде у них было законом принимать пищу раз в день, чтобы все остальное время можно было употребить на различные дела и упражнения. Сейчас обычай принимать пищу раз в день сохраняется, только приступают они к этому тогда, когда завтракают самые что ни на есть ранние пташки, а затем непрерывно едят и пьют вплоть до времени, когда этим занимаются одни лишь полуночники. 8 9

Было у них также установлено не вносить на пирушки прохоиды[97], очевидно из того соображения, что умеренная выпивка меньше будет сказываться на состоянии ума и тела. Этот обычай не вносить прохоиды сохраняется еще и сейчас, однако пьют они столько, что уже не сосуды надо вносить, а их самих выносить, поскольку уходить с пира на своих ногах они не в состоянии. 10

Существовал у них и другой обычай: во время дневного перехода не есть и не пить, чтобы благодаря этому не справлять у всех на виду свои естественные надобности. Сейчас этот обычай воздерживаться от отправления естественных потребностей сохраняется, однако переходы они теперь делают такие короткие, что никого уже не удивит подобное воздержание. 11

Кроме того, и на охоту раньше они выходили так часто, что ее одной хватало им для закалки себя самих и выездки коней. Однако с тех пор как царь Артаксеркс и его приближенные пристрастились к вину[98], больше уже они так часто ни сами не отправляются, ни других не выводят с собой на охоту. Более того, если кое-кто оказывается чересчур трудолюбивым и много охотится вместе со своими всадниками, то другие относятся к такому с явным неодобрением и ненавидят его за превосходство. 12

Равным образом остается еще в силе обычай воспитывать мальчиков при дворе правителя[99]. Однако обучение верховой езде со всеми необходимыми упражнениями давно заброшено, потому что негде больше показать свое умение и благодаря этому прославиться. Затем, в прежние времена дети слушали там справедливые приговоры по различным тяжбам и таким образом, несомненно, учились справедливости, но теперь и это 13

совершенно изменилось, ибо они видят своими глазами, что выигрывает
14 тот, кто больше даст. Наконец, свойства различных растений в прежние времена изучались детьми для того, чтобы уметь пользоваться полезными растениями и воздерживаться от употребления вредных[100]. А теперь, похоже, этому учатся лишь для того, чтобы совершать побольше злодеяний; по крайней мере, нигде так много людей не погибает и не страдает от яда, как там.

15 Вдобавок ко всему, персы стали теперь гораздо изнеженнее, чем при Кире. Ведь тогда они еще придерживались персидской системы воспитания и умеренности, хотя и восприняли одежду и роскошь мидян. Нынче же они с равнодушием смотрят на исчезновение персидской выносливости,
16 зато воспринятую у мидян изнеженность сохраняют всеми силами. Впрочем, я намерен яснее показать нынешнюю изнеженность персов. Во-первых, им уже недостаточно стелить себе мягкие постели: они ставят свои ложа ножками на ковры, чтобы те не упирались в пол, а утопали в этих коврах[101]. Затем, они не только сохранили все блюда, какие прежде были изобретены для стола, но постоянно придумывают все новые и новые. Точно так же обстоит дело и с приправами; ведь они держат даже специ-
17 альных изобретателей как кушаний, так и приправ к ним[102]. Кроме того, зимой им недостаточно прикрыть голову, тело и ноги — даже кисти рук они прячут в толстые рукавицы и перчатки. Наоборот, летом им мало тени от деревьев или от скал — специальные люди, стоя рядом с ними, создают
18 им вдобавок искусственную тень[103]. Они гордятся, если обладают множеством кубков, однако ничуть не стыдятся того, что эти кубки могут быть добыты откровенно не честным путем: до такой степени развились у них несправедливость и постыдное корыстолюбие.

19 Затем, хотя прежде у них тоже было правилом не показываться на людях идущими пешком, но держались они этого правила лишь для того, чтобы стать совершенными наездниками. А теперь у них на конях больше покрывал, чем на ложах, ибо они не столько думают о верховой езде,
20 сколько о мягком сидении для себя. Разве не очевидно после всего этого, что и в военном отношении они должны быть теперь гораздо слабее, чем прежде? Ведь в прежнее время у них было в обычае, чтобы владельцы поместий поставляли со своих земель всадников для службы в войске, если была такая необходимость, а воины, несшие охрану страны, состояли на жалованье. Нынче же знатные люди делают всадниками и ставят на жалованье всяких привратников, пекарей, поваров, виночерпиев, банщиц, слуг, которые подают кушанья и убирают со стола, помогают при отходе ко сну и при вставании, наконец, косметов, которые подводят глаза, накладывают румяна и вообще совершают туалет своих господ. Разумеется,
21 их тоже набирается великое множество, но пользы от них для войны никакой. Это подтверждают и сами нынешние события: в стране
22 персов враги их чувствуют себя вольготнее, чем друзья[104]. В самом деле, когда-то Кир покончил с обычаем дальних перестрелок и, одев в панцири всадников и коней и дав в руку каждому по копью, положил начало тактике ближнего боя; нынче же они и перестрелок издали не ведут, и в руко-

пашный бой вступать не желают. Пехотинцы по-прежнему вооружены 23
плетеными щитами, саблями и секирами, чтобы сражаться так же, как это делали воины Кира, однако теперь и они не желают сходиться для боя.
Наконец, и серпоносные колесницы не используются ими больше для той 24
цели, для которой их предназначал Кир. Ибо тот, возвышая своих возничих почестями и отличая их перед всеми, всегда имел под рукой храбрецов, готовых устремиться на вражескую пехоту, тогда как нынешние правители даже не знают своих колесничих и думают, что те без всякой выучки сгодятся им не хуже закаленных бойцов. И действительно, они устремляются 25
в атаку, но, прежде чем проникнуть в ряды неприятеля, одни, даже не желая того, сваливаются, а другие сами спрыгивают на землю, так что упряжки, лишившись возничих, нередко причиняют больше вреда своим,
чем врагам [105]. Впрочем, персы и сами понимают, какие военные средства 26
остались теперь в их распоряжении; они смирились с существующим положением и никогда уже не вступают в войну без помощи эллинов, враждуют ли они друг с другом или же отражают нападения этих самых эллинов, потому что они убеждены, что и с самими эллинами надо вести войну при поддержке их же сородичей [106].

Итак, я полагаю, что вполне справился с той задачей, которую поста- 27
вил перед собой. Думаю, что мне удалось доказать, что по сравнению с прежним временем персы и их союзники стали теперь нечестивее относиться к богам, бессовестнее — к сородичам, несправедливее — к прочим людям, стали трусливее вести себя на войне. Если же кто придерживается иного мнения, то пусть взглянет на их дела, и он найдет, что они полностью подтверждают мои слова.

ДОПОЛНЕНИЯ

АГЕСИЛАЙ

Глава I

1 Я сознаю, что не легко составить похвальное слово Агесилаю, достойное его добродетелей и славы: но все же следует попытаться сделать это. Будет несправедливо, если только из-за того, что добродетели Агесилая достигли совершенства, он не удостоится похвалы, даже если она и не
2 вполне будет соответствовать его великим заслугам. О благородстве его происхождения что может свидетельствовать лучше и прекраснее, как не то, что и поныне, при перечислении предков, упоминается, какой он по счету потомок Геракла. И предки эти — не частные лица, а цари, происхо-
3 дящие от царей! [1] При этом никто не смог бы упрекнуть их, что хотя они и цари, но царствуют над ничтожным государством. Ведь в той же мере, в какой род их является в государстве наиславнейшим, настолько же славным является и само их государство в Элладе. Так что они выступают не
4 первыми среди второстепенных, но управляют народом гегемонов [2]. Одинаковой похвалы заслуживают и отечество, и предки Агесилая. Ведь государство спартанцев никогда не пыталось свергнуть их с престола, проникшись завистью к их главенствующему положению, а сами цари никогда не стремились выйти за пределы тех полномочий, на условиях которых они с самого начала получили царскую власть. Поэтому нигде нельзя отыскать другого управления — демократии, олигархии, тирании или царской династии, — которое обладало бы такой непрерывной преемственностью власти, как в Спарте. Только здесь власть переходит без перерыва от одного поколения царей к другому [3].

5 О том, что Агесилай еще до того, как стать царем, был признан достойным царской власти, свидетельствует следующее. Когда царь Агис скончался и за право унаследовать его власть вступили в спор Леотихид, как сын Агиса, и Агесилай, как сын Архидама, спартанское государство постановило, что более достойным и по происхождению, и по личным качествам является Агесилай, предоставив ему царский престол [4]. Поскольку в могущественнейшем государстве Эллады самые доблестные мужи сочли его достойным высочайшей чести, — какие еще нужны свидетельства его добродетелей, которыми он обладал до того, как стать царем?

6 Перейду теперь к описанию его деяний за время царствования. Эти деяния, я полагаю, могут наияснейшим образом свидетельствовать о его нравах и характере. Ведь царскую власть Агесилай получил еще совсем

юным[5]. Как только он вступил на царский престол, разнеслась весть о том, что персидский царь собрал многочисленное войско, сухопутное и морское, чтобы напасть на эллинов[6]. Когда спартанцы и их союзники стали об- 7
суждать создавшееся положение, Агесилай предложил отправиться в Азию, если ему дадут тридцать спартанцев[7], две тысячи неодамодов[8] и отряд союзников числом до шести тысяч. Там он попытается установить мир — или же, если царь варваров проявит желание воевать, сделать так, чтобы отнять у него самую возможность начать поход против эллинов. Многих тут привело в восторг уже одно то, что Агесилай предложил упре- 8
дить персидского царя, тогда как прежде персы первыми нападали на Элладу[9]. Казалось гораздо более предпочтительным напасть самим, вместо того, чтобы ожидать нападения персидского царя; самим разорять его государство, чем допустить ведение военных действий на эллинской земле. Однако самым прекрасным, как решили все, было то, что война будет вестись ради завоевания Азии, а не обороны Эллады. Агесилай, получив 9
войско, отплыл[10]. Можно ли найти иную возможность наглядно представить его полководческий талант, если не рассказать по порядку обо всех совершенных им подвигах? Вот какой первый подвиг он совершил 10
в Азии. Тиссаферн[11] договорился с Агесилаем, подкрепив договор клятвой, о следующем: если Агесилай заключит с ним перемирие до того, как вернутся послы, которых Тиссаферн собирается направить к персидскому царю, то он, Тиссаферн, добьется, чтобы находящиеся в Азии греческие города были объявлены свободными и независимыми. Агесилай, в свою очередь, поклялся в том, что будет верен этому договору, обусловив время его действия тремя месяцами. Тиссаферн сразу же нарушил условия до- 11
говора, в верности которому он поклялся: вместо того, чтобы заботиться об установлении мира, он стал добиваться от персидского царя большого войска в добавление к тому, которое у него уже имелось. Агесилай же, хотя и узнал об этом, оставался верен условиям перемирия. Мне это 12
представляется первым прекрасным подвигом, который совершил Агесилай. Изобличив Тиссаферна в клятвопреступлении, он сделал так, что все перестали ему верить. Что же касается самого Агесилая, то все увидели прежде всего, как он верен клятвам, как он не нарушает условий заключенного с ним договора. И это породило доверие, с которым и эллины и варвары заключали с ним договоры, если он на это соглашался.

Когда же Тиссаферн, возгордившись оттого, что к нему прибыло 13
войско, объявил Агесилаю войну, если тот не покинет Азию, все прочие союзники и прибывшие с Агесилаем спартанцы были весьма удручены этим обстоятельством. Они считали войско, находившееся под командованием Агесилая, более слабым, чем подготовленная персидским царем армия. Агесилай же, напротив, с сияющим лицом приказал послам передать Тиссаферну следующее: он, Агесилай, весьма ему признателен за то, что Тиссаферн, нарушив клятвы, навлек на себя вражду богов и сделал их тем самым союзниками эллинов. После этого Агесилай сразу же передал 14
своим воинам приказ собираться в поход. Городам, через которые он должен был проходить, направляясь с войсками в Карию, он повелел готовить

рынки, на которых его воины могли бы купить себе припасы. Отправил он
послания ионийцам, эолийцам и грекам, жившим в районе Геллеспонта,
чтобы они все прислали ему подкрепления в Эфес.
15 Тиссаферн, зная, что у Агесилая нет конницы, а местность Карии не-
удобна для действий конницы, и полагая, что Агесилай разгневан на него
за обман, решил, что Агесилай действительно предпримет нападение на
его резиденцию в Карии. Поэтому он всю свою пехоту направил сюда,
а конницу повел кружным путем в долину Меандра, считая, что у него
достанет силы разгромить своей конницей войска эллинов до того, как они
вторгнутся на территорию, неудобную для действий всадников. Агесилай
16 же вместо того, чтобы направиться в Карию, неожиданно повернул и
направился в противоположную сторону, на Фригию. Контингенты войск,
двигавшиеся ему навстречу во время этого похода, он включал в состав
своей армии. Агесилай подчинял города и, внезапно в них вторгаясь, за-
17 хватывал множество ценностей. В том, что он поступал таким образом,
проявилось и его полководческое искусство: так как война была уже объяв-
лена, он имел право употребить обманный маневр. Это вполне соответ-
ствовало божественным установлениям; Тиссаферн же со своими хитро-
стями оказался перед ним сущим ребенком.

Вполне благоразумным поступком со стороны Агесилая было и то,
18 что он решил обогатить своих друзей. А именно, так как из-за обилия
захваченной добычи все продавалось по дешевке, он посоветовал своим
друзьям покупать, сообщив им, что вскоре спустится к морю вместе с вой-
ском. Продавцам же добычи Агесилай приказал, чтобы они, записывая
цены, по которым продавались захваченные трофеи, отдавали их. Таким
способом все его друзья, ничего не потратив и не нанося ущерба государ-
19 ственной казне, приобрели множество ценностей. К этому еще надо доба-
вить следующее. Когда перебежчики приходили к царю и, как это обычно
бывает, изъявляли желание указать, где сокровища, он и здесь принимал
меры, чтобы эти сокровища находили его друзья, которые одновременно
и обогащались, и стяжали себе славу. Поэтому многие сразу же воспылали
желанием заручиться его дружбой.

20 Хорошо зная, что опустошенная и разоренная страна не сможет долгое
время содержать его войско и что, напротив, заселенная и регулярно за-
севаемая земля будет постоянно снабжать воинов припасами, Агесилай ста-
рался не только силой одолевать своих врагов, но и привлекать их на свою
21 сторону кротким обхождением. Выступая перед своими воинами, он часто
рекомендовал им не обращаться с пленными как с преступниками, но сте-
речь их, помня, что они тоже люди. Меняя места лагерных стоянок и узна-
вая о брошенных маленьких детях, принадлежавших купцам (многие
продавали этих детей, так как считали невозможным возить их с собой
и воспитывать), Агесилай часто проявлял заботу и о них, помещая детей
в безопасные места. А пленным, оставляемым по причине их преклонного
возраста, он приказывал заботиться об этих детях, чтобы их не разорвали
собаки или волки. Поэтому не только те, кто узнавал о таких поступках
Агесилая, но и сами пленные проникались к нему доверием.

Жителей городов, оказывавшихся в подчинении Агесилая, он освобождал от несения рабских повинностей. Он приказывал им исполнять лишь то, что обязаны делать свободные люди, повинующиеся властям. А те крепости, которые невозможно было взять силой, он завоевывал благодаря своему человеколюбию. 22

Так как на равнинной местности Фригии ему было трудно вести военные действия против конницы Фарнабаза[12], он принял решение создать собственную конницу, чтобы не пришлось спасаться бегством во время войны. С этой целью Агесилай приказал всем самым богатым гражданам в тамошних городах разводить коней. При этом он предупредил, что тот, кто доставит его войску коня, вооружение и хорошо обученного всадника, будет освобожден им от несения военной службы. Это заставило каждого со всевозможным старанием выполнять его приказ, как это бы сделал всякий, желающий отыскать человека, который согласился бы умирать вместо него. Он определил и города, обязанные поставлять ему всадников, полагая, что те из городов, где коневодство более всего было развито, должны обладать и лучшими всадниками. Это также было удивительным его деянием — то, что Агесилаю удалось создать конницу, и она сразу же оказалась сильной и способной оказать ему действенную поддержку. 23 24

Когда же наступила весна[13], он собрал все свое войско в Эфес. Чтобы подготовить воинов к ведению боевых действий, он назначил награды отрядам всадников, которые окажутся лучшими в искусстве верховой езды, и отрядам гоплитов, которые добьются лучших результатов в боевой выучке. Он назначил также награды пельтастам и лучникам, которые проявят наилучшие успехи и подобающее мастерство в своем деле. Поэтому вскоре можно было увидеть гимнасии, переполненные упражняющимися, ипподром, где множество всадников занимались верховой ездой, метателей дротиков и стрелков из лука, старающихся попасть в цель. Благодаря этой деятельности Агесилая, город, в котором он находился, доставлял каждому, кто туда прибывал, зрелище, заслуживающее особого внимания. Рынок был полон всевозможных товаров — оружия, выставленных на продажу коней. Медники, плотники, кузнецы, кожевники, живописцы — все были заняты изготовлением оружия и доспехов, так что поистине весь город можно было принять за оружейную мастерскую. Каждый проникся в успех дела, видя Агесилая, а затем и остальных воинов, выходящими из гимнасиев с венками на голове и посвящающих затем эти венки богине Артемиде[14]. И действительно, можно ли было не преисполниться добрых надежд там, где люди почитают богов, предаются военным упражнениям, ревностно исполняют приказы военачальников? 25 26 27

Чтобы воспитать у своих воинов презрение к врагам, с которыми им предстояло сражаться, Агесилай приказал глашатаям продавать на рынке захваченных пиратами варваров обнаженными. Воины Агесилая, видя белизну их тел (ибо варвары никогда не раздевались), жирных и не привычных к тяжелому физическому труду (потому что те всегда ездили на повозках), приходили к мнению, что предстоящая война ничем не будет отличаться от войны с женщинами. 28

Агесилай также объявил воинам, что намерен вскоре повести их кратчайшим путем в плодороднейшие районы страны, рассчитывая, что и это заставит их усерднее закалять свое тело и укрепит их для будущих сраже-
29 ний. Тиссаферн решил, что Агесилай сказал это с целью еще раз его обмануть, что в действительности он теперь вторгнется в Карию. Поэтому Тиссаферн, как и в прошлый раз, повел свою пехоту в Карию, а коннице предназначил место в долине Меандра. Однако Агесилай не солгал, но двинулся сразу, как и объявил, в область Сард. Двигаясь в течение трех дней по стране, свободной от вражеских войск, он захватил большое количество продовольствия для своей армии.

30 На четвертый день появилась конница врага. Предводитель[15] приказал начальнику обоза перейти реку Пактол и разбить там лагерь. Сами же персы, заметив обозных из эллинского войска, рассеявшихся на местности с целью грабежа, перебили многих из них. Узнав об этом, Агесилай приказал своим всадникам прийти к ним на помощь. В свою очередь, персы, заметив всадников Агесилая, сгруппировали свои силы и выстроили про-
31 тив войска эллинов все свои многочисленные отряды всадников. Тут Агесилай, зная, что у противника все еще нет пехоты, в то время как у него самого все уже было готово к бою, счел этот момент самым подходящим для сражения, если только он сможет навязать его персам. Принеся жертвы богам, он сразу же повел фалангу в атаку против выстроившейся конницы врага. Тем из гоплитов, которым было по десяти лет от поры возмужания[16], он велел устремиться прямо на неприятеля, а пельтастам бегом двигаться впереди них. Всадникам также был отдан приказ атаковать врага, сам же он со всем остальным войском должен был следовать
32 за ними. Удар греческих всадников приняли на себя лучшие воины персов; но когда на них обрушилась вся сила эллинского войска, персы подались назад. Одни из них попадали в реку, другие бежали с поля сражения. Преследуя их, греки захватили вражеский лагерь. Пельтасты, естественно, кинулись его грабить. Агесилай, окружив своими войсками обозы вражеской армии и свои собственные, разбил вокруг лагерь.

33 Прослышав о смятении в стане врагов, в поисках виновников поражения обвинявших друг друга, он двинулся на Сарды. Там он стал разорять окрестности города, сжигая строения и жилища. Одновременно он объявил жителям Сард, что желающие сохранить свободу должны явиться к нему как к союзнику. А если есть такие, которые претендуют на господство в Азии, пусть выйдут с оружием в руках против освободителей
34 страны. Но так как никто не выступил из города, он беспрепятственно продолжал военные действия. Теперь он видел, как эллинам, до этого вынужденным пресмыкаться перед персидским царем, оказывают почет и уважение те, кто прежде угнетал их. Тех же, кто считал возможным наживаться даже за счет доходов, поступавших богам, Агесилай унизил настолько, что они и глаза не смели поднять на эллина. Землям друзей он обеспечил безопасность; напротив, на земле врагов он собрал такую богатую добычу, что смог в течение двух лет жертвовать дельфийскому святилищу более ста талантов.

Царь Персии решил, что виновником его неудач является сам Тисса- 35
ферн, и отправил Тифравста с приказом отрубить Тиссаферну голову.
После этого дела варваров стали еще безнадежнее, а положение Агесилая
укрепилось еще более. От всех народов являлись к нему посольства с пред-
ложениями дружбы, многие переходили на его сторону, чтобы добиться
свободы, так что Агесилай стал во главе не только эллинских государств,
но и многих варварских народов. Особого восхищения заслуживает он еще 36
и по следующей причине. Хотя он стал повелителем многих государств на
материке и властителем островов, после того как спартанское государство
предоставило ему флот, несмотря на то, что слава его и могущество увели-
чились необыкновенно, и он смог бы добиться для себя любых благ, ка-
ких бы он ни захотел (особое значение при этом имел возникший у него
замысел разгромить державу, пытавшуюся прежде завоевать Элладу), —
итак, несмотря на все это, он не позволил себе увлечься ни одной из предо-
ставлявшихся ему возможностей. Когда от властей его родины прибыл
приказ оказать помощь отечеству[17], он исполнил его точно с такой же
готовностью, как если бы он один стоял перед эфорами в отведенном им
помещении[18]. Тем самым он ясно показал, что не променяет своей ро-
дины на весь мир, своих старых друзей — на приобретенных вновь и что
постыдным, хотя и безопасным, выгодам предпочитает справедливые и
благородные действия, даже если они и сопряжены с опасностями. Нельзя
не назвать деянием царя, заслуживающего самой высокой похвалы, и то, 37
что Агесилай, застав государства, оказавшиеся со времени его отплытия
под его властью, в состоянии междоусобной борьбы вследствие постоянно
меняющегося там государственного строя, добился, никого при этом не из-
гоняя и не предавая смертной казни, того, что в этих государствах воца-
рились единодушие, всеобщее благоденствие и гражданский мир[19]. По этой 38
причине, когда он покидал Азию, жившие там эллины были опечалены не
только из-за того, что лишались правителя: они скорбели так, как если бы
их покидал отец или друг. А в конце они доказали всю искренность своей
дружбы: они добровольно отправились вместе с ним на помощь спартан-
скому государству. Так поступали они, хорошо зная, что им придется
воевать с противником, который ничуть не слабее их.

На этом закончились подвиги Агесилая, совершенные в Азии.

Глава II

Перейдя Геллеспонт, Агесилай двинулся в путь через области, насе- 1
ленные теми же племенами, по земле которых некогда двигался персид-
ский царь во время великого похода[20]. И путь, который царь варваров
преодолевал целый год, Агесилай проделал менее чем за один месяц: он
прилагал все силы к тому, чтобы не опоздать с прибытием на родину.
Когда он пересек Македонию и прибыл в Фессалию, жители Ларисы, 2

Краннона, Скотуссы и Фарсала, бывшие союзниками беотийцев, — словом,
все фессалийцы, кроме политических изгнанников, стали нападать на его
войско, двигаясь за ним вслед. Агесилай до этого вел войско выстроенным
в каре; одна половина конницы двигалась у него в авангарде, другая —
3 в арьергарде. Когда же фессалийцы, напав на арьергард, стали мешать его
продвижению вперед, Агесилай переместил всадников, двигавшихся у него
в авангарде, в арьергард, за исключением лишь тех, кто сопровождал
лично его[21]. Когда враждующие армии выстроились друг против друга,
фессалийцы, заметив, что местность неудобна для кавалерийской атаки
против гоплитов, повернули назад и стали отходить. Спартанцы с боль-
шой осторожностью их преследовали.

Агесилай понял ошибку тех и других. Самым лучшим из сопровож-
давших его всадников он приказал изо всех сил преследовать фессалийцев,
не давая им возможности перестроиться и встретить противника лицом
к лицу. Этот же приказ Агесилая они должны были передать всем осталь-
ным воинам. Фессалийцы под натиском неожиданно напавших на них всад-
ников Агесилая продолжали отступать. Те из фессалийцев, которые пы-
тались встретить преследователей лицом к лицу, были застигнуты в тот
4 момент, когда поворачивали своих коней. Гиппарх всадников из Фарсала,
Полихарм, успел повернуть свой отряд лицом к противнику, но погиб
5 в сражении. После этого фессалийцы обратились в беспорядочное бегство;
часть их была перебита, другие — захвачены в плен. Продолжая бегство,
они остановились только тогда, когда достигли горы Нартакия[22]. После
этого Агесилай поставил трофей между Прантом и Нартакием; здесь он
остановился, радуясь сознанию совершенного им подвига. Ведь он одержал
победу над преисполненной высокомерия конницей фессалийцев с помощью
всадников, набранных и обученных им самим.

На следующий день он перевалил через Ахейские горы во Фтии и
в дальнейшем двигался уже по территории дружественной страны до са-
6 мых границ Беотии. Там он столкнулся с выстроившимися войсками фи-
ванцев, афинян, аргивян, коринфян, энианов, эвбейцев и обеих Локрид[23].
Агесилай не стал медлить, но перестроил свое войско на виду у врага.
У него было полторы моры спартанцев[24], из местных союзников с ним
выступали только орхоменцы и фокийцы. К этому еще надо добавить
7 войско, которое он привел из Азии. Теперь я собираюсь рассказать не
о том, будто Агесилай, имея меньшее по численности и более слабое войско,
решился дать сражение, — ведь если бы я стал говорить подобное, я пред-
ставил бы тем самым Агесилая безрассудным, а себя самого — глупцом,
восхваляющим полководца, рискующего всем без какого-либо расчета, —
но я прежде всего изумляюсь тому, как он сумел составить себе войско,
ничуть не меньшее, чем войско противника, и так вооружить его, что оно
8 все сверкало медью и пурпуром[25]. Агесилай заботился о здоровье вои-
нов, чтобы они легко могли переносить самые разнообразные трудности,
и делал все, чтобы сердца их преисполнились уверенности в превосходстве
над любым противником, с кем бы ни пришлось сражаться. Он поддержи-
вал в них дух соревнования, чтобы каждый стремился превзойти другого,

и обнадеживал всех, обещая многочисленные блага, если они проявят храбрость в бою. Все это должно было, по его мнению, поднять боевой дух воинов в предстоящих сражениях. И в этом он не ошибся.

9 Теперь я расскажу о самом сражении — оно было совершенно беспримерным[26]. Войска сошлись на равнине под Коронеей, армия Агесилая двигалась со стороны Кефиса, а фиванцы и их союзники — со стороны Геликона. Как я мог видеть[27], выстроившиеся фаланги противников были совершенно равны по величине; то же можно сказать об отрядах всадников с той и другой стороны. Правым флангом командовал сам Агесилай, на крайнем левом фланге стояли орхоменцы. В рядах противников правый фланг занимали фиванцы, на левом фланге стояли аргивяне.
Войска сходились в полном молчании. Когда расстояние, разделявшее их, 10
уже равнялось одному стадию[28], фиванцы издали боевой клич и бегом ринулись в атаку. Когда противник находился уже на расстоянии трех плетров[29] от фаланги Агесилая, навстречу ему также бегом двинулись
наемники, прибывшие под командованием Героиппида. Они состояли из 11
воинов, вставших под его знамена еще на родине, некоторого числа наемников Кира, а также ионийцев, эолийцев и греков, живших по берегам Геллеспонта. Все они приняли участие в атаке, и сблизившись до расстояния, когда врага можно было достать копьем, опрокинули противника. Аргивяне также не выдержали натиска отряда, находившегося под
командованием Агесилая, и побежали по направлению к Геликону. В этот 12
момент, когда некоторые наемники уже хотели наградить Агесилая венком, ему доложили, что фиванцы изрубили мечами орхоменцев и прорвались к обозу. Агесилай тотчас же повернул фалангу и двинулся против них. Фиванцы, со своей стороны, заметив бегущих к Геликону своих союзников и желая прорваться к своим, стали храбро наступать. В этот момент Агесилай проявил себя, без всякого сомнения, отважным полководцем, хотя принятое им решение и не было самым безопасным. У него была возможность дать врагу прорваться, и затем, двигаясь следом, напасть на его арьергард. Но он так не поступил и встретился с фиванцами лицом к лицу. Столкнувшись щитами, они теснили друг друга, сражались, убивали и гибли. Не слышно было военных кличей, но не было и тишины: стоял тот шум, который сопровождает яростную битву. В конце концов части фиванцев удалось прорваться к Геликону, но многие из них при
отступлении погибли. После того как войска под предводительством Аге- 13
силая одержали победу, его, раненого, пронесли перед фалангой. Тут подскакали всадники и, сообщив Агесилаю, что восемьдесят вооруженных воинов врага укрылись в храме, стали спрашивать, как с ними поступить[30]. Несмотря на многочисленные раны, нанесенные ему разнообразным оружием в различные места тела, Агесилай не забыл своего долга перед богами. Он приказал, чтобы укрывшимся в храме дать возможность уйти куда они хотят; при этом Агесилай запретил обижать их и повелел всадникам, сопровождавшим его, проводить этих воинов врага, пока они не
окажутся в безопасности. Когда сражение окончилось, можно было уви- 14
деть, как земля на том месте, где войска сошлись, была сплошь обагрена

кровью: трупы своих и вражеских воинов лежали вперемешку, а рядом с ними брошены проломленные щиты, разбитые панцири, кинжалы, одни из которых без ножен валялись на земле, другие торчали воткнутыми в тело, а некоторые были зажаты в руках убитых.

15 В этот день (ведь было уже очень поздно) воины Агесилая ограни-
чились тем, что перетащили трупы врагов во внутрь расположения фа-
ланги, поужинали и расположились на отдых. Рано утром Агесилай при-
казал полемарху Гилиду выстроить войско и поставить трофей; все воины
должны были увенчать себя венками в честь божества, флейтистам было
16 отдано распоряжение играть. Приказ Агесилая был выполнен. Между тем,
фиванцы прислали вестника, прося заключить перемирие и выдать трупы
убитых для погребения [31]. Перемирие было заключено, и Агесилай дви-
нулся по направлению к дому, предпочтя царствовать в Спарте согласно
спартанским законам и этим же законам подчиняться, чем быть господи-
ном всей Азии.

17 После этого Агесилай узнал, что аргивяне собрали у себя дома урожай и, присоединив к себе Коринф, ведут военные действия, захватывая добычу. Он немедленно двинулся против них [32]. Опустошив всю землю аргивян, он перевалил оттуда через теснины, ведущие к Коринфу, и захватил стены, соединяющие этот город с Лехеем [33]. Открыв таким образом ворота в Пелопоннес, он вернулся в Спарту к празднику Гиакинтий [34] и принял участие в пении пэана божеству, заняв то место в хоре, которое указал ему устроитель.

18 Затем, когда до Агесилая дошло известие, что коринфяне согнали весь
свой скот в Пирей и засевают и собирают урожай по всему Пирею, у него
возникли большие опасения в связи со всем этим. Он решил, что бео-
тийцы, выплыв из Кревсиды, легко проникнут через этот порт в Коринф;
поэтому он отправился походом на Пирей [35]. Там он заметил, что порт
этот охраняется многочисленным гарнизоном. Поэтому он после завтрака
19 перенес свой лагерь ближе к Коринфу. Ночью он узнал, что из Пирея
спешно были переброшены подкрепления в город, и поэтому на заре он
повернул назад и захватил Пирей, оказавшийся без гарнизона, и все, что
в нем было, а также укрепления, которые там были воздвигнуты. Совер-
шив все это, он вернулся в Спарту.

20 После этих событий ахейцы предложили спартанскому государству заключить союз и упросили отправиться вместе с ними походом в Акарнанию. Когда акарнанцы напали на спартанцев в ущельях, Агесилай захватил вершины гор и завязал сражение с противником. Многих он перебил, воздвиг трофей и не прекратил военных действий, пока не заставил акарнанцев, этолийцев и аргивян стать друзьями ахейцев и даже вступить с ним самим в союз [36].

21 Враги Спарты прислали послов с предложениями мира [37], но Агесилай возражал против этого, пока не добился от Коринфа и Фив возвращения тех коринфян и фиванцев, которые были изгнаны за дружбу со Спартой. Позже он добился и от Флиунта, отправившись против этого города походом, что граждане этого города разрешили вернуться прежде изгнанным

друзьям Спарты [38]. Может быть, кто-нибудь станет, исходя из особых соображений, порицать Агесилая за это, но совершенно ясно, что все это он совершил во имя идеалов дружбы.

Когда враги Спарты в Фивах перебили находившихся там спартанцев, 22
Агесилай выступил в их защиту и двинулся походом на Фивы [39]. Там он обнаружил, что вся страна перекопана рвами и перегорожена частоколами. Перейдя Киноскефалы [40], он стал опустошать всю страну до самых Фив. Он предложил фиванцам вступить в сражение на равнине или в горах, если они захотят. В следующее лето [41] он вновь отправился походом на Фивы. Форсировав рвы и частоколы у Скола [42], он разорил оставшуюся до этого нетронутой часть Беотии.

Успехами, выпавшими на долю Спарты, государство в равной мере было 23
обязано и Агесилаю, и доблести своих сограждан; что же касается неудач,
случившихся после этого, то никто не смог бы сказать, что они произошли
при управлении Агесилая [43]. Когда спартанское государство потерпело
поражение у Левктр и в Тегее противники с помощью мантинейцев пере-
били друзей и гостеприимцев Агесилая, в то время как все беотийцы,
аркадяне и элейцы объединились воедино, Агесилай отправился в поход
с одним лишь <спартанским войском> [44], хотя многие считали, что спар-
танцы уже надолго не смогут выступить за пределы своей земли. Опусто- 24
шив земли тех, кто перебил друзей Спарты, он вернулся домой [45]. Вскоре
после этого, когда в поход против Спарты выступили все аркадяне, аргивяне, элейцы, беотийцы, вместе с ними жители Фокиды и обеих Локрид, фессалийцы, энианы, акарнанцы и эвбейцы, когда кроме этого восстали и рабы и многие из городов периэков, а спартанцы сами потеряли в битве при Левктрах не меньше, чем их осталось в живых, — несмотря на все это, Агесилай все же отстоял Спарту, хотя она и не была защищена стенами [46]. Там, где враги могли иметь превосходство, он старался уклониться от сражения; но там, где его сограждане могли рассчитывать на успех, он решительно выстраивал свои войска, чтобы сразиться с врагом. Агесилай учитывал, что, сражаясь на равнине, он рискует быть окруженным; напротив, подстерегая неприятеля в теснинах и в горах, он всегда возьмет над ним верх.

После того, как войско врагов покинуло пределы страны, кто не при- 25
знал бы, что Агесилай в своей дальнейшей государственной деятельности
проявил себя как самый мудрый политик? Возраст уже не позволял ему
принимать участие в походах, пешим или на коне. Видя, что государство
нуждается в деньгах, чтобы хотя частично сохранить своих союзников, он
направил все свои силы на достижение этой цели. Если, оставаясь дома,
он мог оказать в этом помощь государству, он не жалел усилий. Когда же
возникала необходимость пуститься в дальний путь, он не боялся и не
стыдился выступать в качестве посла, а не полководца, если только мог
в чем-либо принести пользу своей родине. И даже когда он был послом, 26
он совершал деяния, достойные великого полководца.

Автофрадат осадил в Ассе Ариобарзана [47], бывшего союзником Спарты, но, испугавшись Агесилая, снял осаду и бежал. Точно так же

Котис, осадив Сест, принадлежавший Ариобарзану, вынужден был снять осаду и уйти. Таким образом, Агесилай имел основания воздвигнуть трофей по случаю победы над врагом и после своего посольства. Мавсол осадил оба эти города с моря, командуя флотом в сто кораблей, но снял осаду и отплыл домой, — если не из страха перед Агесилаем, то, во всяком случае, сдавшись на его уговоры.
27 ком случае, сдавшись на его уговоры. Агесилай совершил поистине удивительные деяния: и те, кто считал себя ему обязанными, и те, кто были вынуждены бежать от его войск, — все давали ему деньги. И Тах[48], и Мавсол, который ради прежней дружбы с Агесилаем ссужал Спарту деньгами, отправляя его на родину, предоставили ему почетный эскорт.

28 Возраст Агесилая уже приближался к 80 годам. Узнав, что египетский царь собрался воевать с Персией и что он собрал под свои знамена множество всадников и пехотинцев, а также располагал при этом большими средствами, Агесилай весьма благосклонно отнесся к приглашению, которое ему было послано, и предложению взять на себя командование
29 войсками[49]. Он полагал, что, отправившись в Египет, он тем самым отблагодарит египетского царя за оказанные им Спарте благодеяния, а также вновь вернет свободу живущим в Азии эллинам. Одновременно он отомстит персидскому царю как за прежние враждебные действия, так и за то, что ныне, считаясь на словах союзником Спарты, он требовал освобож-
30 дения Мессении[50]. Но после того как египетский царь пригласил его, но не предоставил ему командования, Агесилай оказался жестоко обманутым и стал раздумывать, как ему поступать в дальнейшем. В это время сначала от войска египетского царя, разделенного на две части, отпала значительная армия, затем и все остальные оставили его. И сам царь, струсив, бежал, спасая свою жизнь, в финикийский город Сидон. Разделившись на
31 две части, египтяне избрали себе двух царей. Агесилай подумал, что если он останется нейтральным, то ни один из обоих претендентов не выплатит эллинам жалованья за службу и не предоставит рынка для снабжения эллинских воинов припасами; более того, тот, кто победит, непременно станет их врагом. Напротив, если он примет сторону одного из двух претендентов, то этот последний, добившись успеха, станет его другом. Рассудив дело таким образом, Агесилай встал со своими воинами под знамена того, кто казался более дружелюбно настроенным по отношению к эллинам. Одержав победу над другим, который относился к эллинам с ненавистью, он взял его в плен; первого же он поддержал[51]. Сделав его другом Спарты, Агесилай получил от него большую сумму денег и отплыл на родину, хотя была уже середина зимы[52]. Он спешил, боясь, что Спарта с приближением лета может оказаться не подготовленной к борьбе с врагами.

Глава III

До этого мы рассказывали о таких подвигах Агесилая, свидетелями которых были его многочисленные современники. Подобные деяния не нуждаются в том, чтобы истинность их доказывалась: о них достаточно лишь напомнить, и к ним сразу же проникаешься доверием. Теперь же я попытаюсь раскрыть величие его душевных качеств, благодаря которым ему удалось все это совершить и которые заставляли его всю жизнь стремиться ко всему прекрасному и ненавидеть все низкое. К божественным установлениям Агесилай относился с таким благочестием, что даже враги считали его клятвы и договорные обязательства более надежными, чем дружбу между ними самими. ‹Договариваясь о чем-либо друг с другом, они по большей части›[53] опасались сходиться в одно место, а ему они с готовностью вверяли свою жизнь. Чтобы ни у кого не возникло сомнений, я назову наиболее замечательных из числа тех, которые ему доверялись. 1 2

Перс Спифридат[54] узнал, что Фарнабаз, всеми силами добиваясь получить в жены царскую дочь, замыслил в то же время сделать его, Спифридата, дочь своей наложницей. Сочтя это тяжким оскорблением для себя, он перешел под знамена Агесилая, доверив ему и свою жену, и детей, и все свое войско. 3

Котис, правитель Пафлагонии, не подчинился персидскому царю[55], несмотря на то, что царь давал ему залоги верности и дружбы. Котис опасался, как бы ему, когда он окажется во власти царя, не пришлось расстаться с большой суммой денег или даже с самой жизнью. Напротив, договору с Агесилаем он полностью доверился, прибыл к нему в лагерь и заключил с ним оборонительный и наступательный союз. Он предпочел выступить в поход в союзе Агесилаем, имея под своим началом тысячу всадников и две тысячи пельтастов. 4

Вступил в переговоры с Агесилаем и Фарнабаз[56], договорившись с ним о том, что если его, Фарнабаза, не поставят во главе царского войска, он отложится от персидского царя. «А если я стану полководцем, — добавил Фарнабаз, — я буду бороться с тобой, Агесилай, не на жизнь, а на смерть». Говоря так, Фарнабаз нисколько не опасался того, что его предадут. 5

Столь великим и прекрасным качеством у всех людей, а особенно у полководца, является верность и честность, признаваемые всеми. Вот что я хотел рассказать о благочестии Агесилая.

Глава IV

Что же касается его благородства в денежных делах, то что может служить лучшим свидетельством этому, как не следующее: никто никогда не жаловался на то, что Агесилай у него что-нибудь отнял, и, напротив, очень многие уверяли, что он их весьма щедро одарил. Мог ли позариться 1

на чужое и тем самым стяжать себе дурную славу тот, кому столь много
удовольствия доставляло отдавать людям свое? Если бы он был корысто-
любив, он мог бы с гораздо меньшими хлопотами ограничиться простой
бережливостью, не стремясь приобретать то, что ему не принадлежит.
2 И далее, мог ли покушаться на чужое (что карается по закону) тот чело-
век, который более всего боялся оказаться неблагодарным (что даже не-
подсудно)? Агесилай же не только считал неблагодарность самым дур-
ным свойством человека, но полагал позорным не отплатить за добро по
3 возможности еще большим. И кто посмел бы обвинить его в попытке при-
своить государственные деньги, когда даже то вознаграждение, которое
полагалось ему, он передавал в пользу государства? И разве не может
служить величайшим свидетельством его бескорыстия то, что он мог одал-
живать деньги у других, желая оказать помощь деньгами государству или
4 своим друзьям? Если бы он продавал свои услуги или оказывал благодея-
ния за плату, никто не считал бы себя ему обязанным; но люди, которым
оказали благодеяние безвозмездно, всегда рады помочь своему благоде-
телю и потому, что им оказали услугу, и потому, что их сочли достойными
5 доверия и способными сохранить признательность. Что же удивительного
в том, что Агесилай, который предпочел быть бедным, но сохранить бла-
городство души, нежели разбогатеть несправедливыми способами, избегал
постыдного и низкого корыстолюбия? И в самом деле, когда спартанское
государство присудило ему все имущество Агиса, он отдал половину род-
ственникам со стороны матери, так как знал о их бедственном положении.
6 То, что это правда, может подтвердить вся спартанская община. Когда
Тифравст стал предлагать ему многочисленные подарки[57], лишь бы он
ушел из страны, Агесилай ответил: «Тифравст, у нас принято хвалить
того полководца, который обогащает не самого себя, а все свое войско.
Что же касается имущества врагов, то мы предпочитаем отнимать его, как
военную добычу, чем получать его в виде подарков».

Глава V

1 Далее, видел ли кто-нибудь Агесилая рабом одной из тех страстей,
которые приобретают власть над многими людьми? Он полагал, что пьян-
ства следует избегать так же, как безумия, а чревоугодия — так же, как
любого другого проступка. Получая две порции во время общественного
пиршества, Агесилай не оставлял себе ни одной: он не съедал получен-
ной им доли, но делил ее между участниками пиршества. По его словам,
царям Спарты предоставляется двойная порция не ради того, чтобы они
были более сыты, а для того, чтобы они и за столом могли почтить того,
кого они захотят[58].

Агесилай всегда успешно боролся со сном и соразмерял свою потреб-
ность в нем сообразно обстоятельствам. А когда его ложе не оказывалось

более скудным и убогим, чем у других, он явно этого стыдился, ибо считал, что полководцу приличествует отличаться от других не изнеженностью, но более суровым образом жизни. Агесилай всегда гордился тем, что ле- 3 том подвергал себя чрезмерному воздействию солнца, а зимой — холода. А когда на долю войска выпадали тяжелые работы, он трудился больше, чем все остальные, ибо считал, что такие поступки полководца воодушевляют воинов и позволяют им легче переносить трудности. Одним словом, мы могли бы сказать, что Агесилай радовался, когда сталкивался с трудностями, и совершенно не допускал расхлябанности.

Что касается его воздержанности в любовных наслаждениях, то об 4 этом следует упомянуть, если не ради чего-либо другого, то хотя бы ради следующего удивительного случая. Если бы Агесилай воздерживался от таких наслаждений, к которым не чувствовал бы влечения, каждый признал бы это качеством, свойственным всем людям вообще. Но разве не является вершиной благоразумия и воздержности, доходящей до мании, следующий случай? Агесилай был влюблен в Мегабата, сына Спифридата — так, как только может влюбиться сильная натура в прекрасного юношу. У персов же принято целовать тех, кого они особенно любят и почитают. Когда Мегабат попытался поцеловать Агесилая, тот напряг всю силу воли, чтобы уклониться от поцелуя. Считая себя глубоко оскорблен- 5 ным, Мегабат после этого уже не пытался его поцеловать. Тогда Агесилай обратился к одному из друзей с просьбой помирить его с Мегабатом, чтобы юноша вновь стал оказывать ему уважение и почет. Друг спросил Агесилая: поцелует ли он Мегабата, если удастся помирить их? Помолчав некоторое время, Агесилай ответил так: «Нет, даже если бы я сразу после этого стал самым красивым, самым сильным и самым быстроногим из всех людей на земле. Более того, клянусь всеми богами, что я скорее предпочел бы вновь выдержать эту тяжелую борьбу с самим собой. Пусть даже все, что я вижу, превратится в золото, я и за эту цену не дам своего согласия».

Я хорошо понимаю, что у некоторых возникнут сомнения по поводу 6 истинности этого случая. Мне также представляется, что большинство людей способны скорее одолеть врага, чем подобную страсть. И хотя большинство людей имеет право относиться ко всему этому с недоверием, так как такие случаи известны лишь немногим, мы все очень хорошо знаем, что поступки выдающихся людей редко остаются в тени. Однако никто и никогда не заявлял, будто видел Агесилая совершившим бесчестный поступок, и даже если бы стал предполагать подобное, ему никто бы не поверил. Находясь на чужбине, Агесилай никогда не занимал отдельного 7 дома, но всегда располагался либо в храме, где совершенно невозможно заниматься бесчестными делами, либо у всех на виду, так что все становились свидетелями его беспорочного поведения. Если все, что я говорю здесь об Агесилае, неправда и вся Эллада уверена в противоположном, то моя похвальная речь не достигнет цели, я же накажу самого себя.

Глава VI

1 Как мне представляется, Агесилай неопровержимо доказал, что обладает мужеством и отвагой, ибо он всегда был готов выступить против самых сильных врагов, угрожавших его государству и Элладе. В борьбе
2 против них он сам всегда шел впереди. Каждый раз, когда враги соглашались дать сражение, он не страхом повергал их в бегство и так добивался победы, но ставил трофей, одолев неприятеля в прямой и упорной битве, оставляя бессмертные памятники своей доблести, унося и сам на своем теле ясные свидетельства мужества, проявленного в бою. Поэтому желающие судить о его душевных качествах могли сделать это по личным
3 наблюдениям, а не по слухам. Однако будет справедливо судить о военных подвигах Агесилая не только по трофеям, поставленным им; о его подвигах лучше всего свидетельствуют походы, которые он совершил. Победы его были ничуть не менее значительными, когда враги уклонялись от сражения; в этих случаях он добивался победы без риска и с большей пользой для государства и союзников Спарты. Ведь и во время гимнастических состязаний победивших благодаря отказу противника от борьбы награждают венками ничуть не менее тех, кто одержал победу в схватке с противником.

4 А какие из совершенных им деяний не свидетельствуют о его мудрости — его, всегда с величайшей готовностью исполнявшего волю отечества, оказывавшего помощь близким, приобретавшего самых верных друзей? Воины Агесилая одновременно и любили его, и повиновались ему. А что может так усилить боевую мощь фаланги, как порядок, создающийся благодаря воинской дисциплине и верности воинов полководцу,
5 в основе которой лежит их любовь к нему? Враги не могли отказать ему в уважении, хотя и вынуждены были его ненавидеть. А союзникам он всегда помогал одерживать верх над противником, вводя его в заблуждение, когда представлялся подходящий случай, опережая его там, где требовалась быстрота, скрывая от него свои планы тогда, когда этого требовала польза дела. По отношению к врагам он действовал совершенно по-
6 иному, чем к друзьям. Ночью он предпринимал все, на что отваживался днем, а днем делал то, что мог предпринимать ночью, очень часто оставляя всех в неведении относительно того, где он находится, куда собирается идти, что он намерен совершить. В результате такого образа действий крепости врага оказывались для него недостаточно крепкими: он их или обходил, или брал штурмом, или применял против них военные хитрости и
7 обманы. Когда Агесилай отправлялся в поход, он вел свое войско таким строем, чтобы им легче было управлять, помня, что сражение может завязаться в любой момент, если этого захотят враги. Войско двигалось спокойным шагом, как ходят самые скромные девушки. Он знал, что такой порядок следования обеспечивает спокойствие, полное отсутствие страха, невозмутимость духа воинов и предохраняет от возможных ошибок; при
8 таком порядке исключена возможность засад и козней врага. Поступая так, Агесилай всегда был страшен врагам, друзьям же он вселял в душу

бодрость, уверенность и сознание собственной силы. Он прожил жизнь, окруженный почтительной боязнью врагов, никогда и ни в чем не упрекаемый согражданами, безупречный по отношению к друзьям, горячо любимый и восхваляемый всеми людьми.

Глава VII

Подробное описание того, насколько он был предан своему государ- 1
ству, заняло бы слишком много места. Как я полагаю, среди совершенных
им деяний нет ни одного такого, которое бы об этом не свидетельствовало.
Короче, все мы знаем, что Агесилай не жалел трудов, смело подвергался
опасностям, не щадил ни средств, ни здоровья и не ссылался на преклон-
ный возраст, когда ему представлялась возможность принести пользу госу-
дарству. Одновременно он считал долгом истинного царя оказывать как
можно больше благодеяний своим согражданам. К числу величайших ус-
луг, оказанных отечеству, я отношу и то, что Агесилай, оставаясь самым
могущественным человеком на своей родине, тщательнейшим образом со-
блюдал законы государства. Действительно, кто осмелился бы проявить
непослушание, видя, как ревностно исполняет законы сам царь? Кто, счи-
тая себя ущемленным в правах, смог бы отважиться на то, чтобы изменить
существующее положение в государстве, видя, как охотно соблюдает за-
коны и подчиняется им сам Агесилай? А он даже к своим противникам 3
в государстве относился так, как отец относится к детям: порицал их за
ошибки, награждал, когда они совершали прекрасные поступки, приходил
на помощь, когда случалась беда. Никого из своих сограждан он не счи-
тал врагом, проявляя добрую волю к тому, чтобы все вели себя достойным
образом и заслужили похвалу. Спасение всех граждан было для него са-
мой важной целью, а гибель человека, хоть сколько-нибудь достойного
уважения, — личным несчастьем. Твердое соблюдение законов он считал
залогом процветания своего отечества, а благоразумное поведение элли-
нов вообще — основой могущества Спарты. И если филэллинство считать 4
достоинством, украшающим эллина, то кто и когда видел другого такого
полководца, который смог бы отказаться от взятия города, если это было
сопряжено с его разрушением, или считал бы нечестием для себя одер-
жать победу в сражении с эллинским войском? Когда Агесилаю доста- 5
вили известие, что в сражении у Коринфа погибли восемь спартанцев и
почти десять тысяч врагов, он нисколько не обрадовался и, вздохнув, ска-
зал: «Увы, какое горе постигло Элладу! [59] Ведь если бы ныне погибшие
остались живы, их было бы вполне достаточно, чтобы одержать победу
над всеми варварами!» А когда изгнанные из Коринфа граждане стали 6
убеждать его в том, что их город готов сдаться спартанцам, и указывали
ему на средства, с помощью которых они надеялись овладеть укреплени-
ями города, Агесилай отказался его штурмовать [60]. Он заявил при этом,

что следует стремиться не к порабощению эллинского города, а к тому, чтобы его образумить: «Если мы будем уничтожать тех эллинов, кто совершает ошибки, то где мы найдем людей, чтобы одолеть варваров?»
7 А если ненависть к персам считать прекрасным качеством, — ибо и в старину их царь[61] нападал на Элладу, чтобы ее поработить, и нынешний царь[62] поддерживает всех тех, с чьей помощью он рассчитывает более всего причинить ей вреда, и щедро одаривает людей, которые, как он надеется, за эти деньги причинят эллинам бесчисленные беды, и содействует заключению такого мира, с помощью которого он надеется посеять вечную вражду между эллинами[63], как это все теперь ясно, — то кто другой, кроме Агесилая, приложил столько стараний к тому, чтобы от персов отложились подвластные им народы, чтобы поддерживать восставших, вообще чтобы царь персов, сталкиваясь с внутренними затруднениями, не мог доставлять беспокойство эллинам? Даже в те времена, когда Спарта воевала с эллинами, Агесилай не забывал об общеэллинском благе, но пустился в море с целью причинить как можно больше зла варварам[64].

Глава VIII

1 Нельзя умолчать здесь и о его личном обаянии. Ведь в то время, когда он бывал осыпан почестями, обладал огромным влиянием, да к тому же еще и царской властью, и как царь был всеми любим и не имел недругов, никто никогда не видел его исполненным высокомерия. Напротив, всем поневоле бросались в глаза его любезность и готовность помочь друзьям.
2 С большим удовольствием он участвовал в разговорах о любовных историях, принимал близко к сердцу все, что касалось его друзей. Такие особенности его характера, как жизнерадостность, бодрость, веселость, привлекали к нему многих, стремившихся к общению с ним не столько ради того, чтобы чего-либо от него добиться, сколько ради приятного времяпрепровождения. Он менее всего был склонен к самовосхвалению, но, несмотря на это, благосклонно выслушивал тех, кто прославлял самого себя, полагая, что этим они никому не приносят вреда, но сама похвала обязы-
3 вает их доблестно вести себя в будущих сражениях. Надо упомянуть и о том, как кстати проявил он великолепную гордость. Когда до него дошло письмо от персидского царя, которое доставил посланец, прибывший вместе со спартанцем Каллеем, — а в нем содержалось предложение заключить дружбу и гостеприимство, — Агесилай письма не принял[65]. Доставившему письмо он приказал передать царю, что не следует адресоваться к нему частным образом, и при этом добавил: «Если персидский царь докажет на деле, что является другом Спарты и проявит доброжелательность по отношению ко всей Элладе, тогда и я стану ему самым верным другом. Если же царь пытается строить козни, то пусть знает, что я никогда ему
4 другом не стану, даже если получу от него множество писем». Я особенно

хвалю Агесилая за то, что он пренебрег гостеприимством персидского царя, чтобы снискать себе тем самым симпатии эллинов. Восхищаюсь я и тем, что предметом гордости он считал не сокровища или власть над большим числом подданных, но обладание личными добродетелями и власть над
доблестными людьми. Так же высоко я ценю его дальновидность, нашед- 5
шую свое выражение в том, что он считал благом для Эллады, если против персидского царя восстанет как можно больше сатрапов. Ни подарки персидского царя, ни его военная мощь, ни предложение заключить гостеприимство не могли оказать влияние на Агесилая, и он делал все, чтобы избежать упрека в неверности со стороны сатрапов, которые собирались отпасть от персов.

А кто не проникся бы восхищением перед его умеренностью? Персид- 6
ский царь, например, старался собрать в свои сокровищницы все золото, все серебро, все ценные вещи, которыми обладали люди, полагая, что если он будет обладать большим количеством денег, то с их помощью сумеет подчинить себе всех. Агесилай же, напротив, устроил свой дом совершенно
иначе, не нуждаясь в чем-либо подобном. Если кто этому не верит, пусть 7
взглянет сам, как скромно выглядело жилище его, пусть посмотрит на двери его. При взгляде на них приходит в голову мысль, что это те же самые двери, которые поставил Аристодем, потомок Геракла, когда возвратился на родину[66]. Пусть желающие рассмотрят внутреннее убранство дома, вспомнят, как вел себя Агесилай на пиршествах; пусть послушают рассказы о том, как <дочь его>[67] отправлялась в Амиклы на обычном ка-
натре[68]. Он так соразмерял свой расход с приходом, что совершенно не 8
нуждался в добывании денег нечестными способами. Считается прекрасным деянием соорудить такую крепость, которая неприступна для врагов; но намного прекраснее, полагаю я, сделать неприступной для растлевающего влияния денег, наслаждений, страха свою собственную душу.

Глава IX

Теперь я скажу о том, как отличался его простой нрав и обхождение 1
от чванства персидского царя. Последний стремился возвеличить себя тем, что редко появлялся на людях. Агесилай же, напротив, радовался тому, что был окружен людьми, считая, что только порок нуждается в скрытности; он полагал, что прекрасному образу жизни свет придает особый
блеск. Персидский царь считал недоступность своей особы признаком ве- 2
личия, Агесилай же бывал рад каждому, кто хотел его посетить. Тот создавал себе славу особой медлительностью в делах, Агесилай же особенно радовался тогда, когда отпускал людей, быстро удовлетворив их просьбы.
Достойно внимания и то, насколько более простыми и доступными были 3
удовольствия Агесилая. Для персидского царя его люди обега́ют все земли, разыскивая ему самые лучшие вина; десятки тысяч трудятся, при-

готовляя ему самые вкусные блюда. Трудно рассказать о том, что́ делается, лишь бы он задремал. Напротив, для Агесилая любовь к труду сделала приятным любой оказывавшийся доступным напиток, любую случайно доставленную ему пищу. Любое ложе оказывалось ему достаточно
4 удобным, чтобы спокойно на нем высыпаться. И все это не только доставляло ему удовольствие, но особенно наслаждался он сознанием того, что все эти предметы находятся у него под рукой. В то же время Агесилай имел возможность наблюдать, как для царя варваров, чтобы избавить его от дурного настроения, свозились со всех концов земли услаждающие на-
5 питки и яства. И что еще доставляло Агесилаю удовольствие, так это умение приспособляться к различным временам года. В то же время он видел, как царь варваров боялся и жары и холода по причине душевной слабости; он вел образ жизни, достойный не доблестных мужей, но самых жалких
6 зверьков. А как не назвать прекрасной и поистине великолепной особенностью его образа жизни то, что дом свой Агесилай украсил предметами и устроил соответственно занятиям, достойным мужей! Он держал своры охотничьих собак, разводил породистых, годных к военной службе лошадей. Свою сестру Киниску он убедил разводить коней для конных ристаний. На состязаниях в беге колесниц Киниска одержала победу, и Агесилай благодаря этому ясно всем показал, что разведение подобных коней свидетельствует только о богатстве, а вовсе не о мужской доблести[69].
7 И разве не свидетельствует о благородстве его характера высказанное им мнение, что победа в беге колесниц ничуть не увеличит его славы?[70] Напротив, если он приобретет благорасположение своего государства, большое число верных друзей, если он станет первым благодетелем отечеству, соратникам и сокрушит врагов родины, именно тогда он одержит победу в самых прекрасных и величественных состязаниях и приобретет самую громкую славу как при жизни, так и после смерти.

Глава X

1 Вот за какие качества я восхваляю Агесилая. О нем нельзя говорить так, как говорят о человеке, нашедшем сокровище: «хотя он и стал более богатым, но от этого не стал более хозяйственным»; или как о стратеге, одержавшем победу над войском врага, но оказавшемся жертвой эпидемии, — «хотя этому стратегу сопутствовала удача, но от этого он не стал более опытным в искусстве вождения войск». Напротив, лишь тот может быть назван доблестным и совершенным мужем, кто оказывается самым неутомимым там, где надо усиленно трудиться, самым храбрым там, где требуется мужество, самым мудрым там, где необходимо держать совет.
2 Если шнур и линейку следует признать прекрасным человеческим изобретением, с помощью которого создаются совершенные произведения архитектуры, то настолько же прекрасным примером, на мой взгляд, должны

служить и добродетели Агесилая для всех, кто хочет стать доблестным
мужем. Действительно, можно ли стать нечестивым, подражая благочести-
вому, или несправедливым, подражая справедливому, или наглецом, под-
ражая скромному, или разгульным, подражая умеренному? Агесилай не
так гордился царской властью, давшей ему право повелевать людьми, как
властью над самим собой, и видел свою славу не столько в том, чтобы
вести сограждан в бой против врага, сколько в том, чтобы вести их по
пути добродетели. Пусть никто не назовет эту речь плачем на том осно- 3
вании, что Агесилай прославляется здесь уже после смерти; именно по-
этому речь эта скорее является похвальным словом. Я хотел бы прежде
всего возразить, что говорю здесь об Агесилае лишь то, что он слышал
о себе и при жизни. И вообще, может ли что-либо быть более чуждым по-
гребальному плачу, чем жизнь, полная славы, и прекрасная смерть?
И есть ли что-либо более заслуживающее похвального слова, чем велико-
лепные победы и вызывающие восхищение подвиги? Его можно с полным 4
основанием назвать счастливым — его, который с детского возраста был
влюблен в славу и стал самым знаменитым из всех современников! Бу-
дучи честолюбивым от природы, он прожил жизнь, со времени занятия
царского престола не потерпев ни одного поражения. Достигнув самого
преклонного возраста, до которого вообще доживают люди[71], он не со-
вершил ни одного предосудительного поступка ни по отношению к тем,
кем он правил, ни по отношению к тем, против которых он воевал.

Глава XI

Я хочу теперь в самых общих чертах представить добродетели Агеси- 1
лая, чтобы похвальное слово о нем лучше запечатлевалось в памяти. Он
почитал религиозные установления даже у врагов, полагая, что сделать
своими союзниками богов вражеской страны не менее важно, чем богов
дружественного государства. К умоляющим о защите и находящимся под
покровительством божества он никогда не применял насилия, даже если
они были врагами. Он считал абсурдным называть людей, грабящих
храмы, святотатцами, и в то же время считать благочестивыми тех, кто
отрывает умоляющих о защите от алтарей. Агесилай любил повторять, 2
что боги, по его мнению, радуются благочестивым делам людей ничуть
не меньше, чем жертвам, которые им приносят. Преуспевая, Агесилай ни-
когда не относился к людям с презрением, но за все благодарил богов.
Избегнув опасности и радуясь избавлению, он приносил богам гораздо
бóльшие жертвы, чем обещанные им в тот момент, когда он чего-то опа-
сался. Даже в смятенном состоянии духа он выглядел радостным и весе-
лым, а будучи вознесен, оставался добрым и приветливым. С наиболь- 3
шей симпатией он относился не к самым влиятельным из своих друзей,
а к самым преданным, а ненавидел не тех, кто защищался от причиняе-

мого им зла, а тех, кто проявлял неблагодарность, несмотря на оказанные
им благодеяния. Ему доставляло удовольствие видеть, как корыстолюби-
вые люди превращались в бедняков; напротив, благородным людям он по-
могал разбогатеть, желая тем самым доказать, что добродетель вознаграж-
4 дается лучше, чем порок. Он охотно общался со всякими людьми, но дру-
жил лишь с благородными. Когда он слышал, как человека порицают или
хвалят, он считал одинаково важным для себя получить ясное представ-
ление как о тех, кто произносил эти похвалы или порицания, так и о тех,
кого порицали или хвалили. Людей, обманутых друзьями, он не порицал,
но жестоко бранил тех, кого обманывали враги. Обмануть недоверчивого
человека он почитал за ловкость, а доверчивого — бесчестным поступком.
5 Когда его хвалили люди, готовые одновременно и порицать то, что им не
нравилось, он радовался и никогда не обижался на чистосердечное свобод-
ное суждение. Скрытных людей он остерегался, как остерегаются засады.
Клеветников он ненавидел больше, чем воров, полагая, что утрата друга
является большей потерей по сравнению с денежным ущербом.
6 Агесилай снисходительно относился к ошибкам, совершенным част-
ными людьми; напротив, ошибкам государственных деятелей он придавал
очень большое значение, считая, что частные лица своими ошибками при-
носят вред немногим, тогда как ошибки должностных лиц приводят
к большим бедствиям. Царям подобало, по его мнению, быть не бездея-
7 тельными, но доблестными и прекрасными. Хотя многие и пытались воз-
двигнуть ему статуи, он всегда от этого уклонялся[72], но неустанно тру-
дился, чтобы оставить память о своей деятельности; по его мнению, со-
здание статуи зависело от скульптора и богатства лица, в честь которого
она ставится, тогда как память о душе человека зависит от него самого
8 и от добрых его качеств. В своем отношении к деньгам он был не только
честным, но и щедрым человеком, считая необходимым признаком чест-
ности не трогать чужого, тогда как щедрый человек охотно дарит и свое.
Всегда он опасался судьбы, полагая, что преуспевание в жизни еще не мо-
жет быть названо счастьем, и только окончившие свой жизненный путь
9 со славой могут быть названы поистине счастливыми. Знающий, что та-
кое добродетель, должен был, по его мнению, нести бóльшую ответствен-
ность за пренебрежение ею, чем не знающий. Он уважал только такую
славу, которой человек добился благодаря своим личным заслугам. Лишь
немногие, кажется мне, могли сравниться с ним в том, чтобы исполнение
нравственного долга считать удовольствием, а не тяжкой обязанностью.
Похвала доставляла ему больше радости, чем деньги. Но мужество, прояв-
лявшееся им, было сопряжено скорее с осмотрительностью, чем с риском.
И мудрость свою он больше доказывал на деле, чем в искусных речах.
10 В высшей степени добрый и приветливый к друзьям, врагам он был стра-
шен. Упорный в тяжелом труде, он с удовольствием подчинялся чувству
дружбы, питая более пристрастия к прекрасным делам, чем к прекрасным
телам. Одерживая успехи, он мог сохранять умеренность, так же как
11 в трудных и опасных предприятиях — бодрость духа. Обаяние его прояв-
лялось не в умении сказать острое словцо, а в образе поведения, величие

души — не в дерзости, а в суждении и мысли. Презирая кичливых людей, он был умереннейшим из умеренных. Он привлекал к себе внимание бедностью одежды, а войско его — сверкающим снаряжением. Ограничивая себя в необходимом, он щедро одарял друзей. Вдобавок к этому, он был 12
самым опасным противником, но проявлял редкую гуманность, одержав победу. Врагам было невозможно его обмануть, по отношению же к друзьям он был самым доверчивым человеком. Постоянно оберегая своих друзей, он всегда стремился нанести ущерб противнику. Близкие называли 13
Агесилая заботливым родственником, обязанные ему — надежным другом, те, которым он сам был обязан, — признательным человеком, ставшие жертвой обиды — защитником, а соратники по опасностям — первым после богов спасителем. Как мне представляется, он единственный из людей до- 14
казал, что телесная сила человека стареет, но сила духа доблестных мужей всегда остается юной. Он неустанно стремился стяжать себе великую и прекрасную <славу, даже тогда, когда> [73] тело его уже не могло соответствовать устремлениям и силе его духа. И действительно, разве не казалась 15
его старость более привлекательной, чем юность любого другого человека? Кто, находясь в расцвете сил, бывал так страшен врагам, как Агесилай, находившийся уже на склоне своих лет? Чья кончина более всего обрадовала врагов, хотя умер он уже в старческом возрасте? Кто больше Агесилая мог вселять бодрость в союзников, хотя он уже заканчивал свой жизненный путь? По какому юноше друзья скорбели так сильно, как по Агесилаю, хотя он и скончался, достигнув глубокой старости? До такой 16
степени с пользою для отчизны прожил свой век этот человек, что, даже и после смерти своей продолжая служить государству, достиг последнего и вечного пристанища [74], повсюду на земле оставив памятники своей доблести, а в отечестве своем удостоившись царского погребения.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ — **«Вестник древней истории»**

СИЭ — **«Советская историческая энциклопедия»**

RE — «Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft», hrsg. von Pauly-Wissowa — Kroll.

REG — «Revue des études grecques»

SB — «Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften

ПРИЛОЖЕНИЯ

Э. Д. Фролов

КСЕНОФОНТ И ЕГО «КИРОПЕДИЯ»

Среди греческих писателей классической поры (V—IV вв. до н. э.) трудно найти другого, чье творчество было бы до такой степени обусловлено личными и общественными политическими мотивами, как у Ксенофонта. Человек этот прожил долгую жизнь, без малого столетие (годы жизни приблизительно 445—355 до н. э.), и на всем протяжении этого долгого пути неустанно и активно принимал участие в бурной политической борьбе. В родных своих Афинах в годы Пелопоннесской войны и в войске наемников, совершивших беспримерное вторжение в глубь Азии и благополучно вернувшихся к берегам родного моря, в Малой Азии, когда началась война Спарты с Персией, и в Балканской Греции, когда эта война осложнилась междоусобной борьбой греческих государств, — везде этот энергичный афинянин оказывался в гуще событий. Обладая натурою чуткою и впечатлительною, он живо реагировал на все перипетии разыгрывавшейся тогда исторической драмы, легко усваивал новые идеи, развивал с их помощью собственные идеальные проекты и неустанно, на разные лады, пытался добиться их осуществления, действительного или хотя бы иллюзорного. В общем, если верно, что ключ к пониманию творчества писателя надо искать в его биографии, то перед нами именно такой случай.

Ксенофонт, сын Грилла, афинянин из дема Эрхия, родился около 445 г. до н. э.[1] По своему происхождению и положению он принадлежал к аристократической верхушке афинского полиса. На это указывает прежде всего полученное им характерное аристократическое образование и воспитание, выдержанное в духе ненависти к демократии родного города и преклонения перед консервативным, олигархическим режимом Спарты. Знатное происхождение Ксенофонта подтверждается также тем, что в молодые годы он служил в афинской коннице, что по традиции было обязанностью и привилегией аристократов.

[1] Подробный обзор фактических данных, относящихся к биографии Ксенофонта, в частности и к спорному вопросу о датах его рождения и смерти, см. в нашей статье: *Э. Д. Фролов.* Жизнь и деятельность Ксенофонта. — «Ученые записки Ленинградского гос. университета», № 251, серия ист. наук, вып. 28, Л., 1958, стр. 41—74. Там же дается сводка мнений исследователей и указана необходимая библиография. Из более новых работ важны: *Ed. Delebecque.* Essai sur la vie de Xénophon. Paris, 1957; *H. R. Breitenbach.* Xenophon. RE, 2. Reihe, Bd. IX, Hbbd. 18, 1967, стлб. 1569—2052 (биография Ксенофонта излагается в первом разделе, стлб. 1571—1578).

Молодость свою Ксенофонт провел в Афинах. Это было бурное и интересное время. Шла ожесточенная борьба между демократией и олигархией, и на фоне этой политической борьбы и под ее сильнейшим воздействием совершалось стремительное развитие философии, представленной софистами и Сократом. Центральным событием эпохи стала Пелопоннесская война (431—404 гг.). Вооруженный конфликт был порожден соперничеством крупнейших греческих полисов — Афин и Спарты, которые еще со времени Греко-персидских войн оспаривали друг у друга гегемонию в Греции. Однако в борьбу эти два государства вступили в окружении своих многочисленных союзников — Афины — во главе Афинской архе, а Спарта — во главе Пелопоннесской лиги, — и война очень скоро стала общегреческой. Мало того, создались условия для вмешательства в греческие дела соседних «варварских» государств — Персии и Карфагена, и это еще более расширило и усугубило конфликт. Вдобавок политическое соперничество с самого начала развертывалось на фоне социальной борьбы, борьбы демократов и олигархов, ориентировавшихся соответственно на Афины и Спарту. Вследствие этого Пелопоннесская война приобрела невероятно ожесточенный характер, такой именно, какой обычно присущ войнам гражданским.

Затянувшаяся на долгие годы, Пелопоннесская война истощила и надорвала силы греческих городов-государств. Более того, она расшатала самые устои полисного строя и преждевременно вызвала к жизни те разрушительные силы, которые, исподволь подготовляемые естественным ходом развития, быть может, долго еще дремали бы в недрах древнегреческого общества. Обрушившись всей своей тяжестью на простой народ, стимулировав полярный рост бедности и богатства, война нарушила социальное равновесие в гражданских общинах. Она показала растущую несостоятельность полисных государств в условиях длительного вооруженного конфликта, выявила неспособность традиционных полисных органов власти справиться с трудными задачами нового времени и обусловила появление чрезвычайных личных магистратур, наделенных неограниченными полномочиями (назначение Алкивиада в стратеги-автократоры sine collegis в Афинах в 407 г.). Наконец, продемонстрировав полную зависимость малых полисов от больших, а этих последних — от ими же созданных союзов и соседних держав, Пелопоннесская война поставила под вопрос основательность таких устоев полисной жизни, как автаркия и автономия, самодовлеющее экономическое и независимое политическое существование.

Велико было разлагающее воздействие войны и в сфере идеологии. Демонстрируя на каждом шагу зыбкость и относительность традиционной системы отношений, а вместе с тем и традиционных представлений о благе и справедливости, о чести и порядочности, война, как это отмечали уже в древности (Фукидид), повлекла за собой интеллектуальное и нравственное разложение. Чем дальше, тем больше и отдельные люди, и целые государства демонстрировали свое пренебрежение к традиционным принципам, к нормам морали и таким образом подрывали всеобщее к ним доверие. И если неоднократные измены Алкивиада показали, сколь мало

чувствовала себя сильная личность связанной представлениями о полисном патриотизме, то не менее опасной была и та легкость, с которой Афинское государство соглашалось простить эти измены.

Перед лицом новой ситуации и новой практики традиционная полисная идеология сдавала одну позицию за другой. Социальные смуты внутри полисов в ущерб прежнему представлению о согласии граждан выдвинули новый принцип узкопартийного соглашения (в рамках олигархической или демократической гетерии). В то же время понятия гражданской свободы и равенства не могли не испытать разлагающего влияния откровенно захватнической политики тех самых полисов, которые претендовали на право быть исключительными носителями этих понятий. Более того, атака, более или менее стихийная, велась и на самое основное в полисной политической идеологии — на республиканскую доктрину. Чем больше война и смута подтачивали веру в традиционные институты и принципы, тем чаще взоры не только масс, но и государств обращались в сторону сильной личности, с которой стали связывать надежды на спасение или успех. Показательным был тот восторженный прием, который оказала Алкивиаду при его возвращении на родину часть афинского населения[2]. Показательным было и то ходатайство, с которым обратились в Спарту представители союзных городов и Кира Младшего, — назначить Лисандра, вопреки обычаю, вторично командующим флотом[3]. Но не менее знаменательным было и то, что в обоих случаях и Афинское и Спартанское государства пошли на поводу у этих настроений, санкционировав законом чрезвычайное назначение и для того, и для другого полководца. Нет сомнений, что здесь мы присутствуем при зарождении в обществе монархических настроений.

Разумеется, эти сдвиги в практической деятельности и в образе мышления должны были резко стимулировать теоретическую мысль. Именно в период Пелопоннесской войны завершается формирование нового направления в греческой философии. Творчество его первых крупных представителей — старших софистов и Сократа — достигает своего расцвета как раз в это время. Сама общественная жизнь тех лет, полная быстрых и разительных перемен, давала материал для сравнений и сопоставлений, подсказывала необходимые критические выводы. Все это содействовало развитию общественной теории — не просто просветительства, как это часто думают о старшей софистике, но именно науки об обществе, с присущими ей, как и всякой другой науке, рационализмом и критикой. Внимательно наблюдая происходящие в общественной жизни процессы и оценивая их исключительно с позиций здравого смысла, представители этой новой философии поставили под сомнение абсолютность существующих норм, открыв, таким образом, дорогу для критического пересмотра взглядов своих предшественников. Человек есть мера всех вещей — этот тезис Протагора не только означал условность существующих норм, но и признавал, в конце концов, за человеком право на пересмотр — по собственному разумению

---

[2] Xen. Hell., I, 4, 12 слл.
[3] Ibid., II, 1, 6 слл.

или желанию — этих норм. Формальному закону можно было теперь противопоставить естественное право, безликому обществу — мыслящую личность, представительным органам власти — единоличного правителя, богам толпы — свое божество. И независимо от того, куда далее устремлялся взор мыслителя — к крайнему ли релятивизму и циническому признанию права лишь за сильным от природы или же к поискам нового абсолюта и осознанию высшего нравственного долга именно совершенного человека, — центром философии оставалась личность с ее индивидуальным разумом и верою. Идеи эти очень быстро приобретали популярность, но это как раз и доказывает, что их развитие было подготовлено самой действительностью. И хотя уже тогда ревнителями традиции была осознана потенциальная опасность этих идей и не было недостатка в выступлениях против них, но они упорно пролагали себе путь в различных областях интеллектуальной жизни: в науке, в частности истории (Фукидид), в публицистике (Псевдо-Ксенофонтова «Афинская полития»), в поэзии (Эврипид). Можно думать даже, что на этот раз теоретическая мысль и сама оказала обратное воздействие и на общественное сознание и на общественную практику; во всяком случае, нельзя отрицать ее сильного влияния на предтеч младшей тирании — Алкивиада и Лисандра и особенно на первого в ряду новых тиранов — Дионисия [4].

В этом бурном водовороте событий и идей прошла молодость Ксенофонта. Мы знаем об этом периоде его жизни немногое, но это немногое говорит о том, что он находился в самой гуще событий. Он был очевидцем и непосредственным участником Пелопоннесской войны. В 424 г. он принимал участие в афинском вторжении в Беотию, которое завершилось роковым для афинян сражением при Делии. По свидетельству древних авторов, Ксенофонт в этой битве во время отступления афинян упал с коня, но был поднят и спасен Сократом [5]. Близость с Сократом, к кружку которого он примкнул еще в молодые годы [6], — другая важная подробность, известная нам о Ксенофонте в этот период его жизни. Долгие годы Ксенофонт был внимательным слушателем Сократа, причем, как это можно понять из слов Диогена Лаэртского, он даже вел какие-то записи бесед своего учителя. Позднее эти записи были им использованы при написании так называемых сократических сочинений — группы произведений, где главным действующим лицом выступает Сократ («Воспоминания о Сократе», «Апология Сократа», «Пир» и «Об управлении хозяйством» («Экономик»)). Возможно, что духовное общение Ксенофонта с представителями тогдашней учености не ограничивалось одним Сократом; он мог посещать лекции известных софистов и риторов, но кого именно — сказать трудно. Указания древних авторов, что он был слушателем софиста Про-

---

[4] См.: *Э. Д. Фролов*. Греческие тираны (IV в. до н. э.). Л., 1972, стр. 8 слл.; для Дионисия — *K. F. Stroheker*. Dionysios I. Gestalt und Geschichte des Tyrannen von Syrakus. Wiesbaden, 1958, S. 38.
[5] Strabo, IX, 2, 7, p. 403; Diog. L., II, 22.
[6] Diog. L., II, 48.

дика и ритора Исократа[7] новейшим исследователям не внушают особого доверия.

Как бы там ни было, мы с уверенностью можем судить о тех факторах, которые определили формирование личности Ксенофонта, воздействовали на его мировоззрение, дали направление его политической деятельности и писательскому творчеству. Аристократическое происхождение и воспитание заложили основы его взглядов, а ожесточенная политическая борьба, в которой сам Ксенофонт принимал непосредственное участие, и наставления новейших мудрецов, щедро сеявших вокруг себя семена рационалистической критики, способствовали тому, что эти взгляды оформились в комплекс взаимосвязанных идей. Зная последующую деятельность и творчество Ксенофонта, можно с уверенностью говорить, что среди этих идей были и представление о несовместимости демократического строя с принципами справедливости, понятой в духе аристократического рационализма, и растущее убеждение в несостоятельности полисной республики вообще, и вера в неограниченные возможности сильной личности, полководца и политика, наделенного совершенным умом и волею и располагающего реальной силой — например, преданным ему войском. Эта вера в примат силы и в возможности «совершенной личности» составляет то главное, что должен был вынести будущий автор «Киропедии» из лет своего ученичества, на основании личного опыта и под влиянием новейших философских доктрин.

Неизвестно, в какой степени Ксенофонт пытался следовать этим убеждениям в первый, афинский период своей жизни. Он, несомненно, искал повода выдвинуться: его тянуло к таким же честолюбцам, как он сам, и он очень подружился с молодым беотийцем Проксеном, который позднее отправился к Киру Младшему, надеясь на его службе и с его помощью «прославиться, получить большое влияние и разбогатеть»[8].

Однако настоящего случая к выдвижению на родине, в Афинах, Ксенофонту так и не представилось. Афинский демократический полис обладал еще достаточно прочными устоями и традициями и, несмотря на все тяжкие испытания, выпавшие на его долю во время Пелопоннесской войны, сумел справиться и с олигархическими выступлениями, и с происками отдельных честолюбцев. Более того, пережив капитуляцию и тиранический режим Тридцати, афинская демократия вновь возродилась, как феникс из пепла, и рядом энергичных мер показала, что она намерена и впредь с достаточной твердостью охранять свои суверенные права и традиции. Репрессиям подверглись те, кто непосредственно участвовал в антидемократических выступлениях 411 и 404 гг., или кого можно было с известным основанием рассматривать как идейных вдохновителей этих выступлений. Гонения обрушились, в частности, на тех аристократов, которые при тирании Тридцати служили в коннице и были оплотом этого режима. Когда спартанский полководец Фиброн, посланный в конце 400 г. в Малую Азию для борьбы с персами, попросил у афинян в помощь себе триста

[7] Philostrat. Vitae Sophist., I, 12; Phot. Bibl., cod. 260, p. 486 b Bekker.
[8] Xen. Anab., II, 6, 17.

всадников, «они послали из числа тех, которые служили в коннице в правление Тридцати, полагая, что для демократии будет выгодно, если они окажутся вдали от родины и погибнут» [9]. За этим последовал знаменитый процесс Сократа. Философу было предъявлено обвинение в непочитании богов, которых почитает государство, и в развращении юношества; он был осужден и казнен в 399 г.

Таким образом, в послевоенных Афинах поле свободной деятельности для честолюбцев-аристократов вроде Ксенофонта было закрыто. Неудивительно поэтому, что Ксенофонт с готовностью согласился на приглашение своего приятеля Проксена принять участие в экспедиции Кира Младшего. Это было летом 401 г. Проксен к тому времени уже находился в Азии, сколачивая по поручению Кира один из наемных отрядов. Войска собирались Киром для похода в глубь Азии, ибо царевич замыслил лишить власти своего старшего брата, Артаксеркса II, и занять его место на престоле. Хотя эта цель до поры до времени не афишировалась, всем было ясно, что готовилась какая-то грандиозная авантюра. Ее перспективы соблазняли честолюбцев, в частности широко привлекавшихся Киром греческих наемников, и этим объясняется восторженный тон послания, направленного Проксеном Ксенофонту: «Он обещал, в случае приезда Ксенофонта, содействовать его дружбе с Киром, а последний, по словам Проксена, дороже для него отчизны» [10].

Призыв нашел в душе Ксенофонта должный отклик, и он, не колеблясь, последовал примеру друга, покинув родину ради службы у сильного властителя. Это был переломный момент в его жизни: из гражданина свободного полиса Ксенофонт превратился в кондотьера, ищущего счастья на чужбине то под покровительством какого-либо правителя, то на свой собственный риск и страх. Отныне личность и личный успех — свой собственный или своего патрона — выдвигается у Ксенофонта на первый план и заслоняет для него все прочие цели. Для него наступило время опробования своих сил, проверки на практике давно уже усвоенного представления о неограниченных возможностях «совершенного человека».

Эта проверка настойчиво осуществлялась Ксенофонтом самыми различными способами на протяжении ряда лет, но успеха ему не принесла. Начать с того, что поход Кира окончился полной неудачей: в решающем сражении при Кунаксе, близ Вавилона, Кир был убит, и с его смертью все затеянное им предприятие лишилось смысла.

Затем началось длительное отступление греческих наемников (с конца 401 по конец 400 г.). Ксенофонт, избранный одним из новых стратегов (прежние были предательски схвачены персами и казнены), сумел отличиться как талантливый организатор и полководец и на заключительной стадии похода (вдоль побережья Черного моря) единолично возглавлял греческое войско. Используя свое положение фактического главнокомандующего, он дважды в это время пытался склонить своих соратников ос-

---

[9] Xen. Hell., III, 1, 4.
[10] Xen. Anab., III, 1. 4.

таться в Понте и основать новый город — сначала во время пребывания войска в Котиоре, а затем при стоянке в так называемой Кальпийской бухте[11]. В качестве основателя города—ойкиста Ксенофонт мог рассчитывать на руководящее положение в новом государстве. Однако намерение его натолкнулось на упорное нежелание остальных наемников оставаться в Понте: если их могла увлечь перспектива похода, сулившего получение большого жалованья и доли в добыче, то к поселению в качестве колонистов в Азии они еще не были готовы.

По окончании обратного похода, ввиду враждебных действий спартанских властей, желавших таким образом продемонстрировать доброе отношение к персидскому царю, Ксенофонт с уцелевшими воинами (из 13-тысячного отряда к тому времени осталась примерно половина) нанялся на службу к фракийскому царю Севфу (зима 400/399 г.). По уговору Севф должен был предоставить Ксенофонту убежище в случае, если он подвергнется преследованиям со стороны Спарты, а кроме того, уступить ему часть своих приморских владений — города Висанфу, Ган и крепость Неон с прилегающей сельской территорией[12]. Никогда Ксенофонт не был так близок к возможности обзавестись собственным доменом, повторить то, что удавалось другим афинским аристократам — Писистрату, Мильтиаду Старшему и совсем недавно Алкивиаду. И все-таки возможность эта не осуществилась: Севф, утвердив с помощью Ксенофонта и его наемников власть над фракийскими племенами, оказался достаточно предусмотрителен, чтобы не отдавать свои крепости чужеземцу, располагавшему внушительной воинской силой.

Между тем политическая ситуация резко изменилась: началась война между Спартой и Персией, и во Фракию явились эмиссары спартанского полководца Фиброна и наняли на спартанскую службу бывших наемников Кира (399 г.). В «Анабасисе» Ксенофонт рассказывает, как он по просьбе «близких ему в лагере людей» остался на посту командующего, отвел наемников в Малую Азию и дождался в Пергаме прибытия Фиброна. Что предпринял он далее, мы в точности не знаем. Скорее всего, он остался командиром наемников, но теперь уже на спартанской службе и под спартанским началом.

Три года спустя, в 396 г., в Малую Азию для руководства военными действиями прибыл спартанский царь Агесилай. Личность этого честолюбивого и практичного политика произвела на Ксенофонта большое впечатление. Скоро он сблизился с Агесилаем, и близость эта переросла в прочную дружбу. Ксенофонт навсегда остался восторженным почитателем Агесилая. Дружба с этим царем сильно способствовала укреплению в афинском аристократе проспартанских настроений.

Состоя при Агесилае, Ксенофонт, вероятно, еще в течение некоторого времени продолжал командовать наемниками, а потом перешел на положение доверенного советника. Когда в 395 г. началась Коринфская война,

[11] См. Xen. Anab., V, 6, 15 слл. и VI, 4, 1 слл.
[12] См.: Xen. Anab., VII, 2, 25 и 336 слл.; 5, 8; 6, 34 и 43.

в которой против Спарты при поддержке Персии выступила коалиция Фив, Афин, Коринфа и Аргоса, Ксенофонт, не колеблясь, остался с Агесилаем. Вместе со своим покровителем и другом он вернулся в 394 г. в Грецию и принял затем участие в битве при Коронее, сражаясь на стороне спартанцев против фиванцев и их союзников, в числе которых были и его сограждане — афиняне. Открытое выступление с оружием в руках против собственного отечества не могло, конечно, остаться безнаказанным: по-видимому, в этой связи и было принято в Афинах постановление, осудившее Ксенофонта на изгнание[13].

На военной службе у спартанцев Ксенофонт оставался, по всей видимости, до самого конца Коринфской войны (387/386 г.). За эту службу он получил от своих покровителей вознаграждение — дом и земельный надел в Скиллунте, небольшом городке в Трифилии (Западный Пелопоннес), отторгнутом спартанцами у элейцев. К этому участку он присоединил другой, купленный на деньги его бывших товарищей-наемников и посвященный, во исполнение их наказа, богине Артемиде. В целом это составило обширное имение, где Ксенофонт мог предаваться всем радостям столь хвалимой им сельской жизни: вести хозяйство рациональными методами, заниматься охотою и принимать друзей. Однако была ли эта жизнь сельского хозяина тем, к чему стремился честолюбивый афинский аристократ? В этом позволительно усомниться.

К тому же эта сельская идиллия оказалась непрочной. С началом новой междоусобицы в Греции — войны Спарты с Фивами — тучи сгустились и над Скиллунтом. После сокрушительного поражения, которое спартанцы потерпели при Левктрах в Беотии, враги их подняли голову и в Пелопоннесе. Очевидно, именно тогда (371 г.) элейцы вновь овладели Скиллунтом, и протеже спартанцев Ксенофонту спешно пришлось спасаться бегством. В конце концов он нашел себе пристанище в Коринфе. Вскоре после этого, несомненно в связи с новым политическим сдвигом — сближением Афин со Спартой, на родине Ксенофонта было принято решение об его амнистии[14]. Однако, судя по всему, на родину Ксенофонт не вернулся и продолжал жить в Коринфе вплоть до самой смерти, которая последовала около (но не ранее) 355 г.

Оценивая все, достигнутое Ксенофонтом за годы его политической деятельности, приходится признать, что по сравнению с целями и усилиями, затраченными на их осуществление, итог был разительно ничтожен. Между тем после ухода от дел человек этот прожил еще долгую жизнь, считая от конца Коринфской войны, — свыше 30 лет. От природы он был наделен крепким здоровьем, энергией и предприимчивостью. Чем мог он заполнить свой досуг? Чем мог он компенсировать свои неудачи на политическом поприще? Ответ здесь очевиден: литературным трудом. И вот, отложив в сторону меч, он взялся за перо, с тем чтобы снова пережить

[13] Источники сообщают об этом постановлении без указания точной даты, см.: Xen. Anab., V, 3, 7; VII, 7, 57; ср. Paus., V, 6, 5; Diog. L., II, 51, 58—59.
[14] См. Ister ap. Diog. L., II, 59, вновь без указания даты.

все пройденное, еще раз обдумать и развить любимые прожекты, создать для них — пусть на листе папируса — идеальные условия и, наконец, увидеть их осуществленными в новом, фантастическом мире.

И действительно, этот заключительный период жизни Ксенофонта отмечен интенсивной литературной деятельностью. Хотя не следует совершенно исключать, что первые литературные опыты Ксенофонта — записи бесед его учителя Сократа, первые редакции или начальные части отдельных сочинений (например, «Греческой истории») — могут относиться еще ко времени его жизни в Афинах или к годам странствий и военной службы, главная масса его литературной продукции, бесспорно, обязана своим рождением спокойной, досужей жизни в Скиллунте и Коринфе. Не говоря уже об общей вероятности этого допущения, все, что нам известно или что может быть установлено скрупулезным анализом относительно времени создания отдельных сочинений Ксенофонта, также указывает на этот период его жизни. При этом поражает удивительная особенность творческого труда Ксенофонта — неуклонное нарастание его интенсивности при весьма почтенном возрасте писателя.

В Скиллунте Ксенофонт пишет свои мемуары — драматический рассказ о походе Кира Младшего и возвращении греческих наемников («Анабасис»), создает сочинения, посвященные памяти своего учителя («Воспоминания о Сократе» и «Апология Сократа»), обрабатывает в форме сократических диалогов ряд специальных тем (в тех же «Воспоминаниях» и особо в «Пире» и «Экономике»).

В Коринфе он создает или, во всяком случае, завершает самые крупные свои произведения — «Киропедию» и «Греческую историю», составляет похвальное слово в память своего покровителя и друга Агесилая, пишет целую серию небольших трактатов на специальные, главным образом политические темы — «Лакедемонскую политию», «Гиерон, или о тиране», «Об обязанностях гиппарха», «О всадническом искусстве», «О доходах».

Последнее произведение любопытно тем, что оно — едва ли не единственное у нашего автора, которое поддается точной датировке (355 г.). Кроме того, оно замечательно своей исключительной актуальностью: написание его явилось откликом Ксенофонта на финансовые трудности афинского государства после войны с союзниками и распада Второго морского союза. Более того, есть основания думать, что создание его стояло в прямой связи с началом финансовой деятельности афинского политика Эвбула, может быть, даже было обусловлено прямым заказом с его стороны [15].

Эта черта — повышенная политическая актуальность — при ближайшем рассмотрении оказывается, однако, присущей не только трактату «О доходах», но и большинству других сочинений Ксенофонта. Это обстоятельство надо подчеркнуть особо, ибо здесь — ключ к решению принципиального, давно уже дискутируемого вопроса о характере творчества

[15] Об этом сочинении см. специально: *Э. Д. Фролов.* Политические тенденции трактата Ксенофонта «О доходах». — Сб.: «Проблемы социально-экономической истории древнего мира». М.—Л., 1963, стр. 204—221.

Ксенофонта, об уровне дарования этого писателя и месте, которое ему должно быть отведено в истории греческой литературы.

В самом деле, в отличие от других великих писателей древности, например Фукидида или Платона, которые и для древних и для новых критиков остаются непревзойденными мастерами, Ксенофонт в разные исторические периоды оценивался совершенно по-разному. Как писал в свое время Т. Гомперц, «прежние столетия чтили его не в меру, а современность склонна относиться к нему с незаслуженной суровостью» [16].

Древние судили о Ксенофонте весьма высоко: вместе с Геродотом и Фукидидом он причислялся к разряду великих историков, вместе с Платоном и Антисфеном — к числу крупнейших философов сократического направления, его язык считался образцом аттической прозы и сравнивался по сладости своей с медом (сам писатель заслужил поэтому прозвище «Аттической пчелы»). Напротив, в литературе нового времени, особенно под влиянием работ немецких филологов-классиков, установилось стойкое критическое отношение к Ксенофонту. Из правильного наблюдения о преобладании у Ксенофонта интереса к практическим проблемам, а не к абстрактным спекуляциям делался вывод о его поверхностности и неоригинальности как писателя. Его литературная деятельность снисходительно характеризовалась как занятие обычного «майора в отставке» (У. Виламовиц-Мёллендорф) [17]; многосторонность его литературных интересов объяснялась (например, тем же Гомперцем) его качествами «дилетанта в гётевском смысле слова, т. е. человека, занимающегося постоянно вещами, до которых он не дорос» [18]; а своеобразие его теоретических произведений, не сходных с тем, что создавали признанные корифеи Платон и Аристотель, дало повод окрестить его «Тартареном от философии» (выражение С. Я. Лурье [19]). В лучшем случае за ним соглашались признать, как это делал Дж. Бьюри, талант бойкого, хотя и очень поверхностного, публициста, допуская, что «если бы он жил в наши дни, то он мог бы быть первоклассным журналистом или памфлетистом» [20].

Между тем, по мере того как расширялись рамки исторического исследования и, в частности, усиливалось и углублялось изучение переходного времени между классической эпохой и эллинизмом, становилось ясно, что одного, в значительной степени формального, сопоставления Ксенофонта с другими выдающимися писателями классики, скажем, с Фукидидом или с Платоном, еще недостаточно для правильной оценки его творчества. Необходимо учитывать богатство форм, в которых проходило развитие общественной мысли в древней Греции, и перспективы этого развития.

---

[16] *Т. Гомперц*. Греческие мыслители, пер. с нем. Е. Герцык и Д. Жуковского, т. II. СПб., 1913, стр. 93.

[17] *U. v. Wilamowitz-Möllendorff* U. a. Die griechische und latainische Literatur und Sprache. — «Die Kultur der Gegenwart», Teil I, Abt. 8, 3. Aufl. Lpz. — B., 1912, S. 131.

[18] *Т. Гомперц*. Указ. соч., II, стр. 88.

[19] См. вступительную статью С. Я. Лурье к его переводу Ксенофонта: *Ксенофонт*. Греческая история. Л., 1935, стр. VI.

[20] *J. B. Bury*. The Ancient Greek Historians. L., 1909, p. 151.

Без этого критические суждения, высказываемые в адрес Ксенофонта, остаются всего лишь общими сентенциями, более или менее остроумными, но лишенными глубины.

Так постепенно стал складываться новый и несомненно более справедливый взгляд на Ксенофонта. В обосновании этого взгляда ведущую роль сыграли работы французских ученых, сначала, например, А. Веля[21], а в последнее время в особенности Ж. Луччони и Эд. Дельбека[22]. Если Ксенофонт действительно не был ни историком типа Фукидида, ни философом масштаба Платона, то это еще не значит, что он не обладал своеобразным и оригинальным талантом. Напротив, это была натура гибкая, восприимчивая, в которой естественно сочетались качества наблюдателя, склонного к рефлексии, и практического деятеля. Ученый тактик и боевой офицер, экономист и хозяин, этот человек и для литературных своих занятий выбрал в качестве главного предмета то, что в наибольшей степени воплощало в себе синтез теории и практики — политическую публицистику. Как писателя и мыслителя Ксенофонта всегда отличал повышенный интерес к актуальным политическим проблемам, реалистичность и гибкость в оценке современного положения, прозорливость в суждениях о будущем. Именно эти качества дали ему возможность высказать, преимущественно в интересах полисной элиты, ряд идей, которые стали лозунгами нового, эллинистического времени. Это — идея единения греков и организации совместного похода на восток; это — требование внутренних преобразований, в частности создания сильной власти, повышения экономической роли государства, учреждения, наряду с гражданским ополчением, постоянной наемной армии; это, наконец, признание в выполнении этих и других задач решающего значения сильной личности, монарха. Подобно тому как поход наемников Кира, в котором Ксенофонт-воин принял столь живое участие, послужил фактической прелюдией к грандиозному предприятию Александра Македонского, так мысли и настроения, выраженные Ксенофонтом-писателем, явились идейными провозвестниками эллинизма. Ксенофонт был предтечей эллинизма — это, пожалуй, стало теперь общепризнанным; надо, однако, иметь в виду, что если он оказался им, может быть, в большей степени, чем кто-либо другой, то это объясняется именно характером его творчества политического публициста.

И действительно, подавляющее большинство сочинений Ксенофонта — десять из четырнадцати («Афинская полития» здесь не учитывается, хотя подложность ее не может считаться окончательно доказанной)[23] — произведения острой социально-политической направленности. Правда, характерную форму политического трактата среди них имеют далеко не все: четыре произведения — «Анабасис», «Киропедия», «Греческая исто-

---

[21] *A. Weil.* Xénophon et l'avenir du monde grec. — «Festschrift Th. Gomperz». Wien, 1902, p. 118—121.

[22] *J. Luccioni.* Les idées politiques et sociales de Xénophon. Gar, 1947; *он же.* Xénophon et le socratisme. — «Publications de la Faculté des Lettres d'Alger», XXV. P., 1953; *Ed. Delebecque.* Essai sur la vie de Xénophon. P., 1957.

[23] См. *M. J. Fontana.* L'Athenaion politeia del V secolo a. C. Palermo, 1968.

рия» и «Агесилай» — могут быть отнесены к жанру историческому, два — «Экономик» и «Гиерон» — к жанру философского диалога, еще два — «Об обязанностях гиппарха» и «О всадническом искусстве» — к разряду специальных наставлений, и лишь остальные два — «Лакедемонская полития» и «О доходах» — политические трактаты. Однако по существу все эти произведения суть произведения политические и это верно даже для такого, казалось бы, чисто исторического сочинения, как «Греческая история». Автор дает здесь обзор событий недавнего прошлого (с 411 по 362 г.) и делает это в высшей степени тенденциозно, ставя своей целью прославление или оправдание Спарты и ее царя, своего друга Агесилая. Фактически «Греческая история» — такой же публицистический памфлет в форме исторического повествования, как «Анабасис» — в форме мемуара, «Киропедия» — в форме романа, а «Агесилай» — в форме энкомия (похвального слова).

Все эти сочинения проникнуты злобой дня; их сугубая актуальность обусловлена свойствами натуры автора, для которого литературное творчество было прежде всего реакцией на политическую действительность. Продолженная таким образом борьба велась и в целях сугубо личных (защита и возвеличение собственных действий в «Анабасисе»), и с более общих позиций, отражая отношение состоятельной и аристократической верхушки греческого общества к социально-политической ситуации, сложившейся к середине IV в.

К этому времени с особой отчетливостью обнаружилось действие тех разрушительных процессов, первоначальному развитию которых так сильно способствовала Пелопоннесская война. Кризис охватил все стороны полисной жизни [24]. В сфере социально-экономической решающее значение имело развитие рабовладельческого хозяйства, что в сочетании с рядом других факторов вело к концентрации собственности и к разорению и обнищанию масс свободного населения. Рост социального неравенства, в свою очередь, вызывал обострение общественных отношений даже в передовых, демократических полисах.

В этих условиях обнаружилось банкротство полисного государства, чьи возможности были весьма ограниченны, между тем как граждане предъявляли к нему все более повышенные требования, настаивая: бедные — на дальнейшем расширении государственного вспомоществования, а богатые — на обеспечении своей собственности и жизни от посягательств со стороны этой бедноты, на наведении в стране твердого порядка. Не будучи в состоянии удовлетворить эти требования, а следовательно, и обеспечить единство и согласие граждан, полисное государство переживало глубокий

---

[24] Тема кризиса полиса — одна из актуальнейших в современной исторической науке. См., в частности: *А. Б. Ранович*. Эллинизм и его историческая роль. М.—Л., 1950, стр. 10—38; *В. Н. Дьяков*. Греция в первой половине IV в. до н. э. — В кн.: «Древняя Греция», под ред. В. В. Струве и Д. П. Каллистова. М., 1956, стр. 391—447; *В. С. Сергеев*. История древней Греции, изд. 3-е. М., 1963, стр. 350—379; *С. Mossé*. La fin de la démocratie athénienne. Aspects sociaux et politiques du déclin de la cité grecque au IVᵉ siècle avant J. C. P., 1962 (с подробной библиографией).

и закономерный кризис. Один и тот же социальный процесс — обнищание народных масс — приводил не только к подрыву традиционной опоры полиса — гражданского ополчения, но и к созданию новой политической силы — наемной армии, которую при случае можно было использовать для ниспровержения существующих государственных систем. И действительно, упадок полисного государства, его неспособность справиться с растущими трудностями и обусловленная этим практика чрезвычайных назначений поощряют инициативу отдельных честолюбцев, которые, опираясь на партии личных друзей и наемников, домогаются единоличной власти, содействуя, таким образом, возрождению тирании.

Наметившаяся тенденция к преодолению полиса изнутри дополнялась не менее отчетливой тенденцией к его преодолению и извне. Растущие экономические и политические связи подрывали полисный партикуляризм, и повсюду обнаруживается тяга к объединению, в особенности в рамках отдельных исторических областей (Халкидикский, Фессалийский, Беотийский, Аркадский и другие союзы). Однако развитие это наталкивалось на серьезные препятствия: помимо традиций полисной автономии, порочным было обнаруживавшееся стремление полисов-гегемонов превращать союзы в собственные державы, а, с другой стороны, продолжалось соперничество этих держав из-за гегемонии в Греции. Все это вело к непрекращающимся междоусобным войнам, которые ослабляли греков и поощряли вмешательство в их дела соседней Персии.

Подобная ситуация порождала в людях разочарование и неверие в возможности существующего государства, в оправданность существующих традиций и представлений. Традиционные политические доктрины, демократические и олигархические в равной степени, оказывались несостоятельными перед лицом новых задач, и по мере того, как кризис принимал все более затяжную и острую форму, в обществе, среди людей различного социального и культурного уровня, начинало крепнуть убеждение, что лишь сильная личность, авторитетный вождь или диктатор, сможет найти выход из того тупика, в который зашло полисное государство. В политической литературе, отражавшей взгляды и запросы полисной элиты, популярными становятся тема и образ сильного правителя: проблемам царской власти посвящает специальные сочинения ученик Сократа, основатель кинической школы Антисфен [25]; различные аспекты монархической формы правления исследуют Платон (в «Государстве», «Политике» и «Законах») и Аристотель (в «Никомаховой этике» и «Политике»); эту же тему разрабатывает в ряде своих речей и писем Исократ («Об упряжке», Кипрские речи, «Филипп») [26].

[25] См. Diog. L., VI, 16 и 18.

[26] О формировании монархической доктрины в Греции IV в. подробнее см.: *J. Kaerst.* Studien zur Entwickelung und theoretischen Begründung der Monarchie im Altertum. München, 1898, S. 12—38; *M. Pohlenz.* Staatsgedanke und Staatslehre der Griechen. Lpz., 1923, S. 136—156; *T. A. Sinclair.* A History of Greek Political Thought. L., 1951 (гл 7—11, passim); специально для Исократа. — *Э. Д. Фролов.* Монархическая идея у Исократа. В сб.: «Проблемы отечественной и всеобщей истории», [вып. 1]. Л., 1969, стр. 3—20.

Поскольку, однако, внутреннее переустройство не мыслится без переустройства внешнего, наведение порядка внутри отдельных городов — без установления общего мира в Греции и победоносного отражения персов, образ сильного правителя приобретает одновременно черты борца за объединение Эллады, руководителя общеэллинского похода на Восток, царя-завоевателя. Так мечты о социальном и политическом переустройстве общества оказываются связанными с монархической идеей, а эта последняя, в свою очередь, — с идеей панэллинской [27].

В развитии этих идей Ксенофонт сыграл видную роль. Он не только продолжил традицию олигархической памфлетной литературы, с ее критикой афинской демократии и идеализацией спартанского строя; исповедуя культ сильной личности, он обратился к теме монархии и в трактате «Гиерон» и особенно в «Киропедии» нарисовал образ идеального правителя-монарха, одновременно составив программу новой государственной политики (рубеж 60—50-х годов IV в.) [28].

В обоих случаях развитие монархической идеи выступает в условной художественной форме: в «Гиероне» — в виде диалога, якобы имевшего место когда-то между знаменитым поэтом Симонидом Кеосским и сицилийским тираном Гиероном (правил в начале V в.); в «Киропедии» — в форме историко-философского романа, повествующего о жизни и делах персидского царя Кира Старшего (середина VI в.).

Этот художественный прием не должен сбивать с толку. Конечно, фигуры носителей положительных идей в обоих этих сочинениях выбраны не случайно. Симонид Кеосский, певец гражданской доблести, но и носитель практической мудрости, был убедителен в роли советчика, дающего наставления тирану, как стать образцовым правителем. С другой стороны, Кир Старший, один из самых крупных воителей и царей прошлого, чей

---

[27] О развитии панэллинской идеи, в особенности у Исократа см.: *J. Kessler*. Isokrates und die panhellenische Idee. Paderborn, 1911; *U. Wilcken*. Philipp II. von Makedonien und die panhellenische Idee. *SB*, Berlin, 1929, № XVIII, S. 291—318; *В. Г. Борухович* и *Э. Д. Фролов*. Публицистическая деятельность Исократа. — *ВДИ*, 1969, № 2, стр. 206 сл.

[28] Оба сочинения по совокупности всех общих признаков должны быть отнесены к позднему периоду жизни и творчества Ксенофонта. Для «Киропедии» мы располагаем, впрочем, и прямым указанием: в заключительной главе VIII книги упоминается о восстании малоазийских сатрапов против персидского царя Артаксеркса II (VIII, VII, 4), что дает нам terminus post quem — 362/1 г. до н. э. Ср.: *Th. Marschall*. Untersuchungen zur Chronologie der Werke Xenophons. München, 1928, S. 51—57; *H. R. Breitenbach*. Указ. соч., стлб. 1742. Дальнейшие попытки уточнить время создания «Киропедии» (ее отдельных частей) — в том числе и те, что были предприняты не так давно Эд. Дельбеком (*Ed. Delebecque*. Указ. соч., стр. 384 сл.), — убедительных результатов пока не дали. Что же касается «Гиерона», то в его тексте нет никаких прямых указаний на время его создания, однако по целому ряду несомненных признаков трактат должен быть датирован временем между 360 и 355 гг. Подробнее об этом сочинении см. специальные статьи: *J. Hatzfeld*. Note sur la date et l'objet du «Hiéron» de Xénophon. *REG*, t. LIX—LX, 1946—1947, p. 57—70; *G. J. D. Aalders*. Date and Intention of Xenophon's Hiero — «Mnemosyne», series IV, v. VI, 1953, fasc. 3, p. 208—215; *Э. Д. Фролов*. Ксенофонт и поздняя тирания. — *ВДИ*, 1969, № 1, стр. 108—124.

образ уже давно был окружен романтическим ореолом легенд и сказаний, как нельзя лучше подходил на роль воплощенного героя — монарха-завоевателя и создателя крупной территориальной державы. Но тем, по существу, дело и ограничивается: функции этих исторических персонажей у Ксенофонта целиком обусловлены его идейным замыслом. Забота о строгом соответствии литературных образов, представленных в «Гиероне» и «Киропедии», их историческим прототипам вовсе не волновала Ксенофонта.

Сказанное вполне относится ко всей исторической подоснове этих двух произведений. Впрочем, в «Гиероне» исторический колорит практически отсутствует, а в «Киропедии» он играет вспомогательную роль условного фона, создающего для этой утопии иллюзию необходимого расстояния. Наш автор был знаком с общей историей Персии и биографией Кира; он читал Геродота и Ктесия, много писавших до него о персидских делах; он сам побывал в Персии, по крайней мере в подчиненных персам западных областях. Но персидская история как таковая Ксенофонта не интересовала. Эта история была для него — еще больше, чем новая европейская для Александра Дюма, — лишь стеной, на которую он вешал свою картину.

До какой степени Ксенофонт вольно распоряжался историческим материалом, показывают следующие примеры. У Ксенофонта Кир мирным путем овладевает Мидийским царством, тогда как на самом деле это было результатом упорной вооруженной борьбы. Кир получает Мидию в качестве приданого за дочерью придуманного нашим автором царя Киаксара, в то время как в действительности он вырвал это царство у Астиага. Главный противник мидян и персов упорно именуется в романе Ассирией или — что здесь одно и то же — Сирией, между тем как на самом деле речь должна была идти о Нововавилонском царстве. Упоминается о завоевании Киром Египта, тогда как в действительности эта страна была покорена уже сыном Кира Камбисом. Наконец, Ксенофонт дает возможность своему герою умереть от старости на своем ложе, в окружении друзей, между тем как исторический Кир сложил свою голову в битве с массагетами[29].

Повторяем: главное в «Киропедии» — отнюдь не история; главное — живой образ идеального монарха, подробная картина его образцовой жизни

[29] Свободный, неисторический характер изложения «Киропедии» верно понимали уже в древности. Можно указать для примера на суждение Цицерона (в письме к брату Квинту — I, 1, 8, 23): «Ксенофонт написал своего знаменитого «Кира» (т. е. «Киропедию». — *Э. Ф.*) не исторически верно, а с целью дать картину справедливой власти, чрезвычайная строгость которой у философа сочетается с редкостной добротой» (*перевод В. О. Горенштейна*). Это не мешало и не мешает, однако, в новое время некоторым исследователям ссылаться на «Киропедию» для установления исторических фактов, относящихся к древневосточной истории. Ср., однако, помимо древних, справедливые замечания новейших специалистов о псевдоисторическом колорите «Киропедии»: *F. K. Hertlein—W. Nitsche.* Einleitung. — In: Xenophons Cyropädie, Bd. I, 4. Aufl. B., 1886, S. VI; *И. М. Дьяконов.* История Мидии. М.—Л., 1956, стр. 28 слл.; *H. R. Breitenbach.* Указ. соч., стлб. 1709 слл. (систематический и исчерпывающий обзор всего относящегося сюда материала — персонажей, событий, обычаев и установлений, составляющих исторический фон «Киропедии»).

и созданного им идеального государства. Образ Кира у Ксенофонта — своего рода причудливая амальгама, где мы узнаем живые черты различных исторических персонажей, людей, близких Ксенофонту и почитаемых им. Среди черт, которыми он наделяет своего героя, отчетливо проступают чисто спартанские доблесть и дисциплина, роднящие Кира с Агесилаем, мудрость в духе Сократа, умение повелевать в стиле восточного деспота, каким был — или мог стать — Кир Младший.

Такой герой мог появиться только в результате особой идеальной системы воспитания. Эту систему Ксенофонт детально описывает в начале своего романа (отчего и название всего произведения — «Киропедия» [Κύρου παιδεία], т. е. «Воспитание Кира»). Упор на этот момент сближает Ксенофонта с другими античными философами, которые построение идеального государства связывали с проблемой формирования совершенного человека, с проблемой воспитания (так именно поступали Платон и Аристотель).

Родина Кира — собственно Персия — в изображении Ксенофонта предстает как своеобразное патриархальное государство, наделенное чертами сходства с той идеальной Ликурговой Спартой, которую наш автор еще раньше описал в трактате «Лакедемонская полития».

Во главе этого государства стоит царь, осуществляющий высшую военную власть и одновременно выступающий в роли верховного жреца, обладающего правом представлять свой народ в сношениях с богами (при совершении различных религиозных обрядов). Царь правит в согласии и под надзором авторитетных старейшин, которые образуют в государстве высший совет, наделенный правом избирать всех должностных лиц и вершить суд по всем вопросам частной и общественной жизни. Царская власть передается по наследству в рамках одного рода, однако правит царь — и это не раз подчеркивается в «Киропедии» — не как деспот, а строго в соответствии с законом. Разъясняя своему сыну различие в положении его деда, мидийского царя Астиага, и отца — персидского царя Камбиса, мать Кира Мандана замечает: «Дед твой царствует в Мидии и решает все дела, сообразуясь с собственной волей, у персов же считается справедливым, когда все имеют равные права. Твой отец первым выполняет свои обязанности перед государством, обладая установленными государством правами, мерой которых служит закон, а не его собственная воля» (I, III, 18).

Патриархальное персидское государство наделено у Ксенофонта характерной полисной структурой, сочетающей в себе черты гентильной (родовой) и гражданской организации. Всех персов, указывает Ксенофонт, насчитывается до 120 тысяч, и они подразделяются на 12 племен (эти круглые цифры — непременный атрибут рационалистической утопии). С другой стороны, все персы, будучи лично свободными, делятся на полноправных граждан — гомотимов — и остальную неполноправную массу — простой народ. К привилегированной группе гомотимов могут принадлежать лишь те, кто прошел правильную школу воспитания, осуществляемого под контролем государства.

Как и в Спарте, воспитание молодых граждан в Персии — дело государства. Это обусловлено, подчеркивает Ксенофонт, совершенно иной, чем у большинства других народов, ориентацией системы законов: у других законы устанавливаются для того, чтобы карать за проступки и таким образом пресекать правонарушения, у персов же законы направлены на то, чтобы предотвратить самую возможность преступлений; у других законы исполняют карательные функции, у персов же — прежде всего воспитательные. Вот почему, в то время как в других государствах воспитание детей предоставлено инициативе родителей, в Персии этим официально занимается государство.

Воспитание молодого поколения осуществляется здесь в рамках специальных возрастных групп мальчиков (до 16—17 лет), эфебов (следующие 10 лет) и взрослых мужей (последующие 25 лет). Переход в каждый следующий класс возможен только после успешного прохождения предыдущего: лишь те, кто прошел полное обучение гражданской доблести в группах мальчиков и эфебов, могут стать полноправными мужами-гомотимами, и только те из этих последних, кто всегда безукоризненно исполнял свой гражданский долг, могут перейти со временем в высший класс старейшин. Эта школа воспитания, как указывает Ксенофонт, в принципе открыта для детей всех персидских граждан, однако практически она доступна лишь детям зажиточных людей, которые благодаря своему состоянию могут содержать их, не заставляя работать, и посылать в общественные школы. Собственность оказывается, таким образом, решающим критерием общественного положения граждан — собственность и обусловленное ею воспитание. Идеальное государство персов обнаруживает очевидную сословно-цензовую заданность, столь милую сердцу состоятельного аристократа, каким был Ксенофонт.

Замечательно, с другой стороны, и само содержание осуществляемого в этом государстве воспитания. Оно сводится к формированию у граждан необходимых, с точки зрения общины, моральных и физических качеств. Молодые граждане обучаются характерной справедливости: им внушается уважение к имущественным и гражданским правам себе подобных, прививается дух корпоративной солидарности, втолковывается всеми возможными способами необходимость безусловного повиновения старшим по возрасту и положению. Одновременно они получают необходимое физическое воспитание, направленное на подготовку из них умелых и закаленных воинов. Показательным является, в противоположность этому, полное (или почти полное) игнорирование интеллектуального и эстетического воспитания, равно как и обучения любому ремеслу.

В целом вся эта система разительно схожа с системой спартанского воспитания — не только своим официальным характером и организацией по возрастным классам, но и сословно-аристократическим принципом отбора тех, кто мог получить это воспитание, и, соответствующим кругом дисциплин, составлявших его содержание. Результатом такой системы должно было быть, как и в Ликурговой Спарте, существование корпоративного гражданского общества, где граждане, выделяющиеся своим со-

стоянием и полученным благодаря этому воспитанием, составляли полноправную и привилегированную верхушку, возвышавшуюся над остальной массой соплеменников, лично свободных, но почти лишенных гражданских прав (за ними оставалось лишь право служить в войске в качестве легковооруженных, вспомогательных воинов).

До сих пор — полное сходство идеального протогосударства персов с тем совершенным государственным строем, который был представлен Ксенофонтом в «Лакедемонской политии». Однако в одном решающем пункте есть и отличие: идеальная система у персов порождает не только дисциплинированных граждан и мужественных воинов; венцом ее творения оказывается идеальная личность — воитель и монарх, который своею волею расширяет пределы государства и создает новую территориальную державу. Кир прошел весь круг традиционного аристократического воспитания, однако, в отличие от других персидских гомотимов, он — потомок царей и, что еще важнее, потомок богов. Поэтому он резко выделяется из среды остальных граждан: он наделен несравненной доблестью и его судьба отмечена печатью богов, их харисмой. Ему суждено стать новым царем, основателем нового государства — мировой империи. Так своеобразно объединенными оказались у Ксенофонта традиционные для греческих аристократов симпатии к сословно-аристократической конституции Спарты и новые, рождавшиеся в кругах современной Ксенофонту полисной элиты, монархические и державные устремления.

Последовательно излагает Ксенофонт историю возвышения Кира Старшего. За описанием его детских и юношеских лет, его воспитания (кн. I), следует рассказ о его первой военной кампании. Посланный персидскими властями на помощь мидянам, которым грозит нападение ассирийцев, Кир блестяще проявляет свои таланты полководца и организатора. Явившись в Мидию во главе вспомогательного персидского корпуса, он деятельно готовится к войне с ассирийцами и, наконец, вместе с Киаксаром, тогдашним мидийским царем, совершает вторжение во вражескую страну. В сражении недалеко от границ Мидии персы и мидяне под руководством Кира одерживают победу над ассирийцами и их союзниками и овладевают их лагерем. После этого Кир по своему почину вместе с персами и добровольно присоединившимися мидянами продолжает преследование неприятелей, захватывает их новый лагерь, затем проникает далеко в глубь Ассирии, подступает под самые стены Вавилона и, наконец, с богатой добычей возвращается на исходные позиции у границ Мидии (I, V—V, V).

Далее следует рассказ о подготовке Кира к новому, решающему столкновению с вражеской коалицией. В этой кампании Киаксар уже практически не принимает участия, и военными действиями руководит только Кир. Первый удар наносится по сосредоточению вражеских войск в западной части Малой Азии. В новом генеральном сражении враги, которыми командует союзник ассирийцев лидийский царь Крез, разбиты наголову, и Кир овладевает столицей Лидии Сардами и берет в плен самого Креза. Затем персы и их союзники направляются к Вавилону и после длительной

осады овладевают этим, самым крупным в мире, городом. Последний ассирийский царь гибнет при штурме царского дворца, и таким образом война с ассирийцами завершается полным уничтожением их государства (VI, I—VII, V, 34).

Создание новой мировой державы этим и завершается. Дополнительные сообщения о других завоеваниях Кира, в частности о покорении им Египта, равно как и указания (косвенным образом) на приобретение им Мидии (в качестве приданого за дочерью Киаксара) и наследование царской власти в Персии, существенного значения не имеют. Они вкрапливаются как необходимые вехи условного исторического повествования в более важный рассказ об устройстве Киром новой великой империи (VII, V, 35—VIII, VI). Эта часть составляет pendant к начальным главам романа, где рассказывалось об устройстве персидского протогосударства, и, как и тот начальный раздел, часть эта доставляет интересный и важный материал для суждения о политических идеалах Ксенофонта, для знакомства с социально-политической теорией древних греков.

Новое государство, возникающее в результате завоеваний Кира, выступает также в виде своего рода соединения полиса и империи. Исходное ядро — идеальное протогосударство персов — сохраняется, и в этом надо видеть дань уважения автора прошлым полисным традициям, от которых ни один грек не был свободен. Однако гораздо более впечатляющей оказывается теперь картина новой, созданной на основе этого протогосударства территориальной державы. Идея этой державы принадлежит уже будущему, ее художественным воплощением в «Киропедии» Ксенофонт прозорливо предвосхищает действительные свершения века эллинизма, века Александра Великого.

Показателен уже самый способ образования новой державы. Она создается путем завоевания: народ-воитель, наделенный высшей доблестью, покоряет другие, более слабые народы и этим кладет основание новому миропорядку. Примечательно при этом, что объектом порабощения становятся именно богатые и многолюдные, но слабые в военном отношении государства древнего Востока. Примечательно, далее, и то, что самый факт завоевания с удивительной откровенностью и вполне в духе будущей эллинистической эпохи истолковывается как правовое основание господства. «Никто из вас, — поучает Кир своих соратников после распределения добычи, — не должен думать, что, владея всем этим, он владеет чужим. Во всем мире извечно существует закон: когда захватывается вражеский город, то все в этом городе становится достоянием завоевателей — и люди, и имущество. Стало быть, вы вовсе не вопреки закону будете обладать тем, что теперь имеете, а наоборот, лишь по доброте своей не лишите побежденных того, что вы им еще оставили» (VII, V, 73; ср. также ниже, § 77).

И в довершение всего — решающая роль сильной личности, осуществление завоевания и построение нового общества и государства под руководством авторитетного монарха, наделенного несравненной доблестью и осененного благодатью богов.

Как же выглядит это созданное идеальным творцом новое общество? Его структура, без сомнения, отражает сословно-аристократические симпатии автора «Киропедии». В основу модели положен спартанский строй, но, разумеется, в несколько модифицированном виде. Стержнем новой социальной структуры оказываются отношения победителей и побежденных: первые становятся господами, вторые сведены на положение порабощенной и эксплуатируемой массы. «Вавилонянам, — рассказывает Ксенофонт, — он [Кир] предписал возделывать землю, вносить подати и быть в услужении... у того, кому он был отдан. Наоборот, персам — участникам похода и союзным воинам, которые пожелали остаться у него, он предоставил право вести себя господами в отношении тех, кого они получили в услужение» (VII, V, 36). И ниже наш автор дает возможность своему герою уточнить приобретенные им и его соратниками выгоды: «Великую благодарность мы должны питать к богам за то, что они позволили нам добиться осуществления всех наших стремлений. В самом деле, мы обладаем теперь и землей, обильной и плодородной, и людьми, которые, работая на ней, будут доставлять нам все необходимое; у нас есть также дома, а в них вся нужная обстановка» (VII, V, 72).

Новое сословие господ соответствует, таким образом, касте спартиатов: как и эти последние, они обеспечены наделами и прикрепленными к ним работниками, чье положение, в свою очередь, сильно напоминает положение спартанских крепостных рабов-илотов. Эти работники низведены персами до положения рабов. Их рабское состояние выразительно подчеркивается недозволенностью для них, как и для спартанских илотов, предаваться занятиям, достойным свободных людей, т. е. физическим и военным упражнениям, а также категорическим запрещением иметь оружие (см., в частности, VII, V, 79; VIII, I, 43 сл.; VI, 13).

Оставаясь свободными людьми par excellence, будучи сплочены для защиты своего привилегированного положения в своеобразную корпорацию воинов-аристократов, завоеватели-персы и их союзники противостоят массе покоренного ими населения так же, как спартиаты — илотам. Однако сопоставление этого нового господствующего сословия со спартиатами возможно лишь до известной степени. В Спарте аристократы-спартиаты составляли гражданскую общину в собственном смысле слова, где каждый являлся частью суверенного целого. Свои наделы спартиаты получали от общины и, стало быть, в принципе были обязаны своим положением только самим себе. Напротив, новые аристократы в государстве Кира, хотя и были сплочены в привилегированное сословие, суверенной общины не составляли. Они группировались вокруг сюзерена-царя, от него они получали свои наделы, и владение этими имениями было обусловлено несением службы при царском дворе. Они выступают, таким образом, в роли служилой знати того именно типа, какой будет характерен для эллинистических государств, с теми же градациями царских друзей, сородичей и остальных привилегированных, но нетитулованных держателей земли.

Противоположные группы господ и работников были главными, но отнюдь не единственными компонентами социальной структуры созданного

воображением Ксенофонта нового государства. Действительно, насколько можно судить по изложению «Киропедии», отнюдь не все участники завоевательного похода должны были перейти на положение аристократических держателей земли. Это было, судя по всему, привилегией только персов и командиров союзных отрядов. Прочие союзные воины, изъявившие желание по окончании похода остаться у Кира, получили от него в качестве награды земли, дома и рабов, но все это, очевидно, в меньшем количестве, чем предыдущая группа, и потому составили особый, менее привилегированный слой военных поселенцев (ср. VII, I, 43 и VIII, IV, 28). С другой стороны, не все население покоренных стран низводилось на положение рабов. По-видимому, это было уделом земледельческого населения центральных культурных областей. Наряду с этим должны были существовать города (такие, например, как Сарды и Вавилон) и племена во главе со своими правителями, подвластные, но все же не порабощенные в буквальном смысле слова.

Предусматриваемая таким образом известная пестрота отношений в государстве Кира свидетельствует о понимании Ксенофонтом всей сложности и многообразия условий, в которых должен был совершаться завоевательный поход, подобный описанному в «Киропедии». Различие экономического и политического потенциала подчиняемых областей, городов и племен должно было обусловить и соответствующее различие в их новом статуте подданных монарха-завоевателя. Это, так сказать, запланированное разнообразие социально-политических отношений очень точно предвосхищает действительную ситуацию времени эллинизма. При этом вырисовывается целый ряд более или менее близких соответствий между социальными категориями государства Кира у Ксенофонта и позднейших эллинистических монархий. В частности, помимо уже отмеченного сходства персидских господ с эллинистической служилой знатью, можно сопоставить военных поселенцев Кира с катеками, порабощенное земледельческое население — с народом земли (λαοί), а подчиненные города и зависимых династов — с такими же городами и династами, например, в государстве Селевкидов.

Замечательной в плане предвосхищения эллинизма выглядит у Ксенофонта и политическая надстройка нового общества. Здесь особенно бросаются в глаза черты синкретизма, взаимодействие и взаимопроникновение республиканского и монархического, полисного и державного принципов, что будет так характерно для времени эллинизма. Во главе нового мирового государства стоит монарх-завоеватель, однако на родине его, которая остается интегральной частью его державы, по-прежнему сохраняются авторитетные власти общины (αἱ ἀρχαί). В отношении покоренных народов Кир выступает царем-самодержцем, для персов же он, как и раньше, остается царем-пастырем, который руководит своим народом согласно установленным законам.

В любопытной сцене, разыгрывающейся уже по окончании завоевательного похода, Ксенофонт заставляет отца Кира, все еще царствующего в Персии Камбиса, выступить с предложением, которое должно на веки

вечные урегулировать отношения между царями и общиною персов. Как мудрый патриарх и как заботливый отец, готовящийся вскоре передать свое царство сыну, Камбис советует Киру и представителям персидской общины заключить между собою договор: Кир должен поклясться, что он всегда будет оберегать страну и законы персов, а те, в свою очередь, — что они всегда, при этом условии, будут оказывать Киру поддержку в защите его власти над покоренными народами (VIII, V, 22—27).

Интересно отметить, что идеальное спартанское установление — возобновляющиеся регулярно договоры спартанских царей с представителями гражданской общины[30] — трансформировано и приспособлено к новой ситуации, возникающей в результате создания монархом-завоевателем мировой империи. Автор здесь ставит и решает вопрос, имевший первостепенное значение для греческой полисной элиты IV в. Верхушка греческого общества мечтала об объединении страны под властью сильного вождя, об осуществлении под его руководством завоевательного похода на Восток, но в то же время дорожила своими полисными традициями и рассчитывала сохранить их и в будущем. Что мысль о взаимодействии и сосуществовании полисного и державно-монархического начал волновала не одного только Ксенофонта, доказывается примером Исократа, который несколько позднее, обращаясь с призывом к Филиппу Македонскому выступить инициатором объединения Греции и завоеваний на Востоке, предупреждал этого царя: эллины не терпят единовластия; он может быть царем в Македонии и державным владыкой на покоренном Востоке, но по отношению к эллинам он должен остаться благодетелем — инициатором спасительного объединения и похода на Восток, но не более (см. речь Исократа «Филипп», в особенности § 107 сл. и 154).

Разумеется, рассчитывать достичь чего-либо в отношениях с царями с помощью таких приватных предупреждений или даже официальных договоров было иллюзией, и тот же Исократ позднее болезненно реагировал на крушение — именно в случае с Филиппом Македонским — своих расчетов[31]. Однако проблема взаимоотношений полиса и империи от этого не исчезла; ее актуальность определялась жизненной стойкостью полисной системы, традиционной ролью античных городов. Позднейшим эллинистическим царям пришлось по-своему идти на компромисс и искать сотрудничества с этими городами.

Как бы там ни было, нельзя отрицать того, что Ксенофонт понимал

---

[30] Об этих договорах см. Xen. Lac. pol., 15, 7.

[31] Согласно античной традиции, после кровавой битвы между греками и македонцами при Херонее (в 338 г.) — битвы, которая доказала полную несостоятельность расчетов на мирное объединение Эллады под эгидою македонского царя, — Исократ покончил самоубийством (см. Dionys. Hal. Isocr., I; Ps.-Plut. Vitae X or., p. 837 e—f, 838 b; Incerti auctoris vita Isocr., p. 105 сл. Dind.). Некоторые исследователи, правда, со скепсисом относятся к этому преданию, однако, как показал К. Мюншер, их недоверие неоправданно (*K. Münscher.* Isokrates. — *RE*, Bd. IX, Hbbd. 18, 1916, стлб. 2219 сл.).

значение проблемы взаимоотношений царя и гражданской общины; отдавая должное этой проблеме, он предложил свой вариант ее идеального решения. Однако слишком глубоко вникать в этот щекотливый вопрос было неуместно. С тем бо́льшим увлечением обращается Ксенофонт к описанию того, как было устроено Киром управление его собственною державою. Подробно — и здесь именно широко используя восточный опыт — повествует Ксенофонт об оформлении и обеспечении Киром своего положения державного правителя (основание резиденции в царском дворце в Вавилоне, обзаведение личной охраной из евнухов и 10 000 персидских копьеносцев, выработка устава придворной службы и этикета и пр.); говорит далее о создании Киром системы управления, с ярко выраженной идеей централизации, об управлении на местах (система сатрапий) и мерах по предупреждению возможных сепаратистских устремлений влиятельных наместников (сохранение гарнизонов в городских цитаделях и сторожевых отрядов в сельских местностях под непосредственным царским контролем), о создании особой полицейской службы надзора (царские соглядатаи — «царевы очи и уши») и пр.

Рассказывая таким образом об организации исполнительной власти в державе Кира, Ксенофонт не упускает из виду и другой вопрос — о методах управления. Он убежден, что сами по себе государственные установления, даже самые отличные, еще не дают гарантии безопасного существования политической системы: многое зависит от правителей, от их воли и умения, от применяемых ими способов управления. И он углубляется в любимую им область взаимоотношений предводителей и подчиненных, и тему повиновения властям, которую он раньше рассматривал на материале греческих полисов или их армий, теперь трактует применительно к монархической державе. И здесь, в «Киропедии», как и в других своих сочинениях, Ксенофонт показывает себя хорошим знатоком социальной психологии. Он пишет, например, что очень важно, как носители власти должны являться на людях (для правителя это — особый, торжественный ритуал выхода, пышная одежда, соответствующая манера вести себя и т. п.). Взятые отдельно, эти рассуждения могли бы образовать не менее обширный и содержательный трактат по психологии управления, чем отрывки на специальные военные темы — трактат по военному искусству.

С проблемой поведения правителя связана, по-видимому, и тема так называемого эпилога — последней, VIII главы восьмой книги «Киропедии». Здесь сжато, но выразительно представлены разложение и упадок Персидского государства после смерти Кира, показано, как персы перестали соблюдать клятвы и предались нечестию, как их охватила страсть к стяжательству и роскоши, как, развратившись, они забросили физические и военные упражнения и утратили былую силу и мощь, — и все это по вине последовавших за Киром царей. Такая концовка «Киропедии» некоторых исследователей ставила в тупик. На основании формального сопоставления этого писанного сугубо черными красками эпилога с общей идеальной картиной «Киропедии» некоторые критики в прошлом веке высказывали

даже сомнение в подлинности последней главы [32]. Однако и тогда уже не было недостатка в защитниках противоположного мнения, а в наше время убеждение в подлинности последней главы «Киропедии» решительно возобладало [33].

Действительно, ни по языку, ни по стилю эта часть не отличается заметно от остальных; равным образом и по существу присоединение в конце такой критической главы было понятно, если автор хотел предупредить упреки в извращении действительного положения вещей. Таким же образом поступил Ксенофонт, между прочим, и в другом своем сочинении, где тоже была изображена идеальная политическая система, — в «Лакедемонской политии». Предпоследняя, XIV глава этого произведения содержит горькое признание уже свершившегося отступления спартанцев от идеала. Правда, для дорогой его сердцу действительной Спарты Ксенофонт видел еще путь к возрождению. Как на это намекается в последней, XV главе трактата, сильная и энергичная царская власть могла бы возродить Спарту, и позднее в «Агесилае» Ксенофонт представил пример идеального спартанского царя, защитника своего отечества и и дела всех эллинов, тип героя, во многом близкого главному герою «Киропедии».

Однако, здесь, в «Киропедии», идеальный царь и идеальное государство персов могли быть поданы только как образы далекого, фантастического прошлого. Настоящая Персия — Персия IV в. до н. э. — была врагом греков, ее владения рассматривались этими последними как естественный объект завоевания, а ее действительный упадок и слабость расценивались как благоприятное условие для такого завоевания. Какая бы то ни было мистификация настоящего положения в Персии была поэтому для греческого писателя IV в. невозможна. Отсюда — беспощадная, местами столь же утрированная критика персов в эпилоге «Киропедии», сколь преувеличенной была их героизация в ее основной части.

Возвращаясь к этому, основному содержанию «Киропедии», суммируем кратко развитые здесь идеи. «Киропедия» демонстрирует нам прежде всего «совершенную личность», того именно типа, какой особенно импонировал греческой элите IV в., охваченной индивидуалистическими и монархическими настроениями. Здесь показано, далее, как этот герой, обретя надлежащие возможности, становится творцом нового идеального государства — мировой территориальной монархии. В этом государстве, в его порядках воплощена высшая справедливость, как она могла быть

---

[32] Наиболее полно критическая аргументация была развита в работах: *D. Schulz*. De Cyropaediae ultimo capite. Halle, 1806; *K. Schenkl*. Über die Echtheit des Epilogs der Xenophontischen Kyropädie. — «Neue Jahrbücher für Philologie und Paedagogik», Bd. LXXXIII, 1861, S. 540—557; *B. Büchsenschütz*. Xenophon. Jahresbericht. — «Philologus», Bd. XXII, 1865, S. 681.

[33] См.: *F. A. Bornemann*. Der Epilog der Cyropaedie von Xenophon. Lpz., 1819; *C. G. Cobet*. Xenophontea, I. De Xenophontis Cyropaediae epilogo. — «Mnemosyne», N. S., vol. III, 1875, S. 66—72; *G. Eichler*. De Cyropaediae capite extremo (VIII, 8). Grimma, 1880; *A. Roquette*. De Xenophontis vita. Königsberg, 1884, S. 87—91; *Ed. Delebecque*. Указ. соч., 405—409; *H. R. Breitenbach*. Указ. соч., стлб. 1741 сл.

понята писателем-аристократом: «лучшие», т. е. воины-завоеватели, сплочены в привилегированное сословие господ, а «худшие», т. е. прежде всего население покоренных стран, сведены на положение крепостных рабов, наподобие илотов. Эта аристократическая идиллия имеет много сходного с идеальной спартанской политией, но ее отличают и принципиально новые качества: аристократическая организация общества сочетается с сильной монархической властью, а самое государство возникает вследствие завоевания народом — носителем высшей доблести прочих стран Востока. Так, в форме мнимо-исторического романа — и благодаря этому как бы в свершившемся уже виде — была предложена читателям IV в. актуальная политическая программа. Развитие ее в «Киропедии» делает честь политическому и художественному таланту Ксенофонта (хотя мы и не можем испытывать симпатии к его идеалу): в сюжете, по видимости обращенном в далекое и чужое прошлое, он очень точно предугадал свершения недалекого будущего — выступление Филиппа, объединение Эллады под главенством македонского царя, греко-македонский поход на Восток и создание империи Александра.

В. Г. Борухович

МЕСТО «КИРОПЕДИИ» В ИСТОРИИ ГРЕЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

Представление о человеческой культуре, где бы она ни возникла, на Ближнем и Дальнем Востоке, в Италии, Греции или Южной Америке, всегда неразрывно связано с письменностью и тем самым — с литературой. В Греции классической эпохи грамотность стала безусловно неотъемлемым качеством свободнорожденного человека, и учению уделялось едва ли меньшее внимание, чем, например, занятиям спортом. Свободное от трудов и отводимое для духовного усовершенствования время обозначалось не очень ясным для современного человека термином «схолэ» (σχολή), первоначально означавшим «досуг»[1]. Этот досуг предназначался и для чтения книг (мы не всегда отдаем себе отчет в том, что греческая литература, создававшаяся гениальными мастерами, без широкого круга читателей не смогла бы достичь таких вершин).

Прозаические жанры были широко представлены в богатом греческом фольклоре (устный рассказ, новелла, басня, анекдот, притча, сказка). Однако художественная форма и содержание в них были текучими, беспрерывно меняющимися: сохранялись лишь сюжеты, но каждый рассказчик-импровизатор мог придать этому сюжету ту форму, которая наиболее соответствовала его дарованию, традициям, принятым в кругу его слушателей, настроению момента. Поэтому необходимым условием возникновения художественной прозы могла быть только письменность, проникшая в широкий культурный обиход: хранителем художественного прозаического текста должна была стать *книга*, а не живая и переменчивая человеческая память.

Родиной греческой художественной прозы стала Иония. Ее появление было связано со все увеличивающимся стремлением античного человека к познанию действительного мира, в отличие от фантастического мира богов и героев, нарисованного в эпосе[2]. К концу VII в. до н. э. в Греции

---

[1] «Вся жизнь человеческая распадается на занятия и досуг» (εἰς ἀσχολίαν καὶ εἰς ἀσχολήν), пишет Аристотель в «Политике» (VII, 13, 8). В латинизированной форме этот термин вошел в европейские языки (русск. «школа», англ. Scool, нем. Schule и т. п.).

[2] «Прозаическая форма низводит автора с вершин идеально представляемого мира фантазии на почву реалистического изображения действительного мира и современности, окружающей поэта» (*E. Rohde*. Der griechische Roman und seine Vorläufer. B., 1960. S. 178).

повсюду складываются новые условия материальной жизни общества, приведшие к социальным потрясениям и переворотам. В конечном итоге аристократическая верхушка греческих городов-государств («полисов») оказалась оттеснена энергичными и предприимчивыми представителями демоса, торгово-промышленных кругов. Новое общество поставило новые задачи перед повествовательными жанрами. Мореходы и купцы нуждались в достоверных сведениях об окружающем мире, и именно в это время, на рубеже VII и VI вв. до н. э., зарождается ионийская натурфилософия, стремившаяся объяснить мир, исходя из него самого.

В течение VI и V вв. до н. э. развивается греческая проза, представленная главным образом историческим повествованием. Ее высшим достижением являются творения Геродота и Фукидида. Но если первый оказался самым ярким представителем ионийской историографии, то Фукидид написал свое произведение на аттическом (вернее, даже староаттическом) диалекте, положив тем самым начало аттическому периоду в истории греческой прозы.

Всем аттическим писателям (так же, как, впрочем, и поэтам, и художникам) было свойственно беспрерывное стремление к совершенствованию, постоянные поиски новых форм, огромное внимание к проблемам искусства художественного слова, необычайно активное взаимодействие автора и читательской среды, живо откликавшейся на все явления литературной жизни. Новинки литературы — например, речи ораторов, распространявшиеся в письменном виде, находили восторженных ценителей, толпившихся в книжных лавках, живо обсуждавших их достоинства и недостатки, мастерство построения периодов, внутреннюю ритмику фразы, тропы и образы, использованные оратором.

Апогея своего развития аттическая проза достигает в IV в. до н. э. Именно в это время расцветает ораторское искусство, представленное именами таких художников публичной речи, как Лисий, Демосфен, Гиперид, Ликург, Динарх и многих других, к которым следует причислить и публициста Исократа, выдающегося теоретика и практика художественной прозы. В это же время живут и творят Платон и Аристотель, мастера философской прозы, высокого развития достигает жанр исторического повествования, наиболее выдающимся представителем которого в IV в. до н. э. несомненно становится Ксенофонт. Он пробовал свои силы в разнообразных видах прозы, но его «Киропедия» стоит в ряду произведений повествовательного жанра совершенно особняком.

Чтобы понять, как могла возникнуть книга, подобная «Киропедии», необходимо хотя бы кратко остановиться на основных чертах социальной, идеологической и литературной жизни тогдашней Эллады и особенно Афин.

Сильнейшее влияние на форму, стиль и содержание «Киропедии» оказало софистическое движение, заложившее основу риторического и философского образования в Афинах. Сам Ксенофонт вышел из школы Сократа — так же, как и его современник Платон, и ряд других знаменитых философов, публицистов, видных политических деятелей. Софистическое

движение имело глубокие корни. Оно было связано с обострением политических схваток в греческих полисах второй половины V в. до н. э. В ходе борьбы между аристократическими и олигархическими группировками и народом увеличивалось число тех, кто хотел выдвинуться на политическом поприще и стать народным вождем (как говорили тогда, *демагогом* — этот термин еще не имел отрицательного оттенка). Главным путем к достижению этой цели было искусство публичной речи, ораторское мастерство, с помощью которого можно было увлечь и повести за собой собравшихся на народное собрание граждан, *демос*. Обучение риторике становится насущной необходимостью для тех, кто готовил себя к политической деятельности, и прежде всего, конечно, для юношей из аристократических и просто богатых семейств. Им-то и предлагали свои услуги модные учителя красноречия и других полезных для политика наук, которых называли софистами.

С их деятельностью наступил век греческого просвещения. В своих выступлениях софисты обещали научить учеников мудрости, под которой они понимали пригодность к практической жизни, — говоря, что их ученики станут *искусными в речах и делах* (δεινοὶ πράττειν καὶ λέγειν). Вместе с тем, они сумели научно обосновать условность ряда моральных и политических установлений и общепринятых истин.

Несмотря на противодействие приверженцев старинного воспитания и образа мыслей (о силе которого мы можем получить представление, например, из комедий Аристофана), деятельность софистов имела успех. Некоторые из них — как, например, Горгий из Леонтин — считали, что обучить можно только красноречию, и сам Горгий преподавал одну риторику. В числе его учеников называют историка Фукидида и вождя афинской демократии Перикла.

Одним из учеников Горгия был и давний друг Ксенофонта, Проксен Беотиец, принявший активное участие в знаменитом походе десяти тысяч, затеянным персидским царевичем Киром Младшим с целью свергнуть с престола царя Артаксеркса. Проксен пригласил и Ксенофонта[3] принять участие в этой рискованной авантюре. Вот что сообщает о своем друге Ксенофонт: «Проксен Беотиец, еще будучи юношей, решил стать мужем, способным свершить великие дела. Это и заставило его платить деньги Горгию из Леонтин за обучение. После общения с Горгием Проксен решил, что уже приобрел способность руководить людьми, а также вести дружбу с первыми людьми и не уступать им в умении платить добром за добро. Он прибыл к Киру для участия в затеваемом предприятии...»[4]

Вероятнее всего, Проксена и Ксенофонта объединяли не только давние узы гостеприимства, но и общие духовные и литературные интересы. Риторическая изощренность автора в «Киропедии» заметна более, чем в каком-либо другом сочинении Ксенофонта: ее персонажи произносят свои речи по всем правилам тогдашних τέχναι ῥητορικαί, наставлений по

[3] Анабасис, III, 1, 4.
[4] Там же, II, 6, 16.

ораторскому искусству. Софисты пролагали новые пути в анализе слова и понятия, в искусстве спора — *эристике*. Цель эристики заключалась не столько в достижении научной истины, сколько в опровержении доводов противника (здесь коренился порок, который вскоре превратил слово «софист» в бранное и уничижительное)[5]. Заметим, что изложение в форме спора сторон, стоящих на противоположных позициях, весьма часто встречается в «Киропедии».

Если риторическое искусство определило в значительной мере стиль «Киропедии», то на ее содержание сильнейшим образом повлияла идеология кружка Сократа. Хотя современник Ксенофонта Платон изобразил своего учителя Сократа, память которого он благоговейно чтил, убежденным противником софистов, Сократ сам был софистом и притом наиболее выдающимся из всех. Аристофан, поставивший своей целью в комедии «Облака» разоблачить софистическую систему обучения, представил именно Сократа в роли мудреца, наставляющего, как «кривую речь сделать правой», то-есть представить ложь истиной[6]. По-видимому, именно у Сократа софистическая диалектика (под которой в данном случае следует понимать искусство спора путем сопоставления, анализа и различного истолкования понятий) достигла наивысшего развития. Сам Сократ ничего не писал, и судить о его учении мы можем только исходя из сохранившихся произведений его учеников — прежде всего Платона и Ксенофонта, а затем ученика Платона, Аристотеля. Разумеется, и Платон, и Ксенофонт чаще всего приписывали Сократу свои собственные мысли и идеи, но то общее, что мы находим и у Платона, и у Ксенофонта в их изложении сократовского учения, можно с большой долей вероятности относить к действительному Сократу. Таким несомненно сократовским методом является способ исследования понятий путем аналогии, подчас совершенно примитивной и логически не оправданной (Аристофан самым непристойным образом пародирует этот сократовский метод в «Облаках», ст. 376 слл.). К концу жизни Сократ занимался почти исключительно этическими проблемами и узко практическими вопросами — например, кто должен управлять государством, какой политический строй следует считать наилучшим. Этот цикл проблем по наследству перенял и Ксенофонт, подвергнув их обсуждению в «Киропедии».

Согласно Сократу, всякое знание (а истинное знание должно было, по его мнению, вести к нравственному усовершенствованию индивида и через него — самого государства) изначально заложено в душе человека, и его, Сократа, роль заключается лишь в том, чтобы высвободить это знание, помочь ему родиться. Этого можно достичь путем умело поставленных вопросов, на которые можно дать лишь строго определенные ответы. Так возникает форма диалогического исследования проблем, диалектика

---

[5] Немалую роль здесь сыграл Платон — см. *R. J. Mortley.* Plato and the sophistic heritage of Protagoras. — «Eranos», vol. LXVII, 1969, p. 24—32.

[6] Согласно Аристотелю (Rhet. II, 24, p. 1402 a 25), эту формулу в действительности выдвигал Протагор.

в сократовском понимании этого слова. Многочисленные образцы этой диалектики мы находим в «Киропедии»[7].

Чтобы лучше представить себе причины, заставившие Ксенофонта нарисовать такое обширное полотно псевдоисторического философского романа, столь далекого на первый взгляд от современной ему действительности, но на самом деле представляющего собой злободневную тенденциозно-политическую реконструкцию идеального военизированного государства с идеальным правителем-полководцем, необходимо принять во внимание и те изменения в социальной жизни греческого общества, которые произошли к середине IV в. до н. э., и аналогичные произведения его современников, двигавшихся сходными путями в поисках формы выражения своих взглядов.

Социальные потрясения, приведшие к кризису полисного устройства Эллады, начались с крушения Афинской морской державы в конце Пелопоннесской войны (431—404 гг. до н. э.). Установившаяся затем спартанская гегемония оказалась еще менее долговечной, обнаружив полную неспособность ввести жизнь Эллады в русло мирного развития. Гегемония Спарты была сокрушена союзом греческих государств во главе с могущественными Фивами. Длительная борьба за преобладание завершилась битвой при Мантинее 362 г. до н. э. (описанием этого сражения заканчивается «Греческая история» Ксенофонта). Потерпели крах попытки крупнейших греческих полисов объединить под своей эгидой Элладу. Они привели к экономическому и политическому упадку; наступила эпоха всеобщей растерянности и неуверенности. Это время оказалось необычайно благоприятным для создания различного рода социальных проектов и утопий, целью которых было спасение общества. Так рождается политический роман, который, как видно на примере Свифта и Монтескье, появляется при резком ухудшении общего положения, когда писатель, отчаявшись найти точку опоры в настоящем, обращается либо к прошлому, либо к будущему, либо к отдаленным, доступным лишь воображению писателя странам.

Ксенофонт в «Киропедии» избрал ареной действия своего утопического романа далекие Персию и Мидию, тогда как Платон поместил свое идеальное государство вне времени и пространства, как некую голую абстракцию (но в действительности, по определению Маркса, оно оказалось афинской идеализацией египетского кастового строя). Небезынтересно отметить, что сохранилась античная традиция о соперничестве Платона и Ксенофонта на поприще создания проектов социальных переустройств. Авл Геллий (XIV, 3) сообщает по этому поводу следующее: «Те, которые составили о жизни и характере Платона и Ксенофонта объемистые и

[7] Ср., например, беседы юного Кира со своим отцом Камбисом в конце I книги, где в диалогической форме выясняются принципы подготовки и вождения войск, с привлечением многочисленных аналогий в чисто сократовском духе. «Похвальное слово сократовским принципам и спартанской практике», — так определил «Киропедию» С. И. Соболевский («Ксенофонт, его жизнь и сочинения», — см. *Ксенофонт Афинский.* Сократические сочинения. М., Academia, 1935, стр. XX).

подробные сочинения, не удержались от того, чтобы не отметить какие-то скрытые и незаметные признаки взаимной их вражды и соперничества. Некоторые доказательства этого они находили в их произведениях. Заключаются же эти доказательства в следующем. Платон в столь великом множестве оставленных им сочинений нигде не упомянул Ксенофонта, и точно так же Ксенофонт нигде не упоминает Платона в своих книгах, хотя и тот и другой упоминают о множестве учеников Сократа, особенно Платон в диалогах, которые он написал. Авторы жизнеописаний упомянутых философов сочли за признак отнюдь не искренней или доброй воли тот факт, что Ксенофонт, прочитав две книги (первыми вышедшие в свет) того знаменитого сочинения Платона, в котором философ рассуждает о лучшем государственном строе и управлении, выступил против Платона. Ксенофонт описал совершенно другой тип царского управления, и это описание называется «Воспитание Кира» («Киропедия»). Этим сочинением Платон, как говорят, настолько был встревожен и взволнован, что в какой-то своей книге, упомянув царя Кира, для того, чтобы принизить труд Ксенофонта и опровергнуть высказанные там положения, заметил, что Кир был мужем деятельным и отважным, но к правильному воспитанию не имел ровно никакого отношения (παιδείας δ'οὐκ ὀρθῶς ἧφθαι τὸ παράπαν). Таковы слова Платона, сказанные им о Кире».

Сейчас трудно сказать, в какой мере сведения, сообщаемые Авлом Геллием, соответствуют действительности, но остается несомненным, что творчество Платона представляет благодарный материал для выяснения отношения «Киропедии» к современному ей кругу идей: оно позволяет яснее понять ту обстановку интенсивной работы общественной мысли (облеченной при этом в высокохудожественную форму), в которой «Киропедия» появилась на свет.

Жанр, в котором творил Платон, получил в древности название «сократических сочинений» (σωκρατικοὶ λόγοι)[8]. Это были диалоги, в форме которых Платон излагал свое философское учение. Этические постулаты Сократа и диалогический способ исследования понятий были им не только развиты, но расширены до пределов всеобъемлющей идеалистической философской системы. Сам диалог Платона превратился в художественное целое, где его философские поиски получили объективно драматическое воплощение. Платон использовал Сократа так, как афинские трагики, его современники, использовали миф, влагая в него современное созвучное злобе дня содержание.

Этот художественный прием применялся в аттической прозе, по-видимому, довольно широко, и Ксенофонт также отдает ему дань, сделав героем своего произведения основателя персидской монархии Кира Старшего. Образ мышления и поступки Кира и его окружения в изображении Ксенофонта изобличают в них, как это уже неоднократно указывалось в литературе, не персов, но скорее эллинов (вернее, спартанцев).

[8] *Аристотель.* Поэтика,

Глубоко враждебный афинской демократии, Платон тем не менее остался патриотом Афин, когда попытался создать прототип подвига, совершенного Афинами во время Греко-персидских войн. Мифическим отображением персидской державы послужило варварское государство с центром на острове Атлантида. В легенде об Атлантиде искусно скомбинированы различные греческие мифы, которые должны служить иллюстрацией политических идей Платона. Рассказ об этом острове Платон вкладывает в уста своего дяди Крития (диалог «Тимей»). Критий услышал его от деда, тот — от Солона, а Солон — от жрецов в Саисе.

Рассказ об Атлантиде продолжается также в диалоге «Критий». Здесь рассказывается о населении Атлантиды, происходящем от Посейдона, о централизации государственного союза атлантов, о столице, укрепленной как руками ее жителей, так и самой природой, о храмах и царских дворцах в центре Атлантиды, об оросительной системе и многих других сторонах быта и жизни этой страны. Остров Атлантида некогда находился перед Геракловыми столбами (Гибралтаром), и поэтому Атлантический океан был в те времена более доступным для мореплавателей. Чтобы придать более правдоподобия своему рассказу, Платон погрузил этот остров в море[9]: поэтому оно, будто бы, обмельчало в районе Геракловых столбов[10]. Свое повествование об Атлантиде Платон прервал в том месте, где должна была описываться война между древними Афинами и Атлантидой.

Необыкновенная живость и наглядность описания страны атлантов, поэтичность сюжета, его глубокая детализация очень рано привлекли к нему внимание ученых. Мы можем сказать, что рассказ Платона об Атлантиде является наброском древнейшего в истории Европы утопического романа[11]. Набросок этот не был доведен до полного завершения, но, несмотря на это, сила художественного воздействия этого сюжета оказалось настолько могучей, что вот уже несколько веков, как исследователи (и дилетанты, которых — увы! — особенно много) не перестают искать Атлантиду на огромном пространстве от Крита до Америки и Скандинавии. Родилась настоящая наука — атлантология — являющая собой пример отрасли человеческого знания, сделавшей объектом своего изучения миф, созданный одним человеком[12]. Характерно, что такие крупнейшие

[9] Tim., 25 c; Crit. 108 e.

[10] Современные геофизические методы исследования морского дна в этом районе позволили с уверенностью утверждать, что никакого изменения морского дна в этом районе за последний геологический период не происходило.

[11] *E. Schwartz.* Fünf Vorträge über den griechischen Roman. Berlin, 1943, S. 54.

[12] *A. Bessmertny.* Das Atlantisrätsel. Leipzig, 1932. Автор упоминает о двух тысячах книг, посвященных проблеме Атлантиды. Среди лиц, пытавшихся снискать себе сенсационную известность открытием Атлантиды, оказался и внук Шлимана, Пауль Шлиман, оповестивший в американской газете «New-York American» (от 12 окт. 1912 г.) весь мир: «Как я открыл потерянную Атлантиду, источник всей цивилизации». См. также книгу Н. Ф. Жирова «Атлантида, основные проблемы атлантологии» (М., «Мысль», 1964). К монографии приложен список литературы из 730 названий, здесь же указаны периодические издания по атлантологии, выходящие в Англии, Франции, Италии (стр. 400 сл.)

авторитеты науки в древности, как Аристотель и Страбон, равно как и многочисленные современные исследователи, считают Атлантиду чистейшим вымыслом философа [13].

Платоновский миф об Атлантиде среди остальных мифов, которые с таким искусством изобретал философ, отличался особой соотнесенностью с действительностью, и поэтому должен быть назван мифом только условно: собственно, это не миф, а лишь вымышленное повествование. Само по себе оно не заключает ничего невероятного или сверхъестественного. Здесь нет только людей, действующих лиц. Но найденный в постоянном поиске новых форм сюжет о вымышленном государстве обладал большой потенциальной способностью к развитию и совершенствованию. Отсюда оставалось лишь продвинуться по пути введения в этот вымышленный сюжет соответствующих героев. Один из первых шагов на этом пути сделал, по-видимому, философ Антисфен, хотя полного развития этот художественный прием достиг лишь в «Киропедии» Ксенофонта.

Основатель кинической школы Антисфен из Афин познакомился с Сократом тогда, когда был уже в зрелом возрасте. Тем не менее, он полностью подчинился обаянию личности учителя, а после его смерти открыл учебное заведение в гимнасии Киносарг, где по традиции занимались гимнастикой юноши из так называемых «неравноправных» (νόθοι). К ним относился и Антисфен, происходивший от афинского гражданина и фракиянки. Патроном этого гимнасия был Геракл, и этот же мифический герой стал покровителем новой философской школы *киников* (своим идеалом философы этой школы избрали жизнь героя, полную трудов и лишений).

Этика Антисфена была односторонним продолжением и развитием этики Сократа. Согласно Антисфену, единственным благом является добродетель, имевшая в понимании философа негативный характер: она заключалась в безразличии ко всему внешнему миру, ограничении потребностей и внутренней свободе. Неприхотливый образ жизни Сократа (пренебрегавшего внешними приличиями, ходившего босым и неряшливо одетым) киники довели до крайнего самоограничения, ведя нищенский образ жизни и стоически перенося голод и холод.

Сочинение Антисфена «Геракл» Эд. Шварц относит к жанру философско-мифологического романа, в котором популярный герой греческих мифов выступает в роли кинического мудреца, на практике осуществляющего идеалы своей школы. Необходимо здесь, однако, оговориться, что термин «роман» Шварц употребляет лишь условно, о чем говорит подзаголовок его книги — «романический элемент в повествовательной греческой литературе» [14].

Философы кинической школы не преграждали «варварам» доступа к своим идеалам добродетели и мудрости. Тот же Антисфен был автором

---

[13] Эд. Шварц (указ соч., стр. 54) и У. Виламовиц (*U. v. Wilamowitz-Möllendorff.* Platon, Bd. I. Berlin, 1920, S. 594) крайне резко отзываются о тех, кто пытается отыскать мифическую Атлантиду.

[14] «Das romanhafte in der erzählenden Literatur der Griechen».

двух сочинений, посвященных личности Кира[15]. Вероятно, здесь Антисфен сопоставил Кира с Гераклом, нарисовав идеальный образ властителя, подчинившего всю свою жизнь служению высшим идеалам и завоевавшего господство над миром.

Мы не можем в этой связи не вспомнить «Киропедию» Ксенофонта, отдавшего в ней, по-видимому, дань теме, оказавшейся популярной в то время. Необходимо, однако, иметь в виду, что труды Антисфена до нас не сохранились, и всякое восстановление их содержания является в большей или меньшей степени гипотетичным[16].

* * *

Ксенофонт издал свое сочинение «Воспитание Кира» (обычно называемое латинизированным греческим именем «Киропедия») около 362 г. до н. э.[17] Она явилась итогом длительного творческого пути писателя, плодом раздумий человека, прошедшего трудный и сложный жизненный путь политического эмигранта и наемного солдата. Уже на склоне лет, живя в Скиллунте (имении, полученном им при благожелательном содействии спартанских властей), он предался своему любимому занятию — писательству. Писал он охотно и помногу, на самые разнообразные темы, и не только исторические. К моменту, когда он выпустил в свет «Киропедию», ум его еще сохранял полную ясность и свежесть: об этом говорит стиль его произведения, являющегося, может быть, самым выдающимся из всего его литературного наследия. В нем мы находим отражение всей личности Ксенофонта, его склада мышления, чаяний и надежд, политических симпатий и антипатий. «Киропедия» — наиболее яркий образец его литературного стиля.

Дошедшие до нас произведения Ксенофонта дают все же возможность заключить, что основным жанром, в котором он творил, была история. Об этом говорит не только его монументальная «Греческая история» — историческая проза по традиции занимала выдающееся место в греческой литературе IV века до н. э. Она была тесно связана с политической жизнью, более, чем другие жанры, давала автору возможность увязать прошлое с настоящим, нарисовать картину широких межгосударственных связей, открыто высказать свои симпатии и антипатии. Усиливая элемент тенденциозности и вымысла, здесь легко можно было перейти от истории действительности, подтверждаемой документально, к истории вымышленной и приукрашенной. Вымысел мог и вовсе подавить историческое начало в подобного рода повествовании: так, вероятно, и родился жанр, в котором написана «Киропедия». Греческая историография, где субъективный

---

15 Athen. V, 220 b.

16 Посвященная проблемам творчества Антисфена работа (*F. Caizzi.* Antistene. — «Studi Urbinati di Storia, Filosofia e Letteratura». Urbino, Argalia, t. XXXVIII, 1964, p. 48 sqq.) оказалась нам недоступной.

17 «Упоминание восстания сатрапов дает нам в качестве terminus post quem... 362/361 год до н. э., что хорошо согласуется со всей тенденцией произведения», — пишет Г. Брайтенбах (*H. R. Breitenbach.* Xenophon. — *RE*, 2. Reihe, Bd. IX, 1967, Sp. 1742).

элемент выражен особенно четко, где художественное начало часто является определяющим (отсюда и речи действующих лиц, драматизированный характер рассказа, особая дань занимательности сюжета и т. п.), была благодарной почвой для рождения этого жанра. Грань между искусством и наукой в греческой (да позднее и в римской) историографии не была четкой.

Действие «Киропедии» разворачивается на Востоке, в Персии и Мидии. Интерес к Востоку в Афинах был традиционным. Он основывался на давних торговых связях и поездках путешественников на Восток (еще Солон ездил в Египет, побывали на Востоке Платон и многие другие). Политические связи Эллады и Персии были особенно тесными, персидский царь пристально следил за отношениями, складывавшимися между греческими государствами, и постоянно в них вмешивался. Греческие политические эмигранты начиная с Гиппия, Фемистокла и других находили в Персии убежище: в свою очередь, персидские изгнанники находили пристанище в Афинах (от одного из них, Зопира, сына Мегабиза, почерпнул, по всей видимости, много сведений Геродот — III, 160). Интерес самого Ксенофонта к Персии был вполне естественным по той причине, что он довольно долго общался с персидским царевичем Киром Младшим, и затем, после неудачи похода десяти тысяч, Ксенофонт руководил армией греков, отступавшей по территории Персии. Его сердцу военного человека особенно импонировало единоначалие персидских царей, их огромная ничем не ограниченная власть.

«Киропедия» начинается с рассказа о происхождении Кира, о системе воспитания детей, принятой у персов. Ребенком мать привозит его к деду, мидийскому царю Астиагу, и там он завоевывает всеобщую любовь мидян благодаря своим высоким душевным качествам, храбрости и красоте. В правление сына Астиага Киаксара ассирийцы решили завоевать Мидию, и Кир, выросший к тому времени, одерживает блестящие победы над ассирийской армией. В ходе войны Кир захватывает Сарды и Вавилон, который превращает в столицу своей мировой державы. Только после этого Кир возвращается к Киаксару. Царь Мидии вынужден признать, что его племянник Кир более достоин, чтобы быть царем, отдает Киру в жены свою дочь. После этого Кир подчиняет всю остальную Азию и приводит в порядок свое огромное государство (учреждает сатрапии, систему почтовых станций и пр.) и мирно умирает после многолетнего счастливого правления.

Нетрудно заметить, что характер заглавия («Воспитание Кира») соответствует только одной, правда, очень важной стороне идейного замысла «Киропедии»: залогом успеха царя и полководца является правильное воспитание (идея по характеру чисто спартанская). Для греческих мыслителей педагогика была частью политики, как справедливо отмечал в свое время Ф. Зелинский[18]. Воспитание должно было дать обществу совер-

[18] «Педагогические воззрения Платона и Аристотеля», под ред. Ф. Зелинского. Петроград, 1916 (Введение, стр. XIII).

шенного гражданина, и поэтому оно должно было постоянно находиться под контролем государства. Наиболее последовательным образом такой контроль осуществляется в Спарте, перед которой всю жизнь преклонялся Ксенофонт. Идеалы спартанского воспитания Ксенофонт переносит на Персию, одновременно показывая, как благотворно сказалось такое воспитание на примере Кира. Предпосылки, благодаря которым Кир смог стать идеальным полководцем и государем, были γενεά, происхождение, φύσις — природные данные, παιδεία — воспитание (I, I, 6). Нет сомнения, что эти принципы Ксенофонт усвоил из аристократической этики своего времени (особенно принцип происхождения), хотя совершенно ясно, что «природные данные» шире «происхождения» и включают последнее в свой состав [19]. Полученные Киром от природы задатки получили столь быстрое развитие, что уже мальчиком он получает оружие эфебов (I, III, 7). Кир вырастал идеально прекрасным, искренним и правдивым, отзывчивым, щедрым, отважным до самозабвения юношей. При этом он проявлял удивительную любовь к знанию (φιλομαθής — I, IV, 3) — но это знание такого рода, которое необходимо будущему полководцу. Главным критерием, определяющим достоинство человека, является его поведение в бою, и Кир еще юношей совершает подвиги, достойные зрелого мужа (совершенно отодвигая при этом на задний план своего дядю, будущего мидийского царя Киаксара).

Если сопоставить значение таких факторов, как природные данные и воспитание, то, согласно Ксенофонту, одних природных данных вполне достаточно для создания идеального воина. Это положение вытекает из рассказа о перевооружении персов и превращении их в гомотимов (II, I, 13; II, II, 1). Выступающий перед воинами перс Феравл, происходящий «из народа», но, тем не менее, являющийся любимцем Кира, в своей речи наглядно доказывает, что можно стать храбрым воином и не получив соответствующего воспитания. Здесь особенно заметно влияние учения Сократа, считавшего происхождение и природные данные определяющим фактором при воспитании гражданина.

Выше уже говорилось о том, что «Киропедия» по своим жанровым особенностям может быть названа романом (здесь, разумеется, имеется в виду не современный роман, а его античный предок, отличавшийся своеобразными, иногда очень далекими от современного романа чертами).

Проблема романа как жанра античной литературы принадлежит к числу тех, которые стали привлекать внимание ученых сравнительно недавно. Начало глубокому изучению литературных источников этого жанра положил Эрвин Роде в своем капитальном исследовании «Греческий роман и его предшественники», первое издание которого вышло в свет в 1876 г.

Но прежде чем кратко изложить основные выводы, к которым пришел Роде, и сопоставить его характеристику жанровых особенностей античного романа с «Киропедией», целесообразно перечислить произведения античной

---

[19] *S. Erasmus.* Der Gedanke der Entwicklung eines Menschen in Xenophons «Kyrupädie». Festschrift für F. Zucker. Berlin, 1954, S. 120.

литературы, обычно относимые к этому жанру. Перечень их содержится в статье академика И. И. Толстого «Повесть Харитона как особый литературный жанр античности»[20]. Это «Повесть о любви Херея и Каллирои» Харитона; «Эфесская повесть» (или «Повесть о «Габрокоме и Антии») Ксенофонта Эфесского; «Левкиппа и Клитофонт» Ахилла Татия; «Эфиопская повесть» Гелиодора; «Дафнис и Хлоя» Лонга; «Лукий или осел» Псевдолукиана; «Золотой осел» Апулея; «Сатирикон» Петрония. К перечисленным можно еще присоединить «Вавилонскую повесть» Ямвлиха, излагавшую историю удивительных приключений влюбленной пары, Синониды и Родана (повесть эта сохранилась лишь в кратком эксцерпте Фотия). Значительно отличается от названных «История Александра Македонского», перегруженная фольклорными деталями и ошибочно приписанная в древности историографу Александра Каллисфену (поэтому автора повести обычно называют Псевдокаллисфеном).

Жанр, который мы условно называем античным романом, имеет глубокие генетические связи с предшествовавшими жанрами греческой литературы[21]. Об этом говорит и сам «книжный» характер античного романа с его многочисленными реминисценциями из литературных произведений (хотя в нем можно встретить и мощные фольклорные пласты). В исследовании Эрвина Роде «материнскими» жанрами для греческого романа выступают эротическая литература эллинизма и фантастические повествования на этнографические темы. Пройдя через ораторские школы II в. н. э. (периода расцвета так называемой второй софистики), они дали жизнь интересующему нас здесь жанру. Соответственно этому три части исследования Роде посвящены эротическим повествованиям эллинистических поэтов, этнографическим утопиям и греческой софистике римской императорской эпохи.

Из схемы Роде выпадает греческая новелла, оставленная им в стороне совершенно сознательно. К ней он собирался вернуться позднее, но приложенная к последнему изданию его книги статья «О греческой новеллистике и ее связях с Востоком» не восполняет пробела[22]. Между тем современники Роде, как, например, В. Крист, безоговорочно причисляли новеллы Аристида Милетского к предшественникам античного романа[23]. Осталась вне поля зрения Роде и «Киропедия», хотя из трех предшественников античного романа, указанных Роде, она довольно близка к так называемой «этнографической утопии».

К сожалению, исследование античного романа упирается подчас в непреодолимые трудности. Из всей длинной цепи развития выпали самые су-

[20] *Харитон.* Повесть о любви Херея и Каллирои («Литературные памятники»). М.—Л., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 158.

[21] Вряд ли можно согласиться с Б. Перри, который писал в своей книге, что новые литературные формы свободно создавались античными авторами с позитивной художественной целью (см. *B. Perry.* The Ancient Romances. Berkeley and Los Angeles, 1967, p. 8; *Н. А. Позднякова.* Новый взгляд на историю античного романа. — *ВДИ*, 1974, № 4, стр. 150).

[22] *E. Rohde.* Указ. соч., стр. XVII. См. также стр. 578 сл.

[23] *W. Christ.* Geschichte der griechischen Litteratur. Nördlingen, 1889, S. 602.

щественные звенья: до нас не сохранились образцы эллинистического романа, которые могли бы значительно облегчить наше понимание генезиса этого жанра. Все же мы имеем право утверждать, что «Киропедию» сближает с античным романом ее характер рассказа о жизни героя, изложенного «свободной» речью, наличие целой цепи эпизодов, претендующих на историческую достоверность, но в действительности вымышленных (служащих для раскрытия авторской идеи), многочисленные речи и диалоги, драматизирующие повествование. Сближает «Киропедию» с дошедшими до нас античными романами своеобразный исторический фон, способствующий большей правдоподобности рассказываемого. Этот исторический фон характерен, например, для романа Харитона, где выведен действительно живший в конце V в. до н. э. политический деятель Сиракуз Гермократ (упоминаемый, например, в «Греческой истории» Ксенофонта). С определенными оговорками можно утверждать, «что почти все известные нам первые греческие романы так или иначе связаны с исторической темой, хотя сюжет их... мало отражает действительность» [24].

Из особенностей, свойственных современному роману, его античный предшественник обладал широтой охвата действительности. Но если в современном романе эта широта обусловлена развивающимся вглубь психологическим анализом характеров, то в античном романе эта широта есть только широта рассеяния, результат нагромождения чисто внешних событий. Не обладая глубиной изображения человеческих типов, античный роман стремился заинтересовать читателя различными чужеродными вставками, занимательными новеллами, зачастую искусственно введенными в главную сюжетную линию. Вместо художественно значительного, как отмечает Роде, авторы античного романа прибегали к эффекту необычности и занимательности приключений [25].

Вставки типа новеллы встречаются в «Киропедии». Такова история ассирийского вельможи Гобрия, рассказанная им самим (IV, VI). Ее можно назвать «новеллой об охотничьей зависти». Единственный сын Гобрия гибнет от руки ассирийского царя, возненавидевшего его только за то, что сын Гобрия оказался более ловким и удачливым охотником, чем он сам. Необузданность страстей и свирепость восточного владыки заставляют вспомнить рассказанную Геродотом новеллу о Ксерксе и Артаинте (IX, 108).

Совсем уже близка топике античного романа новелла об Абрадате и Панфее, начало которой мы находим в IV книге «Киропедии», продолжение — в V и VI, а конец — в VII книге [26]. Панфея, прекрасная сузианка, жена ассирийского вельможи Абрадата, оказалась пленницей Кира. Она предложила своему новому властелину привлечь Абрадата с его войском на сторону Кира. Это ей удалось. Провожая мужа в бой, любящая его до са-

---

[24] *Т. И. Кузнецова.* Историческая тема в греческом романе. — Сб. «Античный роман», под ред. М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1969, стр. 186.

[25] *E. Rohde.* Указ. соч., стр. 182.

[26] Новелла распадается на ряд отдельных эпизодов: IV, VI, 11 до V, I, 18; VI, I, 31—49; VI, III, 35—VI, IV, 11; VII, I, 29—32; VII, III, 2—16.

мозабвения, Панфея заказала для Абрадата роскошный доспех, отдав для него все свои драгоценности. В речи, обращенной к мужу, она клянется их супружеской любовью, что готова сойти в могилу, только бы он, ее супруг, оказался храбрым воином на поле брани. Когда же Абрадат погиб, Панфея покончила с собой, заколовшись у тела своего мужа.

В этой истории чистой супружеской любви, где на первый план выступает гражданственное начало (в отличие от проникнутых эротикой любовных сюжетов эллинистической эпохи), Панфея, сохранившая и в плену у Кира верность своему супругу, предстает истинной спартанкой. Воинской славой своего мужа она дорожит больше, чем собственной жизнью. Ее мужественный поступок, героизм ее любви могли быть сюжетом местной спартанской новеллы, перенесенной автором «Киропедии» на восточную почву. Этико-психологический настрой новеллы полностью соответствует идеалам автора, всю жизнь преклонявшегося перед спартанским образом жизни.

Новеллистический элемент во всем произведении Ксенофонта преследует в первую очередь морализирующе-поучительные цели. Кир проявляет свою высокую нравственность (σωφροσύνη) и воздержанность (ἐγκράτεια) тем, что избегает встречи с прекрасной пленницей. Новелла о Панфее и Абрадате искусно переплетена с другим рассказом — о любви к Панфее приближенного Кира, Араспа, которому было поручено стеречь прекрасную сузианку (IV, VI). Арасп поклялся, что не влюбится в Панфею, но любовь оказалась сильнее его [27].

Наряду с новеллами, мы встречаем в «Киропедии» рассказы, которые можно было бы назвать «солдатскими анекдотами». Этот жанр народного прозаического рассказа должен был получить особое развитие в среде наемников, с которой связал свою жизнь Ксенофонт. Он был не первым, кто почерпнул из этого источника материал для своего произведения. Еще отец истории Геродот находил здесь занимательный материал, общаясь с потомками греческих наемников, живших в Египте. Фривольная история о дочери египетского фараона, которая отдавалась в публичном доме всем желающим и получала в качестве «сверхгонорара» огромные камни (из которых затем была сложена маленькая пирамида на поле пирамид — см. Геродот, II, 126), представляет собой, скорее всего, такой солдатский анекдот, возникший в среде служивших в Египте греческих наемников.

Во II книге «Киропедии» гости, собравшиеся в палатку Кира (это были командиры, которых Кир время от времени приглашал к себе на обед), ведут «светские» разговоры, имевшие целью, как и все остальное, что затевал Кир, воспитать образцовых солдат. Один из офицеров, таксиарх Гистасп, рассказал анекдот о том, как за обедом один из солдат был

[27] Как подчеркивает С. Тренкнер (*S. Trenkner*. The Greek Novella in the classical period. Cambridge, 1958, p. 26) рассказ о любви Араспа к Панфее является одной из самых ранних рационалистических версий широко распространенного среди греков представления, что Афродита мстит всем, пренебрегающим ею (ср. мифы об Ипполите, Дафне, Аретузе, Аталанте и др.).

наказан за свою жадность. За ним другой офицер сообщает забавный анекдот о непонятливом новобранце. Эти рассказы, вполне соответствующие уровню и интересам слушателей, вызывают смех у всех, за исключением таксиарха Аглаитада, угрюмого и желчного офицера. Немедленно начинаются шутки и в его адрес — шутки, от которых несет спартанской казармой...

Вопросы обучения воинов, стратегии и тактики занимают в «Киропедии» особенно большое место. В том, что они анализируются до тонкостей и с большим знанием дела, нет ничего удивительного — Ксенофонт, выражаясь современным языком, был «кадровым офицером», и военному делу посвятил значительную часть своей жизни. Способы обучения войск рукопашному бою, построениям во время марша, охрана лагеря, боевые охранения, военные хитрости — обо всем этом ведется речь на многих страницах романа, и античный полководец мог почерпнуть для себя немало полезного из сообщаемых автором сведений[28]. Взаимоотношения командира и солдат рассматриваются с таким глубоким знанием чисто психологического аспекта, что наблюдения автора могли бы быть полезными даже для современного офицера (особенно то, что говорится о личном примере командира в VI главе I книги).

Картина наступления гоплитов, нарисованная в конце III книги «Киропедии», является необыкновенно впечатляющей: автор описывает ее с подлинным вдохновением. Конечно, здесь описана атака спартанской фаланги: воины наступают в строгом соответствии со спартанским боевым уставом, запев военный гимн (пэан), обращаясь друг к другу с ободряющими восклицаниями и обмениваясь паролем, переходящим по рядам. В том воодушевлении, с которым Ксенофонт описывает эту атаку, чувствуется душа «военного человека».

Теория и практика военного дела занимает автора повсюду (особенно до пятой главы VII книги). Более того, в конце I книги «Киропедии» (I, VI, 12 слл.) мы находим настоящее наставление по военному делу, и даже можем выделить в нем отдельные главы, где вводные фразы служат заголовками[29]. Это наставление изложено в форме беседы, происходящей между Киром и его отцом Камбисом, в которой затронуты следующие вопросы: снабжение войска, забота о здоровье воинов, искусства, необходимые в военном деле, умение воодушевлять войска, воспитание воинской дисциплины, построение войска перед сражением, искусство вождения войск днем и ночью по различным дорогам, разбивка лагеря, боевое охранение и караульная служба, тактика наступления и отступления, осада крепостей, форсирование рек, защита от вражеской конницы, лучников и т. п.

---

[28] Отсюда понятен тот интерес, который питали к этому произведению римские политические деятели, — ср. известие о том, что «Киропедия» была любимой книгой Сципиона Младшего (Cic., Ad Quint. fr. I, 1, 23); Цицерон сам особенно любил это произведение Ксенофонта (Ad fam., IX, 25, 1).

[29] *H. R. Breitenbach.* Указ. соч., стр. 1722.

Диалогическая форма изложения основ военной тактики все время напоминает нам, что мы имеем дело с учеником Сократа. Но очень часто морально-философские и политические воззрения автора и его героев изложены в форме монологов.

Кир выступает в «Киропедии» со множеством речей, произносимых по различным поводам, а иногда и без всякого повода, и речи эти утомляют современного читателя. В древности, однако, дело обстояло иначе. Время расцвета творчества Ксенофонта, как уже отмечалось выше, совпадает с веком расцвета аттического красноречия. В это время творят наиболее выдающиеся аттические ораторы. Искусные, изощренно-витиеватые речи Кира построены по всем правилам риторики, длинные периоды, состоящие из систем нанизанных сложных предложений, проникнуты внутренним ритмом и изящно закруглены, само звучание их рассчитано на тонкий и взыскательный вкус ценителей изящного слова (не случайно Ксенофонт получил в древности имя «аттической музы» или «аттической пчелы», как говорится в словаре Суды). Ни в одном другом произведении Ксенофонта мы не найдем таких распространенных и многоречивых систем периодов, как в «Киропедии». Искусно построены и речи сподвижников Кира, часто служащие только фоном, отражающим выдающуюся индивидуальность и величие их вождя[30].

Особенно характерно введение «Киропедии», в котором автор выражает свое восхищение личностью Кира. Энкомиастический, хвалебный тон его имеет яркую риторическую окраску. Уже первые строки «Киропедии» («...какое множество демократий было ниспровергнуто... какое множество монархий и олигархий пали... как много лиц, домогавшихся тиранической власти, очень быстро ее лишились...») содержат характерное мерное повторение одного и того же слова в начале сходных по ритмике и синтаксической структуре словосочетаний (теоретики ораторской прозы называли этот прием *анафора*). Часто встречается *эпанастрофэ* — повторение слов, заканчивающих одно предложение, в начале другого; *парономасия* — игра сходно звучащих, но имеющих различные значения слов: *гомойотелевта* — мерно повторяющиеся слова с одинаковыми окончаниями; *гомойоптота* — повторяющиеся слова, стоящие в одном и том же падеже и т. п. Эти риторические фигуры соединяются в одном или нескольких периодах, например:

...стадо отправляется в путь туда,
куда его ведут,
пасется там,
куда его пригонят,
не идет туда,
куда его не пускают...
(I, I, 2)

---

[30] *J. Bigalke*. Der Einfluß der Rhetorik auf Xenophons Stil. Diss, Postberg, 1933, S. 32.

Здесь несомненно проявилось влияние риторической школы Исократа на стиль «Киропедии» [31].

Риторическими фигурами украшены и диалоги — ср. I, VI, 2—46; III, I, 15—30; III, III, 49—55; V, I, 7—17; VIII, III, 36—47 и др.

Диалогов и монологов в «Киропедии» намного больше, чем действия, и это сильно отличает ее от более позднего античного романа (и приближает к жанру «сократического диалога», о котором говорилось выше). Но, как справедливо отмечает Шварц [32], риторические рассуждения, которыми так густо оснащена «Киропедия», могут оказаться интересными и даже увлекательными, если последовательно восстанавливать точки соприкосновения авторской мысли с его личным жизненным опытом.

Тесную связь «Киропедии» с жанром сократического диалога можно легко проиллюстрировать, сравнив диалоги «Киропедии» с диалогами Платона.

В первой главе III книги Кир, захватив в плен армянского царя (бывшего данником Мидии, но отказавшегося выполнять взятые на себя обязательства), заставляет его держать ответ в присутствии всего войска, а также семьи армянского царя и знатных армян. Искусно поставленными альтернативными вопросами (предполагающими однозначный ответ) Кир заставляет армянского царя признать, что, он, царь, вполне заслужил, чтобы ему был вынесен смертный приговор;

Кир. Если у тебя какое-либо должностное лицо совершит преступление, ты оставишь его на занимаемой должности или же поставишь вместо него другого?

Царь. Поставлю другого.

Кир. А если у него окажется много денег, ты оставишь ему его богатство, или же сделаешь его бедняком?

Царь. Разумеется, отниму все, что у него окажется.

Кир. А если ты узнаешь, что он перешел на сторону врага, как ты поступишь в этом случае?

Царь. Казню его. Чем умирать, будучи изобличенным во лжи, я лучше умру, говоря правду.

Сравним этот диалог с разговором, происходящим между Сократом и Федром в одноименном произведении Платона (это тем более уместно, что у Платона здесь идет речь о сущности суда и судебного процесса вообще):

Сократ. Скажи мне, что делают на суде тяжущиеся стороны? Не спорят ли они, или назвать это как-нибудь иначе?

Федр. Нет, именно так.

Сократ. Спорят о том, что справедливо и что несправедливо?

Федр. Да.

---

31 *J. Bigalke.* Указ. соч., стр. 34.
32 Указ. соч., стр. 62.

Сократ. И тот, кто делает это искусно, сумеет представить одно и то же дело одним и тем же слушателям то справедливым, то, если захочет, несправедливым?

Федр. И что же?

Сократ. Да и в народном собрании одно и то же покажется гражданам иногда хорошим, а иногда наоборот.

Федр. Это так[33].

Сущность сократовского понимания суда, изложенная здесь, становится совершенно ясной из сцены суда над армянским царем в «Киропедии» (она находит подтверждение и в цитированном месте платоновского диалога). В то время как Кир заставляет армянского царя признать, что он, царь, заслужил смертную казнь, сын армянского царя Тигран при помощи ряда софистических доводов убеждает Кира, что тому выгоднее оставить царя в живых и даже сохранить ему царский престол. Здесь мы находим живую иллюстрацию к ходячему обвинению в адрес софистов, которые могут «кривую речь сделать правой» и наоборот.

Как предположил Эд. Шварц[34], Ксенофонт в «Киропедии» изобразил своего учителя Сократа. Армянский принц Тигран, выступающий в романе в качестве человека, принадлежащего к окружению Кира, рассказал ему историю о своем учителе, которого он, Тигран, некогда полюбил за его человечность и мудрость. Но отец Тиграна повелел казнить этого учителя, сумевшего сделать так, что Тигран полюбил его больше, чем родного отца. Перед смертью мудрец просил Тиграна не гневаться на своего отца из-за несправедливо вынесенного приговора, ибо царь сделал это по неведению. Услышав этот рассказ, Кир посоветовал Тиграну простить своего отца, совершившего свойственную людям ошибку.

Возникает соблазнительная гипотеза, что в образе мудреца, учившего Тиграна, Ксенофонт изобразил Сократа. В армянском царе в данном случае автор дал персонифицированный образ афинского демоса, казнившего Сократа из-за непонимания истинной сути его учения.

Действующие лица «Киропедии» обрисованы в общем довольно схематично, без углубленных психологических характеристик, поэтому они несколько бледны[35]. Перед нами выступают не живые люди, а носители определенных идей: отсюда та риторичность и известная сухость, которые отличают это произведение Ксенофонта. Эпизоды, в которых эти действующие лица выступают, и ситуации, в которых они высказывают свои убеждения и взгляды, в ряде случаев лишены пространственных и временных характеристик: обстановка повторяется иногда до мельчайших деталей (это или войсковой круг, или палатка военачальника, или совещание полководцев). Герои «Киропедии» больше рассуждают, нежели действуют. Но наряду с этим мы встречаем в «Киропедии» сцены, выгодно

---

[33] *Платон*. Федр, 261 е (*Перев. А. Н. Егунова*).

[34] Указ. соч., стр. 69—70.

[35] «Он не старается придать речам говорящих у него лиц соответствующий колорит», — справедливо замечает С. И. Соболевский (Указ. соч., стр. XXIV).

отличающиеся в художественном отношении. Так, в описании поведения мальчика Кира на обеде у своего деда, мидийского царя Астиага, великолепно переданы черты детской непосредственности и живости, отличающие тогда Кира.

В соответствии с указанными выше художественными особенностями «Киропедии», центральный образ романа, завоеватель Кир, представлен как воплощение абстрактной идеи. Лишенный человеческих слабостей и недостатков, он — благородный царь и полководец, отец и воспитатель своих воинов, устроитель громадной мировой империи. Хотя в начале романа Кир и его воины поступают на службу к мидийскому царю Киаксару в качестве наемных воинов, это обстоятельство нисколько не умаляет его достоинств в глазах автора. Вспомним, что и земной прототип Кира, спартанский царь Агесилай (которым Ксенофонт всю жизнь восхищался и дружбой с которым необыкновенно гордился) служил за деньги персидскому сатрапу Ариобарзану, поднявшему восстание против своего царя[36], а затем египетскому фараону Таху[37]. Ксенофонт даже склонен считать это обстоятельство особой заслугой своего кумира: «Он совершил поистине удивительные деяния: и те, кто считал себя обязанными ему, и те, кто были вынуждены бежать от его воинов, — все давали ему деньги»[38].

Кроме Агесилая, перед глазами Ксенофонта, создававшего в лице Кира идеальный образ царя и полководца, постоянно был и хорошо знакомый ему Кир Младший, в войске которого он служил. Характер Кира Младшего, описанный в «Анабасисе» (I, 9), во многом напоминает нам героя «Киропедии».

Фигура идеального героя романа контрастно оттенена образами Астиага, Киаксара, Креза — властителей, далеко не обладающих теми качествами, которые автор считает совершенно необходимыми для великого полководца и царя. Они ведут роскошный, изнеживающий тела и души образ жизни, не проявляют мужества в бою, невоздержаны и вспыльчивы и т. д. Поэтому все они должны сойти с арены политической деятельности, уступив место Киру.

Хотя исторического в «Киропедии», как давно замечено и античными и современными критиками, очень мало, иллюзия историчности в ней сохраняется. Жизнь и быт персов напоминает нам жизнь и быт спартанцев; напротив, то, что действительно было свойственно, например, персидскому войсковому строю, стратегии и тактике, — приписано автором ассирийцам.

«Киропедия» знаменует собой значительный шаг вперед в развитии искусства повествовательного жанра, самой техники литературного мастерства. Повествовательный прием, который заключается в том, что сообщаемое автором выдается за услышанное от третьих лиц, применял еще Геродот. Но отец истории, употребляя оборот «говорят», действительно отсылал к источнику, из которого черпал информацию; напротив, в «Киро-

---

[36] *Ксенофонт.* Агесилай, 7, 2.
[37] *Плутарх.* Агесилай, 36.
[38] Агесилай, 2, 27.

педии» обороты «рассказывают», «повествуют» — не более чем литературный прием, создающий впечатление объективности изложения. Этому приему была суждена долгая и плодотворная жизнь (к нему Ксенофонт приходил постепенно — уже в «Анабасисе» он говорит о себе в третьем лице, и впоследствии к этому же приему прибегнул Гай Юлий Цезарь в своих «Комментариях о галльской войне»). В «Киропедии» Ксенофонт оставил нам один из первых опытов создания литературного прозаического произведения с единым героем в центре, род историко-биографического и философского романа с ярко выраженной политической тенденцией, выражающейся в прославлении монархии. Роман излагает жизнь и деяния героя от детских лет до кончины и заключает в себе значительное идейное богатство, отражающее думы и чаяния определенных социальных групп в Греции эпохи Ксенофонта. У римлян, а позднее и в Византии «Киропедия» пользовалась большой популярностью. Она послужила образцом для появившихся в Европе XVII—XVIII вв. философских романов.

* * *

В заключение кратко остановимся на судьбе «Киропедии» в России.

В 1759 г. в Санкт-Петербурге вышла книга «Ксенофонта философа и полководца славного история о старшем Кире, основателе персидской монархии, с латинского на российский язык переведена при Императорской Академии Наук». «Киропедия» была издана большим по тем временам тиражом в 1325 экземпляров. Вторым изданием эта же книга вышла в 1788 г.[39]

Интерес к этому произведению Ксенофонта, проявленный в России XVIII в., был не случайным. Просвещенный абсолютизм искал своих предшественников среди прославленных героев древности, и основателя древней персидской империи легко можно было выдать за просвещенного монарха, пекущегося о благе государства и управляемого им народа. Имя первого переводчика «Киропедии» в России осталось неизвестным[40]. Сравнение с оригиналом, однако, позволяет установить, что перевод был выполнен с большой точностью и отличным для того времени слогом, в котором, несмотря на то, что этот перевод был сделан не с греческого оригинала, заметно даже стремление автора передать ритмику ксенофонтовской фразы. Ср., например, конец I книги: «Но боги бессмертные, любезный сын мой! Не токмо все прошедшее и настоящее, но и какое каждой вещи имеет быть окончание, ведают, и предвозвещают вопрошающим, до кого милостивы, что предпринимать надлежит, и чего не должно. А тому удивляться не надобно, что они не всем судьбы свои открывают: ибо ни-

---

[39] Перевод отражен в известном «Опыте российской библиографии» В. Сопикова, ч. III. СПб., 1815, стр. 333 (№№ 5826, 5827).

[40] *П. Н. Черняев.* Следы знакомства русского общества с древнеклассической литературой в век Екатерины II. — «Филологические записки», вып. III—IV, Воронеж, 1905, стр. 173.

чем их принудить не можно, чтобы они попечение имели о таких, кои неугодны им»[41].

«Киропедия» была не единственным произведением Ксенофонта, переведенным в XVIII в. Мнившая себя просвещенной государыней, Екатерина II «милостиво позволила» посвятить ей «Меморабилии» Ксенофонта, переведенные Григорием Полетикою[42].

К концу XIX—началу XX в. наиболее распространенный в России перевод «Киропедии» принадлежал Г. А. Янчевецкому. В 1876—1880 гг. упомянутый автор выпустил в свет переведенные им сочинения Ксенофонта в пяти частях (III часть, вышедшая в свет в 1878 г., заключала в себе «Киропедию»). Второе издание «Киропедии» в переводе Г. А. Янчевецкого вышло в свет в 1882 г. в Санкт-Петербурге. Хотя перевод Г. А. Янчевецкого нельзя признать вполне удовлетворительным[43], тем не менее он продолжал долгое время цитироваться в различного рода хрестоматиях, тематических сборниках и других пособиях[44].

Интерес к произведениям Ксенофонта продолжал оставаться живым в нашей стране и после Великой Октябрьской социалистической революции. Об этом свидетельствуют как перевод «Сократических сочинений» Ксенофонта, выполненный академиком С. И. Соболевским (цит. выше), так и вышедшая в свет в 1935 г. «Греческая история»[45]. Автор вступительной статьи, перечисляя произведения Ксенофонта, дал оценку и «Киропедии», справедливо отнеся ее к жанру исторического романа («История для Ксенофонта только фон, которым автор распоряжается по собственному усмотрению»[46]. Высказывание С. Лурье об использовании Ксенофонтом исторического материала в «Киропедии» отражает общепринятую в научной литературе точку зрения.

---

[41] Текст перевода «Киропедии» цитируется в современной орфографии.

[42] «Ксенофонта о достопамятных делах и разговорах Сократовых четыре книги и оправдание Сократово перед судьями, переведенные с Греческого языка надворным советником Григорием Полетикою». В Санкт-Петербурге при Императорской Академии Наук, 1762.

[43] *С. Соболевский.* Рецензия на сочинения Ксенофонта в пяти частях, перев. с греческого Г. А. Янчевецкого, часть IV. «История Греции», изд. 2-е, исправленное, Ревель, 1896. — «Филологическое обозрение», т. XIII, 1897, стр. 37 слл.

[44] Ср., например, *В. А. Глебовский.* Древние педагогические писатели, СПб., 1903, стр. 25—39; *Н. Ф. Дератани.* Хрестоматия по античной литературе. т. I. М., Учпедгиз, 1939, стр. 412; слл.; *Н. Ф. Дератани, Н. А. Тимофеева.* Хрестоматия по античной литературе, т. I; «Греческая литература», изд. 7. М., «Просвещение», 1965, стр. 449 слл.

[45] *Ксенофонт.* Греческая история. Перевод, вступительная статья и комментарий С. Лурье. Л., Соцэкгиз, 1935.

[46] *С. Я. Лурье.* Ксенофонт и его «Греческая история». Указ. соч., стр. XIV.

ПРИМЕЧАНИЯ

КИРОПЕДИЯ

Текст «Киропедии» сохранился в ряде средневековых рукописей, среди которых по сходству признаков выделяются три группы, или три «семьи»:

группа *x*, в которую входят рукописи *C* (Codex Parisinus 1640, XIV в.) и *E* (Codex Etonensis, XV в.);

группа *y*, в которую входят рукописи *F* (Codex Erlangensis, XV в.) и *D* (Codex Bodleianus [lib. Canon., 39], XV в.),

и

группа *z*, в которую входят рукописи *A* (Codex Parisinus 1635, XIV в.), *G* (Codex Guelferbytanus 71, 19, XV в.) и *H* (Codex Escorialensis T III 14, XII в.).

Несколько особняком стоят рукописи *R* (Codex Bremensis, XV в.) и *V* (Codex Vaticanus 1335, XV в.).

Следы древнейшей рукописной традиции обнаруживаются, по мнению В. Гемолля, в рукописях групп *y* и *x*, по мнению работавших позднее А. В. Перссона и Г. Эрбсе, — в рукописях групп *y* и *z*, причем по единодушной оценке чтения группы *y* должны заслуживать большего предпочтения.

Настоящий перевод выполнен с древнегреческого по тексту в новейшем издании: Xenophontis Institutio Cyri. Edidit W. Gemoll Editionem correctiorem curavit J. Peters. Lipsiae, 1968.

При работе над переводом и при составлении комментария были также использованы следующие издания: Xenophontis de Cyri disciplina libri VIII. Ex librorum scriptorum fide et virorum doctorum coniecturis recensuit et interpretatus est I. G. Schneider. Editio nova auctior et emendatior (Xenophontis quae extant, t. V). Lipsiae, 1815; Xenophontis Cyropaedia. Recensuit et commentariis in usum scholarum instruxit F. A. Bornemann (Xenophontis opera omnia recensita et commentariis instructa, Vol. I). Gothae, 1838; Xenophons Cyropädie. Erklärt von F. K. Hertlein: Bd. I (Buch I—IV), 4. Aufl., besorgt von W. Nitsche, Berlin, 1886; Bd. II (Buch V—VIII), 3. Aufl. Berlin, 1876; Xenophontis Institutio Cyri. Recognovit brevique adnotatione critica instruxit E. C. Marchant (Xenophontis opera omnia, t. IV). Oxonii, 1910.

Кроме того, для сравнения привлекались прежние переводы «Киропедии» в изданиях: Xenophontis scripta quae supersunt. Graece et Latine. Parisiis, editore A. F. Didot, 1838; Oeuvres complètes de Xénophon. Traductions ‹...›, revues et corrigées ‹...› par H. Trianon, t. II. Paris, 1853; Сочинения Ксенофонта в пяти частях. Перевел с греческого Г. А. Янчевецкий, ч. III («Киропедия»), изд. 2-е. СПб., 1882.

Книга I

1 *...как много лиц, домогавшихся тиранической власти, очень быстро ее утратили...* — Особенностью греческой тирании было то обстоятельство, что она очень редко переживала второе поколение правителей. У Геродота (V, 92) Пифия — вещая жрица в храме Аполлона Дельфийского — предрекает коринфскому тирану Кипселу: «Счастлив <...> Кипсел; царь славного града Коринфа будет <...> он сам и дети его, но не внуки» (здесь и ниже перевод Г. А. Стратановского: *Геродот.* История. — «Памятники исторической мысли». Л., «Наука», 1972).

2 *...встав во главе добровольно подчинившихся ему мидян...* — Добровольное подчинение мидян персам является вымыслом Ксенофонта. Геродот, хорошо осведомленный в персидской истории, сообщает о завоевании Мидии персидскими войсками под командованием Кира (I, 107—130). В самом начале своего царствования Кир находился в зависимости от мидийского царя Астиага, но затем восстал против него и завоевал Мидию в 550 г. до н. э., взяв в плен самого Астиага, как об этом сообщают не только античные, но и современные событию вавилонские источники (они же указывают дату). См.: *Б. А. Тураев.* История древнего Востока, изд. 2-е, т. II. Л., 1936, стр. 110 слл.; *И. М. Дьяконов.* История Мидии. М.—Л., 1956, стр. 413—424; *М. А. Дандамаев.* Иран при первых Ахеменидах. М., 1963, стр. 105.

3 *...покорил... египтян.* — Перечень народов, подчиненных Киром, не во всем соответствует исторической действительности. Античным авторам, например, было хорошо известно, что Египет покорил не Кир, а его сын Камбис. Это лишний раз свидетельствует о том, как мало считался Ксенофонт с историческими фактами в своем романе. «Независимые царства, фигурирующие на страницах «Киропедии», — это по большей части перенесенные в прошлое персидские сатрапии (известные Ксенофонту частью по личному опыту, а частью из тех же его обычных источников)», — пишет И. М. Дьяконов (Указ. соч., стр. 32).

4 *...отцом Кира был Камбис, царь персов.* — То, что отцом Кира был Камбис, а матерью дочь Астиага Мандана, подтверждается данными других источников, например, Геродота (I, 107) и клинописного манифеста самого Кира (см. *М. А. Дандамаев.* Указ. соч., стр. 102).

5 *...получили свое имя от Персея.* — Происхождение персов от Персея, героя греческих мифов, где он фигурирует как сын Зевса и Данаи, было общепринятым у греков этиологическим мифом (ср. рассказ Геродота, VII, 61). Согласно афинскому писателю II в. до н. э. Аполлодору («Мифологическая библиотека», II, 4, 5), сыном Персея был Перс, от которого и пошел род персидских царей.

6 *Купцам с их товарами туда нет доступа: для них отведено другое место.* — Этому сообщению Ксенофонта противоречит утверждение Геродота, согласно которому у персов нет базарной торговли (I, 153).

7 *Эфебы* — буквально «возмужалые», обычное обозначение у греков юношей старшего возраста (от 16—18 лет).

8 *Первая... вторая... третья... четвертая...* — Деление персов на возрастные группы, описанное здесь (как, впрочем, и многие другие особенности быта персов в изображении нашего автора), копирует общественные институты и быт Спарты.

9 *...разделены на двенадцать племен.* — Деление древних персов на 12 племен близко, по-видимому, к действительно существовавшему в древности положению вещей. Во всяком случае Геродот (I, 125) также перечисляет 10 племен персов: это — персы, пасаргады, марафии, маспии, панфиалеи, дерусиеи, германии, даи, марды, дропики. См., также: *М. А. Дандамаев.* Указ. соч., стр. 104 сл.

10 *Есть предводители и у пожилых людей...* — Полезно сравнить описание возрастных групп у персов в изображении Ксенофонта с соответствующим делением граждан в Спарте. Спартанские мальчики в возрасте от 7 до 18 лет относились к возрастной группе детей, затем они переходили в группу меллиренов (от 18 до 20 лет), после чего становились иренами (от 20 до 30 лет) и, наконец, по достижении 30-летнего возраста — взрослыми мужами. Воспитание в Спарте, одинаковое для всех

граждан, было всецело компетенцией государства, и цель его состояла в том, чтобы вырастить физически сильных, дисциплинированных и храбрых воинов. Такое воспитание было необходимым условием получения гражданских прав.

11 ...*бесстыдство... является величайшим пороком...* — Ср. *Ксенофонт*. Лакедемонская полития (3, 4); «Кроме того, желая приучить молодежь к скромности, Ликург предписал, чтобы юноши на улице держали руки под гиматием и ходили молча, не оглядываясь, глядя себе под ноги. Этот обычай показал, что и в отношении скромности мужской пол также превосходит женский» (здесь и ниже, где особо не оговорено, перевод М. Н. Ботвинника).

12 ...*во всем этом они состязаются друг с другом.* — Духом состязаний было проникнуто все греческое воспитание.

13 ...*как это мы видим на картинах, изображающих персов...* — Персы были изображены на картине в так называемом Пестром портике (галерее) в Афинах. Картина была посвящена Марафонскому сражению, где греки одолели персов (490 г. до н. э.).

14 *Старейшие эти никогда не отправляются на войну за пределы своей страны...* — «Персы» Эсхила начинаются с хоровой песни персидских старейшин; они поют о том, что отправившийся в поход против греков царь Ксеркс оставил государство на их попечение. Здесь, по-видимому, нашло отражение действительное положение вещей, о котором говорится и у Ксенофонта.

15 ...*в группу старейших попадают те люди, которые на протяжении всей своей жизни зарекомендовали себя с самой лучшей стороны.* — В подлиннике διὰ πάντων τῶν καλῶν ἐληλυότες καθισταντaι.

Словом τὰ καλά в Спарте обозначались и почетные права, и обязанности полноправного гражданина Спарты. Термин этот Ксенофонт переносит и на персидские порядки.

16 ...*у персов считается неприличным плевать...* — Подобные обычаи засвидетельствованы Геродотом и для мидян (I, 99).

17 *Постыдным считается...* — Ср. Геродот, I, 133: «В присутствии других людей у них (т. е. у персов. — *В. Б.*) не принято извергать пищу и мочиться».

18 *Хитон* — у греков основной вид одежды, нечто вроде длинной рубашки без рукавов, поверх которой обычно надевался плащ, длинный — гиматий — или короткий — хламида.

19 *Кандий* — у персов вид кафтана с длинными рукавами.

20 ...*тогда как на родине персов... одежда намного скромнее...* — о том, что одежда мидян была красивее персидской одежды, пишет и Геродот (I, 135).

21 ...*и теперь у меня есть такое оружие.* — Речь идет об особом виде метательного копья (παλτόν), которое получали только юноши. Кир был еще мальчиком, и ему не полагалось такого оружия.

22 *Фиала* — широкая плоская чаша для питья.

23 *Киаф* — черпак с ручкой для разливания вина.

24 *Кратер* — большой сосуд для смешивания вина с водой.

25 ...*не допуская к тебе.* — Геродот, описывая порядки, установленные в Мидии, упоминает и о том, что никто из мидян не имел права непосредственного доступа к царю, но все были обязаны обращаться к нему только через его слуг (I, 99).

26 ...*в моем парке...* — Ниже Ксенофонт будет еще упоминать об охотничьих парках самого Кира (VIII, I, 38) и его сатрапов (VIII, VI, 12). Ср. также сообщения о таких парках в других сочинениях Ксенофонта — в «Анабасисе», I, 2, 7 (описание охотничьего парка Кира Младшего в Келенах, во Фригии), и в «Экономике», 4, 13—14 (общее упоминание) и 20—25 (описание другого парка Кира Младшего в Сардах).

27 ...*у персов же считается справедливым, когда все имеют равные права.* — Ксенофонт в этом месте приписывает персам характерную для гражданина греческого полиса точку зрения, согласно которой равенство, исономия (под этим термином можно по-

нимать не только равенство всех перед законом, но и равенство всех благодаря существованию законов), является неотъемлемым признаком благоустроенного государства.

28 ...*бывая у них и проявляя дружеские чувства к сыновьям.* — Геродот (I, 123) также сообщает, что Кир, возмужав, стал самым доблестным среди сверстников и все его полюбили.

29 ...*чем сидеть рядом с молчаливым юношей* (ἤ σιωπῶντι παρεῖναι). — Эти слова исключаются из текста И. Гартманом и вслед за ним В. Гемоллем — как нам представляется, без достаточных на то оснований.

30 ...*и наступило ли подходящее для этого время* (καὶ ὁπότε καιρὸς εἴη). — Эти слова исключаются из текста И. Цойне и В. Гемоллем.

31 *Киаксар.* — Среди мидийских царей действительно встречаются такие, которые носили имя Киаксар. Однако, как давно признано в литературе, Киаксара, дядю Кира со стороны матери, Ксенофонт просто выдумал, нуждаясь в фигуре изнеженного, недоброжелательного и завистливого союзного царя, чтобы противопоставить ему идеального воителя Кира. Ср.: *F. K. Hertlein* — *W. Nitsche.* Einleitung. In: «Xenophons Cyropädie», Bd. I[4]. B., 1886, S. X; *H. R. Breitenbach.* Xenophon. — *RE,* 2. Reihe, Bd. IX, Hbbd. 18, 1967, стлб. 1709 сл.

32 *Пельтасты* — в греческих войсках воины с облегченным вооружением (от «пельта» — легкий обтянутый кожей щит).

33 *Фила* — племя; войско ассирийцев подразделялось, таким образом, как и у персов (ср. выше, I, II, 5), по родо-племенному признаку.

34 ... *целовали его в уста по персидскому обычаю.* — Об этом обычае упоминается у Геродота (I, 134): «При встрече двух персов на улице по их приветствию легко можно распознать, одинакового ли они общественного положения: ведь в таком случае вместо приветствия они целуют друг друга в уста».

35 *Какой-то мидянин...* — Ниже он будет назван Артабазом (VI, I, 9).

36 ...*если он ослабит мидийское государство...* — Война Ассирии против мидян, имевшая якобы место во времена юности Кира, является чистейшим вымыслом Ксенофонта. Ассирийское государство прекратило свое существование уже в конце VII в. до н. э. Г. Брейтенбах (Указ. соч., стлб. 1710) полагает, что под именем ассирийского царя Ксенофонт изобразил последнего властителя Нововавилонского (халдейского) царства.

37 ...*выбрать себе двести гомотимов...* — Греческое слово «гомотим» можно перевести как «имеющий равные права» (или привилегии). Этот термин, по-видимому, выдуман Ксенофонтом и образован по образцу спартанских «гомеев», как назывались в IV в. до н. э. полноправные граждане Спарты. Способ, при помощи которого персидские гомотимы формируют свое войско, также совпадает с тем, как в Спарте комплектовался знаменитый отряд из 300 так называемых всадников, которые, впрочем, могли служить и гоплитами. Эти «всадники» принадлежали к самым знатным спартанским родам и были своеобразной гвардией, личной охраной спартанского царя во время военных действий. 300 спартанцев царя Леонида, погибшие в Фермопильском ущелье, тоже, по-видимому, были таким отрядом.

38 ... *благоприятные знамения — гром и молния.* — У древних гром и молния, раздававшиеся с неба при начале какого-нибудь важного дела, считались благоприятным предзнаменованием. Геродот описывает, как Дарий перед тем, как занять персидский престол, услышал громовые раскаты и увидел молнию, ударившую с ясного неба (III, 86).

39 ... *никакое другое знамение не сможет лишить...* — Перевод выполнен с учетом чтения, предложенного К. Реданцом: οὐδὲν ἂν λῦσαν; рукописные варианты удовлетворительного смысла не дают.

40 *Мантика* — искусство прорицания.

41 ... *начиная с наших друзей...* — Имеются в виду мидяне, которые, по мнению греков, отличались особо роскошным и изнеженным образом жизни.

42 *Твои слова справедливы ... никакого дохода.* — Всю эту фразу мы, вслед за И. Пантазидесом, считаем репликой Камбиса; другие считают ее продолжением речи Кира.

43 *... для ведения войны?* — Как полагает Э. Поппо, далее в тексте — лакуна, ибо за рассуждением о военных искусствах должно было следовать упоминание об усердии (προθυμία), а уж потом упоминание о повиновении (ср. в этой же главе § 13, 19, 26).

44 *...полководцы берут их с собой в поход, беспокоясь о своих воинах.* — О врачах в составе греческих войск ср. упоминания у того же Ксенофонта в «Анабасисе», III, 4, 30 (врачи, приставленные к раненым наемникам), и в «Лакедемонской политии», 13, 7 (врачи среди прочих лиц, составлявших свиту спартанского царя).

45 *... закон...* — В подлиннике употреблен характерный греческий термин «ретра» — буквально «уговор», «условие», «установление». Так, между прочим, согласно Плутарху («Ликург», 6), называлось пророчество, полученное спартанским законодателем Ликургом в Дельфах. В этой Ликурговой ретре излагались основы новой конституции для Спарты.

46 *... приказав сидящим в засаде притаиться.* — Подобный способ охоты на зайцев описан С. Т. Аксаковым («Детские годы Багрова-внука». М., Гослитиздат, 1973, стр. 482).

Книга II

1 *...орел, показавшись с правой стороны, указал им путь...* — Летающие высоко в небе хищные птицы считались в греческой народной религии вестниками верховного бога Зевса (οἰωνοὶ διιπετεῖς). При этом обычно благоприятным знамением считалось появление такой вещей птицы с правой стороны.

2 *...вознесли молитву богам и героям, владеющим землей персов...* — В представлении народов древности боги каждого племени или государства осуществляли свой суверенитет только над той территорией, которая этому племени (или государству) принадлежала.

3 *Прибыв туда...* — Следующие далее слова «в Мидию к Киаксару» (εἰς Μήδους πρὸς τὸν Κυαξάρην), буквально повторяющие конец предыдущего параграфа, исключаются из текста В. Гемоллем; в переводе они опущены совершенно по стилистическим соображениям.

4 *...любым способом* (παντὶ τρόπῳ)... — Эти слова как позднейшая глосса к слову «всячески» (πάντως) исключаются из текста К. Линке; В. Гемолль, со своей стороны, вместо рукописного τρόπῳ предлагает читать ἐπιτρόπῳ на основании сопоставления формального и неубедительного — с IV, 2, 35.

5 *Гипереты* — помощники, слуги. Так в «Киропедии» называются особые служители, состоявшие непосредственно при полководце и исполнявшие различные поручения (см. II, I, 31), в частности несшие обязанности интендантов (комментируемое место), адъютантов или ординарцев (II, IV, 4; V, III, 52; IV, 18; VI, III, 29; VII, I, 38; III, 2 и 3; V, 18 и 39; VIII, IV, 29; V, 13) — или даже личной охраны военачальника (VI, II, 13; III, 13 и 14).

6 *...проявляли необходимую требовательность ... к ... подчиненным...* — Здесь дана градация подразделений армий Кира — от низших единиц до больших соединений. Пемпадарх — начальник пятерки (пемпады), декадарх — начальник десятки (декады). Собственно говоря, низшее подразделение состояло из 6 человек — 5 рядовых и 1 командира, и потому вместо пемпадарха Ксенофонт иногда употребляет другое слово — гексадарх, т. е. начальник шестерки. Равным образом десятка на самом деле состояла из 12 человек — 10 рядовых и 2 пемпадархов (гексадархов), из которых один одновременно исполнял обязанности декадарха; поэтому командира десятки Ксенофонт иногда именует додекадархом, т. е. командиром двенадцати. Две десятки составляли лох, которым командовал лохаг (и вместе с ним в лохе было 25 человек),

четыре лоха образовывали таксис (сотню) во главе с таксиархом («сотником»), а десять таксисов — тысячу во главе с тысячником — хилиархом.

7 ...*совместная жизнь в палатках скажется... на исходе будущих сражений.* — Прославление совместной жизни воинов в палатках также навеяно спартанскими порядками.

8 ...*всех приглашенных им на обед.* — В Спарте цари также приглашали избранных спартанцев обедать к себе в палатку. Обычно это были командиры крупнейших подразделений — полемархи и знатные воины (гомеи). Ср.: Xen. Lac. pol. (13, 1 и 7; 15, 4—5).

9 ...*из числа возлежавших...* — Ксенофонт переносит на персов греческий обычай возлежать за столом. Из Геродота (III, 32) нам известно, что персы за столом сидели.

10 *Лохиты* — солдаты того же лоха.

11 ...*не старайтесь пополнить отряды исключительно согражданами.* — Совет, вкладываемый Ксенофонтом в уста Кира, продиктован обычной для IV в. до н. э. практикой вербовки чужеземных наемников, среди которых особенно высоко ценились спартанцы. Но из одних спартанцев укомплектовать войско было невозможно (их было мало), и это обстоятельство, по-видимому, нашло отражение в рассуждениях Ксенофонта.

12 *Совершив третье возлияние...* — Ритуал греческого пира (симпосиона) Ксенофонт переносит в Персию. У греков на пиршестве полагалось совершить три возлияния в честь богов. Эти возлияния состояли в том, что несколько капель вина, уже приготовленного для питья, проливалось из чаши на землю. Обычно полагают, что первое возлияние совершалось в честь олимпийских богов, второе — в честь героев, третье — в честь Зевса Спасителя. После третьего возлияния отправлялись на отдых. Несколько иной характер носит ритуал пиршества, описанный греческим поэтом Эвбулом, жившим в IV в. до н. э.; его стихотворение, сохранившееся у писателя III в. н. э. Афинея (в сборнике «Пир мудрецов», II, 3, р. 36 b—с), мы приводим здесь в переводе А. С. Пушкина:

Бог веселый винограда
Позволяет нам три чаши
Выпивать в пиру вечернем.
Первую во имя граций,
Обнаженных и стыдливых,
Посвящается вторая
Краснощекому здоровью,
Третья дружбе многолетней.
Мудрый после третьей чаши
Все венки с главы слагает
И творит уж излиянья
Благодатному Морфею.

(*А. С. Пушкин.* Полное собрание сочинений в десяти томах, изд. 3-е, т. III. М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 246).

13 ...*выстроив его слева от себя...* — При переводе следуем чтению ἐπ' ἀριστερόν рукописей группы *V* и кодекса *C*; чтение других рукописей ἐπὶ τὸ ἄριστον, принимаемое В. Гемоллем, противоречит, на наш взгляд, следующему ниже ἐπὶ τὸ δεῖπνον.

14 *Парасанг* — мера длины у персов, соответствующая 30 греческим стадиям или приблизительно 5,5 км.

Книга III

1 *...женой сына...* — Имеется в виду жена Тиграна, старшего сына армянского царя, как это видно из дальнейшего изложения (§ 7). Вообще поход Кира в Армению, описанный в «Киропедии», сохранил, по мнению И. М. Дьяконова (Указ. соч., стр. 350 слл.), некоторые черты исторической действительности, подтверждаемые сочинением древнего армянского историка Моисея Хоренского (Мовсеса Хоренаци, рубеж V—VI вв. н. э.).

2 *...сын армянского царя сорвал с головы тиару и разодрал свои одежды...* — Здесь имеется в виду младший сын армянского царя Сабарис. Это следует из того, что во время суда тиару на голове мог носить только он — старший его брат Тигран, как было указано выше (§ 7), явился на суд в походной одежде. О тиаре см. ниже, VIII, III, 13 и прим.

3 *...в обществе какого-то мудреца...* — В подлиннике употреблено слово «софист», еще не имевшее во времена Ксенофонта ясно выраженного отрицательного значения.

4 *...что в искусном наезднике* (ἢ ἱππικῷ)? — Эти слова исключаются из текста И. Г. Шнейдером и вслед за ним В. Гемоллем.

5 *...сначала надо обрести разум и лишь после этого можно приобрести благоразумие.* — Весь диспут между Киром и Тиграном может служить образцом сократической диалектики. В нем нашли отражение основные положения этики Сократа, учителя Ксенофонта, согласно которой добродетель сводится к знанию.

6 *...и те, кто плывет на корабле и опасается кораблекрушения* (καὶ οἱ πλέοντες μὴ ναυαγήσωσι)... — Эти слова исключаются из текста В. Гемоллем.

7 *Талант* — весовая и условная денежная единица, распространенная на древнем Востоке и принятая затем греками и римлянами. Вавилонский талант равнялся 30,3 кг, персидский (золотой) — 25,92 кг, греческий (аттический серебряный) — 26,2 кг. У Ксенофонта счет идет, по-видимому, на аттические таланты.

8 *Халдеи* — народность, населявшая северо-западный угол Армянского нагорья. И. М. Дьяконов передает греческое название этого племени Χαλδαῖοι русским «халдайцы», чтобы не смешивать этих халдеев с халдеями Вавилонии. См. его «Историю Мидии», в частности стр. 351, прим. 1, где автор считает возможным отнести этот народ к картвельской группе.

9 *Были узаконены браки между мужчинами и женщинами из обоих народов...* — По нормам греческого гражданского права классической эпохи дети от брака гражданина с иностранкой (т. е. жительницей другого греческого полиса) не получали в большинстве случаев прав гражданства. Такое установление было узаконено, например, в Афинах при Перикле, в 451 г. до н. э. Поэтому возникла практика специальных соглашений, согласно которым такие «интернациональные» браки считались узаконенными между гражданами договаривающихся государств (договора о так называемой эпигамии).

10 *... несли и везли ему в подарок самые ценные вещи, которые имели.* — Здесь Ксенофонт верно передает существовавший в Персии обычай, о котором пишет и Элиан, писатель первой половины III в. н. э. («Пестрые рассказы» I, 31).

11 *Мириарх* — командир отряда в 10 000 человек.

12 *Кир же стал приносить жертвы богам...* — Религиозные церемонии, совершаемые Киром накануне выступления в поход, очень близко напоминают соответствующий спартанский ритуал. Выступление спартанского войска всегда сопровождалось сложными религиозными обрядами. Перед выступлением цари приносили жертвы Зевсу Предводителю и божествам — «спутникам Зевса» (т. е., по-видимому, Диоскурам). На границе государства приносились новые жертвы Зевсу и Афине, именно на счастливый переход границ (так называемые диабатерии). См.: Xen. Lac. pol., 13, 2—5.

13 *...умилостивил героев-покровителей Ассирии.* — Стремление привлечь покровителей чужой земли было в обычае у древних. «В Истории» Фукидида (II, 74) рас-

сказывается, как спартанский царь Архидам, вступив на территорию враждебных Платей, призвал местных платейских богов и героев в свидетели того, что виновниками распри являются не спартанцы, а сами платейцы, дабы, таким образом, отвести от себя гнев этих местных божеств.

14 ... *цари варваров...* — Переведено по рукописной версии οἱ βάρβαροι βασιλεῖς, согласно же чтению, предлагаемому В. Гемоллем (он исключает из текста слово βασιλεῖς), будут просто «варвары». Как известно, всех не говорящих на греческом языке греки называли варварами.

15 *Парасанг* — см. выше, прим. 14 к кн. II.

16 ... *вернитесь в свои отряды с венками на голове.* — Здесь Ксенофонт опять переносит на персов чисто спартанские обычаи.

17 ... *трусы будут наказаны таким позором, что жизнь их... станет для них невыносимой.* — Речь Кира излагает основы спартанской государственной идеологии. Граждане, не проявившие должного мужества, наказывались в Спарте самым жестоким образом; они подвергались атимии (лишению гражданских прав) и становились объектом всеобщего презрения. На улице их каждый мог безнаказанно оскорбить. Никто не выдавал за них дочерей замуж, а если у них были дети, то презирали и их. Геродот (VII, 232) рассказывает об одном спартанце, который не вынес подобного бесчестия и покончил с собой.

18 ... *Кир передал пароль: «Зевс Союзник и Вождь».* — Ксенофонт в «Анабасисе» сообщает о подобном же пароле, который был передан по войску Кира Младшего (Кир узнает там этот пароль от Ксенофонта). Обмениваться паролем было принято только у греков, и Кир Младший, впервые познакомившийся с этим обычаем, был очень удивлен (см. «Анабасис», I, 8, 16 сл.).

19 *Пэан* — у греков вид хорового гимна, исполнявшегося по какому-либо поводу в честь божества. Боевой пэан пели и перед и после сражения (ср. ниже, IV, I, 6): в первом случае — в честь Ареса, во втором — в честь Аполлона.

20 ... *устрашает противника.* — Описание атаки персов, наступающих под предводительством Кира, весьма напоминает атаку спартанских гоплитов. Точно так же у спартанцев во время атаки впереди шли командиры, воины пели военный гимн — пэан и т. п.

21 ... *отступать, держа фронт обращенным к неприятелю...* — Так переведено нами техническое выражение ἐπὶ πόδα ἀνάγειν — «отступать на ногу», т. е. пятясь, не поворачиваясь тылом к неприятелю. В знании тактики, проявляемом автором «Киропедии», особенно заметно, что он по профессии был военным.

Книга IV

1 ... *и, оставив свое намерение, бросился выполнять приказ.* — Этот эпизод романа Ксенофонта, в котором прославляется чисто спартанское послушание Хрисанта, пользовался особой популярностью у античных читателей романа, как видно из Плутарха (Aetia Rom., 39, p. 273 f).

2 ... *и тогда выскажу свое суждение.* — Заинтересованность Кира объясняется тем, что ему необходимо было установить, когда раненые воины получили свои ранения — до или после приказа об отступлении.

3 ... *они не хотят вовремя пристать к берегу и погибают.* — Сравнения, заимствованные из морской жизни, нередки у Ксенофонта; они естественны для писателя, чья родина — Греция вообще и Афины в особенности — была страной мореплавателей. Ср. ниже, V, IV, 6; VI, I, 16.

4 *Вспомни при этом, что даже дикие свиньи...* — Сравнение поведения человека и животного было, по-видимому, общим местом у греческих авторов, причастных к учению Сократа. Для данного случая ср. сходное сопоставление у Платона в том месте его «Государства», где гражданам рекомендуется брать с собой на войну подросших детей (V, p. 467 a-в).

5 ...*тот самый мидянин, который некогда ... получил от него поцелуй.* — Имеется в виду мидянин Артабаз; эпизод с поцелуем, в котором он впервые появляется, см. выше, I, IV, 27—28.

6 ...*происходящего от самих богов.* — Происхождение Кира возводится к богам ввиду того, что он — потомок Персея, сына Зевса; ср. выше, I, II, 1 и прим.

7 *Скириты* — жители Скиритиды, горной области на севере Лаконики, принадлежали к многочисленной в Спарте группе зависимого населения периэков, хотя и находились на несколько привилегированном положении. В спартанском войске скириты образовывали особое подразделение. Во время военных действий спартанцы использовали их для самых опасных поручений и дел. В походе они всегда шли в авангарде, они же всегда начинали сражение и последними уходили с поля боя. В боевых порядках спартанского войска они обычно стояли на левом фланге.

8 ...*и дай нам руку...* — Подать правую руку как у греков, так и у персов означало закрепить жестом устное обещание или договор.

9 ...*подняв правую руку.* — Это был жест, указывающий на дружественные намерения, ср. ниже, § 19, а также VI, III, 13.

10 ...*ибо... кажутся неподвижными* (καὶ γὰρ ... ὥσπερ τὰ ἑστηκότα ἐστίν). Эта пояснительная фраза исключается из текста А. Хугом.

11 *Гиппокентавры* — сказочные существа, полукони-полулюди; в произведениях греческой литературы они обычно назывались кентаврами.

12 ... *а это гораздо удобнее, чем быть слитым с конем воедино* (οὐκοῦν τοῦτό γε κρεῖττον ἢ συμπεφυκέναι). — Эти слова исключаются из текста В. Гемоллем.

13 ... *бывая в нашем стане...* — Переведено по рукописной версии ἰὼν ὡς ἡμᾶς; чтение В. Гемолля — ἔχων πρὸς ἡμᾶς.

14 *Все пленные пали ниц перед ним...* — По принятому в древней Персии обычаю, к царю обращались, падая ниц перед ним и целуя землю, по которой ступал властелин. Греки с презрением относились к этому варварскому обычаю.

15 ...*совершили омовение.* — Умывание перед ужином было обычаем у древних греков, засвидетельствованным уже у Гомера («Одиссея», III, 464; IV, 48 сл. и др.).

16 ...*никто не явился к дверям царского шатра...* — По-видимому, здесь в романе Ксенофонта нашел отражение действительно существовавший на Востоке — по крайней мере при персидском дворе — обычай, согласно которому придворные являлись утром к дверям царского дворца за приказаниями.

17 *Маги* — название одного из мидийских племен и вместе с тем жреческой касты у мидян и персов. Происхождение этой касты неясно: в то время как одни исследователи принимают, что жрецы-маги были выходцами из племени магов, которое монополизировало исполнение жреческих функций, другие, наоборот, полагают, что название касты перешло на определенное племя. Равным образом недостаточно выяснена сущность религиозного учения магов, в частности его отношение к зороастризму. Несомненно одно: как официальные руководители религиозных обрядов и истолкователи воли богов, маги пользовались большим авторитетом в общественной и политической жизни древнего Ирана. Подробнее см.: *И. М. Дьяконов.* Указ соч., стр. 374 слл.; *М. А. Дандамаев.* Указ. соч., стр. 151 слл., 234 слл.; *Э. А. Грантовский.* Маги. СИЭ, т. 8, 1965, стлб. 885.

18 ...*должностных лиц... советников...* — Упоминаемые здесь персидские надсмотрщики (ὀπτῆρες) и советники (φραστῆρες) скорее всего скопированы Ксенофонтом с соответствующих должностных лиц Спарты. Образцом могла послужить, во-первых, всемогущая коллегия пяти эфоров (буквально тоже «надзиратели», «наблюдатели»), двое из которых нередко сопровождали царей в походах именно в качестве наблюдателей и советников. Во-вторых, можно указать на специальных советников (σύμβουλοι), которых со времени Пелопоннесской войны спартанское правительство (т. е. практически те же эфоры) стало прикомандировывать к царю или другому военачальнику в качестве своих ответственных представителей (см., например, Thuc., II, 85; III, 69 и 76; V, 63; VIII, 39 и 41; Xen. Hell., III, 2, 6, слл.).

[19] ... *чтобы всадник получил вдвое больше пехотинца.* — Здесь отразилась обычная для греческих наемных войск практика, согласно которой всадники получали вдвое большее жалованье, чем пехотинцы (всаднику надо было кормить еще и коня).

[20] ... *и будут носить за всадниками оружие, которое они им дадут.* — Слова «за всадниками», отсутствующие в тексте, добавлены нами при переводе ради большей ясности. Из контекста следует, что освобожденные на волю рабы, о которых здесь говорится, должны были стать оруженосцами новых персидских всадников.

[21] ... *и сам Кир первый подал пример этого* (καὶ αὐτὸς οὕτω ποιῶν κατῆρχεν). — Эти слова исключаются из текста В. Гемоллем.

[22] ... *поставить взамен себя другого начальника, тоже из гомотимов.* — Как видно из данного места, еще не все гомотимы стали всадниками (ср. также ниже, V, 2, 1, где указано, что число персидских всадников доходило еще только до двух тысяч). Поэтому каждый гомотим-офицер, который становился теперь всадником, должен был подобрать себе преемника для командования тем пехотным отрядом, который он оставлял. Не следует, однако, думать, что всадниками становились только гомотимы-офицеры (так именно считает Г. А. Янчевецкий в примечании ad locum). Из слов Ксенофонта следует лишь одно — что каждый офицер, который становился всадником, должен был найти себе заместителя.

[23] *Гобрий.* — Это имя, персидское по происхождению («Гаубарува»), не раз встречается в истории Персии. Так, у Геродота неоднократно упоминается перс Гобрий, который, как и его сын Мардоний, играл видную роль в жизни Персидского государства при Дарии I. Вообще персидских имен в «Киропедии» довольно много: это — Абрадат, Адусий, Аглаитад, Кардух, Хрисант, Даиферн и пр., не говоря уже об именах царей (Камбис, Кир). Ряд этих имен Ксенофонт мог почерпнуть из известной ему исторической традиции, в первую очередь у Геродота и Ктесия. Разумеется, носители этих имен в «Киропедии» являются свободно скомпонованными фигурами, имеющими лишь известные черты сходства с историческими персонажами. Другой ряд имен для своих героев Ксенофонт мог заимствовать из современной ему персидской истории. Так, имя предводителя колесниц, а затем сатрапа Каппадокии Артабата («Киропедия», VIII, III, 18 и VI, 7), возможно, подсказано именем верного служителя Кира Младшего Артапата («Анабасис», I, 6, 11 и 8, 28); имя наместника Великой Фригии Артакама («Киропедия», II, I, 5; VIII, VI, 7) — именем тоже фригийского наместника при Артаксерксе II Артакама, или Артакома («Анабасис», VII, 8, 25) и пр. Фигуры — носители этих имен в «Киропедии» могут иметь, таким образом, лишь квазиисторические соответствия — в персонажах более поздней эпохи. Подробнее об именах собственных в «Киропедии» см.: *H. R. Breitenbach.* Указ. соч., стлб. 1712 слл.

[24] ... *пленницу сузианку...* — В последующем изложении (V, I, 2 слл.) эта сузианка будет названа Панфеей.

Книга V

[1] ... *мидийский наряд...* — См. выше, I, IV, 26.

[2] ... *поручил теперь охранять подаренную ему женщину и шатер.* — Начинается знаменитый рассказ о любви Панфеи и Абрадата, продолжение которого следует в VI, I, 31—51; IV, 2—11; VII, III, 2—16. Художественное мастерство Ксенофонта в этой новелле высоко оценивалось позднейшими античными писателями. Ср., в частности, отзыв Лукиана (Imag., 10).

[3] *Сузы* — город в Сузиане (современном иранском Хузестане), позднее стали весенней резиденцией персидских царей (см., ниже, VIII, VI, 22). В дальнейшем рассказе Ксенофонт называет Абрадата царем Суз (VI, III, 35 — ὁ Σούσων βασιλεύς).

[4] ... *был связан узами гостеприимства с царем бактрийцев.* — Институт гостеприимства был широко развит у древних народов, однако Ксенофонт, как здесь, так и в других подобных случаях, имеет в виду преимущественно греческие обычаи. В дан-

ном случае отношение Абрадата к бактрийскому царю определено характерным греческим словом «ксенос» (гость).

5 ...*сидела на земле, закрыв лицо и потупя взор.* — В подборе внешних признаков, характеризующих горе Панфеи из-за постигшего ее плена и разлуки с мужем, Ксенофонт следует известному литературному шаблону. Ср. как описывает Эврипид горе Гекубы, плененной греками (Eurip. Hecuba, 484 сл.).

6 ...*выделялась среди них своим ростом...* — Высокий рост считался непременным признаком красоты; ср. выше, III, I, 41.

7 ...*разодрала свое платье и разразилась жалобными воплями.* — В описании этих проявлений горести опять заметно следование литературному стандарту; ср. выше, III, I, 13.

8 ...*ее будет любить другой...* — Арасп говорит здесь в духе греческих обычаев, которые запрещали браки между родными братьями и сестрами; у афинян, например, это допускалось лишь в том случае, если брат и сестра были от разных матерей (ср. Nepos. Cimon, 1). Однако на Древнем Востоке, как у египтян, так и у персов, таких ограничений не было, а в царских семьях браки между братьями и сестрами были даже правилом.

9 ...*который некогда выдавал себя за родственника Кира...* — Имеется в виду Артабаз; см. выше, I, IV, 27—28.

10 ...*пчелиная матка.* — Сопоставление правителя с пчелиной маткой (в ориг. — муж. род ὁ ἡγεμών) часто встречается и у Ксенофонта и у других античных писателей.

11 *Дарик* — персидская золотая монета, равная 1/3000 персидского таланта (т. е. 8,4 г при весе таланта в 25,92 кг) или 20 аттическим серебряным драхмам. Свое имя дарик получил от имени персидского царя Дария I, который если и не изобрел этой монеты, то все же первым поставил ее чекан на правильную государственную основу. Однако называть золотые монеты, имевшие хождение на востоке при Кире, дариками — явный анахронизм,

12 ... *сколько бы их там ни было* (εἰ ἐκεῖ πλεῖστά ἐστιν) ... *взамен того, что ты мне подарил* (ἀντὶ τούτου, οὗ σύ μοι δεδώρησαι). — Эти слова исключаются из текста Р. Б. Гиршигом. — Относительно Вавилона ср. ниже, VII, II, 11, где он упомянут как богатейший город Азии.

13 ... *у тебя* (σέ)... — Это слово исключается из текста В. Гемоллем.

14 ... *чтобы кто-нибудь из них стал мне сыном.* — Гобрий имеет в виду выдать свою дочь за одного из друзей Кира, чтобы зять заменил ему погибшего сына.

15 ... *он не пожелал остаться... пригласил Гобрия разделить с ним трапезу.* — Относительно мотивов, которыми руководствовался в этом случае Кир, один из прежних комментаторов Ксенофонта заметил: «Намерением Кира было либо уберечь своих от заражения изнеженностью и роскошью, либо же показать Гобрию образец персидского образа жизни и дисциплины» (примечание Б. Вейске ad locum в издании «Киропедии» 1798 г.).

16 ...*шерсть* (ἔρια)... — Это слово, отсутствующее в рукописи *D*, исключается из текста Л. Диндорфом.

17 ...*они были далеки от грубости... от стремления оскорбить друг друга.* — Как в ряде других случаев, так и здесь, при описании персидских обедов, образцом для Ксенофонта могли быть идеальные обычаи спартанцев. Ср. описание совместных спартанских трапез у того же Ксенофонта в «Лакедемонской политии» (гл. 5) и у Плутарха в «Ликурге» (гл. 10 и 12).

18 ...*своих будущих боевых товарищей.* — Очевидно, сотрапезниками Гобрия были не только сам Кир и его ближайшие друзья, но и менее привилегированные воины, однако всем прислуживали одинаково; ср. выше, II, I, 30.

19 ... *кадусии, племя многочисленное и храброе...* — Исторические кадусии обитали к юго-западу от Каспийского моря и были северными соседями мидян. Ксенофонт делает их соседями ассирийцев, владения которых будто бы отделяли кадусиев от мидян и персов (см. ниже, § 26).

20 ...*ибо он пытался их поработить.* — Саки жили на восток от гирканцев, в области между Каспийским морем и Сыр-Дарьей. По Ксенофонту, они, как и кадусии и гирканцы, были соседями ассирийцев и тоже были отделены владениями последних от мидян и персов (см. ниже, § 26, ср. также III, 11).

21 ... *отдайте магам часть, причитающуюся богам...* — Ср. выше, IV, V, 14 и прим.

22 ... *через тридцать дней.* — Это выражение, как и встречающееся дальше «через тридцать лет» (VIII, IV, 27), употреблено в таком же ироническом смысле для определения неопределенно долгого срока (тридцать — круглое число), как и латинское «ad calendas graecas».

23 ... *как вы говорите...* — Выше, в соответствующем месте (V, II, 25 сл.), об этом ничего не было сказано.

24 ... *к тем самым племенам, которые... враждебны ассирийскому царю* — Имеются в виду кадусии и саки (ср. выше, V, II, 25 сл.).

25 ... *и чтобы привезти лестницы для штурма крепости* (καὶ κλίμακας ὡς ἐπὶ τὸ φρούριον ἄξοντες)... — Эти слова исключаются из текста В. Гемоллем.

26 ... *чтобы они привели войско и доставили лестницы* (ὅπως ἄγοιεν τὰ στρατεύματα καὶ τὰς κλίμακας κομίζοιεν)... — Эти слова исключаются из текста И. Пантазидесом.

27 ... *захваченных ранее воинов Кира.* — Имеются в виду перехваченные Гадатом гонцы (см. выше, § 16), но, может быть, и другие какие-нибудь воины Кира, которые могли попасть в плен к Гадату при первых столкновениях (§ 15).

28 ...*пав перед ним ниц...* — Ср. выше, IV, IV, 13 и прим.

29 ... *исполниться радости.* — Слово χαῖρε, с которым Гадат обращается к Киру, соответствует нашему «здравствуй», но буквально оно означает «радуйся»; в своем ответе Кир обыгрывает именно это буквальное значение, и потому обращение Гадата пришлось перевести тоже буквально.

30 ...*перед этими своими соседями.* — Имеются в виду кадусии, саки и гирканцы.

31 ...*превзойти причиняющих нам зло — злом, а оказывающих нам благодеяния — благодеяниями...* — Один из основных этических принципов, исповедуемых Ксенофонтом и его героями. Ср., кроме данного места, молитву Кира выше (V, I, 29), а также характеристику Кира Младшего в «Анабасисе» (I, 9, 11).

32 ...*и притом так искалеченному?* — Гадат был оскоплен; см. выше, V, II, 28, и III, 8.

33 ... *ночью ... походная колонна разрывается...* — Те же мысли развивает Ксенофонт в «Анабасисе» (VII, 3, 37 сл.), причем рекомендуемая им манера движения здесь объявляется «эллинским обычаем».

34 ...*персидских пельтастов и лучников...* — Поскольку ранее говорилось, что все персидские воины Кира получили тяжелое вооружение (см. II, I, 9—19), то упомянутые здесь пельтасты и лучники должны быть причислены к тем дополнительным войскам, о затребовании которых Киром из Персии сообщалось в IV книге (IV, V, 16 сл.). Однако о прибытии этих войск говорится лишь много позже, в V, V, 3 сл., что должно быть отнесено на счет авторского недосмотра.

35 ... *ночные стражи следует назначать... краткими и частыми...* — Сходные советы относительно частой смены ночных караулов дает и Эней Тактик (тоже писатель IV в. до н. э.) в трактате «О перенесении осады» (22, 4—6).

36 ... *знать имена своих командиров...* — На основании этого пассажа позднейшая античная традиция утверждала, что Кир знал имена всех своих воинов — не одних только командиров, как значится у Ксенофонта (ср. Plin. N. h., VII, 24, 88; Quintilian., Jnst. or., XI, 2, 50; Valer. Max., VIII, 7, ext. 16).

37 ... *«Пусть кто-нибудь нарубит дров».* — Примеры таких «безличных» приказаний можно найти в комедиях Аристофана (см., например, Acharn., 805; Vespae, 529 и 860; Thesm., 238 и 265).

38 ...*как будто после бури в надежную гавань...* — О «морских» сравнениях у Ксенофонта ср. выше, прим. 3 к кн. IV.

[39] ... *твоим друзьям...* — Под этими последними понимаются не личные друзья Кира, а дружественные ему племена кадусиев, саков и гирканцев; см. выше, V, III, 20 слл.

[40] ... *либо детей* (τοὺς δὲ καὶ παῖδας)... — Эти слова добавлены в текст В. Гемоллем.

[41] ... *нас немного.* — См. выше, V, III, 5 слл.

[42] ... *ему надо ... подготовиться к сражению с тобой...* — См. выше, V, III, 6.

[43] ... *границ Сирии...* — Здесь, как и в ряде других случаев, под Сирией разумеется та же Ассирия; ср. V, V, 24; VI, II, 19, 22; VII, III, 15; V, 31; VIII, 3, 24.

[44] ... *в соответствии с распоряжением Кира...* — См. выше, IV, V, 31.

[45] ... *и было видно, что он плачет.* — Вообще слезы не считались у древних признаком слабости; в «Киропедии» в соответствующих местах показаны плачущими люди сильного характера — Тигран (III, I, 7), Гадат (V, IV, 31) и даже сам Кир (VII, III, 8 и 11). Таким образом, не слезы сами по себе, а скорее причина, вызвавшая их, изобличает здесь слабость натуры Киаксара.

[46] *Он велел постелить для Киаксара несколько мидийских ковров...* — Эта деталь также введена в рассказ не случайно: подстилать под себя при сидении на земле ковры — по Ксенофонту, признак изнеженности. Ср. Hell., IV, I, 30.

[47] ... *[От стыда] провалиться сквозь землю...* — образное выражение, встречающееся у Ксенофонта довольно часто; ср. ниже, VI, I, 35, и Anab., VII, 1, 30; 7, 11.

[48] ... *мои рабы...* — Рабами Киаксар презрительно называет здесь своих подданных-мидян. Это слово не следует, таким образом, понимать буквально; ср. также метафорическое, хотя и с другим оттенком, употребление этого слова выше, в речи Гобрия, IV, VI, 2.

[49] ... *что огорчило бы нас всех.* — Кир намекает на возможность мятежа и покушения на жизнь Киаксара.

[50] ... *начнем с моего назначения в командующие...* — Кир имеет в виду свое назначение в командующие персидским войском, которое было послано на помощь Киаксару; см. выше, I, V, 4 слл.

[51] ... *вместе пожали плоды удачного дела...* — См. выше, IV, I, 10 слл.

[52] *Их крепости теперь в наших руках...* — См. выше, V, IV, 51.

[53] *Убеждение, что ими пренебрегают, делает хороших воинов малодушными, а дурных — более наглыми.* Аналогичную мысль высказывает у Саллюстия (римского писателя I в. до н. э.) в его «Югуртинской войне» (31, 28) народный трибун Гай Меммий.

Книга VI

[1] ... *все союзники...* — Имеются в виду не все, конечно, воины, а лишь командиры отрядов: ср. выше, V, V, 43.

[2] ... *относительно роспуска войска* (ὑπὲρ τῆς διαλύσεως τοῦ στρατεύματος)... — Эти слова исключаются из текста А. Хугом.

[3] ... *отделение от основных сил... не пошло нам на пользу.* — Имеется в виду неудача, постигшая кадусиев при набеге на земли близ Вавилона; см. выше, V, IV, 15 слл.

[4] ... *этого торжественного собрания.* — Торжественным собранием (πανήγυρις), какое бывает лишь по случаю большого общего празднества, называет оратор войско мидян и их союзников, продолжая таким образом начатое сравнение нынешней его походной жизни с праздником.

[5] ... *изнемогая в борьбе с голодом?* — Сходную мысль о всесокрушающей силе голода высказывает у Ксенофонта в «Анабасисе» (II, 5, 19) персидский сатрап Тиссаферн.

[6] ... *каждый* (ἑκάτερος αὐτῶν)... — Это разъяснение исключается из текста В. Гемоллем.

[7] *...осадные орудия для разрушения вражеских стен...* — О сооружении и использовании Киром осадных орудий говорится также и ниже, VII, II, 2 и IV, 1. Со своей стороны, Геродот (VI, 18) свидетельствует, что при осаде Милета в 494 г. до н. э. персы применяли «всевозможные осадные орудия».

[8] *Он старался пополнить ряды персидской конницы...* — Целью Кира в то время было довести число персидских всадников до 10 000; ср. V, IV, 32 и VII, II, 7.

[9] *...того способа использования колесниц, который был распространен... во времена Троянской войны...* — В героическую эпоху были распространены небольшие колесницы, запряженные парою лошадей.

[10] *Киренцы* — жители греческого города Кирены в Ливии (Африке) — использовали колесницы, запряженные четверкою лошадей, и славились в древности как искусные колесничие (см. Her., IV, 170 и 189; Soph. Electra, 702 сл; Lucian. Demosth. encom., 23; Aelian. V. h., II, 27).

[11] *Этим типом колесниц... пользуются еще и сейчас все народы, живущие во владениях персидского царя.* — Ср. у того же Ксенофонта в «Анабасисе» (I, 8, 10) описание боевого порядка армии Артаксеркса в битве при Кунаксе в 401 г. до н. э.

[12] *Я слышал, что даже боги покоряются любви...* — Ссылка на слабости богов, вкладываемая Ксенофонтом в уста Кира, отражает чисто греческие представления о жизни небожителей.

[13] *Да, ведь у меня... целых две души...* — По сократическому учению, получившему отражение и у Платона, и у Аристотеля, в каждой душе есть два начала — разумное и неразумное, страстное. У Платона в «Государстве» (IV, р. 439 d) говорится: «Мы не без основания признаем двойственными и отличными друг от друга эти начала: одно из них, с помощью которого человек способен рассуждать, мы назовем разумным началом души, а второе, из-за которого человек влюбляется, испытывает голод и жажду и бывает охвачен другими вожделениями, мы назовем началом неразумным и вожделеющим, близким другом всякого рода удовлетворения и наслаждений».

[14] *... с помощью хитрого софиста Эрота.* — В Платоновом «Пире» (р. 203d) Эрот также назван «искусным чародеем, колдуном и софистом».

[15] *...колесницу о четырех дышлах, которую запрягли восьмеркой лошадей.* — Возможно, что Абрадатова колесница о четырех дышлах, как и сооруженные Киром, еще бо́льшие повозки о восьми дышлах (ниже, § 52), — всего лишь плод авторской фантазии. Все же совершенно исключить возможность существования таких больших колесниц нельзя; например, известно, что тело Александра Македонского было перевезено из Вавилона в Египет как раз на такой колеснице о четырех дышлах (см. Diod., XVIII, 27, 5).

[16] *А его жена Панфея...* налокотники (ἡ δὲ Πάνθεια ἡ γυνὴ αὐτοῦ... περιβραχιόνια).— Вся эта фраза исключается из текста Ф. А. Борнеманом как позднейшая вставка, сделанная на основании более обстоятельного рассказа в VI, IV, 2.

[17] *... в три оргии высотой, считая от самого низа вместе с колесами.* — Оргия (буквально «ширина размаха рук», т. е. то же, что русское «сажень») — мера длины, равная 1,79 м. Стало быть, высота платформы достигала 5,5 м.

[18] *...вес клади... достигал двадцати пяти талантов...* — т. е., если счет ведется на аттические таланты, 655 кг.

[19] *... менее пятнадцати талантов.* — т. е. менее 393 кг.

[20] *... на войне любое преимущество — одновременно и спасение, и справедливость, и счастье.* — Об упомянутой здесь справедливости, т. е. дозволимости добиваться победы над врагами любыми средствами, даже предосудительными с обычной точки зрения, подробнее говорилось выше, при изложении беседы Камбиса с сыном (I, VI, 27 слл.).

[21] *... явились и послы от индийского царя...* — Выше рассказывалось о снаряжении Киром специального посольства к индийскому царю с просьбой о денежной помощи; см. III, II, 27 слл.

22 *...я хочу быть твоим гостеприимцем...* — Об обычае гостеприимства см. выше, прим. 4 к кн. V.

23 *...наши лазутчики, переодетые рабами...* — О них упоминается и ниже, в § 11.

24 *...их тип с... ливийского...* — Ливийский тип колесниц — то же, что киренский; см. выше, VI, I, 27 и прим.

25 *...фракийцев, вооруженных длинными мечами...* — Фукидид, упоминая о диях — горном фракийском племени, которое поставляло воинов для союзника афинян Ситалка и самих афинян, — также называет характерным их вооружением длинные мечи (μαχαιροφόροι — Thuc., II, 96, 2; 98, 4; VII, 27, 1).

26 *...плывут на помощь египтяне...* — Согласно Геродоту (I, 77), Крез, готовясь к войне с персами, заключил союз с Амасисом, царем Египта.

27 *...вооруженные ... щитами...* — Ниже, в VII, I, 33, еще раз отмечаются особенности вооружения египтян. Ксенофонт пишет об этом со знанием дела: в битве при Кунаксе он видел египетских гоплитов в составе войска Артаксеркса и отметил характерную деталь их вооружения — длинные деревянные щиты (Anab., I, 8, 9).

28 *...уже явились все...* — Из упомянутых здесь народов об одних — киликийцах и пафлагонцах — выше было сказано, что они уже приглашались к союзу против мидян и персов ассирийским царем, но тогда уклонились от участия в войне; другие — фригийцы, каппадокийцы и арабы (последние на положении подвластного народа) — напротив, согласно Ксенофонту, уже тогда присоединились к ассирийцам (см. I, V, 3 и II, I, 5; для арабов еще I, V, 2); позиция третьих — ликаонцев и финикийцев — определена нашим автором только теперь.

29 *...эллины, живущие в Азии.* — По свидетельству Геродота (I, 26 сл.), Крезу удалось подчинить себе всех азиатских эллинов.

30 *Крез даже отправил послов в Лакедемон для переговоров о союзе.* — О заключении Крезом союза со Спартою подробно рассказывает Геродот (I, 69 сл., 77, 82 сл.).

31 *Пактол* (ныне Сарабат) — южный приток Герма (Гедиза); спускаясь с горы Тмол, протекал через Сарды.

32 *Фимбрары.* — О Фимбрарах Ксенофонт упоминает и ниже, в VII, I, 45, но более о них ничего не известно. Позднейший грамматик Стефан Византийский (VI в. н. э.) в своем лексиконе ограничивается ссылкой на Ксенофонта: «Фимбрары, город в Азии рядом с Пактолом, как свидетельствует Ксенофонт».

33 *Сирия.* — Само слово «Сирия» (Συρίας) исключается из текста К. Линке. — О сборных пунктах, куда ежегодно сходились войска персидского царя для смотра или в случае войны, Ксенофонт дает специальное разъяснение в трактате «Об управлении хозяйством» (4, 6). В «Анабасисе» Ксенофонт дважды упоминает о долине Кастола (Καστωλοῦ πεδίον) как сборном пункте для войск, поставлявшихся западными областями Персидского государства (I, 1, 2 и 9, 7); этот пункт, должно быть, идентичен со сборным пунктом в Фимбрарах, о котором говорится в «Киропедии».

34 *...под видом перебежчиков* (ὡς αὐτομόλους). — Эти слова исключаются из текста В. Гемоллем. — О лазутчиках, переодетых рабами, уже упоминалось выше, в § 2.

35 *...борьба... за Сирию, где много хлеба, где есть овцы и плодоносные пальмы...* — Здесь опять Сирия=Ассирия; о богатстве ассирийской земли хлебом и плодоносными финиковыми пальмами подробно рассказывает Геродот (I, 193).

36 *...за Лидию, где много вина, много смокв, много масла...* — Для Лидии названы лишь те особенные продукты, которые отсутствуют в Ассирии (ср. в указанном только что отрывке у Геродота).

37 *...чтобы мы... не стали бы неожиданно жертвами какой-либо хвори...* — Принципиальный взгляд о пагубном воздействии на организм любой резкой перемены был высказан еще до Ксенофонта великим врачом Гиппократом (ок. 460—370 гг. до н. э.); см. его «Афоризмы», II, 51.

38 *...чтобы мы могли перенести перемену...* — Аналогичную мысль о постепенной смене времен года высказывает в другом сочинении Ксенофонта Сократ (см.

Xen. Mem. IV, 3, 9). Позднее эту же мысль развивал Дион Хрисостом, оратор и философ второй половины I—начала II в. н. э. (см. Dio Chrys., III, p. 127 Reiske).

39 ... *эти вещи вызывают аппетит...* — Ксенофонт относится здесь одобрительно к употреблению острых приправ, поскольку имеется в виду случай, когда люди в течение долгого времени должны будут обходиться однообразной пресной пищей. Однако он решительно осуждает употребление этих приправ, когда они служат средством возбуждения аппетита у людей, предающихся излишествам и пресыщенных (см. Mem., I, 3, 6; Hier., I, 22 сл.).

40 *Эти мельницы — самые легкие из орудий, служащих для приготовления хлеба.* — Ручные мельницы состояли из двух камней, из которых нижний служил неподвижным основанием, а верхний с помощью деревянной ручки приводился в движение и перетирал зерно. Вес таких зернотерок был невелик — около 6—7 кг.

41 ... *приходится стоять без дела, если только нет запасных гужей.* — В сочинении «Об обязанностях гиппарха» (8, 4) Ксенофонт советует командиру всадников — гиппарху всегда иметь при себе запас упряжных ремней, чтобы была возможность снабдить нуждающихся.

42 *Эти орудия... приносят большую пользу... войску.* — Как здесь, так и ниже, в § 37, Ксенофонт устами Кира высказывает пожелания, подсказанные опытом Спарты. Ср. что пишет наш автор в «Лакедемонской политии» (11, 2) о походных обычаях спартанцев.

43 *Ила* — небольшое воинское подразделение типа роты или эскадрона.

44 ... *будут делать как раз то, что надо.* — Обычное понимание заключительного выражения ἐν τῷ τεταγμένῳ ἔσονται — «будут находиться в определенном месте».

45 ... *кое-кто из купцов последует за войском с намерением что-либо продать.* — В античную эпоху за войском обычно следовали торговые люди; они скупали добычу и пленных и одновременно — или взамен этого — поставляли необходимые припасы (см. Thuc., VI, 31, 5; 44, 1; VII, 24, 1; Xen. Hell., I, 6, 37; Ages., I, 21).

46 *Скопарх* — командир разведчиков.

47 *Примерно в двух парасангах.* — Т. е. примерно в 11 км (о парасанге см. прим. 14 к кн. II).

48 ... *о котором... говорят, что он бежал от вас.* — Имеется в виду соглядатай Кира Арасп; см. выше, VI, I, 31 слл.

49 ... *если бы мне удалось заполучить его так, как я хочу!* — Восклицание нарочито двусмысленное: Кир хочет сказать, что он желает заполучить Араспа целым и невредимым, но говорит это так, что другие могут подумать, что он желает захватить Араспа для расправы.

50 ... *части всадников, составлявших всегда его свиту...* — Имеются в виду конные гипереты Кира; ср. ниже, § 14.

51 ... *примите таких людей, как своих друзей.* — Последний наказ дается Киром ради Араспа. Относительно поднятой вверх правой руки — знака дружественных намерений — ср. выше, IV, II, 17 и прим.

52 ... *выстраиваются по тридцать рядов в глубину и занимают около сорока стадиев.* — Указания Араспа не могут привести к точным выводам о численности войска Креза, поскольку он не сообщает, сколько стадиев занимали пешие воины, а сколько — конные (между тем всадник с конем, естественно, занимал больше места, чем пехотинец). Неясно также, сколько именно стадиев приходилось на стоявшую в центре египетскую фалангу. Принимая условно, что все войско Креза состояло из пеших воинов, построенных в 30 рядов, и что каждый воин занимал по фронту примерно 3 фута, т. е. около 0,9 м, можно прийти к такому результату: протяженность войска Креза по фронту — 7400 м (40 аттических стадиев по 185 м в каждом), количество воинов $=7400:0{,}9\times30=246\,660$. Что касается египтян, то их количество выше, в VI, 2, 10, было определено в 120 000.

53 *Затем ты, Арсам, ‹займи со своими воинами левое крыло, а ты, Хрисант,› — правое, которое ты и сейчас занимаешь...* — Место в рукописях явно испорченное. Перевод

сделан по варианту И. Пантазидеса, который вместо рукописного 'Αράσπα предложил читать 'Αρσάμα с последующим дополнением τὸ ἀριστερόν, σὺ δέ, ὦ χρυσάντα (на основании сопоставления с VII, 1, 3).

54 *...по два бойца в ряд.* — В подлиннике стоит просто εἰς δύο, что может быть отнесено и к ширине, и к глубине построения. Первое нам представляется более вероятным: упор во всем изложении делается на глубину построения, и потому за кратким указанием «по два» следует разъяснение о численности лоха именно для того, чтобы читатель смог живо представить и определить самое главное — глубину построения. Она равнялась, таким образом, 12 рядам, что само по себе было не так уж мало, но в данном случае выглядело недостаточным ввиду чрезвычайно глубокого — в 30, а у египтян даже в 100 рядов — построения неприятеля.

55 *Ведь как от жилища нет проку... так и от фаланги...* — Аналогичное сопоставление хорошо построенного войска с прочно выстроенным домом проводится Ксенофонтом и в другом его сочинении — «Воспоминаниях о Сократе» (III, 1, 7).

56 *Итак, вы...* — обращение к командирам тяжеловооруженных воинов.

57 *За ними вы, командиры пельтастов...* — Здесь пельтастами названы те метатели дротиков, о которых вместе с лучниками шла речь в § 24.

58 *...и при случае позволит нам устроить засаду* (καὶ ἐνεδρεύειν ἡμῖν ἐξουσία ἔσται)... Эти слова исключаются из текста В. Гемоллем.

59 *...на верховых коней надевали еще и набедренники, а на лошадей, запряженных в колесницы, — брони, защищавшие им бока.* — Верховые лошади получали набедренники (παραμηρίδια), которые, впрочем, служили набедренниками и самим всадникам (ср. ниже, VII, I, 2 и прим.); боковых броней (παραπλευρίδια) они не получали, так как это сильно отяжелило бы их ход, а кроме того, их бока были прикрыты ногами всадников.

60 *Все войско... заполыхало пурпуром.* — Идти в сражение в пурпуровом одеянии было в обычае у спартанцев (см. Xen. Lac. pol., II, 3); иногда их примеру следовали и другие греки, например, греческие наемники Кира Младшего в битве при Кунаксе (Xen. Anab., I, 2, 16). Напротив, воины Артаксеркса в той же битве были одеты поверх панцирей в белые плащи (Plut. Artox., II, 9). Кажется, что и в данном случае Ксенофонт перенес на персов спартанские обычаи.

61 *... льняной панцирь, какие приняты у людей его страны...* — Абрадат был родом из Суз (см. выше, V, I, 3 и VI, III, 35). Что же касается льняных панцирей, то они были в ходу у разных народов: у египтян (Her., II, 182; III, 47), у малоазийских халибов (Xen. Anab., IV, 7, 15), а в ранней древности и у греков (Homer. Il., II, 529 и 830; Alcaeus ap. Athen., XIV, p. 627b=fr. 15 Bergk [4]).

62 *...поднесла ему ‹новый, золотой панцирь›...* — Перевод сделан с учетом дополнения χρυσοῦν (θώρακα), вносимого в текст Мейером.

63 *... как свободную, но позорную прислужницу...* — Т. е. как наложницу — сло́ва этого Панфея не решается произнести.

64 *...поцеловала край колесницы.* — Эта деталь повествования Ксенофонта позднее была скопирована писателем II в. н. э. Харитоном в его романе «О Херее и Каллирое» (V, 3, 10): «Занавешенная покрывалом продолжала двигаться армамакса (повозка. — *Э. Ф.*) дальше, а люди, которые видеть Каллирою больше уже не могли, целовали ее колесницу» (перевод И. И. Толстого).

65 *...если они рассчитывают простым натиском сбить нас с позиции...* — В битвах древности простой натиск (ὠθισμός) нередко имел решающее значение: так было, например, в битве при Левктрах в 371 г. до н. э., когда спартанцы не выдержали натиска глубокой колонны беотийцев (см. Xen, Hell., VI, 4, 14; Plut. Quaest. conv., II, 5, 2, p. 639 f).

66 *...то есть силе железа...* — Имеются в виду серпы, прилаженные к осям колесниц.

Книга VII

[1] ... *принес в жертву богам начатки еды...* — У древних признаком благочестия было, приступая к трапезе, уделять богам небольшую толику — «начатки» (ἀπαρχαί, и отсюда глагол ἀπάρχεσθαι) — от еды и питья. Здесь говорится о принесении Киром в жертву богам именно начатков еды, но несколько ниже упоминается о совершении им и жертвенного возлияния.

[2] ... *копьями с древком из кизилового дерева...* — Копья из кизилового дерева отличались одновременно крепостью и упругостью (ср. Vergil. Georg., II, 447). Такие копья были на вооружении у персидских всадников и позднее, во времена Ксенофонта (см. Xen. Hell., III, 4,14).

[3] *Доспехи... сверкали, как зеркало.* — Сравнение тем более подходящее, что зеркала в древности делались из гладко отполированного металла.

[4] ... *справа неожиданно раздался гром.* — О предзнаменованиях такого рода ср. выше, I, VI, 1 и прим.; относительно стороны, откуда являлось знамение, — II, I, 1 и прим.

[5] *Такой значок и доныне остается у персидского царя.* — В «Анабасисе» Ксенофонт упоминает, что царским штандартом Артаксеркса II был «золотой орел, насаженный на древко копья» (Anab., I, 10, 12; ср. также Curt., III, 3, 16).

[6] ... *около двадцати стадиев...* — примерно 3, 7 км.

[7] ... *с каждой стороны наподобие гаммы...* — т. е. в виде Г ꓶ.

[8] ... *что осталось ими не замеченным...* — Кир имеет в виду подготовленные им для фланговой атаки отряды Артаоза, Артагерса, Фарнуха и Асиадата, которые помещались в тылу, позади обозов; ср. выше, VI, III, 31—33, и ниже, VII, I, 21 сл.

[9] ... *каждый сможет внести богатую долю для общего стола!* — Сравнение проводится с обычными у греков товарищескими обедами или пирушками на паях (ἔρανοι).

[10] *Так хвастал Кир...* — Это место «Киропедии» имеет в виду Плутарх, когда ссылается на пример Кира в подтверждение того, что можно ободрить впавших в уныние друзей хвастливой речью (De laude ipsius, 16, p. 545 b).

[11] ... *сами вы будете действовать фалангой, что придаст вам особенную силу.* — Подготовляемый Киром маневр (для суждения о нем ср. еще § 8 и 26) совершенно отвечает принципиальным установкам античных тактиков: удар правильным боевым построением (фалангой) во фланг неприятельского войска справедливо признавался одним из наиболее эффективных способов атаки (ср. Xen. Anab., I, 10, 9; IV, 6, 6; Hell., VII, 4, 23; Arrian. Anab., I, 6, 10; 13, 5; 14, 7; V, 16, 4).

[12] ... *он поднял сигнал...* — Таким сигналом (σημεῖον) мог быть флаг или поднятый на копье щит.

[13] *Пельтофоры* (буквально «носители пельты») — то же, что пельтасты.

[14] ... *все воины разом повернулись лицом к врагу.* — Это указание не следует понимать буквально: повернулись лишь те, которых Кир намерен был бросить в атаку на вражеские крылья, т. е. боковые отряды колесниц и тыловые отряды конницы и пехоты; воины, стоявшие во главе колонны, как были, так и остались обращенными лицом к неприятельскому центру.

[15] *Эниалий* — у греков бог войны, отождествлявшийся с Аресом.

[16] ... *страх... испытывают... при виде верблюдов.* — Этот эпизод с верблюдами, включая и общее замечание о страхе коней перед верблюдами, излагается здесь в полном соответствии с рассказом Геродота (см. Her., I, 80; ср. VII, 87; а также Aristot. Hist. an., VI, 18, p. 571 b 26; Aelian. De nat. an., III, 7).

[17] ... *бодцом коля их до крови.* — Чтобы погонять упряжных лошадей или быков, древние пользовались как бичом, так и стрекалом, бодцом (κέντρον) — длинной палкой с острием на конце (ср., например, Soph. Oed. Tyr., 809; Aristoph. Nubes, 1297).

[18] *Парабаты* — воины, сражавшиеся с колесниц.

[19] *Сотрапезники* (ὁμοτράπεζοι) — на Востоке близкие к правителю лица, если и не всегда, то достаточно часто делившие с ним его трапезы; они пользовались особым доверием правителя и за это платили ему преданностью. Эпизод с гибелью Абрадата напоминает рассказ Ксенофонта в «Анабасисе» о гибели Кира Младшего, при котором тоже в решающий момент боя остались почти исключительно одни сотрапезники (Anab., I, 8, 25 слл.; 9, 30 сл.).

[20] ... *если вы обеспечите себе спасение, не предав никого из союзников* (εἰ τῶν τε συμμαχομένων μηδένα, προδόντες σωθείητε)... — Эти слова исключаются из текста А. Хугом.

[21] ... *и поныне сохраняют верность персидскому царю.* — Говоря так, Ксенофонт, может быть, имеет в виду тех египтян, которые были в составе армии Артаксеркса II при Кунаксе (Anab., I, 8, 9).

[22] ... *Ларису и Киллену... которыми еще и сейчас владеют их потомки.* — Рассказывая в «Греческой истории» о действиях спартанского полководца Фиброна в Малой Азии в 399 г., Ксенофонт среди прочих городов, которые тот старался отбить у персов, упоминает и Ларису Египетскую (Λάρισα ἡ Αἰγυπτία καλουμένη — Hell., III, 1, 7).

[23] ... *отвел свое войско и расположил его лагерем в Фимбрарах.* — Следовательно, по Ксенофонту, битва произошла недалеко от Сард, что совпадает с указанием Геродота (см. Her., I, 80; о Фимбрарах ср. выше, VI, II, 11 и прим.).

[24] ... *спуск к реке* — Упоминаемая здесь река — Пактол (ср., выше, VI, II, 11 и прим.) — Рассказ Ксенофонта о взятии Сард в целом близок версии Геродота. Отличие лишь в деталях: по Геродоту (I, 84), Сарды были взяты лишь на четырнадцатый день осады, а первым, взобравшимся на стену акрополя, был мард Гиреад.

[25] ... *не удивляйтесь, если на обратном пути вам повстречается кто-нибудь посильнее вас.* — Угроза Кира неопределенна, но от этого она не выглядит менее страшной.

[26] ... *вознаграждение получают в первую очередь дисциплинированные...* Та же мысль о предпочтительном вознаграждении лучших развивается Ксенофонтом и ниже (VIII, IV, 4); ср. также Hipparch., I, 24.

[27] ... *Кир велел привести к нему Креза.* — Геродот (I, 87—90) также рассказывает о беседе Кира с Крезом, однако у него этой беседе предшествует рассказ о страшном испытании, которое пришлось перенести Крезу, когда его, по приказу Кира, едва не сожгли заживо на костре (I, 86—87). Сама беседа, как она передана у Ксенофонта, в исходных точках соприкасается с изложением Геродота: у обоих авторов главными темами беседы двух царей представлены судьба захваченных Сард и история обращения Креза к дельфийскому оракулу. Однако содержание разговора у каждого автора отличается своеобразием, будучи подчинено его собственным идейным установкам.

[28] ... *он угадал, что я делал, хотя это были странные вещи, да и сам я находился вдали от Дельф.* — По свидетельству Геродота (I, 46—49), Крез, желая проверить правдивость оракулов, отправил к ним специальных послов с наказом на сотый день после отъезда из Сард задать везде один и тот же вопрос: «Что теперь делает царь лидян Крез, сын Алиатта?» Между тем сам он, дождавшись назначенного дня, разрубил на куски черепаху и ягненка и самолично сварил их вместе в медном котле, накрытом медной крышкой. Из всех оракулов дельфийский наиболее точно угадал действия Креза, вследствие чего царь проникся к нему особенным доверием.

[29] ... *и таким образом... умилостивил его...* — Подробный перечень этих жертв и даров, которыми Крез старался умилостивить Аполлона Дельфийского, приводит Геродот (I, 50 сл.). По его свидетельству, Крез принес в жертву Аполлону 3000 голов отборного скота и сжег на костре — тоже в виде жертвы богу — множество роскошных лож, серебряных чаш и пурпуровых одежд. Затем Крез отправил в дар Дельфийскому святилищу 117 слитков в виде полукирпичей, из которых четыре были из чистого золота по 2,5 таланта, а остальные — из сплава золота и серебра по два таланта каждый. Кроме того, царь отправил в Дельфы изваяние льва из чистого зо-

лота весом в 10 талантов, две огромные чаши — золотую и серебряную — для смешивания вина и пр.

[30] *...один из них был глухонемым, а другой... погиб в расцвете лет.* — Согласно Геродоту, здорового сына Креза звали Атис; он погиб на охоте от несчастного случая: сопровождавший его фригиец Адраст метнул копье в вепря, но промахнулся и поразил Атиса (Her., I, 34—45). Другой сын — глухонемой — позднее исцелился чудесным образом: когда при штурме Сард какой-то перс хотел поразить Креза, сын от страха за отца вдруг обрел дар речи и воскликнул: «Человек, не убивай Креза!» (ibid., I, 85).

[31] *Крез! Познавая себя, счастливым ты век проживешь свой.* — Геродот ничего не сообщает об этом прорицании; скорее всего деталь эта введена в историю Креза самим Ксенофонтом, который мог использовать в своих целях широко распространенную гному, исторически связанную с Дельфийским оракулом (выражение «познай самого себя» [γνῶθι σεαυτόν] было написано на фронтоне храма Аполлона в Дельфах) и воспринятую — в качестве своего рода девиза — сократовской школой.

[32] *...благополучно вернулись домой.* — Имеется в виду участие Креза в первой военной кампании и бегстве его после поражения ассирийцев; см. выше, I, V, 3 и II, I, 5; IV, I, 8 и II, 29.

[33] *... дарами, которые мне подносили, и теми* (καὶ ὑπὸ τῶν δώρων ὧν ἐδίδοσάν μοι καὶ ὑπ᾽ ἀνθρώπων)... — Эти слова исключаются из текста В. Гемоллем.

[34] *... происходит от богов...* — О божественном происхождении Кира см. выше, I, II, I; IV, I, 24 и прим.

[35] *...только вместе с царством обрел и свободу.* — По преданию, предок Креза, первый царь из династии Мермнадов Гиг был сначала царским телохранителем (Her., I, 8—13), а по другой версии пастухом, батрачившим у царя (Plato. Resp., II, p. 359d—360b), т. е. во всяком случае лицом подневольным.

[36] *... роют... могилу на каком-то холме...* О способе погребения у иранских племен ср. ниже, VIII, VII, 25 и прим.

[37] *...ударил себя по бедрам...* — Традиционный жест, служивший выражением скорби или гнева (ср. Homer. Il., XII, 162; XV, 113 и 397; XVI, 125; Od., XIII, 198; Plut. Pomp., 24, 11; 30, 6).

[38] *...чтобы все это можно было заклать в честь Абрадата.* — О жертвоприношении коней ср. ниже, VIII, III, 12 и прим.

[39] *...кормилице своей она велела остаться...* — Введенная в рассказ фигура кормилицы, одновременно прислужницы и наперсницы молодой госпожи, отражает деталь греческого быта и литературы.

[40] *Акинак* — персидский короткий меч.

[41] *...сирийскими письменами...* — Сирийские=ассирийские; ср. выше, прим. 43 к кн. V. Надо, впрочем, заметить, что выражение «ассирийские письмена» (Ἀσσύρια γράμματα) могло употребляться для обозначения не только собственно ассирийского письма, но вообще любой клинописи, имевшей хождение на Востоке, — ассиро-вавилонской, эламской и персидской (ср. Her., IV, 87; Thuc., IV, 50, 2).

[42] *Скиптродержцы* (σκηπτοῦχοι). — Так назывались у персов доверенные служители, обыкновенно из евнухов, составлявшие одновременно и челядь и охрану правителя (ср. ниже, VIII, I, 38; III, 15, 19, 22, 23; IV, 2; ср. также Anab., I, 6, 11; 8, 28). Надо, однако, заметить, что весь отрывок о могильном холме и стелах с надписями выглядит сомнительным и уже Л. Диндорфом был исключен из текста как позднейшая вставка. Действительно, пассаж составлен неряшливо (повторы καὶ νῦν и μέχρι τοῦ νῦν, не совсем ясное заключение — σκηπτούχων); особенно странным выглядит обозначение могильного холма как места захоронения евнухов, тогда как дальше говорится, что верхняя стела была надписана именами супругов — господ. Впрочем, нет недостатка и в попытках спасти текст. Так, И. Пантазидес рядом исправлений, в частности заменой рукописного κεχῶσθαι на κεχωρίσθαι и дополнением τὰ (sc. ὀνόματα) τῶν перед заключительным σκηπτούχων, достигает сносного чтения:

«И до сих пор еще, говорят, стоит могила (двух супругов) отдельно от (могилы) евнухов. Рассказывают, что на верхней стеле начертаны сирийскими письменами имена мужа и жены, а ниже есть еще три стелы и на них написаны имена скиптродержцев».

43 *...все они обитали в укрепленных самою природою местностях...* — Кария — область в юго-западной части малоазийского полуострова; местные жители в целях безопасности устраивали свои поселения на вершинах холмов. Ср. реплику Аристофана в «Птицах» (ст. 292 сл.):

Вспомни карян, ведь и те,
От врагов спасаясь, ставят шалаши на гребнях гор
(Перевод А. Пиотровского).

44 *...стал сооружать осадные машины и тараны...* — Об этом ср. выше, VI, I, 20 и прим. По поводу таранов, однако, надо заметить, что утверждение Ксенофонта противоречит свидетельству другого греческого историка, Диодора, который утверждает, что и тараны, и так называемые «черепахи» (подвижные защитные навесы) впервые были применены Периклом при осаде Самоса (Diod., XII, 28, 3, под 441/40 г. до н. э.).

45 *...а в Карию направил... перса Адусия...* — Согласно Геродоту (I, 171 сл.), Кария была покорена другим полководцем Кира — мидянином Гарпагом.

46 *...он получал с них дань...* — Об особом положении в державе Кира киликийцев и киприотов, равно как и пафлагонцев, Ксенофонт говорит и ниже, VIII, VI, 8; его утверждения в целом соответствуют исторической действительности. Для сопоставления можно указать места в других сочинениях Ксенофонта, где говорится о достаточно независимом положении киликийского царя Сиеннесия (Anab., I, 2, 12 и 21 сл.; 4, 4; VII, 8, 25), кипрского правителя Эвагора (Hell., II, 1, 29; IV, 8, 24; V, I, 10), правителя Пафлагонии Корила (Anab., V, 5, 12 и 22; 6, 11; VI, 1, 2; VII, 8, 25). Относительно податей, которые платили эти народы, ср. свидетельство Геродота (III, 89 сл.), согласно которому при Дарии I пафлагонцы входили в 3-й, киликийцы в 4-й, а киприоты в 5-й податной округ.

47 *...а только вносить подать и участвовать в походах, куда бы Кир их ни направил.* — Азиатские греки были подчинены персами после длительной и ожесточенной борьбы (см. Her., I, 76, 141—153, 161—170). Тем не менее в свидетельстве Ксенофонта может заключаться зерно истины: хотя персам пришлось покорять греков силой оружия, положение греческих городов в державе Кира едва ли было существенно хуже, чем до того их положение — достаточно свободное — в державе Креза. Не имея собственного флота, Кир был заинтересован в поддержке греческих мореходов (ср. *С. Я. Лурье.* История Греции, ч. I. Л., 1940, стр. 184).

48 *...персам, которые первыми ушли с ним в поход...* — Этих персов, как указывалось выше (I, V, 5), было 31 000, и они далеко не все еще стали всадниками; ср. V, IV, 32; VI, I, 26 и II, 7.

49 *...а оружие сжег...* — Сходным образом Кир поступал, по словам Ксенофонта, и раньше, ср. IV, II, 33; V, 36; VI, 1; иначе поступил он после взятия Вавилона: отобранное у вавилонян оружие было сложено про запас в цитаделях (VII, V, 34).

50 *...вдоль длинной стены...* — Согласно Геродоту (I, 178), длина обводной стены Вавилона равнялась 480 стадиям (88,8 км); другие античные авторы называют цифры поменьше, но тоже достаточно внушительные: Диодор (II, 7, 3) — 360 и 365 стадиев (66,6 и 67,5 км), со ссылками соответственно на Ктесия (рубеж V—IV вв.) и Клитарха (конец IV в. до н. э.); Страбон (XVI, 1, 5, р. 738) — 385 стадиев (71, 2 км); Курций Руф (V, 1, 26) — снова 365 стадиев (67, 5 км). Эти данные, несмотря на их видимую точность, признаются современными исследователями сильно завышенными. На самом деле периметр стен собственно Вавилона равнялся 8,15 км, а длина большой внешней стены, возведенной Навуходоносором II вокруг предместий

Вавилона, составляла около 18 км. Все же и при таких исходных данных Вавилон оставался самым большим городом древнего мира (см. *В. А. Белявский*. Вавилон легендарный и Вавилон исторический. М., 1971, стр. 155 слл.).

51 *...пока каждое крыло не окажется напротив него, Кира, и центра войска.* — Оба крыла должны были сделать поворот соответственно налево и направо и начать движение, заходя за спину продолжавшей стоять на месте центральной части. В результате войско Кира должно было принять форму, близкую каре.

52 *...вместо* (ἀντ')... — Этот предлог добавлен в текст в изданиях Ф. А. Борнемана и Ф. К. Гертлейна.

53 *...такое построение... было приспособлено...* — Выше устами Кира единожды уже высказывалось убеждение в необходимости именно такого построения (VI, III, 25). Ср. у того же Ксенофонта в «Воспоминаниях о Сократе» (III, 1, 8).

54 *Гимнеты* — легковооруженные (пращники, лучники, метатели дротиков).

55 *...столь мощные и высокие стены.* — Геродот определял высоту обводной стены Вавилона в 200 царских локтей (128 м); Диодор — в 50 оргий (92,5 м), или 50 локтей (30, 85 м), со ссылками соответственно на Ктесия и более поздних авторов; Страбон и Курций Руф — в 50 локтей. Ширину стены Геродот определял в 50 царских локтей (32 м); Диодор свидетельствует, что она была более чем достаточна для проезда двух колесниц; Страбон и Курций Руф согласно называют 32 фута (9,87 м). Данные Геродота выглядят сильно завышенными, но и более скромные и, очевидно, ближе соответствующие действительности данные позднейших авторов свидетельствуют о несравненной мощи вавилонских стен (см. Her., I, 178; Diod., II, 7, 4; Strabo, XVI, 1, 5, p. 738; Curt., V, 1, 25 сл.; ср. *В. А. Белявский*, Указ. соч., стр. 171 слл.).

56 *...эта река, ширина которой более чем два стадия?* — Древний Вавилон был расположен на реке Евфрат. Эта, по словам Геродота (I, 178), «большая, глубокая и быстрая река» протекала через середину города, деля его на две части — Старый и Новый город, соответственно на левом и правом берегу. О ширине реки в этом месте единства мнений не было: наш автор говорит о 2 стадиях (370 м), но, по Страбону (XVI, 1, 5, p. 738), ширина реки равнялась одному стадию (185 м).

57 *Оставим, Хрисант, то, что выше наших сил.* — *заметил Кир.* — Сказано Киром так, по-видимому, лишь для того, чтобы скрыть свои истинные намерения. Из последующего видно, что он принял именно идею Хрисанта — проникнуть в город по руслу Евфрата.

58 *...причем землю они отгребали к себе.* — Таким образом ров дополнялся еще и валом, и все вместе образовывало единую циркумвалационную линию вокруг осажденного города.

59 *Плетр* — мера длины, равная 30,86 м.

60 *...от давления тяжести они выгибаются кверху, словно вьючные ослы.* — Не только Ксенофонт, но и многие другие античные авторы были убеждены в том, что пальмовые деревья под давлением тяжести не прогибаются, а выгибаются вверх (см., например, Theophr. Hist. plant., V, 6, 1; Strabo, XV, 3, 10, p. 731; Plut. Quaest. conv., VIII, 4, 5, p. 724 e и др.). На чем было основано это утверждение, неизвестно (ср. примечания М. Е. Сергеенко к ее переводу Феофраста — *Феофраст*. Исследование о растениях. [Л.], 1951, стр. 459 [прим. 68 к книге V]).

61 *...чтобы было похоже, что он готовится к длительной осаде* (ὅπως ὅτι μάλιστα ἐοίκοι πολιορκήσειν παρασκευαζομένῳ)... — Эти слова исключаются из текста Г. Р. Брейтенбахом.

62 *...открыл рвы для речной воды.* — Версия Ксенофонта о способе, которым был взят Вавилон, в целом соответствует свидетельству Геродота (I, 191).

63 *...створки дверей сделаны из финикового дерева и смазаны... асфальтом.* — Ср. свидетельство Страбона: «...для построек здесь (в Вавилонии. — *Э. Ф.*) применяют доски и балки из пальмового дерева..., а двери покрывают асфальтом» (Strabo., XVI, 1, 5, p. 739)

64 *...ведите нас... к царским дворцам.* — Для обозначения царского дворца в Вавилоне Ксенофонт использует то единственное число τὸ βασίλειον (§ 25, 27, 28, 29), то множественное τὰ βασίλεια (§ 24 и 26). В принципе множественное число этого слова могло употребляться, как и единственное, для обозначения одного дворца. Однако стилистический разнобой для такого педантичного писателя, как Ксенофонт, не характерен. Возможно, поэтому, что употребление вариантов было обусловлено в данном случае самим существом дела. Расположенный в северо-западном углу Старого города царский дворец в Вавилоне являл собою сложный комплекс крепостных и дворцовых сооружений. «Дворец был окружен мощными стенами общей протяженностью 900 м и представлял собой настоящую крепость внутри города...» (*В. А. Белявский.* Ук. соч., стр. 168 сл.). Учитывая это возможное соответствие между словоупотреблением Ксенофонта и описываемым дворцовым комплексом, мы передали буквально в нашем переводе как единственное, так и множественное число от слова τὸ βασίλειον («дворец» — «дворцы»).

65 *...всякий, кого застигнут на улице, будет немедленно умерщвлен.* Ни романизированная версия Ксенофонта, ни даже более прозаический рассказ Геродота не дают точного отчета о падении Нововавилонского царства. Данные античной традиции приходится дополнять восточными материалами — свидетельствами официальных документов (так называемого манифеста Кира и вавилонской хроники), сообщениями позднего вавилонского историка Беросса (III в. до н. э.) и библейской книги пророка Даниила. Согласно этим сведениям, Кир приступил к завоеванию Вавилонии после того, как утвердил свою власть над всей остальной Азией. Решающее наступление на Вавилон началось летом 539 г. Вавилоняне были разбиты у города Описа на Тигре, затем был взят без боя город Сипар и, наконец, 12 октября персидские войска под командованием Угбару (Гобрий «Киропедии») овладели Вавилоном. Сам Кир вступил в город 29 октября, после чего он назначил Губару (Гобрий Геродотовой «Истории») наместником всей Вавилонии. Последний вавилонский царь Набонид был пленен в Вавилоне, но пощажен и отправлен на поселение в Карманию; его сын Валтасар, напротив, был убит. Захват персами царского дворца и смерть Валтасара как раз и составляют историческое основание рассказа Ксенофонта. Ср.: *Б. А. Тураев,* Указ. соч., т. II, стр. 113 сл.; *М. А. Дандамаев.* Указ. соч., стр. 106 сл.; *В. А. Белявский.* Указ соч., стр. 269 сл.

66 *...они тут же сдали и эти укрепления.* — И в этом, и в следующем параграфе речь идет о цитаделях во множественном числе (αἱ ἄκραι). Здесь могут иметься в виду отдельные укрепления, составлявшие дворцово-замковый комплекс Старого города.

67 *...поскольку город был взят силою...* — Ксенофонт обосновывает право собственности завоевателей на захваченную ими страну самим фактом завоевания (ср. ниже рассуждения, которые он вкладывает в уста Кира, § 73 и 77). В этом надо видеть не простое отражение широко распространенного в древности общего взгляда, но именно предвосхищение характерного для эпохи эллинизма воззрения, согласно которому земля, завоеванная силой оружия, «копьем», становилась собственностью завоевателя (γῆ, χώρα или, как здесь, πόλις δορίάλωτος или δορίκτητος).

68 *...распределял добычу так, как было решено...* — *См. выше,* II, 3, 16.

69 *...персам... и союзным воинам... он предоставил право вести себя господами...* — В рассказе Ксенофонта о том, как Кир определил отношения между побежденными вавилонянами и победителями — персами, надо видеть не столько фиксацию действительной исторической ситуации, сколько выражение политических идеалов самого автора. Идея организации нового общества, могущего возникнуть в результате завоевания, не была чужда и тем публицистам, которые выдвигали практическую задачу завоевания эллинами азиатского Востока. Центральным пунктом панэллинской программы Исократа было именно требование перенести бедствия Эллады в Азию, а богатство Азии — в Элладу, сделать варваров подданными эллинов, их данниками, их периэками, их илотами (Isocr., IV, 131; Ep. III, 5; ср. *В. Г. Борухович* и *Э. Д. Фролов.* Публицистическая деятельность Исократа. — ВДИ, 1969, № 2, стр. 208).

70 *...в те места, откуда началось наше наступление...* — Имеется в виду пограничный район между Мидией и Ассирией (τὰ μεθόρια τῶν Σύρων καὶ Μήδων — V, 4, 51).

71 *...страшное известие, что весь свет собирается походом на нас...* — Имеется в виду известие о приготовлениях антиперсидской коалиции во главе с Крезом; это известие было доставлено в лагерь Кира индийцами (VI, II, 9 слл.).

72 *Митра* — один из главных богов индо-иранского пантеона, бог света и податель жизни, нередко отождествлявшийся с солнцем (ср. Strabo, XV, 3, 13, p. 732). У Ксенофонта Митрой клянется и Кир Младший в трактате «Об управлении хозяйством» (4, 24).

73 *...я готов вновь известить от твоего имени...* — Артабаз намекает — но теперь уже иронически — на прежнюю свою миссию, о которой он уже упоминал выше, § 49; ср. также IV, I, 21 слл.

74 *Но теперь, когда ты не одним этим способом, но и тысячами других можешь склонить на свою сторону кого понадобится...* — *При переводе следуем чтению* Ф. К. Гертлейна: νῦν δ'ἐπεὶ οὐχ οὕτω μόνον, ἀλλὰ καὶ ἄλλως ἀνακτᾶσθαί δύνασαι οὓς καιρὸς εἴη.

75 *... в самом большом из всех славных городов...* — Величина Вавилона поражала древних, которые действительно считали его едва ли не самым большим городом мира. Ср., помимо уже упоминавшегося выше (в прим. 62) свидетельства Геродота (I, 191), мнение Аристотеля, утверждавшего, что Вавилон по размерам своим представляет «скорее племенной округ, нежели городскую общину: по рассказам, уже три дня прошло, как Вавилон был взят, а часть жителей города еще об этом не знала» (Polit., III, 1, 12, p. 1276 a 28—30). Впрочем, последнее замечание, по-видимому, имеет своим источником все то же свидетельство Геродота.

76 *...никто не выказывал... большей верности своим господам... чем евнухи.* — Ксенофонт может иметь в виду здесь, например, поступок Артапата, скиптродержца Кира Младшего, который в решающий момент битвы при Кунаксе не покинул своего господина и разделил с ним его горестную судьбу (Xen. Anab., I, 8, 28 сл.); ср. также выше, о скиптродержцах Абрадата и Панфеи, VII, III, 15.

77 *... земля их скалиста и они сами должны обрабатывать ее...* — Другие античные авторы также свидетельствуют о суровости страны персов и бедности их образа жизни до того, как они стали владыками Азии. Арриан замечает: «Персы были тогда (во времена Кира. — *Э. Ф.*) бедны, жили в суровой местности, и обычаи их очень напоминали лаконские установления» (Anab., V, 4, 5, здесь и ниже перевод М. Е. Сергеенко).

78 *... хотел ввергнуть вавилонян в крайнюю нужду...* — Политическая литература IV в. считала стремление правителей добиться покорности своих подданных, ввергнуть их в нужду, характерной чертой насильственных режимов, в особенности тиранических. Так, Ксенофонт в трактате «Гиерон», описывая жизнь и поведение обычного, «злого» тирана, отмечал: «Даже когда бывает хороший урожай и является изобилие всех благ, — даже тогда тиран не разделяет общей радости. Ведь, по его мнению, чем больше люди спознаются с нуждою, тем больше смирения выкажут перед ним» (Hier., 5, 4). Тем более интересен комментируемый пассаж «Киропедии», где традиционный для тиранов и обычно осуждаемый метод подается как нечто естественное в случае, когда речь идет о монархе-завоевателе, утверждающем свою власть среди иноплеменного покоренного населения.

79 *... превращаются в свою дурную противоположность...* — Ту же мысль Ксенофонт развивает и в другом своем сочинении — «Воспоминаниях о Сократе» (I, 2, 19 слл.).

80 *... великое дело — завладеть властью, но еще более трудное — однажды захватив, сохранить ее за собой.* — Пример общего места; ср. Dem., I, 23.

81 *... Мы лишили оружия наших подданных...* — Здесь устами Кира высказываются рекомендации, совершенно аналогичные идеальным спартанским установлениям. О лишении покоренных и обращенных в рабство людей оружия ср. также ниже, VIII, I, 43.

82 *... не так страшно не достичь счастья, как горько лишиться уже достигнутого.* — Снова пример общего места; ср. Thuc., II, 44, 2.

83 *... разве не будет стыдно, если мы станем надеяться на безопасность, только полагаясь на телохранителей...* — В речи Кира находят отражение социальные установки самого Ксенофонта — полисного грека, члена собственнического рабовладельческого коллектива. Ксенофонт отдавал себе ясный отчет в социальном назначении гражданского содружества. Принципиальная установка ясна: никакое использование наемников не может освободить граждан от исполнения ими самими военного долга, этой главной обязанности свободных людей. Ср. Xen. Hier., 4, 3.

Книга VIII

1 *Такую речь произнес Кир.* — Поскольку эта фраза не открывает никакого нового абзаца, а лишь завершает предыдущий (речь Кира), И. Г. Шнейдер высказал мнение, что началом VIII книги должен был служить другой смысловой рубеж — перед VII, V, 37. Что наряду с традиционным членением текста Ксенофонта существовало и какое-то другое, это во всяком случае подтверждается Стобеем (писателем V в. н. э.), который цитирует место из «Киропедии» VII, V, 82 как принадлежащее VIII книге (Stob. Flor., 15, 13).

2 *...я... постараюсь разъяснить...* — Далее следует развитие одной из самых любимых тем Ксенофонта — темы повиновения властям (πειθαρχία); ср. Xen. Hell., III, 4, 18; V, 2, 6; VII, I, 8; Mem., III, 5, 16; IV, 4, 15; но особенно Lac. pol., 2, 2, 10—11; 8; 10, 7.

3 *... содержать для него в готовности лошадей и собак.* — Содержание конных заводов и охотничьих собак было в обычае у знатных персов.

4 *...хилиархи — за лохагами* — В перечне отсутствуют таксиархи. Точнее было сказать: «таксиархи — за лохагами, хилиархи — за таксиархами» (замечание Ф. А. Борнемана).

5 *...хорошего правителя Кир считал живым законом для людей...* — Философия греков сформулировала важный тезис: законы — это владыки государств (οἱ τῶν πόλεων βασιλεῖς νόμοι, выражение Алкидаманта, софиста конца V в., цитируемое Аристотелем в его «Риторике», III, 3, p. 1406 a 23; ср. Plat. Conv., p. 196c), но она же в связи с растущим интересом к теме монархии выдвинула и антитезис: царь — это одушевленный закон (νόμων δὲ ὁ μὲν ἔμψυχος, βασιλεύς, ὁ δὲ ἄψυχος, γράμμα, слова Архита, философа и политика первой половины IV в. до н. э., приведенные Стобеем в его «Цветнике», 43, 132). Наш автор дает свой вариант этого при всей своей метафоричности столь важного для теории монархизма положения.

6 *... притом именно в то время, как дела были хороши.* — Ксенофонт показывает, что Кир действительно придерживался совета, который был дан ему отцом (см. выше, I, VI, 3).

7 *...были назначены им маги* <...> — Место темное. Во-первых, непонятно утверждение, что «тогда впервые были назначены маги» (καὶ τότε πρῶτον κατεστάθησαν οἱ μάγοι). Ведь о магах не раз упоминалось выше (IV, V, 14; VI, 11; V, III, 4; VII, III, 1; V, 35), и ясно, что они все время сопровождали мидийско-персидское войско Кира. В свое время А. Г. Л. Геерен именно на основании комментируемого отрывка высказал предположение, что институт магов, первоначально мидийского происхождения, позднее был перенесен Киром на персидскую почву (ср. комментарии И. Г. Шнейдера в его издании «Киропедии» 1815 г., ad locum, со ссылкой на Геерена, и Г. А. Янчевецкого — к IV, V, 14 и VIII, I, 23). Однако из всех мест, где упоминается о магах в «Киропедии», не видно, чтобы они безусловно были связаны только с мидянами, а не с мидянами и персами одинаково. Не идет ли речь скорее о назначении магов именно для персов, которые селились в новой завоеванной стране? Ср.: *М. А. Дандамаев.* Указ. соч., стр. 238, прим. 17.

Во-вторых, неясно, как связать с этой фразой о магах последующую инфинитивную конструкцию (у нас она переведена придаточным цели). Ф. К. Гертлейн вместо

ὀμνεῖν и θύειν рукописей групп *x* и *y*, версии которых обычно заслуживают предпочтения, принимает ὄμνει и ἔθυεν (sc. (Κῦρος) группы *z* и близкого к ней кодекса V): этой версии следует и французский перевод под редакцией А. Трианона и перевод Г. А. Янчевецкого. А. Хуг, а за ним и В. Гемолль и И. Петерс, сохраняя версию групп *x* и *y*, предполагают после слова «маги» лакуну.

8 *...а не таких, которых признают святотатцами.* — В последнем случае гнев богов мог, по понятиям древних, обрушиться на всех, плывущих на корабле.

9 *Придерживаясь такого мнения, он так всегда и поступал.* — Последствия такой установки могли оказаться, однако, пагубными для государства, что и отмечается ниже самим Ксенофонтом (см. VIII, VIII, 4 сл.).

10 *...своих скиптродержцев.* — Ср. выше, VII, III, 15 и прим.

11 *...и не оборачиваться явно при виде кого-либо, но сохранять невозмутимость.* — Этот обычай персов в какой-то степени перекликается с другим идеальным установлением, на этот раз спартанским, о котором Ксенофонт упоминает в «Лакедемонской политии» (3, 4): «Кроме того, желая приучить молодежь к скромности, Ликург предписал, чтобы юноши на улице держали руки под гиматием и ходили молча, не оглядываясь, глядя себе под ноги». Однако назначение этих сходных обычаев было различно: у спартанцев имелось в виду воспитание скромности, у персов — сохранение величавой невозмутимости.

12 *...он отличал кушаньями...* — Ср. VIII, IV, 6 сл.; VI, 11. По словам Ксенофонта, Кир Младший также соблюдал обычай уделять другим от своих кушаний (Anab., I, 9, 25 сл.) и так же поступали спартанские цари (Lac. pol., 15, 4; Ages., 5, 1).

13 *...варит...* — Принято чтение В. Гемолля ἕψει; рукописи группы *y* дают πέττει, в прочих слово отсутствует.

14 *...каждое блюдо приготовляется самым изысканным образом.* — Этот отрывок (§ 5—6) крайне важен для суждения о взглядах древних на природу разделения труда. Надо заметить, что наряду с Ксенофонтом (у него в «Киропедии» см. еще II, I, 21) этой темы касались и другие писатели IV в. — Исократ в «Бусирисе» (§ 16), Платон в «Государстве» (II, p. 370b-c; III, p. 394 e) и «Законах» (VIII, p. 846 d-e), Аристотель в «Политике» (II, 8,8, p. 1273 a 9—10; IV, 12, 4, p. 1299 a 38—b 1; VIII, 4, 5, p. 1339 a 36—38). Анализ их воззрений дан К. Марксом в главе XII («Разделение труда и мануфактура») I тома «Капитала». Привлекая, в частности, и наше место «Киропедии» и сопоставляя в этой связи взгляды Ксенофонта и Платона, Маркс отмечает, что Ксенофонт «с характерным для него буржуазным инстинктом ближе подходит к принципу разделения труда внутри мастерской» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2-е, т. 23. М., 1960, стр. 379).

15 *...у персидских царей... щедрость в подарках.* — Об этом свидетельствуют и другие авторы — Элиан (Aelian., V. h., I, 22), Афиней в его «Пире мудрецов» (II, 31, p. 48c—49a).

16 *...дары персидского царя — браслеты, гривны, златосбруйные кони?* — В «Киропедии» дважды упоминается о пожаловании таких даров, но каждый раз мидийским царем — сначала Астиагом, а потом Киаксаром — Киру (I, III, 3 и VIII, V, 18).

17 *...чтобы люди отдавали ему предпочтение и перед братьями своими, и перед родителями, и перед детьми?* — Здесь могут иметься в виду как раз те исторические примеры, которые — в другой связи и с другой целью — упоминаются ниже, в VIII, VIII, 4.

18 *...побудил многих людей и подслушивать и высматривать что угодно, чтобы только добыть для царя важные известия.* — Относительно того, кому принадлежит сомнительная честь изобретения этой полицейской системы, у древних авторов нет согласия. Ксенофонт, как мы видим, приписывает ее Киру; Геродот (I, 100), напротив, возводил изобретение этой системы к древнейшему мидийскому царю Деиоку (вторая половина VIII в.), а Плутарх (De curios., 16, p. 522 f), со своей стороны, — к позднейшему персидскому царю Дарию II Ноту (конец V в. до н. э.).

[19] ...*превосходить остальных людей в благодеяниях.* — Весь пассаж (§ 14) крайне важен, как свидетельство выработки политической литературой IV в. — именно писателями сократической школы — канонического образа царя—пастыря народа. Ср.: M. Pohlenz. Staatsgedanke und Staatslehre der Griechen. Leipzig, 1923, стр. 139 сл., с указанием, что источником Ксенофонта в данном случае мог быть Антисфен.

[20] *Я же... обогащая своих друзей, вижу в них свои сокровища и одновременно стражу...* — Ту же мысль Ксенофонт развивает и в трактате «Гиерон» (II, 13 слл.). В последующей литературной традиции олицетворение: «богатство царей — их друзья» встречается не раз; при этом соответствующие афоризмы различными писателями приписываются различным же царям: Диодором (XXIX, 29) — Птолемею V Эпифану, составителем позднейшей антологии (Flor. Monac., 73) — Александру Македонскому.

[21] ... *и я, как и все другие, исполнен ненасытного стремления к богатству.* — Извечное стремление людей к богатству — locus communis античной философии.

[22] ...*а нередко она и носителям своим сообщает известную легкость.* — Очевидно, имеется в виду то, о чем выше говорил отец Кира Камбис: «Сознание уважения, оказываемого ему, а также то, что на него обращены взоры всех воинов, значительно облегчают полководцу даже самый тяжелый труд» (I, VI, 25).

[23] ...*он собрал у себя лучших врачей...* — Античная историческая традиция свидетельствует, что персидские цари приглашали и держали при себе чужеземных врачей. Так, согласно Геродоту, Кир Старший выписал из Египта глазного врача, который состоял еще и при сыне его Камбисе (III, I), а Дарий I пользовался уже услугами как египетских, так и греческих врачей, которые с тех пор вошли в моду при персидском дворе (III, 129 слл.). На рубеже V—IV вв. придворным врачом Артаксеркса II был грек Ктесий родом из Книда, который воспользовался приобретенными на Востоке сведениями для составления «Истории Персии» и «Истории Индии» (Xen. Anab., I, 8, 26 сл.; Diod., II, 32, 4, и XIV, 46, 6 и др.; извлечения из трудов Ктесия сделал в IX в. патриарх Фотий — Phot. Bibl., cod. 72, p. 35 b—50a Bekker). По свидетельству Страбона (XV, 3, 21, p. 735), в числе натуральных податей, которые собирались персидскими царями с подвластных территорий, были, между прочим, и лекарственные снадобья.

[24] ...*Феравл, тот самый простой перс...* — Во II книге о Феравле уже упоминалось как о «персе из народа», который выступал в защиту распределения добычи в соответствии с заслугами каждого (II, 3, 7 слл.).

[25] *Кас* — у персов особый плащ для верховой езды, изготовлялся из войлочной материи и закрывал всадника почти целиком (Pollux, VII, 68; Phot. Bibl., cod. 250, p. 445 b Bekker).

[26] ...*просунув руки в рукава кандиев, как и теперь они еще делают, когда предстают пред очи царя.* — В присутствии царя персы должны были стоять, просунув руки в рукава своих кафтанов — кандиев, очевидно в знак того, что они отказываются от свободы действий и послушны воле царя. Претендовавший на царскую власть Кир Младший казнил однажды двух знатных персов за то, что они не сделали этого перед ним (Xen. Hell., II, 1, 8).

[27] ... *коней, предназначенных в жертву Гелиосу.* — О принесении персами коней в жертву солнцу ср. ниже, § 24, а также свидетельство Юстина (Justin., I, 10, 5).

[28] ...*священная колесница Зевса, запряженная белыми лошадьми, с золоченым дышлом и вся в венках...* — О священной колеснице Зевса (Ахура-Мазды) у персов упоминают и другие авторы, например, Геродот при описании походной колонны Ксеркса (Her., VII, 40).

[29] ... *шли люди, несшие на большой жаровне огонь.* — Ср. у Курция Руфа в описании процессии Дария III: «Впереди на серебряных алтарях несли огонь, который считается у персов вечным и священным» (Curt., III, 3, 9; о поклонении персов вечному огню Курций упоминает и дальше, IV, 13, 12; ср. также Her., III, 16; Strabo, XV, 3, 13—14, p. 732).

[30] *Тиара* — у мидян и персов высокая конусовидная войлочная шапка. Однако прямую тиару мог носить только царь, у всех прочих она придавливалась книзу (ср. Xen. Anab., II, 5, 23; Hesych., s. v. τιάρα).

[31] ...*хитон с белой полосой.* — Также и Курций Руф, описывая наряд Дария III, говорит о «пурпурной тунике с вытканной посредине белой полосой» (Curt., III, 3, 17). Это платье называлось «сарапис» (Pollux., VII, 61; Hesych., s. v. σάραπις).

[32] *Анаксириды* — у мидян, персов и скифов длинные и узкие штаны.

[33] *Диадема.* — Ср. свидетельство Курция о наряде Дария III: «Головной убор царя, называемый персами «кидарис» (другое название тиары. — *Э. Ф.*), был украшен фиолетовыми с белым повязками» (Curt., III, 3, 19).

[34] *Сородичи* (οἱ συγγενεῖς). — Этим словом Ксенофонт, подобно другим античным авторам, может здесь обозначать не столько действительных родственников персидского царя, сколько его придворных. Ср. у Курция в описании кортежа Дария III, «На небольшом расстоянии (от 10 000 «бессмертных». — *Э. Ф.*) шли так называемые «родичи царя» (quos cognatos regis appellant), числом до 15 тысяч» (Curt., III, 3, 14).

[35] ... *то ли потому, что так было устроено...* — Выше (VIII, 1, 41) уже указывалось, в чем тут могла состоять уловка.

[36] *До того никто из персов не падал перед Киром ниц.* — Действительно, в повествовании Ксенофонта уже дважды случалось, что Кира приветствовали земным поклоном, но делали это каждый раз не персы (см. IV, IV, 13 и V, III, 18). Что Кир мог приучить к этому и своих соплеменников, подтверждается свидетельством Арриана, у которого грек Каллисфен — противник земных поклонов — говорит: «О Кире, сыне Камбиса, рассказывают, что он был первым человеком, которому стали кланяться в землю и с этого времени персы и мидяне продолжают унижаться подобным образом» (Anab., IV, 11, 9).

[37] ... *десять тысяч* (μι)... — Это дополнение внесено в текст «Киропедии» В. Гемоллем по примеру Ф. К. Гертлейна. Действительно, согласно VII, 4, 16, число персидских всадников было доведено до 40 000, так что корпус Гадата тоже должны были составлять 10 000 конников.

[38] *Гиппархи* — начальники конницы.

[39] ... *который полагал, что чем неспешнее он будет откликаться... тем больше независимости проявит.* — Такое представление о свободе Ксенофонт порицает и в другом своем сочинении («Лакедемонская полития», 8, 2).

[40] ... *совершили всесожжение коней...* — Упоминаемый здесь обряд всесожжения (ὁλοκαυτεῖν) больше соответствовал обычаям греков, чем персов; ср., что говорят о жертвоприношениях персов Геродот (I, 131 сл.) и Страбон (XV, 3, 13—15, р. 732—733). — О принесении коней в жертву Гелиосу ср. выше, § 12 и прим.

[41] ... *заклали жертвы...* — О принесении жертв Гее и местным героям-покровителям Сирии ср. выше III, III, 22 и прим.

[42] ... *расстояние примерно в пять стадиев...* — около 1 км.

[43] ...*и велел трудиться.* — Таким образом Феравл не смог попасть ни в разряд эфебов, ни тем более зрелых мужей-гомотимов и до похода Кира оставался простым «персом из народа». Ср. выше, I, II, 15; о Феравле — II, III, 7 сл.; VIII, III, 5 и прим.

[44] ... *возвращал мне вдвое против того, что получал.* — Все сказанное Феравлом о «справедливости» его участка — сплошная ирония. Отдавать то, что взял, действительно могло считаться признаком справедливости для человека (Plat. Resp., I, р. 331 d), но не для поля, от которого ожидалось не простое и даже не двойное воздаяние, а сторицею. Ср. схожий пассаж у Менандра в комедии «Земледелец» (стк. 35 сл.) и реплику по этому поводу Квинтилиана (Inst. or, XII, 10, 25).

[45] ...*не являться ко двору и не служить в войске.* — Ср. выше, VIII, I, 6.

[46] ... *потому что сам был открыт для нападения больше с этой стороны, чем справа...* — По свидетельству Геродота (VII, 61), непременным оружием персов был кинжал, который свисал с пояса с правой стороны. Таким образом справа всегда было наготове оружие.

[47] *Лучше плясать по-персидски, — заметил Артабаз, и при этих словах все рассмеялись.* — Персидский танец отличался тем, что танцующий то сгибал колени и приседал, то вновь выпрямлялся во весь рост (Xen. Anab., VI, 1, 10; Pollux, IV, 100). В реплике Артабаза мог заключаться намек на еще один способ изъявления верноподданнической радости — земной поклон; во всяком случае она была направлена на то, чтобы прервать дальнейшие замечания Гистаспа, которые становились слишком язвительными.

[48] ... *когда ты впервые встретил нас?* — Об этой встрече см. выше, IV, VI, 1 слл.

[49] ... *первое большинству придает наглость, а второе всем внушает благоразумие.* — Сентенция Гобрия — образец общего места. Ср. аналогичное высказывание у Фукидида (III, 39, 4).

[50] ... *если будет показывать мне свои многочисленные кубки.* — Гистасп намекает на то, как встречал Гобрий Кира и его друзей; см. выше, V, II, 7.

[51] ... *у меня записано множество таких изречений...* — Характерный для греков обычай записывать и составлять собрания всяких изречений и советов (ср. Xen. Mem., III, 5, 22) здесь присвоен ассирийцу Гобрию; ср. также ниже, § 25.

[52] ... *кубков, которых ты, сдается мне, не выносишь...* — Гобрий намекает, что собеседник его не выносит не только вида кубков, но и содержимого их, т. е., попросту говоря, пьян.

[53] *А хладнокровному царю? ... какая ему подошла бы жена?* — Хрисант обыгрывает переносные значения слова «холодный» (ψυχρός), которое может значить еще «неостроумный» и «бесстрастный». Первое относится к шуткам Кира, второе — к тому, что тот берется устраивать браки других, сам еще до сих пор не будучи женат.

[54] ... *следовала за мужем в походе.* — См., выше, III, I, 43.

[55] ... *сокровища, взятые в Сардах.* — Ранее об этих сокровищах сообщалось в VII, II, 14; III, 1; IV, 12 слл.; V, 57.

[56] ... *проявлял особую заботу о строгом воинском порядке.* — Для обозначения строгого порядка Ксенофонт употребляет здесь то же поэтическое слово εὐθημοσύνη, что и Гесиод, изречение которого

Для смертных порядок и точность
В жизни полезней всего, а вреднее всего беспорядок

(„Труды и дни" 471 сл., перевод В. В. Вересаева)

конечно, было хорошо знакомо нашему автору. Вообще тема порядка — одна из излюбленных у Ксенофонта. Так, в трактате «Об управлении хозяйством» этому сюжету посвящен целый большой раздел (гл. 8).

[57] *Девушка увенчала Кира венком...* — Ксенофонт переносит на восточную почву обычай своей родины: награждение венком победителя — а несомненно таков был смысл описываемой процедуры — был в обычае именно у греков.

[58] ... *направился в город...* — Имеется в виду столица собственно Персии: древняя — Пасаргады или более поздняя — Персеполь.

[59] ... *подношения, какие и теперь еще царь делает каждый раз, когда приезжает в Персию.* — Об обычае персидских царей делать такие подношения — правда, только женщинам — упоминает и Плутарх (Alex., 69, 1; ср. также Mul. virt., 5, p. 246 a—b, где приводится и легендарная история о начале этого обычая).

[60] ... учредив персидскую конницу, он обеспечил персам преобладание и на равнинах.— Любопытное место. Ксенофонт, несомненно, понимал, что господство на равнинных просторах Востока, среди народов, сильных своею конницей, не возможно для войска, лишенного собственной многочисленной и боеспособной кавалерии. В «Греческой исто-

рии» он с одобрением отмечает одну из первых мер спартанского царя Агесилая, посланного в Малую Азию для ведения войны с персами, — организацию им собственной конницы именно для ведения операций на равнинах (Hell., III, 4, 15; ср. Ages., I, 23 сл.).

61 ... *задумаешь властвовать и над персами ради своекорыстной выгоды, как над другими народами...* — Выше нашим автором не раз подчеркивалось, что власть персидских царей в их собственной стране была лишена самовластного характера; она была подчинена законам и направлена на служение своей общине (см. в особенности I, III, 18; ср. также I, V, 4).

62 ... *заключить договор о том, что... постоите и за себя... и за Кира...* — Образцом для рекомендуемого здесь установления могла послужить спартанская традиция, о которой нам сообщает тот же Ксенофонт (Lac. pol., 15, 7).

63 ... *позволяя ему приносить жертвы за вас, как это теперь делаю я...* — Таким образом, в соответствии с патриархальным характером своей власти, персидские цари, как и цари в Спарте, получали право представлять свою общину в сношениях с богами при каких-либо религиозных обрядах (например, при жертвоприношениях); ср. параллельные места — IV, V, 17; VI, IV, 12, 19; VIII, VII, 1.

64 ...*некоторые писатели утверждают...* — Эта дополнительная реплика была заподозрена еще Л. Диндорфом как позднейшая вставка и исключена из текста; его примеру следует большинство новейших издателей. Что же касается существа этой реплики, то автор ее мог иметь в виду мнение Ктесия, согласно которому Кир женился на дочери свергнутого им мидийского царя Астиага Амитиде (Phot. Bibl., cod. 72, p. 36 a Bekker), стало быть, — если его матерью действительно была Мандана, дочь Астиага, — на сестре своей собственной матери. Эта комбинированная версия, по которой Кир был сыном одной дочери Астиага и мужем — другой, с одобрением принимается современными востоковедами. Ср.: *И. М. Дьяконов.* Указ. соч., стр. 423.

65 ... *назначить сатрапов над подчиненными народами.* — С именем Кира Старшего, по-видимому, было связано первоначальное деление Персидской державы на военно-административные округа-сатрапии, границы которых совпадали с границами исторически сложившихся областей; Дарий I упорядочил эту систему.

Что касается управления в сатрапиях, то, по-видимому, с самого начала предусматривалось известное расчленение сил и власти: верховное управление принадлежало сатрапам, но начальники гарнизонов в крепостях и хилиархи — командиры войск в сельской местности — были подчинены непосредственно царю (ср. указание на наличие тройного ряда функционеров — сатрапов, начальников гарнизонов в крепостях и хилиархов — и в другом сочинении Ксенофонта — трактате «Об управлении хозяйством», 4, 5 сл.). Однако на практике сатрапы нередко сосредоточивали всю власть и все силы в своих руках и превращались в почти самостоятельных правителей подчиненных им областей. Борьба царей с сепаратистскими устремлениями отдельных могущественных сатрапов красной нитью проходит через всю историю Персидского государства.

66 ...*которых я намерен посылать... к подвластным народам...* — Подробнее об этих эмиссарах говорится ниже, § 16.

67 ... *в Карию, согласно просьбам местных жителей...* — См. выше, VII, IV, 7.

68 ... *предписал им тоже вносить подати.* — Ср. выше, VII, IV, 2 и прим.

69 ...*обязан вернуться... по первому зову царя.* — Помимо «Киропедии» (здесь см. еще выше, § 4), Ксенофонт упоминает об этих посланцах царя еще и в трактате «Об управлении хозяйством» (4, 6 и 8).

70 .. *из всех... способов... передвижения по суше этот — быстрейший.* — Рассказ Ксенофонта перекликается со свидетельством Геродота (VIII, 98).

71 ... *вплоть до Красного моря.* — Под Красным морем здесь подразумевается северо-западный угол Индийского океана — Персидский залив и Аравийское море.

72 ... *эта страна тоже была покорена Киром.* — О приписываемом здесь Киру завоевании Египта ср. выше, I, I, 4 и прим.

[73] *Экбатаны* — столица Мидии (ныне г. Хамадан в Западном Иране). О смене персидскими царями своих резиденций — зимней в Вавилоне, весенней в Сузах и летней в Мидии — упоминает и Плутарх (см. Plut. De exil., 12, p. 604 c; ср. Dio Chrys., VI, p. 197 Reiske).

[74] *... в свою очередь, предоставлял им припасы, в которых, как он знал, они испытывали недостаток.* — В этом указании можно видеть всего лишь еще один дополнительный штрих, найденный Ксенофонтом для прославления Кира; однако, может быть, здесь следует усматривать отражение и более глубокого взгляда на экономическую роль центральной власти в обширном территориальном государстве.

[75] *... в преклонном уже возрасте...* — По свидетельству Динона, греческого писателя второй половины IV в. до н. э., которого цитирует Цицерон, Кир дожил до 70-летнего возраста (Cic. De divin., I, 23, 46).

[76] *... по заведенному у персов порядку открыл хоровод...* — Скорее все-таки Ксенофонт и здесь переносит на персидскую почву греческий обычай.

[77] *... на горной вершине, как это делают персы...* — Это указание согласуется со свидетельством Геродота: «Воздвигать статуи, храмы и алтари богам у персов не принято. Тех же, кто это делает, они считают глупцами потому, мне думается, что вовсе не считают богов человекоподобными существами, как это делают эллины. Так, Зевсу они обычно приносят жертвы на вершинах гор и весь небесный свод называют Зевсом» (Her., I, 131; ср. Strabo, XV, 3, 13, p. 732).

[78] *Ведь я, мне кажется, всегда добивался отличия при исполнении долга... среди детей... среди юношей... среди мужей.* — Кир гордится тем, что он с успехом прошел через все возрастные группы персов, всюду заслуженно добиваясь высшего отличия; ср. выше, I, II, 15 и прим.

[79] *... и в старости своей я никогда не чувствовал себя более немощным, чем в молодости...* — Цицерон вспоминает об этом заявлении Кира в своем диалоге «О старости» (9, 30).

[80] *... подобает оказывать почет старшим, а от младших, наоборот, принимать его.* — Хотя Кир здесь ссылается на законы персов, в его словах надо видеть отзвук древней патриархальной морали, которая была сродни и грекам, особенно спартанцам и их поклоннику Ксенофонту; ср. Xen. Mem., II, 3, 16.

[81] *... тебя же, Танаоксар...* — Второй сын Кира (младший брат Камбиса) в разных источниках называется по-разному: в Бехистунской надписи, отражающей официальную персидскую версию, — Бардия, у Эсхила («Персы», 774 сл.) — Мердис, у Геродота (III, 30 и др.; VII, 78) — Смердис, у Ктесия (Phot. Bibl., cod. 72, p. 37 Bekker) — Таниоксарк, у Ксенофонта — Танаоксар. Последние два имени, как предполагают, являются грецизированными формами персидского прозвища Бардии Tanuvazrka, что означает «телом большой», т. е. «богатырь», «силач» (см.: *В. В. Струве.* Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968, стр. 32; *И. М. Дьяконов.* Указ. соч., стр. 425, прим. 3). Что касается наместничества Бардии—Танаоксара, то на этот счет единства мнений у древних тоже нет: по Ксенофонту, Кир назначил младшего сына сатрапом над мидянами, армянами и кадусиями, по Ктесию — над более восточными племенами бактрийцев, хорамниев (хорасмиев), парфян и карманиев.

[82] *... надежнейшим скипетром царей являются их друзья.* — Аналогичную мысль (и в сходной ситуации) развивает у Саллюстия нумидийский царь Миципса (Jug., 10, 4).

[83] *... разве эти не роднее нам всех других?* — Ср. в «Воспоминаниях о Сократе» (II, 3, 4): «Для дружбы большое значение имеет происхождение от одних родителей и совместное воспитание».

[84] *... ты должен...* — Здесь Кир обращается к Танаоксару.

[85] *... если бы души их не получали от этого никакой радости?* — Ср. аналогичное обоснование у Цицерона в трактате «О дружбе» (4, 13).

86 ... *из всех состояний человека нет ничего ближе смерти, чем сон* .. — Сходную мысль высказывает и Сократ у Платона (Ap. Socr., p. 40 c—d).

87 ... *поскольку в тот момент она... более всего освобождается от телесных уз.* — Как видно из этого места, наряду с поверием о вещей силе снов существовало и более рафинированное представление о природе вещих сновидений. Ср. заметку Элиана в его «Пестрых рассказах» (III, 11).

88 ... *которые весь этот миропорядок сохраняют...* — Ту же мысль о богах — хранителях прекрасного и нерушимого миропорядка высказывает у Ксенофонта в другом месте Сократ (Mem., IV, 3, 13).

89 ... *даже в помыслах не допускайте ничего кощунственного...* — Весь этот пассаж о душе и богах-вседержителях (§ 17—22) в свободном латинском переводе включен Цицероном в свой трактат «О старости» (22, 79—81).

90 ... *но прямо предайте земле.* — В отличие от греков, у которых наряду с погребением был распространен обычай кремации, у персов тела мертвых никогда не сжигались, а покрывались воском и предавались земле (см. Her., I, 140; III, 16; Strabo, XV, 3, 20, p. 734—735; Cic. Tusc. disp., I, 45, 108; ср. также выше, III, III, 3; VII, 3, 5). Наше место «Киропедии» упоминается Цицероном в трактате «О законах» (II, 22, 56).

91 *Когда же я закроюсь с головой...* — Чувствуя приближение смерти, человек обычно закрывался с головой; так, во всяком случае, было принято у греков и римлян. Ср. свидетельства Платона о Сократе (Phaed., p. 118a), Плутарха о Помпее (Pomp., 79, 5), Светония и Плутарха о Цезаре (Suet. Caes., 82, 2; Plut. Caes., 66, 12). Деталь в описании Ксенофонта, возможно, прямо навеяна воспоминаниями о смерти его учителя Сократа.

92 ... *буду ли я среди богов или превращусь в ничто.* — Ср. выше, § 17 и 22. Такие же раздумья о сущности смерти высказывает у Платона Сократ (Ap. Socr., p. 40c). В противоположность этому материалистическая философия в лице Демокрита на вопрос о возможности какого-либо посмертного существования души отвечала однозначно отрицательно. См. подборку соответствующих мест в издании: *С. Я. Лурье.* Демокрит. Тексты, перевод, исследования. Л., 1970, стр. 113 сл. (тексты) и 320 (перевод).

93 *Глава VIII.* — Вопрос о подлинности последней главы «Киропедии» служит предметом спора; об этой дискуссии см. выше: *Э. Д. Фролов.* Ксенофонт и его «Киропедия», стр. 265 сл.

94 ... *и все пошло хуже.* — Согласно традиции, правление сына Кира Камбиса (527—522 гг. до н. э.) отличалось деспотическим характером. По официальной персидской версии (Бехистунская надпись), которой в принципе следуют и античные авторы (Геродот, Ктесий, Помпей Трог), направляясь в поход против Египта, Камбис велел убить своего брата Бардию. Это убийство дало повод к выступлению самозванца — мага Гауматы, который в отсутствие Камбиса, пользуясь его непопулярностью, объявил себя Бардией и быстро склонил на свою сторону Персию, Мидию и ряд других областей (весна 522 г.). Камбис умер, не успев вступить в борьбу с Лже-Бардией; смута была подавлена представителем младшей линии царского рода Ахеменидов Дарием, сыном Гистаспа, который, устранив самозванца и приняв царскую власть (осень 522 г.), еще свыше полутора лет должен был подавлять местные движения и устранять самозванцев (522—520 гг.). Относительно характера смуты и личности Бардии-Гауматы единства мнений среди ученых нет; большинство держится традиционного мнения (см., в частности, *Б. А. Тураев.* Указ. соч., т. II, стр. 126 слл.; *В. В. Струве.* Указ. соч., стр. 24 слл.; *И. М. Дьяконов.* Указ. соч., стр. 424 слл.), но есть исследователи, которые считают, что после Камбиса действительно правил его брат Бардия и что истинным узурпатором выступил Дарий, устранивший н оклеветавший законного наследника (*М. А. Дандамаев.* Указ. соч., стр. 121 слл.).

95 ... *и тогда их отвели к царю и обезглавили.* — Имеются в виду трагические перипетии похода Кира Младшего (401 г. до н. э.), пытавшегося с помощью греческих наемников свергнуть своего брата, царя Артаксеркса II.

[96] *Ариобарзан* — наместник Геллеспонтской Фригии, участвовал в знаменитом восстании малоазийских сатрапов при царе Артаксерксе II. Сын Ариобарзана Митрадат (или Митридат) изменил делу восставших и сначала погубил лучшего их полководца Датама, а затем предал в руки царя и собственного отца, который погиб на кресте. Упоминаемый далее Реомитр был послан мятежными сатрапами за помощью к египетскому правителю Таху, который тогда тоже готовился к борьбе с персидским царем. Оставив у Таха заложников, Реомитр получил корабли и деньги, которые он передал затем, не беспокоясь о судьбе заложников, царю Артаксерксу (Diod., XV, 90—92, под 362/I г. до н. э.; Nepos, Datam., 5 слл.; Harpocr., s. v. 'Αριοβαρζάνης).

[97] *Прохоиды* (προχοΐδες) — здесь: особые сосуды, предназначенные для отправления естественных надобностей (Hesych., s. v.).

[98] *... с тех пор как царь Артаксеркс и его приближенные пристрастились к вину...* — Здесь, очевидно, имеется в виду царь Артаксеркс II, брат Кира Младшего. Впрочем последний, по свидетельству Плутарха, хвастался в послании к спартанцам, «что и сердцем он тверже брата, и лучше знаком с философией, и в магии более сведущ, и даже пьет больше и легче переносит опьянение» (Plut. Artox., 6, 4, перевод С. П. Маркиша). Другие авторы также говорят о пристрастии персов к вину; см., например, Her., I, 133; Heraclid. ap. Athen., IV, p. 145 c.

[99] *.. воспитывать мальчиков при дворе правителя.* — Ср. выше, I, II, 3 слл.; VII, V, 86; VIII, VI, 10. Кроме того, можно сослаться на свидетельство Ксенофонта в «Анабасисе» (I, 9, 2 слл.).

[100] *... уметь пользоваться полезными растениями...* — Ср. свидетельство Страбона о воспитании персов (XV, 3, 18, p. 734): «Вечером юноши упражняются в посадке деревьев, собирают целебные коренья».

[101] *... они ставят свои ложа ножками на ковры, чтобы те... утопали в этих коврах.* — Об этой изнеженности персов (персидского царя) Ксенофонт упоминает и в «Агесилае» (9, 3); любопытные подробности, иллюстрирующие будуарную роскошь персов, приводит также Афиней (II, 31, p. 48 c—f, со ссылкой на Гераклида Кимейского).

[102] *... они держат даже специальных изобретателей как кушаний, так и приправ к ним.* — Другие авторы также утверждают, что персидские цари специальными наградами поощряли изобретение новых яств; см. Cic. Tusc. Disp., V, 7, 20; Athen., XII, 9, p. 514 e; 39, p. 529 d; 55, p. 539 b; 64, p. 545 d; Themist., XXXIV, p. 461 Dind.

[103] *... создают им вдобавок искусственную тень.* — Слуги делали это с помощью специальных зонтов. У греков зонтиками для защиты от солнца пользовались, как правило, только женщины.

[104] *... в стране персов враги их чувствуют себя вольготнее, чем друзья.* — Ксенофонт мог говорить так на основании личного опыта, как один из участников описанного им в «Анабасисе» похода греческих наемников. Успешное возвращение этих воинов справедливо было оценено современниками как свидетельство слабости персидской монархии. Ср., помимо Ксенофонта, высказывания Исократа в речах «Панегирик» (145—149) и «Филипп» (90—92).

[105] *... упряжки, лишившись возничих, нередко причиняют больше вреда своим, чем врагам.* — Ксенофонт опять говорит на основании собственного опыта. Ср. его описание в «Анабасисе» действий царских колесниц в битве при Кунаксе (I, 8, 20).

[106] *... потому что они убеждены, что и с самими эллинами надо вести войну при поддержке их же сородичей.* — Можно привести достаточно свидетельств, подтверждающих широкое использование персидскими царями и сатрапами наемных греческих войск, — и в междоусобных внутренних распрях, и в борьбе с самими греками. В общей форме это подтверждает Исократ (IV, 134 слл.; V, 125 сл.), конкретные примеры дает тот же Ксенофонт. Так, в «Анабасисе» (I, 4, 3) он упоминает о переходе на сторону Кира Младшего от другого персидского сатрапа 400 греческих наемников, а в «Греческой истории» (III, 2, 15) в составе войск сатрапов Тисса-

ферна и Фарнабаза, противостоявших спартанскому полководцу Деркилиду, опять-таки называет греков. Известно также, сколько хлопот доставили позднее Александру Македонскому греческие наемники, защищавшие дело последнего персидского царя Дария III: в битве при Гранике, при защите Галикарнаса, в генеральном сражении при Иссе они составляли наиболее боеспособную часть неприятельского войска.

ДОПОЛНЕНИЯ

АГЕСИЛАЙ

Текст «Агесилая» сохранился во множестве средневековых рукописей, из которых наибольшее значение имеет *A* (Codex Parisinus 1643, XV в.).

Настоящий перевод выполнен с древнегреческого по тексту в издании: Xenophontis scripta minora, fasc. I, post L. Dindorf edidit Th. Thalheim. Lipsiae, 1910.

При работе над переводом и при составлении комментария были также использованы следующие издания: Xenophontis Agesilaus. Cum adnotatione et prolegomenis de auctore et indole libri edidit C. G. Heiland. Lipsiae, 1841; Xenophontis Agesilaus. Recognovit et interpretatus est L. Breitenbach (Xenophontis opera omnia recensita et commentariis instructa, vol. IV, sect. 2) Gothae, 1846; Xenophons Agesilaus. Für den Schulgebrauch erklärt von O. Güthling. Leipzig, 1888.

Кроме того, для сравнения привлекались прежние переводы «Агесилая» в изданиях: Xenophontis scripta quae supersunt. Graece et Latine. Parisiis, editore A. F. Didot, 1838; Oeuvres complètes de Xenophon. Traductions <...>, revues et corrigees <...> par H. Trianon, t. II, Paris, 1853; Сочинения Ксенофонта в пяти частях. Перевел с греческого Г. А. Янчевецкий, ч. V («Мелкие статьи»), изд. 2-е. Ревель, 1895.

1 *И предки эти — не частные лица, а цари, происходящие от царей!* — Во главе Спарты стояли два царя, происходившие из двух царских фамилий Агиадов и Эврипонтидов. Родоначальниками этих фамилий считались потомки Геракла братья-близнецы Эврисфен и Прокл, которые первыми стали царями в завоеванной дорийцами Лаконии. Свои родовые имена эти династии получили: первая — от сына Эврисфена Агиса, а вторая — от внука Прокла Эврипонта. Царь Агесилай принадлежал к династии Эврипонтидов.

2 *...управляют народом гегемонов.* — Спартанцы добились гегемонии в Греции в результате победы над афинянами в Пелопоннесской войне (431—404 гг. до н. э.), затем лишились ее после поражения, нанесенного им фиванцами при Левктрах (371 г.); однако после нерешительного сражения при Мантинее (с теми же фиванцами, в 362 г.) они вновь укрепили свое положение, что и дает основание автору говорить здесь о гегемонии Спарты в настоящем времени.

3 *Только здесь власть переходит без перерыва от одного поколения царей к другому.* — Незыблемый характер царской власти в Спарте Ксенофонт подчеркивает и в другом своем сочинении — «Лакедемонской политии» (15, 1).

4 *...спартанское государство постановило, что более достойным... является Агесилай, предоставив ему царский престол.* — Агис и Агесилай оба были сыновьями царя Архидама, но от разных жен: старший Агис — от Ламбидо, а Агесилай — от Эвполии. Агису должен был наследовать, по обычаю, его сын Леотихид, однако, чистота происхождения этого последнего ставилась под сомнение (ходили слухи, что он был прижит женою Агиса от афинянина Алкивиада), и этим воспользовались его про-

тивники во главе с влиятельным военачальником Лисандром; Леотихид был отстранен от престолонаследия, и власть принял Агесилай. Подробнее см.: Xen. Hell., III, 3, 3, 1—4; Plut. Ages., 3; Lys., 22, 6—13; Alc., 23, 6—9; Paus., III, 8, 7—10; Nepos. Ages., 1.

[5] *Ведь царскую власть Агесилай получил еще совсем юным.* — Агесилай вступил на царство около 400 г.; поскольку в год его смерти — 361 г. — ему было около 80 лет (так у Ксенофонта, ниже, II, 28; по Плутарху, ему было 84 года [Ages., 40, 3]), то выходит, что он стал царем, когда ему было около сорока. По античным понятиям, он был еще человеком достаточно молодым.

[6] *... персидский царь собрал многочисленное войско... чтобы напасть на эллинов.* — Персидский царь Артаксеркс II Мнемон (404—359/358 гг.) не мог простить Спарте того, что она оказала поддержку его мятежному брату Киру Младшему (в 401 г.). С 400 г. Персия находилась в состоянии войны со Спартою. Известие об упоминаемых здесь приготовлениях персов было доставлено в Грецию сиракузянином Геродом в 397 г. Ср.: Xen. Hell., III, 4, 1; Plut. Ages., 6, 1; Nepos. Ages., 2, 1.

[7] *... тридцать спартанцев...* — Со времени Пелопоннесской войны спартанского царя на походе сопровождала группа спартиатов, составлявших своего рода военный совет. Первоначально их было десять (Thuc., V, 63, 4; Diod., XII, 78, 6, под 419/418 г.), при Агесилае состояло уже тридцать (ср. Xen. Hell., III, 4, 2 и 20; Diod., XIV, 79, I; Plut. Ages., 6, 4 сл.; Lys., 23, 4).

[8] *...две тысячи неодамодов...* — Неодамодами назывались в Спарте освобожденные на волю рабы-илоты. В позднеклассический период в Спарте для далеких походов использовались по большей части не сами граждане-спартиаты, а лично свободные, но неполноправные и зависимые неодамоды и периэки. Ср.: Xen. Hell., III, 1, 4 и V, 2, 24.

[9] *...прежде персы первыми нападали на Элладу.* — Имеются в виду походы на Грецию персидских царей Дария I в 492 и 490 и Ксеркса — в 480 г.

[10] *Агесилай... отплыл.* — Весной 396 г.

[11] *Тиссаферн* — сатрап Лидии и Карии, главнокомандующий персидскими войсками в Малой Азии.

[12] *Фарнабаз* — сатрап так называемой Великой Фригии (в глубине западной части Малой Азии).

[13] *Когда же наступила весна...* — Имеется в виду весна 395 г.

[14] *Артемида.* — Богиня Артемида особенно почиталась в Эфесе. Храм ее в этом городе отличался своими размерами и великолепием и относился древними к числу семи чудес света.

[15] *Предводитель...* — По свидетельству Ксенофонта (в «Греческой истории», III, 4, 25), «во время этой битвы Тиссаферн находился в Сардах», и, следовательно, командиром персидской конницы, вступившей тогда в бой с Агесилаем, был кто-то другой; однако, согласно другим источникам, это был сам Тиссаферн (см. Hell. Oxy., 11—12 Bartoletti; Diod., XIV, 80, 1—5; Plut. Ages., 10, 2—4; Paus., III, 9, 6). Какой версии отдать предпочтение? Это зависит только от нашего общего отношения к Ксенофонту как историку — других критериев нет.

[16] *Тем из гоплитов, которым было по десяти лет от поры возмужания...* — В Спарте все военнообязанные призывались на службу и обычно выстраивались в сражении по возрасту, причем отсчет призывного возраста велся от поры возмужания — 20 лет.

[17] *Когда от властей его родины прибыл приказ оказать помощь отечеству...* — Агесилай был отозван в Грецию в 394 г. в связи с выступлением там против Спарты целой коалиции греческих государств — Фив, Афин, Коринфа и Аргоса, которых поддерживала Персия (так называемая Коринфская война 395—387 гг.).

[18] *... как если бы он один стоял перед эфорами в отведенном им помещении.* — Высшей правительственной коллегией в Спарте были 5 эфоров, которые ежедневно собирались на свои заседания и для совместных трапез в специальном помещении (ἐφορεῖον)

на городской площади. Власть и авторитет эфоров были столь велики, что цари приветствовали их стоя, тогда как они перед царями не обязаны были вставать.

[19] *...в этих государствах воцарилось единодушие, всеобщее благоденствие и гражданский мир.* — В результате Пелопоннесской войны гегемония над островными и прибрежными полисами в Эгеиде перешла от Афин к Спарте, которая повсеместно свергла демократии и привела к власти олигархов. Первоначально это было осуществлено всесильным полководцем Лисандром, который в «освобожденных» городах поставил спартанских наместников — гармостов и комитеты десяти — декархии из местных олигархов, — и тех и других из лично преданных ему людей. С падением влияния Лисандра и ликвидацией, по инициативе эфоров, созданной им системы декархий, силы олигархов в греческих городах оказались ослаблены, и это привело к новой полосе смут. Упорядочение дел, проведенное в малоазийских городах Агесилаем, очевидно, имело в виду новое усиление олигархических группировок, которые, однако, теперь были ориентированы на служение не Лисандру, а царю Агесилаю и Спарте. Ср.: Xen. Hell., III, 4, 2 слл.; Plut. Lys., 23 сл.; Ages., 6 слл.; 15, 1; Nepos. Lys., 3, 1.

[20] *...по земле которых некогда двигался персидский царь во время великого похода.* — Имеется в виду поход Ксеркса на Грецию в 480 г.: выступив с огромным войском из Сард, Ксеркс пересек Лидию и Мисию, переправился через Геллеспонт и, двигаясь затем через земли фракийцев, македонян и фессалийцев, достиг Средней Греции.

[21] *...за исключением лишь тех, кто сопровождал лично его.* — Здесь, возможно, имеется в виду особый корпус спартанских всадников, которые набирались в числе 300 из лучших молодых спартиатов и на походе служили личной охраной царю, а в мирное время использовались для всякого рода охранной службы внутри государства. Ср.: Her., VIII, 124; Thuc., V, 72, 4; Xen. Lac. pol., 4, 1—4; 13, 6; Ephor. ap. Strab., X, 4, 18, p. 481—482=FgrHist 70 F 149; ср. также выше, прим. 37 к I книге «Киропедии».

[22] *Нартакий.* — Гора Нартакий, как и упоминаемые ниже города Нартакий и Прант, — местности в Южной Фессалии, к югу от Фарсала.

[23] *...обеих Локрид.* — Имеются в виду Локрида Опунтская (Восточная) и Локрида Озольская (Западная).

[24] *...полторы моры спартанцев...* — Во времена Ксенофонта спартанское войско, состоявшее по преимуществу из пехоты, подразделялось на 6 мор во главе с полемархами; количество воинов в море достигало 600.

[25] *...все сверкало медью и пурпуром.* — Ср. выше, «Киропедия», VI, IV, 1 и прим.

[26] *Теперь я расскажу о самом сражении...* — Эта знаменитая битва при Коронее состоялась в августе 394 г.

[27] *Как я мог видеть...* — Ксенофонт, таким образом, свидетельствует, что он лично принимал участие в битве при Коронее. См. также: Plut. Ages., 18, 2; ср.: Xen. Anab., V, 3, 6; Diog. L., II, 51.

[28] *...расстояние... уже равнялось одному стадию...* — т. е. 185 м.

[29] *...на расстоянии трех плетров...* — т. е. 90 м.

[30] *...укрылись в храме... как с ними поступить.* — Святилище, о котором идет речь, — храм Афины Итонийской. Намерение неприятельских воинов было неясно: они как будто бы искали убежища в храме, однако, в отличие от простых молящих о защите, сохранили при себе оружие. Об этом эпизоде упоминают также Плутарх (Ages., 19, 2) и Корнелий Непот (Ages., 4, 6); о культе и святилище Афины Итонийской важно свидетельство Павсания (IX, 34, 1 сл.).

[31] *...фиванцы прислали вестника, прося... выдать трупы убитых для погребения.* — Своими действиями Агесилай хотел показать готовность спартанцев возобновить сражение (спартанские воины перед боем украшали себя венками в честь Аполлона и под звуки флейт затягивали боевую песню), однако неприятели вызова не приняли и просьбою о выдаче трупов для погребения подтвердили, что победа осталась за Агесилаем. Ср.: Plut. Ages., 19, 3 сл.

32 *Он немедленно двинулся против них.* — В 391 г. Ср. также: Xen. Hell., IV, 4, 19; Plut. Ages., 21, 2.

33 *Лехей* — гавань Коринфа, была соединена с городом Длинными стенами наподобие того, как Пирей соединялся с Афинами.

34 *Гиакинтии* — праздник, который спартанцы торжественно справляли каждым летом в древнем центре Лаконии Амиклах в честь Аполлона и его любимца Гиакинта.

35 *Пирей* — местность с гаванью на западном побережье Истма (Коринфского перешейка), Кревсида — гавань на противоположном беотийском побережье. Поход Агесилая, о котором здесь говорится, состоялся в 390 г. Ср. также: Xen. Hell., IV, 5, 1 слл.; Plut. Ages., 21, 3—22, 8.

36 *...и не прекратил военных действий, пока не заставил акарнанцев... вступить с ним самим в союз.* — Действия Агесилая против акарнанцев относятся к 389—388 гг. Ср. также: Xen. Hell., IV, 6, 1—7, 1; Plut. Ages., 22, 9—11.

37 *Враги Спарты прислали послов с предложением мира...* — Речь идет о заключении при персидском посредничестве так называемого Царского, или Анталкидова, мира, которым, наконец, закончилась Коринфская война (387/6 г.). Ср.: Xen. Hell., V, 1, 29—35; Diod., XIV, 110.

38 *...разрешили вернуться прежде изгнанным друзьям Спарты.* — По требованию Спарты флиунтяне вернули своих изгнанников еще в 383 г. (Xen. Hell., V, 2, 8—10), но так как восстановление вернувшихся в их правах затягивалось, то в 381 г. Агесилай предпринял против Флиунта карательную экспедицию; после более чем полуторагодичной осады город был взят и поставлен под жесткий спартанский контроль (ibid., V, 3, 10—25).

39 *...двинулся походом на Фивы.* — Зимой 379/378 г. в Фивах произошел переворот, в результате которого было свергнуто олигархическое правительство сторонников Спарты, а спартанский гарнизон, который стоял на фиванском акрополе еще с 382 г., должен был покинуть город. В ответ еще в ту же зиму в Беотию вторгся спартанский царь Клеомброт, а летом 378 г. — Агесилай. Ср.: Xen. Hell., V, 4, 35—41; Diod., XV, 31—33.

40 *Киноскефалы* (буквально «Собачьи головы») — горы в Беотии, между Фивами и озером Гиликой.

41 *В следующее лето...* — лето 377 г. О втором походе Агесилая в Беотию ср.: Xen. Hell., V, 4, 47—55; Diod., XV, 34.

42 *Скол* — город в Беотии, к востоку от Платей.

43 *...никто не смог бы сказать, что они произошли при управлении Агесилая.* — При возвращении из 2-го похода в Беотию Агесилай тяжко заболел и, надолго оказавшись прикованным к постели, в последующих военных событиях прямого участия не принимал; еще в 371 г. он не оправился совершенно от своей болезни. См.: Xen., Hell., V, 4, 58 и VI, 4, 18; Plut. Ages., 27, 1—3.

44 *...спартанским войском.* — При переводе учтено дополнение П. Викториуса, τῇ Λακεδαιμονίων δυνάμει, принятое в текст Л. Диндорфом и Т. Тальгеймом.

45 *Опустошив земли тех, кто перебил друзей Спарты, он вернулся домой.* — Летом 371 г., при очередном вторжении в Беотию, 10-тысячное спартанское войско под командованием царя Клеомброта потерпело страшное поражение при Левктрах (к юго-западу от Фив); погиб сам царь и с ним 400 из 700 полноправных спартиатов, участвовавших в походе. Это поражение оказалось роковым для Спарты: мощь Спартанского государства была подорвана, Пелопоннесский союз распался, а в ранее зависимых от Спарты городах происходили антиспартанские, демократические выступления. В 370 г. одно из таких выступлений в аркадском городе Тегее закончилось решительной победой демократов. Спартанцы, выйдя, наконец, из оцепенения, в которое их повергла неудача при Левктрах, пытались воздействовать на события, но предпринятый с этой целью поход Агесилая успеха не имел. Ср.: Xen. Hell., VI, 5, 10—21: Diod., XV, 62; Plut. Ages., 30, 7.

46 ... *Агесилай все же отстоял Спарту, хотя она и не была защищена стенами.* — В этом параграфе речь идет о знаменитом вторжении в Лаконию, которое было произведено на рубеже 370—369 гг. беотийцами, аркадянами и их союзниками; возглавляли этот поход фиванские военачальники Эпаминонд и Пелопид. Об отчаянном положении Спарты и действиях Агесилая в тот момент ср. Xen. Hell., VI, 5, 23 слл.; Diod., XV, 62 слл.; Plut. Ages., 31 сл.; Nepos. Ages., 6.

47 *Автофрадат осадил в Ассе Ариобарзана...* — На рубеже 70—60-х годов IV в. в Персии началось очередное сепаратистское движение: от царя Артаксеркса II сначала отложился Датам, сатрап Каппадокии, а затем Ариобарзан, сатрап Геллеспонтской Фригии (366 г.). Подавление мятежа было поручено Автофрадату, сатрапу Лидии, которому должны были помогать правитель Пафлагонии Котис и карийский династ Мавсол. Однако Ариобарзан с помощью афинян и спартанцев (упоминаемая здесь миссия Агесилая) сумел отразить удар (365 г.), после чего восстание охватило почти всю Малую Азию. К мятежникам присоединились Оронт, сатрап Ионии, Мавсол и, наконец, Автофрадат. Восставшие заключили союз с царем Египта Тахом и со Спартою (362 г.). Восстание было подавлено персидским царем лишь к 359/8 г. См.: Diod., XV, 90—92, под 362/361 г.; Nepos. Datam., 5 слл.; ср. также выше, «Киропедия», VIII, VIII, 4 и прим.

48 *Тах* — царь Египта, второй фараон 30-й династии (362—361 гг.); стремясь отстоять независимость своего государства от персов, поддерживал восставших малоазийских сатрапов.

49 ... *Агесилай весьма благосклонно отнесся к приглашению... и предложению взять на себя командование войсками.* — Экспедиция Агесилая в Египет относится к 361 г.

50 ... *требовал освобождения Мессении.* — По условиям Анталкидова мира 387/386 г. греческие города Малой Азии были вновь отданы под власть персидского царя, а все прочие греческие общины были объявлены автономными. Спарта, ставшая при потворстве персов блюстительницей этого мира в Греции, и не подумала, конечно, предоставить автономию подвластной ей Мессении. Последняя обрела независимость лишь в результате беотийского вторжения в Пелопоннес в 370/369 г. Позднее персидская дипломатия в пику Спарте могла подтверждать право мессенцев на автономию ссылкою на условия Царского мира.

51 ... *первого же он поддержал.* — Смута среди египтян началась в тот момент, когда Тах и Агесилай двинулись в Сирию, чтобы поддержать отложившихся от персидского царя малоазийских сатрапов. Сначала вспыхнул мятеж в части египетских войск, которая провозгласила царем двоюродного брата Таха Нектанеба, а затем в Мендесе, в дельте Нила, был провозглашен еще один фараон. В этих условиях Агесилай принял сторону Нектанеба. Оставленный всеми, Тах, в конце концов, бежал к Артаксерксу, а Нектанеб при поддержке Агесилая устранил конкурента и утвердился в качестве египетского царя.

52 ... *отплыл на родину, хотя была уже середина зимы.* — Агесилай отправился обратно на родину зимой 361/360 г. Это путешествие было для него последним: на стоянке в так называемой Менелаевой гавани, на северном побережье Африки, он умер, и спутники доставили в Спарту его тело. Относительно египетской экспедиции и кончины Агесилая ср.: Diod., XV, 92—93; Plut. Ages., 36—40; Nepos. Ages., 8.

53 *Договариваясь... по большей части...* — В тексте — лакуна, пропущено примерно 24 буквы. При переводе учтено дополнение, предложенное И. Г. Шнейдером: οἵτινες συντιθέμενοι ἀλλήλοις τὰ πολλά.

54 *Перс Спифридат...* — Эпизод со Спифридатом, как и упоминаемые ниже два других эпизода с Котисом и Фарнабазом, относится ко времени азиатской кампании Агесилая 396—395 гг. О Спифридате ср.: Xen. Hell., III, 4, 10 и IV, 1, 2 слл.; Hell. Oxy., 21, 3 слл. и 22, 1 Bartoletti; Plus. Ages., 8, 3 и 11, 2 слл.

55 *Котис... не подчинился персидскому царю...* — Ср.: Xen. Hell., IV, 1, 2 слл.; Hell. Oxy., 22, 1—2 Bartoletti; Plut. Ages., II, 1 слл.

56 *Вступил в переговоры... и Фарнабаз...* — Ср.: Xen. Hell., IV, I, 29 слл.; Plut. Ages., 12 сл.

57 *Когда Тифравст стал предлагать ему многочисленные подарки...* — О Тифравсте, который в 395 г. сменил Тиссаферна на посту верховного персидского наместника в Малой Азии, упоминалось уже выше, I, 35; о нем и о его переговорах с Агесилаем ср. также: Xen. Hell., III, 4, 25 слл.; Hell. Oxy., 13 Bartoletti; Diod., XIV, 80, 6—8; Plut. Ages., 10, 5—8; Polyaen., VII, 16, 1.

58 *По его словам, царям Спарты предоставляется двойная порция... для того, чтобы они... могли почтить того, кого они захотят.* — Ср. замечание Ксенофонта об обедах спартанских царей в другом его сочинении — «Лакедемонской политии» (15, 4): «Чтобы цари не питались дома, Ликург предписал им участвовать в общественных трапезах. Он разрешил им получать двойную порцию не для того, чтобы цари ели больше других, а для того, чтобы они могли почтить пищей того, кого пожелают».

59 *Увы, какое горе постигло Элладу!* — Реплика Агесилая относится к результатам битвы при реке Немеи (на границе Коринфа и Сикиона, в июле 394 г.). Известие об этом сражении Агесилай получил во Фракии, когда он спешил из Малой Азии в Грецию на помощь своим соотечественникам (ср. выше, I, 36 слл.). Об этой битве подробнее см.: Xen. Hell., IV, 2, 9—3, 1; Diod., XIV, 83, 1—2. Говоря о потерях сторон, Ксенофонт в «Агесилае» нарочно называет для спартанцев лишь число павших полноправных спартиатов (между тем спартиаты составляли лишь незначительную часть лакедемонского войска), а для их врагов — общее и, конечно, сильно преувеличенное число всех погибших бойцов. Реплику Агесилая приводят также Плутарх (Ages., 16, 6) и Непот (Ages., 5, 2).

60 *...Агесилай отказался его штурмовать.* — Этот эпизод также относится ко времени Коринфской войны; ср. выше, II, 18 сл. Реплику Агесилая повторяет Непот (Ages., 5, 3—4).

61 *...и в старину их царь...* — Имеется в виду Дарий I или Ксеркс; ср. выше, I, 8 и прим.

62 *...и нынешний царь...* — т. е. Артаксеркс II Мнемон.

63 *...содействует заключению такого мира...* — Речь идет об Анталкидовом мире; ср. выше, II, 21 и прим.

64 *...пустился в море* с *целью причинить как можно больше зла варварам.* — Имеются в виду последние экспедиции Агесилая на помощь Ариобарзану и в Египет; ср. выше, II, 26 слл.

65 *...Агесилай письма не принял.* — Об обстоятельствах и времени этого эпизода более ничего не известно. Названный здесь Каллей, возможно, тождествен с лакедемонянином Каллием, о котором Ксенофонт упоминает в «Греческой истории» (IV, 1, 15). Самый эпизод — очевидно, со слов Ксенофонта — упоминают еще Плутарх (Ages., 23, 10; Apophth. Lac. Ages., 69, p. 213 d—e) и Элиан (V. h., X, 20).

66 *...Аристодем, потомок Геракла, когда возвратился на родину.* — Согласно мифологической версии, официально принятой в Спарте, дорийцев привел в Лаконию праправнук Геракла Аристодем и он же первым стал царем в Спарте (ср. Her., VI, 52), по общепринятой же версии Аристодем погиб еще до вторжения дорийцев в Пелопоннес и первыми царями Спарты стали его сыновья — близнецы Прокл и Эврисфен (см., например, Apollodor. Bibl., II, 8; ср. также выше, прим. 1).

67 *...дочь его* (ἡ θυγάτηρ αὐτοῦ)... — Эти слова, отсутствующие в рукописях, впервые были внесены в текст, по указанию И. Казобона, И. К. Цойне в его издании «Агесилая» 1782 г

68 *...на обычном канатре.* — Канатр — повозка с плетеным кузовом (от «канна» — тростник). Ср. свидетельство Плутарха: «Канатром лакедемоняне называют деревянные изображения грифов и полукозлов-полуоленей, в которых они возят своих дочерей во время торжественных шествий» (Plut. Ages., 19, 8, перевод К. П. Лампсакова; ср. также: Hesych., s. v. κάνναι, κάναθρα). Здесь имеются в виду ежегодные процессии в Амиклы на праздник Гиакинтий (ср. выше, II, 17 и прим.). От Плутарха, ссылающегося на официальные спартанские записи, мы знаем, что у Агесилая было две дочери — Эвполия и Ипполита (Plut. Ages., 19, 10).

69 *...показал, что разведение подобных коней свидетельствует только о богатстве, а вовсе не о мужской доблести.* — На конных ристаниях победа присуждалась тому, кто был владельцем колесницы. Богатые люди, которые одни только и могли содержать скаковых лошадей, добивались побед, не участвуя непосредственно в состязании, а используя наемных возниц. Так могла поступить и сестра Агесилая Киниска, которая, по свидетельству Павсания, первая из женщин занялась содержанием скаковых лошадей и одержала победу в Олимпии (Paus., III, 8, 1 сл.; ср. также: Plut. Ages., 20, 1).

70 *...победа в беге колесниц... не увеличит его славы?* — Сходную мысль о том, что честолюбие правителя должно быть направлено не на содержание спортивных колесниц, а на заботу о процветании своего государства, высказывает Ксенофонт и в «Гиероне» (11, 5 слл.).

71 *Достигнув самого преклонного возраста, до которого вообще доживают люди...* — Агесилай достиг 80-летнего возраста; ср. выше, II, 28, а также Plut. Ages., 40, 3.

72 *...он всегда от этого уклонялся...* — О том, что Агесилай не желал, чтобы ему ставили статуи, и даже вообще запрещал создавать свои портретные изображения, свидетельствует и Плутарх (Ages., 2, 4; Reg. et imp. apophth. Ages., 12, p. 191d; Apophth. Lac. Ages, 26, p. 210 d. и 79, p. 215a). Цицерон, рассуждая о преимуществах увековечения средствами искусства или историоописания, справедливо заметил как раз по поводу Агесилая: «Спартанец Агесилай, не дозволивший изобразить себя ни в живописи, ни в изваянии, заслуживает упоминания не менее, нежели те, кто очень старался об этом; ведь одна книжка Ксенофонта, восхваляющая этого царя, легко превзошла все картины и статуи» (Ep. ad fam., V, 12, 7, перевод В. О. Горенштейна).

73 *...славу... когда...* — В тексте — лакуна, пропущено 5 или 6 букв. При переводе учтено дополнение П. Викториуса δόξαν εἴ καὶ μή.

74 *...даже и после смерти своей продолжая служить государству, достиг последнего и вечного пристанища...* — Посмертная услуга Агесилая своему отечеству состояла в доставке в Спарту — вместе с его телом — тех значительных сумм, которые он получил в Египте от Нектанеба; ср. выше, II, 31 и прим.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ*

* Составлен В. Г. Боруховичем и Э. Д. Фроловым. В указатель включены, помимо прочих, имена персонажей «Киропедии» (о них см. стр. 297, прим. 23 к кн. IV «Киропедии»). Цифры, означающие ссылки на главы и параграфы «Агесилая», даются курсивом.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

КСЕНОФОНТ
КИРОПЕДИЯ

Перевод В. Г. Боруховича (кн. I—IV)
и Э. Д. Фролова (кн. V—VIII)

ДОПОЛНЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЯ

КСЕНОФОНТ
КИРОПЕДИЯ

*

Утверждено к печати
Редколлегией серии «Литературные памятники»

*

Редактор издательства
О. К. Логинова

Художник
В. Г. Виноградов

Художественный редактор
Т. П. Поленова

Технический редактор
Н. П. Кузнецова

Корректоры
Л. С. Агапова, Р. С. Алимова

*

Сдано в набор 29/III 1976 г.
Подписано к печати 14/X 1976 г.
Формат 70×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2.
Усл. печ. л. 25.3. Уч.-изд. л. 26,6.
Тираж 50 000. Тип. зак. № 1133
Цена 1 р. 87 к.

*

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 21
1-я типография издательства «Наука»,
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12